

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

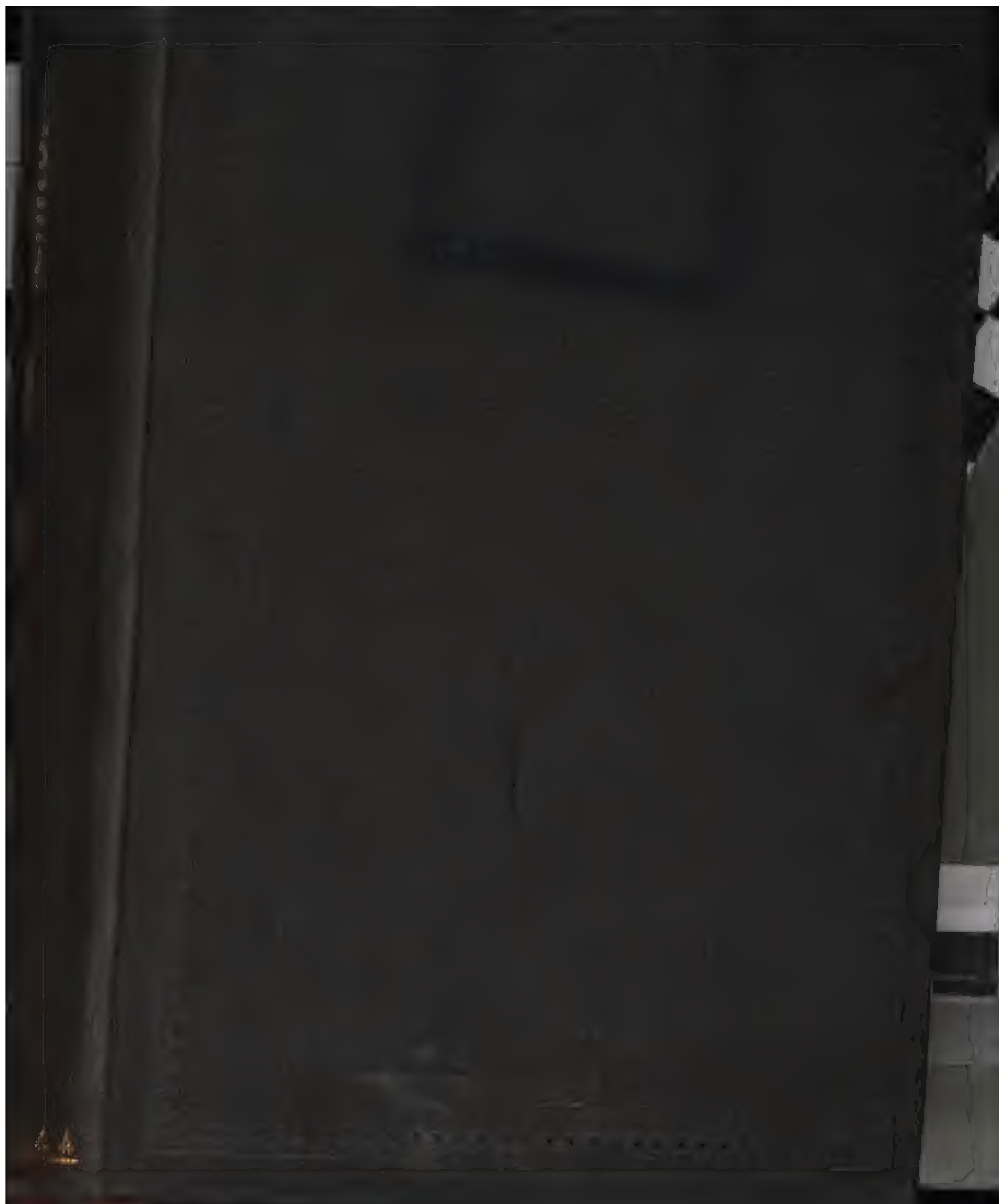
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

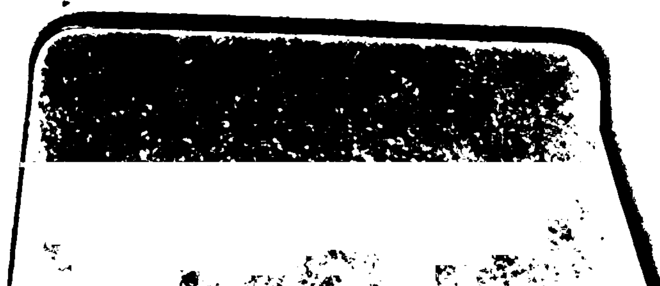
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

XI. 31.

20360/15

ИЗДАНІЕ
ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла.

А. Я. Кониескій.

ЖИЗНЬ УКРАИНСКАГО ПОЭТА ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКА

(Критико-біографическая хроника).

Съ портретами Т. Г. Шевченка и его друзей и видами хаты и могилы его.

1814—1861.

КНИЖНЫЙ
И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО
въ Кіевѣ, Крещатикъ № 29.

ОДЕССА.
Тип. Высочайше утв. Южно-Русск. О-ва Печатн. Дѣла
(Пушкинская ул., соб. д. № 20).
1898.

PG3948
S52676

Дозволено цензурою. Одесса, 15 марта 1898 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Главнѣйшіе источники,

принятые при составленіи этой книги.

1. Автобіографія Т. Г. Шевченка, переписка его и всѣ сочиненія его.
2. Хата—Альманахъ 1860 г. Спб.
3. „Основа“, Южно-русскій журналъ 1861 — 62 г. Спб.
4. Taras Szczewczenko, życie i pisma jego. Gwido Botaglia Lwów. 1865.
5. Т. Г. Шевченко. В. Маслова. Москва, 1874.
6. Жизнь и произведенія Тараса Шевченка. М. Чалый. Кіевъ, 1882.
7. Воспоминанія о Шевченкѣ. А. Афанасьева. Спб. 1861.
8. Правда. Львовъ. 1867 — 69; 1873 — 1879; 1888 — 1894.
9. Зоря. Львовъ. 1886 — 1897.
10. Записки Науков. Т-ва им. Шевченка. Томъ I — XVIII.
11. Кіевская Старина 1882 — 1898.
12. Русская Старина 1877 — 1880, 1884 — 1892 и 1896.
13. Русскій Архивъ 1864, 1887, 1890 — 1892, 1898.
14. Истор. Вѣст. 1886, № 1; 1889, № 10; 1896, № 6.
15. Русская Мысль. 1885, № 5 и 6.
16. Вѣстникъ Европы. 1883, № 8; 1888, № 3.
17. Кіевскій Телеграфъ 1875, № 25.
18. Вѣстникъ Юго-Западной Россіи. Кіевъ 1863, № 3 и 10.
19. Пчела. 1875, 1876 и 1878. Спб.
20. Древняя и Новая Россія. Спб. 1875, № 6.
21. Современникъ. 1860 — 61. и Время. 1861, № 4.
22. Литературное Наслѣдіе Костомарова. Спб. 1890.
23. Хуторна Поэзія, Кулиша. Лв. 1880.
24. Церковныя метрики села Кириловки и м. Лысянки.
25. Украинская Старина, Данилевскаго. Харьковъ, 1866.
26. П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892.
27. Переписка автора съ лицами, знавшими Шевченка лично; наконецъ, 58 менѣе важныхъ печатныхъ источниковъ.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Вмѣсто предисловія.

Со дня смерти Т. Г. Шевченка проходитъ уже тридцатъ восьмой годъ, а у насъ не имѣется сколько-нибудь подробной біографіи этого, по справедливому выраженію покойнаго Аполлона Григорьева, «послѣдняго кобзаря и перваго великаго поэта новой великой литературы славянскаго міра» [1]. Достойно вниманія и то, что оцѣнка произведеній Шевченка появилась впервые за границей, да и впослѣдствіи въ этомъ отношеніи иностранцы сдѣлали, къ стыду нашему, гораздо болѣе, нежели мы. Правда и то: написать біографію Шевченка, а тѣмъ болѣе сдѣлать всестороннюю критическую, безпристрастную оцѣнку его поэтическихъ произведеній—значитъ написать исторію культуры и просвѣщенія въ Россіи вообще и въ частности на Украйнѣ за столѣтіе, начиная съ пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. «Исторія моей жизни,—вполнѣ справедливо сказалъ самъ Шевченко,—составляетъ часть

---

[1]) *Время* 1861 г., апрѣль.

исторіи моей родины». Дѣйствительно, съ именемъ Шевченка тѣсно, неразрывно связана во всѣхъ отношеніяхъ судьба его народа. «Народъ какъ бы избралъ Шевченка,—говоритъ покойный Костомаровъ,—пѣть вмѣсто себя» и повѣдать цивилизованному міру свое горе, свои печали, свои бѣдствія, уничтоженныя отчасти лишь 19 февраля 1861 г. Пѣсня высоко-художественной поэзіи Шевченка есть «пісня-слезы» закрѣпощеннаго и поверженнаго въ тьму кромѣшную народа. Нельзя указать другого поэта въ исторіи всемірной литературы, который былъ бы къ народу болѣе близокъ *во всѣхъ* отношеніяхъ, болѣе понятенъ народу,—болѣе, такъ сказать, народенъ, чѣмъ Шевченко. Какъ бы высоко въ своихъ произведеніяхъ ни поднимался Шевченко въ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ гуманности, онъ нигдѣ не отрывается отъ народа, нигдѣ не теряетъ своей народности, онъ вездѣ и всегда глубоко и истинно народенъ, потому что онъ родился и выросъ на почвѣ народной исторіи; онъ сосредоточилъ въ себѣ всѣ дурныя и хорошія свойства своего народа, въ немъ выразилась вся національно-народная душа. Вотъ почему въ средѣ народной массы ни одинъ поэтъ не былъ такъ понятенъ, какъ Шевченко, и такъ популяренъ «подъ сельскою стріхой» (кровлей), какъ онъ. Но при всемъ томъ слава Шевченка и популярность его имени и произведеній далеко еще не достигли своего зенита, вслѣдствіе многихъ не*благо*пріятныхъ внѣшнихъ условій, какъ, наприм., *невѣжества народной* массы и т. п., и т. п.

Совершенно понятно, что для написанія біографіи такой выдающейся личности, вышедшей изъ темной закрѣпощенной массы «мужиковъ», тѣмъ болѣе для оцѣнки его произведеній въ связи съ исторіей культуры —у насъ не настало еще время. Но можно и должно сдѣлать хотя опытъ критическаго изслѣдованія того біографическаго матеріала о Шевченкѣ, который въ продолженіе тридцати семи лѣтъ появлялся на страницахъ русской, а отчасти и иностранной печати, и который, все-таки, далеко еще не весь опубликованъ.

Первыя свѣдѣнія о жизни Шевченка явились въ печати въ журналѣ покойнаго Александра Александровича Оболенскаго, *Народное Чтеніе*, гдѣ въ февральской книжкѣ 1860 г. было напечатано коротенькое автобіографическое письмо Шевченка къ редактору, помѣченное 18 февраля 1860 г. Черезъ годъ послѣ этого письма, именно 26 февраля 1861 г., Шевченко умеръ, и съ тѣхъ поръ началъ появляться въ печати біографическій матеріалъ, разбросанный по весьма многимъ періодическимъ изданіямъ, изъ которыхъ многія сдѣлались теперь библіографическою рѣдкостью. Прежде всего, въ *Основѣ* 1861 и 1862 гг. были напечатаны матеріалы, собранные А. М. Лазаревскимъ и М. К. Чалымъ, и *Дневникъ* поэта, веденный имъ нѣкоторое время не задолго до смерти. Дневникъ или записки представляютъ драгоцѣнный біографическій матеріалъ; но, къ сожалѣнію, *Основа* не могла напечатать его дословно. Въ богатой коллекціи В. В. Тарновскаго хранится подлинникъ этого Днев-

ника; за границей, въ переводѣ на языкъ украинскій, онъ и автобіографическая повѣсть Шевченка «Художникъ» изданы въ 1895 г., какъ третій томъ «Кобзаря».

За прекращеніемъ *Основы* прекратилось было оглашеніе матеріаловъ для біографіи Шевченка, пока въ 1874 г. редакція *Грамотея* не издала въ Москвѣ краткаго очерка жизни Шевченка, составленнаго В. П. Масловымъ. При всей своей краткости, трудъ Маслова имѣетъ ту важную заслугу, что онъ оживилъ, такъ сказать, воспоминанія о Шевченкѣ и вызвалъ новыя оглашенія переписки поэта съ друзьями и знакомыми. Послѣ того въ 1876 г. было издано въ Прагѣ два тома произведеній Шевченка и при нихъ воспоминанія о поэтѣ Н. И. Костомарова, И. С. Тургенева, Я. П. Полонскаго и М. Микѣшина; но всѣ эти воспоминанія не давали ничего, или почти ничего, новаго для подробнаго освѣщенія дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ геніальнаго пѣвца Украйны. Вмѣсто очерка жизни Шевченка, издатели пражскаго *Кобзаря* ограничились перепечаткою названнаго выше автобіографическаго письма къ Оболенскому. Текстъ произведеній Шевченка въ этомъ *Кобзарѣ* не провѣренъ; музѣ Шевченка приписали чужія и, притомъ, весьма плохія произведенія, какъ, наприм., стихотворенія Аѳанасьева-Чужбинскаго и Петренка, напечатанныя въ харьковскихъ альманахахъ еще въ сороковыхъ годахъ. Наконецъ, въ 1882 г. въ Кіевѣ *М. К.* Чалый издалъ объемистую, въ 280 страницъ, книгу, озаглавивъ ее совершенно правильно

Сводомъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. Трудъ г. Чалова вновь вызвалъ приливъ, по преимуществу на страницахъ *Кіевской Старины*, новыхъ воспоминаній о Шевченкѣ, оглашеніе новыхъ его писемъ и фактовъ его жизни. Такимъ образомъ, въ настоящее время представляется уже *нѣкоторая*, далеко, конечно, не полная возможность сдѣлать критическую оцѣнку опубликованныхъ біографическихъ матеріаловъ и составить если не подробную біографію Шевченка, то хотя нѣчто близкое къ ней, критико-біографическую хронику.

Но предварительно надо сказать нѣсколько, разумѣется, самыхъ краткихъ словъ о состояніи украинско-русской литературы до Шевченка, ибо такое чрезвычайно крупное литературное явленіе, какъ Шевченко, и такой успѣхъ и вліяніе его музы находятся, прежде всего, въ прямой и неразрывной зависимости отъ той исторической почвы, которая взростила и Шевченка, и его музу.

Извѣстно, прежде всего, что украинско-русская устная народная словесность, думы и пѣсни, роскошно-богата и величественно-прекрасна, какъ роскошна и прекрасна природа Украйны, какъ величественна ея исторія. Богатство и разнообразіе содержанія и идейности, свѣжесть и художественность образовъ, высота духа, глубина чувства, изящество формъ народной рѣчи — вотъ главные элементы украинскихъ народныхъ *думъ и пѣсенъ*.

Писаная словесность южно-русская еще въ XII вѣкѣ оставила намъ всѣмъ извѣстное высоко-художественное поэтическое произведенiе *Слово о полку Игоревѣ*.

И мы, основываясь на этихъ памятникахъ народнаго творчества, смѣло можемъ сказать, что украинско-русская литература, развиваясь естественнымъ прогрессивнымъ путемъ, въ своемъ развитiи, навѣрное, опередила бы многiя литературы другихъ народовъ, если бы развитiе ея не встрѣчало на своемъ пути внѣшнихъ препятствiй, часто неодолимыхъ. Препятствiя эти, начавшись еще въ XIII вѣкѣ, усиливались постепенно, особенно въ началѣ второй половины XVIII вѣка, и не устранены еще вполнѣ и въ настоящее время, а кое-гдѣ, перемѣнивъ лишь форму, оказываютъ свое гнетущее влiянiе, еще болѣе, чѣмъ когда-либо, подтачивая главные корни русской культуры.

Въ давнее время и даже еще въ началѣ XVIII вѣка главнѣйшимъ препятствiемъ къ развитiю украинско-русскаго народнаго слова были, прежде всего, почти безпрерывныя внѣшнiя войны съ сосѣдями и внутреннiя междоусобицы на Украйнѣ. На защиту «волi i вiри» и нацiонально-народнаго бытiя, на защиту, разумѣется, грубою матерiальною силою, край отдавалъ всѣ свои лучшiя силы; объ оборонѣ другою силою,— силой духовной, орудiемъ культуры,—въ тѣ времена мало кто заботился на Украйнѣ, хотя къ тому и видимъ стремленiе еще въ началѣ XVII вѣка въ лицѣ извѣстнаго митрополита Петра

Могилы, а позднѣе въ томъ же столѣтіи въ лицѣ гетмана Ивана Выговскаго, который, подъ вліяніемъ европейски образованнаго Немирича, требовалъ отъ Польши организаціи на Украйнѣ высшихъ учебныхъ заведеній и признанія свободы книгопечатанія.

По прекращеніи войнъ, доведшихъ богатый хлѣбородный край до величайшаго экономическаго обѣднѣнія народной массы и до страшнаго голода, постигшаго Украйну во время гетманства Ивана Мазепы, начинается мало-по-малу измѣненіе соціальнаго и экономическаго быта. Духовенство утрачиваетъ свое просвѣтительное значеніе; руководимая имъ схоластическая школа, разъединенная съ народною массой языкомъ, не оказываетъ и не могла оказывать благотворнаго содѣйствія къ успѣшному развитію литературы. Далѣе наступаетъ полная оторванность отъ народа, полное разъединеніе съ нимъ почти всей интеллигенціи. Наступили такія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ интересы высшихъ классовъ населенія сдѣлались діаметрально-противуположными интересамъ массы. Невѣжество народной массы сдѣлалось интересомъ высшихъ сословій— дворянства, а отчасти, хотя не поголовно, и духовенства.

Разъединеніе народа съ дворянствомъ и діаметральная противуположность интересовъ ихъ на правобережной Украйнѣ произошли гораздо ранѣе, нежели на лѣвобережной. Правобережные высшіе классы украинско-русскаго населенія, соблазняемые привилегіями польскихъ

пановъ-католиковъ, отреклись отъ вѣры и языка предковъ, окатоличились и ополячились, пренебрегли народнымъ языкомъ и тѣмъ самымъ не только денаціонализировались, но стали во враждебное отношеніе къ народу и, конечно, не имѣли никакого побужденія заботиться о просвѣщеніи массы, а тѣмъ болѣе о развитіи науки и литературы на языкѣ «хлопа». Интеллектуальныя силы ополяченныхъ украинцевъ обогащали польскую литературу.

На лѣвомъ берегу Украйны окончательное разъединеніе высшихъ классовъ съ народомъ произошло во второй половинѣ XVIII вѣка вслѣдствіе превращенія «старшины» въ дворянство и еще болѣе вслѣдствіе введенія крѣпостнаго права. И здѣсь, какъ и на правомъ берегу, дворянство, да и вообще интеллигенція утратили тотъ органъ, который, прежде всего и *больше всего*, связываетъ народную темную массу съ просвѣщенными классами: я разумѣю народный языкъ, этотъ могущественный и единственно-вѣрный, незамѣнимый проводникъ свѣта и культуры сверху внизъ. Такимъ образомъ, на Украйнѣ образовалось два языка: «панській» — языкъ господъ и «хлопскій», «мужичій» —языкъ народа. Это двоязычіе было причиной и другого зла: оно при всякомъ сношеніи «пана» съ «мужикомъ» напоминало послѣднему о порабощеніи его первымъ и поддерживало, не давало остывать естественной, но крайне нежелательной и вредной *враждѣ двухъ сословій*.

Такимъ образомъ, ко второй половинѣ XVIII вѣка народная масса на Украйнѣ была порабощена панами. Благосостояніе края упало во всѣхъ отношеніяхъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ не могла не только развиваться, но и существовать мѣстная литература. Ни производить, ни воспринимать ее было не кому: однимъ— вслѣдствіе денаціонализаціи, другимъ — вслѣдствіе крайняго невѣжества.

Но вотъ въ самомъ концѣ XVIII в., въ самый разгаръ царенія рабства и невѣжества народнаго, забытое украинское народное слово заявляетъ о своемъ существованіи, о своемъ правѣ на бытіе и развитіе устами діаконскаго сына Ивана Котляревскаго, его «перелицованною» *Енеидою Виргилія*, столѣтіе которой наступаетъ въ 1898 г., и его оригинальною *Наталкою-Полтавкою*. Вслѣдъ за Котляревскимъ выступаютъ и другіе писатели съ беллетристическими произведеніями на народномъ языкѣ: Боровиковскій, Квитка, профессора (впослѣдствіи) Гулакъ-Артемовскій, Бодянскій, Костомаровъ и другіе. Произведенія ихъ хотя и были встрѣчены сочувственно въ главныхъ центрахъ Украйны, но они не оказали большого вліянія на пробужденіе интеллигентныхъ силъ къ работѣ на полѣ возрожденія мѣстной литературы; въ массу же народа произведенія названныхъ писателей почти не проникли въ то время. Неграмотная масса не могла ихъ читать, а если изъ тысячи народа и былъ одинъ-другой грамотенъ, то книжка для него *была недоступна* по своей дороговизнѣ.

Причиною слабаго вліянія на интеллигенцію произведеній Котляревскаго, Квитки и другихъ украинскихъ писателей вплоть до Шевченка, было, между прочимъ, еще и то, что произведенія тѣ, при многихъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, не лишены были и крупныхъ недостатковъ: они не были достаточно прогрессивны, не были настолько идейны, чтобы «возжечь сердца глаголомъ». Само собою разумѣется, что украинскихъ писателей XIX в. до Шевченка нельзя упрекать за то, что они не вывели въ своихъ произведеніяхъ на первое мѣсто мужика, какъ главнаго «сѣятеля и кормителя», не показали публикѣ первостепенныхъ, жгучихъ, общечеловѣческихъ нуждъ и потребностей мужика; нельзя, говорю я, осуждать писателей за то, что они были дѣтьми только своего времени и не опередили его. Не надо забывать, что въ то время, и въ странахъ несравненно болѣе цивилизованныхъ и съ большею культурой, поэты въ своихъ произведеніяхъ не занимались мужикомъ въ указанномъ мною смыслѣ. Хотя въ то время на горизонтѣ европейской литературы блистали такіе геніи слова, какъ Байронъ въ Англіи, Мицкевичъ у поляковъ, Пушкинъ въ Россіи, но много ли въ ихъ произведеніяхъ встрѣтите героевъ изъ мужиковъ? Много ли въ нихъ *народнаго* (не въ національномъ лишь смыслѣ)? У кого изъ нихъ найдете указаніе на необходимость освобожденія народной массы отъ рабства духовнаго, экономическаго? Во-вторыхъ, когда *одинъ изъ украинскихъ* писателей первой чет-

верти XIX вѣка. Гулакъ-Артемовскій, попробовалъ въ художественной сатирѣ представить бытъ и положеніе крѣпостного *человѣка*, то долженъ былъ прикрыть этого человѣка шкурою собаки «Рябка». Но и въ этомъ замаскированномъ видѣ не прошелъ «Рябко» безнаказанно: крѣпостники подняли такой вой, что поэтъ долженъ былъ замолчать и молча заглушить въ себѣ человѣческія страданія за участь милліоновъ «Рябковъ».

Когда позднѣе, уже въ другой четверти текущаго столѣтія, появился мужикъ въ произведеніяхъ западно-европейской литературы, то, почти одновременно съ Ауэрбахомъ, отозвались и на Украйнѣ голоса за «мужика-крипака» (крѣпостного); это былъ голосъ ясный, опредѣленный, сильный и тѣмъ болѣе могучій, что онъ былъ не просто голосъ писателя, но стонъ, вопль писателя изъ убогой темной избы крѣпостного крестьянина. Это былъ голосъ поэта-мужика, испытавшаго на собственной спинѣ всѣ ужасы крѣпостного ярма, все варварство человѣка надъ человѣкомъ; это былъ поэтъ, у котораго не было ни одного мускула, ни одного нерва, не болѣвшаго болью коллективной народной души. Поэтъ этотъ былъ Шевченко. Ему суждено было сдѣлаться геніемъ украинско-русскаго народнаго слова,—обновить его не только художественно, но и идейно, и украинскую литературу ввести въ семью не только славянскихъ, но и европейскихъ литературъ.

Поэтическія произведенія Шевченка заняли *высокое мѣсто не* только своею художествен-

ностью, но и своею идейностью; слово его «не ветхее, не древле слово, разтлiннее» (не старое, древнее, растлѣнное), но слово новое:

„Неначе срiбло куте-бите
I семикрати перелите
Огнем в горнилi",—

то слово, которое поставлено «на стражѣ» возлѣ

„Людей закованих моiх,
Убогих, нищих
Малих отих рабiв нiмих",

для того, чтобы «люд окрадений» спасти. Вотъ это-то *новое* слово дѣйствительно

„Огнем заговорило,
I людям серце розтопило
I по Українi пронеслось".

И послѣ этого *слова* дѣйствительно уже съ полною увѣренностью можно повторить за Шевченкомъ, что украинско-русское слово «не вмре, не поляже».

Но о значенiи Шевченка, какъ поэта вообще, не только нацiональнаго, но общечеловѣческаго, не теперь рѣчь, а теперь я займусь только группировкой и обозрѣнiемъ матерiаловъ, относящихся къ жизни генiя украинскаго слова.

Но прежде скажемъ, что предлагаемый трудъ мой очень далекъ отъ бiографiи въ широкомъ значенiи этого слова. Трудъ мой не болѣе, какъ критико-бiографическая хроника.

Я не считалъ возможнымъ касаться критическаго анализа произведенiй Шевченка, во-первыхъ потому, что такой работѣ долженъ пред-

шествовать особый трудъ, изображающій исторію творчества поэта; во-вторыхъ потому, что лучшія произведенія Шевченка, какъ «Кавказъ», «Марія» и др., у насъ не были еще напечатаны, а потому и разбирать ихъ критически не удобно во всѣхъ отношеніяхъ.

Наконецъ, при полной біографіи Шевченка необходимо привести указатели: а) всей литературы въ Россіи и за границей о поэтѣ и его произведеніяхъ; b) всѣхъ переводовъ на другіе языки произведеній Шевченка и с) всѣхъ произведеній поэта, положенныхъ на музыку, и всѣхъ рисунковъ его.

Но для полной библіографіи Шевченка — недостаетъ еще и фактическаго матеріала, хранящагося въ архивахъ Кіева, Петербурга и Оренбурга, да и вообще не настало еще время для всесторонняго подробнаго описанія жизни такого выдающагося человѣка и поэта, какъ Т. Г. Шевченко...

Дѣтство и Отрочество Т. Г. Шевченка.

....Як побачу
Малого хлопчика в селі,
Мов одірвалось од гіллі—
Одно однісеньке під тином
Сидить собі въ старій раднині,
Мені здається, що се я,
Що се ж та молодість моя" [1]).

Шевченко: „Кобзарь", т. I, стр. 233.

I.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко-Грушивскій родился въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Изъ всѣхъ двѣнадцати уѣздовъ Кіевской губерніи уѣздъ Звенигородскій выдѣляется своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и однородностью въ этнографическомъ и соціально-экономическомъ отношеніи господствующей массы населенія. Пространство уѣзда не велико: около 63 кв. миль, большею частью прекраснаго плодороднаго чернозема.

Отроги Карпатскихъ горъ, поднимающіеся до 700 футовъ, перерѣзываютъ уѣздъ съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ; поэтому и по-

---

[1]) „Когда увижу въ деревнѣ маленькаго мальчика, словно оторвался онъ отъ вѣтки: сидитъ онъ одинъ-одине*шенекъ въ рубищѣ* подъ заборомъ,—мнѣ кажется, что это *я; что это и есть моя молодость*".

верхность уѣзда возвышенная, мѣстами гористая, а вообще волнообразная, усѣянная курганами, бархатистыми долинами и оврагами, поросшими лиственными лѣсами. Въ настоящее время лѣса значительно истреблены; но лѣтъ пятьдесятъ назадъ, по словамъ старожиловъ, лѣса, особенно въ окрестностяхъ мѣстечка Ольшаной, были густые, съ вѣковыми деревьями. По характеру и красотѣ своей поверхности Звенигородскій уѣздъ представляетъ нѣчто среднее между лѣсистою и степною мѣстностью. Здѣсь не услышите стонущаго во время бури лѣсного рева, не испытаете того угнетающаго, подавляющаго вліянія, которое производитъ на васъ во время лѣтней жары рыжая, выжженная, безмолвная, словно мертвая пустыня—новороссійская степь. Прекрасна степь въ апрѣлѣ, даже въ первой половинѣ мая; но она ужасна въ іюлѣ, въ августѣ, когда ни на землѣ, ни подъ землею вы не видите ничего живого, воздухъ раскаленъ и неподвиженъ, солнце жжетъ немилосердно, какъ-то безпощадно жестоко... Нѣтъ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ не то: здѣсь вся природа какая-то мягкая, добрая, ласкающая и нѣжащая сердце, наполняющая душу лиризмомъ и желаніемъ жить въ мирѣ и любви съ людьми, съ природою и съ самимъ собою, и, любя людей, жить для нихъ... Въ особенности живописенъ сѣверо-восточный уголъ Звенигородскаго уѣзда отъ границы Каневскаго уѣзда къ мѣстечку Ольшаной. Уголъ этотъ заселенъ густыми многолюдными деревнями, окутанными сада-

ми. Не такъ еще давно населеніе этой мѣстности занималось, кромѣ обычнаго земледѣлія, чумачествомъ, пчеловодствомъ и садоводствомъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги чумачество, естественно, не могло выдержать конкурренціи пара и прекратилось. Аграрныя причины сильно вліяли на упадокъ садоводства и пчеловодства.

Еще одна особенность этого уголка, какъ и сосѣдняго съ нимъ угла Каневскаго уѣзда: это — распространенная между населеніемъ, въ особенности между низшимъ духовенствомъ, любовь къ занятію иконописаніемъ или, вѣрнѣе, вообще къ живописи. Впрочемъ, въ послѣдніе годы и эта профессія весьма значительно упала, а не далеко еще то время, когда чуть не каждая деревня имѣла своего и таки порядочнаго маляра. Изъ этихъ мѣстъ вышелъ не одинъ художникъ, вродѣ Н. М. Сошенка. Замѣчательно, что и въ средѣ племянниковъ Шевченка возникла страсть къ живописи и одинъ изъ нихъ, кажется, уже поступилъ, а другой готовится въ академію художествъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить къ характеристикѣ уголка двухъ уѣздовъ, о которомъ я говорю, что въ теченіе послѣдняго вѣка и наука, и литература имѣли уроженцевъ изъ этой же мѣстности: наприм., тотъ же Гулакъ-Артемовскій, о которомъ упомянуто выше, братья Ѳ. Г. и П. Г. Лебединцевы (первый изъ нихъ былъ основателемъ *Кіевской Старины*, для которой не мало поработалъ). Извѣстный украинскій романистъ И. С. Левицкій —уроженецъ того же уголка.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что Звенигородскій уѣздъ, особенно окрестность возлѣ мѣстечка Лысянки, извѣстнаго еще во времена татарскихъ набѣговъ, былъ не одинъ разъ театромъ кровавыхъ историческихъ событій, особенно событій 1768 г., въ которыхъ принимали участіе и ближайшіе изъ предковъ нашего поэта, напр. дѣдъ его Иванъ.

Вотъ въ этомъ-то живописномъ углу есть двѣ деревни: Моринцы и Кириловка, которыя на вѣки связаны съ украинско-русскою литературой и имена которыхъ не забудутся до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать украинско-русское слово, пока будетъ звучать украинская пѣсня. Въ началѣ XVIII в. обѣ эти деревни входили въ составъ (ключъ) огромнѣйшихъ ольшанскихъ имѣній коронной хорунжины княгини Яблоновской. Поселенія Моринцы и Кириловка возникли не позже XVII столѣтія; такъ я заключаю изъ того, что въ 1730 г. въ Моринцахъ уже было 30 крестьянскихъ дворовъ, а въ Кириловкѣ въ 1741 г. было 130 избъ съ населеніемъ въ 900 душъ. Наконецъ, въ обѣихъ деревняхъ во 2-й половинѣ XVIII в. были уже церкви. Впослѣдствіи ольшанскія имѣнія перешли въ собственность къ племяннику извѣстнаго Потемкина, Василію Энгельгарду, а съ 1830 г. къ сыну послѣдняго, полковнику гвардіи Павлу Энгельгарду. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ владѣльцемъ Кириловки былъ Флорковскій, но послѣ уничтоженія крѣпостного права имѣнія его проданы *съ публичныхъ* торговъ за долги.

Между крѣпостными крестьянами Василія Энгельгарда, въ селѣ Кириловкѣ, въ началѣ нашего столѣтія была семья Григорія Грушивскаго-Шевченка. Родъ Грушивскихъ и Шевченковъ въ Кириловкѣ очень давній. Къ сожалѣнію недостатокъ церковныхъ метрикъ до 1806 г. лишилъ меня возможности привести родословную Шевченковъ-Грушивскихъ со времени появленія ихъ въ Кириловкѣ. Въ V т. «Записокъ Наук. Товариства имени Тараса Шевченка» опубликованъ документъ—просьба жителей села Кириловки, поданная Переяславскому епископу Гервасію въ 1767 году. На просьбѣ между 80 подписавшимися посполитыми на 10 мѣстѣ встрѣчаемъ имя Григорія Грушивскаго, а ниже Захарія и Евстратія Шевченковъ. Безъ всякаго сомнѣнія, отъ бракосочетанія членовъ этихъ фамилій и произошли Грушивскіе-Шевченки. Въ исповѣдной росписи 1806 г. семья Ивана Шевченка, и въ ней сынъ Григорій—отецъ нашего поэта,—показана просто Шевченками; но въ тѣхъ же росписяхъ 1810, 1816 и далѣе та же семья Григорія — уже показана съ двойной фамиліей; затѣмъ въ началѣ 20-хъ годовъ въ записяхъ о бракосочетаніи сестры нашего поэта Катерины Григорьевны и о смерти матери его Катерины Акимовны—онѣ записаны съ одной фамиліей—Грушивскихъ. Къ концу же 20-хъ годовъ въ метрическихъ книгахъ послѣдняя фамилія отпадаетъ и остается одна—Шевченко.

Отецъ нашего поэта, Григорій, кромѣ земледѣлія, *занимался* чумачествомъ (извозомъ) и

стельмашествомъ. Женившись на дочери посполитого изъ села Моринецъ, Акима Бойка, Катеринѣ, онъ первые годы послѣ женитьбы жилъ вмѣстѣ съ родителями въ селѣ Кириловкѣ; но потомъ, не позднѣе 1813 г., переѣхалъ въ Моринцы, въ усадьбу, пріобрѣтенную ему тестемъ и принадлежавшую прежде крестьянину Копію.

Въ Моринцахъ 25 февраля 1814 года Катерина Акимовна родила сына Тараса, котораго 28 февраля окрестилъ священникъ Иванъ Базаринскій. Воспріемникомъ былъ посполитый села Маринецъ Григорій Дяденко[1]).

Недолго, однако, Григорій Шевченко жилъ въ Моринцахъ. Въ церковныхъ книгахъ 1817 г. семья его записана уже въ Кириловкѣ; слѣдовательно, переселеніе произошло не позднѣе 1816 г. О причинѣ переселенія сообщенъ мнѣ нѣсколькими лицами устно и письменно слѣдующій разсказъ.

Копій, въ усадьбѣ коего поселился Шевченко, былъ отданъ владѣльцемъ за дурное поведеніе въ солдаты или сосланъ въ Сибирь, откуда бѣжалъ и организовалъ въ лѣсахъ возлѣ Моринецъ и Кириловки шайку разбойниковъ. Онъ постоянно производилъ ночныя нападенія на усадьбу Шевченка, грабя у него овецъ, скотъ, лошадей; наконецъ, пригрозилъ сжечь усадьбу, если онъ не оставитъ ея и не переселится обратно въ Кириловку. Шевченко вынужденъ былъ подчиниться. Отецъ и тесть его, видя не-

[1]) Метр. *книги Моринецкой* церкви о родившихся въ *1814 г.*

возможность избавиться отъ Копія, купили за 200 р. ассиг. усадьбу Тетерюка въ Кириловкѣ и переселили туда Григорія.

Въ этой усадьбѣ и провелъ нашъ поэтъ свое дѣтство и отрочество, пока въ 1829 г. не былъ взятъ въ «козачки» къ владѣльцу.

Во всей жизни Шевченка менѣе всего извѣстны его дѣтство и юность до переѣзда его въ Петербургъ. Вполнѣ достовѣрнаго біографическаго матеріала за это время весьма мало: самъ поэтъ, кромѣ коротенькаго письма къ Оболенскому, оставилъ немного воспоминаній о своемъ дѣтствѣ и юности, да и они разбросаны въ его стихотвореніяхъ и разсказахъ. Впослѣдствіи, по освобожденіи уже изъ крѣпостной зависимости, поэтъ хотя «ни передъ кѣмъ не стыдился своего происхожденія, но не любилъ много говорить о немъ, и многое, что онъ высказывалъ, излагалось всегда съ недомолвками» [1]. При всей своей разговорчивости и любезности, поэтъ, по словамъ Аѳанасьева-Чужбинскаго [2], знавшаго его еще въ началѣ 40-хъ годовъ, не любилъ высказываться и вообще въ немъ была какая-то скрытность.

Воспоминанія о дѣтствѣ и юности поэта, записанныя отъ его братьевъ и сестеръ, людей неграмотныхъ, записанныя уже послѣ его смерти, не могли быть вполнѣ точными, ясными и подробными. О воспоминаніяхъ стороннихъ людей,

[1]) *Кобзарь* 1876 г., стр. VII: „Воспоминанія Костомарова“.

[2]) *Русское Слово* 1861 г.

которые помнили бы дѣтскіе и отроческіе годы Шевченка, не могло и не можетъ быть и рѣчи. Кто тамъ старался замѣчать и помнить какого-то оборвыша, сироту, мальчугана-пастуха?! Вотъ, напримѣръ, что говоритъ П. Г. Лебединцевъ [1]: «Хотя я часто бывалъ въ домѣ отца Григорія Кошицы (у котораго служилъ Тарасъ Григорьевичъ, исполняя обязанности хлопця-погонича, присматривавшаго за скотиной и запрягавшаго буланую, широкохвостую кобылу его) и ѣздилъ (въ Богуславъ) на оной кобылѣ, но, къ сожалѣнію, не примѣтилъ я тогда ея погонича (кучера), въ душѣ котораго таился поэтическій геній».

Зная, что родители Тараса Григорьевича были крѣпостные крестьяне, зная, какъ въ то время крестьяне вообще были обременены работами и трудомъ не на себя, легко представить себѣ жизнь родителей поэта. Они не могли представлять исключенія изъ массы въ смыслѣ лучшей матеріальной обстановки или большей свободы отъ труда не на себя. Жили они, конечно, въ бѣдности, на работѣ съ утра до ночи А семья Григорія Шевченка, состоящая, наприм., въ 1822 г. изъ 8 человѣкъ, не имѣла, кромѣ отца и матери, ни одного взрослаго работника или работницы; старшему изъ дѣтей шелъ только 14-й годъ. Жили они въ убогой старой избѣ, съ почернѣвшею соломенною крышей [2]. Въ этой

---

[1]) *Кіевская Старина* 1882 г. сентябрь.

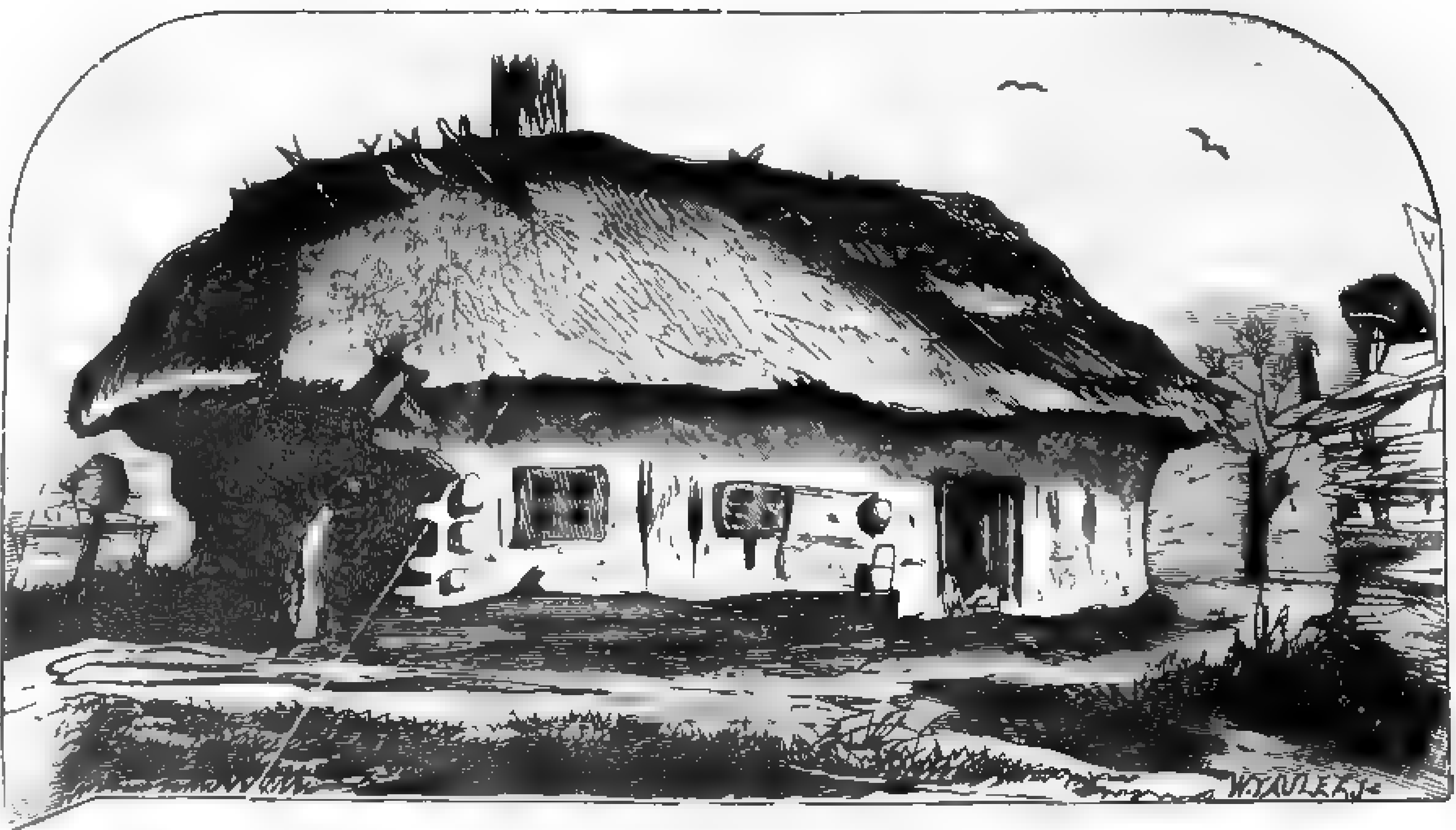
[2]) *Повѣсти Т. Г. Шевченка* (на великорусскомъ языкѣ). *Кіевъ, 1888 г., стр. 660 (Княгиня).*

избѣ, по словамъ нашего поэта, была «неволя». Тяжкая робота не давала времени даже на молитву [1]). Тамъ, въ этой избѣ, царствовали «нужда и праця» (трудъ), тамъ поэтъ видѣлъ адъ («бачивъ пекло»). Всѣ эти явленія при существованіи крѣпостного права были обычныя, такъ сказать, врожденныя рабству, и среди нихъ-то выросталъ геній украинско-русскаго слова, — выросталъ, можно сказать, безъ всякаго присмотра и попеченія. Кому же было смотрѣть и заботиться о немъ? Мать, конечно, ежедневно на барщинѣ, оторванная отъ избы и дѣтей; кромѣ того, у нея было еще трое дѣтей, моложе Тараса, всѣ почти погодки; весьма естественно, что имъ, какъ младшимъ, мать удѣляла больше вниманія. Къ счастію, у Тараса Григорьевича была сестра Екатерина, лѣтъ на восемь старше его; она-то и была его воспитательницею, его «няней незабвенною, терпѣливою, нѣжною» [2]).

Не говоря, конечно, о воспитаніи въ томъ смыслѣ, какъ понимается это въ приложеніи къ дѣтямъ людей интеллигентныхъ, невозможно не остановиться на вопросѣ о простомъ физическомъ присмотрѣ. Екатеринѣ Григорьевнѣ было, напримѣръ, едва 13 лѣтъ въ то время, когда нашему поэту шелъ 6-й годъ; на рукахъ у нея были и «хатне» (домашнее) дѣло, и всѣ младшіе братья и сестры. Много ли вниманія и присмотра могло быть у 13-лѣтней дѣвочки къ ше-

---

[1]) *Правда* 1876 г., стр. 126.
[2]) *Повѣсть Шевченка Княгиня*, стр. 661.

Хата родителей Т Г. Шевченка въ селѣ Кириловкѣ.

(Съ рисунка Т. Г. Шевченка).

стилѣтнему брату? Екатерина Григорьевна и сама еще нуждалась въ присмотрѣ... Безъ сомнѣнія, присмотръ ея за Тарасомъ не могъ итти далѣе того, чтобы утромъ умыть, «помолить Богу», да дать поѣсть ребенку, а затѣмъ уже весь день мальчикъ оставался подъ присмотромъ и руководительствомъ Господа Бога: онъ пользовался полною свободой; никѣмъ не стѣсняемый, онъ проводилъ время, какъ хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ: въ огородѣ, въ саду, на улицѣ со сверстниками, въ полѣ, въ лѣсу и, конечно, возвращался домой только тогда, когда ощушалъ потребность ѣсть или спать,— возвращался нерѣдко съ подбитымъ глазомъ или шишкой на лбу, нерѣдко же и съ болью въ желудкѣ, такъ какъ любилъ ѣсть глину. Словомъ, Тарасъ Григорьевичъ росъ при тѣхъ же, крайне неблагопріятныхъ для дѣтскаго организма, условіяхъ, при которыхъ ростетъ и вся масса крестьянскихъ дѣтей. Но полная свобода бродить гдѣ угодно имѣла для него и хорошія послѣдствія. Бродя по лѣсамъ и ярамъ, по горамъ и долинамъ, онъ, по природѣ своей впечатлительный и любознательный, несомнѣнно, присматривался ко всему окружающему: и къ голубому небу, усѣянному по вечерамъ міріадами сверкающихъ звѣздъ, и къ блѣдно-серебристому мѣсяцу, и къ мрачнымъ курганамъ; онъ прислушивался и къ завыванію вѣтра, и къ шуму древесной листвы, и къ «гомину дубравы», и къ пѣснѣ соловья, гдѣ-нибудь вблизи «едва журчащаго ручья, окруженнаго вербами и калиною, окутаннаго широколиственными темно-зе-

леными лопухами»[1]). Красота природы несомнѣнно производила глубокое впечатлѣніе на душу ребенка, сѣяла въ немъ первыя сѣмена той широкой, богатой фантазіи, которая потомъ развернулась такъ роскошно. Въ пытливомъ умѣ мальчика не могли не возникать вопросы, отчего все это такъ, а не иначе? И они дѣйствительно возникали: разъ, лежа въ саду подъ деревомъ и углубясь въ созерцаніе яснаго голубого неба и находящейся въ полѣ противъ сада «могилы» (кургана), Шевченко-мальчикъ задался вопросомъ: «а что тамъ за горою?»—и, рѣшивши, что тамъ должны быть тѣ желѣзные столбы, «которые подпираютъ небо», онъ рѣшился отправиться къ нимъ и посмотрѣть, «какъ тамъ они подпираютъ небо». И вотъ онъ пошелъ. «Вышелъ за село, прошелъ *царину*[2]), прошелъ съ полверсты полемъ, на полѣ стоитъ высокая черная могила; онъ вскарабкался на могилу, чтобы оттуда посмотрѣть, далеко ли еще до тѣхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ (говоритъ далѣе о себѣ Шевченко) на могилѣ, смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, крытая бѣлымъ желѣзомъ, и тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ, и тоже крытая бѣлымъ желѣзомъ. Мальчуганъ задумался. «Нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ столбовъ, а

---

[1]) *Княгиня*, стр. 659.

[2]) *Деревенскій* шлахбаумъ, при въѣздѣ.

завтра, вмѣстѣ съ Катрею[1]). Она *до череды* (въ стадо) коровъ погонитъ, а я пойду къ желѣзнымъ столбамъ. Сегодня же—домой пора». Пошелъ, да не въ свое, а въ чужое село. Къ счастію, его встрѣтили чумаки и, остановивши, спросили:

«— А куда ты мандруешь? (бредешь).

«— Домой.

«— А гдѣ же твой домъ, небораче (горемыка)?

«— Въ Кириловкѣ.

«— Такъ зачѣмъ же ты идешь въ Моринцы?

«— Я не въ Моринцы, а въ Кириловку иду.

«— Ну, если въ Кириловку, такъ садись на мою телѣгу, мы тебя привеземъ домой къ тебѣ.

«Повезли. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ увидалъ свою хату (избу) на противуположной горѣ и весело закричалъ:

«Вотъ она, вотъ она, наша изба!...

«— Ну, если ты видишь уже свою избу,—сказалъ хозяинъ телѣги,— то иди теперь съ Богомъ!

«На дворѣ уже смеркало,—продолжаетъ Шевченко,—когда я подошелъ къ нашему перелазу; смотрю на дворъ, а тамъ возлѣ хаты, на темно-зеленомъ бархатномъ *спорышѣ*, всѣ наши сидятъ въ кружкѣ и ужинаютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не ужинаетъ: стоитъ себѣ подлѣ дверей, подперши голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ.

---

[1]) *Катря—Катя.*

Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: «прийшов, прийшов!» (пришелъ) и, подбѣжавъ ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ ужинать, сказавши: «сідай вечеряти, приблудо!» (садись ужинать, бродяга). Поужинавши, сестра повела меня спать и, уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и, улыбаясь, назвала меня опять приблудою. Я долго не могъ заснуть, я все думалъ о желѣзныхъ столбахъ и о томъ, говорить ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Никитѣ [1]), или не говорить? Никита, думаю, былъ разъ съ отцомъ въ Одессѣ и тамъ, конечно, видѣлъ эти столбы. Какъ же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ вовсе не видалъ? Катерину можно бы *одурить* (обмануть), но нѣтъ, я и ей не скажу ничего» [2]).

Этотъ эпизодъ, случившійся на 6 или на 7 году жизни Шевченка, надо признать достовѣрнымъ: о немъ въ первый разъ разсказалъ г. Лазаревскій, [3]) а потомъ Масловъ и Варѳоломей Шевченко [4]), въ то время, когда еще не была напечатана повѣсть Тараса Григорьевича *Княгиня*, въ которой переданъ этотъ случай, какъ взятый изъ жизни автора. И Варѳоломей Шевченко говоритъ, что приведенный случай онъ слышалъ изъ устъ самого Тараса Григорьевича. Но въ *Воспоминаніяхъ* Варѳоломея Шевченка

[1]) Никита Григорьевичъ—родной братъ нашего поэта, старше послѣдняго на три года.

[2]) *Княгиня*, стр. 660—1.

[3]) *Основа* 1861 г., кн. IV.

[4]) *Правда* 1876 г., стр. 68.

есть такія указанія, которыя я долженъ отвергнуть, какъ прямо недостовѣрныя. Вмѣсто Катерины, онъ называетъ другую сестру Шевченка, Ирину Григорьевну, добавляя, что когда маленькій Тарасъ Григорьевичъ былъ привезенъ чумаками, то братъ его Никита хотѣлъ его побить, но вступилась сестра Ирина и не дала. За это-то Тарасъ Григорьевичъ и любилъ сестру Ирину болѣе другихъ сестеръ. Это не вѣрно. Ирина Григорьевна была почти на два года моложе Тараса Григорьевича, слѣдовательно, не могла взять его на руки и отнести въ постель. Тарасъ Григорьевичъ любилъ всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ одинаково, потому что у него было нѣжное, любящее сердце. Братьямъ и сестрамъ онъ, чѣмъ могъ, помогалъ цѣлую жизнь, какъ это мы увидимъ далѣе.

Словомъ, до девятилѣтняго возраста Шевченко находился на попеченіи природы да отчасти сестры своей Катерины, личности, несомнѣнно, доброй, нѣжной и отчасти поэтической. Послѣднее я предполагаю потому, что она особенно любила цвѣты, о чемъ говоритъ въ *Княгинѣ* нашъ поэтъ. Описывая дворъ своихъ родителей, онъ говоритъ: «вокругъ яблони былъ цвѣтникъ—*любимецъ* моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки».

Такимъ образомъ, въ это время портретъ 7—8-ми лѣтняго Т. Г. Шевченка можно, не опасаясь большой ошибки, представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: бѣлокурый крестьянскій мальчикъ, *«кубическій»*, *конечно*, босоногій, довольно

Украйнѣ, обыкновенно, вдовцу очень трудно, да еще если у него есть дѣти, жениться вторично на дѣвушкѣ; изъ дѣвушекъ пойдетъ за вдовца «развѣ ужь самая послѣдняя». Приходится жениться на вдовѣ. Такъ поступилъ и Григорій Шевченко; онъ женился на вдовѣ Ксеніи, которая была однихъ съ нимъ лѣтъ и имѣла отъ перваго мужа троихъ дѣтей, также малолѣтокъ; но главная бѣда заключалась въ томъ, что вторая жена Григорія Шевченка была женщина суровая и сварливая. И не принесла она въ семью Шевченка любви и спокойствія для мужа, ласкъ и нѣжнаго попеченія матери для сиротокъ; маленькимъ Шевченкамъ она не могла замѣнить «доброі нені». Напротивъ, она принесла къ нимъ въ своемъ характерѣ нѣчто ужасное. «Кто видѣлъ хотя издали мачиху и сводныхъ дѣтей, тотъ видѣлъ адъ въ самомъ отвратительномъ торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми,—говоритъ самъ Шевченко,—не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихою. Мачиха особенно нанавидѣла

составляютъ наслѣдственную болѣзнь въ семьѣ Шевченковъ. Меньшая сестра Тараса, Марія, страдала глазною болѣзнью" и т. д. Благодаря энергичнымъ хлопотамъ М. А. Кречмера и вниманію добрыхъ людей, матеріальная сторона *крестьянской* жизни внуковъ нашего поэта болѣе или менѣе обезпечена. Другой братъ Тараса, Іосифъ, также уже покойный, имѣлъ трехъ сыновей, изъ коихъ одинъ, Андрей, переселился въ Херсонскую губернію. Сестра Ирина Григорьевна вышла за Бойка, въ Херсонской губерніи. Одинъ изъ сыновей ея воспитывался въ Кіевѣ въ гимназіи на счетъ Тараса Григорьевича, пока послѣдній былъ живъ. Наконецъ, Марья Григорьевна умерла еще дѣвушкою (*Кіевская Старина* 1889 г., сентябрь, ст. Ю. Д. Талько-*Гринцевича*).

меня, вѣроятно, за то, что я часто тузилъ ея тщедушнаго Степанка» [1]). Этотъ Степанко былъ на два года моложе задорнаго Тараса Григорьевича и, какъ сейчасъ увидимъ, не отличался нравственными качествами.

Въ домѣ отца Шевченка квартировалъ какой-то солдатъ. У него было похищено «три злотыхъ» (45 коп.). Солдатъ, конечно, бѣднякъ, для котораго 45 коп. составляли много, поднялъ бучу. Мачиха изъявила подозрѣніе на пасынка Тараса. Тарасъ клятвенно увѣрялъ въ своей невиновности, но мачиха стояла на своемъ: «гроши укралъ Тарасъ». Предвидя незаслуженное наказаніе, послѣдній убѣжалъ со двора и скрылся въ кустахъ между деревьями заброшеннаго сада крестьянина Жениха, гдѣ и просидѣлъ четверо сутокъ. Объ убѣжищѣ Тараса знала только младшая сестра его Ирина, но она никому не говорила, тайкомъ приносила брату пищу и играла съ нимъ. Въ кустахъ калины Тарасъ устроилъ себѣ какой-то шалашъ, подѣлалъ возлѣ него дорожки и усыпалъ ихъ пескомъ. На пятый день убѣжище поэта было открыто дѣтьми мачихи и Тараса взяли на допросъ. Связавъ мальчику руки и ноги, дядя его Павелъ Грушивскій, «великій катюга» (палачъ), началъ щедро стегать его розгами, добиваясь признанія. Мальчикъ не выдержалъ боли и принялъ на себя вину, говоря, что деньги закопалъ въ землю. Его развязали и требовали указать мѣсто, гдѣ деньги

---

[1]) *Княгиня, стр.* 664.

закопаны, чего, конечно, онъ исполнить не могъ. Истязаніе вновь возобновилось, разумѣется, безъ результатовъ, или, вѣрнѣе, результатъ былъ тотъ, что побитаго до полусмерти Тараса заперли въ темный амбаръ, а изъ одежды его матери взяли «юбку», продали и вырученными деньгами удовлетворили солдата. Потомъ уже оказалось, что дѣйствительнымъ воромъ былъ никто иной, какъ тотъ же Степанко. [1]) Естественно, какія чувства къ мачихѣ, къ ея дѣтямъ и къ дядѣ Павлу этотъ случай, эта отвратительная несправедливость должны были вызвать въ дѣтскомъ сердцѣ Тараса Григорьевича, и нѣтъ совершенно ничего удивительнаго, что онъ до самой смерти сохранилъ нелюбовь къ этимъ людямъ. Тотъ же случай долженъ былъ заставить и отца Шевченка подумать о необходимости удалить Тараса изъ глазъ ненавидѣвшей его мачихи. Отецъ отдалъ его въ школу, но едва ли, какъ утверждаетъ г. Лазаревскій, «къ мѣщанину Губскому», у котораго Тарасъ и принялся за букварь. Во время приведеннаго случая истязанія Тарасу Григорьевичу не могло быть менѣе одиннадцати лѣтъ: это слишкомъ поздній возрастъ для *первоначальнаго* обученія грамотѣ. Тарасъ Григорьевичъ началъ учиться ранѣе этого, еще при жизни матери. Первымъ учителемъ его былъ, быть можетъ, дѣйствительно Губскій; но кто этотъ Губскій? Въ то время въ Кириловкѣ существовала церковно-приходская школа; трудно допустить ря-

---

[1]) *Основа* 1862 г. мартъ. *Чалый*, стр. 10—11.

домъ съ нею существованіе другой школы мѣщанина Губскаго. Несравненно правдоподобнѣе слѣдующее предположеніе. Съ 1814 до конца 1818 г. священникомъ въ Кириловкѣ (тамъ ихъ было два) былъ Василій Губскій, сынъ священника того же села, слѣдовательно, человѣкъ свой, мѣстный. Въ декабрѣ 1818 г., Василій Губскій былъ отрѣшенъ отъ прихода. Легко допустить, что, не имѣя средствъ къ жизни, Василій Губскій, оставаясь въ Кириловкѣ, учительствовалъ въ церковной школѣ. Вѣроятно, это и есть тотъ Совгирь, о школѣ котораго разсказываетъ Шевченко въ *Княгинѣ*. Хотя онъ и называетъ Совгиря дьякомъ, но онъ приписываетъ ему такія свойства, которыми могъ обладать и священникъ Василій Губскій, уволенный изъ риторики, бывшій долгое время при отцѣ псаломщикомъ и попавшій, наконецъ, въ «отрѣшенные отъ прихода». Въ школу Совгиря или Губскаго Шевченко поступилъ на 8 или 9 году жизни. Въ этой школѣ наставникъ каждую субботу послѣ вечерни кормилъ своихъ питомцевъ «березовою кашей» (сѣкъ розгами). «Бьетъ, бывало, и велитъ самому лежать, да не кричать и явственно читать четвертую заповѣдь. Бывало, когда дойдетъ до меня очередь,—говоритъ Шевченко, — то я не прошу уже помилованія, а прошу только, чтобы умилосердился и велѣлъ придержать меня хоть немножко. Иной разъ онъ и согласится, да ужъ такъ выпоретъ, что лучше бы было и не просить о милосердіи». Въ этой школѣ Шевченко выучилъ псалтырь, и когда, по

распоряженію начальства, на мѣсто Совгиря былъ присланъ изъ Кіева дьячекъ, онъ же и учитель, оказавшійся «горькимъ пьяницей», то Тарасъ Григорьевичъ оставилъ школу. Въ это время мать его еще жила [1]). Къ какому учителю вторично былъ отданъ Тарасъ Григорьевичъ? По словамъ А. М. Лазаревскаго, а за нимъ и [2]) М. К. Чалаго, мачиха уже послѣ смерти отца Шевченка отдала Тараса къ дьячку Богорскому, «у котораго мальчикъ выучилъ часловецъ и псалтырь, а затѣмъ перешелъ къ священнику Нестеровскому». Но г. Лебединцевъ [3]) возражаетъ противъ ученія Шевченка «у Нестеровскаго, говоря, что «у Нестеровскаго Шевченко и не могъ учиться, такъ какъ Нестеровскій былъ уже старъ для того, чтобы учить грамотѣ». Здѣсь тоже неточность. Дѣло въ томъ, что Богорскій поступилъ въ Кириловку за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Григорія Шевченка,—слѣдовательно, Тарасъ Григорьевичъ не могъ у него учиться часловцу и псалтырю; священникъ же Нестеровскій поступилъ въ Кириловку въ началѣ 1819 года и во время оставленія Шевченкомъ перваго учителя ему было не болѣе 50—51 года, а это не такая еще старость, чтобы нельзя уже было учить дѣтей.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время нельзя опредѣлить съ *полною достовѣрностью*, когда именно и у кого началось первоначальное

---

[1]) *См. Княгиня*, стр. 661—661.
[2]) *Основа* 1862 г., книга 3, стр. 7.
[3]) *Чалый*, стр. 13. *Кіев. Стар.* 1882 г., сентябрь, стр. 563

обученіе Шевченка грамотѣ и долго ли онъ находился въ школѣ *до* смерти отца. Отецъ же его, отправившись разъ въ Кіевъ, простудился, занемогъ въ дорогѣ и, возвратясь, «не выдержалъ злой судьбы, умеръ на барщинѣ». Это случилось 21 марта 1825 года, когда, слѣдовательно, Тарасу Григорьевичу едва наступилъ 12 годъ. Тутъ является для насъ очевидно ошибочнымъ показаніе самого поэта въ автобіографическомъ письмѣ, гдѣ онъ говоритъ, что лишился родителей на ***восьмомъ*** году жизни.

Отецъ Шевченка, будучи на смертномъ одрѣ, высказалъ замѣчательное пророчество о будущности Тараса Григорьевича; распредѣляя между дѣтьми свое мизерное состояніе, онъ сказалъ: «Сынові Тарасу з мого хазяйства нічого не треба, він не буде абияким чоловіком; з його буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для його моя спадщина, або нічого не значитиме, або нічого не поможе» [1]). Правдоподобно предположить, что такое предсказаніе отецъ вывелъ изъ наблюденій, зная неусидчивую, задорную и непослушную натуру сына, который, будучи въ школѣ, такъ проказилъ, что ни учитель Губскій, ни отецъ не могли его унять отъ проказъ: онъ то и дѣло уходилъ отъ учителя и проказилъ, но учился хорошо [2]).

---

[1]) *Основа* 1862 г., кн. 3, стр. 6. „Сыну Тарасу изъ моего имущества ничего не надо, онъ не будетъ человѣкомъ какимъ-нибудь; изъ него выйдетъ или что-либо хорошее, или же большой негодяй. Для него мое наслѣдство или ничего не составитъ, или ничего не поможетъ".

[2]) *Ibidem*

III.

Если уже при жизни отца Шевченку такъ хорошо было жить съ мачихой и ея Степанкомъ, что родная хата представлялась ему адомъ, то чего могъ онъ ожидать теперь, оставшись круглымъ сиротою? О жизни съ мачихой нечего было и думать. Одинъ изъ дядей его, быть можетъ, тотъ же Павелъ, «желая вывести сироту въ люди», предложилъ ему въ лѣтнее время пасть свиней, а зимою за хлѣбъ помогать его работникамъ. Но какъ ни тяжело было Тарасу Григорьевичу, предложеніе дяди не соблазнило его. А бѣдствовалъ онъ до такой степени, что когда приходилъ къ сестрѣ Катеринѣ въ село Зеленую, то былъ босой, полунагой и со всякою нечистью на головѣ [1]). Куда же было ему дѣваться? Его душу тянуло въ школу, къ свѣту, и, кромѣ того, не могли не возникнуть въ головѣ у него и такія побужденія. Онъ хорошо, «голосно и выразне» (громко и выразительно) умѣлъ читать псалтырь надъ покойниками. Онъ и по слухамъ, и по опыту уже не могъ не знать, что такое чтеніе цѣнится крестьянами, слѣдовательно, оно можетъ доставить ему средства къ существованію, хотя и очень скудныя. Но чтеніе псалтыря надъ покойниками составляло привилегію дьячка и только по уполномочію послѣдняго онъ могъ являться чтецомъ. Поэтому-то поступленіе къ дьячку въ школу представлялось вдвое выгод-

---

[1]) *Кіевская Старина* 1882 г., сентябрь.

нымъ. Онъ и отправился «къ пьяницѣ-дьячку въ школу въ качествѣ ученика и работника»[1].

Церковно-приходская школа въ Кириловкѣ помѣщалась въ обыкновенной крестьянской избѣ, стоявшей особнякомъ, безъ двора, на площади возлѣ церкви. Она была ободрана, не обмазана, стекла въ окнахъ выбиты. Отъ сосѣднихъ крестьянскихъ избъ она отличалась только тѣмъ, что была обширнѣе ихъ, а на кириловскій кабакъ не похожа была только потому, что была болѣе запущена и содержалась болѣе грязно, нежели онъ. Учителями были въ ней въ описываемое время кириловскіе дьячки Андрей Зневеличъ и Петръ Богорскій. Богорскій училъ лучше, поэтому и учениковъ у него было больше[2]. Богорскій, сынъ священника изъ сосѣдняго села Верещакъ, учился въ кіевской духовной семинаріи; но, «дойдя до средняго класса риторики», вышелъ на 24 году жизни дьячкомъ въ Кириловку. Семинарія того времени не могла воспитать изъ Богорскаго педагога особенно гуманнаго и человѣка особенно трезваго, тѣмъ болѣе, что Богорскій находился нѣкоторое время въ архіерейскомъ хорѣ[3]. Пребываніе мое въ школѣ, — говоритъ Шевченко[4],—было довольно не комфортабельное. Школяры въ отношеніи къ дьячкамъ то же самое, что мальчики, отданные на выучку къ ремесленникамъ. Права надъ ними

[1] *Княгиня*, стр. 664.
[2] *Правда*, 1876 г. *Воспомин. Варфоломея* Шевченка.
[3] *Кіевская Старина*, ibidem.
[4] *Княгиня, ibidem.*

мастера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ; они—полные рабы его. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домочадцевъ лежатъ на нихъ безусловно [1]). Поэтому и Шевченко «долженъ былъ исполнять съ рабскою покорностью» всѣ приказанія дьячка, «горькаго пьяницы», не имѣя ни единаго существа въ мірѣ, которое заботилось бы или могло заботиться о его, Шевченка, существованіи [2]). Шевченко носилъ ведрами воду, рубилъ дрова, топилъ печь и былъ посылаемъ Богорскимъ читать псалтырь надъ покойниками. Его считали въ деревнѣ лучшимъ чтецомъ и приглашали охотнѣе другихъ [3]). Не было въ селѣ покойника, надъ которымъ онъ не прочиталъ бы псалтыря. За прочтеніе получалъ *кнышъ* и *копу* [4]) грошей. Эту плату отбиралъ Богорскій, а чтецу удѣлялъ изъ нея десятую копѣйку. Отсюда мы видимъ, что принятіе Богорскимъ Шевченка въ школу не было со стороны перваго безкорыстнымъ. Я согласенъ съ П. Г. Л.—ъ [5]), что за науку Шевченка никто не платилъ Богорскому; вѣдь, и платить было некому, но Богорскій получалъ плату изъ заработковъ Шевченка.

Читая псалтырь, Шевченко иногда и тутъ не удерживался, чтобы не напроказить, «чтобы

---

[1]) *Кобзарь* 1876 г., стр. XVI.
[2]) Ibidem.
[3]) *Кіевскій Телеграфъ* 1875 г., № 25.
[4]) *Княгиня. Кнышъ*—особой формы пшеничный хлѣбъ праздничный и заупокойный, *копа*—50 коп.
[5]) *Кіев. Стар.* 1882 г., сентябрь.

ускорить эту скучную работу, онъ иногда на половинѣ псалма начиналъ: «пріидите поклонимся». Слушатели клали поклоны, а онъ, пользуясь тѣмъ, что отвлекъ ихъ вниманіе, перевертывалъ нѣсколько листковъ нечитанныхъ [1]). Заработокъ отъ чтенія псалтыря былъ, однако, такъ скуденъ, что его недостаточно было для удовлетворенія первыхъ потребностей: ходилъ тогда Шевченко въ сѣренькой дырявой свиткѣ [2]) и въ вѣчно грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было ни лѣтомъ, ни зимою. Разъ какой-то мужикъ за прочтеніе псалтыря подарилъ ему ременю (кожи) на сапоги, но подарокъ отобралъ дьячокъ, какъ свою собственность [3]). Терпѣлъ нашъ поэтъ недостатокъ и въ пищѣ; случалось по нѣсколько дней голодать. Голодъ, по словамъ Козачковскаго [4]), заставлялъ его красть куръ, гусей и т. п. и стряпать изъ нихъ для себя ужинъ ночью въ пещерѣ за селомъ. Кириловцы, замѣтивши по ночамъ въ пещерѣ огонь, предположили, что тамъ поселилась «нечистая сила», и просили священника изгнать чорта. Священникъ, собравши народъ, отправился къ пещерѣ, окропилъ святою водой входъ въ нее и совѣтовалъ кому-нибудь полѣзть въ пещеру и посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Никто, конечно, не отваживался. Тогда устроили складчину и собрали нѣсколько денегъ въ на-

---

1) *Кіевск. Телегр.* 1875 г., № 25.
2) Свитка—верхняя одежда, нѣчто вродѣ зипуна
3) *Княгиня.*
4) *Кіевск. Телегр.* 1875 г., № 25.

граду смѣльчаку, который полѣзетъ въ пещеру. Вызвался Шевченко, но просилъ привязать къ нему веревку, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, могли вытащить его изъ когтей «чортяки». Полѣзъ; убравъ въ пещерѣ слѣды своей стряпни, онъ вылѣзъ назадъ благополучно, объявилъ, что въ пещерѣ ничего и никого нѣтъ, и получилъ собранныя деньги [1]). Случай этотъ, разсказанный другомъ Шевченка, Козачковскимъ, записанъ имъ со словъ самого поэта, но я долженъ отнестись къ нему скептически. Мнѣ извѣстно, что въ то время священникомъ въ Кириловкѣ былъ Кошица, человѣкъ, довольно просвѣщенный; по крайней мѣрѣ, онъ окончилъ семинарію богословомъ перваго разряда. Трудно допустить, чтобы онъ такъ легковѣрно отнесся къ приглашенію изгнать чорта изъ пещеры. Развѣ ужъ предположить, что окропленіе пещеры святою водой сдѣлано имъ съ цѣлью успокоить обезкураженныхъ темныхъ суевѣрныхъ прихожанъ. Но всего болѣе бѣдствовалъ Тарасъ Григорьевичъ въ школѣ отъ жестокости Богорскаго, котораго онъ называетъ «исчадіемъ деспотическихъ семинарій». Дьячокъ обходился съ своими питомцами жестоко и всѣ они глубоко его ненавидѣли. «Мое дѣтское сердце было оскорбляемо милліоны разъ»,—говоритъ Шевченко въ автобіографіи. Однако же, не для оправданія, конечно, жестокого обращенія пьянаго дьячка съ своими учениками, а ради исторической правды, надо

---

1) *Кіевск. Телегр.* 1875 г., № 25.

помнить, что самъ Богорскій выросъ на розгѣ. Надо помнить нравы того времени вообще, а школьные въ частности. Не только во времена Богорскаго, но спустя тридцать лѣтъ у насъ было еще много такихъ педагоговъ, которые признавали розгу, какъ элементъ, неотдѣлимый ото школьнаго образованія; даже въ средней школѣ, въ гимназіяхъ, наказаніе розгами признавалось до такой степени неизбѣжно-потребнымъ, что, наприм., въ 1858 г. въ житомірской гимназіи въ теченіе года было высѣчено изъ 600 гимназистовъ 290[1]). А, вѣдь, въ гимназіи того времени учились почти исключительно дѣти помѣщиковъ и чиновниковъ; крестьянскихъ дѣтей не было, конечно, и 1%. Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло стояло еще лучше. Въ этомъ случаѣ сошлемся на *Воспоминанія* о духовныхъ училищахъ конца тридцатыхъ годовъ, напечатанныя въ 73 № *Церковно-общественнаго Вѣстника* за 1870 г. Авторъ *Воспоминаній* расказываетъ о воспитательныхъ пріемахъ Поликарпа Волосіевича, бывшаго смотрителемъ сперва лубенскаго, а потомъ полтавскаго духовнаго училища. Кромѣ порки учениковъ розгами, въ ежедневномъ употребленіи была еще «тройчатка», т.-е. «плеть въ три конца изъ подошвеннаго ремня;она постоянно мокла въ водѣ и вынималась оттуда только для сѣченія». Смотритель своеручно въ передней своихъ покоевъ отпускалъ питомцамъ, не спѣша, никакъ не ме-

---

¹) *Журналъ для воспитанія* 1859 г., кн. XI.

нѣе двадцати ударовъ тройчаткою. «Не дай Богъ попасть, бывало, подъ тройчатку, а попасть ничего не стоило, потому что удары ею сыпались за каждую ошибку въ урокѣ». Не только для современнаго намъ гимназиста или семинариста, но даже для ученика сельской школы воспитательные пріемы въ школахъ нашихъ отцовъ покажутся, конечно, дикими и легендарными, — такъ измѣнились за сравнительно короткое время и школьные, и общественные нравы.

Пріемы дьячка Богорскаго для того времени были — обычное явленіе и возмущались ими только исключительныя натуры, какова была и натура Тараса Григорьевича. Школа Богорскаго вліяла на дѣтей дурно еще и съ другой стороны: въ ней (и въ этомъ, отношеніи она не составляла исключенія) практиковалось взяточничество. Шевченко, будучи уже въ ссылкѣ, во время аральской экспедиціи Бутакова, разсказывалъ слѣдующее: «По субботамъ передъ роспускомъ по домамъ всѣхъ насъ, и правыхъ, и виноватыхъ, сѣкли, причитывая четвертую заповѣдь. Обязанность эту исполнялъ «консулъ», т.-е. старшій въ классѣ. Я никогда не ходилъ въ отпускъ; но когда былъ сдѣланъ консуломъ, то зажилъ отлично; всѣ мнѣ приносили изъ дому гостинцы, чтобы не больно сѣкъ, и скоро я обратился въ страшнаго взяточника. Кто приносилъ мнѣ довольно, тому давалъ не болѣе двухъ легкихъ розогъ, въ теченіе которыхъ успѣвалъ скороговоркой прочитать извѣстную заповѣдь; *но кто приносилъ* мало или ничего не прино-

силъ, надъ тѣмъ я съ чувствомъ, съ разстановкою читалъ: «помни... день... суб-бот-ній» и т. д. Разумѣется, званіе «консула» не освобождало отъ розогъ и самого консула». Можно смѣло предположить, что Шевченку, особенно до «консульства», перепадало «березовой каши» отъ рукъ Богорскаго болѣе, чѣмъ кому другому изъ школяровъ, потому что онъ выдавался шалостями и частыми отлучками изъ школы, во время которыхъ, бродя по лѣсамъ и по «ярахъ», несомнѣнно призадумывался о своей судьбѣ, о своей тяжелой зависимости отъ дьячка, о жестокости послѣдняго и о средствахъ къ улучшенію своей участи. Отрощеніе волосъ на головѣ и стрижка ихъ, какъ у взрослыхъ, «въ кружокъ», и сшитая имъ самимъ шапка вродѣ чего-то похожаго на польскую конфедератку,— все это было ничто иное, какъ внѣшнее выраженіе протеста противъ окружающаго гнета, знаки того душевнаго волненія, которое испытывала нѣжная и глубоко-впечатлительная душа поэта. Сумма всей жизненной обстановки въ школѣ Богорскаго была по истинѣ крайне тяжела; но Шевченко выносилъ ее въ теченіе двухъ лѣтъ, пока, наконецъ, терпѣніе его не порвалось, и онъ «кончилъ съ своимъ дьячкомъ-учителемъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди — местью и бѣгствомъ». Найдя однажды дьячка своего безчувственно пьянымъ, Шевченко связалъ его и, насколько хватило дѣтскихъ силъ, высѣкъ *его розгами* и тѣмъ отплатилъ за всѣ

его жестокости. Тогда же ночью онъ убѣжалъ въ мѣстечко Лысянку [1]).

На этомъ закончилось школьное образованіе Тараса Григорьевича.

VI.

Конечно, не одна только школьная обстановка, не одно только жестокое обращеніе Богорскаго принудили Шевченка къ побѣгу. Были и другія причины, причины болѣе глубокія, болѣе высокаго, благороднаго свойства. Еще въ раннемъ дѣтствѣ зародилась у него страсть къ рисованію и онъ, гдѣ могъ, рисовалъ углемъ или мѣломъ «разныя каракульки». Страсти этой не могъ не замѣтить въ немъ и Богорскій; по крайней мѣрѣ, нельзя было не замѣтить ее, потому что, какъ говоритъ самъ о себѣ поэтъ:

„...Ще в школі,
Таки в учителя-дяка,
Гарненько вкраду пьятака
(Бо я було трохи не голе,
Таке убоге!), тай куплю
Паперу аркуш і зроблю
Маленьку книжечку, хрестами
І везерунками з квітками
Кругом листочки обведу,
Тай списую „Сковороду“,
Або „Три царіе со дары“.
Та сам собі у бурьяні,

---

[1]) *Автобіограф. Кобзарь*, 1876 г., стр. XVII.

Щоб не почув хто, не побачив,
Виспівую один та плачу".[1])

Изъ рисунковъ Шевченка того времени хранились нѣкоторые у его школьнаго товарища Тараса Гончаренка. Видѣлъ ихъ В. Г. Шевченко и говоритъ (*Правда* 1876 г.), что то были лошади и солдаты, намалеванные на грубой сѣрой бумагѣ.

Между гостями Богорскаго бывали маляры изъ сосѣднихъ деревень Тарасовки, Хлипновки и дьяконъ изъ Лысянки; съ ними, конечно, познакомился и Шевченко. И вотъ, убѣжавши отъ Богорскаго, онъ отправился въ Лысянку къ маляру-дьякону, съ желаніемъ научиться у него живописи. «Но скоро убѣдился, что дьяконъ своими правилами и обычаями очень мало отличался отъ Богорскаго. Три дня я, —говоритъ Шевченко, —терпѣливо таскалъ на гору ведрами воду изъ рѣки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣніе мнѣ измѣнило и я ушелъ въ село Тарасовку къ дьячку-маляру, славившемуся въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана-Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я съ твердою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, какъ ду-

[1]) „Еще когда я былъ въ школѣ у учителя-дьячка, сворую, бывало, хорошенько пять копѣекъ (я былъ почти нагой,—такъ бѣденъ), куплю листъ бумаги, сошью тетрадки, вокругъ страницъ подѣлаю виньетки и копирую портретъ Сковороды или „Три царя съ дарами". И, спрятавшись гдѣ-нибудь въ сорныхъ растеніяхъ, чтобъ никто не услышалъ, не увидѣлъ, пою тамъ себѣ да плачу". Сковорода извѣстный *украинскій философъ* начала XIX вѣка.

малъ я тогда, неразлучныя съ наукой. Усвоить себѣ его великое искусство хоть въ самой малой степени желалъ я страстно. Но, увы, Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объяснилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ шевству (сапожничеству) или къ бондарству» [1]).

Огорченіе Шевченка было очень велико: отказъ маляра разрушалъ въ немъ лучшую и, какъ казалось ему, послѣднюю надежду когда-нибудь выбиться на лучшую жизненную ниву, сколько-нибудь подняться надъ тяжелымъ уровнемъ окружавшей его крѣпостной массы. Съ «сокрушеннымъ сердцемъ» возвратился онъ въ родную Кириловку, въ отцовскую избу. Въ виду у него была скромная участь, которой воображеніе придавало, однако же, простодушную прелесть: онъ «хотѣлъ сдѣлаться пастыремъ стадъ непорочныхъ, съ тѣмъ, чтобы, ходя за общественнымъ стадомъ, читать свою любезную съ картинками книжку, украденную у Богорскаго при побѣгѣ отъ него [2])». Нѣкоторое время онъ и былъ пастухомъ. Объ этой порѣ поэтъ вспоминаетъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній:

„Мині тринадцятый минав,
Я пасъ ягнята за селом".

Но не до пастьбы ягнятъ (барашковъ) было тому, кого природа такъ щедро надѣлила

[1]) *Кобзарь,* 1876 г., стр. XVIII.
[2]) *Ibid.*

высшими дарами. Неспособность къ «пастырской» профессіи обнаружилась очень скоро. Сидя въ полѣ возлѣ стада, геній украинскаго слова такъ углублялся въ чтеніе краденой книжки или въ созерцаніе окружающей природы, что не замѣчалъ, какъ стадо его расходилось въ разныя стороны, а собирать потомъ разбредшихся овецъ и коровъ стоило и хлопотъ, и труда не только самому пастуху, но и владѣльцамъ «непорочныхъ». Братъ поэта, Никита Григорьевичъ, убѣдившись въ непригодности Тараса быть пастухомъ общественнаго стада, пробовалъ пріучить его къ земледѣлію или къ ремеслу стельмаха, но изъ этого тѣмъ болѣе ничего не вышло. Тарасъ нерѣдко бросалъ въ полѣ воловъ безъ присмотра, а самъ уходилъ бродить. Разумѣется, такая небрежность не могла не вызывать въ семьѣ ссоры, особенно изъ устъ сварливой мачихи, и скоро Тарасъ Григорьевичъ вновь и уже навсегда бросилъ родительскую хату и поступилъ къ священнику Григорію Кошицѣ въ качествѣ «хлопца-погонича, присматривавшаго за скотиной и запрягавшаго буланую и широкохвостую кобылу его» [1]). Кошица былъ человѣкъ весьма достаточный; онъ, какъ и жена его, были люди патріархальные, добрые; когда у нихъ не было гостей, они проводили время вмѣстѣ съ прислугою въ большой чистой кухнѣ, занимавшей половину дома. Здѣсь находился и Шевченко и, какъ грамотный мальчикъ, въ зимніе вечера

---

[1]) *Кіевская Старина* 1882 г., сентябрь.

всегда что-нибудь читалъ. Здѣсь онъ ничѣмъ не былъ обиженъ, но и здѣсь не обнаружилъ никакихъ способностей къ какому-либо хозяйственному дѣлу. Отецъ Кошица и впослѣдствіи называлъ его «ледащимъ». Какъ долго Шевченко служилъ у Кошицы, я съ достовѣрностью опредѣлить не могу, но думаю, что не очень долго, такъ какъ школу Богорскаго онъ оставилъ ранѣе 1828 г., а въ 1829 г. онъ былъ уже взятъ «ко двору» Энгельгарда.

Оставивши Кошицу, Шевченко отправился въ село Хлипновку, чтобы еще разъ у тамошняго маляра попытать счастья. Хлипновскій маляръ оказался не столь дальновиднымъ, какъ тарасовскій его собратъ, и вопросъ о способностяхъ Шевченка къ занятію малярскою наукой рѣшилъ на основаніи не хиромантіи, а опыта. Двѣ недѣли держалъ онъ у себя Тараса, наблюдая его способности, и, наконецъ, рѣшилъ, что способности у Шевченка есть и надо взять его въ науку. Тутъ, однако, представилось новое крупное препятствіе. Шевченко былъ крѣпостной крестьянинъ и находился въ такомъ уже возрастѣ, когда его могли потребовать на барскія работы. Маляръ не иначе могъ принять его къ себѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ имѣть письменное дозволеніе отъ своего владѣльца. Иначе и быть не могло: Шевченко, не имѣя дозволенія, могъ оказаться «бѣглымъ», а маляръ—«пристанодержателемъ», и за послѣднее могъ бы поплатиться очень дорого. Осторожный маляръ посовѣтовалъ Шевченку зару-

читься сперва письменнымъ дозволеніемъ помѣщика и тогда уже приходить къ нему.

Владѣлецъ Шевченка, старикъ Василій Энгельгардтъ, доживалъ свои годы въ мѣстечкѣ Ольшаной, гдѣ находился и центръ администраціи его имѣній, которыми въ это время управлялъ нѣкто Дмитренко. Послѣдній безъ всякаго сомнѣнія, когда явился къ нему Шевченко, не могъ не удивиться, что оборвышъ проситъ позволенія учиться живописи. И, конечно, Дмитренко, хотя изъ простого любопытства, началъ разспрашивать его о его жизни, а изъ разспросовъ не могъ уже не замѣтить, что Шевченко—мальчикъ проворный, бойкій и по своему развитію стоитъ выше массы своихъ сверстниковъ-крестьянъ. Такіе именно бойкіе мальчики и нужны были въ ту пору Дмитренку: по порученію сына владѣльца Ольшаной, гвардіи полковника Павла Энгельгардта, Дмитренко долженъ былъ набрать способнѣйшихъ изъ крестьянскихъ дѣтей и сформировать изъ нихъ «гвардію» для молодого Энгельгардта въ качествѣ поваровъ, лакеевъ, козачковъ и т. п. челяди. Такимъ образомъ, Дмитренко, вмѣсто выдачи Шевченку дозволенія поступить къ маляру, приказалъ ему поступить въ число его дворовой челяди, изъ которой потомъ способнѣйшіе должны были перейти уже въ «гвардію» самого владѣльца. Это было въ 1829 г., когда Шевченку шелъ 16 годъ.

Легко понять, какое чувство должно было вызвать въ душѣ Тараса Григорьевича распоряженіе *Дмитренка. Конечно*, представилось ему,

что надежда сдѣлаться «хочъ абиякимъ маляремъ» теперь у него совершенно исчезла. Онъ, который привыкъ бродить на свободѣ, очутившись теперь въ господской передней, долженъ былъ чувствовать нѣчто похожее на то, что чувствовалъ бы молодой орелъ, запертый въ позолоченную клѣтку. Но онъ былъ рабъ безправный и долженъ былъ безусловно подчиниться волѣ и приказанію управляющаго имѣніями его владѣльца. Шевченко въ это время не могъ не вспомнить и не пожалѣть о томъ времени, когда онъ пасъ овецъ и ему

„Такъ весело було:
Господне небо і село,
Ягня, одаеться, веселилось,
І сонце гріло, не пекло“ [1]).

Для человѣка съ тѣми способностями, съ тѣмъ глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, съ тою воспріимчивостью и впечатлительностью, какія были свойственны Шевченку, свобода, хотя бы и въ качествѣ «чабана» (пастуха овецъ), неизмѣримо выше и обаятельнѣе сидѣнія въ передней, хотя бы и въ роскошной, но все же на «крѣпостной» цѣпи. Тамъ, въ полѣ, полная свобода духу, чувству, мысли; здѣсь постоянное бдѣніе и молчаніе въ ожиданіи приказанія подать трубку, налить въ стаканъ воды и т. п. Переходъ съ поля въ господскую переднюю не могъ не опечалить глубоко Тараса Григорьевича. Да,

---

[1]) „Такъ было весело, что, казалось, веселится и Господне небо, и деревня, и барашекъ, а солнце не жжетъ, а только грѣетъ“.

онъ несомнѣнно опечалилъ его больше, нежели отказъ тарасовскаго Апеллеса.

V.

Если мы остановимся на стихотвореніяхъ Шевченка, какъ на вспомогательномъ источникѣ матеріаловъ для описанія и изученія жизни нашего великаго поэта, то замѣтимъ, что и онъ, какъ и другіе великіе поэты, наприм., Дантъ, Байронъ, Гюго, въ раннемъ дѣтствѣ имѣлъ подругу сердца, какую-то «кучерявую» Оксану. «Съ нею,— говоритъ нашъ поэтъ,—

Ми в купочці колись росли,
Маленькими собі любились,
А матері на нас дивились
І говорили, що колись
Одружимо іх" [1]).

Такъ какъ мать Шевченка умерла въ 1823 г., то, слѣдовательно, первая любовь его относится къ его 8—9-лѣтнему возрасту. Въ такомъ же возрастѣ впервые былъ влюбленъ и Байронъ.

Сердце Оксаны (Ксеніи) отвѣчало взаимностью. Поэтъ оставилъ намъ одно прелестное стихотвореніе, въ которомъ описалъ вліяніе, какое производила на него Оксана. Разъ, когда онъ пасъ овецъ, на него нашли такія тяжелыя думы, что у него «изъ глазъ хлынули слезы». Вблизи дѣвушка выбирала пеньку, услыхала, что онъ плачетъ, подошла къ нему и поцѣловала, утирая слезы. Отъ этого поцѣлуя поэту

[1]) „Мы вмѣстѣ когда-то росли и маленькими любили одинъ другого. Наши матери, глядя на насъ, говорили: „когда-нибудь повѣнчаемъ ихъ".

„Неначе сонце засіяло;
Неначе все на світі стало
Мое: лани, гаі, сади.
І ми жартуючи, погнали
Чужі ягнята до води“ [1]).

Но, увы, имъ не суждено было соединиться... Первая любовь никогда не забывается. Черезъ много лѣтъ, будучи въ ссылкѣ и находясь на пустынномъ азіатскомъ берегу Каспійскаго моря, Тарасъ Григорьевичъ вспомнилъ свою первую любовь, и у него вылилось чувство въ прелестномъ стихотвореніи:

„А я такъ мало, не багато
Благав у Бога: тільки хату,
Одну хатиночку в гаю
Да дві тополі коло неі,
Та безталанную мою,—
Мою Оксаночку, щоб з нею
У двох дивитися з гори
На Дніпр широкий...“ [2]).

Спустя опять долгое время, когда, уже по возвращеніи изъ ссылки, Шевченко былъ на родинѣ, онъ снова вспомнилъ Оксану и спросилъ у брата о ея судьбѣ. Крайне грустный отвѣтъ услышалъ онъ: «Пошла въ походъ за солдатами, да и погибла»...

---

[1]) „Какъ будто солнце стало сіять, какъ будто все на свѣтѣ сдѣлалось моимъ: поля, лѣса, сады. И мы, веселясь, погнали къ водопою чужихъ овецъ“.

[2]) „А я такъ мало, такъ немного молилъ у Бога: только одну избушку въ лѣсу, возлѣ нея два тополя и *несчастливую мою* Оксаночку, чтобы вмѣстѣ съ нею съ *горы смотрѣть на* широкій Днѣпръ“.

Оглядывая теперь всю совокупность, какая намъ извѣстна изъ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ Т. Г. Шевченка, мы видимъ, что дѣтство и отрочество его прошли среди ужасной обстановки. Неволя, ужасающая бѣдность, раннее сиротство, ссоры, брань, незаслуженные побои и дома, и въ школѣ... Босыя ноги, непокрытая голова, на ней «всякая нечисть», вѣчно грязная рубаха, изорванная свитка... Пьяный дьякъ, голодъ, кражи птицы, взятки, розги... Наконецъ, все это приводитъ въ переднюю барскаго управителя. Едва ли мы можемъ указать какого другого поэта съ такимъ темнымъ, угнетающимъ, тяжелымъ и безотраднымъ дѣтствомъ и отрочествомъ. Надъ дѣтскимъ и отроческимъ возрастомъ Шевченка соединилось въ одну густую тучу все то, что способно навсегда убить въ человѣкѣ всѣ его лучшія побужденія, всѣ благородные порывы его къ свѣту, добру, правдѣ, свободѣ и къ любви къ людямъ, какъ къ братьямъ. Густымъ облакомъ собралось и заволокло дѣтство и отрочество Шевченка все то, что озвѣряетъ человѣка противъ человѣка, искореняя въ сердцѣ естественную искру любви къ людямъ. Да, по истинѣ тяжкіе годы! Но все же мы видимъ, что люди и обстоятельства не сломали Тараса Григорьевича: мы видимъ у него святые порывы къ свѣту и не видимъ ни малѣйшей поддержки имъ со стороны людей, не видимъ ни одного яснаго луча, нѣжащаго и ласкающаго, согрѣвающаго и ободряющаго молодое *сердце, вливающаго* въ душу энергію и

силу и ведущаго къ свѣту. Нѣтъ, этого ничего нѣтъ. Только темнота и неволя, неволя и темнота... Ужасно!

Зная, при какихъ условіяхъ прошли первыя 15 лѣтъ жизни Шевченка, мы не можемъ не изумляться его необыкновенно крѣпкой природѣ духовной, которая устояла противъ всѣхъ бѣдствій, вынесла такую страшную борьбу и вышла изъ нея побѣдительницею. Не можемъ не удивляться необычайной нѣжности сердца и гуманности души, сохранившихъ и теплоту чувства, и силу вдохновенія и фантазіи, и свѣжесть любви къ природѣ и къ людямъ.

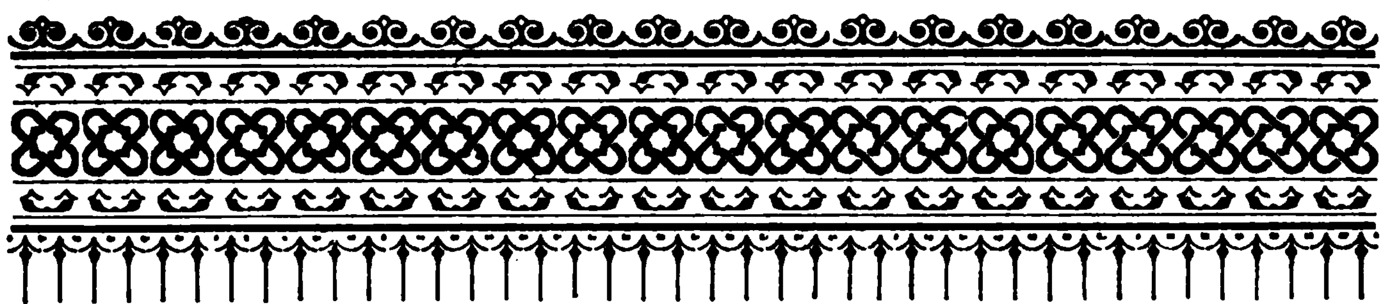
Кто же и что сохранило такъ Шевченка? Изъ людей единственнымъ добрымъ хранителемъ и воспитателемъ поэта въ дѣтскомъ возрастѣ была сестра его Екатерина Григорьевна до выхода ея замужъ, а потомъ уже сердце и душу поэта, его пытливый умъ, весь его духовно-нравственный организмъ кормила и воспитывала украинская природа, и только она одна. Она одна не давала угаснуть въ Шевченкѣ искрѣ высшаго дара, поддерживала огонь до той поры, пока искра вспыхнула пламенемъ «огненнаго слова». Вотъ почему страсть Шевченка къ живописи обнаружилась гораздо раньше, нежели даръ поэтическаго творчества. Къ живописи влекли его примѣры, а о поэзіи онъ въ отроческіе годы, безъ сомнѣнія, и не слыхалъ. По крайней мѣрѣ, неизвѣстно ни одного факта, чтобы онъ до выѣзда изъ Кириловки (т. е. до 1830 г.) *читалъ какія-нибудь* поэтическія произведенія.

Чтеніе ограничивалось, безъ сомнѣнія, церковными книгами и по преимуществу псалтыремъ. Мысль о поэтическихъ его способностяхъ въ то время не только никому постороннему, но и ему самому въ голову не приходила. Муза его проснулась гораздо позднѣе, подъ вліяніемъ иныхъ условій, мѣстъ и людей, зерна же, изъ которыхъ выросли поэтическія произведенія Шевченка, были положены еще въ Кириловкѣ: зернами тѣми были народная пѣсня, сказка, разсказы отца и дѣда и, наконецъ, псалтырь.

Такъ «не пролетѣла, а проползла въ нищетѣ, въ невѣжествѣ и въ униженіи» [1]) первая молодость генія украинско-русскаго слова Т. Г. Шевченка...

[1]) *Княгиня.*

ЮНОСТЬ ШЕВЧЕНКА

(1829 — 1838)

Біографическій матерьялъ о юношескихъ годахъ Шевченка до времени выкупа его изъ крѣпостнаго состоянія гораздо бѣднѣе, нежели матеріалъ о дѣтствѣ и отрочествѣ нашего поэта-художника. Всѣ старанія мои раздобыть новые матерьялы, освѣщающіе юность Шевченка, ни къ чему не привели. Вотъ почему о юности Шевченка я буду говорить только на основаніи данныхъ уже извѣстныхъ, которыя, собственно говоря, я только разсмотрю критически, объективно.

Этотъ, говорю я, убогій матерьялъ составляютъ: очень короткое автобіографическое письмо Шевченка къ А. А. Оболонскому; воспоминанія И. М. Сошенка, переданныя изъ устъ его г. Чалымъ въ книжкѣ «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка» [1]) и автобіографическая повѣсть Шевченка «Художникъ», изданная въ Кіевѣ въ 1889 году вмѣстѣ съ другими произведеніями

[1]) *Кіевъ 1882 г.*

Шевченка, писанными на русскомъ языкѣ. Если къ этому матерьялу прибавимъ нѣсколько мелкихъ извѣстій, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи и за-границей, то и получимъ все извѣстное о юности Шевченка. Получимъ очень мало, да къ сожалѣнію и это малое не все можно принять, какъ достовѣрное. Извѣстія, переданныя г. Чалымъ, записаны имъ, какъ говорится,—по старой памяти. Сошенко передалъ г. Чалому то, что зналъ о Шевченкѣ, спустя лѣтъ тридцать послѣ того, какъ познакомился съ Шевченкомъ и когда самъ уже былъ человѣкомъ пожилымъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если за такое продолжительное время изъ памяти Сошенка кое-что ускользнуло, кое-что сохранилось въ измѣненномъ уже видѣ, а кое-что по давности времени освѣщено иначе.

Сверхъ того въ книгѣ г. Чалаго не достаточно безпристрастія, а мѣстами рѣзко проглядываетъ полякофобство.

Въ то время, когда г. Чалый составлялъ свою книгу, повѣсть Шевченка «Художникъ» не была еще напечатана; поэтому, безъ сомнѣнія, онъ и не извлекъ изъ нея свѣдѣній о юношескихъ годахъ Шевченка, а между тѣмъ повѣсть эта даетъ біографу важный матеріялъ.

Повѣсть эта написана Шевченкомъ въ 1856 г. въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, почти за годъ до освобожденія автора изъ ссылки. Если бы Шевченко и не назвалъ этой повѣсти автобіографической, *то и тогда*, прочтя ее, очень легко

бы было узнать, кто выведенъ авторомъ въ лицѣ главнаго героя повѣсти. Правда, мѣстами обстановка измѣнена; но оставлены собственныя имена тѣхъ реальныхъ лицъ, которыя содѣйствовали выкупу Шевченка, его образованію и развитію. Передъ нами имена Брюлова, Венеціанова, Жуковскаго, Вьельгорскаго, Губера, Михайлова, Штеренберга и др. Если къ этому присоединимъ, что кое-что въ «Художникѣ» разсказано авторомъ также точно, какъ и въ «Запискахъ» его («Дневникѣ»), напечатанныхъ нѣкогда въ «Основѣ», а потомъ изданныхъ вполнѣ въ Львовѣ (1894 г.) особой книгой, то окажется, что матеріалъ изъ повѣсти полнѣе и болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, нежели воспоминанія Сошенка, переданныя въ книгѣ г. Чалаго.

Конечно, въ повѣсти многое замаскировано; но къ этому авторъ вынужденъ былъ условіями своего пребыванія въ Новопетровскомъ фортѣ.

~~~~~~~~~~~~

I.

Де нема сьвятои воли,
Не буде тамъ добра николы".

Шевченко (Кобзарь).

Управляющій имѣніями Энгельгардта—Дмитренко, взявши 16-тилѣтняго Шевченка въ штатъ барской прислуги, желалъ, неизвѣстно намъ—на какомъ основаніи, сдѣлать изъ него *повара* и и потому отослалъ его въ поварню для изученія тамъ кулинарнаго искусства. Разумѣется,
~~~~~~~~~~~~

это была только проба: Дмитренко желалъ, прежде чѣмъ отсылать юношу къ барскому двору, убѣдиться, имѣетъ ли Шевченко способности для изученія «кулинаріологіи». Конечно, если бы наблюденія дали утвердительный отвѣтъ, то великій поэтъ Украйны былъ бы отданъ въ науку въ Варшаву или въ другой большой городъ къ какому-нибудь извѣстному «профессору» кулинарнаго искусства, такъ какъ Энгельгардтъ былъ большой баринъ, любилъ поѣсть со вкусомъ, слѣдовательно, и поваръ для него нуженъ былъ соотвѣтствовавшій вкусу своего владѣльца.

Такимъ образомъ, недавній пастушокъ, «овчаръ», одѣтый теперь въ нанковую куртку, вмѣсто того, чтобы поступить, какъ онъ желалъ, къ маляру для изученія живописи, очутился—ученикомъ на кухнѣ Дмитренка у повара послѣдняго.

Поварство также имѣетъ свою азбуку и свою систему. Азбукою этой для Шевченка было: выгребать и выносить изъ-подъ плиты золу, приносить дрова, класть ихъ въ печку, выносить изъ кухни помои и т. п. У маляра онъ, конечно, растиралъ бы краски, чистилъ бы палиуру, обмывалъ бы кисти, а въ поварнѣ чистилъ принадлежности поварской профессіи — кастрюли, сковороды, ножи и т. п.

Едва-ли нужно говорить о томъ, что новая, совершенно неожиданная для нашего поэта-художника профессія вовсе не привлекала его; безсильна была она, чтобы уничтожить въ душѣ его благородные порывы учиться живописи и придушить *въ сердцѣ* у него, несознаваемое имъ

еще тогда, чувство потребности просвѣщенія и свѣта. Новая профессія, не соотвѣтствуя его способностямъ и характеру, вдругъ стала передъ нимъ препятствіемъ идти по пути къ лелѣянной въ молодомъ сердцѣ поэта цѣли сдѣлаться маляромъ: Шевченко это понималъ, а еще болѣе чувствовалъ всей своей свободолюбивой природою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ онъ не понимать и того, что противъ господской воли своего владѣльца ничего не подѣлаешь. Бросить поварню и Дмитренка, убѣжать; но куда же? куда пристроиться? гдѣ укрыться? кто возьметъ его безъ паспорта? кто прійметъ бродягу?

Куда идти? Вѣдь кругомъ тѣ же самыя условія и обстановка ненавистнаго крипостного состоянія! Есть, правда, не вѣдающая «крипацтва» свободная Кубань, со своими широкими степями и вольными козацкими станицами; о ней, быть можетъ, Шевченко и слыхалъ отъ отца или отъ дѣда Ивана, но она слишкомъ далеко, и пока доберешься туда — тебя десятокъ разъ могутъ остановить въ дорогѣ, какъ безпаспортнаго, арестовать, какъ бродягу... Тогда что? Окуютъ руки и ноги и по этапу препроводятъ въ Ольшану къ владѣльцу; а тутъ ужъ неизбѣжно — розги, а можетъ быть и «лобъ», въ солдаты. Нѣтъ, убѣгать — рискованно. Да пусть бы онъ и убѣжалъ — куда-нибудь поближе, напр., въ степи «невинчанної» Херсонщины, такъ что же тамъ сталъ бы онъ дѣлать? чѣмъ жилъ бы? Къ обыкновенной простой «чорной» работѣ его не тя-

нетъ; «непосидящая» натура его отталкиваетъ его отъ нея; да и не умѣлъ онъ ничего работать. Словомъ—сдѣлаться батракомъ, наймитомъ онъ *не могъ*, его претило. Вотъ если бы къ маляру; но ни одинъ малярь безпаспортнаго не возьметъ, опасаясь попасть въ «пристанодержатели».

Такимъ образомъ, у неопытнаго юноши не было другого выхода, какъ покориться волѣ Дмитренка и втихомолку нести ярмо крѣпостнаго права, изучая поварское искусство.

Но не такова была природа у Шевченка: она не давала ему молча гнуть шею, какъ волъ. Благородный даръ великаго таланта волновалъ юношу, не давалъ ему покоя; передъ нимъ стоялъ Хлыновскій дьяконъ-маляръ и невидимо, словно змій-обольститель, манилъ его изъ поварни, дымъ и угаръ которой безсильны были убить въ воспріимчивой молодой душѣ желаніе сдѣлаться «хочъ абы-якымъ маляремъ». Дмитренко и поварня. конечно, придушили эту надежду, но не убили, не искоренили ея, и, несомнѣнно, что юноша въ своихъ мечтахъ жилъ ею, на горизонтѣ своей жизни онъ видѣлъ ее; гдѣ-то далеко-далеко она свѣтилась передъ нимъ, но такъ далеко, что онъ не зналъ, какъ добраться къ ней. Какъ идти къ ней? Отвѣта не было!.. Ясно было одно, что желанная «зоря» не въ поварнѣ.

У такихъ людей, какъ Шевченко, какъ бы они ни покорялись внѣшнимъ условіямъ жизни, стѣсняющимъ свободу духа и жизни, никогда не исчезаетъ тотъ благородный подъемъ, который непобѣдимо *тянетъ* *ихъ* къ свѣту и свободѣ

духа. Природа—это самъ Богъ: въ какія оковы ее ни заковывайте, въ какія тюрьмы — ни запирайте ее, она такъ или иначе будетъ протестовать, до послѣдней возможности будетъ отстаивать свое природное право—жить соотвѣтственно своему *призванію*, жить свободно, только бы не стѣснять другихъ и никому не причинять вреда.

Такъ именно было съ юношей Шевченкомъ; да иначе и быть не могло съ человѣкомъ, который носилъ въ себѣ геніальныя способности «глаголомъ жечь сердца людей». Мы будемъ видѣть, что хотя Шевченко много, очень много терпѣлъ въ жизни, но онъ «претерпѣлъ до конца» и вышелъ изъ «крипацькои» неволи побѣдителемъ; изъ тьмы вышелъ на свѣтъ Божій. Энергія свѣта всегда сильнѣе и упруже энергіи темноты и мрака.

II.

Шевченко собиралъ рисунки, какіе только попадались и гдѣ только можно было ихъ достать. Конечно, это были лубочныя картинки суздальской «школы», аляповатыя издѣлія россійскихъ богомазовъ. Собралъ ихъ Шевченко значительную коллекцію и собралъ себѣ на бѣду. Коллекція лубочныхъ картинъ сдѣлалась для него постояннымъ искушеніемъ, не давала молодой душѣ его покоя и постоянно отвлекала его отъ исполненія обязанностей поваренка. Въ первую же мало-мальски удобную минуту Шевченко бросалъ иногда не дочищенныя сковороды и ка-

стрюли, оставлялъ поварню, убѣгалъ въ садъ и, выбравши здѣсь укромный, тѣнистый уголокъ, самъ для себя устраивалъ «выставку» своей коллекціи. Онъ развѣшивалъ на вѣткахъ деревьевъ и кустовъ свои картины и блаженствовалъ, любуясь ими, до тѣхъ поръ, пока властный голосъ повара или кого другого не позоветъ его въ поварню и не выведетъ изъ созерцательнаго состоянія. Одинъ изъ біографовъ Шевченка разсказываетъ, что если какая-нибудь, замѣченная Шевченкомъ, картина очень ужъ сильно приглянулась ему, а пріобрѣсти ее за деньги почему-нибудь невозможно было, Тарасъ не стѣснялся просто стибрить ее.

Основаніемъ къ такому извѣстію послужило, конечно, признаніе самого поэта, выраженное въ автобіографическомъ письмѣ его къ Оболенскому и въ извѣстномъ стихотвореніи его— А. О. Козачковскому. Поэтъ признается, что

. . . . „ще въ школи,
Такы въ учытеля дяка
Було украду пьятака,
(Бо я було трохы не голе,
Таке убоге!) тай куплю
Паперу аркушъ и зроблю
Маленьку кныжечку; хрестамы
И везерункамы зъ квиткамы
Кругомъ лысточкы обведу
Тай спысую „Сковороду"
Або „тры царіе со дары". [1])

[1]) Еще въ школѣ, бывало, украду 5 коп. у учителя-дьяка (я былъ бѣденъ, едва не нагъ), куплю листъ бумаги, сдѣлаю книжечку, *обведу ее* кругомъ крестами, цвѣтами и *рисую въ ней „Сковороду"* или „три царя съ дарами".

Уходя отъ своего учителя-деспота дьяка Богорскаго, Шевченко не устоялъ противъ искушенія стащить какую-то книженку съ гравированными рисунками. Наконецъ, когда уже сдѣлался «козачкомъ» у своего помѣщика Энгельгардта, онъ разъѣзжалъ съ нимъ по разнымъ городамъ, и, останавливаясь на постоялыхъ дворахъ, «я,— говоритъ Шевченко,— пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картину и такимъ образомъ составилъ себѣ драгоцѣнную коллекцію».

Заподозрить Шевченка въ неискренности этого признанія, въ дѣланности, въ желаніи порисоваться — невозможно. Мы будемъ видѣть массу случаевъ изъ жизни его, которые не могутъ не убѣдить каждаго въ томъ, что Шевченко былъ человѣкъ глубоко искренній, правдивый; всякую «рисовку» онъ презиралъ и даже въ исключительныхъ случаяхъ не соглашался сказать неправду. Онъ былъ фанатично правдивъ. Къ тому же онъ былъ натура страстная, воспріимчивая и порывистая. А такія натуры часто не останавливаются передъ средствами для удовлетворенія благородныхъ потребностей своего духа. Разъ задавшись какой-либо цѣлью, они идутъ къ ней до тѣхъ поръ, пока не прійдутъ, или же пока не убѣдятся воочію въ полной невозможности достигнуть намѣченной цѣли. Такъ, несомнѣнно, должно было быть и было и съ Шевченкомъ въ дѣлѣ составленія коллекціи картинъ. Разъ загорѣлось оъ немъ желаніе *имѣтъ ту или иную* картину, ту или иную при-

надлежность рисованія, онъ дѣлался рабомъ своего желанія.

Созерцая свою «выставку», Шевченко не могъ въ то же время не испытывать и тяжелой скорби о своей неудачѣ, о препятствіи Дмитренка сдѣлаться ему «когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ». Поэтому весьма естественно, что иногда онъ такъ глубоко входилъ въ созерцаніе, такъ проникался своею работою— скопировать тотъ или другой портретъ, что совершенно забывалъ о ненавистной ему поварнѣ. Конечно, такія отлучки не проходили ему даромъ и за нихъ не разъ случалось ему получать расплату изъ рукъ повара въ видѣ «чубковой», «ляпаса» или «лозыны».

Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, какъ долго Шевченко находился на испытаніи въ поварнѣ Дмитренка. Можно, однако, не боясь ошибки, предположить, что испытаніе длилось не болѣе полугода, скорѣе менѣе. Дмитренко взялъ его въ поварню весною 1829 года, а осенью того же года мы видимъ его уже въ Вильнѣ.

Наблюденія надъ Шевченкомъ въ ольшанской поварнѣ привели Дмитренка къ заключенію, что Шевченко не имѣетъ способностей къ изученію кулинарнаго искусства. Но Дмитренко не могъ не замѣтить, что Шевченко—юноша бойкій, развитой и вообще способный, поэтому, отправляя его вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, набранными изъ крестьянъ, въ Вильну къ Энгельгардту, Дмитренко аттестовалъ его

способнымъ не къ поварству, а къ малярству и совѣтовалъ сдѣлать изъ него комнатнаго маляра.

Вспомнимъ, что въ тѣ времена помѣщики зачастую имѣли у себя изъ своихъ же крѣпостныхъ не только слугъ и мастеровыхъ, но и пѣвцовъ, музыкантовъ, актеровъ; у нѣкоторыхъ были цѣлыя крѣпостныя труппы актеровъ (напр. у Трощинскаго), оркестры (у Гр. Тарновскаго, Галагана), прекрасные хоры, наприм., у Скоропадскаго и др., хорошіе балеты и т. п.

III.

Помѣщикъ Шевченка Павелъ Энгельгардтъ, владѣлецъ мѣстечка Ольшаной, села Кириловки и др. (въ нынѣшнемъ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губ.), хотя и состоялъ на службѣ въ русской императорской гвардіи, но жилъ по преимуществу въ прежней столицѣ Литвы—Вильнѣ. Считать Энгельгардта великороссомъ, конечно, никто не станетъ; не былъ онъ и тѣмъ, что въ наше время называется «обще-руссомъ». Въ то время и термина такого не существовало. Онъ былъ если не образцомъ, такъ во всякомъ случаѣ значительнымъ представителемъ той «мозаики», которой въ наше время такъ много и въ право- и въ лѣво-бережной Украинѣ. По отцу —нѣмецъ, по религіи—православный, по языку —полякъ или французъ, по службѣ—чиновникъ, по обычаямъ—космополитъ, или буржуа, или баринъ, по отношенію къ народу — крѣпостникъ, *владѣлецъ «душъ»* на украинско-русской землѣ;

наконецъ, по отношенію къ людямъ свободнымъ, которыхъ онъ считалъ ниже себя,—«напыщенное животное въ торжковскихъ туфляхъ», а въ сношеніи съ высшими—«амфибія», какъ выразился покойный Брюловъ. Таковъ нравственный портретъ владѣльца Шевченка. Но когда мы всмотримся глубже въ эту «мозаику», когда обратимъ вниманіе на обыденную домашнюю и общественную жизнь, такъ нельзя не замѣтить, что въ Энгельгардтѣ должны были преобладать обычаи, привитые польскою культурою и цивилизаціею,— замѣтимъ въ немъ ополяченнаго «русскаго нѣмца». Вся окружавшая его жизненная обстановка, условія жизни духовно-нравственной были таковы, что не только благопріятствовали ополяченію, но просто требовали его.

Въ то время, къ которому относится юность Шевченка, едва минуло тридцать лѣтъ съ того момента, когда *безправье* народной массы окончательно свалило Польшу, какъ государство самостоятельное, въ могилу, выкопанную руками польскаго шляхетства. Съ раздѣломъ Польши правобережная Украина присоединена къ Россіи; но чрезъ одно формальное присоединеніе правобережное панство не перестало быть польскимъ и продолжало жить, какъ жило и до того времени, культурою и цивилизаціею европейско-польскою. Россія того времени ничѣмъ культурнымъ не могла привлекать къ себѣ польскаго панства. На правомъ берегу Днѣпра просвѣщеніе и культура были и древнѣе, и гораздо выше, нежели *въ средней* Россіи. Подъ конецъ

XVIII в. между русскимъ дворянствомъ встрѣчалось не мало людей высокопросвѣщенныхъ, цивилизованныхъ; но въ массѣ дворянства едва-едва начинали просвѣчивать лучи цивилизаціи, да и-то не національной, а принесенной съ запада. Польша, хотя и потеряла самостоятельность государственную, но для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что поляки не потеряли своей національности и свойственныхъ ей культурно-просвѣтительныхъ условій, кое въ чемъ не симпатичныхъ для насъ, но тѣмъ не менѣе имѣвшихъ глубокіе традиціонные корни. Россія была въ то время не настолько сильна, чтобы подчинить своей культурѣ и просвѣщенію—культуру и просвѣщеніе польскія. Напротивъ: многіе русскіе люди того времени, желая или не желая, воспринимали польскую культуру и цивилизацію. Явленіе это составляетъ несомнѣнный фактъ не только во время юности Шевченка, но и гораздо позднѣе. Въ этомъ случаѣ лучше всего взять въ свидѣтели такихъ людей, какъ Костомаровъ и Солтановскій: перваго изъ нихъ никто не назоветъ полонофиломъ, а о послѣднемъ никто не скажетъ, что онъ не полонофобъ. Они намъ повѣдали то, что сами видѣли. Костомаровъ, какъ извѣстно, въ первой половинѣ 40-хъ годовъ былъ учителемъ на Волыни, потомъ профессоромъ въ кіевскомъ университетѣ. Солтановскій чуть не на 20 лѣтъ позднѣе Костомарова былъ учителемъ гимназіи тоже на Волыни и часто посѣщалъ Кіевъ. По словамъ Костомарова во всемъ правобережьи языкомъ интеллигенціи

былъ языкъ польскій, даже крестьяне усваивали его. «Иначе и быть не могло тамъ, гдѣ масса православнаго украинскаго народа была порабощена панами польскими латинской религіи. Поляки поступали въ кіевскій университетъ съ большимъ просвѣщеніемъ, нежели русскіе. Это зависѣло уже не отъ школьнаго просвѣщенія, а отъ первоначальнаго домашняго воспитанія. Молодежь съ лѣваго берега, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, одаренныхъ выдающимися способностями, отличалась тупостью, лѣностью и апатіей къ духовному труду..[1])

«Въ школахъ, говоритъ Солтановскій, учили по-польски. Въ тѣхъ семействахъ, которыя пріѣхали изъ Великороссіи, обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ былъ польскій. Православная прислуга также говорила по-польски». [2])

Такимъ образомъ, совершенно естественно, что и въ домашней жизни Энгельгардта господствовалъ польскій языкъ и всѣ польскіе обычаи. Естественно, поэтому, было и зажить ему по преимуществу тамъ, гдѣ господствовала культура и цивилизація польская.

Энгельгардтъ, какъ и всѣ его польскіе собратья, держался между прочимъ и обычая имѣть въ домѣ комнатнаго козачка.

«Изобрѣтеніе комнатныхъ козачковъ, говоритъ Шевченко, принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украины — полякамъ; помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенима-

---

[1]) Литер. наслѣдіе, стр. 65.

[2]) Кіев. Стар. 1892. Май, стр. 234.

ютъ у нихъ козачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краѣ, нѣкогда козацкомъ, сдѣлать козака ручнымъ съ самаго дѣтства, это то же самое, что въ Лапландіи покорить произволу человѣка быстроногаго оленя... Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго нѣмца, смотрѣлъ на козачка болѣе практическимъ взглядомъ»...

Вѣроятно, благодаря этой практичности, Энгельгардтъ не обратилъ вниманія на совѣтъ Дмитренка въ отношеніи Шевченка и назначилъ послѣдняго, когда его доставили въ Вильну, комнатнымъ козачкомъ.

IV.

Обязанности комнатнаго козачка были столько же не сложны, сколько для живой души мучительны: «Помѣщикъ мой, говоритъ Шевченко въ своей автобіографіи, вмѣнялъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ углу передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать трубку, тутъ же возлѣ него стоящую, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія пѣсни и срисовывая украдкою картины суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашемъ, который—признаюсь въ этомъ—безъ всякой совѣсти укралъ у конторщика!».

«Баринъ мой, продолжаетъ Шевченко, былъ *человѣкъ дѣятельный*, онъ безпрестанно ѣздилъ,

то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ и таскалъ за собою въ обозѣ и меня, для сидѣнія въ передней, подаванія трубки и т. п. Нельзя сказать, иронизируетъ поэтъ, чтобы я тяготился тогдашнимъ моимъ положеніемъ. Оно только теперь (1860 г.) приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ, безсвязнымъ сномъ».

Переѣзды эти совершались на лошадяхъ. Для отдыха нужно было останавливаться на постоялыхъ дворахъ. Тутъ-то Шевченко, признается онъ, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку и составилъ себѣ, такимъ образомъ, драгоцѣнную коллекцію. Особенными любимцами его были историческіе герои, какъ-то: Соловей-Разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, козакъ Платовъ и др. «Конечно, не жажда стяжанія управляла мною, добавляетъ поэтъ, но *непреодолимое* желаніе срисовать съ нихъ, насколько возможно, вѣрныя копіи».

Сейчасъ мы увидимъ, какъ дорого поплатился одинъ разъ Шевченко за такое срисовываніе копіи съ портрета козака Платова; а теперь скажемъ, что въ этомъ-то «непреодолимомъ желаніи» и выразилось то *призваніе* художника, которое вложила въ Шевченка рука природы, которому онъ безсиленъ былъ противиться и котораго не въ состояніи были заглушить въ немъ никакія внѣшнія обстоятельства.

Мы уже видѣли, что *призваніе* это явилось въ немъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, еще въ школѣ у дьяка и вступило въ борьбу съ противо-

дѣйствіями. Ниже увидимъ, что оно не оставляло его всю жизнь, до самой могилы; вся жизнь поэта-художника прошла въ страшной борьбѣ *призванія* съ темными противодѣйствующими силами.

V.

6-го декабря, какъ извѣстно, праздникъ св. Николая, день одинаково чтимый какъ среди православныхъ, такъ и среди католиковъ. Въ этотъ день праздновалось и тезоименитство императора Николая Павловича. Виленское дворянство въ этотъ день, въ 1829 г., устроило въ дворянскомъ собраніи большой балъ. Съѣздъ на балъ былъ огромный: какъ польско-литовская аристократія, такъ и бывшая въ Вильнѣ русская бюрократія.

Ночь. Въ залахъ дворянскаго собранія «огни горять, музыка грае», люди пожилые упражняются за зелеными столами, «приписывая и отписывая»; въ гостинныхъ звенитъ изысканная, изящная польская бесѣда; на хорахъ—«музыка квылыть, завывае», въ главномъ залѣ въ вихряхъ вальса кружится изящная молодежь... Всѣмъ весело. Тутъ гдѣ-то и владѣлецъ Шевченка, гвардіи полковникъ Павелъ Васильевичъ Энгельгардтъ. А тамъ, въ квартирѣ его, также развлекается среди ночи козачекъ его Тарасъ Шевченко; только развлекается иначе. Зная, что Энгельгардтъ возвратится съ бала поздно и что въ отсутствіе его козачка никто не потревожитъ приказаніемъ—подать трубку, Шев-

ченко зажегъ въ передней сальную свѣчу, перенесъ сюда свою коллекцію и расположился писать копію съ портрета козака Платова. Легко представить себѣ такую картину: свѣтло-голубые, почти сѣрые глаза 15-лѣтняго Шевченка горятъ искрами; въ нихъ свѣтится никѣмъ не замѣчаемый, имъ самимъ не сознаваемый огонь *призванія*; они пристально впились въ портретъ Платова; они измѣряютъ коня; измѣряютъ—сидящаго на конѣ генерала, всматриваются въ длинную густую гриву коня и въ козацкіе усы генерала... Наконецъ, Шевченко придвигаетъ полулистъ сѣрой бумаги; рука его опускается въ карманъ, достаетъ оттуда карандашъ, стибренный у конторщика; козачекъ наклоняется надъ столомъ и всѣми напряженными и возбужденными силами принимается за работу. Прилежно, вдумчиво ведетъ онъ свою работу; онъ весь, всею душою своею погрузился въ нее. Вотъ ужъ и полночь минула, а Шевченко работаетъ, не отводя глазъ отъ портрета Платова. И конь, и генералъ окончены, осталось нарисовать «маленькихъ козачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня». Еще немного времени, и рисунокъ былъ-бы оконченъ. Тарасъ такъ ушелъ въ свою работу, что обязанности козачка совершенно вылетѣли у него изъ головы. Не слышитъ онъ, какъ у подъѣзда заскрипѣлъ снѣгъ подъ санями; какъ раздался и затихъ конскій топотъ; какъ заскрипѣла дверь передней!... Шевченко тогда только освободился изъ мощныхъ объятій *призванія*, когда почувство-

валъ, что чья-то рука немилосердно деретъ его за ухо... Оглянулся — передъ нимъ баринъ!... Передъ бариномъ—мастерская козачка-художника! Это такъ взбѣсило Энгельгардта! Да и какъ не взбѣситься! Козачекъ не встрѣтилъ его въ сѣняхъ, не отворилъ ему дверей и... осмѣлился жечь въ передней свѣчу! Вѣдь этакъ «онъ могъ сжечь не только домъ, но и весь городъ». [1])

Выдравши въ порывѣ гнѣва Шевченка за уши, накормивъ его «лящамы» [2]), Энгельгардтъ этимъ не удовлетворился! «Проступокъ» козачка требовалъ, по кодексу крѣпостного права, болѣе строгаго возмездія. За этимъ дѣло не стало: утромъ слѣдующаго дня на полу конюшни происходила обычная для того времени сцена: козачекъ-маляръ растянутъ, на плечахъ у него сидитъ одинъ кучеръ, на ногахъ—другой; третій же, Сидорка, вооруженный пучкомъ розогъ, по обнаженному тѣлу Шевченка, равномѣрными ударами, пишетъ «хартію» крѣпостного права! Изъ дебелой руки Сидорки раздается дикій свистъ розогъ, изъ тѣла Шевченка катятся брызги крови, но изъ устъ Шевченка ни стоновъ, ни криковъ, ни просьбъ о пощадѣ! Молча, стиснувъ зубы и губы, Тарасъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы изъ груди не выпустить звука. Онъ сознаетъ, что съ тѣмъ звукомъ вырвалась бы не просьба, а проклятіе. Только изъ глазъ истязуемаго катятся на грязный полъ конюшни чистыя, какъ утренняя роса, крупныя слезы!..

---

[1]) *„Кобзарь“* 1876 г., стр. XX.

[2]) *Оплеухами.*

Намъ, съ вами, читатель, дѣлается и больно и гадко при одномъ воображеніи этой возмутительной сцены поруганія человѣка надъ человѣкомъ; но для Энгельгардта и для исполнителей его приказанія подобная картина не представляла ничего необычайнаго! Такъ ужъ крѣпостное право воспитало и духъ и обычаи! У народа, не знавшаго прежде пана, въ описываемое время «поныклы головы козачи, не наче стоптана трава!». Вспоминая это лютое время, мы тѣмъ болѣе высоко цѣнимъ актъ 19-то февраля 1861 г.!

Приведенный случай, конечно, не былъ единственнымъ; безъ сомнѣнія, непокорная барской власти свободолюбивая натура Шевченка, многократно въ той, или иной формѣ заявляла, конечно, чаще всего безсознательно, а только «наперекоръ», протестъ. И Энгельгардту нельзя было не убѣдиться, что изъ Шевченка не будетъ козачка-лакея. Нельзя было ему не прійти къ сознанію своей ошибки и не признаться самому себѣ, что слѣдовало принять совѣтъ Димитренка въ отношеніи Шевченка. Дѣло, повторяю, стало для Энгельгардта очевиднымъ: козачка изъ Шевченка не сдѣлаешь, а маляра утеряешь. Но поправить ошибку еще не поздно. И вотъ, находясь въ Варшавѣ, Энгельгардтъ отдаетъ, наконецъ, Шевченка въ науку къ какому-то маляру. Такимъ образомъ, побѣда осталась за Шевченкомъ. Быть можетъ, послѣдній и не сознавалъ тогда всего значенія этой побѣды, но несомнѣнно, что привѣтствовалъ ее, радѣлъ ей,

какъ радѣютъ утренней зарѣ люди, истомленные темнотою долгой ночи.

VI.

Никто не сказалъ намъ до сихъ поръ имени варшавскаго маляра, къ которому Энгельгардтъ отдалъ Шевченка въ науку. Біографы говорятъ только, что маляръ тотъ былъ человѣкъ очень добросовѣстный: прійдя чрезъ полгода къ Энгельгардту за полученіемъ денегъ, онъ повѣдалъ ему о великихъ способностяхъ Шевченка и о склонности его къ портретной живописи.

Энгельгардтъ, какъ человѣкъ практическій, понялъ какую пользу онъ можетъ извлечь, имѣя хорошаго «собственнаго» художника-портретиста. По совѣту того же маляра онъ отдалъ Шевченка къ извѣстному въ то время въ Варшавѣ портретисту Лампи. Послѣдній, впрочемъ, не принялъ Шевченка къ себѣ въ домъ, а согласился только взять его приходящимъ ученикомъ.

Въ это время Шевченку, по словамъ г. Чалаго, исполнилось 16 лѣтъ; слѣдовательно, дѣло происходило въ 1831 г. Юноша вступилъ въ возрастъ, когда впервые проявляется въ человѣкѣ потребность *любить*. Онъ познакомился «съ дѣвушкой, принадлежавшей къ другой средѣ» (т. е. не принадлежавшей къ сословію крѣпостныхъ). Дѣвушка имѣла «независимый образъ мыслей». Она была швея. «Это знакомство имѣло сильное вліяніе на загнанную, но глубоко впечатлительную натуру Шевченка». Онъ влюбил-

ся въ швею, и это чувство, по словамъ Сошенка, который слышалъ это отъ самого Шевченка, «облагородило его душу, возвысило его въ собственныхъ глазахъ»; онъ въ первый разъ пришелъ къ мысли: «почему и крѣпостнымъ не быть такими же людьми, какъ другія свободныя сословія»[1]).

Я не могу согласиться съ почтеннымъ Чалымъ, что тогда только *впервые* родилась у Шевченка мысль о свободѣ и сознаніи человѣческаго достоинства. Вызвать то и другое было много случаевъ гораздо раньше. Достаточно вспомнить, что дѣдъ его Иванъ, умершій, когда Шевченко былъ уже въ академіи, былъ очевидцемъ, а, быть можетъ, и отдаленнымъ участникомъ гайдамачины: онъ, несомнѣнно, понималъ причины и цѣли этого народнаго движенія. Въ бесѣдахъ съ Тарасомъ онъ, конечно, если не прямо, то косвенно объяснялъ ему, за что «Зализнякъ и Гонта ляхивъ покаравъ». Разумѣется, подъ вліяніемъ любви мысли о свободѣ и человѣческомъ достоинствѣ «крипакивъ» должны были у воспріимчиваго юноши заговорить сильнѣе, громче; но зародились они непремѣнно раньше того момента, когда у поэта явилось сердечное влеченіе къ дѣвушкѣ. Моментъ болѣе или менѣе сознательнаго пробужденія такихъ мыслей и желаній въ Шевченкѣ правдоподобнѣе будетъ отнести къ тому времени, когда Дмитренко не дозволилъ ему поступить для изученія

---

[1]) *Чалый, стр. 21.*

малярства къ хлипновскому дьякону и обратилъ его въ кухоннаго поваренка, когда кухня Дмитренка обратилась для него въ первую «широкую тюрьму».

Къ сожалѣнію, опять не названо намъ имя дѣвушки, въ которую влюбился 16-лѣтній юноша, имѣются только нѣкоторыя основанія предполагать это имя. Въ автобіографическомъ матеріалѣ, оставленномъ намъ Шевченкомъ, нѣтъ прямого и несомнѣннаго указанія на первую любовь поэта; есть только два или три и то довольно неопредѣленныхъ намека. Въ своемъ дневникѣ, въ 1857 г. поэтъ записываетъ, что видѣлъ во снѣ милую, чорнобровую Дуню Гашковскую, молящуюся въ церкви св. Анны въ Вильнѣ.[1]) Въ «Художникѣ» встрѣчается намекъ на какую-то любовь, которая отравила его существованіе. Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ къ Брониславу Залѣскому поэтъ говоритъ, что «Вильна дорога его сердцу по воспоминаніямъ». Ужъ, конечно, не въ Энгельгардтѣ, не въ Сидоркѣ, не въ сидѣніи безмолвно въ передней, не въ подаваніи трубки и т. п. заключались *дорогія* воспоминанія о Вильнѣ.

Для того, чтобы образъ какого-либо человѣка представлялся намъ живо послѣ того, какъ мы больше 25 лѣтъ не видѣли его, для того, чтобы мы вспоминали о немъ съ такой сердечной теплотою, съ какою Шевченко вспомнилъ *милую* чернобровую Дуню чрезъ 25 лѣтъ,—надо,

[1]) *Записки або* журналъ 5 сентября 1857 г.

чтобы этотъ человѣкъ оставилъ въ нашемъ сердцѣ и въ нашемъ воображеніи глубокіе слѣды.

Изъ стихотвореній и писемъ Шевченка къ Федоту Ткаченку (товарищу по академіи) мы знаемъ, какое магическое значеніе имѣли для поэта черныя женскія брови. Вотъ на основаніи этихъ данныхъ я и предполагаю, что дѣвушка, о которой говоритъ г. Чалый, была Дуня Гашковская.

Къ какой національности она принадлежала? Строго говоря, въ данномъ случаѣ такой вопросъ былъ бы совершенно празднымъ, если бы г. Чалый не придалъ ему совсѣмъ несоотвѣтствующаго и неподобающаго значенія. «Любовь эта, говоритъ онъ, не обошлась безъ жертвъ; коханка потребовала отъ Тараса, во имя сердечной привязанности, отреченія отъ хлопскаго языка въ пользу шляхетской національности. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ она не допускала иного языка, кромѣ польскаго. Волей-неволей Шевченко долженъ былъ учиться по-польски.»

Выходитъ, слѣдовательно, что возлюбленная Шевченка была *полька*. Если мое предположеніе о Гашковской не ошибка, то имя — Дуня—становится нѣсколько въ противорѣчіе съ утвержденіями г. Чалаго. Но пусть будетъ — полька. Хотя болѣе вѣроятій признать, что знакомство Шевченка съ своей возлюбленнной имѣло мѣсто въ Вильнѣ, а не въ Варшавѣ; но допустимъ послѣднее и—спросимъ: какую же жертву своей *возлюбленной* принесъ нашъ поэтъ,

научившись говорить и читать по-польски? Если это жертва, то «жертва» просвѣщенію, культурѣ, а не «шляхетской національности». Самъ почтенный біографъ признаетъ, что «уроки изученія польскаго языка дали впослѣдствіи Шевченку возможность читать въ подлинникѣ сочиненія Либельта, Мицкевича и другихъ».

Но дѣло въ томъ, что со стороны Шевченка даже и такой «жертвы» не было. Находясь «козачкомъ» у Энгельгардта, онъ въ силу условій, о которыхъ я говорилъ выше, не могъ не умѣть и несомнѣнно говорилъ по-польски ранѣе знакомства съ предметомъ своего сердца. Съ другой стороны, возлюбленная Шевченка, какъ полька-варшавянка, несомнѣнно не владѣла ни русскимъ, ни роднымъ Шевченка—украинскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, дѣло очевидное, что для бесѣдъ у нашихъ влюбленныхъ и *не могло* быть иного языка, кромѣ польскаго — родного дѣвушкѣ и достаточно знакомого юношѣ.

Не долго, однако, продолжалось для нашего поэта блаженство первой любви: г. Чалый называетъ его мимолетнымъ и говоритъ, что оно, «пролетѣвъ волшебнымъ призракомъ среди неволи и страданій, должно было заставить его еще сильнѣе почувствовать свое безвыходное положеніе». Далѣе г. Чалый справедливо указываетъ на двойственныя мученія, жестоко терзавшія душу воспріимчиваго юноши Шевченка. Съ одной стороны, сознаніе собственной неволи и созерцаніе жестокаго обращенія съ людьми управляющихъ и экономовъ Энгельгардта, съ другой

стороны — все болѣе созрѣвшая мысль: «почему бы и крѣпостнымъ не быть такими же свободными людьми, какъ и всѣ?».

VII.

Совершенно случайныя обстоятельства заставили влюбленнаго юношу Шевченка разстаться съ своей возлюбленной. Готовилось польское возстаніе 1830 г. Энгельгардтъ очень хорошо сознавалъ, что ему неизбѣжно скорѣе занять такое положеніе, при которомъ возстаніе не коснулось бы и его лично, если не имущественно; при которомъ не пришлось бы ему осматриваться то направо, то налѣво, т. е. чтобы ни революціонное, ни законное правительство не имѣли основанія привлекать его къ той, или иной отвѣтственности. Оставаться какъ въ Варшавѣ, такъ и вь Вильно было невозможно; переѣхать въ Вильшану также не безопасно, предполагая, что революціонное движеніе можетъ распространиться и на правобережную Украину. Онъ рѣшилъ оставить службу и переѣхать въ Петербургъ. За нимъ, конечно, долженъ былъ слѣдовать и Шевченко.

Какимъ образомъ послѣдній совершилъ это, довольно дальнее для того времени, путешествіе, — объ этомъ имѣются не одинаковыя извѣстія.

«Вмѣстѣ съ прочими дворовыми, говоритъ г. Чалый, Шевченко былъ отправленъ въ Сѣверную Пальмиру по этапу», добавляя, что «такой способъ *отправки былъ* внушенъ Энгельгардту

излишнею подозрительностью, чтобы слуги дорогою не разбѣжались»[1]). Въ другомъ извѣстіи[2]) читаемъ, что когда Шевченко путешествовалъ по этапу, такъ у него на одномъ сапогѣ оторвалась подошва, и онъ, чтобы не отморозить ноги (дѣло было зимою), долженъ былъ довольно часто переодѣвать дырявый сапогъ съ одной ноги на другую.

Оба эти извѣстія представляются маловѣроятными Трудно предположить, чтобы Энгельгардтъ руководился опасеніями о побѣгѣ слугъ; еще труднѣе допустить, чтобы и послѣдніе имѣли подобное намѣреніе. Конечно, побѣги крѣпостныхъ были явленіемъ обычнымъ, но совершить побѣгъ изъ Варшавы, или изъ Вильны—было удобнѣе, нежели съ дороги. Безъ сомнѣнія, въ числѣ слугъ Энгельгардта были и такіе рабы, которыхъ не тяготило ярмо крѣпостного права, о побѣгѣ они и не думали, и не допустили бы къ нему и своихъ товарищей. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы Энгельгардтъ рѣшился такъ сильно компрометировать себя и передъ администраціей, отправляя своихъ лакеевъ, поваровъ и т. п. по этапу, да еще и такими оборвышами! Наконецъ, пересылка людей этапнымъ порядкомъ требовала значительныхъ расходовъ, а главное — согласія администраціи. Хотя крѣпостное право въ то время и процвѣтало, но нельзя допустить, чтобы администрація согласилась принять на себя обя-

[1]) Чалый, стр. 22.
[2]) Кіев. Стар. 1882, кн. X.

занность 2—3 мѣсяца томить этапомъ людей ни въ чемъ неповинныхъ! Одного же желанія владѣльца ихъ для этого было недостаточно.

Поэтому исторію съ этапомъ надо отвергнуть, а принять отвергнутое г. Чалымъ безъ всякаго основанія извѣстіе Мартоса,[1]) о томъ что Шевченко вмѣстѣ со всей прислугой Энгельгардта отправился въ обозѣ на лошадяхъ, какъ это, обыкновенно, въ то время и практиковалось всѣми душевладѣльцами. Возможно допустить еще одно предположеніе, что Энгельгардтъ, уѣзжая въ Петербургъ, оставилъ Шевченка въ Варшавѣ, чтобы не прерывать занятій его у Лампи. Въ такомъ случаѣ надо принять, —и это всего достовѣрнѣе,— извѣстіе, сообщенное Костомаровымъ, со словъ самого Шевченка, что революціонное правительство въ эпоху возстанія 1830 г. выпроводило его изъ Варшавы вмѣстѣ съ другими русскими, давши ему денегъ тогдашними революціонными ассигнаціями.[2])

Но какъ бы оно тамъ ни было, достовѣрно то, что или въ концѣ 1830 г., или въ самомъ началѣ 1831 г. Шевченко былъ уже въ Петербургѣ.

VIII.

Какъ провелъ поэтъ Украины 1831 годъ— не имѣется никакихъ извѣстій. Надо полагать, что онъ опять находился при Энгельгардтѣ въ роли козачка, терзаясь душевно и своей ролью,

[1]) Вѣстн. Юго-Зап. Россіи 1863 г., стр. 34.
[2]) Кобзарь 1876, стр. VII.

и прерваннымъ обученіемъ малярству, и разлукой со своей милою чернобровою Дуней.

Между тѣмъ исполнилось ему 18 лѣтъ, и такъ какъ «надежды Энгельгардта на лакейскую расторопность мою не оправдались, говоритъ поэтъ, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, нѣкоему Ширяеву въ Петербургѣ».

Ширяевъ былъ человѣкъ грубый, необразованный, скупой, необыкновенно строгій. «Онъ, по словамъ самого Шевченка, соединялъ въ себѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьякона-хиромантика».[1])—«Онъ держалъ у себя постоянно трехъ, а иногда и болѣе, замарашекъ въ тиковыхъ халатахъ подъ именемъ учениковъ и, смотря по надобности, отъ одного до десяти нанималъ поденно и помѣсячно костромскихъ мужиковъ маляровъ и стекольщиковъ».[2]) Ученики Ширяева, а въ числѣ ихъ и нашъ поэтъ, исполняли, по указанію хозяина, различныя малярскія работы въ частныхъ домахъ, красили крыши, потолки, полы, заборы и т. п. Съ учениками и рабочими Ширяевъ обращался крайне грубо; они его страшно боялись.—Въ «Запискахъ»[3]) Шевченка, мы встрѣчаемъ краткое, но характерное извѣстіе о томъ страхѣ, который Ширяевъ наводилъ на своихъ учениковъ однимъ своимъ появленіемъ.

---

[1]) Кобзарь 1876, стр. XX.
[2]) Поэмы и повѣсти Шевченка стр. 268.
[3]) Записки або журналъ, стр. 39.

Дѣло происходило въ 1836 г., слѣдовательно, когда Шевченку шелъ уже 23 годъ, когда онъ, проживши у Ширяева уже четыре года, успѣлъ привыкнуть къ грубому деспотическому характеру своего учителя-хозяина. Въ Петергофѣ ежегодно 1 іюля устраивалось въ царствованіе Императора Николая Павловича роскошное народное гулянье при весьма эфектномъ освѣщеніи. Естественно было родиться и у Шевченка желанію посмотрѣть праздникъ, на который собирались десятки тысячъ народу всякаго возраста и всѣхъ сословій. Но онъ зналъ, что Ширяевъ не отпуститъ его въ Петергофъ, зналъ также, что самъ Ширяевъ отправляется съ женою; слѣдовательно, отправясь безъ дозволенія, возможно встрѣтиться съ нимъ на гуляньи— тогда бѣда. Но влеченіе было велико, и оно у такихъ артистическихъ и воспріимчивыхъ натуръ, какъ Шевченко, всегда превозмогаетъ страхъ. Тарасъ, имѣя въ карманѣ 50 коп., отправился въ Петергофъ. Не успѣлъ хорошо присмотрѣться къ освѣщенію сада, къ фонтанамъ, къ массѣ гуляющихъ,— глядь: Ширяевъ подъ руку съ женою! Тарасъ остолбенѣлъ! Встрѣча такъ ошеломила его, что онъ, какъ можно скорѣе, незамѣченный еще Ширяевымъ, оставилъ гулянье и поспѣшилъ домой, гдѣ и нашли его на другой день спящимъ на чердакѣ.

Нерѣдко случалось Шевченку, отправляясь на малярскія работы, проходить черезъ лѣтній садъ. Здѣсь, какъ извѣстно, масса всякаго рода фигуръ, которыя каждый разъ составляли для

нашего поэта великій соблазнъ, тянули его къ себѣ. Онъ останавливался передъ ними, любовался ими и срисовывалъ нѣкоторыя изъ нихъ.

VIII.

Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ онъ совершенно случайно познакомился съ ближайшимъ своимъ землякомъ, художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенко, имѣвшимъ впослѣдствіи громадное значеніе въ освобожденіи его изъ крѣпостного состоянія и въ развитіи его художественнаго таланта.

Первое знакомство этихъ двухъ художниковъ надо признать важнѣйшимъ моментомъ во всей жизни Шевченка. Трудно угадать, какая судьба выпала бы на долю генія нашего слова, если-бы онъ не познакомился съ Сошенко? Посчастливилось-ли бы ему какимъ-нибудь инымъ путемъ выйти изъ темнаго подземелья и съ ширяевскаго чердака на свѣтъ и на свободную дорогу, или же подъ тяжестью крѣпостного рабства навсегда увяли бы и засохли тѣ огромныя способности, которыми природа такъ щедро надѣлила Шевченка? Возможно было и то и другое! Намъ извѣстно много примѣровъ того, что столь необыкновенныя силы, какими обладалъ Шевченко, не погибали. Извѣстно также, что геній почти никогда не переходитъ черезъ поле своей жизни обыкновенною, протоpенною тропою; но самъ себѣ прокладываетъ *новый путь* чрезъ терніи, самъ себя вскармли-

ваетъ, окрыляется и взлетаетъ высоко, чтобы, паря надъ массою, пустить въ нее съ своей высоты искру того «огня святого», который согрѣваетъ сердца людей.

Такимъ проводникомъ для Шевченка и надо признать художника Сошенка, сына бѣднѣйшаго мѣщанина изъ мѣстечка Богуслава, каневскаго уѣзда. Сошенко на 24 году своей жизни, омраченной всякого рода лишеніями, какъ неизбѣжными результатами бѣдности, добрался въ Петербургъ съ цѣлью поступить въ академію художествъ. При помощи нашего земляка, Григоровича, бывшаго секретаремъ академіи, ему удалось въ 1834 г. достигнуть своей завѣтной цѣли.

О первой встрѣчѣ Сошенка съ Шевченкомъ въ книгѣ г. Чалаго [1]) переданъ разсказъ со словъ Сошенка въ такомъ видѣ: «Когда я былъ на гипсовыхъ головкахъ — въ 1835 или 36 г. въ академію приходилъ швагеръ Ширяева. Отъ него я (Сошенко) узналъ, что у зятя его находится въ мальчикахъ землякъ мой, Шевченко, о которомъ я кое-что слышалъ еще въ Ольшаной, живя у своего перваго учителя Превлоцкаго. Я просилъ родственника Ширяева прислать ко мнѣ на квартиру моего земляка. Узнавъ о моемъ желаніи, Тарасъ на другой же день, въ воскресеніе, отыскалъ мою квартиру въ 4-й линіи Васильевскаго острова и явился ко мнѣ въ такомъ видѣ: на немъ былъ замасленный

---

[1]) *Жизнь и произведенія* Тараса Шевченка, стр. 22.

тиковый халатъ, рубаха и штаны изъ толстаго деревенскаго холста, запачканный въ краску, босой, росхристанный и безъ шапки. Онъ былъ угрюмъ и застѣнчивъ. Съ перваго же дня нашего знакомства я замѣтилъ въ немъ сильное желаніе учиться живописи. Онъ началъ приходить ко мнѣ, не пропуская ни одного праздника, потому что въ будни и мнѣ было некогда да и его хозяинъ не отпустилъ бы. Во время такихъ посѣщеній Тарасъ отрывками передавалъ нѣкоторые эпизоды изъ своего прошлаго и почти всегда заканчивалъ свои разсказы ропотомъ на судьбу».

Достовѣрность *такого* разсказа не представляется мнѣ несомнѣнною. Изъ другого труда г. Чалаго [1]) намъ извѣстно, что Сошенко Ольшану и Превлоцкаго оставилъ въ 1831 и переѣхалъ въ Петербургъ въ декабрѣ того года. Въ это время Шевченко не былъ еще у Ширяева. Шевченко же выѣхалъ изъ Ольшаной въ Вильну не позже осени 1829 г., и нѣтъ даже намека на то, чтобы онъ съ того времени и до выкупа его изъ «крипацтва» навѣдывался въ Украину. Невозможно предполагать, чтобы Шевченко за время короткаго своего пребыванія въ Ольшаной на кухнѣ Дмитренка, оставилъ какой-либо такой слѣдъ, чтобы о немъ зналъ Превлоцкій и говорилъ о немъ Сошенку. Трудно повѣрить и тому, чтобы при извѣстной застѣнчивости и недовѣрчивости Шевченка къ неизвѣ-

---

[1]) Иванъ Максимовичъ Сошенко, стр. 29.

стнымъ ему людямъ, онъ по первому слову швагера Ширяева отправился къ Сошенку въ такомъ грязномъ одѣяніи. Какъ ни худо было ему жить у Ширяева, но несомнѣнно, что у него было для праздничныхъ дней чистое одѣяніе. Сомнительно также, чтобы онъ отправился чуть-ли не въ другой конецъ столицы безъ шапки.

Гораздо ближе къ истинѣ другое извѣстіе о первой встрѣчѣ Шевченка съ Сошенкомъ, переданное въ «Кіевской Старинѣ» П. Г. Лебединцевымъ со словъ того же самаго Сошенка. Это извѣстіе совпадаетъ и съ разсказомъ самого Шевченка, переданнымъ въ «Художникѣ».

Въ одну лѣтнюю мѣсячную ночь Сошенко, по словамъ г. Лебединцева, гуляя въ Лѣтнемъ саду, замѣтилъ, что возлѣ одной изъ статуй рисуетъ карандашемъ какой-то оборвышъ въ грязномъ нанковомъ халатѣ. Замѣтя украинскій типъ оборвыша, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на его работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисунокъ сдѣланъ хорошо. Тогда ударивъ мальчика по плечу, онъ спросилъ:

— А откуда ты, земляче?

— Зъ Вильшанои.

— Якъ зъ Вильшанои? Я и самъ звидтиль. Хто-жъ ты такый?

Шевченко разсказалъ, что онъ крѣпостной Энгельгардта и находится въ обученіи у Ширяева. До этого времени Сошенко ничего о Тарасѣ не зналъ, добавляетъ г. Лебединцевъ.

Въ своемъ автобіографическомъ письмѣ къ Оболенскому Шевченко говоритъ: «не смотря

на весь тройственный гнетъ Ширяева, я въ свѣтлыя весеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй».—Въ «Художникѣ» же объ этой встрѣчѣ читаемъ на стр. 262 слѣдующее: «Однажды, гуляя въ Лѣтнемъ саду, въ той аллеѣ, гдѣ въ кругу боговъ и богинь Сатурнъ пожираетъ свое дитя, я (разсказъ ведется якобы отъ имени Сошенка) чуть было не наткнулся на живого человѣка въ тиковомъ грязномъ халатѣ, сидящаго на ведрѣ противъ Сатурна. Я остановился. Мальчикъ лѣтъ 15 оглянулся и началъ что-то прятать за пазуху. Я подошелъ къ нему и спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Я ничего не дѣлаю,— отвѣчалъ онъ застѣнчиво,— иду на работу, да по дорогѣ зашелъ въ садъ и рисовалъ.

— Покажи, что ты рисовалъ.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи четверть листа сѣрой писчей бумаги. На ней довольно вѣрно сдѣланъ былъ контуръ Сатурна. Я долго держалъ рисунокъ въ рукахъ и любовался запачканнымъ лицомъ автора. Въ неправильномъ и худощавомъ лицѣ его было что-то привлекательное, особенно въ глазахъ умныхъ и кроткихъ, какъ у дѣвочки.

— Ты часто ходишь сюда рисовать?

— Каждое воскресенье, а если работаю гдѣ близко, то и въ будни захожу.

— Ты учишься малярному мастерству?

— И живописному.

— У кого же ты находишься въ ученьи?

— У комнатнаго живописца Ширяева.

Я хотѣлъ разспросить больше, но онъ взялъ въ одну руку ведро съ желтой краской, а въ другую желтую же обтертую большую кисть и хотѣлъ идти.

— Куда ты торопишься?

— На работу; я и то уже опоздалъ; хозяинъ прійдетъ, такъ достанется мнѣ.

— Зайди ко мнѣ въ воскресенье по-утру и если есть у тебя какіе-нибудь рисунки твоей работы, то принеси ихъ и покажи мнѣ.

— Хорошо! я прійду, только—гдѣ же вы живете?

Я далъ ему адресъ.

Вотъ какимъ образомъ произошла встрѣча и знакомство двухъ земляковъ-художниковъ, двухъ горемыкъ!

IX.

Въ первое же воскресеніе послѣ встрѣчи въ Лѣтнемъ саду Шевченко пришелъ къ Сошенку. Онъ былъ одѣтъ во что-то похожее на сюртукъ коричневаго цвѣта. Въ рукѣ у него былъ большой свертокъ бумаги. Сошенко протянулъ къ нему руку; онъ хотѣлъ поцѣловать ее. Сошенко отдернулъ руку и молча вошелъ въ свою квартиру, оставивъ гостя въ корридорѣ. Спустя нѣсколько минутъ, Сошенко, удивленный, что гость его не идетъ въ комнату, вышелъ въ корридоръ, чтобы пригласить его; но Шевченка уже и слѣдъ простылъ.

Въ слѣдующее воскресеніе, во второмъ часу ночи, Сошенко опять встрѣтилъ Шевченка въ

Лѣтнемъ саду возлѣ статуи Аполлона Бельведерскаго. Увидѣвши Сошенка, онъ покраснѣлъ и бросилъ рисовать. Сошенко взялъ его за руку и пригласилъ напиться съ нимъ чаю въ лѣтнемъ ресторанѣ. Тутъ Шевченко признался, что прошлый разъ убѣжалъ изъ квартиры Ивана Максимовича, потому что испугался, предполагая, что тотъ разсердился на него [1]).

Этотъ простой искренній отвѣтъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, до какой степени въ то время Шевченко былъ угнетенъ, загнанъ, запуганъ. Достаточно было Сошенку не позволить поцѣловать его руку, чтобы юноша увидѣлъ въ этомъ гнѣвъ, испугался и убѣжалъ.

Разсмотрѣвши принесенные потомъ Шевченкомъ рисунки, Иванъ Максимовичъ, какъ художникъ, обратилъ вниманіе на необыкновенное сходство ихъ съ оригиналами, съ которыхъ рисовалъ Шевченко.

— Отчего у тебя нѣтъ ни одного рисунка оттушеваннаго?—спросилъ Сошенко.

— Я рисовалъ ихъ по утрамъ, рано, до восхода солнца.

— Значитъ не видалъ, какъ они освѣщаются?

— Я ходилъ и днемъ смотрѣть на нихъ; но тогда нельзя было рисовать; люди ходятъ.

Уже послѣ третьяго свиданія Сошенко привязался къ своему земляку, полюбилъ его; «въ лицѣ его было что-то такое, за что нельзя было

[1]) Художникъ, стр. 263.

не полюбить его», — «лицо его, правда, не красивое, но все болѣе и болѣе притягивало къ себѣ».

Сошенко очень обрадовался своей находкѣ. Онъ оставилъ его у себя обѣдать, послѣ обѣда самъ прилегъ отдохнуть, а гостю своему посовѣтовалъ либо книжку читать, либо идти гулять на бульваръ. Шевченко не сдѣлалъ ни того, ни другого; а пока Сошенко спалъ, онъ привелъ въ порядокъ его кабинетъ, вычистилъ палитру и сѣлъ возлѣ окна рисовать маску съ знаменитой натурщицы Торвальдсена—Фортунаты.

На этотъ, собственно говоря, мелкій случай я обращаю вниманіе моихъ читателей потому, что у нѣкоторыхъ біографовъ и въ воспоминаніяхъ о Шевченкѣ случалось читать указанія, будто онъ былъ человѣкъ неопрятный и не любилъ вокругъ себя чистоты, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ было противоположное. Мы еще не одинъ разъ будемъ имѣть возможность убѣдиться въ томъ, что Шевченко былъ великій поклонникъ чистоты.

Замѣтивъ у Шевченка недюжинныя способности и громадное влеченіе къ живописи, Сошенко, естественно, не могъ отнестись къ нему равнодушно и безъ сочувствія къ его желанію учиться и къ его горькой долѣ крѣпостного. Естественно было подумать: нельзя-ли чѣмъ-нибудь помочь своему земляку? Самъ по себѣ Сошенко—человѣкъ въ высокой степени гуманный и добрый, но совершенный бѣднякъ, не могъ помочь ни матеріальными средствами, ни

вліяніемъ своимъ. Но у него были добрые и вліятельные просвѣщенные люди между знакомыми.

Въ средѣ тогдашней профессуры академіи художествъ былъ Венеціановъ, хорошо извѣстный своею добротою и полною готовностью всѣми своими силами служить на пользу «униженныхъ и оскорбленныхъ». Къ нему-то прежде всего и обратился Сошенко за совѣтомъ: чѣмъ и какъ можно помочь Шевченку? Какъ человѣкъ практическій и опытный, Венеціановъ, не давая никакихъ обѣщаній, посовѣтовалъ Сошенку познакомиться съ Ширяевымъ и, насколько возможно будетъ, повліять на него въ смыслѣ улучшенія положенія Шевченка.

Такъ Сошенко и поступилъ. На другой же день онъ посѣтилъ Ширяева, познакомился съ нимъ и просилъ не запрещать Шевченку приходить къ нему по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а также и въ будни, когда, какъ, напримѣръ, зимою, нѣтъ работы. Ширяевъ согласился, но прибавилъ, что «все это баловство только, ни къ чему не ведущее, кромѣ погибели».

Вотъ съ этого-то времени въ жизни Шевченка начинаетъ немного проясняться; лучъ свѣта пробился на мрачный чердакъ ширяевской квартиры, и понемногу передъ геніемъ украинскаго слова начинаетъ показываться та тропа, которая привела его не только въ академію художествъ, но и въ тотъ царственный чертогъ вдохновеннаго слова, откуда потомъ «огненное слово» лилось, «неначе нашъ Днипро шырокый».

X.

Въ Петербургѣ — всегда находится очень много украинцевъ. Не мало ихъ находилось тамъ и въ то время, о которомъ у насъ рѣчь. Между ними были ученые, литераторы, художники и, болѣе всего. чиновниковъ. Канцеляріи синода, сената и другихъ высшихъ учрежденій изобиловали, какъ и теперь изобилуютъ, уроженцами Украины. по преимуществу лѣвобережной.

Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія солидарность между украинцами въ Петербургѣ — была хотя немного глубже, проявлялась искреннѣе и реальнѣе. Между такими украинцами того времени, имѣвшими значеніе въ судьбѣ Шевченка, надо кромѣ Сошенка, указать Григоровича, въ особенности же Евгенія Павловича Гребенку, а позже, Мартоса, Тарновскаго, Остроградскаго и др. Гребенка. какъ извѣстно, уроженецъ Пирятинскаго уѣзда, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея. оставивши военную службу, перешелъ въ коммиссію духовныхъ училищъ, а впослѣдствіи вступилъ на поприще педагога. Въ 30-хъ годахъ имя его было уже извѣстно въ русской литературѣ. На языкѣ родной своей Украйны, воспѣтой имъ, между прочимъ, въ прелестномъ высоко-поэтическомъ стихотвореніи «Признаніе», онъ еще въ 1834 г. издалъ басни, повторивъ это изданіе въ 1836 г. Къ тому же времени относится и переводъ его на родной языкъ поэмы Пушкина «Полтава». Безъ сомнѣнія, не только Сошенко, но и Шевченко, еще

до знакомства съ послѣднимъ, читалъ произведенія Гребенки и, конечно, родное слово, перенося его въ родную Украину «пидъ батькивську стриху» — сѣяло въ душѣ его первыя сѣмена будущихъ вдохновенныхъ произведеній.

Другой украинецъ, тоже знакомый Сошенка, Василій Григоровичъ, былъ въ то время конференцъ-секретаремъ академіи художествъ. При посредствѣ его и Венеціанова Шевченко былъ представленъ знаменитому художнику — профессору академіи К. П. Брюлову, а у него познакомился съ поэтомъ В. А. Жуковскимъ и графомъ Вьельгорскимъ.

О первой встрѣчѣ Шевченка съ Брюловымъ находимъ въ «Художникѣ» слѣдующее извѣстіе. Брюловъ, какъ извѣстно, жилъ съ своими учениками по товарищески и часто навѣщалъ ихъ въ ихъ убогихъ квартиркахъ. Разъ онъ зашелъ къ Сошенку въ такое время, когда у послѣдняго находился Шевченко. Условившись съ Сошенкомъ идти вечеромъ въ театръ, Брюловъ написалъ записку къ Губеру, прося прислать билеты и, обратяся къ Сошенку, спросилъ: «не сбѣгаетъ-ли съ запиской этотъ малый», т. е. Шевченко. Когда Шевченко ушелъ, Брюловъ, заинтересованный понравившеюся ему «не крѣпостною физіономіею его», разспросилъ о немъ Сошенка и уходя сказалъ: «о вашемъ ученикѣ надо хорошенько подумать». Когда возвратился съ билетами Шевченко и узналъ, что то былъ Брюловъ, онъ выразилъ горькое сожалѣніе, что не присмотрѣлся къ нему хорошенько: «хотя

издали на него посмотрѣть. Знаете, когда я иду по улицѣ—все о немъ думаю и, смотря на проходящихъ, ищу его глазами. Портретъ его, говорятъ, очень похожъ».

— Похожъ,— отвѣчалъ Сошенко,— а ты не узналъ его, когда онъ былъ здѣсь... Но не горюй! Если до воскресенья онъ не зайдетъ ко мнѣ, мы пойдемъ къ нему.

К. П. Брюловъ

Спустя нѣсколько дней, Брюловъ, при встрѣчѣ съ Сошенкомъ, сказалъ ему, что для улучшенія участи Шевченка «фундаментъ есть» [1]). Когда же, чрезъ нѣсколько дней, Иванъ Максимовичъ представилъ Брюлову Шевченка, «восторгъ послѣдняго былъ неописанный».

[1]) „Художникъ", стр. 273.

— Да неужели Брюловъ всегда такой добрый, такой ласковый?—спрашивалъ онъ у Сошенка и, получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ плакалъ отъ восторга.

XI.

Такимъ образомъ, благодаря Сошенку, Шевченко въ продоженіе весьма короткаго времени очутился, можно сказать, въ другомъ «царствѣ». Легко понять, что тогда происходило въ душѣ у него? Быть можетъ, при глубокой впечатлительности его молодой натуры, онъ въ первое время не вѣрилъ въ реальность происшедшаго, принималъ знакомство съ Брюловымъ за сновидѣніе, за галлюцинацію. Дѣйствительно, и въ обстановкѣ и въ людяхъ была такая рѣзкая перемѣна, что подобные контрасты удивили бы и не «крипака-маляра» въ засаленномъ нанковомъ халатѣ! Не могли они не бросаться ему въ глаза, не западать глубоко въ душу, не волновать чуткаго сердца, не могли они не взволновать у Шевченка всего его духовно-моральнаго организма! Съ одной стороны—темная, гнѣвная, суровая фигура маляра Ширяева, его надменной супруги, а возлѣ нихъ темные, загнанные ученики-маляры да костромскіе мужики-стекольщики; съ другой—свѣтлыя личности такихъ добрыхъ и гуманныхъ людей, какъ Брюловъ и Жуковскій, а возлѣ нихъ плеяда художниковъ и писателей! Тамъ, у Ширяева—полутемное, тѣсное помѣщеніе для рабочихъ, грязный чердакъ; здѣсь, у Брюлова—свѣтлая, веселая «красная» комната. Тамъ

—грязная мастерская съ аляповатыми малюнками; здѣсь—галлереи академіи съ лучшими произведеніями искусства, съ «Послѣднимъ днемъ Помпеи»; здѣсь—мастерская великаго художника съ «Распятіемъ Христа», съ головою «Плачущей Маріи Магдалины», смотря на которую, Жуковскій плакалъ [1]). Тамъ, у Ширяева—невѣжество, ссоры, брань, драки; здѣсь, у Брюлова—свѣтъ, просвѣщеніе, любовь, братское отношеніе людей!...

Могло-ли быть, чтобы все, что увидѣлъ Шевченко въ галлереяхъ академіи, въ квартирѣ Брюлова—все это свѣтлое, гуманное, прекрасное не повліяло на его душу, на его угнетенный духъ животворящею, чарующею струею! Оно и повліяло; оно бодрило, оно животворило свободную душу, забитую въ кандалы крѣпостной неволи; оно ростило его духъ и способности, какъ та теплота весенняго солнца, согрѣвающаго, но не жгущаго, что укрѣпляетъ организмъ человѣка, котораго, послѣ долгаго, тяжелаго недуга, добрые люди привели подъ руки въ садъ и посадили на свѣжей бархатной муравѣ подъ цвѣтущимъ деревомъ; и онъ, обезсиленный недугомъ, жадно, всѣми силами втягиваетъ въ свою грудь животворящій чистый воздухъ весны!... Онъ чувствуетъ въ себѣ притокъ новыхъ силъ, притокъ *жизни*.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ дни радости Шевченка были несравненно больше и глубже,

---

[1]) Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, стр. 271.

нежели тѣ, которыя онъ испыталъ впослѣдствіи, когда его освободили изъ неволи Энгельгардта и Ширяева. Освобожденіе приходило постепенно; онъ его ожидалъ; онъ приготовлялся къ принятію его; знакомство же съ Брюловымъ, Гребенкою, Жуковскимъ и др. произошло безъ подготовки, неожиданно для него; мысль о ласкахъ и вниманіи, которыя оказалъ ему Брюловъ, конечно, не приходила ему въ голову, даже какъ мечта.

Однимъ словомъ, положеніе Шевченка было таково: одной ногой онъ стоялъ въ реальномъ «пекли» крѣпостническаго рабства; другою — въ реальномъ «раю» свѣта и любви. Удивительно ли, что онъ радовался, блаженствовалъ при новыхъ знакомствахъ и, радуясь, плакалъ. Конечно, то были слезы радости; но несомнѣнно, что они не разъ выжимали у него изъ глазъ и слезы противоположнаго чувства. Возвращаясь изъ «красной» комнаты Брюлова на грязный и темный чердакъ Ширяева, онъ несравненно глубже и сильнѣе чувствовалъ свое угнетеніе, свою неволю... Вѣдь человѣкъ больше всего цѣнитъ величіе свободы тогда, когда сознательнѣе ощущаетъ неволю, напр., попавши въ тюрьму.

Безъ сомнѣнія, теперь гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо до сихъ поръ, волновала Шевченка мысль: «почему бы и намъ, невольникамъ, не быть людьми свободными?». Онъ теперь уже прочиталъ нѣкоторыя книги, которыя совмѣстно съ бесѣдами новыхъ его знакомыхъ «значительно расширили его міровоззрѣніе, значительно

шире раздвинули рамки его человѣческаго самосознанія. Обрубленное крыло орленка отросло, и самъ орленокъ быстро выросъ и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ порывы улетѣть на свободу изъ клѣтки рабства; но, увы! порывы тѣ сдерживали еще оковы крѣпостного «права».

XII.

Новые знакомые и благодѣтели Шевченка хорошо понимали и видѣли, что настоятельнѣйшею и важнѣйшею помощью, которую надо оказать ему, это пособить просвѣщенію его и развитію художественныхъ его способностей. Объ образованіи школьномъ, систематическомъ поздно уже было думать. Шевченку шелъ 24 годъ, а это не такой возрастъ, когда начинаютъ школьное образованіе; начинать же его пришлось бы чуть не съ букваря. Была и другая причина, препятствовавшая не только школьному, но и вообще систематическому образованію Шевченка — его положеніе соціальное: онъ былъ крѣпостной и законтрактованный для обученія малярству къ Ширяеву Пока онъ крѣпостной — нечего было и думать о помѣщеніи его въ академію художествъ, гдѣ бы можно было позаботиться и объ общемъ его развитіи и просвѣщеніи. Вообще, при полномъ безправіи крестьянъ, помѣщикъ могъ изъ личной матеріальной выгоды, даже просто по капризу, прервать образованіе Шевченка, взять его къ себѣ въ лакеи, отдать въ наймы и даже продать въ солдаты.

Такимъ образомъ, все сводилось къ тому, чтобы прежде всего освободить юношу изъ крѣпостного рабства. Достигнуть этого можно было *только* при согласіи Энгельгардта выпустить Шевченка на свободу ради ли добраго дѣла, или ради личной выгоды помѣщика: въ послѣднемъ случаѣ нужны были деньги и, какъ оказалось потомъ, деньги весьма значительныя.

Хлопоты по освобожденію Шевченка взялъ на себя Брюловъ. А между тѣмъ Сошенко принялъ на себя заботы о просвѣщеніи и развитіи юноши, насколько это было возможно еще до освобожденія. Онъ посовѣтовалъ ему подъ его наблюденіемъ рисовать акварельные портреты, снабжалъ его книжками и, при посредствѣ Григоровича, познакомилъ его съ Евгеніемъ Павловичемъ Гребенкою, извѣстнымъ уже въ то время и въ русской и въ нашей украинской литературѣ и занимавшимъ мѣсто преподавателя въ одномъ изъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Шевченко со всею страстностью своей впечатлительной натуры принялся за чтеніе. Конечно, чѣмъ больше онъ читалъ, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ и сознавалъ ужасъ своего соціальнаго положенія; тѣмъ яснѣе понималъ, какъ мизерны его знанія. Наряду съ «Энеидою» Котляревскаго, которую онъ выучилъ на память (какъ это видно изъ позднѣйшихъ его прозаическихъ разсказовъ), онъ читалъ романы Диккенса (разумѣется, въ переводѣ), исторію Греціи и т. д., чѣмъ только снабжали его Сошенко и Гребенка. Можно предположить, что первое знакомство

его съ произведеніями Пушкина относится къ этому же времени и что прежде всего изъ произведеній великаго художника русскаго слова нашъ поэтъ прочиталъ «Полтаву» въ переводѣ Гребенки [1]). Но бѣда въ томъ, что, какъ работникъ Ширяева, Шевченко долженъ былъ

Е. П. Гребенка.

прежде всего исполнять работы хозяина, а на чтеніе и рисованіе отдавать ту частицу своего времени, которой не поглощала работа на Ширяева; такимъ временемъ были для него только дни праздничные, а въ будни — вечерніе часы «послѣ того, когда въ домѣ всѣ полягутъ спать».

[1]) Изд. въ 1836 г. въ Петербургѣ.

Въ эти часы онъ отправлялся на чердакъ, зажигалъ тамъ «недогарокъ» стеариновой свѣчки, которымъ снабжалъ его Сошенко, и тамъ, на чердакѣ, читалъ или рисовалъ.

Между прочимъ онъ прочиталъ трагедію Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ» и вдохновился сдѣлать рисунокъ на тэму трагедіи. Когда онъ показалъ свой рисунокъ Сошенку, Иванъ Максимовичъ похвалилъ; и рисунокъ, въ самомъ дѣлѣ, и по мысли, и по исполненію былъ не дуренъ: на немъ было только три фигуры — Эдипъ съ Антигоною, да издали Полиньякъ. При этомъ случаѣ Шевченко похвалился Сошенку, что у Ширяева есть большой портфель эстамповъ; но онъ не даетъ ихъ ему для скопированія, боясь, чтобы не портилъ. Когда же онъ (Шевченко) сказалъ Ширяеву, что Брюловъ видѣлъ его рисунки и похвалилъ ихъ, такъ Ширяевъ рѣшительно не повѣрилъ, чтобы его работникъ-замарашка могъ видѣться и говорить съ Брюловымъ, и въ заключеніе обругалъ Тараса «дуракомъ».

Между тѣмъ Сошенко упросилъ Ширяева отпустить Шевченка на мѣсяцъ, чтобы онъ ходилъ для изученія живописи въ залу общества поощренія художествъ. За это дозволеніе Сошенко обязался написать портретъ Ширяева. Этотъ мѣсяцъ свободы, мѣсяцъ жизни внѣ мрачнаго чердака суроваго маляра Ширяева имѣлъ для Шевченка такое же значеніе, какое имѣетъ свѣжая утренняя роса для цвѣтка, придавленнаго горячимъ жаромъ дневного іюльскаго солнца:

онъ освѣжилъ и ободрилъ духъ юноши, «и его выразительное юношеское лицо сіяло радостью полнаго счастья».

Брюловъ въ то же время усердно работалъ около принятой имъ на себя задачи освобожденія Шевченка изъ крѣпостного состоянія. Прежде всего онъ посовѣтовался съ Жуковскимъ.

В. А. Жуковскій.

Послѣдній, желая ближе и всестороннѣе ознакомиться съ способностями Шевченка, просилъ его написать «Жизнь художника». Неизвѣстно, что представляло изъ себя это первое произведеніе пера Шевченка: безъ сомнѣнія, оно удовлетворило Жуковскаго.

Брюловъ отправился для переговоровъ къ Энгельгардту, но, увы! вынесъ отъ него лишь то убѣжденіе, «что это самая крупная свинья въ

торжковскихъ туфляхъ», и просилъ Сошенка завтра же побывать у «этой амфибіи» (Энгельгардта) и спросить у него: какую онъ назначитъ цѣну за выкупъ Шевченка?

Несомнѣнно, что Брюловъ надѣялся склонить Энгельгардта освободить Шевченка во имя филантропіи, безъ всякаго выкупа. Но это была ошибка: Энгельгардтъ былъ человѣкъ практическій и видѣлъ уже собственными глазами художественныя работы своего бывшаго «козачка». Если случалось поручать Шевченку писать портреты своихъ (Энгельгардта) любовницъ, работа эта такъ удовлетворяла его, что онъ давалъ Шевченку по рублю «награды» за портретъ. Для Энгельгардта было очевидно, что въ недалекомъ будущемъ Шевченко будетъ представлять для него источникъ дохода. Съ такими людьми, конечно, всякіе разговоры на тэму о филантропіи, въ лучшемъ случаѣ—безполезная потеря времени.

Сошенко, конечно, лучше Брюлова понималъ это, и потому онъ не пошелъ къ Энгельгардту, а упросилъ Венеціанова сдѣлать это. Безъ сомнѣнія, Сошенка руководила при этомъ и та мысль, что успѣшныхъ переговоровъ скорѣе можно ожидать, если къ Энгельгардту явится не убогій молодой художникъ, а профессоръ академіи, придворный живописецъ и человѣкъ преклонныхъ уже лѣтъ. Послѣдствія показали, что и Сошенко до извѣстной степени ошибся.

Энгельгардтъ съ часъ продержалъ Венеціанова въ передней, а потомъ пригласилъ въ кабинетъ. «Въ кабинетѣ было все роскошно,

дорого, великолѣпно, но великолѣпно по-японски». Венеціановъ сперва повелъ рѣчь о просвѣщеніи вообще, о филантропіи. Энгельгардтъ слушалъ его молча и наконецъ прервалъ, говоря: «Да вы скажите мнѣ прямо, что вы хотите отъ меня съ вашимъ Брюловымъ?». Послѣ отвѣта Венеціанова, Энгельгардтъ сказалъ: «Вотъ такъ бы и давно сказали, а то филантропія!... Какая тутъ филантропія! Деньги и больше ничего. Моя рѣшительная цѣна 2500 рублей.» [1])

XIII.

Теперь, слѣдовательно, предстояла важнѣйшая забота: собрать 2500 р., чтобы цѣною ихъ вырвать Шевченка изъ когтей «амфибіи». Гдѣ же людямъ неимущимъ достать такую громадную сумму? Не удивительно, что для Сошенка, а тѣмъ болѣе для Шевченка, назначенная Энгельгардтомъ выкупная цѣна показалась стѣной, чрезъ которую невозможно перелѣзть. На Шевченка это произвело удручающее вліяніе, и «слезы полились ручьемъ изъ его прекрасныхъ, выразительныхъ глазъ».

Брюловъ съ Жуковскимъ придумали средство добыть «цѣну свободы». Брюловъ долженъ былъ нарисовать портретъ Жуковскаго, разыграть его въ лотерею и на собранныя деньги выкупить Шевченка. Но на это нужно было время; а между тѣмъ Сошенко видѣлъ, что сумма, назна-

[1]) Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, стр. 276—279.

ченная Энгельгардтомъ за выкупъ, повергла Шевченка въ состоянiе, близкое къ отчаянiю.

Мѣсяцъ отпуска, даннаго Ширяевымъ, подходилъ къ концу. За три дня до окончанiя отпуска, Шевченко зашелъ къ Сошенку — весь блѣдный и взволнованный до такой степени, что Сошенко долженъ былъ пригласить врача. Докторъ Ждановскiй констатировалъ у Шевченка тифъ и посовѣтовалъ скорѣе отправить его въ больницу.

Пока Шевченко лежалъ въ больницѣ, дѣло съ портретомъ и съ лотереею близилось къ концу. Съ легкой руки Мартоса [1]), бiографы Шевченка, а между ними—Масловъ и Чалый, передаютъ, какъ *фактъ*, одинъ случай, который будто бы ускорилъ и лоттерею, и выкупъ Шевченка. Какой-то генералъ въ концѣ 1837, или въ самомъ началѣ 1838 г. заказалъ Шевченку написать масляными красками портретъ; но, когда работа была окончена, отказался отъ нея. Шевченко, конечно, разсердился и вздумалъ оригинальнымъ образомъ отомстить генералу. Закрасивши на портретѣ генеральскiе атрибуты, онъ передѣлалъ его для вывѣски въ цирульню и продалъ. Генералъ, увидѣвши на вывѣскѣ изображенiе своей особы, естественно, возгорѣлъ гнѣвомъ и отправился къ Энгельгардту съ намѣренiемъ купить у него Шевченка. Пока шли торги, объ этомъ узналъ Шевченко и, понимая, какая ожидаетъ его участь, если Энгельгардтъ продастъ

---

[1]) „Вѣстн. Ю.-Зап. Россiи“, изд. Говорскаго 1863 г, стр. 42.

его генералу, бросился къ Брюлову, умоляя спасти его. Брюловъ разсказалъ объ этомъ Жуковскому, а послѣдній будто бы доложилъ Императрицѣ, и вотъ послѣдовало приказаніе Энгельгардту пріостановиться съ продажей Шевченка.

Принимая во вниманіе, что объ этомъ эпизодѣ Масловъ слышалъ отъ художника Жемчужникова и отъ княжны Репниной, г. Чалый признаетъ это событіе за несомнѣнный фактъ. Но при этомъ г. Чалый не обратилъ вниманія на болѣе вѣсскія доказательства противоположнаго. Въ воспоминаніяхъ Костомарова [1]) объ этомъ портретѣ мы читаемъ совсѣмъ противоположное. Самъ Шевченко, на вопросъ объ этомъ Костомарова, отвѣчалъ, что ничего подобнаго не было и что это старый, избитый анекдотъ, давно ходившій въ публикѣ и кѣмъ-то принаровленный къ нему совершенно произвольно.

До какой степени этотъ анекдотъ дѣйствительно старый и повсемѣстный, я убѣдился въ этомъ, слыша его въ разныхъ мѣстахъ въ той или другой формѣ, принаровленнымъ къ которому-либо изъ мѣстныхъ художниковъ. Я слышалъ его и въ Полтавѣ, и въ Черниговѣ, и въ Екатеринославѣ, и въ Херсонѣ, и въ Воронежѣ, и даже Вологдѣ: вездѣ канва была одна и та же; но вездѣ *свой* генералъ и *свой мѣстный* художникъ, а иногда и простой маляръ. Во время моего ученія въ 40 годахъ въ Нѣжинѣ (гдѣ тотъ же Сошенко былъ учителемъ «чистописа-

---

[1]) Кобзарь, 1876 г., стр. VII.

нія и рисованія»), я слышалъ между товарищами такой же самый анекдотъ о Сошенкѣ, съ той лишь разницею, что мѣстомъ дѣйствія былъ не Петербургъ, а Кіевъ. Безъ сомнѣнія, по этой самой причинѣ и Сошенко ни слова не передалъ г. Чалому объ этомъ эпизодѣ, какъ имѣвшемъ будто бы мѣсто въ жизни Шевченка. Въ противномъ случаѣ г. Чалый помѣстилъ бы этотъ разсказъ въ біографію Сошенка [1]), гдѣ помѣщено имъ все то, что слышалъ онъ о Шевченкѣ изъ устъ Ивана Максимовича.

XIV.

Наступила весна 1838 г. Собственно говоря, наступилъ апрѣль, петербургскій, непостоянный апрѣль, когда погода мѣняется нѣсколько разъ въ день. Петербургская весна не могла не вліять неблагопріятно на душу Шевченка, и безъ того измученнаго неизвѣстностью о результатахъ дальнѣйшихъ заботъ своихъ благодѣтелей объ освобожденіи его изъ крѣпостной неволи. Удрученности духа много, конечно, помогала и физическая тяжелая болѣзнь, и пребываніе его по этой причинѣ въ госпиталѣ. Прикованный къ постели недугомъ, продолжавшимся довольно долго, а главное, послѣ котораго выздоровленіе наступало очень медленно, Шевченко не могъ не вспомнить весны и апрѣля въ своей дорогой прекрасной Украйнѣ, «повитой и укрытой кайданами тьмы и неволи». Надежда,— великая

---

[1]) Иванъ Максимовичъ Сошенко. Кіевъ, 1874 г., стр. 35—43.

надежда на свободу, то мелькала передъ нимъ ясною зарею, то исчезала, какъ свѣтлый лучъ молніи среди непроглядно темной ночи. Да, тяжело было его душевное состояніе; этого состоянія не понять только тому, кто не проникся великимъ значеніемъ для человѣка личной свободы, составляющей краеугольный камень всего того, что называется счастьемъ наземлѣ.

Въ то именно время, когда поэтъ нашъ томился въ больницѣ въ чаяніи обновленія тѣла и духа, Брюловъ окончилъ портретъ Жуковскаго и вмѣстѣ съ нимъ и съ графомъ Вельегорскимъ и Венеціановымъ трудились около лотереи. Наконецъ, портретъ былъ разыгранъ, и Энгельгардтъ за 2500 р. продалъ свое «право» на «ревизскую душу» Тараса Григорьевича Шевченка, и такимъ образомъ были разбиты тѣ кандалы, которые сковывали руки и голову Шевченка. 22 апрѣля 1838 г. состоялась покупка свободы человѣка у человѣка.

Относительно этой лотереи у біографовъ Шевченка встрѣчаемъ неодинаковыя извѣстія. Извѣстный полтавскій помѣщикъ Петръ Мартосъ [1]), а за нимъ и профессоръ Петровъ [2]), говорятъ, что «портретъ Жуковскаго былъ разыгранъ между высокими лицами Императорской Фамиліи, но друзья Шевченка скрыли подлинный фактъ и виновниковъ выкупа Шевченка».

---

[1]) Вѣстн. Юго-зап. и Зап. Россіи, 1863 г., стр. 37.
[2]) Очерки украинской литературы XIX стол. Кіевъ, 1880 г., стр. 366 и слѣд.

То неприлично враждебное чувство къ Шевченку, обнаруженное Мартосомъ уже послѣ смерти поэта, которымъ проникнуты отъ начала до конца «Эпизоды изъ жизни Шевченка», не даетъ намъ никакого основанія повѣрить на слово Мартосу. Г. Чалый [1]), не приводя никакихъ источниковъ, говоритъ, что «портретъ Жуковскаго дѣйствительно былъ разыгранъ между членами Императорской Фамиліи, при дѣятельномъ содѣйствіи Государыни Императрицы; но объ этомъ участіи Императорской Фамиліи Шевченко не упомянулъ въ своей автобіографіи изъ скромности, не считая себя въ правѣ безъ разрѣшенія говорить печатно о Высочайшихъ благодѣяніяхъ. Въ частныхъ же разговорахъ онъ ни отъ кого этого не скрывалъ». Хотя и въ «Художникѣ» [2]) мы читаемъ, что портретъ Жуковскаго былъ предложенъ Августѣйшему Семейству за 2500 р. и за эти деньги куплена у Энгельгардта свобода, но въ виду выше приводимаго сообщенія самого Шевченка, я не рѣшаюсь принять за вполнѣ достовѣрное извѣстіе и г. Чалаго. Свое автобіографическое письмо Шевченко писалъ спустя 22 года послѣ освобожденія, когда Императора Николая Павловича не было уже въ живыхъ. Констатированіе столь отдаленнаго уже извѣстнаго факта не могло быть признано нескромностью: уже по этому одному нельзя такъ категорически заявлять о причинахъ умолчанія Шевченкомъ въ своемъ

[1]) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, стр. 29.
[2]) Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, стр. 291.

автобіографическомъ письмѣ объ участіи членовъ Императорской Фамиліи въ лотереѣ. Но кромѣ того Шевченко въ своихъ запискахъ категорически отрицаетъ это участіе (замѣтимъ, что «Записки» писалъ онъ три года ранѣе автобіографіи). Вотъ почему, пока не обнародованы неопровержимые документы, вопросъ этотъ, какъ и вопросъ о суммѣ, собранной отъ лотереи, надо считать открытымъ. Трудно же допустить, чтобы Шевченко, натура глубоко искренняя, говорилъ самъ передъ собою въ своихъ запискахъ сознательную неправду.

XV.

Итакъ, съ 22 апрѣля 1838 г. Шевченко —не крѣпостной; онъ свободенъ! Какъ же онъ принялъ первое извѣстіе о своемъ освобожденіи и самую свободу?

Здѣсь опять неодинаковыя извѣстія. Разъ какъ-то весною, говорилъ Сошенко г. Чалому, сидѣлъ я и рисовалъ. Окно на улицу было отворено. Вдругъ чрезъ окно влетаетъ Шевченко, опрокинулъ мой рисунокъ Евангелиста Луки, бросается ко мнѣ на шею и кричитъ:

— Воля, воля!

— Чи ты не здуривъ оце, Тарасе!—спросилъ Сошенко; а онъ все свое:

— Воля, воля!

«Понявши въ чемъ дѣло, Сошенко началъ душить его въ своихъ объятіяхъ и цѣловать. Сцена

эта кончилась тѣмъ, что друзья расплакались, какъ дѣти»[1]).

Съ перваго взгляда ничего неправдоподобнаго въ этомъ разсказѣ нѣтъ; но вникая въ него глубже, встрѣчаемся съ противорѣчіями, бросающими на него тѣнь сомнѣнія. Сошенко въ дѣлѣ освобожденія и вообще въ судьбѣ Шевченка принималъ такое близкое участіе, что невозможно допустить, чтобы онъ не зналъ малѣйшихъ деталей его движенія, а тѣмъ болѣе не зналъ бы объ окончательномъ результатѣ хлопотъ Брюлова и др. Поэтому появленіе Шевченка и понятные съ его стороны порывы радости не могли быть такою неожиданностью для Сошенка, чтобы крики Тараса: «воля! воля!» вызвали недоумѣвающій вопросъ: «чи не здуривъ ты, Тарасе?»

Я считаю достовѣрнѣе поэтому разсказъ самого Шевченка въ его «Художникѣ»[2]).

Розыгрышъ портрета Жуковскаго и уплата денегъ Энгельгардту произошли въ то время, когда Шевченко находился еще въ больницѣ. О днѣ того и другого въ точности не зналъ и Сошенко. 22 апрѣля онъ получилъ отъ Жуковскаго записку прійти завтра въ 11 часовъ непремѣнно къ Брюлову и привести съ собою и Шевченка. Сошенко понялъ, конечно, въ чемъ дѣло и поспѣшилъ въ больницу къ Шевченку. Было еще такъ рано, что его не допустили. Прійдя вторично, онъ спросилъ врача, можно ли,

[1]) Чалый, стр. 27.
[2]) Поэмы и пр., стр. 288 и далѣе.

при свиданіи съ Шевченкомъ, открыть ему о состоявшемся выкупѣ его?

Врачъ не совѣтовалъ этого дѣлать, такъ какъ столь радостная для Шевченка вѣсть о свободѣ можетъ оказать пагубное вліяніе на неокрѣпшій еще послѣ болѣзни организмъ.

Когда въ назначенное Жуковскимъ время Сошенко пришелъ въ квартиру Брюлова—здѣсь Жуковскій вручилъ ему «отпускную» для Шевченка, подписанную Энгельгардтомъ и засвидѣтельствованную подписями Жуковскаго и графа Вельегорскаго. Сошенко набожно перекрестился и три раза поцѣловалъ отпускную.

Пока Иванъ Максимовичъ ожидалъ полнаго выздоровленія Шевченка, вѣсть къ послѣднему о выкупѣ его на свободу дошла отъ Ширяева, которому передалъ объ этомъ Энгельгардтъ, требуя уничтоженія контракта. Чрезъ нѣсколько дней, когда Сошенко пришелъ въ госпиталь навѣстить больного, послѣдній спросилъ его: «Правда-ли, что меня выкупили?» и залился слезами. Сошенко отвѣчалъ, что это «пока-что только похоже на правду», но онъ ничего и слушать не хотѣлъ и только плакалъ [1])

Чрезъ нѣсколько дней Шевченко вышелъ изъ больницы и поселился въ квартирѣ Сошенка. Онъ былъ совершенно счастливъ. Восторгъ его переходилъ въ тихую радость. Брался за работу; но работа ему не давалась. Онъ по нѣсколько разъ на день вынималъ изъ кармана отпускную, крестясь, цѣловалъ ее и плакалъ.

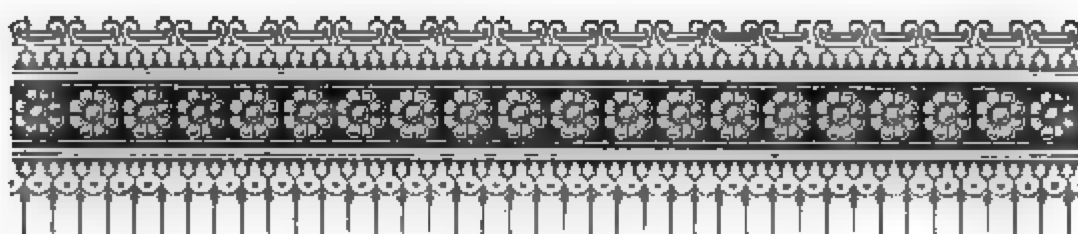
[1]) Ibid, стр. 292.

Когда актъ освобожденія былъ утвержденъ правительственною властью, Сошенко передалъ его Брюлову, «какъ отецъ передаетъ любимаго сына учителю».

Съ того дня Шевченко, сдѣлавшись пансіонеромъ Общества поощренія художествъ, началъ посѣщать классы академіи и въ непродолжительномъ времени сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ и товарищей Брюлова.

Такимъ образомъ дверь изъ крѣпостного ада отворили Шевченку на свободу чрезъ 24 года и два мѣсяца послѣ того, какъ Катерина Акимовна «повила» его въ Моринцахъ. Дологъ и труденъ былъ путь Шевченка къ этой двери: Моринцы, Вильшаны, Вильно, Варшава, Петербургъ!... И за этихъ почти 9000 дней неволи видалъ ли Шевченко хотя девять часовъ счастья? Увы! смѣло можно сказать:—нѣтъ! Такіе люди, какъ Шевченко, не могутъ быть счастливыми въ неволѣ...

Неволя не сломила, однако, великой души и добраго сердца Шевченка; но, конечно, оставила и не могла не оставить на немъ своихъ тяжелыхъ слѣдовъ. Какъ и въ чемъ именно оказались эти слѣды—это мы будемъ видѣть впослѣдствіи изъ высоко поэтическихъ и высоко идейныхъ произведеній его. Муза его проснулась тамъ же въ Лѣтнемъ саду; но уже послѣ того, когда дыханіе свободы избавило ее отъ Ширяевскаго чердака. Объ этомъ рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ.

Т. Г. Шевченко

во время пребыванія его въ Академіи художествъ

(22 апрѣля 1838 г.— 23 марта 1845 г.)

I.

Выкупъ Шевченка изъ крѣпостного состоянія совершился, какъ мы уже знаемъ, 22-го апрѣля 1838 г.; съ того дня онъ началъ посѣщать классы академіи художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ-товарищей К. П. Брюлова.[1]) Но еще до полнаго освобожденія, Шевченко, благодаря заботливости Сошенка и секретаря академіи Григоровича, конечно, при участіи и другихъ земляковъ, напр. Гребенки, посѣщалъ рисовальные классы Общества Поощренія Художествъ. Залы общества помѣщались въ домѣ Костюрина между Большимъ и Среднимъ проспектами въ 7 линіи Васильевскаго острова. Шевченко, хотя до того времени еще рисовалъ по памяти анатомическую фигуру Фишера, но о человѣческомъ скелетѣ

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. II; автобіографія XXI.

не имѣлъ понятія; поэтому первый урокъ его заключался въ срисовываніи скелета [1]). Черезъ два дня Сошенко, сравнивая его рисунокъ съ анатомическими литографированными рисунками Басина, нашелъ, что у него подробности отчетливѣе и вѣрнѣе.

Получивши свободу, Шевченко до осени 1838 г. былъ пансіонеромъ Общества. Неизвѣстно, по какому случаю онъ предпочелъ перейти на частную квартиру. Быть можетъ, поводомъ къ этому послужило приглашеніе, сдѣланное ему Сошенкомъ, жить вмѣстѣ. Сошенко, лишившись своего друга-товарища, земляка Безлюднаго, умершаго у него на рукахъ отъ чахотки, сильно тосковалъ [2]). Безъ сомнѣнія, угнетенное состояніе его не могло быть не замѣчено Шевченкомъ. Какъ человѣкъ, обязанный Сошенку, онъ, по чувству благодарности, старался, чѣмъ могъ, услужить своему покровителю. Такою, хоть и небольшою услугою, могъ онъ считать принятіе предложенія Сошенко, тѣмъ болѣе, что съ нею связана была его же, хотя и незначительная, матеріальная выгода.

Перемѣна, происшедшая въ жизни Шевченка, безконечно радовала его: «быстрый переходъ съ грязнаго чердака грубаго мужика-маляра въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца» — перемѣна чрезвычайно рѣзкая. «Я, вспоминаетъ Шевченко почти чрезъ 20 лѣтъ по-

---

[1]) Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 280 и далѣе.

[2]) Жизнь Шевченка. Чалый, стр. 31.

слѣ того: ничтожный замарашка, на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи художествъ и пользовался наставленіями и дружескою довѣренностью величайшаго художника»[1]).

Т. Г. Шевченко, въ 1840 г.

[1]) Основа, 1861 г. іюль, стр. 8.

Когда Шевченко поселился у Сошенка, то, «познакомившись чрезъ посредство Брюлова съ лучшими Петербургскими домами, частенько сталъ разъѣзжать на вечера. Онъ вошелъ въ моду, его приглашали, какъ диковинку, онъ сталъ хорошо одѣваться, въ него вселился свѣтскій бѣсъ. Досадно было мнѣ, говоритъ Сошенко [1]), смотрѣть на его безалаберную жизнь, не свойственную нашему брату-плебею, живущему для одного искусства, или лучше сказать, для насущнаго куска. Такъ-то, думалъ я, понялъ онъ свободу, стоившую ему такихъ усилій, такой страшной борьбы. Не разъ принимался я уговаривать его, чтобы онъ бросилъ разсѣянную жизнь свѣтскихъ шалопаевъ и серьезно принялся за живопись.—«Эй, Тарасъ! (говорилъ ему Сошенко) одумайся! Почему ты не занимаешься дѣломъ? Зачѣмъ тебя «нечиста» носитъ по гостямъ! Ты имѣешь такую протекцію, такого учителя!..» Такъ гдѣ! и слушать не хочетъ. Правда, по временамъ сидѣлъ онъ и дома, а все-таки настоящимъ дѣломъ не занимался: или поетъ, или что-то пишетъ, да пристаетъ ко мнѣ: «а послушай, хорошо ли такъ будетъ», и начнетъ читать свои стихи».— Отстань (говорилъ ему Сошенко) съ своими ничтожными виршами! Почему не занимаешься настоящимъ дѣломъ!...»

Нѣтъ никакого основанія не довѣрять покойному Сошенку, но судъ его представляется мнѣ строгимъ, даже аскетическимъ, когда вспом-

[1]) Жизнь Шевченка, Чалый, стр. 31.

нимъ, что Шевченко въ то время едва вступилъ въ цвѣтущій періодъ своей жизни; ему едва минуло 24 года. Молодая жизнь, которая только-что сбросила тяжелыя оковы крѣпостного рабства Энгельгардта и хозяина-маляра Ширяева и вырвалась изъ тьмы чердака въ свѣтлыя залы академіи, изъ общества невѣжественныхъ, некультурныхъ калужскихъ стекольщиковъ и маляровъ и очутилась въ обществѣ такого просвѣщеннаго, гуманнаго и добраго человѣка, какъ К. П. Брюловъ, не могла не чувствовать потребности въ отдыхѣ и имѣла на него полное право; она должна была вывѣтрить изъ себя остатки прежней и освѣжиться новой атмосферой.

Сошенко, будучи глубокимъ демократомъ, въ судѣ своемъ надъ Шевченкомъ не принялъ во вниманіе ни возраста, ни темперамента его, отъ природы пылкаго и впечатлительнаго. Ему, какъ бѣдняку-труженику, вышедшему изъ народа, удовлетвореніе Шевченкомъ насущныхъ потребностей *новой* жизни представлялось несоотвѣтствующимъ плебею, чѣмъ-то «панськимъ». Онъ не видѣлъ и не подозрѣвалъ того великаго призванія, которое таилось въ его питомцѣ; онъ былъ убѣжденъ — что Шевченко посредствомъ живописи долженъ въ «потѣ лица» зарабатывать хлѣбъ свой; словомъ, обрекалъ его на жизнь ремесленника. Онъ не понималъ, что душа Шевченка, вырвавшись изъ тюрьмы, требовала простора во всемъ и не могла добровольно обречь себя на то порабощеніе, изъ котораго вы-

ходятъ «слуги искусства—ремесленники», трудясь «ради куска насущнаго».

Конечно, не мы будемъ винить за такой взглядъ добряка Сошенка. По своему онъ былъ правъ. Самъ Тарасъ Григорьевичъ не только тогда, но и годами двумя позднѣе, былъ убѣжденъ, «что живопись—его будущая профессія, его насущный хлѣбъ», но вмѣсто того (признается онъ въ 1857 г.), «чтобы изучать глубокія таинства живописи подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я, говоритъ онъ, сочинялъ стихи, за которыя мнѣ никто гроша не заплатилъ, которые лишили меня свободы и которые, не смотря на всемогущее запрещеніе, я все-таки втихомолку кропаю, и даже подумываю объ изданіи, разумѣется, подъ другимъ именемъ, этихъ плаксивыхъ и тощихъ дѣтей своихъ... Право, странно это неугомонное призваніе...»[1]) Вотъ этого то *призванія* ни Сошенко, ни Брюловъ, ни даже самъ Шевченко *въ то время* и не разумѣли; послѣдній, вопреки своему взгляду на живопись, какъ на профессію, *подчинялся* всецѣло, безсознательно влеченію *призванія*. «Что я дѣлалъ въ этомъ святилищѣ (мастерской Брюлова)?»—спрашиваетъ себя Шевченко почти чрезъ 20 лѣтъ и отвѣчаетъ: «Странно подумать,—я занимался тогда сочиненіемъ малороссійскихъ стиховъ, которые впослѣдствіи такою тяжестью упали на мою душу. Передъ его (Брюлова) дивными произведеніями я заду-

[1]) Основа, 1861 г. іюль, стр. 9.

мывался и лелѣялъ въ своемъ сердцѣ слѣпца-кобзаря и своихъ кровожадныхъ *гайдамакъ.* Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ знойной степи наддиѣпровской, передо мною мелькали мученическія тѣни бѣдныхъ гетмановъ. Передо мною разстилалась степь, усѣянная курганами. Передо мною красовалась моя прекрасная, моя бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красѣ своей. И я задумывался. Я не могъ отвести духовныхъ своихъ очей отъ этой родной, чарующей прелести.... Призваніе и ничего больше»[1]).

Вотъ гдѣ причина, почему Шевченко не слушался совѣтовъ своего руководителя Сошенка и не бросалъ писать «никчемныхъ виршивъ». Онъ, *хотя бы и хотѣлъ, не могъ слушаться.* Сила призванія выше всякой иной силы и противиться ей человѣкъ и не властенъ и безсиленъ.

У Сошенка Тарасъ Григорьевичъ прожилъ не долго, только четыре мѣсяца, до февраля 1839 г. Разница лѣтъ, характеровъ, а больше всего разница въ потребностяхъ духовно-моральной стороны помѣшала землякамъ жить въ одной комнатѣ. Разстались они, поссорившись изъ-за романа.

У квартирной хозяйки ихъ, нѣмки, жила племянница ея, молодая, хорошенькая дѣвушка, дочь Выборгскаго бургомистра, сирота Маня, въ которую былъ влюбленъ Сошенко и думалъ жениться на ней. Зналъ-ли объ этомъ Шевченко,

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.

или не зналъ,— намъ неизвѣстно; но, по словамъ г. Чалаго[1]), «Шевченко разстроилъ всѣ планы: онъ быстро повелъ аттаку противъ Мани и отбилъ ее у своего земляка». Маня взаимно отвѣчала чувствамъ Шевченка. Сошенко «долго скрывалъ свое неудовольствіе на черезъ-чуръ уже близкія отношенія молодыхъ людей, но потомъ не выдержалъ, разбранилъ Шевченка и прогналъ его изъ квартиры». Конечно, горю своему онъ не помогъ: «Маня стала уходить на квартиру къ Шевченку. Романъ окончился дурными послѣдствіями для Мани».

Изъ квартиры Сошенка Тарасъ Григорьевичъ переѣхалъ на Васильевскій островъ въ 5 линіи, въ д. Аренса, въ квартиру художника и товарища по академіи, Михайлова, человѣка очень добраго, ласковаго и благороднаго; но съ нимъ онъ не сошелся: онъ нашелъ, что «Михайловъ прекрасный, благородный товарищъ; но ничѣмъ не увлекается, никакая прелесть его не чаруетъ». Къ тому же у Михайлова была натура очень подвижная; въ квартирѣ онъ почти не сидѣлъ; Шевченко же, заплативши дань нервому чувству новой жизни, напротивъ, оставался вечерами больше дома. Его приглашалъ къ себѣ на квартиру Брюловъ, но онъ отказался; во-первыхъ, онъ думалъ, «что Брюловъ для него очень великъ»; во-вторыхъ, его останавливало чувство независимости,—онъ справедливо считалъ себя свободнѣе въ своей убогой квартирѣ.

---

[1]) Жизнь Шевченка, стр. 32.

Между тѣмъ, Сошенко, не перенося пагубнаго вліянія на его здоровье петербургскаго климата, уѣхалъ въ Нѣжинъ учителемъ рисованія. Шевченко, узнавъ о предстоявшемъ отъѣздѣ, пришелъ къ нему проститься. Они примирились и разстались друзьями.

На этомъ и оканчиваются всѣ свѣдѣнія, сообщенныя Сошенкомъ, о жизни Шевченка въ теченіе перваго года пребыванія его въ академіи. Свѣдѣнія, какъ видитъ читатель, очень краткія; у насъ для дополненія имѣется другой еще источникъ: автобіографическая повѣсть Шевченка: «Художникъ», которая, да отчасти «Дневникъ» Шевченка, веденный поэтомъ въ 1857 г., и нѣкоторыя письма его и составляютъ, главный, да почти и единственный, матеріалъ для обзора жизни Тараса Григорьевича за время пребыванія его въ академіи художествъ.

II.

По словамъ г. Чалаго, Шевченко, еще до ссоры съ Сошенкомъ, т. е. до февраля 1839 г., «предавался свѣтскимъ развлеченіямъ и артистическимъ кутежамъ, отъ которыхъ старался удержать его Сошенко, но отъ которыхъ не могъ воздержаться и самъ учитель его Брюловъ»[1]).

Для убѣжденія въ этомъ читателей ни г. Чалый, ни Сошенко не привели никакихъ фактовъ; а изъ «Художника» мы не только не видимъ ничего подобнаго, но, напротивъ, видимъ,

[1]) Жизнь Шевченка, стр. 35.

что для «свѣтскихъ развлеченій и артистическихъ кутежей» у Шевченка и времени не было, особенно въ первые годы пребыванія его въ академіи, т. е. въ 1838—9 г. Прежде всего, я вижу, что Шевченко въ эти годы рьяно работаетъ надъ своимъ развитіемъ и пріобрѣтеніемъ какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ знаній. Выкупленъ онъ на свободу, какъ видѣли мы, въ самомъ началѣ 25 года своей жизни. Образованіе его въ это время было самое ничтожное. Нельзя было и думать ни ему, ни людямъ, принявшимъ въ немъ живое участіе, о систематическомъ образованіи послѣ освобожденія: ни возрастъ его, ни денежныя средства не позволяли этого. А между тѣмъ Шевченко, безъ школьной помощи, успѣлъ послѣ выкупа, въ теченіе 2—3 лѣтъ, пополнить свое образованіе и развитіе весьма и весьма значительно. Очевидно, что онъ занимался, учился и на эти занятія нужно было не мало времени. За то просвѣщеніе, котораго онъ достигъ самоучкою, мы болѣе всего должны быть благодарны Брюлову и извѣстному украинскому баснописцу Гребенкѣ.

Библіотека Брюлова была для Шевченка открыта. Онъ прочиталъ изъ нея библію, исторію Греціи, всеобщую исторію среднихъ вѣковъ, перечиталъ, въ переводахъ, конечно, произведенія Гомера, Гете, Шиллера, Купера, Вальтеръ-Скотта; читалъ лучшія произведенія польскихъ и русскихъ писателей. Въ особенности интересовала его исторія родного края: онъ читалъ исторію Бантышъ-Каменскаго, Марковича, Конис-

скаго (въ рукописи). Извѣстную «Енеиду» Котляревскаго онъ почти всю зналъ на память. Кромѣ чтенія и личныхъ бесѣдъ, онъ аккуратно посѣщалъ нѣкоторыя лекціи профессоровъ университета и медицинской академіи, наприм., Буяльскаго—по физіологіи, Куторги—по зоологіи, два раза въ недѣлю слушалъ лекціи физики въ залахъ Вольнаго Экономическаго Общества и т. п. Учился у студента Демскаго французскому языку. Классы академіи художествъ посѣщалъ онъ такъ исправно, что боялся хотя бы одну лекцію пропустить. Вотъ какъ проводилъ онъ свой рабочій день: «утромъ въ 9 часовъ отправлялся въ классъ живописи; въ 11 ч. шелъ домой или къ Брюлову позавтракать и опять въ классъ и занимался до 3 часовъ. Послѣ обѣда—тѣ же занятія въ классахъ академіи. Въ 7 часовъ вечера отправлялся иногда съ Штеренбергомъ или съ Брюловымъ въ театръ или, погулявши по набережной Невы, возвращался домой и что нибудь читалъ вслухъ, а сожитель его Штеренбергъ слушалъ и рисовалъ; или же, наоборотъ, онъ рисовалъ, слушая чтеніе Штеренберга»[1]).

Въ свободное отъ классныхъ занятій время онъ вмѣстѣ съ Брюловымъ осматривалъ Эрмитажъ или иныя картинныя галлереи. Эти осмотры каждый разъ были «блестящими лекціями Брюлова изъ теоріи живописи». Больше всего они останавливались передъ произведеніями кисти Таньера, въ особенности предъ его «Казар-

---

[1]) Читай „Художникъ" въ повѣстяхъ и разсказахъ Шевченка на русскомъ языкѣ. Кіевъ 1888 г.

мой». Посѣщая вмѣстѣ съ Брюловымъ театръ, концерты, «острова», Шевченко и здѣсь даже за обѣдомъ, въ ресторанѣ Юргенсъ, старался пользоваться умными бесѣдами своего друга-учителя. Посѣщенія ресторана Юргенсъ обусловливались желаніемъ Брюлова наблюдать. Здѣсь онъ, какъ истинный художникъ, любилъ наблюдать разнохарактерное общество художниковъ, студентовъ и чиновниковъ. Конечно, бывали, вѣроятно, случаи, что среди молодыхъ учениковъ Брюлова происходили съ его участіемъ товарищескія попойки; но гдѣ же ихъ не случается, особенно въ товариществѣ людей съ душою артистическою, съ сердцемъ полнымъ любви къ жизни, къ людямъ, не простывшимъ еще подъ вліяніемъ горькаго и холоднаго опыта жизни!... Объ этомъ времени Шевченко всегда вспоминалъ, какъ «о незабвенныхъ золотыхъ дняхъ молодости, пролетѣвшихъ сномъ радости».

Знакомства Шевченка среди «свѣтскаго» общества ограничивались знакомыми Брюлова да ближайшихъ товарищей по академіи. Главнымъ образомъ знакомился онъ съ домами семейными и, какъ поклонникъ семейной жизни, проводилъ тамъ свободное время. По субботамъ вечеромъ онъ бывалъ въ семьѣ своего товарища Іохима, гдѣ любилъ бесѣдовать съ извѣстнымъ акварелистомъ Калошинымъ. Посѣщаетъ онъ образованное семейство Шмидтовъ, «откуда выходилъ, по собственному сознанію, болѣе чистымъ и благороднымъ». Въ семействѣ инспектора университета Фицтума онъ «блаженствуетъ, упи-

ваясь по вечерамъ квинтетами Бетховена и сонатами Моцарта». Общество художниковъ: Соколова, Пономарева, Петровскаго, Ткаченка, семейство Уваровыхъ (не графовъ) и нѣсколько человѣкъ украинцевъ — Тарновскій, Остроградскій, Гребенка — вотъ главнымъ образомъ то «свѣтское» общество, среди котораго «кутилъ» Шевченко.

Осенью 1839 г. онъ познакомился и скоро сдружился съ художникомъ Штеренбергомъ. Онъ зналъ о немъ еще до личнаго знакомства изъ разсказовъ Сошенка и Брюлова, который очень любилъ Штеренберга. Шевченко изъ разсказовъ Брюлова такъ увлекся Штеренбергомъ, что познакомился съ нимъ письмами, не ожидая возвращенія его въ Петербургъ изъ поѣздки на Украину. Штеренбергъ возвратился ночью и пріѣхалъ прямо къ Шевченку въ тотъ моментъ, когда послѣдній сидѣлъ за работою надъ эскизомъ «Іезекіиль въ полѣ, усѣянномъ костями». Симпатичный Штеренбергъ произвелъ на Шевченка съ перваго раза такое впечатлѣніе, что ему казалось, будто «онъ встрѣтилъ стараго знакомаго или самого Сошенка».

Въ тотъ же день, возвратясь изъ академіи, Шевченко засталъ Штеренберга спящимъ; онъ «тихонько сѣлъ на стулъ противъ его постели и любовался его дѣтски-непорочнымъ лицомъ; потомъ взялъ карандашъ и бумагу и принялся рисовать портретъ спящаго друга. Сходство и выраженіе вышло порядочное; но едва онъ очертилъ фигуру, какъ Штеренбергъ проснулся и

сказалъ: «покажите, что вы дѣлали?» Посмотрѣвъ на рисунокъ, онъ расхвалилъ его и обѣщалъ отплатить тѣмъ же.

На другой день Штеренбергъ показывалъ Брюлову и Шевченку свой альбомъ рисунковъ изъ видовъ Украины, сдѣланныхъ имъ во время лѣтней поѣздки. Брюловъ былъ въ восторгѣ отъ украинской «однообразно-разнообразной природы и отъ задумчивыхъ земляковъ Шевченка, такъ прекрасно и вѣрно переданныхъ Штеренбергомъ».— «На одномъ рисункѣ на первомъ планѣ была вѣтряная мельница, возлѣ нея пара воловъ въ телѣгѣ, наваленной мѣшками. Все это было не нарисовано, а только набросано; но какая прелесть!... Или: подъ тѣнью развѣсистой вербы, у самаго берега рѣки, бѣлая, крытая соломою хата; вся она отразилась въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Подъ хатой старушка, а на водѣ утки. Вотъ и вся картина; но какая полная, живая картина! Брюловъ, поцѣловавъ Штеренберга, сказалъ, что въ одномъ эскизѣ его онъ видитъ всю Украину». «Ему она такъ понравилась, что онъ тогда же за обѣдомъ построилъ для себя хуторъ на берегу Днѣпра близь Кіева. Одно, чего онъ боится и чего никакъ устранить тамъ не можетъ, это — феодалы-собачники».[1])

Такимъ образомъ, у Шевченка мы и тогда уже замѣчаемъ реальное направленіе въ искусствѣ. Взглядъ его на произведенія художества еще яснѣе выразился, когда въ томъ же 1839 г.,

[1]) *Повѣсти* и разсказы Шевченка, стр. 300.

Жуковскій по возвращеніи изъ-за границы привезъ къ Брюлову полный портфель произведеній Корнеліуса, Гессе и др. свѣтилъ Мюнхенской школы. Произведенія Брюлова Жуковскій находилъ «слишкомъ матеріальными, придавливающими къ землѣ божественное искусство». Обращаясь къ Шевченку и Штеренбергу, находившимся въ мастерской Брюлова, Жуковскій, пригласилъ ихъ зайти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. «Мы, говоритъ Шевченко, не преминули воспользоваться приглашеніемъ поэта и на другой же день зашли къ нему. Что же мы увидѣли? длинныхъ, безжизненныхъ Мадоннъ, окруженныхъ готическими, тощими херувимчиками и прочихъ мучениковъ живого, улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей XIX в...» Когда художники высказали свое мнѣніе «кроткій и деликатный Василій Андреевичъ назвалъ ихъ испорченными учениками Карла Павловича». Въ томъ же портфелѣ Жуковскаго они встрѣтили первоначальный эскизъ *Послѣдняго дня Помпеи*, ловко начерченный перомъ и слегка попятнанный сепіею. «За этимъ геніальнымъ очеркомъ, почти неизмѣненнымъ въ картинѣ, слѣдовало нѣсколько топорныхъ чертежей Бруни, которые ужаснули Шевченка и Штеренберга своимъ заученнымъ однообразнымъ безобразіемъ» [1]).

[1]). Основа 1861 г., августъ, стр. 5 и Записки або журналъ Шевченка, Львовъ *1895 г.*, стр. 55.

III.

Съ пріѣздомъ Штеренберга увеличивается кругъ знакомыхъ Шевченка: онъ познакомилъ его съ семействомъ своего родственника Шмидта, которое Шевченко считалъ для себя «благодатью Господнею». Здѣсь они часто проводили вечера, а по воскресеньямъ обѣдали. Тогда же Штеренбергъ познакомилъ его съ «украинскимъ аристократомъ Гр. Степ. Тарновскимъ, владѣльцемъ прекрасной Качановки (въ Борзенскомъ уѣздѣ). Тарновскій былъ большой любитель и меценатъ искусства. Въ лѣтнее время у него въ Качановкѣ собиралось большое общество художниковъ, артистовъ и писателей. Здѣсь извѣстный Глинка писалъ своего «Руслана и Людмилу». Впослѣдствіи Шевченко полюбилъ Тарновскаго и каждый разъ, бывая на Украинѣ, посѣщалъ Качановку; но въ первое время въ Петербургѣ онъ «рѣдко посѣщалъ его; ему не нравился покровительственный тонъ хозяина и подлая лесть гостей, которыхъ послѣдній кормилъ роскошными обѣдами и поилъ украинскою сливянкою». Шевченко «сперва не могъ понять, какъ Штеренбергъ можетъ переносить такія картины; но потомъ отъ него самого онъ узналъ, что новый другъ его влюбленъ въ старшую племянницу Тарновскаго, которая хотя и отвѣчала ему взаимностью, но въ дѣлѣ брака предпочла какого-то лысаго доктора».[1])

---

[1]) *Поэмы* и повѣсти Шевченка, стр. 302.

Штеренбергъ однако не долго находился въ Петербургѣ. Кажется, не позже начала 1840 г. онъ вмѣстѣ съ Далемъ уѣхалъ въ Оренбургъ на службу. Отъѣздъ Штеренберга произвелъ на Шевченка удручающее впечатлѣніе; онъ, проводивъ его, не хотѣлъ возвращаться на квартиру, «боясь пустоты, которая поразитъ его дома...» Черезъ нѣсколько дней онъ принялъ къ себѣ на квартиру художника Михайлова. Но въ скоромъ времени его постигла тяжелая болѣзнь—тифъ. Я предполагаю, что болѣзнь была вызвана переутомленіемъ его во время неотступнаго ухода за больнымъ Брюловымъ.

Въ началѣ 1840 г. Брюловъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Тима, весьма красивою женщиною. Шевченко не переставалъ бывать у Брюловыхъ по прежнему почти ежедневно, какъ другъ. Жена Брюлова относилась къ нему весьма ласково, играла съ нимъ въ «гальбе-цвельфъ», пѣла ему и играла на рояли. Шевченко страстно любилъ музыку и пѣніе и потому еще больше привязался къ Брюловымъ. Но черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, жена Брюлова, уйдя вечеромъ къ своимъ пріятелямъ Зауервальдамъ больше къ мужу не возвращалась. Это было въ концѣ февраля. Въ тотъ же роковой день Шевченко по обыкновенію обѣдалъ у Брюловыхъ; жена Брюлова за обѣдомъ показалась ему особенно очаровательною, потчевала его виномъ и когда пробило пять часовъ, напомнила ему, что время идти въ классъ; онъ ушелъ, обѣщая послѣ класса *зайти и обыграть* ее въ гальбе-цвельфъ. Но

когда онъ, по обѣщанію, возвратился, слуга Брюлова объявилъ, что «баринъ никого не принимаетъ». На другой же день, когда онъ зашелъ въ мастерскую, Брюловъ встрѣтилъ его весело, говоря: — «поздравьте меня! я холостой человѣкъ». Спустя день, Брюловъ слегъ въ постель и пролежалъ двѣ недѣли. Шевченко все это время не отходилъ отъ него. Уходъ за больнымъ и еще болѣе душевная скорбь свалили Шевченка съ ногъ въ то время, когда Брюловъ только что началъ выздоравливать.—Больного Шевченка пріятель его, художникъ Пономаревъ, перевезъ изъ дома Аренса къ себѣ на квартиру въ академію художествъ.

Не знаемъ, долго-ли болѣлъ Шевченко. Выздоровѣвши, онъ еще нѣкоторое время оставался въ квартирѣ Пономарева, и въ это время случился одинъ эпизодъ, который слѣдуетъ занести въ нашу хронику.

По сосѣдству съ квартирою Пономарева была квартира и мастерская художника Петра Степановича Петровскаго,— тоже любимца Брюлова и пріятеля Шевченка. Петровскій писалъ тогда «Агарь въ пустынѣ», за которую потомъ академія послала его на казенный счетъ въ Италію, гдѣ онъ и умеръ. Шевченко сохранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія: встрѣтивши въ 1857 г. въ Нижнемъ Новгородѣ родственника Петровскаго Кудлая, онъ въ бесѣдѣ съ нимъ съ любовью вспоминалъ Петра Степановича «и тѣ золотые, прекрасные дни молодости, которые они проводили вмѣстѣ».

Рисуя «Агарь», Петровскій высказалъ какъ-то Пономареву и Шевченку свое сожалѣніе, что не имѣетъ средствъ купить живую птицу, которая послужила бы ему натурщикомъ для крыльевъ ангелу. Товарищи сочувственно слушали, но помочь не могли, потому что и у нихъ въ карманѣ разгуливалъ вѣтеръ. Черезъ нѣсколько дней Петровскій, отправляясь къ матери, приглашалъ къ ней на обѣдъ Пономарева и Шевченка, но они отказались, боясь опоздать на вечернюю лекцію. Петровскій, возвратившись, похвалился пріятелямъ, что матушка помогла ему рублемъ для покупки птицы. Услыша это, Шевченко далъ знакъ Пономареву, чтобы придержалъ Петровскаго за руки, а самъ скорѣе въ карманъ къ нему, схватилъ тамъ рубль и вмѣстѣ съ Пономаревымъ убѣжали въ «Римъ» и тамъ проѣли послѣднее достояніе Петровскаго. Возвратясь, они застали Петровскаго въ грустномъ настроеніи.

— «Да ты не грусти, дурню! бѣда поправима, сказалъ ему Шевченко и, обращаясь къ Пономареву, прибавилъ: пойдемъ-ка на охоту и сейчасъ поможемъ Петровскому».

— «Какимъ это образомъ?»

— «Да ужъ тогда увидишь, пойдемъ».

Выйдя на академическій дворъ, гдѣ ходило цѣлое стадо гусей, принадлежащихъ помощнику полиціймейстера академіи, Соколову, Шевченко набросилъ свой плащъ на одного изъ гусей, схватилъ подъ мышку, сжалъ ему клювъ, чтобы не кричалъ, и бѣгомъ въ квартиру Петровскаго.

Квартира оказалась запертою, пришлось нести гуся въ квартиру Пономарева и, зажимая клювъ, наблюдать, чтобы гусь не задохся. Занятіе было не изъ пріятныхъ. Когда Петровскій возвратился, Шевченко, отворивъ тихонько дверь, впустилъ къ нему неожиданнаго гостя. Гусь закричалъ, Петровскій пришелъ въ изумленіе, не понимая откуда взялся гусь?... Скоро однако все разъяснилось; Петровскій срисовалъ съ гуся крылья ангелу, потомъ этого натурщика сторожъ зарѣзалъ и состряпалъ изъ него художникамъ ужинъ. Изъ первыхъ же денегъ Шевченко заплатилъ Соколову за гуся. Брюловъ, узнавши объ этой шалости, долго хохоталъ.

IV.

Изъ квартиры Пономарева Шевченко переѣхалъ въ 9 линію въ д. булочника Донненберга. Здѣсь посѣщалъ его полтавскій помѣщикъ Петръ Мартосъ, котораго въ концѣ 1839 г. познакомилъ съ Шевченкомъ Гребенка. О квартирѣ нашего художника Мартосъ, передалъ намъ слѣдующее: находилась она «подъ небесами» и состояла изъ совершенно пустой передней и другой небольшой комнаты, съ полукруглымъ окномъ, въ ней едва могли помѣщаться кровать да что-то вродѣ стола, на которомъ разбросаны были принадлежности артистическихъ занятій хозяина, разныя полуисписанныя и изорванныя бумаги, мольбертъ и одинъ полуразломанный стулъ. Пыль лежала толстыми слоями; на полу

валялись полуисписанныя изорванныя бумаги; по стѣнамъ стояли обтянутые въ рамахъ холсты, на нѣкоторыхъ были начаты портреты и рисунки [1]).

Такимъ образомъ, положеніе квартиры и ея обстановка говорятъ намъ, что финансовыя обстоятельства Шевченка были далеко не блестящи! Весь 1839 г. помѣщеніе его составляла убогая келія, или въ землѣ подъ 4-хъ-этажнымъ домомъ, или «подъ небесами».

Подъ конецъ 1839 г., именно 16 декабря, Штеренбергъ возвратился изъ Оренбурга вслѣдствіе болѣзни, помѣстился въ квартирѣ Шевченка, и прожилъ съ нимъ до отъѣзда своего заграницу весною 1840 г.

Не знаю, была ли это та самая квартира, которую описалъ Шевченко; но сходство между ними громадное. «Вдоль передней стѣны, говоритъ онъ, висѣло двѣ полки: верхняя установлена статуэтками и лошадьми барона Клодта. Стѣна, противоположная полузакрытому единственному окну, увѣшана алебастровыми слѣпками слѣдковъ и рукъ, а посреди ихъ красуется маска Лаокоона и знаменитой натурщицы Фортунаты... Мебели не было» [2]). Жили они убого. Шевченко чрезъ 20 лѣтъ вспомнилъ «тотъ день, когда онъ съ Штеренбергомъ на послѣдніе деньги купили себѣ убогую рабочую лампу, принесли ее въ свою келію, зажгли среди бѣлаго дня, поставили среди стола и, какъ маленькія дѣти, восхищались своимъ пріобрѣтеніемъ. Послѣ пер-

[1]) Вѣстн. Юго-Зап. Россіи, 1863 г., стр. 32—3.
[2]) Поэмы и повѣсти Шевченка, стр. 468.

ваго восхищенія Штеренбергъ взялъ книгу и сѣлъ по одну сторону лампы, а Шевченко, взявши какую-то работу, сѣлъ по другую сторону и просидѣли до пяти часовъ вечера; потомъ отправились въ академію и всему натурному классу разблаговѣстили о своемъ пріобрѣтеніи. Нѣкоторыхъ изъ товарищей пригласили полюбоваться этимъ дивомъ и устроили «вечеръ», т. е. чай съ сухарями. «Мы, говоритъ Тарасъ Григорьевичъ, были тогда бѣдныя, но невинныя дѣти. Боже! куда умчались эти свѣтлые, эти золотые дни! Куда дѣвалась прекрасная семья непорочныхъ юношей!» Воспоминанія объ этомъ времени вызывали у Шевченка слезы, «словно у ребенка, у котораго отняли красивую игрушку»; но эти слезы обновляли и воскрешали его; онъ при воспоминаніяхъ о дняхъ молодости, проведенныхъ въ академіи, «чувствовалъ ту свѣтлую, живую силу духа, которая одна способна сотворить чудо въ нашемъ воображеніи. Предъ нимъ открывался чудный міръ самыхъ восхитительныхъ, самыхъ граціозныхъ видѣній. Онъ видѣлъ, онъ осязалъ эти волшебные образы, онъ слышалъ небесную гармонію, однимъ словомъ—онъ чувствовалъ при воспоминаніяхъ воскресшій духъ живой, святой поэзіи»[1]).

Если одни воспоминанія производили въ душѣ Шевченка такое состояніе, то не трудно намъ вообразить то состояніе его духа, которое онъ испытывалъ во дни сожительства съ нимъ Штеренберга.

---

[1]) Поэмы и повѣсти Шевченка, стр. 468—9,

Въ той самой квартирѣ вмѣстѣ съ Шевченкомъ провелъ почти цѣлый мѣсяцъ передъ отъѣздомъ за границу и знаменитый впослѣдствіи, а тогда юный еще художникъ Айвазовскій, который, впрочемъ, не понравился тогда Тарасу Григорьевичу; онъ находилъ въ Айвазовскомъ «что-то несимпатичное, что-то величаво-холодное, нехудожественное, что-то такое отталкивающее» [1]).

Весною 1840 г. Штеренбергъ и Айвазовскій на одномъ пароходѣ отплыли за границу. Проводить его собралось нѣсколько художниковъ, конечно, между ними и Шевченко. Это было послѣднее ихъ свиданіе. Штеренбергъ скончался въ Римѣ въ тотъ самый злополучный 1847 г., когда надъ Шевченкомъ разразилась неожиданная, страшная катастрофа.

V.

Нельзя сказать, чтобы бѣдственное матеріальное положеніе Шевченка зависѣло отъ недостатка платной работы. На заказы недостатка не было; но на исполненіе ихъ у него не всегда было свободное отъ образовательныхъ занятій время; да случалось и такъ, что заказчики, получивъ работу, не платили договоренныхъ за нее денегъ.

Что Шевченко много и съ успѣхомъ трудился надъ изученіемъ живописи, это мы видимъ изъ того, что уже 29 апрѣля 1839 г. ему присуждена была медаль за его рисунокъ. Въ академіи

[1]) Поэмы и повѣсти Шевченка, стр. 325.

онъ шелъ первымъ по успѣхамъ; Брюловъ всегда былъ доволенъ его работами и отзывался о нихъ съ похвалою. «Большей награды для себя, какъ для художника, Шевченко и не желалъ»; однако же нельзя сказать, чтобы онъ равнодушно относился къ наградамъ по присужденію академіи. Чувство самоуваженія было въ немъ глубоко и развито до высшей степени; оно то и не позволяло ему относиться равнодушно къ мнѣнію академіи о его работахъ и успѣхѣ. Вотъ что разсказалъ онъ въ «Художникѣ» о томъ душевномъ состояніи, которое онъ испытывалъ въ минуты ожиданія рѣшенія академіи о присужденіи наградъ. До произнесенія приговора о програмной работѣ Шевченка, онъ «страдалъ, какъ страдаетъ преступникъ предъ казнью». Когда пришелъ день суда, онъ «боялся войти въ академію; академическія ворота казались мнѣ, говоритъ онъ, разинутою пастью какого-то страшнаго чудовища. Побродивши по улицѣ, я перекрестился и пробѣжалъ чрезъ страшныя ворота. Въ корридорѣ второго этажа, какъ тѣни у Хароноваго перевоза, блуждали мои нетерпѣливые товарищи. Профессора уже пришли въ конференцъ-залу. Близилась страшная минута. Вотъ вышелъ инспекторъ изъ средней залы. Я первый попался ему на встрѣчу: онъ, проходя мимо меня, шепнулъ мнѣ: поздравляю! Въ жизнь свою я не слыхалъ и не услышу такого сладкаго, такого гармоническаго звука. Я стремглавъ бросился домой»...[1])

---

[1]) Поэмы, повѣсти и разск. Шевченка, стр. 328 и дал.

Интересный случай разсказанъ Шевченкомъ, о томъ, какъ поступали съ нимъ нѣкоторые заказчики портретовъ. Богатый помѣщикъ Демидовъ заказалъ ему портретъ своей невѣсты. Для этого художнику нужно было ѣздить въ Гатчину, гдѣ жила невѣста. Когда портретъ былъ оконченъ, Демидовъ отказался заплатить деньги. Другой случай еще оригинальнѣе. Кавалергардъ ротмистръ Апрѣлевъ, человѣкъ очень богатый, заказалъ Шевченку свой портретъ. Пріѣзжая къ художнику на сеансы, Апрѣлевъ бралъ съ собою на завтракъ: 200 устрицъ, четверть холодной телятины, бутылку джину и шесть бутылокъ портеру. Послѣ третьяго сеанса они сошлись на «ты», и это «ты» запили шампанскимъ. «Я; говоритъ Шевченко, блаженствовалъ, имѣя такого друга-аристократа». Окончивши портретъ, отправился къ другу получить деньги; «другъ не принимаетъ; я въ другой разъ, въ третій, въ четвертый—все то же; этакъ разъ десять. Я плюнулъ и пересталъ ходить».[1]) Деньги уплачены не были.

Кстати замѣтить, что доброта и безкорыстіе проходятъ красною нитью чрезъ всю жизнь Шевченка. Никому не отказывалъ онъ въ своей помощи и дѣлился послѣднимъ. Эту черту его многіе эксплоатировали и брали у него въ «ссуду» деньги безъ возврата, какъ Чужбинскій, Бярхвицъ и др. Но объ этомъ рѣчь впереди, а здѣсь приведу фактъ доброты его къ роднымъ.

[1]) Кобзарь, т. III, стр. 43—4.

Братъ его, Никита Григорьевичъ, обратился къ нему съ просьбой о займѣ денегъ. Тарасъ Григорьевичъ, высылая ему 50 руб. 2 марта 1840 г., писалъ:[1]) «Знай, что я считаю за грѣхъ давать братьямъ деньги взаймы; если имѣю, то такъ дамъ, а не въ ссуду, а не имѣю, то извините». Вспомнимъ въ какой квартирѣ въ это самое время онъ бѣдствовалъ съ Штеренбергомъ!

Въ книгѣ г. Чалаго встрѣчается указаніе еще на одну черту въ жизни Шевченка, это—стремленіе «хорошо одѣваться, даже съ претензіей на франтовство» [2]). Такое желаніе было весьма естественно въ юношѣ, только-что сбросившемъ грязный, нанковый зипунъ рабочаго маляра. Съ другой стороны, бывая въ обществѣ и любя чистоту, нельзя же было ему ходить въ затрапезномъ халатѣ. Новый костюмъ занималъ юношу Шевченка, какъ игрушка ребенка, онъ самъ это признавалъ. «Не странно ли, что праздничная обновка (непромокаемый плащъ) тѣшитъ меня, какъ ребенка? Если подумать, то не странно. Глядя на блестящія полы своего плаща, я думалъ: давно ли я въ затрапезномъ, запачканномъ халатѣ не смѣлъ и помышлять о подобномъ нарядѣ, а теперь! сто рублей бросаю на плащъ! Просто Овидіево превращеніе! Бывало промыслишь какъ-нибудь бѣдную полтину, и несешь ее въ раекъ безъ разбора спектакля и за полтину такъ чистосердечно нахохочусь и горько наплачусь, что иному во всю жизнь

[1]) Кіев. Стар. 1891 г., кн. за февраль, стр. 211.
[2]) Жизнь Шевченка, стр. 31.

свою не придется такъ хохотать и такъ плакать. И давно ли это было? Вчера, не далѣе! и такая чудная перемѣна. Теперь я иду въ театръ въ кресла, рѣдко когда въ мѣста за креслами и иду всегда съ выборомъ... но правда и то, что я утратилъ уже прежній непритворный смѣхъ и искреннія слезы... мнѣ ихъ не жаль. Вспоминая все это, я вспоминаю и то святое утро, въ которое вы (Сошенко) меня встрѣтили въ Лѣтнемъ саду, чтобы взять изъ грязи и ничтожества»[1].

VI.

Зимою съ 1839 г. на 1840 г. Мартосъ, какъ было уже сказано, пріѣзжалъ къ Шевченку «подъ небеса» на сеансы. Въ одинъ изъ сеансовъ онъ замѣтилъ валявшіяся на полу куски писаной бумаги. Поднявъ одинъ изъ нихъ, исписанный карандашемъ, мелкимъ и нечеткимъ почеркомъ, онъ прочиталъ на немъ стихи:

„Червоною гадюкою
Несе Альта висты,
Щобъ летилы крюкы зъ поля
Ляшкивъ-панкивъ йисты".[2]

— «Что это такое?» спросилъ Мартосъ Тараса Григорьевича.

— «Да это—если нападетъ на меня тоска, я и начинаю пачкать бумагу».

— «Такъ это ваше сочиненіе?».

— «Да, мое».

[1]) Поэмы и повѣсти Шевченка, стр. 323.
[2]) Тарасова ничъ. Кобзарь, т. 2, стр. 4.

— «И много у васъ такого?»

— «Порядочно».

— «Гдѣ же оно?».

— »Подъ кроватью въ коробкѣ».

— «Покажите».

Шевченко вытащилъ изъ-подъ кровати лубочный ящикъ, наполненный кусками бумагъ. Мартосъ началъ разбирать, но никакъ не могъ добиться толку и сказалъ:

— «Дайте мнѣ эти бумаги домой, я ихъ прочитаю».

— «Да онѣ не стоятъ того, чтобы трудиться надъ ними».

— «Нѣтъ, стоятъ! тутъ есть что-то хорошее...».

— «Будто? не шутите ли вы?»

— «Нѣтъ!».

— «Ну, возьмите, только, сдѣлайте милость, никому не показывайте и не говорите о нихъ».

— «Хорошо, хорошо!»

Взявши бумаги, Мартосъ отправился къ Гребенкѣ. Привели бумаги въ порядокъ и прочитали. На слѣдующій сеансъ Мартосъ ничего не говорилъ Шевченку о бумагахъ, ожидая, не спроситъ ли онъ самъ; но онъ упорно молчалъ. Тогда Мартосъ сказалъ: «Знаете ли что, Тарасъ Григорьевичъ, ваши стихи очень, очень хорошіе. Хотите — напечатаю?» — «Нѣтъ, нѣтъ! не хочу, не хочу! Ей Богу, не хочу. Пожалуй, еще побьютъ за нихъ».

Много стоило труда получить согласіе Шевченка. Наконецъ онъ согласился. Мартосъ представилъ его стихотворенія въ цензуру, а затѣмъ и въ типографію. Много было хлопотъ съ послѣднимъ стихотвореніемъ, чтобы привести его въ порядокъ для печати; это была «Тарасова ничъ». Печатаніе остальныхъ приближалось къ концу, а «Тарасова ничъ» едва поспѣла. Переписавши ее, Мартосъ повезъ къ цензору Корсакову.—«Хорошо, сказалъ послѣдній, оставьте рукопись, а дня черезъ два пришлите за нею».—«Нельзя, въ типографіи ожидаютъ»—«Да мнѣ некогда теперь читать».—«Подпишите, не читавши, все равно вы не знаете малороссійскаго языка».—«Какъ не знаю! отвѣчалъ Н. А. Корсаковъ обиженнымъ тономъ. Я въ 1824 г. проѣзжалъ мимо Курской губерніи и этого достаточно, чтобы знать малорусскій языкъ!» Мартосъ извинился и продолжалъ просить разрѣшенія.

— «А нѣтъ ли тамъ чего-нибудь *такого*?...»

— «Рѣшительно нѣтъ».

Корсаковъ подписалъ [1]). Это произошло 12 февраля 1840 г. и такимъ образомъ явился первый «Кобзарь», т. е. первый печатный сборникъ произведеній Т. Г. Шевченка, напечатанный въ Петербургѣ, въ типографіи Фишера, на деньги Мартоса. Въ этотъ сборникъ вошли слѣдующія произведенія Шевченка: «Думы мои, думы», «Перебендя» (посвящено Е. П. Гребенкѣ),

[1]) „Вѣстн. Ю.-Зап. Россіи“, 1863 г. стр. 33—35.

«Катерына» (поэма—посвящена В. А. Жуковскому на память 22 апрѣля 1838 г., т. е. дня выкупа Шевченка), «Тополя» (посвящена П. С. Петровскому), думки: «На що мини чорни бровы», «До Основьяненка», «Иванъ Пидкова» (посвящена В. П. Штеренбергу) и «Тарасова Ничъ» (посвящена П. И. Мартосу).

Такъ разсказалъ намъ исторію перваго «Кобзаря» Мартосъ,— разсказалъ ее въ то время (1863 г.), когда уже не было въ живыхъ ни Гребенки, ни Н. А. Марковича, ни Шевченка. Принимая этотъ разсказъ вполнѣ, я думаю, что появленіе «Кобзаря» могло быть и нѣсколько иначе. Трудно согласиться, чтобы Гребенка до того времени ничего не зналъ о стихотвореніяхъ Шевченка! а что онъ зналъ объ этомъ, читалъ ихъ и имѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ у себя, какъ матеріалъ для предположеннаго имъ изданія прибавленій на малорусскомъ языкѣ къ «Литературной Газетѣ» Краевскаго,—въ этомъ убѣждаетъ насъ письмо Гребенки къ Г. Ф. Квиткѣ, писанное 18 ноября 1839 г.[1]). Для изданія же отдѣльною книжкою произведеній Шевченка Гребенка не имѣлъ собственныхъ средствъ; а, познакомившись съ Мартосомъ, вѣроятно, онъ убѣдилъ его принять на свой счетъ изданіе «Кобзаря».

На Украинѣ съ истинной радостью привѣтствовали «Кобзяря». Особенно обрадовался престарѣлый тогда украинскій писатель Квитка,

---

[1]) Украин. стар. Данилевскаго, стр. 275.

получивши отъ Мартоса экземпляръ «Кобзаря». «Когда мы съ женой, писалъ онъ 23 октября 1840 г.[1]) къ Шевченку, начали читать («Кобзаря»), волосы на головѣ поднялись, въ глазахъ зеленѣло, а сердце какъ-то болитъ.... Гляжу —жена плачетъ.... Я прижалъ вашу книгу къ сердцу; ваши мысли ложатся на сердце.... Хорошо! очень хорошо!.. больше не умѣю сказать....»

Такимъ образомъ, недавній пастушокъ «стадъ непорочныхъ» заговорилъ тѣмъ «огненнымъ словомъ», со времени появленія котораго украинская литература сдѣлалась *литературою* въ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Когда въ первый разъ проснулась Муза Тараса Григорьевича, — объ этомъ зналъ одинъ онъ; но онъ этого никому не повѣдалъ, а сказалъ только, что «первые литературные опыты его начались въ Лѣтнемъ саду въ свѣтлыя безлунныя ночи. Украинская строгая Муза, говоритъ онъ [2]), долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ, въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ «пидъ убогою батькивською стрихою», она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ

[1]) Основа, 1861 г. іюль, стр. 4—6.

[2]) Кобзарь 1876 г., т. 2 стр. XXI—II.

опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ саду, напечатана только одна баллада «Прычынна».[1]).

Слѣдовательно, все, вошедшее въ составъ перваго «Кобзаря», написано поэтомъ за время послѣ 22 апрѣля 1838 г. до 12 февраля 1840 г. Написаніе «Катерыны» относится къ тому времени 1838 г., когда поэтъ жилъ вмѣстѣ съ Сошенкомъ [2]).

Но Муза Шевченка не сразу же проснулась: кромѣ природнаго дарованія, имѣвшаго самое важное значеніе, была еще иная почва, вскормившая и выростившая Музу Тараса Григорьевича. Хотя намъ несравненно легче было бы указать тѣ факторы, которые задерживали питаніе и ростъ Музы генія украинскаго слова, но попробуемъ указать источники, которые вспоили и вскормили ее тѣмъ духомъ, которымъ дышатъ произведенія Шевченка.

Въ одномъ изъ стихотвореній послѣдняго времени поэтъ нашъ, обращаясь къ Музѣ, сказалъ:

„Ты, сестро Феба молодая!
Мене ты въ пелену взяла
И геть у поле однесла;
И на могыли середъ поля,
Якъ тую волю на роздольи
Туманомъ сывымъ сповыла,
И колыхала, и спивала,
И чары діяла...“ [3])

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Жизнь Шевченка. Чалый, стр. 32.

[3]) Ты, юная сестра Феба! взяла меня въ подолъ и отнесла далеко въ поле на курганъ и здѣсь, какъ свободу на просторѣ, спеленала меня сѣдымъ туманомъ, качала меня, пѣла и творила волшебство надо мной.

Въ этихъ словахъ вся исторія развитія Музы нашего поэта за все время пребыванія ея въ пеленкахъ, «сповытою» крѣпостнымъ правомъ, до тѣхъ поръ, пока *дыханіе свободы* не разорвало свивальника и изъ пеленокъ вышла взрослая, могущественная красавица—Муза.

Первыми нѣжными няньками поэтическаго и художественнаго дарованія были у Шевченка нѣжно чарующая меланхолическая красота украинской природы, народная пѣсня, по преимуществу историческая, и разсказы стариковъ — дѣда его Ивана и др. отчасти участниковъ, отчасти очевидцевъ событій, вызвавшихъ кровавый протестъ (Гайдамачину) народа противъ крѣпостного «права». Подъ «сѣдымъ туманомъ», прикрывавшимъ безправіе, убожество и невѣжество массы, псалтырь, которую Шевченко еще въ Кириловкѣ почти всю зналъ наизусть, производила на поэта глубокое вліяніе.

Впослѣдствіи свѣтлыя ночи и Лѣтній садъ Петербурга только отчасти продолжали содѣйствовать развитію Музы, первоначально воспитанной природою Украины. Конечно, еще до выкупа Шевченко, находясь въ Петербургѣ, кое что читалъ; читалъ то, чѣмъ снабжалъ его Гребенка: это были произведенія Котляревскаго, Квитки, самого Гребенки, Бодянскаго и др. Впослѣдствіи же, послѣ выкупа, самое большое вліяніе оказывали на Шевченка, какъ я уже замѣтилъ выше, кромѣ народной пѣсни, Библія и Исторія Руссовъ Г. Кониcскаго.

VII.

О жизни Шевченка непосредственно за выходомъ «Кобзаря» имѣется не много свѣдѣній.

Вскорѣ послѣ «Кобзаря», въ томъ же году, вышла особымъ изданіемъ его «Катерына». Въ слѣдующемъ году стихотворенія Шевченка являются въ альманахѣ Гребенки «Ластивка», а потомъ отдѣльнымъ изданіемъ большая историческая его поэма «Гайдамакы». Началъ писать эту поэму Шевченко, по всей вѣроятности, еще въ 1839 г. Мы уже привели выписку изъ дневника его, въ которой говорится, что, стоя передъ произведеніями Брюлова, онъ задумывался о рисункѣ слѣпца «Кобзаря» къ своимъ кровожаднымъ «Гайдамакамъ», первое зерно которыхъ, конечно, посѣяли въ душѣ автора разсказы дѣда Ивана о событіяхъ во время Гайдамачины. Дальнѣйшее развитіе поэмы, разумѣется, шло параллельно тому, какъ авторъ знакомился съ источниками, указанными имъ въ примѣчаніи къ поэмѣ. Первая глава этой поэмы напечатана въ «Ластивкѣ», дозволенной цензурой 12 марта 1840 г. Напечатана она въ самомъ концѣ книги; отсюда несомнѣнно, что въ то время вся поэма не была еще совершенно окончена, точное время окончанія мнѣ достовѣрно неизвѣстно. Слышалъ я, будто въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ хранится рукописный оригиналъ поэмы, датированный 1841 г. Извѣстно достовѣрно только то, что цензура долго не давала разрѣшенія печа-

тать эту поэму. «Было мнѣ съ «Гайдамаками» много горя, писалъ Шевченко 26 марта 1842 г.[1]) Тарновскому, насилу выпустилъ цензурный комитетъ: «возмутительно» да и кончено». При этомъ письмѣ были посланы экземпляры «Гайдамакъ» для историка Марковича и «на заочное знакомство» Виктору Забѣлѣ. «Гайдамакы» были напечатаны съ большими ошибками еще въ декабрѣ 1841 г., но у автора не было средствъ заплатить типографіи [2]); разошлись они очень скоро. Посылая экземпляръ Квиткѣ, Шевченко 28 марта 1842 г. писалъ [3]), что поэмы осталось уже только сто экземпляровъ.

Къ тому же времени (1841 г.) относится написаніе Шевченкомъ другой поэмы: «Черныця Марьяна», которую авторъ собирался напечатать къ празднику Пасхи 1842 г. [4])

«Появленіе въ печати произведеній Шевченка встрѣчено россійскими критиками, говоритъ г. Чалый, единодушнымъ глумленіемъ надъ малорусскимъ языкомъ и народностью». Фактъ этотъ несомнѣнно глубоко-печальный и тѣмъ болѣе прискорбный, что въ глумленіи и издѣвательствѣ принялъ и едва-ли не главное участіе глава тогдашней русской критики В. Г. Бѣлинскій. Я не буду останавливаться подробно на причинахъ, вызвавшихъ въ русской прессѣ враждебные отзывы о произведеніяхъ Шевченка и такія же

[1]) Основа 1862 г. Май.
[2]) Кіев. Стар. 1894 г., кн. II, стр. 323.
[3]) Русск. Стар. 1880 г., кн. II, стр. 593.
[4]) Основа 1862 г. Май.

отношенія къ украинскому слову. Скажу только что отзывы были недостойны печати [1]) и главную причину ихъ мнѣ пріятно объяснять однимъ невѣжествомъ рецензентовъ, не знавшихъ не только исторіи и этнографіи края, о которомъ пѣлъ Шевченко, но даже языка произведеній, которыя они рецензировали, и духа которыхъ они совершенно не понимали. Конечно, строго обвинять ихъ за это нельзя: та нота «народничества», которая звучала въ произведеніяхъ Квитки, а въ особенности у Шевченка, была въ Россіи еще чрезвычайно слаба; «народдничество» — находилось въ пеленкахъ, даже Бѣлинскій относился отрицательно къ изученію народнаго творчества и въ рецензіи на диссертацію Костомарова выразилъ такое мнѣніе, что

---

[1]) См. Отечест. Зап. 1839 кн. III; Сынъ Отечест. 1840 г. т. 2., Биб. для Чтен. 1840 г. т. 39; Москвитянинъ 1841 г. кн. V, стр. 446, Литер. Газ. 1844 г. № 19; Отеч. Зап. 1844 г. т. XXX.

Сочин. Бѣлинскаго (первое изданіе), т. V, стр. 302—307. Замѣтимъ, что Бѣлинскій къ Шевченку, или, вѣрнѣе сказать, къ тѣмъ его произведеніямъ, за которыя онъ въ 1847 г. пострадалъ, относился крайне враждебно; называлъ ихъ „пасквилями“ и самого Шевченка „дуракомъ и пошлецомъ“, а сверхъ того „горькимъ пьяницей, любителемъ горѣлки по хохлацкому патріотизму“.—„Этотъ хохлацкій радикалъ,—писалъ Бѣлинскій Анненкову въ декабрѣ 1847 г.,—написалъ два пасквиля... Шевченка послали на Кавказъ солдатомъ. Мнѣ не жаль его. Будь я судьею—я сдѣлалъ бы не меньше. Я питаю личную вражду къ такого рода либераламъ. Это враги всякаго успѣха; своими дерзкими глупостями они раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія.... Одинъ изъ хохлацкихъ либераловъ, нѣкто Кулишъ, въ *Звѣздочкѣ* напечаталъ Исторію Малороссіи, гдѣ сказано, что Малороссія должна *оторгнуться отъ Россіи*, или погибнуть. Цензоръ Ивановскій *просмотрѣлъ* эту фразу и она прошла. И не мудрено,—въ

народная поэзія есть такой предметъ, которымъ можетъ заниматься только тотъ, кто не въ состояніи, или не хочетъ заняться чѣмъ-нибудь дѣльнѣе. [1]) «Костомаровъ издалъ, писалъ Бѣлинскій [2]), цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно бы было выжать какое-нибудь содержаніе. Это собственно фразы не о руской, а о малорусской народной поэзіи. О русской поэзіи тутъ упоминается мимоходомъ».

Во всякомъ случаѣ отзывы русской прессы задѣли Шевченка. Не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ людей опытныхъ, онъ принялся писать по-русски, отослалъ Квиткѣ для помѣщенія въ Харьковскомъ сборникѣ какую-то пѣсню изъ своей драмы «Невѣста» и писалъ, что онъ приготовляетъ драму «Слѣпая Красавица», но не знаетъ, понравится ли она «москалямъ», —«боюсь, чтобы

глупомъ и бездарномъ сочиненіи всего легче не досмотрѣть. Прошелъ годъ и вотъ Государь получилъ отъ кого-то книжку съ отмѣткой той фразы. Надо сказать, что эта статья появилась отдѣльной книгой и пропущена Куторгой. Сейчасъ же велѣно было посадить Куторгу въ крѣпость.... Вотъ что дѣлаютъ эти скоты, безмозглые либералишки! Охъ, ужъ эти мнѣ хохлы! Либеральничаютъ во имя галушекъ и вареников съ свинымъ саломъ"—Все это высказано было, разумѣется, въ частномъ письмѣ, которое напечатано въ числѣ другихъ писемъ Бѣлинскаго въ книгѣ" П. В. Анненковъ и его друзья". СПб. 1892 г., стр. 604—606. Надо, впрочемъ, замѣтить, что письмо это писано Бѣлинскимъ уже во время сильнаго развитія его недуга, подъ вліяніемъ, вѣроятно, котораго раздраженіе вызывало въ письмахъ его того времени подобные эпитеты и о другихъ писателяхъ и артистахъ. Напр.: „Щепкинъ самолюбивъ до омерзенія; въ манерѣ его есть нѣчто страшно—наглое" (стр. 590). Повѣсть Достоевскаго „пошла, глупа и бездарна" (стр. 598), Луи-Бланъ—дуракъ, оселъ и скотъ (стр. 605). К.

[1]) Литер. Наслѣдіе Костомарова, стр. 46.

[2]) *Отеч. Запис. 1844.*, т. XXXIII.

не сказали mauvais sujet, потому что она съ простаго украинскаго быта» Въ сентябрѣ 1842 г., въ письмѣ къ Кухаренку [1]), онъ также упоминаетъ о своей «Слѣпой», но уже съ сомнѣніемъ о попыткѣ писать на чужомъ языкѣ. «Переписалъ я свою «Слѣпую», говоритъ онъ, да и плачу надъ нею! Какой чортъ и за какой грѣхъ искусилъ меня исповѣдываться предъ «кацапами» черствымъ ихъ словомъ! Бѣда да и только!... Вѣрно, правда, что въ душѣ нашей, кромѣ Бога и чорта, есть еще что-то такое, что страшно и вспомнить, и когда его хоть немного раскроешь, сердце сжимается отъ холода. Но что же мнѣ дѣлать? виноватъ ли я, что я родился не кацапомъ или не французомъ. Не хочется мнѣ, очень не хочется печатать свою *Слѣпую*, но теперь уже не моя надъ нею воля. Написалъ я еще драму: *Данило Рева*, да не знаю, что съ нея будетъ, еще и самъ не читалъ». Замѣтимъ, что при жизни Шевченка *Слѣпая* не была напечатана.

Литературная извѣстность Шевченка естественно увеличивала кругъ его знакомыхъ среди украинцевъ, какъ постоянно живущихъ въ Петербургѣ, такъ и среди пріѣзжавшихъ въ столицу на время изъ Украины. Едва ли не въ 1841 г. онъ познакомился съ М. С. Щепкинымъ, съ О. М. Бодянскимъ и съ Я. Г. Кухаренкомъ, съ которыми до самой смерти сохранилъ теплыя дружескія отношенія.

Друзья обратили его вниманіе, что часть русской критики, признавая за нимъ талантъ,

[1]) *Зоря* 1894 № 5.

нападаетъ на него почти исключительно за языкъ да отчасти за то, что онъ—«мужичій поэтъ». Они совѣтовали ему писать исключительно только на родномъ языкѣ, пренебрегая отзывами такихъ изданій, какъ Сенковскаго и т. п. Поэтъ, очевидно, поколебался и 25 генваря 1843 г. писалъ Тарновскому: «пусть буду я и мужичій

О. М. Бодянскій.

поэтъ, только бы поэтъ; больше мнѣ ничего и не надо»[1]). Однако же онъ не удержался, написалъ и выпустилъ въ началѣ слѣдующаго года новую поэму на русскомъ языкѣ: «Тризна». «Написалъ я ее для того, какъ бы оправдывался онъ передъ Тарновскимъ, чтобы великоруссы не говорили, что я не знаю ихъ языка».

[1]) *Основа, 1862 г., кн. V*, стр. 5.

Въ томъ же году написана имъ по-русски драма: «Назарь Стодоля», которую потомъ онъ передѣлалъ на украинскій языкъ. Послѣ «Тризны» и «Назара Стодоли» Шевченко ничего уже до половины 50-хъ годовъ по-русски не писалъ. Онъ писалъ исключительно на родномъ языкѣ и въ томъ же 1843 году онъ написалъ новую поэму: «Гамалія».

Между тѣмъ въ головѣ у него созрѣла прекрасная мысль—издавать «Живописную Украйну». Я увѣренъ, что мысль эта зародилась у него подъ вліяніемъ картины Брюлова «Осада Пскова». При первомъ взглядѣ на это произведеніе у нашего художника «духъ сперло». Онъ, глядя на нее, видѣлъ не картину, а живую осаду Пскова, ему «казалось, что онъ слышитъ крики людей и удары мечей по ливонскимъ, польскимъ и литовскимъ шлемамъ».

Несомнѣнно, что такая картина не могла не пробудить въ воспріимчивой душѣ Шевченка воспоминаній изъ исторіи родного края, не перенести его на Украину, въ событія осады Буши, взятія Батурина, битвы подъ Корсунемъ, подъ Полтавой, etc., etc.

Желаніе издавать рисунки изъ исторической жизни и изъ быта живой Украйны, одобренное, конечно, ближайшими друзьями, должно было вызвать въ немъ другое желаніе, даже неизбѣжную потребность—посмотрѣть собственными глазами на историческіе остатки прошлаго и на современный бытъ родины, которой онъ не видѣлъ почти 15 лѣтъ и которую и прежде-

то видѣлъ глазами темнаго мальчугана, видѣлъ на очень небольшомъ пространствѣ Звенигородскаго да Каневскаго уѣздовъ! Необходима была поѣздка на Украину, при чемъ не могло не имѣть важнаго значенія и желаніе повидаться съ братьями и сестрами.

Поѣздку эту онъ, безъ сомнѣнія, лелѣялъ еще въ 1840 г., а, можетъ быть, и ранѣе; но теперь она сдѣлалась его неизбѣжной потребностью; и онъ рѣшилъ весною 1843 г. отправиться на родину. Въ генварѣ того же года онъ писалъ Тарновскому [1]): «Жаль, что вы на зиму не пріѣхали сюда; у насъ въ академіи была хорошая выставка. Черезъ день даютъ «Руслана и Людмилу...» Артемовскій прекрасно поетъ роль Руслана. Василій Ив. (Григоровичъ) возвратился изъ Италіи еще добрѣе. Карлъ Павловичъ «байдыкы бье», а «Осада Пскова» — ждетъ лѣта... Штеренбергъ пишетъ мнѣ, что былъ боленъ... а я здѣсь не то работаю, не то гуляю; брожу по этому болоту да вспоминаю нашу Украину. Ахъ! если бы мнѣ можно было пріѣхать, пока соловьи еще не начали пѣть. Весело бы было. Да ужъ какъ-нибудь вырвусь, хоть послѣ Пасхи, и прямехонько къ вамъ, а потомъ ужъ и дальше. Когда пріѣду, не прогоняйте меня мѣсяцъ или два, потому что у меня кромѣ васъ нѣтъ убѣжища на Украинѣ... Я нарисовалъ двѣ картины и спряталъ было до вашего пріѣзда, обѣ изъ нашего быта, поэтому я ихъ и не показы-

[1]) Основа 1862 г., кн. V, стр. 5.

валъ кацапамъ; но Скобелевъ (комендантъ Петропавловской крѣпости) таки узналъ и одну изъ нихъ взялъ себѣ, а другая у меня: картина изображаетъ «Катерыну» въ то время, когда она, простясь со своимъ москаликомъ, возвращается въ село. У «царыны» (при въѣздѣ въ село) сидитъ возлѣ будки дѣдъ, дѣлаетъ ложку и печально посматриваетъ на Катерину; а она бѣдная едва сдерживаетъ слезы, да поднимаетъ передникъ, потому что, знаете, уже того... немного замѣтно. Москаль (солдатъ) удираетъ за своими, только пыль столбомъ... Его догоняетъ плохонькая собаченка и лаетъ на него... По одной сторонѣ курганъ, на немъ мельница; по другой только степь синѣетъ. Такова моя Катерина. Я думаю послать ее къ вамъ» [1]).

Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, когда Шевченко выѣхалъ изъ Петербурга, когда пріѣхалъ въ Каченовку и долго ли гостилъ у Тарновскихъ. Извѣстно, что Тарновскій просилъ Шевченка нарисовать для него портретъ князя Репнина. Общій знакомый Тарновскаго и Репнина, А. В. Капнистъ, отправился съ Шевченкомъ въ Яготинъ къ Репнину лѣтомъ 1843 г. «Съ перваго раза Шевченко произвелъ на семейство князя симпатичное впечатлѣніе. Онъ держалъ себя скромно, просто, но съ большимъ достоинствомъ; въ немъ не было ни стремленія рисоваться своимъ поэтическимъ призваніемъ, ни желанія подъигрывать подъ общій тонъ. Первое время онъ

[1]) *Картина* эта хранится въ музеѣ В. В. Тарновскаго.

былъ нѣсколько сдержанъ; но простота и радушіе, царствовавшія въ гостепріимномъ домѣ кн. Репниныхъ, подѣйствовали на него благотворно, смущеніе его прошло; чувствуя, что его окружаютъ добрые, симпатизирующіе ему люди, онъ видимо ободрился, завелъ оживленный разговоръ и чуть ли не въ тотъ же день до того разошелся, что сталъ пѣть малорусскія пѣсни, съ

В. Н. Репнина въ 40-хъ годахъ.

грѣхомъ пополамъ аккомпанируя себѣ на фортепіано. Вспоминая о пѣніи Шевченка, княжна Варвара Николаевна Репнина говорила, что оно поразило ее своей глубокой задушевностью, что мягкій, дышащій грустью голосъ нашего кобзаря (баритонъ съ высокими теноровыми нотами) *невольно проникалъ* въ душу. Ободренный *ласковымъ пріемомъ*, Шевченко остался гостить

у Репниныхъ и подружился тогда съ княжной Варварой Николаевной, которая, пренебрегая сословными предразсудками, смѣло протянула свою руку черезъ раздѣлявшую ихъ сословную пропасть, стала другомъ, сестрой и воплощенной совѣстью поэта»[1]).

Не знаемъ долго ли тогда Тарасъ Григорьевичъ гостилъ у Репниныхъ; но 29 іюня онъ былъ уже въ Мосѣвкѣ, Пирятинскаго уѣзда, недалеко отъ Яготина, у богатой аристократки Вольховской. Сюда, по словамъ Афанасьева-Чужбинскаго [2]), на этотъ день съѣзжались къ Вольховской помѣщики не только изъ Полтавской, но и изъ Черниговской и даже изъ Кіевской губерніи и гостили по нѣсколько дней. Собиралось иногда до 200 гостей къ восьмидесятилѣтней хозяйкѣ, которая въ то время была почти слѣпая и страстно любила играть въ карты; но такъ какъ сама уже, по слѣпотѣ, не могла играть, то просиживала цѣлыя ночи возлѣ игравшихъ. Балы Вольховской были для Украины своего рода Версалью, куда вывозили на показъ самые модные костюмы, новѣйшія фигуры мазурки; тамъ же иногда бывали первые выѣзды дѣвицъ.—Тамъ завязывались романы, происходили катастрофы и т. п. Огромная въ два свѣта зала едва могла вмѣщать общество, хотя много гостей занимало другія комнаты, а мужчины играли въ карты на верху. Старинная мебель, цвѣты, зеркала, занавѣсы XVIII в. и

---

[1]) *Кіевск.* Старина 1889 г., кн. X. Статья Старожила.
[2]) *Восп. о* Шевченкѣ. СПБ. 1861 г., стр. 4 и далѣе.

новѣйшіе костюмы—все это представляло необыкновенный интересъ. Сюда то на 29 іюня ждали Гребенку. Евгеній Павловичъ пріѣхалъ съ незнакомцемъ, который былъ средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ,—но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что нельзя было не обратить на нихъ вниманія. Это былъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Пріѣзжіе отправились наверхъ, чтобы умыться и переодѣться; а между тѣмъ вѣсть о пріѣздѣ Шевченка мигомъ разнеслась по всему дому, и комната Чужбинскаго, гдѣ былъ и Шевченко, скоро наполнилась почитателями, приходившими познакомиться съ роднымъ поэтомъ. Когда Шевченко и Гребенка пришли въ залу, всѣ гости толпились у входа. Поэтъ былъ тронутъ блистательнымъ пріемомъ и послѣ обычнаго представленія хозяйкѣ, которая рѣшительно не понимала, кого ей представляютъ, усѣлся въ кругу дамъ. Цѣлый день онъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія. Скоро онъ сдѣлался, какъ свой со всѣми и былъ какъ дома. Многія дамы читали ему наизусть отрывки изъ его «Кобзаря». Послѣ ужина одна веселая компанія увлекла поэта въ свои комнаты. Здѣсь среди шумныхъ тостовъ и привѣтствій Шевченко сказалъ, что не надѣялся встрѣтить такого радушія; вообще, онъ былъ въ духѣ и не говорилъ иначе, какъ по-украински».

Объ этомъ балѣ въ Мосѣвкѣ было сообщено мало-*вѣроятное извѣстіе* въ первомъ и един-

ственномъ томѣ «Библіотеки Запад. полосы Россіи» [1]). Балъ въ тотъ день должна была по обычаю открыть хозяйка, танцуя въ первой парѣ съ самымъ знаменитымъ гостемъ, каковымъ былъ на тотъ разъ Шевченко. Вольховская не могла танцовать; Шевченко будто бы увидѣлъ въ этомъ барскую спѣсь. Напрасно гости и хозяйка просили освободить ее; Шевченко настаивалъ и грозилъ уѣхать. Помирились на томъ, что Шевченко протанцуетъ трепака, а Вольховская на креслѣ vis-à-vis будетъ притопывать въ тактъ».

Тутъ-то Шевченко познакомился съ Викторомъ Закревскимъ, главою, такъ называемаго, общества «Мочемордія», состоящаго изъ людей состоятельныхъ (помѣщиковъ), иногда даже хорошо образованныхъ и гуманныхъ. Задачей общества было пьянство. Закревскій былъ человѣкъ умный и благородный, съ крестьянами обходился кротко; но онъ, какъ и весьма многіе другіе, не могли въ то время найти для себя другого выхода, кромѣ «мочемородія». Не будемъ ихъ винить! Сфера крѣпостного рабства, дарового труда, народнаго безправія—съ одной стороны; съ другой—невѣжество, общая тьма египетская, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ должны были создать какое-нибудь соціально-патологическое явленіе, каковымъ и было «мочемордіе», начало котораго надо искать въ Россіи еще въ первую четверть XVIII в. и не въ одномъ

[1]) *1880 г.*, стр. 12—17.

только Пирятинскомъ уѣздѣ, не въ одной только Украинѣ лѣваго берега (на правомъ намъ неизвѣстно среди дворянства *такого* явленія!). Деморализація украинскаго дворянства на лѣвомъ берегу была въ то время въ полномъ расцвѣтѣ, отъ нея въ той или иной формѣ не свободны были и такіе лучшіе люди какъ Г. С. Тарновскій, Н. А. Марковичъ, А. В. Капнистъ и другіе. Эпидемія никого не миновала.

Одинъ изъ біографовъ Шевченка задался вопросомъ: что могло быть общаго у автора «Гайдамакъ» «Катерыны» и «мочемордой» Закревскимъ и какъ въ душѣ Шевченка могли ужиться въ одно и то же время идеалы поэзіи съ пошлостью окружавшей его среды?[1]) Мнѣ же кажется, что такого вопроса и быть не должно. Шевченко очень хорошо понималъ данную пошлость; но она господствовала на такомъ широкомъ пространствѣ, что укрыться отъ нея поэту негдѣ было. Онъ могъ видѣть въ «мочемордахъ», и не безъ нѣкотораго основанія, если не людей протестующихъ, то хотя матеріалъ таковыхъ. Видя вездѣ на Украинѣ, съ одной стороны, «пекло», которое могло бы удивить «стараго Данта»,— онъ, естественно, и относился съ большимъ сочувствіемъ къ такимъ людямъ, полагая своимъ гуманнымъ вліяніемъ подѣйствовать на «мочемордъ» въ пользу хотя небольшой части порабощенныхъ братьевъ, онъ и не чуждался такихъ, какъ Закревскій, Марковичъ и др., и взывалъ къ нимъ:

---

[1]) *Жизнь Шевченка,* Чалый, стр. 40.

„Обіймите, браты мои!
Найменшого брата...
Благословить дитей своихъ
Твердымы рукамы,
И обмытыхъ поцилуйте
Вольнымы устамы“.

Благородная душа поэта тяжко страдала, видя на каждомъ шагу, какъ съ его сестеръ и братьевъ сдираютъ «латану свытыну»; и надо же было хоть какого-нибудь отвлеченія, чтобы въ этомъ «пеклѣ» хоть на нѣсколько мгновеній унять жгучую боль души! Общество «мочемордія» было для поэта своего рода морфіемъ, подъ вліяніемъ котораго притуплялась боль и зловоніе міазмовъ общей атмосферы...

Въ Мосѣвкѣ Шевченко провелъ два дня, потомъ поѣхалъ къ Чужбинскому въ Исковцы (Лубенскаго уѣзда) и съ нимъ ѣздилъ знакомиться къ другимъ помѣщикамъ.

Находясь у Чужбинскаго, онъ читалъ Dziady и начиналъ переводить Мицкевича, но не доканчивалъ и рвалъ, говоря: «вѣроятно, сама судьба не хочетъ, чтобы я переводилъ польскіе стихи»

Чужбинскій тогда замѣтилъ, что «Шевченко разочаровался (онъ никогда и не былъ очарованъ, замѣчу я) въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ и посѣщалъ уже весьма немногихъ. Печальной памяти власть крѣпостного права, выражавшаяся въ той или иной неблаговидной формѣ, приводила благородную душу поэта въ самое мрачное настроеніе. Хотя передъ нимъ всѣ ста-

рались показывать домашній свой бытъ въ праздничномъ видѣ; но трудно было обмануть Шевченка, который, выйдя изъ крѣпостныхъ, очень хорошо зналъ кулисы и декораціи на сценѣ помѣщичьей жизни. Въ Лубнахъ одинъ господинъ (къ сожалѣнію, не названный Чужбинскимъ) пригласилъ Шевченка и Чужбинскаго обѣдать. Когда они пришли, слуга дремалъ въ передней Хозяинъ разбудилъ его собственноручными ударами, не стѣсняясь присутствіемъ гостей. Шевченко покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ. «Никакія просьбы не могли возвратить его. Господинъ этотъ не остался въ долгу и, дѣйствуя во маркѣ, приготовилъ не мало горя нашему поэту [1]).

Нельзя не пожалѣть, что Афанасьевъ обставилъ свои воспоминанія такою анонимностью, что мы даже предположительно не можемъ сказать, о *комъ* и о *какихъ* непріятностяхъ Тарасу Григорьевичу идетъ здѣсь рѣчь.

Изъ массы воспоминаній о Шевченкѣ ни въ одномъ не сказано, куда онъ отправился изъ Яготина, и посѣтилъ ли онъ въ эту поѣздку родную свою Кириловку? Безъ всякаго сомнѣнія, онъ не могъ не повидаться съ братьями и сестрами, которыхъ такъ горячо любилъ. По тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя имѣются, можно предположить слѣдующій маршрутъ поэта. Изъ Яготина онъ направился на Днѣпровскіе пороги и по пути заѣзжалъ къ Закревскому. Возвращался съ Хортицы чрезъ Кириловку, по-

[1]) *Воспоминанія Чужбинскаго*, стр. 11.

томъ былъ въ Кіевѣ, посѣтилъ Межигорье и въ началѣ ноября опять былъ въ Яготинѣ у Репниныхъ.

Посѣщеніе Хортицы и Межигорскаго Спаса произвело на впечатлительную молодую душу

Я. Г. Кухаренко.

поэта-патріота удручающее впечатлѣніе... На Хортицѣ—мѣстѣ пребыванія недавней рыцарской свободолюбивой общины— «мудрый нѣмецъ садилъ *картфель*»; а въ Межигорьѣ—главномъ пунктѣ *запорожской* святыни—существовала фаянсовая

фабрика. «Былъ я въ прошломъ году, писалъ потомъ поэтъ къ Кухаренку [1]), на Украинѣ, былъ у Межигорскаго Спаса и на Хортицѣ, вездѣ былъ и *вездѣ плакалъ*»...

Посѣщеніе Тарасомъ Григорьевичемъ Кириловки подтверждается тѣмъ, что тамъ онъ 18 сентября вмѣстѣ съ сестрой своей Ириной Григорьевной Бойко былъ воспріемникомъ своего племянника сына роднаго его брата Іосифа Григорьевича [2]).

Во время вторичнаго посѣщенія Яготина Шевченко написалъ тамъ 11 ноября посвященіе княжнѣ Репниной своей поэмы на русскомъ языкѣ «Безталанный» [3]) («Тризна»). По словамъ княжны [4]), «посвященіе это написано нѣсколько позже самой поэмы; написано оно на лоскутахъ бумаги экспромтомъ и было вызвано словами княжны, сказанными по поводу воцарившагося въ обществѣ молчанія: «тихій ангелъ пролетѣлъ». — «Живя въ Яготинѣ, говоритъ Чалый, Шевченко написалъ нѣсколько стихотвореній [5]) и читалъ ихъ въ семейномъ кругу; но такъ какъ княжна плохо понимала по малорусски, то поэтъ, желая доставить ей удовольствіе, написалъ спеціально для нея эту поэму». Къ тому же времени относятся два рисунка его, подаренные

1) Зоря 1895 № 5.

2) См. Метрич. книги Кириловской церкви за 1843 г.— о родившихся.

3) Повѣсти и поэмы Шевченка, стр. 575.

4) Жизнь Шевченка. Чалый, стр. 49.

5) Ни одно изъ стихотвореній, написанныхъ поэтомъ на родномъ языкѣ въ Яготинѣ въ 1843 г , намъ до сихъ поръ *неизвѣстно*.

имъ княжнѣ,—портретъ его, приложенный къ книгѣ Чалаго, и рисунокъ хаты, въ которой онъ родился, приложенный къ біографическому очерку Маслова»[1]). Напомнимъ читателю, что Шевченко родился въ Моринцахъ, гдѣ еще въ 1892 г. находилась и хата, въ которой онъ родился. Осматривая ее, я не нашелъ сходства съ рисункомъ, приложеннымъ къ труду Маслова; рисунокъ этотъ представляетъ видъ хаты, конечно, въ Кириловкѣ, гдѣ жили родители Тараса Григорьевича и онъ самъ послѣ 1816 г.

Изъ Яготина Шевченко направился въ Петербургъ. Конечно, въ общемъ онъ вывезъ изъ своей поѣздки тяжелое чувство. Любя родной народъ такъ искренно и такъ глубоко и видя его крѣпостное порабощеніе, поэтъ-патріотъ не могъ не страдать...

VIII.

Возвращаясь изъ Украины, Шевченко останавливался въ Москвѣ и, пріѣхавши въ Петербургъ, принялся съ своими товарищами по академіи устраивать украинскіе спектакли: не знаемъ, что вышло изъ тѣхъ спектаклей. Украинскій репертуаръ того времени натурально былъ очень бѣденъ не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи. Поэтъ просилъ Кухаренка прислать свою оперетку «Чорноморськый побытъ» и писалъ:[2]) «на праздникахъ Рождества наши земляки устраиваютъ въ Медицинской ака-

[1]) Жизнь Шевченка. Чалый, стр. 49.
[2]) Зоря 1895, № 5.

деміи спектакли. Я думалъ поставить твой «Побытъ»; но теперь уже поздно, не успѣютъ; развѣ на Пасху, если ты пришлешь! Теперь приготовляютъ «Москаль Чаривныкъ, Щельменко, Сватання на Гончаривци и моего Назара Стодолу».

Но главнымъ образомъ Шевченко, по возвращеніи изъ Украины, занялся своими академическими работами и приготовленіемъ къ изданію «Живописной Украины».

Хотя всемогущая сила поэтическаго призванія и хлопоты объ изданіи «Живописной Украины» значительно отвлекли Шевченка отъ занятій живописью въ смыслѣ усовершенствованія, тѣмъ не менѣе и здѣсь занятія его шли съ успѣхомъ.

Послѣ награжденія его 29 апрѣля 1839 г. серебряной медалью, академія въ сентябрѣ 1840 г. вновь наградила его такою же медалью за первый опытъ его въ живописи масляными красками; это былъ рисунокъ: «Нищій мальчикъ, подающій кусокъ хлѣба собакѣ». 26 сентября 1841 г. совѣтъ академіи удостоилъ Шевченка новой награды за произведенія по живописи исторической и портретной и за рисунокъ «Цыганка». Поэтъ надѣялся въ мартѣ слѣдующаго года отправиться за границу; но почему-то это предположеніе не осуществилось. Конечно, онъ разумѣлъ поѣздку на счетъ казны; а для этого нужно было исполнить по указанію академіи извѣстную программу. Такая работа требовала извѣстной усидчивости, сосредоточенности, предъ нашимъ же художникомъ стояли и спектакли, и «Живо-

писная Украина», и *призваніе* поэта-гражданина. Да и княжна Репнина писала ему: «надѣюсь, что и перо не лежитъ у васъ въ бездѣйствіи. Это было бы ужасное преступленіе». Могло случиться, что совокупность всего этого и лишила Шевченка возможности исполнить всѣ требованія, необходимыя для того, чтобы академія послала его на казенный счетъ за границу.

Въ концѣ ли 1843 или, правдоподобнѣе, въ началѣ 1844 г. художникъ нашъ приготовилъ для «Живописной Украины» три эстампа: «Дары Богдану и Украинскому Народу»; «Печерская Криница въ Кіевѣ» и «Судна въ селѣ рада» (совѣтъ). Въ то же время онъ работалъ или, по крайней мѣрѣ, предполагалъ заняться для Кухаренка картиной, изображающей Головатого, и ждалъ для этого костюмовъ изъ Черноморіи. Онъ предлагалъ Кухаренку вмѣсто одного рисунка Головатого сдѣлать 200 экземпляровъ литографированныхъ: «я, писалъ онъ, сдѣлаю рисунокъ и пошлю въ Парижъ отлитографировать; ибо здѣсь хорошо не сдѣлаютъ. Я предполагаю изобразить Головатого такъ: стоитъ онъ опечаленный возлѣ зимняго дворца; позади его Нева, а за Невою крѣпость, гдѣ погибъ Полуботокъ» [1]).

Въ первой половинѣ февраля 1844 г. Тарасъ Григорьевичъ отправился въ Москву и тамъ 19 февраля написалъ прекрасное свое стихотвореніе «Чигиринъ». Замѣчательное совпаденіе! *Оплакивая порабощеніе* народа крѣпостною неволею, поэтъ

[1]) Тамъ же.

въ томъ стихотвореніи проситъ у Бога «святой правды на землѣ». Чрезъ 17 лѣтъ въ этотъ самый день подписано Императоромъ Александромъ II Положеніе объ освобожденіи крестьянъ.

Въ Москвѣ Тарасъ Григорьевичъ, безъ сомнѣнія, «державъ совѣтъ» со своими земляками Щепкинымъ, профессоромъ О. М. Бодянскимъ и др. о своихъ произведеніяхъ и кисти, и пера. Изъ письма его къ Бодянскому отъ 13 (марта?[1]) слѣдуетъ, что онъ не долго находился въ Москвѣ и не далѣе 22 февраля былъ уже въ Петербургѣ. Въ этомъ отношеніи можетъ смущать читателя и вводить въ заблужденіе (примѣръ чему уже и былъ съ однимъ писателемъ) поставленная на русской повѣсти Шевченка «Наймичка» дата «25 февраля 1844 г. Переяславъ». Изъ нея можно бы заключить, что Шевченко изъ Москвы направился въ Украину и 25 февраля былъ въ Переяславѣ. Надо, поэтому, сказать, что дата та, безъ сомнѣнія, вымышлена и подписана авторомъ на всякій случай для того, чтобы скрыть, что повѣсть написана въ Новопетровскѣ въ то время, когда надъ авторомъ тяготѣло запрещеніе писать и рисовать. Сопоставивъ даты на стихотвореніи «Чигиринъ» и на письмѣ къ Бодянскому, — убѣдимся, что Шевченко 25 февраля 1844 г. не имѣлъ возможности быть въ Переяславѣ.

«Три недѣли уже лежатъ приготовленными (Гамалія и Тризна) и не соберусь отослать къ

[1]) Русская Старина 1883 г., кн. IX, стр. 639.

вамъ, писалъ въ томъ же письмѣ Шевченко Бодянскому. *Гамалію* не поправилъ такъ, какъ мы съ вами говорили, потому что безъ меня печатали. Говорилъ я вамъ, что хочу рисовать Украину? Я изображу ее въ трехъ книгахъ: въ первую войдутъ виды, замѣчательные исторически или своею красотою; въ другой — современный бытъ народа, а въ третьей—исторія. Три эстампа (названные нами выше) уже готовы. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ пришлю въ Москву подписные билеты. Въ теченіе года выйдутъ десять картинъ. Текстъ къ картинамъ изъ современнаго быта и природы будетъ писать Кулишъ (съ Кулишемъ поэтъ познакомился весною 1842 г., но, при какихъ условіяхъ и гдѣ, неизвѣстно), а историческій текстъ напишите вы. Не удивляйтесь, что такъ мало пишу къ вамъ. Ей Богу, нѣтъ времени. Иду въ академію рисовать».

Всю весну и до половины лѣта 1844 года Шевченко находился въ Петербургѣ. Майскій парадъ вдохновилъ его написать 8 іюня извѣстный «Сонъ», который послужилъ впослѣдствіи главнымъ основаніемъ катастрофы надъ поэтомъ и былъ причиною десятилѣтнихъ страданій его въ зауральскихъ степяхъ.

29 іюня видимъ Шевченка еще въ Петербургѣ. Бодянскій почему-то замедлилъ отвѣтомъ, и онъ 29 іюня, напоминая ему о вопросахъ, сдѣланныхъ въ предшествовавшемъ письмѣ, говоритъ: «я рисую Украину и прошу вашей помощи. Будкова и Стороженко я прошу о томъ

же. Грабовскій будетъ издавать мои рисунки по польски»[1]).

Такимъ образомъ, не ранѣе первыхъ чиселъ іюля выѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ изъ Петербурга на Украину и, по всей вѣроятности, прежде всего въ Кириловку; это я заключаю изъ письма къ нему княжны Репниной отъ 19 іюля 1844 г.[2]). Между княжной и поэтомъ переписка началась, по всей вѣроятности, вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ изъ Яготина въ концѣ 1843 г.; но изъ сохранившихся писемъ—первое относится къ маю 1844 г. Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9 іюня княжна писала поэту: «Мосѣвка напоминаетъ мнѣ ужасныя минуты, въ которыя искренняя моя къ вамъ привязанность давала мнѣ право говорить вамъ правду, но я этого не дѣлала, находя васъ въ тѣ минуты неискреннимъ, не настроеннымъ на мой ладъ, и больше показывающимъ видъ, что я надоѣла вамъ, какъ горькая рѣдька, и что роль совѣсти вашей, которую я себѣ присвоила, казалась вамъ непозволительнымъ завоеваніемъ. Сколько разъ святая истина рвалась у меня изъ души въ уста, надѣясь, что будетъ доступна вашей душѣ, и будетъ принята, какъ лучшее доказательство сестриной попечительности о васъ.... Не говорите, что на васъ нападаютъ люди: здѣсь не завистники, не подлецы—ваши обвинители, а я —ваша сестра, вашъ искреннѣйшій другъ. Я не сужу васъ по разсказамъ и не осуждаю.... но

[1]) Тамъ-же, стр. 640.

[2]) Жизнь Шевченка. Чалый, стр. 46.

говорю вамъ, какъ брату, что не разъ, а слишкомъ часто видѣла васъ такимъ, какимъ не желала бы видѣть никогда»[1]).

Княжна Репнина искренно желала отвлечь поэта отъ знакомства съ «мочемордами», и совѣтовала ему, что «куда лучше сблизиться съ Галаганомъ, Капнистомъ, Барковскимъ, В. Лукашевичемъ, такъ богато одареннымъ умомъ и душою.... Нельзя ли изреченіе, писала она: «вино веселитъ сердце» понять въ духовномъ смыслѣ.... О, да! малодушіе есть ужасное несчастье, но и то уже много, что вы себя знаете. Остается не лелѣять признанную слабость, а вооружаться противъ нея. Скажите: отчего вы всегда упоминаете о Мосѣвкѣ? Не называетъ ли вамъ совѣсть и другихъ мѣстъ, гдѣ вы малодушно увлекались недостойнымъ съ недостойными?»

Давая такіе искренніе и прекрасные совѣты, княжна и сама впадала въ заблужденіе относительно «ума и души нѣкоторыхъ изъ тѣхъ не «мочемордъ», общество коихъ она рекомендовала Шевченку. Такъ, въ книгѣ Чалаго разсказанъ о Лукашевичѣ такой фактъ: онъ въ суровую зиму (конечно, въ ноябрѣ 1843 года) послалъ пѣшкомъ въ Яготинъ за 30 верстъ своего крѣпостного человѣка къ Шевченку по неважному дѣлу и строго приказалъ возвратиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Шевченко не хотѣлъ вѣрить; но фактъ былъ на лицо и ему пришлось разочароваться въ мнѣніи о человѣкѣ, котораго

[1]) Тамъ же.

считали либеральнымъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Онъ написалъ Лукашевичу письмо, исполненное негодованія, объявляя, что прекращаетъ съ нимъ навсегда всякое знакомство. Лукашевичъ, будто бы отвѣтилъ, что «у него 300 такихъ олуховъ, какъ Шевченко».

Если этотъ, дикій даже для того времени, фактъ вѣренъ, то его не возможно согласить съ рекомендаціей княжны Репниной и надо признать, что въ письмѣ ея шла рѣчь, быть можетъ, о какомъ либо другомъ Лукашевичѣ.

Увидѣвъ горестную долю своихъ братьевъ и сестеръ, Тарасъ Григорьевичъ, по пріѣздѣ въ Кириловку, естественно былъ глубоко ею опечаленъ, хотя, конечно, положеніе ихъ и не было новостью для него; но одно—глядѣть на чужое горе издали, и другое — смотрѣть ему въ глаза. Опечаленный поэтъ написалъ скорбное письмо къ Репниной, на которое она отвѣчала сочувственно-теплымъ откликомъ, въ указанномъ выше письмѣ 19. іюля.

Въ Кириловкѣ Тарасъ Григорьевичъ провелъ нѣсколько дней. Положительно отсутствуютъ свѣдѣнія: куда онъ направился изъ Кириловки. Съ 29 іюня до ноября мнѣ не встрѣчалось ни одного письма Шевченка. Кое-какія свѣдѣнія можно извлечь только изъ писемъ къ поэту княжны Репниной.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ она чрезъ Селецкую получила отъ Закревскихъ три гравюры поэта и 22 сентября писала ему: «Честь вамъ и слава добрый художникъ! Да благословитъ Господь

вашъ подвигъ. Сегодня получила ваше короткое письмецо. Больно мнѣ, что такъ часто покушаются люди пошатнуть вашу вѣру въ доброе и святое. Не покидайте ни пера, ни кисти, идите чистой, святой тропой».

Изъ этого письма я заключаю, что Шевченко все-таки посѣщалъ домъ Закревскихъ и поддавался больше влеченію собственнаго сердца, нежели совѣтамъ друга-сестры, которая и позднѣе, въ письмѣ 20 декабря, не переставала совѣтовать разорвать знакомство съ Закревскимъ: «я съ неудовольствіемъ слышала отъ брата, писала она, что на дняхъ былъ у него Закревскій и хвалился, что получилъ отъ васъ письмо. Я надѣялась, что вы уже не въ перепискѣ съ нимъ. Я этого знакомства очень боялась для васъ. Любите Капниста, Барковскаго, Галагана, Вл. Лукашевича, съ ними все хорошее, благородное, находящееся въ васъ, разовьется болѣе и болѣе».

Давая такіе благородные совѣты, княжна Репнина, какъ дитя своего времени, при всемъ своемъ высокомъ образованіи, развитіи и гуманности, не могла понять въ чемъ и гдѣ кроется корень влеченія Шевченка къ Закревскому, княжна,— едва ли не менѣе Гоголя, знала украинскій народъ и его бѣдствія, происходящія хотя бы отъ одного крѣпостнаго права. Да она и не могла этого знать. Ея аристократическое происхожденіе мѣшало ей въ этомъ, не смотря на всю ея простоту, благородство и гуманность. Княжна была дочерью родителей, несомнѣнно

истинно-благородныхъ, но тѣмъ не менѣе владѣвшихъ, едва ли не 15000 крѣпостныхъ душъ, а Шевченко былъ когда-то самъ крѣпостнымъ и и 24 года носилъ это ярмо, испытывая всѣ «блага» его на собственной шкурѣ. Надо сказать, что князь Н. В. Репнинъ (отецъ княжны) хорошо понималъ зло, причиняемое лѣвобережной Украинѣ введеніемъ въ 1783 г. полнаго крѣпостного права. Въ своей всеподданнѣйшей запискѣ [1]), ходатайствуя о нѣкоторомъ облегченіи крестьянъ, онъ докладывалъ Императору, что «прежніе малороссійскіе посполитые мало чѣмъ отличались отъ козаковъ до 1783 г., а въ этомъ году они порабощены происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастьемъ родины для собственной корысти. Прежніе посполитые пользовались всѣми выгодами свободы, и память о ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ». Разумѣется, все это знала и княжна, зналъ и Шевченко; но княжна только знала, а Шевченко и чувствовалъ и переживалъ крѣпостное право всѣми нервами своей души и, ненавидя неволю, страстно желалъ уничтоженія ея.

Вотъ почему княжна и не могла принять во вниманіе, что для Шевченка и Лукашевичъ, и Галаганъ и Закревскій и т. д. прежде всего были угнетатели народа, *душевладѣльцы*.

Сочувствуя всей душой изданію «Живопис-

[1]) Русская Старина, томъ 88, стр. 62—64.

ной Украины», княжна заботилась о распространеніи ея среди земляковъ.

Въ началѣ той же осени Шевченко былъ въ Субботовѣ и здѣсь нарисовалъ субботовскую церковь и остатки дома Богдана Хмельницкаго. Рисунки эти, предназначенные для «Живописной Украины», находятся нынѣ въ альбомѣ, хранящемся въ музеѣ В. В. Тарновскаго.

По словамъ г. Чалого, «Шевченко провелъ въ Яготинѣ у Репниныхъ всю зиму 1844 года. Любовь и уваженіе поэта къ старику-князю выразились, между прочимъ, въ томъ, что онъ однажды, наканунѣ новаго года, когда князь, отправляясь спать, пришелъ проститься съ дочерью и поздравить ее съ наступленіемъ новаго года, бросился въ объятія старца и съ чувствомъ поцѣловалъ его въ руку».

Такой фактъ, если бы онъ и былъ, на мой взглядъ ничего особеннаго не выражалъ, но дѣло въ томъ, что извѣстіе г. Чалого положительно не вѣрно. Мы уже видѣли, что Шевченко познакомился съ княземъ лѣтомъ 1843 г., и новый годъ какъ 1844, такъ и 1845 встрѣчалъ въ Петербургѣ. Далѣе, изъ книги г. Чалого мы знаемъ, что князь Н. В. Репнинъ умеръ 7 генваря 1845 г.

Предполагаю, что къ началу 1845 г. относятся хлопоты Шевченка съ послѣднимъ экзаменомъ въ академіи, такъ какъ дипломъ на званіе свободнаго художника выданъ ему 25 марта *1845 г.* По окончаніи экзамена, какъ передаетъ *г. Чалый*, Тарасъ Григорьевичъ «вспрыснулъ об-

новку», какъ это дѣлаютъ почти всѣ, окончивъ школу и прощаясь съ ней. Онъ «надѣлалъ такого, что стыдно и вспомнить, какъ сказано въ письмѣ Шевченка (къ сожалѣнію, г. Чалый не говоритъ къ кому это письмо). «Опомнился онъ только чрезъ два мѣсяца, когда и хозяйка, и лабазникъ начали надоѣдать объ уплатѣ денегъ».—«Спасъ меня Полевой; задумавъ изданіе 12 полководцевъ, онъ заказалъ мнѣ ихъ портреты. Голый: охъ! а за голымъ Богъ! Получивъ задатокъ, я расплатился съ долгами».

Изданія Полеваго у меня нѣтъ подъ рукой, и я не могу сказать въ точности, когда оно вышло; но знаю, что оно было издано роскошно, на прекрасной бумагѣ; посвящено Императору Николаю Павловичу и продавалось по высокой цѣнѣ. На немъ было означено, что портреты сдѣланы *извѣстнымъ* художникомъ Шевченкомъ.

22 марта Тарасъ Григорьевичъ подалъ въ Академію просьбу о признаніи за нимъ званія свободнаго художника. Совѣтъ академіи, «принимая во вниманіе, что Шевченко извѣстенъ по своимъ работамъ и былъ уже награжденъ двумя медалями за успѣхи въ живописи», удостоилъ его просимаго званія и выдалъ дипломъ, съ которымъ впослѣдствіи произошелъ довольно странный случай. Въ декабрѣ 1846 г. Шевченко, прося назначить его преподавателемъ рисованія при Кіевскомъ университетѣ, представилъ тотъ дипломъ попечителю учебнаго округа. Впослѣдствіи, когда Шевченко былъ уже въ Новопетровскомъ фортѣ, *онъ просилъ свое* начальство истребовать

его дипломъ. Новопетровкій Комендантъ Майоръ Усковъ 7 генваря 1855 г., за № 54, писалъ въ Кіевъ о высылкѣ диплома. Отъ Управленія Кіевскаго, военнаго Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора по Кіевскому учебному Округу въ мартѣ 1855 г. № 1321 послѣдовало увѣдомленіе Ускову, что «по силѣ существующихъ узаконеній,—оно не считаетъ себя вправѣ исполнить вышеизложенное требованіе, присовокупляя, что, въ случаѣ дѣйствительной и законной въ томъ аттестатѣ надобности, Ускову слѣдуетъ обратиться по начальству [1]). На томъ и окончилась рѣчь о возвращеніи Шевченку аттестата. А въ 1891 г. какой-то, кажется, инженеръ Николай Владиміровичъ Домбровскій публиковалъ въ львовской «Галицкой Руси», что онъ продаетъ дипломъ Шевченка на званіе свободнаго художника. Дипломъ этотъ перешелъ къ нему отъ дяди его, которому достался отъ какого-то пріятеля его чиновника; а послѣдній получилъ изъ канцеляріи попечителя кіевскаго округа...

Теперь, конечно, намъ понятенъ отвѣтъ коменданту Ускову, подписанный: «за правителя канцеляріи Кульжинскимъ и помощникомъ столоначальника Сосновскимъ»...

Интересно бы знать дальнѣйшую судьбу диплома Шевченка! Интересно и то, что Н. В. Домбровскій, вмѣсто того, чтобы передать дипломъ художника въ музей ученаго общества имени Шевченка (въ Львовѣ же), рѣшился сдѣлать эту

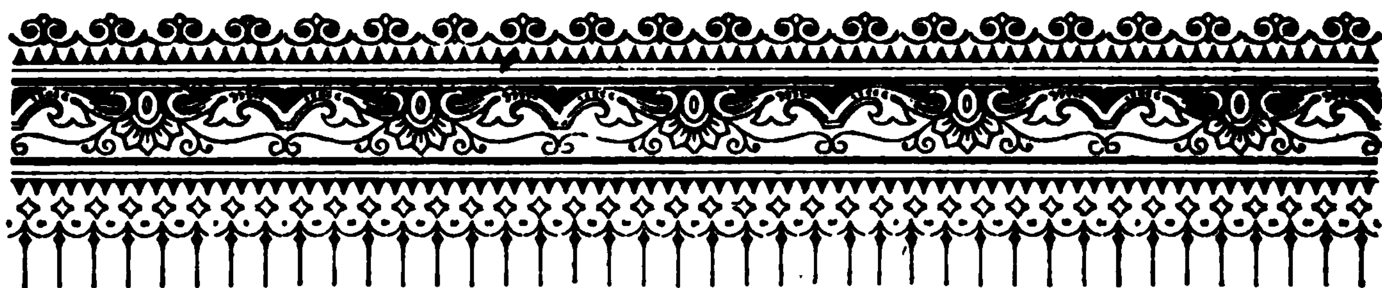
[1]) Русская Старина 1891 г. Май, стр. 441.

драгоцѣнность предметомъ своего рода аукціона.

Получивши дипломъ, Тарасъ Григорьевичъ 23 марта писалъ Кухаренку [1]): «сегодня я оставляю Петербургъ. Лѣтомъ буду въ Таганрогѣ. Напиши мнѣ, какъ найти тебя въ твоемъ гнѣздѣ, потому что мнѣ очень нужно видѣться съ тобой. Пиши ко мнѣ въ село Марьинское, Миргородскаго уѣзда, на имя Александра Андреевича Лукьяновича для передачи мнѣ» [1]).

[1]) Зоря 1895, № 5.

Т. Г. Шевченко на Украинѣ

(24 марта 1845 года — 5 апрѣля 1847 года).

I.

Оставивши Петербургъ, Тарасъ Григорьевичъ пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ и видѣлся здѣсь съ Бодянскимъ и Щепкинымъ. Это было то роковое свиданіе, послѣ котораго онъ болѣе 13 лѣтъ не встрѣчался съ ними[1]).

Изъ Москвы поэтъ отправился чрезъ Тулу и Орелъ на перекладныхъ и тащился «три недѣли»,[2]) пока прибылъ, какъ сказано въ его повѣсти «Капитанша», въ хуторъ своего пріятеля Виктора Александровича. Кто этотъ Викторъ Александровичъ — я съ достовѣрностью опредѣлить не могу, хотя въ названной повѣсти Шевченко говоритъ, что хуторъ этого Виктора Александровича былъ въ 2-хъ верстахъ отъ Глухова; но, мнѣ кажется, что онъ нарочно перемѣнилъ названіе уѣзда. Скорѣе всего—это былъ

---

[1]) Основа 1861 г., іюль. Дневникъ 4 іюля.

[2]) См. Поэмы и повѣсти Шевченка, Кіевъ, 1888 г., стр. 364 и далѣе.

хуторъ Забѣлы въ Борзенскомъ уѣздѣ. Можно однако предположить, что этотъ Викторъ Александровичъ былъ и А. А. Лукьяновичъ въ Миргородскомъ уѣздѣ или В. А. Закревскій въ Пирятинскомъ уѣздѣ. Я болѣе всего склоненъ въ лицѣ Виктора Александровича признать Забѣлу, потому что Викторъ Александровичъ изъ «Капитанши» имѣетъ очень много общаго съ Забѣлою: онъ, какъ и Забѣла, учился въ Нѣжинскомъ лицеѣ, служилъ въ гусарахъ, игралъ на бандурѣ, «въ часы досуга занимался сочиненіемъ чувствительныхъ малороссійскихъ романсовъ», одинъ изъ которыхъ положенъ на музыку извѣстнымъ композиторомъ Глинкою, [1] и т. д.

Переѣздъ изъ Москвы до хутора Виктора Александровича не обошелся безъ приключеній. Выѣзжая изъ Москвы, Шевченко имѣлъ въ карманѣ сто руб.; но, пока доѣхалъ до Орла, у него осталось «три рубля да два четвертака». По дорогѣ была такая распутица, что «благоразуміе требовало возвратиться въ Москву съ первой же станціи; но упрямство Шевченка непозволило ему этого. Нѣсколько разъ пришлось ему летѣть изъ телѣги въ грязную снѣжную лужу и потерять весь свой продовольственный багажъ. «Отъ Подольска до Тулы онъ все время находился на пищѣ св. Антонія». Да и въ Тулѣ немногимъ онъ запасся. Колбасной лавки не нашелъ, а пріобрѣлъ на дорогу соленаго судака. Въ Орлѣ истощенные финансы заставили его

[1]) Тамъ же, стр. 380.

прекратить поѣздку на почтовыхъ и нанять частную подводу.

Къ Виктору Александровичу Шевченко пріѣхалъ въ великую субботу [1]). Если мы припомнимъ, что Пасха въ 1845 г. была 15 апрѣля и что изъ Петербурга Шевченко выѣхалъ 23-го марта, то увидимъ, что показаніе его о трехнедѣльномъ пути отъ Москвы—совершенно вѣрно.

Тутъ нашъ поэтъ провелъ всю Свѣтлую недѣлю и уѣхалъ въ Кіевъ. О времени пребыванія его тогда въ Кіевѣ не имѣется никакихъ извѣстій; о томъ же, какъ провелъ онъ май и іюнь, можно заключить изъ повѣсти «Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали».

Вздумалось ему провести нашу прекрасную украинскую весну гдѣ-нибудь въ деревнѣ, и онъ отправился къ своему пріятелю—какому-то «отставному гусару». Слѣдуя чрезъ г. Таращу и село Баранъ-поле, онъ пріѣхалъ въ Лысянку, историческое мѣстечко, особенно извѣстное во время Гайдамачины и воспѣтое имъ въ поэмѣ «Гайдамакы».

Переѣзжая черезъ Лысянку, поэтъ долго искалъ глазами хорошо извѣстный ему домикъ діакона Ефрема, у котораго онъ когда-то (лѣтъ 18 назадъ) бралъ уроки живописи. Отецъ Ефрѐмъ, [2]) чтобы испытать способности его, заставилъ его на листѣ желѣза тереть какую-то черно-

---

[1]) Поэмы и повѣсти Шевченка, стр. 378.

[2]) Поэмы и повѣсти, стр. 449. Имя діакона очевидно измѣнено авторомъ, потому что во второй половинѣ 20-хъ годовъ въ Лысянкѣ не было діакона Ефрема.

бурую краску; но онъ не выдержалъ испытанія, и на другой же день «показавъ пяты» отцу діакону. «Многое, говоритъ поэтъ, я испыталъ послѣ этого урока, но ничто такъ не врѣзалось въ память».

Лысянка напомнила поэту многія историческія событія, особенно событія 1768 г., въ которыхъ, быть можетъ, участвовали и ближайшіе, не далѣе дѣда, предки его. «Въ чемъ другомъ, говоритъ онъ, а въ событіяхъ, подобныхъ 1768 г., земляки мои не уступали любой европейской націи, и даже въ 1768 г. перещеголяли первую французскую революцію; одно, въ чемъ они отличались отъ европейцевъ, это то, что у нихъ всѣ кровавыя трагедіи никогда не разыгрывались по волѣ одного лица, а были дѣломъ цѣлой націи» [1]).

Погостивши у какого-то «ротмистра Курнотовскаго», Тарасъ Григорьевичъ направился далѣе по мѣстности, которая «крѣпко засѣла ему въ памяти и которую онъ изучилъ еще тогда, когда ходилъ искать себѣ маляра-учителя. Наконецъ, пріютился у какого-то знакомаго». Мнѣ кажется, что онъ «пріютился» именно въ родной Кириловкѣ и здѣсь, а не въ Будищахъ, посѣтилъ *отца Савву* Нестеровскаго. Домъ отца Саввы ничѣмъ не отличался отъ большой мужицкой хаты, развѣ только двумя дымарями и небольшимъ навѣсомъ надъ дверьми. Внутренность дома тоже немногимъ отличалась отъ внутренности

---

[1]) Тамъ же.

хаты зажиточнаго мужика, развѣ только бѣлымъ чистымъ липовымъ поломъ. Дубовый рѣзной сволокъ съ надписью, кѣмъ и когда домъ построенъ, рѣзные косяки у оконъ и дверей. Вотъ обстановка жилища отца Саввы: въ переднемъ углу образъ Почаевской Божьей Матери, и предъ нимъ теплилась свѣча желтаго воска. Обыкновенно, столъ покрытъ ковромъ, а поверхъ ковра бѣлая, какъ снѣгъ, скатерть. Вмѣсто стульевъ широкія, бѣлыя липовыя лавы (скамьи). На столикѣ между окнами раскрыты гусли, а надъ ними портретъ Богдана Хмельницкаго; надъ портретомъ полка, уставленная книгами въ кожаныхъ переплетахъ. Налѣво въ углу неуклюжая печка изъ разрисованныхъ изразцовъ».

Въ то же время онъ началъ писать одну изъ своихъ поэмъ,—навѣрное нельзя сказать, какую именно,—писать которую вдохновило его сперва пѣніе кобзаремъ исторической думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, а потомъ природа, когда онъ гулялъ въ паркѣ. Гуляя послѣ обѣда по узкой аллеѣ, его посѣтили розовыя мысли. Онѣ, «не касаясь ни родственниковъ, ни вобще современнаго человѣка, витали въ минувшей бурной жизни, въ уныло-сладкихъ пѣсняхъ украинскихъ. Ему стало весело, пріятно, его волновали задушевныя, унылыя думы-пѣсни. Онъ былъ очарованъ ими, настроенъ на ихъ заунывный тонъ». Онъ возвратился въ комнату, взялъ бумагу и написалъ эпиграфъ къ будущей своей поэмѣ «На мори синему, на камени билому». Потомъ вспомнилъ свою жизнь въ Петербургѣ съ Ште-

ренбергомъ, почувствовалъ въ себѣ духъ живой, святой поэзіи и принялся за работу... Но только въ среду (на пятый день) написалъ послѣдній стихъ. Чрезъ нѣсколько дней, онъ «опять принялся было за эту поэму, но дѣло не клеилось: нужно было дать ей время вылежаться». Онъ «собралъ разбросанные листочки своего *завѣтнаго* творенія, перенумеровалъ ихъ и, какъ самая нѣжная мать укладываетъ въ колыбель дитя свое, такъ онъ уложилъ въ портфель свою поэму, свое безцѣнное сокровище» [1]).

Гостилъ онъ тогда же у какихъ то Претхелей. «Врачъ Степанъ Осиповичъ Претхель учился въ Дерптскомъ университетѣ; жена его, Софія Самойловна, была воспитанницею графини Гудовичъ; служилъ онъ прежде полковымъ врачемъ, а потомъ въ мѣстечкѣ Ольшаной (вблизи Кириловки). Здѣсь женился и обзавелся своимъ хуторомъ».[2]) Такъ прошелъ май.

Въ іюнѣ Тарасъ Григорьевичъ чрезъ Богуславъ и Рассаву проѣхалъ въ Потоки къ Я. В. Тарновскому. Здѣсь онъ гостилъ довольно долго, пользуясь радушнымъ гостепріимствомъ и полнымъ вниманіемъ образованной и богатой семьи, особенно Надежды Васильевны Тарновской, съ которой тогда же покумился, окрестивши вмѣстѣ съ нею ребенка у Потокскаго дяка. Въ Потокахъ онъ много писалъ и часть своихъ произведеній, а между ними, какъ передавалъ мнѣ

[1]) Тамъ же, стр. 477.

[2]) Поэмы и повѣсти Шевченка, стр. 536.

В. В. Тарновскій, будто бы и поэму *Еретикъ* оставилъ на сохраненіе Надеждѣ Васильевнѣ. Оставленныя въ Потокахъ произведенія постигла горькая доля. Когда въ апрѣлѣ 1847 г. стряслась надъ поэтомъ бѣда, Надежда Васильевна, спрятавъ въ желѣзный ящикъ оставленныя поэтомъ бумаги, закопала въ саду. Спустя много лѣтъ ящикъ былъ вынутъ изъ земли; бумаги оказались въ цѣлости. Надежда Васильевна, уѣзжая за границу, передала ихъ на храненіе племянницѣ своей, г-жѣ М... Мужъ послѣдней «спряталъ» тѣ бумаги гдѣ-то такъ, что ихъ не могли и до сихъ поръ не могутъ разыскать... Изъ Потокъ, по всей вѣроятности, во второй половинѣ іюня, Шевченко возвратился въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ онъ оставался не долго. По всей вѣроятности было такъ, какъ разсказано въ «Прогулкѣ», т. е. что изъ Кіева онъ чрезъ Бровары и Оглавъ заѣхалъ къ своему старому пріятелю Бориспольцу; потомъ къ Закревскимъ и въ Марьинское къ Лукьяновичу; а отсюда въ Ромны на извѣстную тогда Ильинскую ярмарку. Пріѣхалъ онъ на ярмарку случайно съ П. В. Свичкою, котораго называлъ «сальнымъ огаркомъ». Это былъ сынъ того полковника Свички, «который штуки ради закупилъ въ Кіевѣ во время контрактовъ (ярмарки) все шампанское вино, чтобы подурачить польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ съ цѣлью покутить». Въ своемъ имѣніи Городищѣ (Пирятинскаго уѣзда) этотъ Свичка устроилъ было заставу, чтобы никого не пропускать ни идущаго, ни ѣдущаго,

не накормивши его до отвалу и не напоивши до положенія ризъ. Понятно, что послѣ такихъ шутокъ отъ большой Свички остался только огарокъ.

Въ Ромнахъ въ палаткѣ Свички, принадлежавшаго къ обществу «мочемордовъ», Шевченко провелъ три дня. Въ первый разъ онъ видѣлъ тогда геніальнаго артиста Соленика[1]) въ въ роли *Чупруна* (Москаль Чарівникъ). Соленикъ показался Шевченку естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина. Тогда же въ первый и послѣдній разъ Тарасъ Григорьевичъ слышалъ московскихъ цыганъ, видѣлъ, какъ они отличались передъ ремонтерами и пр. пьяною публикою и какъ въ заключеніе своего дико-грязнаго концерта, они хоромъ пропѣли «Не пылитъ дорога».

Концертъ, конечно, не понравился нашему поэту. «Думалъ-ли, говоритъ онъ: великій германскій поэтъ, а за нимъ и великій Лермонтовъ, что ихъ глубоко поэтическія стихи будутъ отвратительно-дико пѣты пьяными цыганами предъ собраніемъ пьянѣйшихъ ремонтеровъ».

Тамъ же въ Ромнахъ Тарасъ Григорьевичъ познакомился съ отцомъ декабриста Якубовича и съ его братомъ, который занялъ у него на честное слово «до завтра» — два полуимперіала и, конечно, не возвратилъ.[2])

Вообще вся ярмарка — этотъ своего рода карнавалъ лѣвобережной Украины произвелъ

[1]) О Соленикѣ см. статью Мизки въ Основѣ 1861 г.

[2]) Основа. 1861 г. Сентябрь. Дневникъ Шевченка.

на Шевченка тяжелое впечатлѣніе. Поглотавши три дня пыль, купивши на жилетъ какой-то матеріи и фунтъ донского балыка, онъ оставилъ этотъ омутъ и вмѣстѣ съ Родзянкою отправился къ нему въ село Веселый Подолъ вблизи города Хорола. Аркадій Родзянко также писалъ стихи. Уже по одному этому онъ считалъ Шевченка «собратомъ» и ему было очень пріятно принять у себя популярнаго тогда на Украинѣ человѣка. Но въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, онъ «своей тупой эстетикой, грязнѣйшими и глупѣйшими своими малороссійскими стихами такъ надоѣлъ» Тарасу Григорьевичу, что тотъ убѣжалъ къ брату его Платону Родзянкѣ—ближайшему сосѣду и, какъ водится, злѣйшему врагу Аркадія [1]).

II.

Когда Шевченко возвращался отъ Лукьяновича и ѣхалъ чрезъ Лубны, ему нужно было взять подорожную. Въ Лубнахъ встрѣтился съ нимъ старый знакомый Афанасьевъ-Чужбинскій, съ которымъ онъ не видался болѣе года. Время это Афанасьевъ провелъ на Кавказѣ. Тамъ, гдѣ находилъ нѣсколько украинцевъ—въ кругу ли чиновниковъ или офицеровъ—вездѣ встрѣчалъ истрепанные экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамакъ» и полное искреннее сочувствіе къ автору ихъ» [2]).

[1]) Основа 1861 г. Августъ, стр. 4 и Кобзарь т. III, стр. 53.

[2]) Воспоминанія о Шевченкѣ, стр. 13—14.

Чужбинскій пригласилъ поэта къ себѣ въ деревню. Хотя Шевченко спѣшилъ къ Закревскимъ, но охотно принялъ приглашеніе. Въ теченіе двухъ дней, которые поэтъ провелъ въ Исковцахъ у Чужбинскаго, онъ прочиталъ ему много своихъ новыхъ произведеній. «Дивныя вещи были у Шевченка, говоритъ Чужбинскій; изъ большихъ въ особенности замѣчательны: поэма *Іоаннъ Гусъ* и мистерія. Въ первой онъ возвысился до своего апогея, во второй, уступавшей *Гусу* по содержанію, онъ разсыпалъ множество цвѣтовъ чистой украинской поэзіи». Шевченко разсказывалъ Чужбинскому, что прочелъ всѣ источники о Гуситахъ и предшествовавшей имъ эпохѣ, какіе только могъ достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности, разспрашивалъ каждаго чеха, съ которымъ встрѣчался.

Увидѣвши тогда у Чужбинскаго свою русскую поэму «Тризна», Шевченко засмѣялся своимъ симпатичнымъ смѣхомъ и спросилъ: «Ты читалъ?» Послѣ утвердительнаго отвѣта добавилъ: «Надо было выскочить, какъ Филиппъ съ Конопель. Почему не писать, коли рука зудитъ; но печатать не слѣдовало».

— «Говоря правду, сказалъ Чужбинскій, ты лучше пишешь по-украински».

— «Вотъ за это спасибо. А кое-кто хотѣлъ одурачить меня, задѣвая мое самолюбіе; но я и самъ вижу, что «Швець знай свое шевство, а у кравецтво не мишайся»[1]).

---

[1]) Тамъ же.

Много тогда разспрашивалъ Шевченко о Кавказѣ и о горцахъ. Очевидно, что тогда уже у него зародилась мысль написать поэму «Кавказъ».

Замѣтимъ, что двухкратная поѣздка Тараса Григорьевича на Украину, новыя знакомства его и прочитанныя книги произвели большой прогрессивный переворотъ въ его міровоззрѣніи и въ направленіи его поэтическихъ произведеній. До первой поѣздки поэта въ родной край (1843 г.) произведенія его Музы отличаются по преимуществу романтизмомъ, сантиментальностью и козакофильствомъ, исполненнымъ любви къ свободѣ. Послѣ первой, особенно же послѣ второй поѣздки (1844 г.), въ произведеніяхъ его уже начинается направленіе реальное. Онъ затрагиваетъ разностороннія сферы общественной національно-народной и общечеловѣческой жизни. Взглядъ его на прошлое родного края видоизмѣняется критически. Не сходя съ народно-національной почвы, онъ не бьетъ поклоновъ предъ гетьманами; напротивъ, — иногда у него вырываются противъ нихъ горькія, жгучія, но правдивыя слова. Соціальное положеніе народной массы занимаетъ у него почти господствующее положеніе. Вотъ почему произведенія его достигаютъ все большаго и большаго уваженія и вліянія. Такіе строгіе и самомнящіе критики, какъ Кулишъ, отзываются о нихъ съ большимъ уваженіемъ. «О Шевченкѣ, писалъ Кулишъ къ Бодянскому [1]), разсказываютъ чудеса. Онъ съ бли-

[1]) Русск. Арх. 1891 г., № 11, стр. 292—3.

стательнымъ успѣхомъ переложилъ 146, 149 и др. Псалмы Давида; написалъ поэму *Иванъ Гусъ* и множество другихъ стихотвореній, которыя малороссы знаютъ наизусть [1]). Теперь, въ 1845 г., Шевченко въ своихъ новыхъ произведеніяхъ, о которыхъ рѣчь ниже, еще болѣе расширяетъ свое міровоззрѣніе, еще выше паритъ въ мірѣ общечеловѣческихъ идей, не отрываясь отъ прежней народно-національной почвы. Поэзія его достигаетъ, дѣйствительно, того зенита, выше котораго она уже не пошла; но несомнѣнно она взлетѣла бы далеко выше, если бы катастрофа 1847 г. не обрубила ей крыльевъ.

Вовратившись въ Кіевъ, гдѣ въ то время находился на службѣ учителемъ въ дворянскомъ училищѣ Кулишъ, Шевченко, по словамъ Кулиша, познакомился съ нимъ лично, такъ какъ до той поры, онъ только переписывался; по словамъ же Шевченка, они познакомились еще въ 1842 г., но послѣ, до 1845 года, не встрѣчались.

Однажды, разсказываетъ Кулишъ [2]), вошелъ ко-мнѣ незнакомый человѣкъ и, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, чарующимъ голосомъ произнесъ по-украински:

— «А отгадайте—кто я?

— «Никто иной, какъ Шевченко», отвѣчалъ Кулишъ.

— «Да, это я».

---

[1]) Кіев. Стар. 1897 г Сентябрь, стр. 399.
[2]) Новь 1885 г., май.

П. А. Кулишъ.

Послѣ знакомства, Кулишъ, зная уже, какую великую силу представляетъ талантъ Шевченка, безъ сомнѣнія, не могъ не подумать о томъ, какъ бы упрочить положеніе Шевченка въ Кіевѣ--центрѣ южной культуры. Да и у самого Шевченка было большое желаніе поселиться въ Кіевѣ. Весною, будучи въ Кириловкѣ, онъ познакомился съ прелестной 16-лѣтней дочерью мѣстнаго священника, Феодосіей Григорьевной Кошицъ, влюбился въ нее и думалъ жениться да и жить, какъ всѣ люди живутъ»[1]).

Между знакомыми Кулиша въ Кіевѣ были тогда люди вліятельные, какъ, напр., правитель канцеляріи генералъ-губернатора Писаревъ, помощникъ попечителя учебнаго округа Юзефовичъ, профессора и члены археологической коммиссіи Иванишевъ, Селинъ, бывшій ректоръ университета Максимовичъ и др.—Его окружала тогда цвѣтущая молодежь, полная энтузіазма, какъ Пильчиковъ, Марковичъ, Андрузскій и др. Кулишъ самъ былъ молодъ (26 лѣтъ) и полонъ жизненныхъ силъ, энергіи и свѣтлыхъ надеждъ.

«Молодежь эта, говоритъ Кулишъ [2]), была глубоко просвѣщена Св. Писаніемъ и воспитана въ духѣ высокой чистоты духовно-нравственной. Апостольство любви къ ближнему доходило у нея до энтузіазма. И потому, когда она услыхала пѣсни Шевченка, она воспріяла ихъ, какъ голосъ воскресающей трубы архангела. Если когда-

[1]) Рус. Ст. 1883, кн. IX. Письма Шевченка.
[2]) Хуторн. Поэзія, стр. 6—8.

либо было говорено по истинѣ, что сердце ожило, что загорѣлися глаза и надъ челомъ у человѣка засіялъ пламенный языкъ, то это было въ Кіевѣ въ 1845 г. Среди этой молодежи родилась мысль проповѣдывать среди помѣщиковъ освобожденіе крестьянъ посредствомъ христіанскаго и національнаго просвѣщенія. Они желали и надѣялись посредствомъ науки и поэзіи вдохновить лучшихъ людей изъ среды помѣщиковъ».

Для такой молодежи Шевченко былъ человѣкомъ желаннымъ; будто само небо посылало его и молодежь глядѣла на него, какъ на свѣтильникъ небесный. И такой взглядъ, продолжаетъ Кулишъ, былъ совершенно справедливый. О великомъ духѣ Шевченка можно сказать, что это былъ свѣтильникъ «горя и свѣтя». Шевченко явился среди насъ, какъ видимое оправданіе вдохновенія нашего свыше»[1]).

Другой современникъ свидѣтельствуетъ намъ,[2]) что стихотворенія Шевченка списывали университетскіе студенты всѣхъ народностей, читали ихъ съ увлеченіемъ; многіе для того, чтобы читать Шевченка и понимать, учились украинскому языку.

При такихъ условіяхъ желаніе удержать Шевченка въ Кіевѣ нельзя не признать желаніемъ общественнымъ. Родилась мысль опредѣлить Шевченка на первое время, какъ художника, въ Коммиссію для разбора древнихъ ак-

[1]) Хуторн. Поэзія, стр. 8—10.
[2]) Библ. запад. Полосы Россіи, 1880 г., том. I, стр. 12—17.

товъ, организованную въ 1843 г. Въ то самое время только-что произошла реорганизація коммиссіи; она должна была заняться собираніемъ мѣстныхъ археологическихъ и историческихъ памятниковъ. Слѣдовательно, въ числѣ своихъ сотрудниковъ ей неизбѣжно было имѣть образованнаго художника. Имя Шевченка было хорошо извѣстно не только какъ поэта, но и какъ художника. «Двѣнадцать полководцевъ» Полеваго, посвященныхъ Императору Николаю Павловичу, служили для Шевченка хорошей рекомендаціей и предъ Писаревымъ и предъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ.

Такимъ образомъ, очевидно, что не надо было большого труда и хлопотъ для опредѣленія Шевченка въ Коммиссію въ качествѣ «сотрудника-художника».

Послѣ нѣкотораго зондированія почвы успѣхъ этого дѣла оказался обезпеченнымъ. Шевченко въ августѣ подалъ просьбу и, не ожидая оффиціальнаго утвержденія, выѣхалъ въ Полтавскую губернію для снятія видовъ съ историческихъ памятниковъ.

Прежде всего онъ направился въ Переяславъ и здѣсь познакомился съ образованнымъ украинцемъ, преподавателемъ и врачомъ мѣстной духовной семинаріи, А. О. Козачковскимъ; поэтъ встрѣтилъ у него самый радушный, самый искренній пріемъ. Былъ устроенъ въ честь его вечеръ, на который собралось большое общество. Духъ поэта былъ значительно приподнятъ; поэтъ говорилъ много, хорошо и всѣхъ

гостей такъ очаровалъ, что даже нѣмецъ-протестантъ, поднявъ за ужиномъ бокалъ, сказалъ: «вотъ это батько! ей Богу батько! будь здоровъ, батько!»[1]).

У Козачковскаго Шевченко провелъ нѣсколько дней. Писалъ онъ, не требуя уединенія, писалъ въ обществѣ, словно шутя, слушая бесѣду окружающихъ и принимая нерѣдко въ ней участіе.[2])

Въ сентябрѣ видимъ Тараса Григорьевича въ Кириловкѣ у родныхъ. Тутъ онъ сватается къ Феодосіи Григорьевнѣ, которая, хотя и отвѣчала ему взаимностью и желала сочетаться съ нимъ бракомъ, но, вслѣдствіе своей молодости и патріархальныхъ нравовъ того времени, находилась въ безусловномъ подчиненіи родительской волѣ. Родители же ея хотя и были люди добрые, но не считали возможнымъ имѣть зятемъ человѣка, который не такъ давно служилъ у нихъ истопникомъ и «погонычемъ». Замѣтивъ взаимныя чувства молодыхъ людей и желая устранить бракъ какимъ-нибудь деликатнымъ и безобиднымъ образомъ, они, разсчитывая на молодость и неопытность дочери, придумали покумить влюбленныхъ. Тогда, конечно, по правиламъ церкви, бракъ между ними сдѣлался бы невозможнымъ. И вотъ, когда у крестьянина Прокофія Демченка родился ребенокъ, Тараса Григорьевича пригласили быть воспріемникомъ съ Феодосіей Григорьевной. Послѣдняя

---

1) Кіев. Телегр. 1875 г., № 25.
2) Кіев. Телегр. 1875 г., № 25.

поняла въ чемъ дѣло и не поддалась ловушкѣ. Отправясь къ Демченку, она пригласила тамъ кумомъ другое лицо и съ нимъ окрестила ребенка у другого священника (въ Кириловкѣ ихъ было два). Послѣ этого надо было дѣйствовать уже напрямикъ. Шевченко получилъ отказъ [1]). Феодосія Григорьевна подчинилась волѣ родителей; но она такъ глубоко любила Тараса Григорьевича, что ни за кого потомъ не вышла замужъ. Эта неудача хотя и медленно, но глубоко, какъ червь, точила ее всю жизнь, доведя ее потомъ почти до психическаго недуга, отъ котораго она лѣчилась въ Кіевѣ въ 1884 г. [2]). Она умерла въ Кириловкѣ въ 1884 году [3]).

Въ Кириловкѣ 26 сентября храмовой праздникъ. Церковнымъ старостой былъ въ то время школьный товарищъ Тараса Григорьевича Бондаренко [4]). Онъ, слѣдуя предковскому народному обычаю, «наварилъ меду» и пригласилъ къ себѣ въ числѣ другихъ гостей и Шевченка. Погода въ тотъ день была теплая, день ясный, и гости расположились пировать въ саду Бондаренка подъ яблоней. «Меду» этого Тарасъ Григорьевичъ не забылъ и вспоминалъ о немъ въ своихъ письмахъ въ 1859 г., прося Варфоломея Григорьевича прислать ему въ Петербургъ колбасъ такихъ, «какія мы ѣли на меду у Бондаренка подъ яблоней». Само собою разумѣется, что «на меду» да еще

[1]) Изъ сообщенія П. Н. Шевченка.
[2]) Заря (кіевская) 1885 г. № 15.
[3]) Метрич. книга Кириловской церкви 1884 г. объ умершихъ, № 10.
[4]) Умеръ въ 1894 году.

«у тытаря» не могло не быть кобзаря; но случился такой, что не хотѣлъ (тогда существовало уже преслѣдованіе публичныхъ пѣвцовъ историческихъ думъ) или не умѣлъ пѣть думъ. Тарасъ Григорьевичъ сказалъ ему играть простыя народныя пѣсни и самъ пѣлъ съ нимъ, потомъ велѣлъ играть «козака» и танцовалъ съ дѣвушками.

Ходивши съ Варфоломеемъ Григорьевичемъ по саду, разсказываетъ послѣдній, Тарасъ Григорьевичъ декламировалъ ему «За горамы горы хмарамы повыти». «Я слушалъ, говоритъ Варфоломей Григорьевичъ, затая духъ. На головѣ у меня волосы поднялись... я началъ совѣтовать поэту не очень «заходыты въ хмары». Показывая мнѣ при этомъ какіе-то портреты, Тарасъ Григорьевичъ говорилъ, что все это пріятели его и всѣ они условились трудиться для просвѣщенія народа. Каждый изъ нихъ обязался сообразно съ своими средствами вносить извѣстную сумму въ общественную кассу, которою будетъ завѣдывать выборная администрація. Когда касса дойдетъ до извѣстной суммы, то изъ нея будетъ выдаваться пособіе бѣднымъ людямъ, съ успѣхомъ окончившимъ гимназію, для дальнѣйшаго образованія. По окончаніи университета такой стипендіантъ долженъ прослужить сельскимъ учителемъ шесть лѣтъ. Жалованье учителямъ предполагали выхлопотать отъ правительства и отъ помѣщиковъ; а если оно будетъ незначительно, то доплачивать изъ кассы. На вопросъ: дастъ-ли правительство дозволеніе учредить школы въ дере-

вняхъ? Тарасъ Григорьевичъ отвѣчалъ: что въ козачьихъ и казенно-крестьянскихъ деревняхъ уже и теперь это дозволено, а въ помѣщичьихъ — нужно убѣждать самихъ помѣщиковъ. Совѣтъ Варфоломея Григорьевича, о томъ, что, заботясь о школахъ, не слѣдуетъ распространять такихъ произведеній, какъ «Кавказъ», опечалилъ поэта и уже до самаго вечера онъ ничего не говорилъ, отдѣлываясь односложными: «да или нѣтъ» [1]).

Изъ этого разсказа не все можно принять, какъ достовѣрное: поэма «Кавказъ» написана позднѣе, и если поэтъ декламировалъ ее, то развѣ отрывки, назрѣвшіе уже въ его головѣ. Товарищества или Кирилло-Меѳодіевскаго Братства, которое, очевидно, разумѣетъ Варфоломей Григорьевичъ, тогда еще не было; мысль о немъ возникла у Костомарова гораздо позднѣе, наконецъ— чьи и какія портреты могъ показывать Тарасъ Григорьевичъ? Фотографія тогда еще не была распространена; литографіи и дагеротипіи были очень дороги.

Разсказываютъ, что когда чрезъ нѣсколько дней послѣ храмового праздника Тарасъ Григорьевичъ посѣтилъ старика отца Кошица, у котораго въ то время гостилъ сынъ его—молодой священникъ, который пригласилъ съ собою еще товарища, тоже священника, то они наперерывъ занимали поэта разговорами въ современномъ духѣ; но онъ говорилъ съ ними неохотно и весь вечеръ бесѣдовалъ со

[1]) Правда 1876 р. (львовская), стр. 24—26.

старикомъ. Вѣроятнѣе всего, что эта бесѣда была не «про старину», а про желаніе поэта «одружиться» съ Феодосіей Григорьевной. По уходѣ Тараса Григорьевича пришла старуха Лемериха и, обращаясь къ молодому отцу Кошицу, спросила: «Видали ли Тараса? каковъ онъ?»

— «Видѣлъ! если бы ты знала—какъ онъ глупъ! Все время или молчалъ, или разспрашивалъ старика о «голодранцяхъ» (бѣднякахъ), да еще, словно на смѣхъ, просилъ позвать церковнаго сторожа Смолька, товарища своего по школѣ Богорскаго и началъ съ ними цѣловаться».

— «Странно, возразила Лемериха: съ нами онъ никогда не молчитъ, а съ вами, вѣроятно, не зналъ о чемъ говорить». [1])

Опечаленный неудачнымъ сватовствомъ, Тарасъ Григорьевичъ оставилъ Кириловку.—Варфоломей Григорьевичъ [2]), а за нимъ и Лобода [3]) разсказываютъ, что братья его Никита и Осипъ и нѣкоторые знакомые отправились провожать его. Остановясь у корчмы при выѣздѣ изъ деревни, выпили на прощанье. Передъ ними вертѣлся корчмарь-еврей. Началъ Тарасъ Григорьевичъ «прыказуваты» на счетъ еврея; богатый кабатчикъ не остался въ долгу и отвѣчалъ презрительно и нагло. «А нуте-ка! чего смотрите!—отозвался Тарасъ Григорьевичъ къ провожавшей его компаніи: чего смотрите! растяните его, да розгами!» —Экзекуція была тотчасъ же исполнена. Евреи

---

[1]) Жизнь Шевченка. Чалый, стр. 51.
[2]) Правда 1876 г., стр. 26.
[3]) Кіев. Стр. 1887, кн. XI, стр. 567.

подняли крикъ; но, пока успѣли дать знать кому слѣдуетъ, Шевченко успѣлъ уѣхать, сперва въ Зеленую Дуброву къ сестрѣ Катеринѣ Григорьевнѣ, а потомъ въ село Княжу. Родственниковъ же его за расправу съ евреемъ арестовали; освободили ихъ, благодаря Варфоломею Григорьевичу; расправа эта обошлась имъ «не однимъ десяткомъ рублей въ видѣ гонорара жиду!»

Неправдоподобнымъ представляется мнѣ это событіе. Не могъ Тарасъ Григорьевичъ не сознавать, что извѣстіе объ этомъ происшествіи дойдетъ въ Кіевъ до генералъ-губернатора и можетъ послужить ему большой помѣхой для опредѣленія въ коммиссію.

Послѣ Кириловки видимъ поэта въ Миргородскомъ уѣздѣ въ селѣ Марьинскомъ у Лукьяновича. Здѣсь онъ написалъ поэму «Невольникъ», помѣченную 16 октября.

Между тѣмъ состоялось опредѣленіе его въ коммиссію. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ поручилъ ему отправиться въ Полтавскую губернію «для нѣкоторыхъ разысканій», т. е. изслѣдовать, какіе имѣются въ Полтавской губ. историческіе памятники, и, если можно, сдѣлать съ нихъ рисунки. Предписаніе это и деньги для расходовъ (150 р.) даны были уже въ ноябрѣ, изъ чего я заключаю, что Шевченко не ожидалъ ихъ и отправился немедленно, узнавши достовѣрно о распоряженіи Бибикова.

Кажется, прежде всего онъ отправился въ Прилуки и, пригласивши здѣсь знатока мѣстной

исторіи, священника Илію Бодянскаго, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Густынскій монастырь, расположенный въ прекрасной, поэтической мѣстности, въ трехъ верстахъ отъ города. Монастырь этотъ основанъ въ 1674 г. заботами и средствами гетьмана Ивана Самойловича[1]). Кромѣ интереса историческаго, въ Густыню привлекалъ Шевченка и интересъ моральный: въ генварѣ того года здѣсь погребенъ князь Репнинъ. Конечно, поэтъ, которому въ домѣ Репниныхъ было оказано столько радушія и ласкъ и который такъ глубоко уважалъ старика-князя, не могъ не желать поклониться праху этого знаменитаго человѣка.

Густынскій монастырь еще въ концѣ XVIII вѣка былъ упраздненъ, какъ монастырь. Постройки и церковь монастырскія болѣе полувѣка оставались въ запустѣніи безъ присмотра. Въ началѣ 40-хъ годовъ, не знаю по чьей инціативѣ, вздумали возобновить Густынь. Обновителемъ былъ присланъ изъ Нижняго Новгорода монахъ Паисій, человѣкъ, очевидно, вполнѣ невѣжественный. Онъ оказался просто вандаломъ: старинныя фрески, какія сохранились въ Густынѣ, онъ велѣлъ закрасить; уничтожить прекрасный портретъ Михаила Вишневецкаго и, наконецъ, добрался до костей мертвецовъ, погребенныхъ въ церкви. Подъ алтаремъ главной церкви находился фамильный склепъ полковниковъ Горленковъ; Паисій велѣлъ склепъ уничтожить, кости

[1]) Поэмы и повѣсти Шевченка. Музыкантъ, стр. 390

собрать въ одно мѣсто и задѣлать въ стѣнѣ. Съ нѣкоторыхъ образовъ были сняты драгоцѣнныя облаченія (шаты), потому что на нихъ были гербы Самойловича и Горленка... Это обновленіе еще не было доведено до конца, когда Шевченко посѣтилъ Густыню. «Полуразрушенный монастырь представился ему настоящимъ Сенклерскимъ аббатствомъ; тутъ все было — и глубокій широкій каналъ, наполнявшійся водою изъ тихаго Удая, и валъ, и на валу высокая зубчатая каменная стѣна съ внутренними ходами и бойницами, и подземелья, и склепы, и вросшія въ землю плиты, между огромными дубами; словомъ, все — для самой полной романической картины»[1]).

Сдѣлавши снимки съ Густынскихъ развалинъ, Шевченко переѣхалъ въ Переяславъ. Пріѣхалъ онъ, по словамъ Козачковскаго[2]), больнымъ и пробылъ мѣсяца два. Въ Переяславѣ же написано имъ 22 ноября посвященіе Шафарику поэмы *Иванъ Гусъ*. Иногда ѣздили они съ Козачковскимъ въ подгороднее село Андруши, гдѣ тогда Андрей Осиповичъ обзаводился своей усадьбой и разводилъ садъ. Поѣздки эти глубоко запали въ памяти Шевченка. Чрезъ десять почти лѣтъ, онъ въ письмѣ къ Козачковскому изъ Новопетровскаго укрѣпленія 14 апрѣля 1854 г.[3]) спрашивалъ: «велики ли выросли тѣ деревья, которыя ты садилъ въ осени 1845 г.?

[1]) Поэмы, и повѣсти Шевченка. Музыкантъ, стр. 390.
[2]) Кіев. Телегр. 1875 г. № 25.
[3]) Основа, 1861 г. апрѣль, стр. 19—21.

Какъ теперь вижу тебя! вижу какъ ты подъ заборомъ садишь рядъ деревьевъ?... Помните ли нашу прогулку въ Андруши? и за Днѣпръ въ монастырище на гору? Вспомните тотъ чудный вечеръ, ту широкую панораму и посрединѣ ея длинную, широкую фіолетовую ленту, а за ней блеститъ, какъ изъ золота кованный, Переяславскій соборъ. Какая была чудная, торжественная тишина. Помните: мы долго не могли промолвить слова, пока наконецъ бѣлое, едва замѣтное пятнышко не запѣло:

„Та яромъ, яромъ за товаромъ".

Чудный вечеръ! чудный край! дивныя пѣсни! Много добрыхъ воспоминаній сохранилъ я о старомъ Переяславѣ!»,

Не смотря на свою болѣзнь, Тарасъ Григорьевичъ работалъ много и сдѣлалъ снимки съ старинныхъ Переяславскихъ церквей: Михайловской, построенной полковникомъ Мировичемъ, и съ Вознесенскаго собора, построеннаго гетьманомъ Иваномъ Степановичемъ Мазепой. Болѣзнь не удержала его отъ дальнѣйшей поѣздки: онъ, въ началѣ декабря, въ самое холодное время отправился въ Васильевку и Вьюнища. Здѣсь старая ли болѣзнь приняла большіе размѣры, или присоединилась новая, какъ можно заключить со словъ Чужбинскаго, видѣвшаго его уже по выздоровленіи, какая-то тифозная.

Во время пребыванія въ Вьюнищахъ Тарасъ Григорьевичъ 11—17 декабря написалъ выдающіяся свои произведенія: «Розрыта могыла»,

«Холодный яръ», «Кавказъ», посланіе «До мертвыхъ и жывыхъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ».— Я убѣжденъ, что въ это же время написанъ и его «Заповитъ».

„Якъ умру, такъ поховайте
Мене на могыли
Середъ степу широкого
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы шырокополи
І Днипро и кручи
Булы выдни" и т. д.[1]).

Прочитавши эти произведенія, мы видимъ, какимъ недугомъ и *о комъ* болѣла душа великаго поэта и какъ широко, какъ глубоко развился, разроссся его политическій и соціально-моральный идеалъ! Каждая строфа произведеній Шевченка, написанныхъ въ 1845 г.—есть стонъ и слезы *за людей*! Изъ каждаго слова поэта вы чувствуете его великую любовь, его горячія желанія, чтобы не было на землѣ неправды и неволи.

III.

Рождественскіе праздники 1845 г. Тарасъ Григорьевичъ проводитъ у Закревскихъ. Вѣроятно было такъ, что Закревскій, узнавши, что онъ больной находится въ Вьюнищахъ, отправился навѣстить его и забралъ его къ себѣ въ деревню. «Въ гостепріимномъ домѣ Закревскихъ Шевченко былъ какъ дома. Иногда съѣзжались

[1]) Кобзарь, т. II, стр. 53—73.

сюда поклонники Бахуса, но Тарасъ Григорьевичъ уходилъ въ женское общество, нерѣдко просиживалъ въ гостинной хозяйки, весело болтая, слушая музыку, или распѣвая звучнымъ своимъ голосомъ заунывныя украинскія пѣсни. Никакія тогда усилія поклониковъ Бахуса не въ состояніи были перетащить его къ себѣ».

Однажды всѣ Закревскіе, Шевченко и Чужбинскій поѣхали къ родственникамъ Закревскихъ. Давно уже повечерѣло, когда они выѣхали обратно. На дворѣ была мятель, Закревскій предложилъ Шевченку распить на дорогу бутылку рому для сохраненія подолѣе теплоты, если бы по случаю мятели пришлось сбиться съ дороги; но Шевченко ни за что не согласился. Поѣхали. Въ степи разыгралась страшная мятель. Лошади сперва бѣжали бодро; но скоро кучеръ объявилъ, что они сбились съ дороги, и никто не могъ опредѣлить, какое принять направленіе. Дамы струсили, тѣмъ болѣе, что въ это время по ночамъ въ степи обыкновенно рыскають стаи волковъ.... Поѣхали «на волю судьбы». Шевченко предложилъ пристать къ первой скирдѣ сѣна, развести огонь и грѣться до утра. Дамы ни за что не соглашались на это. Было уже за полночь. Тарасъ Григорьевичъ, ободряя всѣхъ, запѣлъ «Ой не шумы, луже!» —всѣ, кромѣ спавшаго въ кибиткѣ Закревскаго, вторили ему. Но тутъ ураганъ разразился съ такою силою, что лошади остановились, пѣсня замолкла. Лошади ни съ мѣста. Общими силами пришлось вытаскивать врѣзавшіяся въ сугробъ кибитки.

Когда, освободившись изъ сугроба, поѣхали далѣе шагомъ, Шевченко запѣлъ:

„Ой котори поспишалы
Ти у Сичи зимовалы.
А котори зоставалы,
Ти у степу пропадалы".

Отчаяніе начало овладѣвать женщинами. Много надо было усилій Шевченку, чтобы успокоить ихъ. Онъ началъ импровизировать «Мятель».... Наконецъ замѣтили въ сторонѣ огонекъ, поѣхали на него и выбрались къ постоялому двору на Кіевской дорогѣ [1]).

Въ началѣ февраля Шевченко пріѣхалъ къ Афанасьеву въ Исковцы, приглашая его сопутствовать ему по Малороссіи. На этотъ разъ, онъ ѣхалъ въ Черниговъ, а оттуда въ Кіевъ. Поѣхали сперва въ Лубны, но здѣсь оставались не долго и отправились далѣе чрезъ Нѣжинъ. Во время переѣзда ночью чрезъ Прилуки, здѣсь случился пожаръ. Горѣла еврейская изба. Прибѣжавши на пожаръ, Шевченко бросился наравнѣ съ другими выносить имущество изъ горѣвшей избы и потомъ укорялъ христіанъ, которые дѣйствовали какъ-то лѣниво на томъ основаніи, что «горѣлъ жидъ». Горячо доказывалъ Шевченко, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ національности и религіи, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ».

«Когда въ Нѣжинѣ узнали о пріѣздѣ Шевченка, то двери нашей квартиры, говоритъ Афа-

[1]) Восп. о Шевченкѣ. Чужбинскаго, стр. 15—17.

насьевъ, [1]) не затворялись: особенно посѣщали насъ студенты лицея, и въ числѣ ихъ извѣстный впослѣдствіи переводчикъ произведеній Шевченка—Гербель».

Былъ четвергъ на масленой недѣлѣ. Въ Нѣжинѣ существовало тогда общественное собраніе. Шевченко отправился вечеромъ туда, но старшина не хотѣлъ впустить его, потому что на головѣ у него была бархатная шапочка, которую онъ носилъ послѣ болѣзни. Старшинѣ этому, конечно, объяснили, что Шевченко, въ какомъ бы онъ ни былъ костюмѣ, дѣлаетъ честь своимъ посѣщеніемъ.

Утромъ въ субботу, когда Афанасьевъ вышелъ въ лавки купить на дорогу продукты, къ Шевченку явился какой-то юнкеръ и просилъ у Шевченка пять рублей, увѣряя, что онъ проигралъ казенныя деньги. Шевченко по своей добротѣ повѣрилъ, обѣщалъ помочь и просилъ юнкера напиться съ нимъ чаю, но, когда за чаемъ юнкеръ осушилъ графинчикъ рому, Тарасъ Григорьевичъ уменьшилъ свое пожертвованіе и далъ только три рубля. «Шевченко никогда не отказывалъ просящимъ и всегда имѣлъ при себѣ мелкую монету для раздачи милостыни. Участіе къ нуждамъ и бѣдѣ другихъ приводило его иногда къ самымъ наивнымъ сценамъ и тѣмъ болѣе располагало къ его личности. Иногда послѣ наглаго обмана, онъ давалъ слово быть осмотрительнѣе, но при первой встрѣчѣ съ попрошай-

---

[1]) Ibidem, стр. 18.

кой, умѣвшимъ разжалобить, онъ не выдерживалъ. Когда же ему совѣтовали беречь свои финансы, онъ говорилъ: «пусть лучше меня три раза обманутъ, а въ четвертый я подамъ тому, кто дѣйствительно, быть можетъ, не видалъ куска хлѣба».

Въ Нѣжинѣ въ альбомъ Гербеля Шевченко написалъ извѣстное его стихотвореніе: «За думою дума роемъ вылитае».

Послѣ бала въ субботу Шевченко съ Афанасьевымъ выѣхали и на другой день подъ вечеръ прибыли въ Черниговъ. Здѣсь въ тотъ день въ собраніи происходило «follé journée», на которое отправились и наши путешественники. — Тутъ Тарасъ Григорьевичъ встрѣтился и познакомился лично съ нѣсколькими своими почитателями, между которыми былъ Андрей Ивановичъ Лизогубъ.

О Лизогубѣ Шевченко слышалъ отъ княжны Репниной, которая еще 20 декабря 1844 г. писала ему [1]): «какъ жаль, что вы незнакомы съ Лизогубомъ. Съ какимъ теплымъ сочувствіемъ онъ цѣнитъ ваши поэмы и какъ сожалѣетъ, что не знаетъ васъ лично». Шевченко недолго оставался въ собраніи и скоро уѣхалъ съ своими новыми знакомыми.

Черниговъ, какъ городъ очень древній, представлялъ по своимъ историческимъ памятникамъ богатый матеріалъ для Шевченка. Хотя поэтъ имѣлъ при себѣ инструкцію Бибикова, но для

[1]) Жизнь Шевченка, Чалый, стр. 47.

осмотра церквей и монастырей, особенно для срисовыванія видовъ съ памятниковъ, находящихся внутри храмовъ, нужно было получить благословеніе эпархіальнаго архіерея. Поэтому Шевченко прежде всего и отправился къ архіепископу

А. И. Лизогубъ.

Павлу въ резиденцію его въ Ильинско-Троицкомъ монастырѣ. То былъ первый день великаго поста. Преосвященный благословилъ сдѣлать осмотръ, начиная съ четверга. Такимъ образомъ, Шевченку первые три дня рѣшительно нечего

было дѣлать въ Черниговѣ; ходить въ гости, знакомиться въ эти дни, по общепринятому обычаю, неудобно. Работу, и довольно оригинальную, нашелъ ему Чужбинскій «Ему пришла фантазія описать въ стихахъ вчерашній балъ, давъ названіе цвѣтовъ и растеній всему прекрасному полу. Это такъ понравилось Шевченку, что онъ тотчасъ же сѣлъ и сдѣлалъ на поляхъ иллюстраціи. Вечеромъ же одинъ изъ посѣтителей, замѣтивъ уголокъ иллюстрированнаго бала, вытащилъ его изъ-подъ бумагъ и началъ читать вслухъ. Въ стихахъ не было ничего оскорбительнаго, всѣ находили ихъ забавными и хвалили мастерской карандашъ Шевченка». Тарасъ Григорьевичъ однако же замѣтилъ посѣтителямъ, что «хата покрышка». Одинъ изъ посѣтителей просилъ позволенія взять стихи на полчаса домой. «Мы, говоритъ Афанасьевъ, согласились исполнить желаніе добраго человѣка, показавшаго намъ такое расположеніе и хлопотавшаго объ облегченіи приступа къ занятіямъ для Шевченка». Стихи были возвращены черезъ три дня. Конечно, они сдѣлались многимъ извѣстны по нескромности одного индивидуума, и «часть общества вооружилась противъ насъ, продолжаетъ Афанасьевъ; положеніе наше не могло назваться спокойнымъ» [1]). Но понемногу дѣло уладилось.

Занося со словъ Чужбинскаго этотъ эпизодъ въ свою хронику, я отношусь къ нему не съ особеннымъ довѣріемъ; вѣдь что не говорите о

[1]) Воспомин. о Шевченкѣ Чужбинскаго, стр. 23—24.

невинности стиховъ и иллюстрацій, а они все-таки, въ лучшемъ случаѣ, представляли насмѣшку надъ обществомъ... Едва ли Шевченко согласился бы принять въ ней участіе. Да и вообше надо замѣтить, что Афанасьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ ошибся относительно дружескихъ отношеній къ нему Шевченка. Послѣдній въ своихъ запискахъ отзывается о немъ далеко не симпатично. Отзывъ этотъ я приведу ниже.

О дальнѣйшемъ пребываніи Шевченка въ Черниговѣ воспоминанія Афанасьева сходятся съ тѣмъ, что и мнѣ впослѣдствіи случалось слышать отъ черниговскихъ старожиловъ, встрѣчавшихся тогда съ Шевченкомъ. Поэта вездѣ принимали радушно; вездѣ онъ былъ гостемъ желаннымъ. «Въ особенности часто собирались у губернатора и губернскаго предводителя дворянства и тутъ окружали его всевозможнымъ вниманіемъ».

Изъ Чернигова Шевченко довольно часто ѣздилъ къ Лизогубу, имѣніе котораго, Седневъ, расположено въ 20 верстахъ отъ города. Всѣ праздники Пасхи онъ провелъ у Лизогуба. Сюда привлекала его простота и искренность обоихъ братьевъ Лизогубовъ и обворожительно красивое мѣстоположеніе ихъ усадьбы. Андрей и Илья Ивановичи Лизогубы были люди богатые, хорошо образованные, оба большіе поклонники литературы и искусства. Андрей Ивановичъ былъ художникъ, хорошо рисовалъ и имѣлъ у себя особую мастерскую, въ которой во время пріѣзда въ Седневъ работалъ и Шевченко. Много

рисунковъ Шевченка хранилось у Лизогуба, но пожаръ 1883 г. уничтожилъ ихъ вмѣстѣ съ библіотекой. На Ѳоминой недѣлѣ (бывшей въ тотъ годъ въ концѣ апрѣля) Шевченко возвратился въ Кіевъ и поселился вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Сажинымъ на улицѣ, носившей названіе «Козьяго Болота». Въ это то время начинается вліятельное знакомство его и дружба съ Костомаровымъ.

IV.

Костомаровъ еще осенью 1845 г. перешелъ изъ Волыни въ Кіевъ учителемъ 1-й гимназіи и тогда же его познакомилъ съ Шевченкомъ Кулишъ; но по случаю скораго выѣзда поэта изъ Кіева знакомство это было мимолетное, неимѣвшее никакого вліянія на Шевченка. Это обстоятельство надо помнить для того, чтобы не приписывать вліянію Костомарова историческихъ произведеній Тараса Григорьевича, вышедшихъ изъ подъ пера его въ теченіе 1845 г.

Костомаровъ поселися на Крещатикѣ въ домѣ Сухоставскаго вмѣстѣ съ своей матерью, женщиною замѣчательно доброю, нѣжно любившею своего сына и до смерти своей не разстававшейся съ нимъ даже въ то время, когда онъ, отсидѣвши цѣлый годъ 1847—1848 г. въ Петропавловской крѣпости, былъ переселенъ на изгнаніе въ Саратовъ. «Въ апрѣлѣ послѣ Пасхи, разсказываетъ Костомаровъ [1]), не помню кто изъ

[1]) Русск. Стар. 1880 г., кн. III, стр. 597.

Н И. Костомаровъ.

моихъ знакомыхъ явился ко мнѣ съ Тарасомъ Григорьевичемъ. Съ перваго взгляда не было у Шевченка ничего привлекательнаго; онъ казался сухимъ, холоднымъ, хотя простымъ и безцеремоннымъ. При первой встрѣчѣ онъ измѣрялъ мои слова и движенія съ недовѣрчивостью; онъ поступалъ такъ, какъ часто поступаетъ очень честный и добрый малороссіянинъ, встрѣчая незнакомое лицо, и чѣмъ это лицо навязчивѣе старается вызвать его на откровенность и искренность, тѣмъ осторожнѣе становится онъ». [1]) Но не нужно было много времени, или глубокаго наблюденія, чтобы замѣтить, что подъ той холодной оболочкой лежитъ горячая душа и чистое теплое сердце» [2]). Съ перваго же разу поэтъ-художникъ произвелъ на историка-художника такое пріятное впечатлѣніе, что достаточно было поговорить съ нимъ часъ, чтобы вполнѣ сойтись съ нимъ и почувствовать къ нему сердечную привязанность. Умъ и простодушіе малоросса-простолюдина, въ соединеніи съ проницательностью; добросердечный юморъ, беззаботная веселость, смѣшанные съ грустью, идеализмъ съ практическою разсудительностью, готовность любить до самоотверженія, вмѣстѣ съ тонкимъ умѣньемъ распознавать искренность отъ притворства—всѣ эти качества оттѣнялись въ Тарасѣ Григорьевичѣ тѣмъ признакомъ поэзіи, какой присущъ только такимъ богатымъ натурамъ, какъ

[1]) Основа 1861 г., кн. IV, стр. 48.
[2]) Русск. Мысль, 1885, кн. V, автобіографія Костомарова.

его [1]). Костоморовъ полюбилъ Шевченка и они скоро сошлись на «ты». Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго посѣщенія въ апрѣлѣ 1846 г. Тарасъ Григорьевичъ пришелъ вторично къ Николаю Ивановичу. Былъ очаровательный весенній день. Они сидѣли въ садикѣ. Вишни и сливы были въ полномъ цвѣту; завязывались цвѣточныя почки на яблоняхъ и грушахъ, начинала цвѣсти сирень. Шевченко принесъ несшитую тетрадь своихъ еще непечатанныхъ произведеній, читалъ ихъ и довелъ Костомарова до совершеннаго восторга [2]) Костомарова обдало отъ нихъ страхомъ. Впечатлѣніе, которое они производили, напомнило ему Шиллерову балладу «Занавѣшенный Сакскій Истуканъ». Онъ увидѣлъ, что Муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда. Поэзія всегда идетъ впередъ. По ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Нужно имѣть крѣпкія нервы, сильное зрѣніе, чтобы не упасть безъ чувствъ, или не ослѣпнуть отъ внезапнаго свѣта истины, скрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ мимо таинственнаго занавѣса. Муза Шевченка прорвала подземный склепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый нѣсколькими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землею, вспаханною и засѣянною, чтобы скрыть отъ потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная

---

[1]) Русск. Стар. 1880 г., кн. 3, стр. 598.
[2]) Тамъ же.

пустота. Муза Шевченка вошла въ это подземелье съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху, и людской любознательности. Изъ того подземелья исходили губительныя испаренія. Но истинная поэзія не устрашается никакихъ губительныхъ испареній, и никакая углекислота не погаситъ ея свѣточа, ибо свѣточъ этотъ горитъ нетлѣннымъ огнемъ, огнемъ прощенія!

Съ тѣхъ поръ до іюня мѣсяца Шевченко очень часто заходилъ по вечерамъ къ Костомарову и удивлялъ его тѣмъ, что выпивалъ по нѣсколько стакановъ крѣпкаго чаю съ ромомъ; но это не оказывало никакого вліянія на его голову.

Возлѣ Костомарова группировалась молодежь, собиравшаяся прежде возлѣ Кулиша, до переѣзда его осенью 1845 г. въ Петербургъ; она, эта молодежь, не только читала, но знала на память всѣ произведенія Шевченка — и была очарована ими. Слова его на всѣхъ, не исключая и Костомарова, говоритъ Кулишъ, вліяли огромнымъ образомъ. «Шевченко, воспитанный духомъ исторіи Кониссќаго, вливалъ этотъ духъ и въ окружающихъ. Всѣ знали, что Шевченко изъ крѣпостныхъ, онъ этого никогда не скрывалъ и не стыдился своего происхожденія, хотя не любилъ разсказывать о своемъ прошломъ. Бесѣда его не заключала той ненависти, которая иногда слышится въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ; напротивъ, отъ нея вѣяло дыхані-

емъ любви, желаніемъ братолюбія между народами и уничтоженія сословной несправедливости. Свобода и братство народовъ составляли его мечту». «Недостатокъ образованія хотя проглядывалъ въ немъ, но дополнялся всегда свѣжимъ и богатымъ природнымъ умомъ. Бесѣда съ нимъ никогда не могла навести скуку и была необыкновенно пріятна; онъ умѣлъ кстати шутить, острить, развлекать веселыми разсказами. То было время крайняго развитія поэтическаго таланта Шевченка, апогей его дарованія и дѣятельности. Горячо любилъ онъ свою народность; но болѣе всего любилъ простой народъ. Любимымъ помышленіемъ его было освобожденіе крестьянъ» [1]).

Если къ этому портрету добавимъ глубокую вѣру Шевченка въ идеи, которыя онъ провозглашалъ, то мы поймемъ причину того громаднаго вліянія, которое имѣлъ Шевченко въ 1846 г въ Кіевѣ на окружавшихъ его молодыхъ людей.

Странно, что, по словамъ Чужбинскаго, Шевченко, живя съ нимъ на одной квартирѣ и живя такъ дружелюбно, не ввелъ его въ кружокъ Костомарова! и объ этомъ кружкѣ онъ, очевидно, ничего и не вѣдалъ; по крайней мѣрѣ, разсказывая очень много о жизни Шевченка въ Кіевѣ въ 1846 г., онъ ни словомъ не упоминаетъ ни о кружкѣ, ни даже о Костомаровѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ послѣдняго и Тараса Григорьевича. Читая подробности воспо-

[1]) Кобзарь, 1876 г. Воспоминанія Костомарова.

минаній Чужбинскаго о Шевченкѣ, по неволѣ думаешь, что это были совершенно различные люди, что они сходились только случайно, только внѣшняя жизнь Шевченка, и то не вся, была извѣстна Чужбинскому; душа же, сердце поэта и его «святая святыхъ» были всегда закрыты для Чужбинскаго. Живя въ Кіевѣ, Шевченко, по словамъ Чужбинскаго, задумалъ снять всѣ замѣчательные виды Кіева, внутренности храмовъ и интересныя окрестности. Ему помогалъ Сажинъ. Если только не мѣшала погода, они уходили на работу съ утра—и возвращались вечеромъ.

По временамъ на Шевченка нападала лѣнь и во время дождливой погоды онъ не вставалъ съ постели, занимаясь чтеніемъ журналовъ и историческихъ книгъ. Но иногда онъ пропадалъ на нѣсколько дней, ходилъ далеко по окрестностямъ и навѣщалъ знакомыхъ. О костюмѣ своемъ заботился онъ мало. Иной разъ съ утра онъ бывало скажетъ, что поработавши хорошенько, не мѣшало бы вечеромъ пойти куда-нибудь; но настаетъ вечеръ, онъ говоритъ: «Нѣтъ, не пойду, не хочется надѣвать фракъ. Лучше пойдемъ на берегъ Днѣпра, сядемъ надъ обрывомъ и будемъ пѣть».

Но все-таки случалось, что онъ отправлялся и въ дома аристократическіе; здѣсь онъ держалъ себя свободно, съ достоинствомъ и тактомъ. Конечно, онъ предпочиталъ «простоту семейнаго быта, гдѣ принимали его не пышно, но искренно, онъ тамъ бывалъ необыкновенно

разговорчивъ и любилъ разсказывать смѣшныя событія. Посѣщалъ онъ родственниковъ Чужбинскаго, людей гостепріимныхъ, простыхъ, обѣдалъ у нихъ и хвалилъ вкусный ихъ борщъ съ сухими карасями.

Онъ очень любилъ природу и подолгу просиживалъ у норки какого-нибудь жучка, изучая незатѣйливыя его нравы и обычаи. Очень любилъ крестьянскихъ дѣтей; садился въ ихъ кружокъ на улицѣ и разсказывалъ имъ сказки.

Однажды въ Кіевѣ онъ ушелъ утромъ рано рисовать развалины Золотыхъ Воротъ. Когда чрезъ нѣсколько часовъ пришелъ туда же Афанасьевъ, онъ увидѣлъ, что Тарасъ Григорьевичъ сидитъ на землѣ, а возлѣ него, на разостланномъ плащѣ его, трехлѣтняя дѣвочка, для которой онъ дѣлаетъ изъ бумаги игрушки. Оказалось, что когда онъ работалъ, то услыхалъ за валомъ внизу дѣтскій крикъ. Пройдя по валу онъ увидѣлъ, что во рву сидѣло дитя и жалобно плакало. Онъ спустился, взялъ и успокоилъ плачущаго ребенка; но онъ не могъ добиться отъ ребенка, чей онъ, и не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Рѣшили взять ребенка къ себѣ и объявить въ полицію. Тарасъ Григорьевичъ взялъ ребенка на руки и пошелъ. Возлѣ Софійскаго собора выбѣжала изъ переулка молодая женщина съ испуганнымъ лицомъ и, увидя Шевченка, бросилась къ нему на встрѣчу. «Это мать!» —произнесъ Шевченко и, не говоря ей ни слова, отдалъ ребенка, оставленнаго во рву возлѣ «Золотыхъ Воротъ» пьяною нянькою.

По словамъ Афанасьева, Шевченко любилъ женское общество и увлекался, но не надолго. Въ Кіевѣ же онъ не замѣтилъ за поэтомъ ни одной серьезной привязанности. Но одной особой онъ увлекался раза три

«Славная бабенка!—говорилъ онъ о ней. Кажется, и позабудешь о ней, а встрѣтится—опять тебя потянетъ къ ней».

Одной красавицей онъ увлекся было въ Кіевѣ очень сильно и не на шутку задумывался; но скоро разочаровался. Красавица, пригласивъ его прочитать одну его поэму, увѣрила, что у нея никого не будетъ. Тарасъ Григорьевичъ пришелъ; но въ уютной гостинной красавица сидѣла, окруженная тремя своими поклонниками: студентомъ, гусаромъ и генераломъ. Поэтъ смутился, ушелъ и съ той поры не заглядывалъ къ ней.

Шевченко любилъ женщинъ живаго характера; по его мнѣнію, женщинѣ необходимы пылъ и страсть: «щобъ пидъ нею земля горила на тры сажени».—«Погибшихъ» женщинъ онъ никогда не казнилъ презрительнымъ словомъ. Онъ былъ слишкомъ гуманенъ и на слабости людскія смотрѣлъ снисходительно. «На продажную любовь», говорилъ онъ, можно махнуть рукой; но тайный развратъ, какими бы цвѣтами онъ ни прикрывался, возбуждаетъ въ душѣ неодолимое отвращеніе.

Тогда же съ Шевченкомъ познакомился извѣстный впослѣдствіи издатель «Домашней Бесѣды», а въ то время профессоръ духовной академіи,

воспитатель генералъ-губернаторскаго племянника и наушникъ В. И. Аскоченскій. Изъ воспоминаній самого Аскоченскаго [1]) очевидно, что поэтъ нашъ относился къ нему болѣе чѣмъ несимпатично, называя его «паничомъ». 26 мая Шевченко посѣтилъ его. У Аскоченскаго были тогда и другіе посѣтители. Тарасъ Григорьевичъ читалъ свои произведенія и между ними отрывокъ изъ поэмы *Гусъ*. Аскоченскій просилъ написать ему что-нибудь на память. Поэтъ «обѣщалъ, но не исполнилъ». Когда одинъ изъ гостей Аскоченскаго, какой-то В. П. А., началъ пѣть—и пѣть скверно—«Ты, душа ль моя красна дѣвица», Шевченко остановилъ его и «очень рѣзко сказалъ: «это свинство! свинство! Коли не попъ, то и не надѣвай ризы». Это обстоятельство чуть не разстроило вечера Тарасъ Григорьевичъ сидѣлъ пасмурный и неохотно отвѣчалъ на вопросы», но, «выпивши за закускою 3 — 4 чарки, повеселѣлъ и началъ читать свои стихотворенія, надѣлавшія ему потомъ большой бѣды».

Благонамѣренный генералъ - губернаторскій гувернеръ Аскоченскій струсилъ и сказалъ:

— «Эхъ, Тарасъ! брось ты такія скверныя «вирши»; не доведутъ они тебя до добра.

— «Что же мнѣ сдѣлаютъ?

— «Въ солдаты отдадутъ.

— «Пускай»!—отвѣчалъ онъ и, махнувъ отчаянно рукою, продолжалъ читать еще болѣе «погани (скверныя) вирши».

---

[1]) Домашняя Бесѣда, 1861 г.

«Мнѣ, признается Аскоченскій, становилось неловко: я поглядывалъ на двери, опасаясь чтобы кто-нибудь посторонній не подслушалъ, и, выйдя изъ кабинета, гдѣ происходило чтеніе, велѣлъ лакею, чтобы онъ чрезъ нѣсколько времени пришелъ въ кабинетъ и сказалъ, что меня зоветъ къ себѣ генералъ-губернаторъ.... Лакей исполнилъ порученіе....

Гости, конечно, поспѣшили разойтись...

Въ іюнѣ, зайдя на квартиру къ Шевченку, на «Козьемъ болотѣ», Аскоченскій» во всемъ окружающемъ замѣтилъ бѣдность и неряшество: на столѣ были самыя разнородныя вещи: книги, бумага, табакъ, окурки сигаръ, галстукъ и носовой платокъ... а между ними мѣдныя и серебряныя монеты»... Въ то время, когда Аскоченскій сидѣлъ у Шевченка. къ окну подошелъ слѣпой нищій съ «поводыремъ». Аскоченскій взялъ со стола какую-то мѣдную монету, чтобы подать нищему. Но Шевченко не допустилъ его и, «вставши съ дивана, взялъ полуимперіалъ и подалъ слѣпцу». «Нищій, ощупавъ монету, спросилъ о чемъ-то своего вожатаго и, возвращая монету Шевченку, сказалъ: «Спасибо! но я такой монеты не возьму; у нищихъ такихъ денегъ не бываетъ». Тогда Тарасъ Григорьевичъ подалъ ему полтинникъ и, обращаясь къ Аскоченскому, сказалъ: «Видите ли, панычу. что значитъ бѣдность! она боится даже брать большихъ денегъ, потому что они свойственны только панамъ».

Живя въ Кіевѣ, Тарасъ Григорьевичъ, разумѣется, чаще другихъ посѣщалъ Костомарова,

гдѣ постоянно встрѣчался съ Гулакомъ, Бѣлозерскимъ, Марковичемъ и Пильчиковымъ [1]. Въ концѣ мая Кіевскій университетъ пригласилъ Николая Ивановича на каѳедру русской исторіи, но съ тѣмъ, чтобы онъ сперва прочиталъ пробную лекцію въ совѣтѣ, такъ какъ большая часть профессоровъ не знала и невидала его въ глаза. Костомаровъ согласился. 4 іюня его пригласили въ засѣданіе совѣта и предложили прочитать лекцію о томъ: съ какого времени слѣдуетъ начинать русскую исторію? Лекція произвела превосходное впечатлѣніе. Костомаровъ былъ избранъ единогласно.

Шевченко былъ въ высокой степени заинтересованъ судьбой лекціи и ожидалъ Костомарова на огромной площади—пустырѣ, отдѣлявшемъ университетъ отъ Стараго города. Узнавши, что Костомаровъ избранъ, онъ радостно поздравилъ его и, идучи съ нимъ по городу, запѣлъ пѣсню о козакѣ, который повѣнчался съ дѣвушкой, не зная, что она его сестра. Онъ пѣлъ, не обращая никакого вниманія на проходящую мимо ихъ публику. Это былъ пароксизмъ чудачества. [2]

На другой день Костомаровъ выѣхалъ въ Одессу.

V.

Когда осенью 1845 г. Костомаровъ переѣхалъ въ Кіевъ, то здѣсь нашелъ не мало молодыхъ людей, сочувствовавшихъ идеѣ славян-

---

[1]) Литер. Наслѣдіе. Костомаровъ, стр. 63.
[2]) Русск. Стар. 1880 г., кн. 3, стр. 599.

скаго возрожденія. Познакомившись ближе съ ними, особенно съ Гулакомъ, Бѣлозерскимъ и Пильчиковымъ, онъ «проникся мыслью создать общество, которое имѣло бы цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей. Однимъ изъ основныхъ правилъ общества было вербовать въ члены только людей подготовленныхъ, а идею распространять гдѣ можно [1]).

Въ генварѣ 1846 г. и было организовано Костомаровымъ такое общество, къ которому тогда присоединились: Навроцкій, Пильчиковъ, Марковичъ, Гулакъ, немного спустя Андрузскій, Посяда и др. Точное число членовъ этого общества, просуществовавшаго едва годъ, до сихъ поръ неизвѣстно; списка членовъ не было; но покойный Д. П. Пильчиковъ сообщалъ мнѣ еще въ началѣ 60-хъ годовъ, что число членовъ общества въ генварѣ 1847 г. доходило до ста. По предложенію В. М. Бѣлозерскаго было принято, чтобы члены носили кольцо съ словами: «Кириллъ и Меѳодій, январь 1846 г.». На печати общества были вырѣзаны слова: «Уразумѣйте истину и истина освободитъ васъ».

Уставъ Общества былъ составленъ Костомаровымъ: онъ состоялъ изъ 6 §§ да, кромѣ того, были особыя правила для членовъ, состоящія изъ 11 §§. Между уставомъ, переданнымъ со словъ Костомарова Н. А. Бѣлозерскою въ Рус-

[1]) Русская Мысль, 1885 г., кн. V, стр. 210.

Д. П. Пильчиковъ.

ской Старинѣ, и тѣмъ, который былъ у меня въ рукахъ, и которому я придаю положительную достовѣрность, разница только редакціонная; но сущность одна и та же. Полагалось, что каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, свое народное правленіе и соблюдать полную равноправность гражданъ. Правленіе, законодательство, просвѣщеніе и право собственности должны быть основаны на религіи Іисуса Христа. Предполагалась общая славянская федерація, съ сохраненіемъ каждымъ племенемъ своей національности. Предполагалось — чтобы всѣ части федерацій имѣли общіе основные законы, мѣры, вѣсъ и монету; свободная торґовля и, слѣдовательно, никакихъ таможенныхъ заставъ и пошлинъ, освобожденіе крестьянъ и просвѣщеніе народа. Отсюда вытекала потребность распространенія федеративной идеи, освобожденія крестьянъ, организованіе школъ; группировка людей и воспитаніе ихъ въ данныхъ идеяхъ.

Организовавши такое общество, Костомаровъ, какъ самъ онъ говорилъ, «предался ему всей душой». «Полной жизнью, говоритъ онъ, жилось мнѣ тогда. Идеи основаннаго общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ; съ кафедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества пошли быстро въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ былъ Пильчиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на

молодежь, какъ своимъ умѣньемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностью»[1].

Во время организаціи общества въ Кіевѣ не было Шевченка, онъ, какъ мы видѣли, былъ въ Полтавской губерніи, а когда въ концѣ апрѣля 1846 г. онъ возвратился въ Кіевъ и сошелся съ Костомаровымъ, послѣдній пригласилъ его вступить въ общество. Конечно, присоединить Шевченка ничего не стоило. Почва у него была совершенно подготовлена; онъ ранѣе, уже подъ вліяніемъ Бодянскаго и др., былъ проникнутъ славянско-федеративною, національною и демократическою идеями, и тѣ цѣли, какія Костомаровъ вложилъ въ уставъ общества, онъ пропѣлъ въ своемъ посланіи къ Шафарику, при посылкѣ ему своего *Ивана Гуса*, желая:

„Щобъ уси славяне сталы
Добрыми братамы
И сынамы сонця правды...“

«Шевченко тотчасъ изъявилъ согласіе присоединиться къ обществу», но къ нѣкоторымъ условіямъ «отнесся съ большимъ задоромъ и крайнею нетерпимостью»[2].

Кулишъ въ своихъ воспоминаніяхъ[3] ошибочно говоритъ, что Шевченка и его не приняли въ общество, потому что оба они самостоятельно трудились для тѣхъ же цѣлей; кромѣ того, ихъ жалѣли и въ виду возможности преслѣдованія со стороны правительства. О при-

[1]) Русск. Мысль, книга за май 1885 г., стр. 211.
[2]) Тамъ же.
[3]) Хуторн. Поэзія, стр. 28.

надлежности Шевченка къ обществу я слышалъ и отъ Костомарова и отъ Пильчикова; да въ этомъ убѣждаетъ насъ и приводимое ниже письмо Шевченка къ Костомарову, писанное 1 февраля 1847 г. изъ Борзны.

Сдѣлавшись членомъ общества, Тарасъ Григорьевичъ съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ выѣхалъ опять изъ Кіева. Вмѣстѣ съ профессоромъ Иванишевымъ онъ отправился на археологическія раскопки въ Васильковскій уѣздъ. Въ окрестностяхъ историческаго мѣстечка Фастова они провели въ раскопкахъ Перепетихи и др. кургановъ все лѣто. Изъ этихъ раскопокъ Шевченко подарилъ Костомарову хорошо сохранившійся черепъ. [1])

Въ августѣ онъ хотя возвратился въ Кіевъ, но не надолго. Вскорѣ коммиссія командировала его для изслѣдованія Правобережной Украины. Отъ имени генералъ-губернатора Бибикова ему поручалось: 1) собирать народныя сказки, пѣсни, легенды, преданія и т. д. Ему рекомендовали записывать все, о чемъ узнаетъ такомъ, что представляетъ этнографическій или историческій интересъ, а пѣсни, сказки, легенды и пр. сколько возможно слово въ слово; 2) узнать какія имѣются въ краѣ историческія курганы, осмотрѣть ихъ и сдѣлать съ нихъ рисунки; 3) осмотрѣть, описать и сдѣлать рисунки съ монументальныхъ историческихъ памятниковъ и построекъ, а въ Почаевской Лаврѣ срисовать об-

[1]) Рус. Стар., 1880 г., кн. 3, стр.

щій ея видъ, внутренность храма и видъ съ террасы. На расходы выдали Шевченку 150 руб. и снабдили его письмами Бибикова къ подольскимъ и волынскимъ губернаторамъ и епископамъ.

Прежде всего Шевченко отправился въ Каменецъ, оттуда въ Почаевъ, гдѣ и сдѣлалъ акварелью порученные ему рисунки: на одномъ изъ нихъ, кромѣ монастырскихъ церквей и построекъ сдѣланы рисунки крестьянскихъ избъ, крытыхъ соломою; на другомъ, изображающемъ внутренній видъ храма, нарисованъ иконостасъ и двое молящихся: колѣнопреклоненная женщина и мужчина въ длинной свиткѣ «зъ видлогою». На третьей акварели видъ съ террасы: окрестность Галичины и вдали стародавнее украинское село Пидкамень. Къ тому же времени относятся волынскіе рисунки Тараса Григорьевича—церковь въ селѣ Вербкахъ вблизи Ковеля, гдѣ погребенъ князь Курбскій, и церковь въ селѣ Сакунѣ, построенная другомъ Курбскаго—Килиметомъ. Къ первому приложенъ и чертежъ того мѣста, на которомъ находилась могила Курбскаго.

Эти рисунки и, конечно, другіе не сохранившіеся, были представлены Шевченкомъ въ Коммиссію; на отдѣльномъ листѣ, рукою бывшаго тогда члена, а потомъ съ 1848 до 1857 гг. предсѣдателя Коммиссіи, Судіенка, сдѣлана надпись о томъ, что Бибиковъ, по разсмотрѣніи рисунковъ приказалъ отлитографировать ихъ. Но, увы! литографированы рисунки не были, кромѣ одного—церковь въ Вербкахъ, изданнаго въ 1849 г. при книгѣ: «Жизнь князя Андрея Михайло-

вича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни»; но и подъ этимъ рисункомъ не означено имени художника. Фактъ характерный [1]). Не менѣе характерно и то, что представленные Шевченкомъ въ Коммиссію рисунки, неизвѣстно какими судьбами, очутились въ рукахъ профессора Роговича, отъ котораго пріобрѣлъ ихъ помѣщикъ Глуховскаго уѣзда Дорошенко.

Изъ поѣздки своей Шевченко возвратился въ Кіевъ въ половинѣ декабря и представилъ въ Коммиссію и денежный отчетъ, изъ котораго видно, что за все время своей поѣздки онъ израсходовалъ 115 р. 31 к; остальныя деньги онъ 31 декабря возвратилъ въ Коммиссію [2]).

Вечеромъ въ первый день Рождества Кирилло-Меѳодіевскіе братчики собрались «колядовать» въ квартиру Н. Гулака въ домѣ священника Андреевской церкви Завадскаго. Тутъ были, кромѣ хозяина квартиры, Костомаровъ, Шевченко, Кулишъ, Бѣлозерскій, Посяденко (или Посяда), Андрузскій, помѣщикъ Савичъ, недавно принятый въ общество студентъ Петровъ и др. Бесѣда была вполнѣ искренняя и касалась главнымъ образомъ успѣховъ и будущей дѣятельности общества. Братчикамъ предстояло разъѣхаться: Савичъ и Кулишъ отправлялись вскорѣ за границу, Гулакъ въ Петербургъ, Бѣлозерскій и Пильчиковъ въ Полтаву учителями кадетскаго корпуса. Въ бесѣдѣ зашла рѣчь и о временахъ

---

[1]) Кіевск. Старина 1894 г., кн. 2. Статья О. И. Левицкаго.

[2]) Тамъ же.

Богдана Хмельницкаго, эпохою котораго занимался тогда Костомаровъ. Весьма натурально, что живая рѣчь молодого ученаго энтузіаста воскресила въ памяти собравшихся живой бытъ и устройство Украины во времена Богдана. Зашли жаркіе споры: болѣе всѣхъ горячился Шевченко, выражаясь рѣзко, не цензурно [1]).

Побесѣдовавъ далеко за полночь, братчики разошлись веселые и довольные, не подозрѣвая что этотъ свѣтлый «святъ-вечиръ» въ скоромъ времени станетъ для нихъ темной тучей. и изъ нея ударитъ молнія и хлынетъ дождь, который зальетъ ихъ «святой огонь и разобьетъ на вѣки жизнь каждаго изъ нихъ».

Костомаровъ и его мать, продавши свое имѣніе въ Воронежской губерніи, желали пріобрѣсти себѣ землю и усадьбу гдѣ-нибудь вблизи самаго Кіева Узнавши, что подходящее имѣніе продается въ Броварахъ, Николай Ивановичъ, взявши Шевченка и своего слугу Хому, отправился на Рождественскихъ святкахъ осмотрѣть и сговориться въ цѣнѣ за предложенное имѣніе. Въ Броварахъ, у владѣлицы продававшейся земли, они пробыли до сумерекъ. Въ цѣнѣ сошлись; но совершеніе купчей отложили до весны. Возвращаясь въ Кіевъ, они чуть было не утонули. Поѣхали они прямо по льду чрезъ Днѣпръ, а передъ тѣмъ стояла продолжительная оттепель и ледъ мѣстами покрылся водою. Было темно. Путники сбились съ дороги и попали въ полынью;

---

[1]) Русская Старина, 1880 г., кн. III, стр. 599; Русск. Мысль 1885 г., кн. V, стр. 212 и Литерат. Наслѣд., стр. 67.

къ счастью, тамъ была отмель и они отдѣлались только холодной ванной. Домой они прибыли совершенно обмокшіе и продрогшіе отъ холода. Только молодость и привычка къ воздушнымъ перемѣнамъ, чѣмъ отличались они оба, спасла ихъ отъ горячки [1]).

VI.

Между тѣмъ Шевченку предстояла новая поѣздка въ Борзенскій уѣздъ къ Бѣлозерскимъ Съ одной изъ Бѣлозерскихъ—Александрой Михайловной—Кулишъ вступалъ въ бракъ и пригласилъ его шаферомъ. Свадьба назначена была въ концѣ генваря. Кромѣ того, онъ задумалъ новое изданіе своихъ произведеній и хотѣлъ собрать ихъ и привести въ порядокъ. Онъ имѣлъ привычку оставлять иногда свои произведенія тамъ, гдѣ писалъ ихъ.

9 генваря поэтъ выѣхалъ изъ Кіева и направился въ Борзну, а оттуда къ своему пріятелю Виктору Забѣлѣ и др., такъ какъ въ окрестностяхъ Борзны и въ Качановкѣ у него было не мало пріятелей.

Кулишъ въ то время считалъ себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ. «Едва ли, говоритъ онъ [2]). во всей Украинѣ былъ человѣкъ столь счастливый, какъ я. Я направлялся за границу къ другу Пушкина, Жуковскому, имѣя къ нему письмо отъ Плетнева, начинавшееся словами: «посылаю къ вамъ другого себя». Съ Жуковскимъ

[1]) Тамъ же,
[2]) Хуторн. Поэзія, стр. 12—15.

жилъ Гоголь!» Онъ ѣхалъ, командированный на счетъ казны для изученія славянскихъ нарѣчій; впереди его ждала по возвращеніи каѳедра; но главное счастье заключалось въ предстоявшей женитьбѣ на молодой, богатой, красивой и просвѣщенной патріоткѣ.

«Счастливыми засталъ я, продолжаетъ Кулишъ, и дорогихъ своихъ земляковъ въ Кіевѣ. Счастливѣе всѣхъ былъ Шевченко, потому что самъ онъ и всѣ мы сознавали, что онъ, какъ поэтъ, подаетъ грандіозныя надежды». Когда, пріѣхавши въ Кіевъ, Кулишъ познакомился съ новыми произведеніями Шевченка, «они показались ему какимъ-то откровеніемъ свыше». За полтора года съ того времени, какъ Кулишъ не видѣлъ Шевченка, послѣдній такъ перемѣнился, что это «былъ уже не кобзарь, а національный пророкъ». Для меня, признается Кулишъ, «сіяніе духа Шевченковыхъ произведеній было чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Я увидѣлъ, что кіевская интеллигенція окружаетъ украинскаго барда глубочайшимъ уваженіемъ».

Въ словахъ Кулиша нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія: уваженіе къ Шевченку и вліяніе его даже въ высшихъ сферахъ кіевской интеллигенціи—фактъ общеизвѣстный и безспорный. Конечно, тутъ игралъ роль не одинъ талантъ поэта. Нужно было еще соотвѣтственное развитіе, высота и чистота мыслей поэта. Для вліянія на публику необходимо, чтобы писатель стоялъ выше ея.

Вотъ почему приглашеніе Кулишемъ и его невѣстою Шевченка шаферомъ составляло для нихъ великую честь. Бракосочетаніе ихъ совершено 22 генваря 1847 г., въ церкви села Оленовки.

На свадьбѣ наибольшее вниманіе всѣхъ собравшихся было обращено, послѣ новобрачныхъ, на Шевченка, въ особенности когда онъ, «заложивъ за спину руки, началъ ходить по залѣ и пѣть:

„Ой зійды, зійды ты, зиронько та вечирняя
„Ой выйды, выйды, дивчынонько моя вирная“.

Пѣлъ онъ прекрасно. «Такого, или хотя равнаго этому пѣнія, говоритъ Кулишъ, я не слыхалъ ни въ столицѣ, ни на Украинѣ. Всѣ гости обратились въ слухъ—и едва Шевченко оканчивалъ одну пѣсню—всѣ просили его пѣть другую. Свадебный пиръ обратился въ національную оперу. Невѣста въ знакъ благодарности подарила пѣвцу-поэту свой вѣнчальный цвѣтокъ [1]) Она, продолжаетъ Кулишъ, тѣмъ подаркомъ привѣтствовала его грядущее величіе, котораго она такъ желала» [2]). Желаніе Александры Михайловны сбылось, хотя и не вполнѣ. Тѣмъ прискорбнѣе вспомнить (а забыть этого невозможно), что тотъ же самый Кулишъ чрезъ сорокъ почти лѣтъ послѣ описаннаго случая, бросилъ грязью въ память своего великаго друга, назвавъ его Музу «пьяною!!» Этого грѣха «противъ духа» исторія не можетъ забыть Кулишу, хотя и признаетъ, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ

[1]) Тамъ же, стр. 26.
[2]) Тамъ же.

не совсѣмъ здоровыхъ людей, которые сегодня сожигаютъ тѣхъ своихъ идоловъ, которымъ вчера поклонялись... Иначе поступалъ Шевченко: уже на порогѣ освобожденія изъ ссылки, онъ 11 іюня 1857 г., пропѣвши свою любимѣйшую пѣсню:

„Ой зійды, зійды зиронько ясная...“

Вспомнилъ какъ онъ пѣлъ ее въ два голоса съ женою Кулиша во время ихъ свадьбы и спрашиваетъ: увижу ли я эту прекрасную украинку? Спою ли съ нею эту задушевную пѣсню? [1])

Здѣсь кстати сказать, что всѣ, кому только случалось слышать пѣніе Шевченка, всѣ, за единственнымъ исключеніемъ Аскоченскаго, признають, что Шевченко пѣлъ прекрасно, чаруя своихъ слушателей простотою и изяществомъ пѣнія, бархатистымъ своимъ голосомъ и живой экспрессіей его. Любимыя его пѣсни, кромѣ названной выше, были: «У Кыиви на рыночку», «Дежъ ты, доню, барылася», «Ой горе, горе, якый я вдався», «Ой крыкнулы сири гусы»...

Старикъ Максимовичъ, говоря о народныхъ пѣсняхъ, присовокупилъ: «художественная натура Шевченка хотя и очень высоко проявляла себя въ поэзіи и живописи, но выше и изящнѣе проявлялась она въ пѣніи имъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ» [2]).

---

[1]) См. Дневникъ 11 іюня. „Основа“ 1861 г., іюль.
[2]) Сочин. Максимовича, т. I, стр. 529.

На свадьбѣ у Кулиша возникло было очень важное для Шевченка предположеніе, осуществиться которому помѣшала постигшая его чрезъ три мѣсяца катастрофа. Всѣ пріятели Шевченка сознавали, что для усовершенствованія его въ искусствѣ необходимо ему отправиться года на три за границу. Но тутъ встрѣчалось два препятствія: отсутствіе денежныхъ средствъ и затрудненія въ полученіи въ то время паспорта на поѣздку за границу. Въ то время при Кіевскомъ университетѣ существовали преподаватели искусствъ: рисованія, танцевъ, фехтованія и, кажется, музыки. Эти «кафедры» упразднены со введеніемъ устава 1863 г. Въ ноябрѣ 1846 г. открылась вакансія на мѣсто преподавателя рисованія. Друзья Шевченка желали опредѣлить его на это мѣсто, надѣясь впослѣдствіи достигнуть и того, чтобы университетъ или министерство просвѣщенія командировали его за границу на счетъ казны. Въ пользу успѣха дѣла говорило участіе княгини и княжны Репниныхъ, родственницъ тогдашняго министра просвѣщенія графа Уварова.

Въ началѣ декабря Шевченко подалъ попечителю учебнаго округа просьбу о назначеніи его на вакантное мѣсто преподавателя рисованія при университетѣ[1]). Просьба пошла обычной дорогой и во время свадьбы Кулиша не было еще извѣстно о результатахъ ея.

Тогда-то Александра Михайловна и предложила свои средства для поѣздки Шевченка за

[1]) Рус. Ст. 1891, кн. V, стр. 495.

границу: она желала обратить для этого свое приданое 3000 руб. и фамильные бриллiанты и иныя драгоцѣнности. Нужно было только убѣдить Шевченка, чтобы онъ согласился принять это пособiе [1]). Шевченко былъ до крайности щепетиленъ; но въ мечтахъ его стояла въ будущемъ академiя художествъ въ Кiевѣ. Кулишъ зналъ объ этой завѣтной мечтѣ Тараса Григорьевича и взялся убѣдить его принять «отъ неизвѣстнаго» пособiе для поѣздки за границу. Онъ началъ говорить ему, что онъ, какъ художникъ, будетъ чувствовать себя одинокимъ въ Кiевѣ; а одиночество ведетъ къ угнетенiю духа, и чрезъ это развитiе его художественнаго таланта и вкуса можетъ остановиться. «Эхъ! не по чему же и бьетъ, какъ не по головѣ!» — произнесъ Шевченко, ударивши кулакомъ по лежавшей на столѣ книгѣ.

Кулишъ объявилъ ему о предположенномъ пособiи «неизвѣстнаго» и сказалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ стараться узнать имя этого «неизвѣстнаго», пособiе же будетъ получать чрезъ руки его, Кулиша, нужно только не медлить и начать хлопоты о паспортѣ. Шевченко обрадовался, какъ ребенокъ. Полученiе паспорта при тогдашнемъ знакомствѣ Шевченка казалось возможнымъ.

Счастливымъ и веселымъ оставилъ поэтъ-художникъ хуторъ Мотроновку — имѣнiе Бѣлозерскихъ, гдѣ происходила свадьба, и отправился

1) Хуторн. Поэзiя, стр. 18.

въ Борзну и по сосѣднимъ хуторамъ къ знакомымъ.

VII.

Находясь въ Борзнѣ, Тарасъ Григорьевичъ 1 февраля писалъ Костомарову [1]): «Я все еще въ Борзнѣ ничего не дѣлаю, только лежу. Очень не хочется мнѣ ѣхать въ Кіевъ, а надо. Вотъ если бы Вы потрудились спросить въ университетѣ у синдика Глушановскаго: утвержденъ ли я, да и напишите ко мнѣ въ Борзну на имя В. М. Забѣлы. Пошлите своего Хому взять у моего товарища мой портфель, ящикъ съ красками, Шекспира и шляпу, и пусть все это сохранитъ у себя до возвращенія моего въ Кіевъ. Если увидите Юзефовича, поклонитесь. О братствѣ не пишу, да и нечего писать. Кулишъ блаженствуетъ; Бѣлозерскій поѣхалъ въ Полтаву отказываться отъ учительства; а я понемногу подвизаюсь или возлѣ чарочки, или такъ себѣ. Было бы очень хорошо, если бы удалось мнѣ пристроиться при университетѣ. Композиціи свои привезу или пришлю съ Чернигова».

Письмо это не дошло по адресу. Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, какими судьбами оно очутилось у букиниста на Апраксинскомъ дворѣ въ Петербургѣ, гдѣ случайно пріобрѣлъ его покойный первый біографъ Шевченка Масловъ [2]).

Не дождавшись въ Борзнѣ отвѣта Костомарова, Тарасъ Григорьевичъ отправился въ Чер-

[1]) Жизнь Шевченка, Чалый, стр. 59.
[2]) Русск. Стар. 1875 г., кн. V.

ниговъ, а оттуда къ своему пріятелю Лизогубу въ Седневъ. Здѣсь онъ работалъ надъ приготовленіемъ третьяго изданія своего «Кобзаря» и составилъ къ нему «передмову» (предисловіе), до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не оглашенную въ печати. Тутъ же написалъ онъ 7 марта новую поэму *Осика*, попавшую потомъ въ числѣ другихъ бумагъ его въ III отдѣленіе, въ архивѣ коего находится и понынѣ при дѣлѣ «О художникѣ Шевченкѣ» [1]). Ровно чрезъ десять лѣтъ, во время пребыванія своего въ Нижнемъ-Новгородѣ, поэтъ исправилъ эту поэму, давъ ей новое названіе *Видьма* [2]).

Въ 3—4 верстахъ отъ Седнева въ мѣстечкѣ Бѣгичѣ жило семейство князя Кейкуатова. Посѣщая Лизогуба, князь познакомился съ Шевченкомъ и пригласилъ его къ себѣ для написанія портрета.

Между тѣмъ, въ то время, когда Шевченко разъѣзжалъ въ окрестностяхъ Чернигова, въ Кіевѣ получено было опредѣленіе его преподавателемъ рисованія при университетѣ. Костомаровъ, узнавши объ этомъ, поспѣшилъ написать къ нему [3]): «Тарасъ! доколѣ будешь ты сидѣть въ той Цареградской гостиницѣ (въ Черниговѣ). Пріѣзжай въ Кіевъ. Тебя опредѣлили въ видѣ опыта. Иванишевъ тебѣ кланяется и говоритъ, чтобы ты пріѣзжалъ въ Кіевъ. Еще разъ

[1]) Кіев. Старина 1893 г., кн. II, стр. 461.
[2]) Кобзарь, т. III, стр. 179.
[3]) Жизнь Шевченка, Чалый, стр. 60

говорю тебѣ не задерживайся въ Черниговѣ, если нѣтъ экстренной казенной работы».

Не знаемъ, когда Шевченко получилъ это письмо; но, очевидно, что онъ рѣшилъ праздники Пасхи провести у Лизогуба.

Нѣкто Демичъ, разсказываетъ, [1]) что Шевченко «могъ проживать у Кейкуатова съ первыхъ чиселъ февраля до начала апрѣля» и въ это время жилъ во флигелѣ, «одѣтъ былъ плохо, можно сказать, небрежно. Каждый вечеръ возлѣ него собирались служащіе въ имѣніи Кейкуатова. Шевченко что-нибудь читалъ имъ или разсказывалъ иногда; разсказы его отличались такимъ живымъ юморомъ, что слушатели «животы рвали со смѣху». Привѣтливый и словоохотливый съ простыми тружениками, онъ избѣгалъ княжескихъ хоромъ, хотя его приглашали туда часто. Къ князю часто пріѣзжали сосѣдніе помѣщики, чтобы посмотрѣть, какъ на диковинку, на знаменитаго Кобзаря».

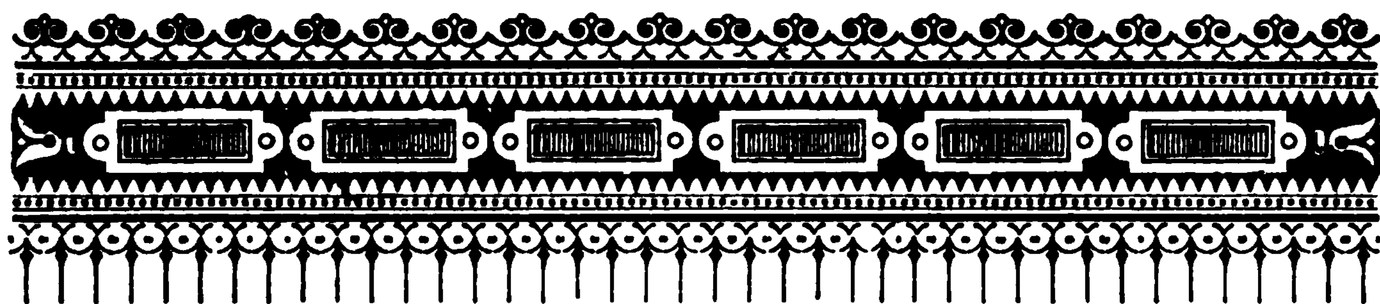
Въ разсказѣ г. Демича не все точно. Шевченко въ Бѣгичѣ не жилъ, а только пріѣзжалъ туда на сеансы изъ Седнева. —Лѣтомъ 1894 г. я, бывши въ Седневѣ, встрѣтилъ тамъ стараго слугу Лизогуба, который хорошо помнилъ Шевченка и пребываніе его въ Седневѣ. Вотъ какъ, по его словамъ, поэтъ-художникъ проводилъ время въ Седневѣ: вставши утромъ, если погода была благопріятная, онъ отправлялся гулять; возвратясь, пилъ чай съ А. И. Лизогубомъ, потомъ

[1]) Русск. Стар. 1891 г., кн. V, стр. 429—431.

садился за работу—писалъ или рисовалъ. Рисуя иногда выпивалъ рюмку водки. Пьянымъ никогда не былъ. Обѣдалъ вмѣстѣ съ семьей Лизогубовъ; вечера всѣ проводили вмѣстѣ; Шевченко часто пѣлъ подъ аккомпаниментъ И. И. Лизогуба или слушалъ, какъ послѣдній игралъ на рояли. Илья Ивановичъ былъ артистъ.

Пасха въ томъ году была 23 марта. Послѣ Пасхи предположена была свадьба Костомарова съ бывшей ученицей его А. Л. Крагельской. Шевченко былъ приглашенъ шаферомъ. 2-го или 3-го апрѣля онъ выѣхалъ изъ Седнева и подъ вечеръ 5 апрѣля прибылъ въ Кіевъ; но едва паромъ, на которомъ онъ переправлялся чрезъ Днѣпръ, причалилъ къ берегу, онъ былъ арестованъ полиціей и отвезенъ къ кіевскому губернатору И. И. Фундуклею.

Арестъ Т. Г. Шевченка, слѣдствіе надъ нимъ и конфирмація.[1])

(5 апрѣля — 23 іюня 1847 года)

I.

Николай Ивановичъ Гулакъ, по окончаніи университета въ Дерптѣ, проживалъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, квартируя въ домѣ священника Андреевской церкви—Завадскаго. Въ квартирѣ Гулака происходили въ извѣстные дни собранія

[1]) Почти исключительными источниками для этой главы послужили оффиціальные документы: 1) Докладъ графа Орлова, напечатанный въ Русск. Архивѣ за 1892 г., кн. VII, стр. 335—359. 2) Свѣдѣнія, извлеченныя съ разрѣшенія г. Министра Внутр. Дѣлъ профессоромъ Н. И. Стороженкомъ изъ архивнаго дѣла бывшаго III отд. соб. Е. И. В. Канцеляріи, напечатанныя въ 2 кн. Кіев. Стар. 1893 г. и 3) помѣщенныя въ 2 кн. того-же журнала за 1896 г. и въ 1-й книгѣ за 1886 г. Историч. Вѣстника, извлеченія изъ оффиціальныхъ документовъ въ Оренбургѣ. Изъ частныхъ источниковъ приняты мною а) двѣ автобіографіи Костомарова, напечатанныя въ Русской Мысли 1885 г., кн. V и VI, въ Русской Стар. 1886 г. и въ „Литературномъ Наслѣдіи“ С.-ПБ. 1890 г. и ъ) Записки Ригельмана, напечатанныя въ 2 кн. Кіев. Стар. за 1897 г. Указавъ эти источники, я нахожу излишнимъ дѣлать подробно отдѣльныя ссылки по каждому случаю.

братчиковъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 г. въ томъ-же домѣ занялъ квартиру студентъ университета Св. Владиміра Алексѣй Петровъ, сынъ небогатаго чиновника изъ г. Стародуба. Квартира Петрова, пришлась стѣна объ стѣну съ квартирой Гулака, и онъ свободно слышалъ происходившіе у сосѣда разговоры «о свободѣ». Слышалъ, какъ Савичъ, Навроцкій и Костомаровъ «разговаривали о республикѣ» и о «необходимости измѣнить порядки въ Россіи». Петровъ, по выраженію графа Орлова, «былъ столько расторопенъ», что пожелалъ познакомиться съ сосѣдомъ. Случай къ тому вскорѣ представился на обѣдѣ у Завадскаго. Въ теченіе нѣскольких дней онъ сумѣлъ сблизиться съ Гулакомъ, войти къ нему въ довѣріе, «показалъ видъ, что раздѣляетъ его взгляды и пріобрѣлъ такую довѣренность, что Гулакъ открылъ ему о существованіи тайнаго общества», а затѣмъ и былъ принятъ въ это общество.

На праздникахъ Рождества Христова, будучи въ собраніи, онъ слышалъ, какъ читали «противозаконныя стихотворенія Шевченка», и узналъ, что почти всѣ члены братства разъѣзжаются. Дѣйствительно въ началѣ января Шевченко, по словамъ Петрова, и Гулакъ уѣхали въ Петербургъ, Марковичъ въ Пирятинскій уѣздъ, Навроцкій и Бѣлозерскій въ Полтаву.

Петровъ для того и вступилъ въ общество, чтобы «все узнать и довести до свѣдѣнія правительства», но «медлилъ съ этимъ, потому что

хотѣлъ собрать какъ можно болѣе свѣдѣній»; но, когда же въ концѣ февраля почти всѣ братчики разъѣхались изъ Кіева, онъ видѣлъ, что уже нѣтъ возможности болѣе изслѣдовать, и 28 февраля, явясь къ помощнику попечителя учеб-

А. В. Марковичъ.

наго округа Юзефовичу, доложилъ ему о существованіи общества. А 3-го марта онъ вмѣстѣ съ Юзефовичемъ явился къ попечителю и письменно подтвердилъ свой доносъ, причемъ представилъ и уставъ общества.

Отчего произошло трехдневное промедленіе и что происходило съ 28 февраля до 3-го марта съ заявленіемъ Петрова, мы не знаемъ. Въ дѣлахъ Кіевской Архивной Коммиссіи сохранилось постановленіе 1 марта, подписанное Предсѣдателемъ Писаревымъ (правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора) и профессорами университета Чеховскимъ, Ставровскимъ, Селинымъ и Иванишевымъ объ увольненіи Шевченка изъ службы въ Коммиссіи за то, что онъ «безъ всякаго согласія Коммиссіи отлучился изъ Кіева»[1]).

Есть основаніе предположить, что постановленіе Коммиссіи написано, если не заднимъ числомъ, то во всякомъ случаѣ не вслѣдствіе той причины, которая въ немъ указана. Отъѣздъ Шевченка изъ Кіева послѣдовалъ еще 9 января, о чемъ Коммиссія, или хоть отдѣльные члены ея, какъ Иванишевъ и Селинъ, не могли не знать отъ Костомарова; поѣхалъ онъ работать въ Черниговѣ въ качествѣ сотрудника Коммиссіи. Наконецъ увольненіе только за то, что онъ уѣхалъ безъ вѣдома Коммиссіи — мѣра черезчуръ строгая, даже для того времени. Вѣроятнѣе всего, что Юзефовичъ, тотчасъ послѣ заявленія ему Петрова 28 февраля, сообщилъ о немъ Писареву и Траскину; не сообщить онъ *не могъ*, и тогда же было рѣшено сперва уволить Шевченка, а потомъ уже оформить доносъ Петрова.

[1]) Кіев. Стар. 1882, кн. 3, стр. 608.

Генералъ-губернаторъ въ то время отсутствовалъ изъ Кіева, онъ находился въ Петербургѣ. Туда и отправилъ Траскинъ доносъ Петрова. Бибиковъ въ день полученія сообщилъ (17-го марта № 254) содержаніе доноса шефу жандармовъ, прося произвести у Гулака (который въ то время находился въ Петербургѣ уже на службѣ въ Совѣтѣ университета) обыскъ, самого его арестовать и отправить въ Кіевскую крѣпость.— Бибиковъ предполагалъ нарядить слѣдственную коммиссію въ Кіевѣ. Въ тотъ же день Гулакъ былъ обысканъ и арестованъ. По разсмотрѣніи отобранныхъ у него бумагъ, графъ Орловъ нашелъ, что дѣло объ Украинско-Славянскомъ обществѣ представляется въ весьма важномъ видѣ, поэтому онъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ производство слѣдствія возложить, подъ личнымъ его наблюденіемъ, на III отдѣленіе; значитъ, отправлять Гулака въ Кіевъ было не для чего; напротивъ, графъ Орловъ потребовалъ (22 марта № 445), чтобы Бибиковъ распорядился обыскать, арестовать и доставить въ Петербургъ Костомарова, Шевченка, Посяденка, Марковича, Тулуба, а позднѣе—29 марта Навроцкаго и Бѣлозерскаго (Кулишъ былъ задержанъ въ Варшавѣ, а Савичъ былъ вытребованъ изъ-за границы).

Генералъ-губернаторъ въ этотъ же день по эстафетѣ, отправленной въ Кіевъ въ 7 часовъ вечера, поручилъ губернатору, чтобы онъ взявши попечителя учебнаго округа, или его помощника и жандармскаго полковника Бѣлоусова,

Н. И. Гулакъ.

—произвелъ указанные обыски и аресты. Эстафета Бибикова получена въ Кіевѣ 27 марта.

Объ обыскѣ и арестѣ у Костомарова онъ самъ разсказалъ въ «Русской Мысли» слѣдующее: «Въ среду на Святой я получилъ записку отъ помощника попечителя, которою онъ звалъ меня къ себѣ въ четвергъ (27 марта). Я поѣхалъ и когда, поговоривши, собирался уходить, хозяинъ сообщилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть губернаторъ Фундуклей. Въ это время я, по просьбѣ Фундуклея, пересматривалъ его «Описаніе Кіева», но, занявшись приготовленіями къ свадьбѣ, не успѣлъ окончить. Думая, что за этимъ и зоветъ меня губернаторъ, рѣшилъ поѣхать къ нему, когда окончу пересмотръ его труда, и отправился къ невѣстѣ (потомъ уже оказалось, что Фундуклей хотѣлъ предупредить меня о предстоящемъ арестѣ). На другой день, часа въ четыре, прислала за мной Залѣсская, въ пансіонѣ которой я былъ преподавателемъ. Я отвѣчалъ, что пріѣду завтра, но черезъ нѣсколько минутъ—новое приглашеніе прійти *не завтра, а сегодня*. Я, желая отдѣлаться, отвѣтилъ, что сейчасъ пріѣду, но зашелъ сперва къ одному профессору, а когда въ сумерки уже пришелъ къ Залѣсской, то не засталъ ея дома; она велѣла сказать, чтобы я обождалъ, пока она вернется; я не захотѣлъ ждать (потомъ оказалось, что и Залѣсская хотѣла предупредить о грозившей бѣдѣ). Домой я возвратился отъ своей невѣсты часовъ въ 11 и сталъ раздѣваться, чтобы лечь спать. Вдругъ звонокъ. Предо мной былъ помощникъ попечителя (Юзефовичъ),

заправлявшій всѣми дѣлами, такъ какъ самъ Траскинъ ничѣмъ не занимался. «На васъ доносъ! я пришелъ васъ предупредить» — «Какой доносъ?» — «Все, что есть у васъ, истребите скорѣе». Я вспомнилъ, что въ карманѣ у меня рукопись, писанная моею рукою (это и былъ уставъ), вынулъ его и хотѣлъ сжечь, но онъ вырвалъ у меня его со словами: «Не бойтесь, отдайте мнѣ» и, взявши, ушелъ. Немного спустя явились ко мнѣ Фундуклей, Траскинъ, Бѣлоусовъ и полицiймейстеръ Голяшкинъ и произвели обыскъ.— По прiѣздѣ къ губернатору, начался при бытности Писарева допросъ: «Знаете Гулака?» — «Знаю.» — Въ какихъ съ нимъ отношенiяхъ?» — «Въ хорошихъ». «Онъ подалъ на васъ доносъ въ III отд. и представилъ вашу рукопись. Вотъ копiя съ нея. Гулакъ говоритъ, что получилъ отъ васъ». Передавъ вкратцѣ содержанiе рукописи, Писаревъ спросилъ: «Можете ли вы дать слово, что не знаете этой рукописи?» — «Могу» — «Честное слово?» — «Да» — Мнѣ тогда показали мою подлинную рукопись. Улика была несомнѣнная! Я поблѣднѣлъ и молча опустился на стулъ»...

На другой день Костомарова повезъ въ Петербургъ квартальный надзиратель Лобачевскiй съ жандармомъ. Въ Броворахъ онъ встрѣтилъ возвращавшихся послѣ праздниковъ студентовъ Андрущенка и Андрузскаго и далъ имъ денегъ, чтобы предупредили Марковича и Шевченка. Но первый былъ уже арестованъ, а послѣдняго не было въ Кiевѣ, и точно не знали, гдѣ онъ.

О розысканіи и арестѣ Шевченка было сообщено отъ шефа жандармовъ Черниговскому губернатору, а Фундуклей распорядился стеречь на берегу Днѣпра его пріѣздъ въ Кіевъ, и, когда онъ пріѣхалъ 5 апрѣля, его арестовали. Шевченко при арестѣ его былъ въ фрачной парѣ; такой костюмъ, конечно, удивилъ губернатора, и онъ спросилъ.

— «Что это, Тарасъ Григорьевичъ, вы во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ?»

— «Я спѣшилъ на свадьбу къ Костомарову, я приглашенъ къ нему *бояриномъ* (шаферомъ) и потому переодѣлся въ Броварахъ и думалъ проѣхать прямо въ квартиру жениха».

— «Ну, куда жениха, туда повезутъ и боярина», пошутилъ Фундуклей, а Шевченко подумалъ: «Добре весилля!»

Шевченко былъ отправленъ изъ Кіева съ квартальнымъ надзирателемъ Гришковымъ. Въ дорогѣ Шевченко былъ чрезвычайно веселъ, безпрестанно шутилъ, хохоталъ, пѣлъ пѣсни и вообще такъ держалъ себя, что на одной станціи смотритель, записывая подорожную, въ которой значилось: «чиновникъ съ арестованнымъ лицомъ», замѣтилъ, что по виду трудно узнать, кто арестованъ, а кто везетъ арестованнаго.

Гришковъ 17 апрѣля представилъ Шевченка въ III отдѣленіе вмѣстѣ съ отобранными у него бумагами: 1) Поэма— *Осика* и стихотворенія «Русалка», «Лилея», «149 псаломъ Давида» и «Сонъ». Предисловіе къ предположенному изданію «Кобзаря». 2) Четыре письма Кулиша:

въ одномъ онъ выражаетъ свое глубокое уваженіе къ Шевченку; въ другомъ говоритъ о хорошихъ результатахъ своей поѣздки по Украйнѣ; въ третьемъ убѣждаетъ, что если они взялись прояснить глаза своимъ землякамъ, то должны дѣйствовать, помогая другъ другу по правилу Хмельницкаго: «тымъ и стала козацькая сыла, що у васъ була, панове-молодци, воля и дума едына»; въ четвертомъ извѣщалъ о предположеніи издавать въ Харьковѣ «Записки о южной Руси». 3) Письма къ Шевченку Штрандмана и Карпа; первый называлъ Шевченка «отаманомъ». 4) Два письма къ Шевченку Квитки—въ одномъ изъ нихъ Квитка отзывается очень дурно о великороссахъ и называетъ ихъ «дурными кацапами». 5) Письмо къ Шевченку княжны Репниной отъ 9 декабря 1845 г., въ которомъ есть намекъ, что княжна, глубоко тронутая бѣдственнымъ положеніемъ родныхъ Шевченка, задумала что-то предпринять въ ихъ пользу. 6) Нѣсколько стихотвореній Чужбинскаго, Андрузскаго и др. Кромѣ того, Фундуклей 3 мая отослалъ въ III отдѣленіе отобранные у Шевченка портфель и пакетъ съ рисунками, шкатулку съ красками и три пистолета. Допросъ Шевченку былъ сдѣланъ 21 апрѣля; онъ, между прочимъ, признавая себя авторомъ поименованныхъ выше въ 1 п. произведеній, пояснилъ, что, будучи еще въ Петербургѣ, слыхалъ дерзости и порицаніе правительству, а возвратясь на Украйну, услышалъ еще худшее между людьми и пожилыми и молодыми; увидѣлъ

ужасную нищету и угнетеніе крестьянъ. Считая въ этомъ виновнымъ правительство, онъ «по неразуменію своему» и позволилъ себѣ въ своихъ произведеніяхъ дерзкія выходки, въ чемъ теперь раскаивается искренно. Къ обществу Кирила и Меѳодія онъ не принадлежалъ. Иллюстрировалъ его рукописныя произведенія графъ Яковъ де-Бальменъ, убитый на Кавказѣ въ 1845 г., и Башиловъ, котораго онъ вовсе не знаетъ.

Лица производившія слѣдствіе, признали нужнымъ потребовать изъ Кіева Петрова. А между тѣмъ Бибиковъ, возвратясь въ Кіевъ, сообщилъ 3 мая шефу жандармовъ, что арестованные «должны имѣть у себя на тѣлѣ накожный знакъ—гетьманскую булаву».

Гулакъ на слѣдствіи «показалъ необыкновенное упорство и, ничего не открывая, отзывался только однимъ, что связанъ честнымъ словомъ». Другіе обвиняемые, за исключеніемъ Кулиша, давали сбивчивыя и противорѣчивыя показанія. Костомарова, по его словамъ, «каждый день водили къ допросу и допекали на нихъ». Причиною такихъ противорѣчій были убѣжденія служившаго при Ш отдѣленіи чиновника Попова, который, навѣщая заключенныхъ въ камерахъ, передавалъ имъ содержаніе показаній товарищей и убѣждалъ Костомарова сказать то же, что сказалъ Бѣлозерскій, т. е. «что онъ, Костомаровъ и Гулакъ толковали, что было бы хорошо создать ученое общество съ цѣлью распространенія православія между

славянами и соединенія ихъ подъ властью русскаго монарха». «Видите, говорилъ Поповъ: у Бѣлозерскаго умно написано, скажите то же самое и вы». Костомаровъ подумалъ и написалъ другими словами то же самое. Черезъ нѣсколько часовъ опять пришелъ къ нему Поповъ и говоритъ: «Бѣда съ Гулакомъ: какъ ни уговаривалъ, не хочетъ показывать за одно съ вами».

Принадлежность Шевченка къ обществу всѣ отрицали, за исключеніемъ Петрова и Андрузскаго. Андрузскій, молодой 19-лѣтній юноша, говорилъ, что Шевченко былъ «неумѣреннымъ представителемъ въ славянскомъ обществѣ малорусской партіи, которая имѣла цѣлью возстановить гетьманщину. Онъ всѣхъ монархистовъ называлъ подлецами, возбуждалъ общество къ большей дѣятельности и предложилъ издавать журналъ на русскомъ и малорусскомъ языкѣ. Изъ гетьмановъ болѣе всѣхъ превозносилъ Мазепу, и съ пріѣздомъ Шевченка въ Кіевъ общество значительно оживилось». Впослѣдствіи Андрузскій отъ всего этого отказался и призналъ «все это личными своими выводами, основанными на однихъ предположеніяхъ». Петровъ тоже сознался, что о Шевченкѣ и его сочиненіяхъ самъ онъ ничего не зналъ, а то, о чемъ доносилъ, узналъ только отъ Навроцкаго.

При такихъ разнорѣчіяхъ очная ставка была неизбѣжна, и надо было убѣдиться въ существованіи внѣшнихъ признаковъ принадлежности къ обществу. При осмотрѣ ни у кого изъ арестованныхъ никакихъ накожныхъ знаковъ, изо-

бражающихъ гетманскую булаву, не оказалось на тѣлѣ. Не оказалось у Шевченка и кольца съ надписью «Св. Кириллъ и Меѳодій».

Очная ставка, данная 15 мая, ничего во вредъ обвиняемымъ не прибавила, а скорѣе въ пользу ихъ уничтожила довѣріе къ показаніямъ Петрова и Андрузскаго. Не въ пользу Шевченка въ глазахъ слѣдователей было лишь то, что почти у каждаго изъ арестованныхъ найдены были его цензурныя и не цензурныя стихотворенія...

«Въ продолженіе всего слѣдствія Тарасъ Григорьевичъ былъ неизмѣнно бодръ, казался спокойнымъ и даже веселымъ. Передъ допросомъ жандармскій офицеръ сказалъ ему: Богъ милостивъ, Тарасъ Григорьевичъ, вы оправдаетесь и вотъ тогда-то запоетъ ваша муза».— «Да какой же чортъ всѣхъ насъ сюда и занесъ, какъ не эта дьявольская муза»,—отвѣчалъ поэтъ.—Послѣ очной ставки 15 мая, возвращаясь въ свою камеру и идя рядомъ съ Костомаровымъ, Шевченко сказалъ ему по-украински: «не журысь, Мыколо! Доведеться ще намъ у купи жыты». Послѣ этого свиданія друзья, какъ увидимъ ниже, не видались болѣе 11 лѣтъ. Слова Шевченка сбылись пророчески.

Конечно унывать Шевченку, повидимому, и нечего было. Непринадлежность его къ Обществу была доказана, это онъ зналъ и понималъ, что осталось противъ него одно лишь обвиненіе на почвѣ чисто литературной, но за литературный грѣхъ не могъ онъ предполагать

для себя какого-либо крайне суроваго возмездія, и спокойно ожидалъ рѣшенія своей участи.

19 мая, сидя у окна своей камеры и глядя черезъ рѣшетку, онъ увидѣлъ, что старуха-мать Костомарова идетъ навѣстить своего единственнаго сына. Видъ подавленной горемъ матери и вся тюремная обстановка вызвали въ сердцѣ поэта глубоко прочувствованное, простое и дивно прекрасное стихотвореніе:

„Весняне сонечко ховалось[1])
Гостей зачыненыхъ своихъ
Холоднымъ чаемъ напovалы
И часовыхъ переминялы...

Поэтъ въ теченіе мѣсяца привыкъ видѣть и часовыхъ, и запертую дверь, и рѣшетку своей камеры, но когда увидѣлъ, что идетъ мать Николая Ивановича и что она

„Чорнійша чорнои земли
Иде, зъ хреста неначе, знята",

онъ началъ благодарить Господа за то,

„Що я ни зъ кымъ не подилю
Мою тюрьму, мои кайданы".

Надо благодарить судьбу, что она не допустила производство слѣдствія въ Кіевѣ. Провинціальная администрація всегда въ такихъ случаяхъ подозрительнѣе, ретивѣе и охотно раскапываетъ ничтожныя мелочи, имѣющія значеніе только для осложненія дѣла и замедленія конца его. Правда, и петербургскіе слѣдователи побезпокоили и невѣсту Костомарова, и ея мать, обыскивали и требовали въ Петербургъ поручиковъ Ашанина и Бушена, студентовъ Тулуба и Варадинова,

[1]) Русск. Стар. 1880 г., кн. III, стр. 602.

чиновника Иславина и профессора Чижова; «но всѣ они совершенно оправдали себя, тотчасъ же были освобождены и приняты были мѣры, чтобы невинное арестованіе ихъ не имѣло для нихъ непріятныхъ послѣдствій».

Объ остальныхъ десяти лицахъ слѣдствіе было закончено 20 мая; сущность его коротко, но ясно изложена въ всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Орлова. представленномъ Императору 26-го мая. Графъ Орловъ доложилъ: «Украино-славянское общество существовало нѣсколько мѣсяцевъ въ исходѣ 1845 г. и въ началѣ 1846 г. и составляли его три лица: Гулакъ, Бѣлозерскій и Костомаровъ. Трудно опредѣлить, кто первый задумалъ общество, но мысль назвать общество во имя Св. Кирилла и Меѳодія и имѣть кольца или образа этихъ святыхъ произошла отъ Костомарова. Цѣль общества заключалась въ соединеніи славянскихъ племенъ подъ скипетромъ Русскаго Императора. Средствами для достиженія цѣли предполагалось воодушевленіе славянскихъ племенъ къ уваженію ихъ собственной народности, водвореніе между славянами согласія, склоненіе ихъ къ принятію православной религіи, заведеніе училищъ и изданіе книгъ для простого народа».—«Бѣлозерскій и Костомаровъ заявили, что въ предположеніяхъ, даже въ мысляхъ ихъ никогда не было ни народныхъ потрясеній, ни возмущеній, ни преобразованія законныхъ властей въ Россіи, а тѣмъ болѣе, какихъ-либо вооруженныхъ движеній. Одинъ Гулакъ остался лицомъ сомнительнымъ и съ упорствомъ

не хотѣлъ отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы. Должно предполагать, говоритъ графъ Орловъ, что онъ въ душѣ своей хранилъ преступныя мысли, которыя не были извѣстны его товарищамъ, и во всякомъ случаѣ, вѣроятно, что человѣкъ

В. М. Бѣлозерскій.

съ такимъ характеромъ, какъ онъ, не остановился бы на мирныхъ средствахъ».—

«Андрузскій, Навроцкій и Посяда только знали о существованіи общества».

«Кулишъ и Шевченко вовсе не принадлежали къ обществу, но они виновны по своимъ собственнымъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ».

«Шевченко,—какъ сказано далѣе въ докладѣ графа Орлова: сочинялъ стихи на малороссійскомъ языкѣ самаго возмутительнаго содержанія. Въ нихъ онъ то выражалъ плачъ о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украйны, то возглашалъ о славѣ гетманскаго правленія и прежней вольницѣ козачества, то съ невѣроятною дерзостью изливалъ клеветы и желчь на особъ Имераторскаго дома, забывая въ нихъ личныхъ своихъ благодѣтелей. Шевченко пріобрѣлъ между своими друзьями славу знаменитаго малороссійскаго писателя, и потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны. Съ любимыми стихами въ Малороссіи могли посѣяться и впослѣдствіи укорениться мысли о мнимомъ блаженствѣ временъ гетманщины, о счастьѣ возвратить эти времена и о возможности Украйнѣ существовать въ видѣ отдѣльнаго государства. Судя по тому чрезмѣрному уваженію, которое питали и лично къ Шевченку и къ его стихотвореніямъ всѣ Украйно-Славянисты, сначала казалось, что онъ могъ быть, если не дѣйствующимъ лицомъ, то орудіемъ, которымъ они хотѣли воспользоваться въ своихъ замыслахъ, но съ одной стороны замыслы эти были не такъ важны, какъ казалось при первомъ взглядѣ, а съ другой—Шевченко началъ писать свои возмутительныя сочиненія еще въ 1837 г., когда славянскія идеи не занимали кіевскихъ ученыхъ; равно все дѣло доказываетъ, что онъ не при-

надлежалъ къ Украйно-Славянскому обществу, а дѣйствовалъ отдѣльно, увлекаясь собственною испорченностью. Тѣмъ не менѣе по возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ предѣловъ, онъ долженъ быть признанъ однимъ изъ важныхъ преступниковъ.» —

«Вина Кулиша заключается въ томъ, что онъ, пламенно любя свою родину Малороссію, въ напечатанныхъ имъ книгахъ съ восторгомъ описывалъ духъ прежняго казачества, наѣзды гайдамаковъ изображалъ въ видѣ рыцарства, представлялъ исторію этого народа едва-ли не знаменитѣе всѣхъ исторій, славу его показывалъ всемірною; приводилъ украинскія пѣсни, въ которыхъ выражается любовь къ свободѣ; описывалъ распоряженія Императора Петра I и его преемниковъ въ видѣ угнетенія и подавленія правъ народныхъ».

Графъ Орловъ полагалъ подвергнуть всѣхъ этихъ лицъ «наказанію безъ суда, но не сохра- «няя въ тайнѣ рѣшенія дѣла, дабы всѣмъ из- «вѣстно было, какую участь приготовили себѣ «тѣ, которые занимались славянствомъ въ духѣ, «противномъ нашему правительству, и дабы от- «вратить другихъ славянофиловъ отъ подобнаго «направленія».

Графъ Орловъ полагалъ: заключить въ крѣпостяхъ Гулака въ Шлисельбургѣ на три года, Костомарова въ Петербургѣ на годъ; Бѣлозерскаго и Кулиша на четыре мѣсяца; Навроцкаго выдержать на гауптвахтѣ шесть мѣсяцевъ; Андрузскаго и Посяду отправить въ Казань для

окончанія университетскаго курса; Шевченка же, какъ одареннаго крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, опредѣлить рядовымъ въ Оренбургскій Отдѣльный Корпусъ съ правомъ выслуги, поручивъ начальству имѣть строжайшее наблюденіе, дабы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.» — «Сочиненія Шевченка «Кобзарь», Костомарова «Украинскія Баллады» и «Вѣтка» и Кулиша «Повѣсть объ Украинскомъ народѣ», «Украина» и «Михайло Чернышенко» запретить и изъять изъ продажи». Наконецъ студента Петрова опредѣлить на службу [1]).

Докладъ шефа жандармовъ 28 мая удостоился высочайшаго утвержденія. За исключеніемъ Гулака и Костомарова, всѣмъ прочимъ было отмѣнено заключеніе. Кулишъ былъ отправленъ вмѣсто Вологды въ Тулу, Бѣлозерскій въ Петрозаводскъ, на службу на довольно значительное мѣсто — совѣтника Губернскаго Правленія; ему, какъ и Посядѣ, Андрузскому и Навроцкому, выдано было на обмундированіе по 200 р.;

[1]) Студентъ Петровъ представляется мнѣ своего рода психопатомъ, маніакомъ, помѣшаннымъ на доносахъ. Спустя немного времени послѣ опредѣленія его на службу въ III отдѣленіе, онъ, выкравши изъ дѣлъ III отдѣленія одну собственноручную резолюцію Императора Николая Павловича, сдѣлалъ анонимный доносъ Его Величеству на генерала Дубельта. При производствѣ слѣдствія, онъ сознался, что сдѣлалъ доносъ изъ мести. За это онъ послѣ заключенія въ крѣпости въ теченіе года, былъ сосланъ въ Олонецкую губернію, откуда освобожденъ только въ началѣ 70-хъ годовъ. Возвратясь на родину, онъ кое-какъ перебивался, давая уроки музыки, и умеръ въ 1883 г. (Русск. Старина 1888 г., кн. IX, стр. 382 и кн. X, стр. 493).

матери Костомарова назначено все жалованье, какое получалъ сынъ ея въ Кіевѣ, выдавать, пока онъ будетъ содержаться въ крѣпости; матери невѣсты Костомарова—Мазуриной—назначено 300 руб. на возвращеніе въ Кіевъ, а Шевченку воспрещено писать и рисовать. Наконецъ кіевскому и харьковскому генералъ-губернаторамъ поручено было предписать, чтобы они «наблюдали во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, не остались ли въ обращеніи стихотворенія Шевченка, рукопись «Законъ Божій» и другія возмутительныя сочиненія; также не питаютъ ли Украинцы мысли о прежнихъ вольностяхъ, о гетманщинѣ и о правахъ на отдѣльное существованіе, и обращать вниманіе особенно на тѣхъ, которые занимаются малороссійскими древностями, исторіей и литературой, и стараться прекращать въ этой области наукъ всякое злоупотребленіе, но самымъ незамѣтнымъ и осторожнымъ образомъ, безъ явныхъ преслѣдованій и, сколь возможно, не раздражая уроженцевъ Малороссіи.

Шевченко выслушалъ приговоръ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и, на вопросъ генерала Дубельта (начальника III отдѣленія), отвѣчалъ, что «чувствуетъ себя достойнымъ кары и сознаетъ справедливость Высочайшей воли».—Впослѣдствіи въ своихъ «Запискахъ» (15 іюня 1857г.) Шевченко, говоря объ объявленіи ему приговора, добавилъ, что ужаснѣе нельзя было придумать ему наказанія, какъ отдать рядовымъ въ Оренбургскій линейный батальонъ.

30 мая Костомаровъ и его соузники видѣли изъ своихъ оконъ, какъ вывели Шевченка въ солдатской шинели на дворъ. Онъ улыбался, прощаясь съ друзьями. Костомаровъ, глядя на него, заплакалъ, а онъ, садясь въ телѣгу, снялъ фуражку, не переставая улыбаться. Лицо его было спокойное и твердое». Но, заглянувъ въ смыслъ стихотворенія его, написаннаго утромъ того же дня «По надъ полемъ иде»,—легко понять, какого рода спокойствіе происходило въ душѣ поэта послѣ объявленія ему конфирмаціи!

Въ тотъ же день было сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ Шевченка въ Оренбургъ. Повезъ его фельдъегерь Видлеръ при бумагѣ управлявшаго тогда военнымъ министерствомъ Адлерберга, отъ 30 мая № 303, къ командиру Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса. Сообщая конфирмацію о «бывшемъ художникѣ С.-Петербургской Академіи художествъ Тарасѣ Шевченкѣ», Адлербергъ просилъ увѣдомить его «въ который изъ Оренбургскихъ батальоновъ Шевченко будетъ заключенъ».

Отъ Петербурга до Оренбурга болѣе 2100 верстъ. Пространство это фельдъегерь проѣхалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и, «загнавъ только одну почтовую лошадь», ночью въ 11 часовъ на 9 іюня доставилъ своего узника въ Оренбургъ...

На другой же день начальникъ Корпуса генералъ Обручевъ отправилъ рядового Шевченка къ начальнику 23 дивизіи, поручая ему за-

числить и отправить нашего поэта въ пятый баталіонъ, расположенный въ Орскѣ.

Неизвѣстно, отъ кого узналъ о прибытіи Шевченка въ Оренбургъ Ф. М. Лазаревскій, служившій тогда въ Оренбургской пограничной

Ф. М. Лазаревскій.

коммиссіи. Лично Шевченка онъ не зналъ, но тотчасъ же отправился къ чиновнику особыхъ порученій при Обручевѣ Е. М. Матвѣеву, прося сдѣлать все возможное для облегченія горькой участи поэта. Матвѣевъ обѣщалъ.

Лазаревскій отъ него отправился въ казармы, гдѣ находился Шевченко. Поэтъ лежалъ ничкомъ на нарахъ въ одномъ бѣльѣ; онъ былъ углубленъ въ чтеніе Библіи, которою его снабдили во время заключенія въ III отдѣленіи, и съ которою онъ потомъ никогда не разставался.

«Тарасъ Григорьевичъ принялъ Лазаревскаго весьма сдержано; но звуки родной рѣчи и непритворное участіе, свѣтившееся въ глазахъ посѣтителя, скоро разсѣяли подозрительность, и онъ далъ слово въ тотъ же день посѣтить Лазаревскаго.

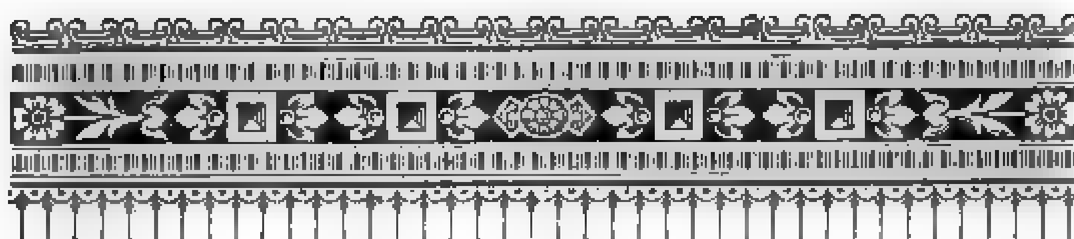
Вечеромъ у Феодора Матвѣевича собрались другіе украинцы, находившіеся на службѣ въ Оренбургѣ,—Левицкій, Александровскій и др. и съ восторгомъ встрѣтили своего родного поэта. Изъ поклонниковъ его таланта они сдѣлались искреннѣйшими его друзьями.

Такимъ образомъ, Тарасъ Григорьевичъ черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ выѣзда отъ Лизогуба въ первый разъ услышалъ на далекой чужбинѣ родную рѣчь и въ первый разъ получилъ возможность бесѣдовать свободно не въ присутствіи надзирателей.

До выѣзда въ Орскъ Шевченко ежедневно посѣщалъ Лазаревскаго.

Не трудно опредѣлить тѣ чувства, которыя переживалъ тогда Тарасъ Григорьевичъ! Изъ стародавняго Кіева, съ береговъ красавца Днѣпра, отъ меланхолично-прекрасной природы «Нени»—Украины, отъ очутился въ незначительномъ новомъ, полуустроенномъ, едвали и на половину рус-

скомъ городишкѣ на берегахъ тощей рѣчки-лужи «Ори, среди голой рыжей киргизской степи!..» Родное мягкое глубокое небо, родныя бархатно-зеленыя степи, свѣтлыя залы въ домахъ князей Репниныхъ, Лизогубовъ, Тарновскихъ, еще болѣе свѣтлыя надежды на преподавательство въ университетѣ, на поѣздку за-границу, на учрежденіе академіи художествъ въ Кіевѣ; жизнь среди образованныхъ и гуманныхъ друзей, какъ княжна Репнина, Лизогубъ, Костомаровъ, Пильчиковъ и др.—все это осталось далеко, далеко позади!... впереди была казарма—живая могила, полная ужасныхъ испытаній!...

Т. Г. Шевченко въ Оренбургскихъ степяхъ

(1 іюня 1847—17 октября 1850 г.)

I.

Пятый линейный батальонъ Оренбургскаго Корпуса, въ который былъ зачисленъ рядовымъ нашъ поэтъ, занималъ гарнизонъ въ Орской крѣпости. Поэтому Шевченко былъ отправленъ изъ Оренбурга туда же. Отъ Оренбурга до Оркса разстояніе около трехсотъ верстъ. Какимъ образомъ поэтъ совершилъ этотъ путь: на лошадяхъ, или пѣшкомъ? Для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ данныхъ. Въ Орскъ, по словамъ г. Юдина, имѣвшаго въ рукахъ офиціальныя бумаги, Шевченко прибылъ 22 іюня, [1]) а по словамъ г. Васильева [2]), пользовавшагося также офиціальными документами, поэтъ прибылъ туда 23 іюня. Самъ Шевченко въ своей повѣсти «Близнецы», въ которую онъ ввелъ многое изъ своего пребыванія въ Оренбургскихъ

---

[1]) Русск. Архив. 1898, мартъ, стр. 464.
[2]) Кіев. Стар. 1896 г., кн. 2, стр. 130.

степяхъ, приводитъ тотъ же самый день, 23—но вмѣсто іюня—онъ поставилъ апрѣль [1]); очевидно, перемѣна въ названіи мѣсяца сдѣлана умышленно, съ цѣлью скрыть, что въ повѣсти изложены событія, которыя пережилъ самъ авторъ.—Капитанъ Косаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]) о Шевченкѣ говоритъ, что поэта изъ Оренбурга *препроводили* въ Орскъ; но выраженію: «препроводили» едвали можно придавать значеніе отправки пѣшкомъ; для перехода пѣшкомъ изъ Оренбурга въ Орскъ 265 верстъ потребовалось бы не менѣе 10—14 дней. Г. Юдинъ утверждаетъ, что изъ Оренбурга въ Орскъ Шевченко былъ отправленъ *этапнымъ порядкомъ* въ командѣ поручика Почетова и прибылъ на мѣсто 22 іюня [3]).—Такого быстраго перехода пѣшкомъ, по обыкновенной степи да еще въ жаркіе іюньскіе дни — предположить невозможно. Остается признать, что *этапная отправка* поэта произошла не пѣшкомъ, а на лошадяхъ. Къ такому заключенію приводятъ меня и слова Шевченка въ «Близнецахъ» о томъ, что докторъ Сокыра выѣхалъ изъ Оренбурга въ Орскую крѣпость на тройкѣ. Я увѣренъ, что, когда военное вѣдомство не признало возможнымъ отправить поэта въ Орскъ на лошадяхъ на счетъ казны, то оренбургскіе поклонники музы Шевченка—Лазаревскій, Александровскій, Левицкій и др. собрали между собою деньги, необходимыя для переѣзда въ Орскъ на почтовыхъ

[1]) Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, 1889 г., стр. 221.
[2]) Кіев. Стар. 1896, кн. 2, стр. 130.
[3]) Русск. Арх. 1898, мартъ, стр. 464.

лошадяхъ.—Почтовая дорога на Орскъ, проходя по степи, наводила своимъ однообразіемъ на душу нашего путника грустное настроеніе. «До станціи Островной онъ могъ лишь любоваться мѣстностью вдоль береговъ рѣки Урала; заходилъ онъ на почтовыя станціи только, чтобы чаю или воды напиться; но, подъѣзжая къ Островной онъ, вмѣсто сѣрой обнаженной степи, увидѣлъ село—покрытое зеленью, и машинально спросилъ ямщика: «Здѣсь тоже живутъ оренбургскіе козаки?»—«Да, тоже—только хохлы.»—Островная представляла «малороссійскую слободу: тѣ же зеленыя вербы, тѣ же бѣлыя хаты въ зелени, и даже дѣвочка, гнавшая корову была въ плахтѣ и имѣла на головѣ полевые цвѣты... При взглядѣ на эту картину—путникъ нашъ даже заплакалъ, такъ живо напомнила она ему его прекрасную родину».—Остановившись въ Островной, поэтъ нашъ «отвелъ душу родною бесѣдою». Проѣзжая послѣднюю передъ Орскомъ станцію, путникъ часа два поднимался на плоскую возвышенность, съ которой открылась леденящая душу пустыня. Спустя минуту послѣ тягостнаго впечатлѣнія пустыни, всматриваясь въ грустную панораму, онъ замѣтилъ въ серединѣ ея бѣлое пятнышко, обведенное красно-бурою лентою... Это была Орская крѣпость! Поэту «сдѣлалось грустно, такъ невыносимо грустно, какъ будто въ этой крѣпости его ожидало Богъ знаетъ какое несчастіе».

«Страшная пустыня, окружающая крѣпость, показалась ему раскрытою могилою, готовою

похоронить его заживо... Подъѣзжая ближе къ крѣпости, онъ думалъ: поютъ ли здѣсь птицы? И готовъ былъ Богъ знаетъ что прозакладывать, что не поютъ. При такой декораціи возможно только мертвое молчаніе, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными пѣснями».[1]) Подвигаясь впередъ, Шевченко могъ ясно уже различать крѣпость. «Бѣлое пятнышко — была небольшая каменная церковь на горѣ, а краснобурая лента—крыши казармъ и другихъ казенныхъ зданій. Переѣхавши черезъ деревянный мостъ, поэтъ очутился въ крѣпости. Это была обширная площадь, окруженная съ трехъ сторонъ каналомъ, аршина въ три шириною, а съ четвертой—рѣкою Ураломъ. Киргизы называютъ ее «Ямамъ Кала». Это названіе чрезвычайно вѣрно опредѣляетъ физіономію мѣстности и крѣпости. «Рѣдко, говоритъ Шевченко [2]) можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность. Плоско и плоско». «Мѣстоположеніе грустное однообразное, тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь». Для киргиза [3]) это ничего не значитъ: онъ сроднился съ такимъ пейзажемъ; но каково для человѣка пріѣзжаго, привыкшаго въ окружающей его природѣ видѣть красоту и грацію, вдругъ очутиться передъ суровымъ однообразнымъ горизонтомъ неисходимой, безконечной степи [4]). «Самая крѣпость, какъ нельзя болѣе гар-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Кіев. Стар. 1893 г., февраль, стр. 262.
[4]) Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, стр. 690.

монировала съ окружающею ее мѣстностью: то же однообразіе, та же плоскость; изъ общаго колорита выдѣлялась только церковь на горѣ. Подъ горою съ одной стороны грязные татарскіе домики, съ другой—инженерный дворъ съ казематомъ для каторжниковъ; противъ него длинное, низенькое бревенчатое строеніе съ небольшими квадратными окнами,—это батальонныя казармы; однимъ концомъ онѣ примыкали къ деревянному сараю, другимъ выходили на четырехугольную площадь.

Первое живое, что встрѣтилъ поэтъ при въѣздѣ въ Орскую крѣпость, была «толпа клейменныхъ каторжниковъ»; она исправляла дорогу въ ожиданіи пріѣзда корпуснаго командира. Ближе къ казармамъ на площади маршировали солдаты»[1]).

Нѣтъ надобности распространяться о томъ впечатлѣніи, какое произвела на Шевченка описанная внѣшняя обстановка степного городка-крѣпости въ Азіи, предназначеннаго ему для жизни въ положеніи рядового.

Какъ рядовой, онъ немедленно, по прибытіи въ Орскъ, долженъ былъ представиться начальству, начиная отъ коменданта до фельдфебеля включительно. При представленіи «по мѣрѣ пониженія степной военной іерархіи, говоритъ г. Чалый[2]), пріемы дѣлались грубѣе, и, когда очередь дошла до ротнаго командира, пьянаго поручика, тотъ пригрозилъ Шевченку розгами,

[1]) Тамъ же, стр. 225.
[2]) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, стр. 66.

если онъ будетъ вести себя дурно». По словамъ г. Стороженка,[1]) оренбургскіе друзья поэта нашли путь къ двумъ вліятельнымъ лицамъ въ Орскѣ—попечителю прилинейныхъ киргизовъ Александрійскому и къ непосредственнному начальнику Шевченка, командиру баталіона—Мѣшкову; благодаря этому, пребываніе поэта въ Орской крѣпости было сноснѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда, юридически онъ былъ простой поднадзорный солдатъ, котораго не только офицеръ, но любой фельдфебель могъ отдуть по щекамъ, но на самомъ дѣлѣ онъ находился въ исключительномъ положеніи; офицеры обращались съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и если онъ, тѣмъ не менѣе, страдалъ нравственно, то это происходило главнымъ образомъ отъ тоски по родинѣ и мучительнаго сознанія безправности своего положенія, да отъ тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія писать и рисовать». Въ книгѣ г. Чалого (ст. 66) встрѣчаемъ то же извѣстіе, что Шевченко сумѣлъ устроить сносныя отношенія съ офицерами; «чтобы оградить себя отъ опасности, которою пригрозилъ ему ротный командиръ, онъ купилъ порядочное количество водки и немного закуски, пригласилъ ротнаго командира и нѣкоторыхъ офицеровъ на охоту и угостилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло, какъ по маслу, а когда угощеніе начинало забываться, онъ повторялъ его».

---

[1]) Кіев. Стар. 1888 кн. X „Первые четыре года ссылки Шевченка“.

Группируя оставленныя Шевченкомъ въ письмахъ къ друзьямъ и въ своихъ запискахъ извѣстія о жизни его въ Орской крѣпости, мы можемъ разсказать нѣсколько подробнѣе тяжелые дни этой жизни поэта вдали отъ родины, которую онъ такъ глубоко и такъ безгранично любилъ; вдали отъ друзей, съ которыми онъ сроднился душой и сердцемъ, и при томъ при полномъ лишеніи не только удобствъ, но всего необходимаго для человѣка интеллигентнаго, а въ довершеніе всего, находясь въ положеніи поднадзорнаго, безправнаго, униженнаго и оскорбленнаго солдата, безусловно подчиненнаго неумолимой военной дисциплинѣ.

II.

Первымъ дѣломъ начальства по пріемѣ Шевченка въ Орскую крѣпость—было измѣрить его ростъ, записать въ роту, приставить къ нему «дядьку» для выучки, а ефрейтора для надзора и составить формулярный списокъ.

Ростъ Шевченка показывается различно; въ формулярномъ спискѣ показано 2 аршина 5 вершковъ; капитанъ Косаревъ, бывшій впослѣдствіи командиромъ той роты, къ которой въ Новопетровскѣ принадлежалъ Шевченко, ростъ его одинъ разъ [1]) опредѣлилъ въ 2 аршина $1^1/_4$ вер., въ другой разъ [2]) въ 2 аршина и $3^1/_4$ верш., наконецъ г. Матовъ [3]) со словъ Аг. О. К., быв-

[1]) Кiев. Стар. 1893 г., кн. 2-я.
[2]) Тамъ же, кн. 3-я.
[3]) Русск. Вѣд. 1895 г., № 242.

шаго фельдфебелемъ той роты, въ которой числился поэтъ уже въ 4 батальонѣ, говоритъ, что Шевченко былъ высокаго роста.

Трудно сказать, какое изъ этихъ извѣстій достовѣрно; очевидно, что наиболѣе ошибочное извѣстіе Матова. Въ «ранжирномъ спискѣ» Шевченко показанъ подъ № 191. Если 190 человѣкъ передъ нимъ были выше его ростомъ, то никоимъ образомъ нельзя допустить, что онъ былъ «высокаго роста».

Приводимъ дословно формулярный списокъ Шевченка, сообщенный г. Родзевичемъ въ «Русской Старинѣ» за май 1891 г., впрочемъ, помѣченный уже позднѣйшимъ временемъ, именно 24 февраля 1854 г. «Рядовой Тарасъ Андреевъ[1]) Шевченко православнаго исповѣданія. Отъ роду 39 лѣтъ. Росту 2 арш 5 вер. Лицо чистое, волосы на головѣ и бровяхъ темнорусые, глаза темносѣрые, носъ обыкновенный, а происхожденіе коего, по неполученію полныхъ свѣдѣній, неизвѣстно. По Высочайшему повелѣнію за политическія преступленія въ службу поступилъ рядовымъ 23 іюня 1847 г., въ линейный оренбургскій баталіонъ № 5; изъ онаго переведенъ въ сей баталіонъ 8-го октября 1850 г. Во время службы своей въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля не былъ. Грамотѣ читать и писать умѣетъ. Въ домовыхъ отпускахъ не былъ. По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ предписаніи господина командовавшаго отдѣльнымъ

---

[1]) Очевидная ошибка; должно быть—Григорьевъ.

Оренбургскимъ Корпусомъ къ господину командующему 23 пѣхотною дивизіею, отъ 10 іюня 1847 г. за № 25., за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ опредѣленъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ рядовымъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ съ воспрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій. Холостъ. Состоитъ въ компклектѣ».—Какъ рядовой и при томъ поднадзорный солдатъ, Шевченко долженъ былъ жить въ казармѣ вмѣстѣ съ другими солдатами. Солдатская казарма и въ наше время, когда на нее обращено довольно строгое вниманіе въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніи, не всегда удовлетворяетъ самымъ необходимымъ требованіямъ гигіены. Какова же была казарма въ Орскѣ, въ пустынной крѣпости полвѣка назадъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ лежащая предо мною копія съ рисунка, на которомъ Шевченко изобразилъ эту казарму во всемъ ея неприглядномъ, но правдивомъ видѣ. —Рисунокъ этотъ сдѣланъ тушью въ 1847 г., онъ представляетъ внутренность длинной и довольно низкой комнаты, наполненной людьми. На первомъ планѣ нары, и на нихъ постоянные обитатели казармы —солдаты, размѣстившіеся на ночь, кто какъ могъ; но одному изъ нихъ мѣста хватило, такъ сказать, только на половину: ноги его висятъ съ наръ. На всѣхъ лицахъ выражается усталость, доходящая до отупѣнія. Возлѣ наръ на полу разбросаны сапоги и иныя принадлежности ко-

стюма. Вторая група представляетъ безшабашное заливаніе водкою усталости и горя; здѣсь идутъ пѣсни, хохотъ, крикъ, шумъ и, вообще, что-то дико-вакхическое. Съ правой стороны наръ при входѣ въ казарму пріютился на табуреткѣ Шевченко; онъ чинитъ неумѣлою рукою солдатскую амуницію Передъ нимъ — мальчикъ-киргизенокъ. Стѣны казармы увѣшаны солдатскою амуниціей, рубахами и другими принадлежностями солдатскаго костюма. Сквозь сгустившійся отъ испареній и дыма воздухъ едва пробивается тусклый свѣтъ убогаго освѣщенія сальной свѣчи. Сердце сжимается, когда глядишь на это художественное изображеніе своего рода мертваго дома. Въ немъ собраны люди разныхъ національностей, разныхъ религій, разныхъ темпераментовъ и характеровъ, разной культуры... Они стекались сюда по неволѣ съ разныхъ концовъ Россіи; у каждаго изъ нихъ есть свое *я*; но каждый изъ нихъ сознаетъ, что это свое *я* онъ обязанъ скрывать подъ покровомъ казарменнаго равенства и, чтобы не нарушить послѣдняго, долженъ таить свои мысли и желанія, спрятать душу и сердце человѣка и объединиться одинаково со всѣми товарищами въ образѣ солдата.

Въ казармѣ, особенно полвѣка назадъ, не было и не могло быть человѣка: это было жилище солдата, большею частью приниженнаго силою различныхъ неблагопріятныхъ случайностей.

Обыденная жизнь Шевченка, какъ и всѣхъ товарищей его по казармѣ, проходила такимъ образомъ. Рано, въ 6-мъ часу утра, нужно было вставать по барабану и черезъ часъ по призыву того же барабана отправляться на ученіе. «Муштра» (ученье) на плацу продолжалась три часа, послѣ чего давался часъ отдыха. Послѣ обѣда изъ казарменнаго котла, опять два часа упражненій въ «шагистикѣ» и въ ружейныхъ пріемахъ.. Послѣ отдыха начиналась въ казармѣ для «новобранцевъ», и въ томъ числѣ и для Шевченка, новая наука—наука «словесности», т. е. выучиванье со словъ ефрейтора или фельдфебеля именъ, отчествъ, фамилій титуловъ и т. п. величанія начальства отъ ротнаго командира до военнаго министра включительно. Послѣ ужина и молитвы—«заря», и тогда уже, т. е. въ 9 часовъ вечера, въ казармѣ наступала ночь.... «Начинались разсказы, говоритъ Шевченко въ письмѣ къ княжнѣ В. Н. Репниной отъ 25 февраля 1848 г.[1]), о томъ, кого били, кого обѣщали бить... крикъ, шумъ, балалайка». Все это производило такое вліяніе на поэта, что онъ не въ состояніи былъ выносить и долженъ былъ уходить изъ казармы къ кому-либо изъ офицеровъ, но здѣсь случалось хуже, чѣмъ въ казармѣ. Около 11 часовъ ночи въ казармѣ, «освѣщенной одной сальной свѣчей, водворялась тишина... все спитъ»[2]).

---

[1]) Кіев. Стар. 1893 г., кн. 2, стр. 264.

[2]) Тамъ же.

Тогда поэтъ начиналъ иногда писать письма къ знакомымъ; въ большинствѣ же случаевъ въ тишинѣ ночи муки терзали его душу:

„Осядуть думы, розибьють
На стократъ сердце и надію,
И те, що вымовыть не вмію
И все на свити проженуть,
И спынять ничь: часы литамы,
Виками глухо потечуть....
И я кривавымы слезами
Не разъ постелю омочу“ [1]).

Изнемогая подъ гнетомъ такого душевнаго состоянія, поэтъ умоляетъ Бога.

„Щобъ свитало,
Мовъ воли сонця свиту жду;
Цвиркунъ замовкне, „зорю“ бьють—
Благаю Бога, щобъ смеркало;
Бо на позорыще ведуть
Старого дурня муштроваты“[2]).

Въ такомъ положеніи день за днемъ проходила недѣля. Наступалъ воскресный день — отдохновенья — муштры нѣтъ. Поэтъ тайкомъ, «словно воръ», пробирался за валами крѣпости на берега Ори и Урала, въ степь «на волю». Мертвая пустыня не можетъ успокоить живой

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. 2 стр. 108. „Обступятъ думы и въ дребезги разобьютъ и сердце, и надежды, и то, что не сумѣю и высказать и все—все прогонятъ; остановятъ теченіе ночи; часы тянутся глухо годами, вѣками, и я не разъ смочу кровавыми слезами свою постель“.

[2]) Ibidem: „Умоляю Бога, чтобы скорѣе развсвѣтало. Какъ солнца-свободы, ожидаю утра. Сверчекъ умолкнетъ, бьютъ „зорю“, и я умоляю Господа, чтобы скорѣе приходилъ вечеръ, потому что меня стараго дурня ведутъ на позоръ—на ученіе.

души; «здѣшняя мѣстность грустная и однообразная, жалуется нашъ поэтъ [1]), тощія рѣки Уралъ и Орь; обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь. Иногда степь оживляется бухарскими караванами на верблюдахъ, какъ волны моря, зыблющіяся вдали, и жизнью своею удваиваютъ тоску, «отъ которой у поэта болящее сердце встрепенется, какъ рыба въ водѣ».

Поэтъ иногда какъ будто оживаетъ, всходитъ на гору, начинаетъ сравнивать природу родного края съ тою, которая окружаетъ его: и тамъ и здѣсь степи; но какая разница! Тамъ степи зеленыя, голубыя, «мережаніи», усѣянныя высокими курганами; здѣсь степь красно-рыжая... Здѣсь—пески, сорныя травы, тамъ—зеленые луга... Хоть бы одинъ курганъ, который говорилъ бы о прошломъ! Словно никогда здѣсь люди не жили, словно пустыня отъ вѣка пряталась отъ насъ; но мы ее нашли, построили уже и крѣпости... вскорѣ будутъ и могилы!» [2]).

Мрачное, угнетенное настроеніе духа усиливается, когда поэтъ подойдетъ къ «мѣновому двору», гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры. Какой стройный народъ бухарцы! Какія прекрасныя головы и постоянная важность безъ малѣйшей гордости. А киргизы—такъ живописны, такъ оригинальны, такъ наивны, сами просятся подъ карандашъ... Сколько бы я вамъ прислалъ новыхъ рисунковъ,

---

1) Кіев. Стар., февраль 1893 г., стр. 262.
2) Кобзарь 1876 г., т. 2 стр. 108.

пишетъ Шевченко княжнѣ Репниной,[1]) еслибы можно было рисовать! Но мнѣ строжайше запрещено писать и рисовать чтобы то ни было. Смотрѣть и не рисовать—это такая мука, которую пойметъ одинъ только истинный художникъ...».

«Маршъ въ казармы!»—слышится поэту въ минуты такого тягостнаго, гнетущаго раздумья «Айда въ неволю!» Онъ вздрагиваетъ... и опять, «словно воръ», прокрадывается подъ валами въ казарму, [2]) а въ казармѣ опять та-же «муштра», тѣ же сцѣны, тѣ же пѣсни и разсказы!...

III.

Между тѣмъ къ «муштрѣ» у Шевченка не только не было ни малѣйшаго призванія, ни малѣйшихъ способностей, да и фигура его была довольно неуклюжая, ходилъ онъ, переваливаясь съ боку на бокъ; кромѣ того въ немъ сидѣло какое-то прирожденное чувство предубѣжденія противъ воинской «муштры».

«Въ дѣтствѣ, сколько я помню себя, «признается поэтъ въ своихъ запискахъ[3]), «меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми. Когда же я началъ приходить въ возрастъ разумѣнія вещей, во мнѣ зародилась неодолимая антипатія къ воинству. Антипатія усиливалась по мѣрѣ моего сближе-

[1]) Кіев. Стар., февр. 1893 г., стр. 263.
[2]) Кобзарь, 1876 г., т. 2, стр. 108.
[3]) Основа 1861 г., кн. 6. Дневникъ Шевченка.

нія съ людьми этого сословія и возросла до отвращенія. И надо же было коварной судьбѣ моей такъ ядовито, злобно посмѣяться надо мною, толкнувъ меня въ самый осадокъ этого сословія... Нельзя было придумать для меня ужаснѣе кары, какъ сослать меня солдатомъ въ Отдѣльный Оренбургскій Корпусъ. Вотъ гдѣ причина моихъ невыразимыхъ страданій и ко всему этому я не могу ни писать, ни рисовать»[1]).

На тяжесть страданій поэтъ жалуется и въ письмѣ къ княжнѣ Репниной отъ 24 октября 1847 г.[2]) и къ своему другу Лизогубу[3]): «всѣ прежнія страданія мои, говоритъ онъ, въ сравненіи съ настоящими—были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько». Само собою понятно, что всѣ эти чувства поэтъ долженъ былъ скрывать въ себѣ, особенно тогда, когда, бывало, «выведутъ его на площадь, какъ безсловесное животное на позоръ и униженіе... Трудно, тяжело, невозможно заглушить въ себѣ всякое человѣческое достоинство, вспоминаетъ онъ въ своихъ запискахъ[4]), стать на вытяжку, слушать команду и двигаться, какъ бездушная машина»... «Съ трепетнымъ замираніемъ сердца я фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся предъ лицо отца-командира сдать экзаменъ въ «пунктикахъ», ружейныхъ пріемахъ и въ заключеніе выслушать длиннѣйшее наставленіе о томъ, какъ дол-

[1]) Кобзарь 1895 г., т. 3 стр. 18.
[2]) Кіев. Стар. 1893 г., кн. 2, стр. 262.
[3]) Жизнь и произв. Шевченка. 1882 г., стр. 67.
[4]) Записки Шевченка. Кобзарь, т. 3.

женъ вести себя бравый солдатъ... Я долженъ былъ похоронить въ себѣ всякое человѣческое чувство, сдѣлаться бездушнымъ автоматомъ и слушать молча, не краснѣя, не блѣднѣя»...

Всѣ, кто видѣлъ въ тѣ годы Шевченка, утверждаютъ, что достаточно было взглянуть на его неуклюжую фигуру, чтобы убѣдиться въ неспособности его къ военной выправкѣ. Бывшій впослѣдствіи командиромъ той роты, къ которой принадлежалъ Шевченко, полковникъ Косаревъ разсказывалъ генералу Н. Д. Нов—му:[1]) «Стоило только на ученьи взглянуть на фигуру Шевченка подъ ружьемъ, чтобы васъ разобрали смѣхъ и горе. Ну, видимо, что человѣкъ совсѣмъ, какъ есть, неспособенъ къ тому». Но ротный командиръ, поручикъ Богомоловъ, не обращалъ на это вниманія и «муштровалъ» поэта. Батальонный командиръ, майоръ Мѣшковъ, человѣкъ, очевидно, гуманный, вздумалъ дѣйствовать на самолюбіе Шевченка и, «желая задѣть его за живое», сказалъ однажды ему, что, когда онъ будетъ офицеромъ (у Шевченка было «право выслуги»), то не будетъ умѣть войти въ порядочную гостинную, если не выучится, какъ слѣдуетъ бравому солдату, «вытягивать носки»... «Однако-же», признается поэтъ: «это не задѣло меня за живое... я и въ мысли всегда боялся быть похожимъ на браваго солдата»[2]). Неспособность Шевченка къ военной службѣ была такъ велика, что въ теченіе десяти лѣтъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. 3, стр. 573.
[2]) Кобзарь, т. 3 стр. 19.

онъ не могъ изучить не только основательно, но даже поверхностно ни одного ружейнаго пріема. Шагистика, какъ говоритъ Косаревъ, ему также совершенно не далась.

Облегчить душевное состояніе, хотя на время свободное отъ военныхъ упражненій можно бы было обществомъ товарищей, чтеніемъ, письмами и т. п. Было ли у нашего поэта хоть одно изъ этихъ, если не развлеченій, то хоть отвлеченій?

Объ обществѣ товарищей по казармѣ или по «оружію», т. е. объ обществѣ темныхъ, грубыхъ, нерѣдко пьяныхъ, солдатъ, нечего и говорить. Правда между ними были конфирмованные «господа-дворяне»; но всѣ эти конфирмованные своими нравственными качествами только отталкивали отъ себя Шевченка. «До прибытія моего въ Орскую крѣпость», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ:[1]) «я и не воображалъ о существованіи такихъ гнусныхъ исчадій нашего общества. И первый этого разбора мерзавецъ поразилъ меня своимъ зловреднымъ существованіемъ, особенно, когда мнѣ сказали, что онъ тоже *несчастный*, такъ же, какъ и я, разжалованный, слѣдовательно, мой товарищъ по званію и по квартирѣ, т. е. по казармѣ. Слово *несчастный* имѣло для меня всегда трогательное значеніе, пока я не услышалъ его въ Орской крѣпости. Тамъ оно для меня опошлѣло. По распоряженію корпуснаго командира Обручева, я имѣлъ

[1]) Основа 1861, кн. VI, стр. 8 и Кобзарь, т. 3, Записки 25 іюня.

случай (въ 1850 г.) просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клейменными каторжниками и нашелъ, что къ тѣмъ заклейменнымъ злодѣямъ слово *несчастный* больше къ лицу, нежели къ этимъ растлѣннымъ сыновьямъ безпечныхъ эгоистовъ-родителей».

Въ біографическихъ очеркахъ Маслова, Чалаго и Стороженка сказано, что общество офицеровъ обращалось съ Шевченкомъ въ Орскѣ по-товарищески. Источникъ, изъ котораго почерпнуты эти свѣдѣнія, мнѣ неизвѣстенъ. Правда, въ одномъ письмѣ къ Репниной Шевченко говоритъ: «меня всѣ они (офицеры) приглашаютъ, какъ товарища,» но тутъ же добавляетъ: «вообразите мою муку; здѣсь (у офицеровъ) хуже казармъ, и эти люди, да проститъ имъ Богъ, съ большой претензіей на образованность и знаніе приличій потому только, что присланы изъ Западной Россіи. Боже мой! неужели и мнѣ суждено сдѣлаться такимъ же? Страшно!» [1]).

Нѣтъ, въ обществѣ офицеровъ Шевченко не могъ найти душевнаго успокоенія и отдыха. «Товарищескія отношенія офицеровъ» пріобрѣтались «порядочнымъ количествомъ водки и закусками» [2]), а иногда просто безвозвратною ссудою денегъ. Изъ оффиціальныхъ источниковъ извѣстенъ такой, напр., случай. Поручикъ того же 5 батальона Бархвицъ, не имѣя собственныхъ средствъ для того, чтобы съѣздить въ

[1]) Кіев. Стар. 1893, кн. 2, стр. 264.
[2]) Жизнь и произведенія Шевченка, Чалый, стр. 66.

Оренбургъ, занялъ у Шевченка 68 р., да какъ то и забылъ о нихъ. Черезъ два года Шевченко вынужденъ былъ просить свое начальство о понужденіи Бархвица къ возврату денегъ, занятыхъ, конечно, на честное слово. Бархвицъ даже обидѣлся такимъ требованіемъ! Отказываясь отъ займа когда бы то ни было денегъ у Шевченка, онъ просилъ «съ рядовымъ Шевченкомъ за ложное предъявленіе претензіи поступить по всей строгости законовъ».[1])

Читать у Шевченка, въ продолженіе почти цѣлаго года ничего не было, кромѣ библіи, выданной ему во время содержанія подъ арестомъ въ Петербургѣ. «Вотъ уже болѣе полугода», писалъ онъ Репниной:[2]) «я никакого понятія не имѣю о нашей бѣдной современной литературѣ. Я просилъ бы васъ, добрая Варвара Николаевна, пришлите мнѣ послѣднія сочиненія Гоголя и, если можно,—Чтенія Московскаго Археологическаго общества, изданныя Бодянскимъ». Конечно, княжна, по возможности, удовлетворила просьбу своего друга; но книги онъ получилъ уже въ 1848 г.

Тяжело, какъ уже мы видѣли, было для Шевченка запрещеніе писать и рисовать: «писать запретили», говоритъ онъ въ запискахъ: «за сочиненіе возмутительныхъ стихотвореній; а а за что запретили рисовать?»... «Свидѣтельствуюсь Всемогущимъ Богомъ!»—писалъ онъ [3])

---

[1]) Кіев. Стар. 1891 г., кн. 2, стр. 335.
[2]) Ibidem, 1893 г., кн 2 Письма Шевченка.
[3]) Кіев. Стар. 1894 г., кн. 2 и Правда 1894 г., № 2.

10 января 1850 г. къ начальнику бывшаго III отдѣленія генералу Л. В. Дубельту, «что я въ жизнь мою не рисовалъ ничего преступнаго»... Замѣтимъ кстати, что Шевченко и послѣ неоднократно, напримѣръ, въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, профессору Ѳ. М. Бодянскому [1]), къ артисту Артемовскому [2]), къ доктору А. О. Козачковскому [3]) и въ своихъ запискахъ [4]) — утверждалъ, что въ жизни своей ничего преступнаго не рисовалъ. Конечно, такое сознаніе не могло не усиливать его душевныхъ страданій: «смотрѣть на предметъ и не смѣть рисовать его —это мука!»—справедливо соболѣзнуетъ онъ; потому-то поэтъ-художникъ старается удовлетворить потребность своей души—хоть разсматриваніемъ чужихъ и прежнихъ своихъ рисунковъ, съ которыми были соединены дорогія для него воспоминанія. При арестѣ его въ Кіевѣ, у него взятъ былъ портфель съ рисунками. Предполагая, что портфель остался въ Кіевѣ у губернатора, Шевченко, по прибытіи въ Орскъ—обратился 16 іюня 1847 г. къ губернатору [5]) Фундуклею, извѣстному любителю живописи, съ просьбою о возвратѣ ему портфеля. «Въ портфелѣ томъ, писалъ онъ, есть оригинальный рисунокъ извѣстнаго французскаго живописца Вато. Если вамъ угодно будетъ пріобрѣсти его, то я охотно уступилъ бы его за цѣну, какую вы

---

[1]) Русск. Стар. 1883 г., сентябрь, стр. 642.
[2]) Основа, 1862 г., кн. VII.
[3]) Тамъ же.
[4]) Кобзарь, т. 3, стр. 20.
[4]) Кіев. Стар. 1894 г.. кн. 2, стр. 321.

назначите; предложилъ бы вамъ и виды Кіева; но они будутъ здѣсь напоминать мнѣ нашъ прекрасный Кіевъ».

Отъ губернатора не послѣдовало и не могло, конечно, послѣдовать никакого отвѣта, потому что, по просьбѣ самого же художника, обращенной еще въ Петербургѣ къ шефу жандармовъ гр. А. Ф. Орлову, отобранныя у него въ Кіевѣ вещи: шкатулка съ красками, портфель съ рисунками и пр. были истребованы въ III отдѣленіе, и 15 іюля за № 1194 гр. Орловъ распорядился объявить Шевченку, «что предметы тѣ оказались совершенно незначительными и не заслуживающими пересылки, а потому и оставлены они при дѣлахъ III отдѣленія собствен. Е. И. В. Канцеляріи».[1])

Конечно, художникъ — безправный солдатъ обязанъ былъ подчиниться безпрекословно этому распоряженію; но въ сердцѣ у него не могло не прибавиться огромной дозы скорби и сожалѣнія о рисункахъ, обреченныхъ на истлѣніе въ архивѣ III отдѣленія.

IV.

Воспрещеніе Шевченку *писать* было выражено въ такой ясной и категорической формѣ, что, казалось, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно относится *только* къ «возмутительнымъ и пасквильнымъ сочиненіямъ» [2]). Такъ понялъ его и конфирмован-

---

[1]) Истор. Вѣст. 1886 г., кн. I, стр. 169.
[2]) Русскій Архивъ 1892 г., кн. 7, стр. 345.

ный; такъ, по его словамъ,[1]) разъяснилъ ему и генералъ Дубельтъ. Поэтому Шевченко и считалъ себя въ полномъ правѣ, безъ нарушенія Высочайшей воли, вести свободно, безъ цензуры переписку съ друзьями и знакомыми. Извѣстно, что переписка составляетъ потребность души каждаго человѣка, тѣмъ болѣе человѣка образованнаго, а для человѣка, очутившагося въ такомъ положеніи, какъ Шевченко, она не только потребность, но великое и лучшее душевное лѣкарство.

Письма друзей дѣйствуютъ животворно на угнетенное состояніе духа, освѣжаютъ его, бодрятъ, перенося душу въ родной край. Читая ихъ, изгнанникъ, хотя на нѣсколько мгновеній, забываетъ, что онъ внѣ родины, въ изгнаніи; ему кажется, что онъ въ кругу своихъ друзей, на родинѣ бесѣдуетъ съ тѣмъ, чье письмо читаетъ..

Первые четыре мѣсяца своего пребыванія въ Орскѣ Шевченко очевидно находился въ такомъ угнетенномъ состояніи духа, что не могъ собраться съ силами даже написать къ друзьямъ. По крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно, чтобы онъ до конца октября 1847 г.—писалъ къ кому нибудь изъ друзей на родину. Друзья же его, естественно, не могли отозваться къ нему до полученія отъ него извѣстія и адреса.

Первое письмо его изъ Орска отъ 22 октября было къ А. И. Лизогубу. «На другой день, какъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1896 г., кн. 2 стр.

я отъ васъ уѣхалъ, писалъ онъ, меня арестовали въ Кіевѣ; на 10-й день посадили въ казематъ въ Петербургѣ, а черезъ три мѣсяца я очутился въ Орской крѣпости въ сѣрой солдатской шинели... Еще слава Богу, что мнѣ удалось закрѣпить свое сердце такъ, что муштруюсь себѣ и только... Мнѣ строжайше запрещено рисовать и писать, кромѣ писемъ... Тоска да и только... Читать—хоть бы на смѣхъ одна буква... Брожу по-надъ Ураломъ... нѣтъ! Не плачу, а что-то худшее происходитъ со мною»! [1])

Черезъ день, т. е. 24 октября, въ письмѣ къ княжнѣ Репниной [2]) поэтъ-художникъ говоритъ: «По ходатайству вашему я былъ опредѣленъ въ Кіевскій университетъ (преподавателемъ рисованія) и въ тотъ самый день, когда пришло опредѣленіе, меня арестовали, а 30 мая мнѣ прочитали конфирмацію, и я былъ уже не учитель Кіевскаго университета, а рядовой солдатъ Оренбургскаго линейнаго гарнизона... Я теперь прозябаю въ киргизской степи въ бѣдной Орской крѣпости. Вы непремѣнно разсмѣялись бы, если бы увидѣли меня теперь. Вообразите себѣ неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами —и это буду я... Смѣшно, а слезы катятся. Видно, правда, что я мало терпѣлъ въ своей жизни, и прежнія страданія мои въ сравненіи съ настоящими—были дѣтскія слезы... Горько, невыносимо горько .. Но все-таки я почитаю

[1]) Жизнь и произведенія Шевченка, Чалый, стр. 69.
[2]) Кіев. Стар. 1893 г., кн. 2, стр. 262.

себя счастливымъ по сравненію съ Кулишомъ и съ Костомаровымъ: у перваго прекрасная, молодая жена, а у второго бѣдная, добрая старуха-мать, а ихъ постигла та же участь, что и меня, и я не знаю, за какое преступленіе они такъ страшно поплатились»...

Кромѣ переписки съ друзьями, въ положеніи, подобномъ тому, какое переживалъ нашъ поэтъ въ Орскѣ, чрезвычайно важнымъ, если не успокоеніемъ души, то хоть облегченіемъ бываетъ веденіе дневника. Но возникаетъ до сихъ поръ нерѣшенный вопросъ: велъ ли его Шевченко въ Орскѣ? Въ письмѣ къ кн. Репниной отъ 27 февраля 1848 г. [1]) онъ писалъ: «со дня прибытія моего въ Орскую крѣпость я пишу дневникъ свой. Сегодня развернулъ тетрадь и думалъ сообщить вамъ хоть одну страницу—и что-же? Такъ однообразно-грустно, что я самъ испугался и сжегъ свой дневникъ на догорающей свѣчѣ; я дурно сдѣлалъ, мнѣ послѣ жаль стало моего дневника, какъ матери—своего дитяти, хотя и урода»...

Но эти слова находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дошедшими къ намъ записками поэта, веденными въ 1857 г. Здѣсь, на стр 8, онъ говоритъ, что записки свои ему слѣдовало бы начать съ того времени, когда его «высвятили въ новый санъ», т. е. съ 1847 г. Вспомнивши эти тяжелыя 10 лѣтъ, поэтъ радуется, что *тогда* не пришла къ нему мысль вести за-

[1]) Кобзарь, т. III.

писки. «Что бы я записалъ въ нихъ? Правда, въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ, я видѣлъ даромъ то, что не всякому удается видѣть; но какъ я смотрѣлъ на все это? Какъ арестантъ смотритъ изъ-за рѣшетчатаго окна на веселый свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о пережитомъ и видѣнномъ въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ, а что же бы было, если бы я записалъ эту мрачную декорацію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми пришлось разыгривать эту мрачную, монотонную десятилѣтнюю драму?»

Какъ согласить это противорѣчіе — писалъ ли или не писалъ Шевченко свой дневникъ въ первое полугодіе своего пребыванія въ Орскѣ?

Профессоръ Н. М. Стороженко [1]) думаетъ, «что трудно согласиться, чтобы поэтъ совершенно позабылъ о своемъ первомъ дневникѣ, чтобы коварная память не подсказала ему такого сравнительно важнаго въ его жизни факта. Скорѣе надо предположить, что онъ сознательно скрылъ истину, не желая подводить подъ отвѣтственность своихъ добрыхъ начальниковъ, которымъ навѣрное досталось бы, если бы дошли слухи, что Шевченко, вопреки запрещенію, имѣлъ возможность сочинять».

Съ такимъ предположеніемъ невозможно согласиться. Шевченко въ іюнѣ 1857 г., когда началъ вести дневникъ, не имѣлъ никакого основанія скрывать правду передъ самимъ собою;

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. X.

отъ всякихъ случайностей, въ родѣ обыска, онъ, благодаря коменданту Ускову, былъ тогда на столько обезпеченъ, что записки его не могли попасть въ нежелательныя руки. Въ этомъ онъ былъ *увѣренъ*, иначе не помѣстилъ бы въ своемъ дневникѣ тѣхъ обстоятельствъ и рѣзкихъ выраженій о нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицахъ, какія мы встрѣчаемъ. Да если бы и попались его записки,—онъ это хорошо сознавалъ,—то «подвести свое начальство подъ отвѣтственность» онъ не могъ... Какая въ самомъ дѣлѣ могла быть отвѣтственность начальства, если бы Шевченко въ запискахъ 1857 г. вспомнилъ, что писалъ дневникъ въ 1847 г.? Не боялся же онъ говорить объ этомъ въ письмѣ къ Репниной?

Навѣрное можно предположить, что послѣднее было гораздо рискованнѣе: письмо могло попасться скорѣе, чѣмъ записки 1857 г., и надѣлать несравненно больше бѣды. Наконецъ, если бы онъ былъ побуждаемъ желаніемъ «сознательно скрыть истину», такъ онъ промолчалъ бы о дневникѣ 1847 г.

Трудно допустить возможность сжечь ночью въ казармѣ на свѣчѣ дневникъ за 7 мѣсяцевъ... сжечь незамѣчено никѣмъ изъ товарищей; но для меня еще труднѣе допустить, чтобы Шевченко умышленно самъ себя обманывалъ въ запискахъ 1857 г. Я готовъ думать, что поэтъ подъ именемъ дневника, упоминаемаго въ письмѣ къ кн. Репниной, разумѣлъ какія-нибудь *коротенькія* замѣтки; вѣроятно, ихъ было такъ

немного, что сожженіе ихъ на свѣчѣ могло произойти безъ всякихъ послѣдствій... Иначе пришлось бы намъ допустить, что Шевченко писалъ къ Репниной о дневникѣ неправду. Но этого поэтъ, по своей правдивости и чувству уваженія къ княжнѣ, *никогда сдѣлать не могъ.*

V.

Столь рѣзкая перемѣна, происшедшая во всемъ образѣ жизни поэта, и вся сумма условій и обстановки, новой, отталкивающей до антипатіи, жизни не могли естественно не повлíять неблагопріятно и на здоровье его.

Сперва онъ заболѣлъ ревматизмомъ. Съ точностью нельзя опредѣлить, когда именно началась болѣзнь и когда послѣдовало выздоровленіе. Въ октябрьскихъ письмахъ его о болѣзни онъ не упоминаетъ, а въ письмѣ къ Лизогубу отъ 11 декабря 1847 г. говоритъ[1]): «въ осени мучилъ меня ревматизмъ».—Слѣдовательно, болѣлъ онъ въ ноябрѣ. Послѣ ревматизма постигла его страшная цынга. Начальство дозволило ему перейти по случаю болѣзни изъ казармы на вольную квартиру къ какому-то уральскому козаку[2]). Недолго однако же поэтъ провелъ внѣ казармъ. Въ письмѣ къ В. М. Лазаревскому 20 декабря 1847 года онъ писалъ[3]): «Тяжело мнѣ. Сперва я смѣло посмотрѣлъ бѣдѣ въ глаза и думалъ, что это была сила воли, но я тогда не

[1]) Чалый, стр. 68.
[2]) Самар. газета, 1893 г.
[3]) Кіев. Стар., 1891 г., кн. 2.

разглядѣлъ дна той бездны, въ которой очутился. А теперь, какъ разглядѣлъ, такъ душа моя убогая разлетѣлась, словно пыль по вѣтру. Кромѣ того, что здѣсь не съ кѣмъ слова молвить, кромѣ тоски, которая лютой гадиной впилась въ сердце, кромѣ всѣхъ бѣдъ, которыя терзаютъ душу, Богъ наказалъ меня еще и недугомъ тѣлеснымъ. Заболѣлъ я сперва ревматизмомъ. Тяжелая болѣзнь; но кое-какъ при помощи врача боролся. Много помогало и то, что я прозябалъ, хотя и въ гадкой, но все-таки свободной избѣ; но вотъ, во избѣжаніе того, чтобы я во время недуга не рисовалъ, меня опять перевели въ казарму, гдѣ табачный дымъ, смрадъ и крикъ! Но едва я началъ къ этому привыкать, какъ постигла меня цынга лютая... И я теперь, какъ Іовъ на навозной кучѣ, только некому меня навѣстить. Такъ мнѣ теперь тяжело, такъ тяжело, что если бы не надежда когда-нибудь увидѣть свою бездольную родину, то я умолялъ бы Господа о смерти.

„Такъ Днипро крутоберегый
И надія, брате!
Не дають мени въ неволи
О смерти благаты". [1])

«Тоска иногда такъ сжимаетъ сердце, что я плачу... Попросите Перовскаго (генералъ-губернатора), чтобы хотя изъ казармы меня освободили... Если бы мнѣ можно было хотя рисовать, то я

[1]) „Такъ Днѣпръ съ обрывистыми берегами и надежда не позволяютъ мнѣ въ изгнаніи молить о смерти".

не тосковалъ бы и въ сѣрой шинели, пока не дотянулъ бы до могилы».

Причиною перевода Шевченка изъ частной квартиры опять въ казарму, не смотря на его болѣзнь, послужилъ рисунокъ его, воспроизведенный во время пребыванія на частной квартирѣ. По словамъ М. Н. Басманова [1]), рисунокъ изображалъ деревню съ своими аксесуарами южной природы. На первомъ планѣ стояла старенькая хатенка, огороженная высокимъ частоколомъ. Тучи заволакивали голубое небо, но иногда изъ-за тучъ проглядывали солнечные лучи и черезъ щели частокола освѣщали хатку. Лицомъ къ частоколу, а спиной къ избѣ стоялъ министръ народнаго просвѣщенія и сѣрою солдатскою шинелью закрывалъ солнечный свѣтъ, не давая ему проникать въ избу.

Начальство, узнавъ объ этой аллегорической картинкѣ, отобрало ее и уничтожило, а Шевченка велѣло переселить въ казарму. Тѣлесный недугъ, въ особенности цынга, и при обыкновенныхъ условіяхъ производитъ угнетающее состояніе духа, а у Шевченка духъ и безъ того былъ угнетенъ. Сперва онъ — и довольно долго — болѣе полугода со дня ареста крѣпился духомъ. Извѣстно, что, какъ въ дорогѣ изъ Кіева въ Петербургъ, такъ и во время заключенія и слѣдствія, всѣ, кто видѣлъ его, замѣтили, что онъ веселъ и бодръ. Далѣе черезъ 3 $^1/_2$ мѣсяца по прибытіи въ Орскъ онъ въ письмѣ къ

---

[1]) Русск. Вѣдомости, 1895 г., № 242.

Репниной, хотя уже съ натяжкою, старается отнестись юмористически къ своей судьбѣ... Трудно ему это дается, и мы въ первыхъ письмахъ его «сквозь видимый смѣхъ видимъ незримыя слезы». Реакцію великаго духа придушили, наконецъ, матеріальныя условія, такъ что поэтъ, какъ мы видѣли уже изъ письма къ Лазаревскому, признается въ своемъ изнеможеніи. Но то, что высказалъ онъ Лазаревскому 20-го декабря о своемъ психическомъ состояніи, мы замѣтили гораздо раньше, еще въ іюлѣ, изъ письма его къ И. И. Фундуклею. Признаки потрясенія души—явились намъ орѳографическія ошибки. Правда, Шевченко не былъ крѣпокъ къ русской орѳографіи, но столь рѣзкія ошибки въ письмѣ бросаются въ глаза, именно, со времени начала ссылки и возрастаютъ болѣе въ 1847—1854 гг. Потомъ онѣ понемногу уменьшаются и въ 1857-8 г. приходятъ къ прежней своей нормѣ,—до ареста Сравнивъ орѳографію въ русскихъ письмахъ. Шевченка, писанныхъ въ 1842 г., 47, 50 и 1857 г., я нашелъ одну ошибку въ первомъ году на каждыя 11 словъ, во второмъ на 6-ть, въ третьемъ на 7, въ послѣднемъ на 12. Извѣстно, что состояніе человѣческаго духа отражается не только въ бесѣдѣ устной, но и въ письмѣ: разстановка знаковъ препинанія, орѳографическія ошибки, недописки, или пропуски буквъ и словъ имѣютъ большое значеніе для характеристики психическаго состоянія и для того, чтобы составить понятіе о душевномъ состояніи поэта. Въ концѣ 1847 г. и въ началѣ 1848 г. доста-

точно обратить вниманіе на орѳографію его въ письмахъ къ Лизогубу отъ 11 декабря, особенно отъ 1-го февраля.

VI.

Тяжело начался для поэта новый 1848 г. Встрѣтилъ онъ его «наче Іовъ на гноищи». «Всѣ бѣды упали на мою голову,—скорбитъ онъ въ письмѣ 1-го февраля: тоска и безнадежность давятъ сердце; переболѣвши ревматизмомъ, а потомъ цынгой, теперь болѣю зубами и глазами». Не мало сокрушало поэта молчаніе его друзей. «Прежде бывало,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—бросишь въ собаку, а попадешь въ друга, а какъ постигла меня бѣда, такъ святой вѣдаетъ, гдѣ подѣвались друзья. Не поумирали ли? Нѣтъ, они живы, только отреклись отъ своего друга бездольнаго! А если бы они знали, что теперь одно единственное ласковое слово для меня паче всякой радости!».

Первымъ отозвался къ поэту А. М. Лизогубъ, и какъ же обрадовался больной изгнанникъ привѣту друга изъ родной Украйны!

«Я съ самой весны не слыхалъ родного слова!... Какъ получилъ ваше письмо—болѣзнь моя стала легче». А когда Лизогубъ выслалъ ему ящикъ съ красками, карандаши, бумагу и прочія принадлежности рисованія, онъ 7 марта пишетъ ему:[1]) «не знаю, обрадовался ли бы такъ голодный ребенокъ, увидѣвши свою мать, какъ

---

[1]) Чалый, стр. 41.

я обрадовался вчера, получивши твой подарокъ! До сихъ поръ я не пришелъ въ себя. Всю ночь не спалъ, все смотрѣлъ да разглядывалъ, переворачивалъ и по три раза цѣловалъ каждую краску. Да и какъ же не цѣловать, не видѣвши цѣлый годъ!... Боже мой! Боже мой! Какой тяжелый годъ. Взявши въ руки ящикъ съ красками, я какъ-будто перелетѣлъ въ мастерскую въ Седневъ [1]). Сегодня воскресенье; на муштру цѣлый день не погонятъ, и я весь день буду разсматривать твой подарокъ... Все въ ящикѣ, какъ и было: и краски, и Шекспиръ, и карандаши, и кисточки».

Сколько въ этихъ простыхъ словахъ [2]) искренней радости, задушевной благодарности! Въ нихъ мы видимъ благородную душу, все благодарное, полное любви сердце поэта-художника! Почти одновременно отозвалась своимъ теплымъ словомъ и «другъ-сестра» поэта, княжна В. Н. Репнина. Получивши 12 февраля ея письмо, Шевченко: «какъ бы отъ тяжелаго сна проснулся».— Письмо княжны «перенесло его изъ мрачныхъ казармъ на родину, въ прекрасный Яготинъ».[3]) «Какое наслажденіе воображать тѣхъ, которые вспоминаютъ обо мнѣ, хотя ихъ очень мало. Счастливъ, кто малымъ доволенъ. Въ на-

---

[1]) Мѣстечко Черниговск. уѣзда, имѣніе Лизогуба. Здѣсь Шевченко, какъ мы видѣли уже, проживалъ по долгу.

[2]) Къ сожалѣнію, нѣкоторыя слова и даже фразы въ переводѣ съ украинскаго языка—теряютъ то значеніе, которое они имѣютъ въ оригиналѣ.

[3]) Яготинъ—мѣстечко Пирятинскаго уѣзда — имѣніе *князей Репниныхъ*.

стоящую минуту я принадлежу къ счастливымъ —и, бесѣдуя съ вами», писалъ онъ 25 февраля къ княжнѣ [1]): «праздную 25-е февраля (день рожденія поэта) не шумно, какъ было прежде, а тихо, тихо, тихо и весело и этою великою радостью обязанъ вамъ».

Радость поэта, конечно, не могла быть продолжительна: это былъ краткій свѣтлый мигъ среди угрюмаго мрака казармы и муштры; да, кромѣ того пугало Шевченка новое обстоятельство. Распространился слухъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, вполнѣ основательный, что весною часть гарнизона Орской крѣпости будетъ отправлена съ экспедиціей черезъ степи къ Аральскому озеру. Шевченко боялся, чтобы и его не послали въ эту экспедицію. 28-го февраля онъ, между прочимъ, писалъ княжнѣ: «кто бывалъ въ подобныхъ степныхъ походахъ, тотъ жизнь въ Орской крѣпости сравниваетъ съ эдемомъ. Каково же должно быть тамъ, коли здѣсь эдемъ!... Болѣе всего печалитъ меня то, что туда не ходитъ почта, и придется годъ, а можетъ быть и три, если проживу, не имѣть сообщенія ни съ кѣмъ близкимъ моему сердцу... Пугаетъ меня скорбутъ, а въ степи, говорятъ, болѣзнь эта ужасно свирѣпствуетъ». Такое же опасеніе онъ высказалъ 7 марта и въ письмѣ къ Лизогубу. Ниже увидимъ, что походъ въ степь послужилъ для Шевченка значительнымъ облегченіемъ отъ казарменной жизни въ Орской крѣпости.

---

[1]) Кіев. Старина 1893 г., кн. II, стр. 264.

Мало-по-малу, друзья Шевченка начали облегчать его угнетенное состоянiе не только письмами, но и присылкою книгъ. Лизогубъ, Репнина и др. высылали ему всѣ просимыя имъ книги: сочиненiя Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Шекспира и т. п. Казалось, что просвѣчиваетъ надежда на лучшее и съ другой стороны, и именно съ той, которая наиболѣе тягостно влiяла на Шевченка. Онъ послалъ прошенiе шефу жандармовъ о дозволенiи ему рисовать пейзажи. По этой просьбѣ графъ Орловъ 30-го января 1848 г. за № 162 запросилъ командира Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генерала Обручева, «въ какомъ полку рядовой Шевченко состоитъ на службѣ, каково его усердiе, поведенiе и образъ мыслей, и заслуживаетъ ли онъ ходатайства о дозволенiи ему заниматься рисованiемъ»? «Корпусный командиръ 12 февраля запросилъ о томъ же начальника 23 дивизiи, а тотъ командира 5-го линейнаго батальона. Послѣднiй 10 марта отвѣтилъ, что рядовой Шевченко ведетъ себя хорошо, службою занимается усердно, образъ его мыслей не подаетъ повода къ чему либо предосудительному и онъ заслуживаетъ ходатайства о дозволенiи ему заниматься рисованiемъ [1]). Какъ запросъ графа Орлова, такъ и отвѣтъ батальоннаго командира естественно давали поэту надежду на удовлетворительный исходъ его просьбы; вмѣстѣ съ тѣмъ они и для командира той роты, къ которой принадлежалъ

[1]) Истор. Вѣст. 1886 г., кн. I, стр. 160.

Шевченко, служили указаніемъ о возможности нѣкотораго снисхожденія къ поэту-художнику относительно воспрещенія писать и рисовать.

Дѣйствительно, поэтическія произведенія Шевченка 1848 г. открываются стихотвореніемъ: «А нумо знову виршувать, звычайно нышкомъ», указывающимь на допущенную къ нему, хоть и строго скрытую, снисходительность. Чтобы по справедливости оцѣнить и эту ничтожную снисходительность, надо помнить, что писаніе стиховъ доставляло поэту великое облегченіе. Онъ говоритъ: [1])

„Мени легшае въ неволи,
Якъ я ихъ складаю:
Зза Днипра, мовъ, далекого
Слова прылитають
И стелются на папери,
Плагучы, сміючысь,
Мовъ ти диты, и радують
Мою сиру душу,
Убогую. Любо мени
Любо мени зъ ныме“.

VII.

«Походъ въ Раимъ», на берега Аральскаго моря, походъ, который такъ пугалъ Шевченка— былъ ничто иное, какъ задуманная правительствомъ экспедиція для описанія Аральскаго моря подъ руководствомъ капитанъ-лейтенанта Бутакова.

Бутаковъ, уроженецъ юга, кажется изъ г. Николаева. Служилъ онъ въ Черноморскомъ

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. II, стр. 113.

флотѣ и, конечно, часто бывалъ въ Одессѣ. Можно предполагать, что онъ былъ знакомъ съ княжной Репниной и съ А. И. Лизогубомъ, и въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, зналъ о судьбѣ Шевченка. Когда онъ прибылъ въ Оренбургъ, то, я предполагаю, у него уже готова была мысль—помочь поэту чѣмъ можно; въ Оренбургѣ же, безъ всякаго сомнѣнія, земляки и поклонники Шевченка не преминули просить его, чтобы онъ взялъШевченка въ свою экспедицію, какъ художника, необходимаго при описаніи береговъ Аральскаго моря. Надо думать, что въ хлопотахъ предъ Бутаковымъ наибольшее участіе приняли Сергѣй Левицкій, Ѳеодоръ Лазаревскій, Александровскій и капитанъ генеральнаго штаба Гернъ. Бутаковъ обратился съ особою запискою къ Обручеву, прося командировать Шевченка въ экспедицію. И вотъ 5 мая 1848 г. бригадный начальникъ, генералъ Федосевъ, пишетъ командиру 5 батальона, чтобы онъ, согласно распоряженію корпуснаго командира Обручева, перечислилъ Шевченка въ 4-й баталіонъ въ число тѣхъ 200 солдатъ, которые съ экспедиціей Бутакова, подъ начальствомъ генерала Шрейбера, должны отправиться въ Раимъ[1]).

Экспедиція выступила изъ Орска въ степь 11-го мая[2]), въ составѣ ея входило двѣ роты солдатъ, двѣ сотни уральскихъ козаковъ съ артилеріей и, пословамъ Косарева, 6000 киргизовъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1896 г., кн. 2, стр 130.

[2]) Туркест. Губ. Вѣд., 1891 г. № 15 и Кіев. Стар. 1896 г., кн. 2, стр. 146. Шевченко въ „Близнецахъ" днемъ выхода экспедиціи въ одномъ мѣстѣ показываетъ 12 мая, въ другомъ 22, но, очевидно,—у него ошибка.

по словамъ же Шевченка, въ экспедиціи участвовало 3000 повозокъ и 1000 верблюдовъ [1]).

Въ Раимское укрѣпленіе экспедиція прибыла 19 іюня. Если принять во вниманіе разстояніе отъ Орска, то, очевидно, что обозъ двигался очень медленно; иначе и быть не могло! Экспедиція шла черезъ безводныя голыя степи, черезъ глубокіе пески, чрезъ солончаки, подъ палящими лучами лѣтняго солнца. Въ своей повѣсти: «Близнецы» Шевченко оставилъ намъ нѣсколько картинъ этого тяжелаго путешествія. Воспользуемся нѣкоторыми изъ нихъ.

«Первый переходъ былъ пройденъ быстро и незамѣтно. На другой день экспедиція двинулась съ восходомъ солнца. Утро было тихое, свѣтлое, прекрасное. Степь была ровная безъ малѣйшей возвышенности и покрытая ковылемъ, какъ бѣлою скатертью. Чудная, но грустная картина! ни куста, ни балки, ничего кромѣ ковыля, да и тотъ стоитъ, какъ окаменѣлый, не пошевельнется. Ни шелеста кузнечиковъ, ни чиликанья птицъ, ни даже ящерица нигдѣ не сверкнетъ своимъ пестрымъ, граціознымъ хребтомъ; все мертво, нѣмо, бездыханно; только сзади глухо стонетъ какое-то исполинское чудовище: это движется обозъ экспедиціи. Солнце поднимается все выше и выше; степь начинаетъ вздрагивать, шевелиться, и черезъ нѣсколько минутъ на горизонтѣ показались бѣлыя серебристыя волны, и степь пре-

[1]) „Близнецы“, стр. 228.

вратилась въ океанъ, а боковые аванпосты начали рости и рости и мгновенно превратились въ корабли подъ парусами. Очарованіе длилось недолго; чрезъ полъ-часа степь приняла свой обычный монотонный видъ... Изъ-за горизонта начала выступать бѣлая туча, затѣмъ начали показываться клубы дыма, а къ полудню почувствовалась гарь» —Горѣла степь. Къ вечеру на встрѣчу экспедиціи показалось пламя. Все пространство, видѣнное днемъ, «облилось огненными параллельными струями. Была чудная картина».

Чрезъ 3—4 дня транспортъ остановился и дневалъ возлѣ рѣчки Каробутки. Двигаясь далѣе по безлюдной пустынной степи, усѣянной кварцемъ, экспедиція перешла въ бродъ Иргизъ и пришла къ «укрѣпленію» Иргизъ-Кала. Это была кучка мазанокъ съ камышевыми крышами, обнесенная землянымъ валомъ; мазанки больше походили на овечьи кошары, нежели на жилища людей. Когда экспедиція подходила къ Каракумамъ, о которыхъ ходило не мало ужасающихъ разсказовъ, поднялся такой холодный сѣверный вѣтеръ, что солдаты трое сутокъ не снимали шинелей; когда же вѣтеръ стихъ, наступила нестерпимая жара. До колодцевъ оставалось верстъ десять. «Никогда въ жизни, говоритъ Шевченко отъ имени вымышленнаго героя повѣсти, я не испытывалъ такой жары и никогда въ жизни не пилъ такой отвратительной воды». Колодцевъ передовой отрядъ не нашелъ, а напалъ на какую-то солено-горько-кис-

лую воду, которая пѣнилась вшами и микроскопическими пьявками. Пройдя потомъ Каракумы, открылась огромная блѣдно-розовая равнина изъ-подъ высохшаго озера, дно котораго покрылось бѣлой, какъ рафинадъ, солью. Ослѣпительный свѣтъ равнины такъ неблагопріятно повліялъ на зрѣніе солдатъ, что къ вечеру многіе ничего, кромѣ сѣраго тумана, не видѣли, а на другой день должны были закрывать глаза черными волосяными сѣтками. Еще нѣсколько дней тянулось путешествіе по обнаженной и раскаленной песчанной степи. Послѣдній переходъ передъ Раимомъ должны были сдѣлать ночью, потому что днемъ въ тѣни ртуть поднималась до 40°. Въ теченіе пяти минутъ пеклось яйцо въ пескѣ.

Но вотъ и Раимъ! Крытая камышомъ длинная казарма составляла все укрѣпленіе. Навстрѣчу экспедиціи вышелъ весь гарнизонъ съ блѣдными, безотрадными, точно у арестантовъ, лицами [1]).

Какъ же въ этомъ тяжеломъ путешествіи чувствовалъ себя украинскій Кобзарь?

Агатъ Ѳеодоровичъ К..., который былъ въ то время фельдфебелемъ одной изъ ротъ, разсказываетъ, [2]) что день, въ который экспедиція выступила изъ Орска, былъ тихій, знойный, солнце жгло безъ милосердія. Киргизы поснимали съ себя верхніе халаты. Едва переправились черезъ рѣчку Орь и пошли зеленой степью, Шевченко сразу упалъ. Жара свалила его. Къ нему под-

[1]) Близнецы, 228—235.
[2]) Русск. Вѣд., 1895 г., № 242.

Т. Г. Шевченко въ 1848 г. въ экспедицiи Бутакова.

бѣжали лѣкарь, офицеры. Ротный командиръ началъ было кричать на него, но, увидѣвши, что дѣло не ладно, велѣлъ положить его на телѣгу и продолжать путь...

Первый біографъ Шевченка, Масловъ, разсказываетъ, что весь походъ поэтъ сдѣлалъ пѣшкомъ, отдѣльно отъ роты, какъ художникъ-волонтеръ. Люди образованные, которые были въ экспедиціи, обращались съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и оказывали ему нѣкоторыя услуги.

Кочевая жизнь, полная для поэта-художника особаго интереса, новизна впечатлѣній и привѣтливое обращеніе съ нимъ начальника экспедиціи — возвратили Шевченку временное душевное спокойствіе и заставили забыть настоящее. Раздолье степей, по которымъ шла экспедиція, напоминало ему родныя украинскія степи».[1])

Не знаю, откуда Масловъ получилъ такія свѣдѣнія, предполагаю, что отъ княжны Репниной, которая слышала ихъ, вѣроятно, отъ лица, не участвовавшаго въ экспедиціи. Во всякомъ случаѣ «возвращеніе спокойствія и забвеніе настоящаго» представляются крайне сомнительными, а раздолье киргизской степи, если и напоминало поэту родныя его степи Украины, то, конечно, напоминало такимъ образомъ, который исключаетъ душевное спокойствіе. Г. Чалый передалъ въ своей книгѣ [2]), со словъ участника

[1]) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Москва, 1874 г., стр. 32.

[2]) Жизнь и произвед. Шевченка, стр. 73.

экспедиціи капитана Макшеева, разсказъ, который, по моему мнѣнію и при сравненіи съ «Близнецами», представляется болѣе близкимъ къ дѣйствительности. Макшеевъ на первомъ переходѣ познакомился съ поэтомъ и предложилъ къ услугамъ его для ночлега свою войлочную кибитку. Шевченко принялъ обязательное предложеніе. Весь походъ онъ сдѣлалъ пѣшкомъ въ штопаномъ плохенькомъ пальтишкѣ; онъ былъ веселъ и доволенъ перемѣною своего положенія; походная обстановка его не тяготила. Онъ много разсказывалъ о своихъ мелкихъ приключеніяхъ, но о крупныхъ и политическихъ никогда не говорилъ ни слова. На другой день по выходѣ изъ Орска поэтъ видѣлъ выжиганіе киргизами степи; по просьбѣ генерала Шрейберга, нарисовалъ акварелью этотъ пожаръ и подарилъ рисунокъ Шрейбергу.

Изъ писемъ поэта къ Козачковскому и Бодянскому извѣстно, что дѣйствительно весь походъ онъ сдѣлалъ пѣшкомъ. Но тяготилъ ли его походъ? Это мы увидимъ впослѣдствіи.

VIII.

По прибытіи въ Раимъ, экспедиція занялась снаряженіемъ двухъ шкунъ, заранѣе приготовленныхъ для плаванія по Аральскому морю. Прошло болѣе мѣсяца, пока шкуны были снаряжены и приготовлены къ спуску. Одну изъ нихъ назвали Михаиломъ, другую Константиномъ. Первою командовалъ Поспѣловъ, послѣд-

нею Бутаковъ [1]). Шевченко находился на «Константинѣ»...

25 іюля шкуны были спущены на Сыръ-Дарью и того же дня эскадра отправилась въ путь.

„Посунулы по сывій хвыли
Помижъ кугою—въ Сыръ-Дарью
Байдару та баркасъ чымалый" [2])

«Константинъ» была небольшая шкуна съ 27 челов. команды при четырехъ офицерахъ, для которыхъ находилась небольшая каюта; въ ней помѣщался и нашъ поэтъ-художникъ. [3])

Два мѣсяца ходилъ «Константинъ» по морю Аральскому. Плаваніе было весьма трудное, потому что мѣстныя условія его были почти неизвѣстны, море не изслѣдовано. Все время плаванія Шевченко употребилъ на срисовываніе береговъ. Само собою разумѣется, что изслѣдованіе такого обширнаго озера не могло быть произведено окончательно въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, а между тѣмъ наступившая осенняя погода съ бурными вѣтрами не давали возможности продолжать изслѣдованіе. Эскадра Бутакова направилась обратно и 23 сентября, войдя въ устье Сыръ-Дарьи, бросила якорь и остановилась зимовать въ укрѣпленіи Косъ-Аралъ, мѣстности пустынной, тоскливой.

---

[1]) Кіев. Стар. 1893 г , кн. 3, стр. 250.

[2]) Кобзарь, 1876 г., т. 1, стр. 246.

[3]) Истор. Вѣст., 1886 г., кн. 1, стр. 163.

IX.

Зима и начало весны 1849 г., проведенныя Шевченкомъ въ Косъ-Аральскомъ фортѣ, не могли не повергнуть его опять въ угнетеніе, худшее нежели то, которое онъ испытывалъ въ Орскѣ. Конечно, здѣсь ему не только никто не запрещалъ писать и рисовать; но ближайшее начальство не могло и подозрѣвать о существованіи такого запрещенія: вѣдь Шевченко былъ прикомандированъ къ экспедиціи «*по распоряженію корпуснаго командира для срисовыванія видовъ въ степи и береговъ Аральскаго моря*», но уже сама казарма въ дикой степи, отсутствіе въ ней угла, гдѣ бы поэтъ-художникъ могъ уединенно и спокойно работать; вся казарменная обстановка, сознаніе своей неволи — все, взятое вмѣстѣ, не могло благопріятствовать ни поэтическимъ, ни художественнымъ занятіямъ. Кромѣ того Бутаковъ и Макшеевъ отправились на зиму въ Оренбургъ и, такимъ образомъ, поэтъ лишился ихъ общества. Читать, кромѣ Библіи, ничего не было. Но болѣе всего томило духъ его неполученіе вѣстей отъ друзей изъ родного края. Предсказанія поэта, выраженныя въ письмахъ изъ Орска къ Лизогубу и къ Репниной, сбылись: почта приходила разъ въ полгода, и неполученіе писемъ «лютою нудьгою грызло» сердце поэта. Пока онъ находился на морѣ, онъ жилъ надеждою, что авось, по возвращеніи на берегъ, онъ застанетъ дорогія письма дорогихъ сердцу его людей. Но вотъ и пристань,

вотъ и зимній пріютъ на Косъ-Аралѣ, а писемъ нѣтъ!

„Мы довго въ мори пропадалы,
Прыйшлы въ Дарью, на якорь сталы,
Зъ „Ватагы" письма прынеслы,
И вси тыхенько зачыталы,
А мы зъ.. . ляглы
Та щось такее розмовлялы...
Я думавъ, дебъ того добра
Письма чы матырь взять на свити?[1])

горюетъ поэтъ и самъ себя спрашиваетъ:

Хиба самому напысать
Такы посланіе до себе?
А то не диждешся того
Того посланія святого,
Святои правды ни видъ кого".

Глубокою, удручающею тоскою проникнута вся поэзія Шевченка[2]), вылившаяся изъ больного сердца на бумагу во время зимовки на Косъ-Аралѣ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его того времени слышится просто отчаяніе:

„Не наче лютая змія
Ростоптана въ степу здыхае
Заходу сонця дожыдае...
О такъ-то я теперъ терплю
Та смерть изъ степу выглядаю...
А за що?... Ей-Богу не знаю...
И все такы іи люблю
Свою Украину шыроку"...

Когда же наступилъ канунъ праздника Рождества Христова, поэтъ перенесся мыслями всецѣ-

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. 1, стр. 231.
[2]) Кобзарь, 1876 г., т. 1, стр. 223—224, т. 2, стр. 113—121.

ло въ родной край, гдѣ вечеръ этого дня (Кутя) особенно чтится въ народѣ, сопровождаясь прекрасными религіозно-нравственными и семейными обычаями. Воспоминанія и окружающая поэта ужасная обстановка: холодъ, мятель, завываніе вѣтра и т. п. вызвали изъ сердца его извѣстное стихотвореніе «На Риздво», посвященное Ф. М. Лазаревскому:

.... „Наступае свято!
Тяжко його друже—брате!
Самому стричаты
У пустыни...
.... Завтра вранци
Завые голодный
Звиръ въ пустыни и повіе
Ураганъ холодный
И занесе пискомъ, снигомъ
Куринь—мою хату...
Отакъ мени доведеться
Свято зустричаты"....[1])

Въ первое время по прибытіи эскадры Бутакова для зимовки на Косъ-Аралъ случился довольно забавный эпизодъ, о которомъ Шевченко въ своихъ запискахъ [2]) разсказываетъ такъ: послѣ плаванія въ 1848 г. мы возвратились на зиму въ фортъ Косъ-Аралъ, гдѣ гарнизонъ занимали уральскіе козаки; они, увидѣвъ меня съ

---

[1]) Наступаетъ праздникъ. Тяжело встрѣчать его одинокому въ пустынѣ. Завтра утромъ завоетъ въ пустынѣ голодный звѣрь, подуетъ холодный ураганъ, снѣгомъ — пескомъ засыплетъ мою землянку... Вотъ какъ придется мнѣ встрѣчать праздникъ Рождества...

[2]) Кобзарь, т. 3, стр. 68. Основа, 1861 г., кн. IX, стр. 13—14.

широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я непремѣнно мученикъ за вѣру: донесли сейчасъ-же своему командиру, а тотъ, зазвавъ меня въ камышъ, — бацъ передо мною на колѣни: Благослови! говоритъ, батюшка! Мы уже все знаемъ». Я тоже смекнулъ въ чемъ дѣло да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный эсаулъ облобызалъ мою руку, а вечеромъ задалъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

Вскорѣ послѣ этого, уже сбривши бороду, я отправился въ Раимъ; тутъ Уральцы встрѣтили меня съ затаеннымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ предложилъ мнѣ 25 р., отъ которыхъ я неблагоразумно отказался и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табунѣ въ кибиткѣ по секрету и, если возможность позволитъ, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я.

Чтобы не нажить себѣ хлопотъ, я скорѣе оставилъ укрѣпленіе и уже аккуратно два раза въ недѣлю брилъ себѣ бороду. Случись это глупое происшествіе гдѣ на берегахъ Урала, гдѣ были бы женщины, я не раздѣлался бы такъ легко, потому что весь фанатизмъ гнѣздится въ женахъ и дочеряхъ раскольниковъ».

X.

Грустно встрѣтилъ Кобзарь Новый годъ въ той же казармѣ, въ той же дикой, безлюдной,

занесенной снѣгомъ пустынѣ. Тоска не могла не грызть души.

„Мовъ за подушне обступыла
„Мене нудьга на чужыни.
„Дежъ заховатыся мени?
„Що діяты? Уже й гуляю
„По цимъ Аралу и пышу,
„Виршую, нышечкомъ гришу,
„Богъ-зна колышніи случаи
„Въ своій души перебираю
„Та спысую, щобъ та печаль
„Не перлася, якъ той москаль,
„Въ самитню душу! Лютый злодій
„Впырается такы, тай годи!“ [1])

Но Аралъ наводилъ на душу поэта еще большую тоску. Поэтъ видѣлъ тамъ.

„И небо не вмыте, и заспани хвыли,
„И по-надъ берегомъ геть-геть,
„Неначе пьяный очеретъ
„До долу гнеться! Боже мылый!
„Чы довго буде ще мени
„Въ отсій незамкненій тюрьми,
„По-надъ отсымъ никчемнымъ моремъ
„Нудыты свитомъ? [2])

Но отвѣта ниоткуда нѣтъ... Море молчитъ, а поэтъ страдаетъ. Ни единственнаго развле-

[1]) Кобзарь, т. 1, стр. 237. „Словно за подати, окружила меня тоска на чужбинѣ. Гдѣ же укрыться? Что дѣлать? Ужъ я брожу по этому Аралу, втихомолку грѣшу, пиша стихи; вспоминаю давно минувшее, да записываю, чтобы печаль не лѣзла въ душу. Такъ нѣтъ же! Какъ свирѣпый воръ, лѣзетъ она да и только.

[2]) Небо неумытое, волны заспаны; камышъ, словно пьяный, клонится долу. Боже! долго ли я буду томиться въ этой незапертой тюрьмѣ, возлѣ этого ничтожнаго моря.

ченія; поэтъ изнемогаетъ; тоска по родинѣ усиливается; «о Господи! восклицаетъ онъ въ минуту отчаянія: дай мнѣ хотя разъ еще взглянуть на народъ свой, на прекрасную Украину!»

Пришла почта и усилила страданія, не принеся страждущему поэту писемъ изъ родного края.

„И зновъ мени не прынесла
„Ничого почта зъ Украины“.

Поэтъ, вспоминая, какъ прежде братались съ нимъ, клялись въ дружбѣ, готовъ проклясть пріятелей за молчаніе... «Но нѣтъ, нѣтъ! утѣшаетъ онъ себя: они во время холеры поумирали, иначе бъ они прислали, хотя короткое письмо». [1]) — «Никогда, говоритъ онъ, свобода не представлялась мнѣ такою свѣжею, молодою, такою прекрасною, какъ здѣсь въ неволѣ, на чужбинѣ. Выросъ я на чужбинѣ, на чужбинѣ и сѣдѣю, но, одинокому, мнѣ казалось, — нѣтъ въ мирѣ ничего лучше, прекраснѣе Днѣпра и Украины...» [2]) Однако же, безграничная любовь къ родинѣ не мѣшала ему сознавать, что и на Украинѣ тяжело живется народной массѣ: «люди, словно съ ума сошли, и молча идутъ на барщину, да еще и дѣтей своихъ ведутъ.» Крѣпостное состояніе всегда ужасало поэта. «Скверно, очень тяжело погибать здѣсь въ пустынѣ, но еще хуже на Украинѣ смотрѣть, плакать и молчать...» [3]) Однимъ словомъ, мы ви-

[1]) Кобзарь, т. 1, стр. 248.
[2]) Кобзарь, т. 2, стр. 128.
[3]) ibidem, 129.

димъ, что во время пребыванія Шевченка въ Косъ-Аралѣ его мучила тоска по родинѣ и въ то же время снѣдала скорбь, что горячо, безпредѣльно любимая имъ родина влачитъ свое существованіе въ ярмѣ крѣпостнаго права.

До сихъ поръ неизвѣстно ни того, когда именно эскадра Бутакова, а съ нею и Шевченко оставили Косъ-Аралъ и вновь отправились въ плаваніе по Аральскому морю, ни того, какъ жилось поэту во время вторичнаго плаванія. По всей вѣроятности, не весело. Спустя полгода послѣ экспедиціи, когда, слѣдовательно, впечатлѣнія ея уже значительно притупились, Шевченко 2 января 1850 г. писалъ профессору О. М. Бодянскому «прошелъ я пѣшкомъ два раза киргизскую степь до Аральскаго моря, плавалъ по нему два лѣта. Господи! какъ гадко, гадко (въ оригиналѣ: брыдко) даже вспоминать, не только разсказывать!..» [1]) Черезъ три года послѣ экспедиціи поэтъ въ письмѣ къ доктору Козачковскому 16 іюня 1852 г. писалъ, [2]) что «дальній походъ отъ Орской крѣпости до Аральскаго моря и продолжительное купанье въ морѣ были причиною того, что у меня на всемъ тѣлѣ, особенно же на ногахъ показались золотушные нарывы.»

Конечно, отношенія къ поэту Бутакова не измѣнились и въ 1849 г. Въ письмѣ отъ 14 ноября того года, Шевченко просилъ княжну Репнину, если она встрѣтится съ Бутаковымъ,

[1]) Русск. Стар. 1883 г., кн. IX, стр. 640.
[2]) Основа, 1862 г., кн. IV, стр. 18—21.

поблагодарить его за братское къ нему отношеніе, «онъ былъ мнѣ другъ, товарищъ и командиръ.» [1]) Такое же чувство благодарности къ Бутакову и Поспѣлову читаемъ мы и въ письмѣ Шевченка къ Брониславу Залѣскому въ январѣ 1854 г. [2])

Изъ времени плаванія по Аральскому морю Тарасъ Григорьевичъ разсказалъ г. Чалому въ Августѣ 1859 г. слѣдующій эпизодъ: «на Аралѣ есть пловучіе острова, образовавшіеся отъ гніенія морской растительности. Плавая однажды на небольшомъ яликѣ съ пятью матросами между высокимъ тростникомъ, они прибыли къ одному изъ такихъ острововъ. Вышедши изъ ялика, чтобы побродить на свободѣ, Шевченко спрятался въ травѣ, легъ «до горы черева» и предался поэтическому созерцанію. Матросы, не замѣтивъ его отсутствія, отчалили, потомъ, оглядѣвшись, вернулись къ острову и стали кричать и звать его: «а онъ себѣ лежитъ да молчитъ»; подумывалъ о томъ, чтобы совсѣмъ остаться, но «бисови» матросы таки нашли» [3]).

Нѣтъ у меня никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній и о томъ, когда окончила эскадра Бутакова плаваніе по морю въ 1849 г. Впечатлѣнія свои при окончаніи плаванія Шевченко выразилъ въ стихотвореніи «Готово». Онъ говоритъ:

„Прощай убогый Косъ-Арале!
„Нудьгу заклятую мою

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893, кн. 2.
[2]) Тамъ же. 1883, кн. 2.
[3]) Чалый, Жизнь Шевченка, стр. 148.

„Ты розважавъ таки два лита.
„Спасыби, друже! Похвалысь,
„Що люде и тебе знайшлы
„И зналы, що въ тебе зробыть,
„Прощай же, друже! ни хвалы,
„Ани ганьбы я не сплитаю
„Твоій пустыни. Въ иншимъ краю
„Не знаю може й нагадаю
„Нудьгу колышнюю колысь“.[1])

Бутаковъ еще до окончанія экспедиціи, именно 22-го апрѣля 1849 г. за № 173, обратился къ командиру 23 дивизіи съ такимъ представленіемъ: «въ командѣ ввѣренныхъ мнѣ судовъ находятся унтеръ-офицеръ Ѳома Вернеръ и рядовой Тарасъ Шевченко. Первый взятъ мною по предложенію полковника Матвѣева для изслѣдованія каменнаго угля, признаки коего найдены на сѣверо-западномъ берегу Аральскаго моря, а Шевченко былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ для сниманія видовъ въ степи и на берегахъ Аральскаго моря. Оба они будутъ мнѣ необходимы по возвращеніи въ Оренбургъ. Вернеръ — для составленія геологическаго описанія береговъ, а Шевченко — для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ, чего на морѣ сдѣлать не возможно было, и для перенесенія на карту гидрографическихъ видовъ послѣ того, какъ она будетъ составлена въ Оренбургѣ». Поэтому Бутаковъ просилъ отправить въ Оренбургъ вмѣстѣ съ нимъ Вернера и Шевченка [2]).

---

[1]) Кобзарь т. 1, стр. 239.
[2]) Кіев. Стар. 1896, кн. 2, стр. 131.

Корпусный командиръ генералъ Обручевъ— 12 мая далъ распоряженіе, чтобы Шевченко возвратился временно «на линію», сперва въ Орскъ, потомъ въ Оренбургъ, но съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи занятій при Бутаковѣ, былъ опять отправленъ въ Раимъ.[1]) Перспектива для Шевченка, слѣдовательно, была довольно грустная; но все же она была еще далеко; впереди ея былъ Оренбургъ съ друзьями поэта, а съ ними и надежда, что авось какъ-нибудь дѣло уладится такъ, что въ Раимъ можно будетъ не возвращаться.

10 октября Шевченко вмѣстѣ съ Бутаковымъ, Поспѣловымъ и др. выѣхалъ изъ Раима и послѣ трехнедѣльнаго путешествія по степи прибылъ 1 ноября въ Оренбургъ.[2])

XI.

Когда Шевченко прибылъ въ Оренбургъ, его встрѣтилъ искренній другъ его, «одинъ изъ благороднѣйшихъ людей», Ф. М. Лазаревскій. «Онъ не устыдился сѣрой солдатской шинели поэта и, спросивъ прежде всего, есть ли у Кобзаря чѣмъ пообѣдать,»[3]) пригласилъ его къ себѣ. У Лазаревскаго собрались привѣтствовать поэта оренбургскіе его земляки и капитанъ генеральнаго штаба Гернъ. Послѣдній принадлежалъ къ числу людей образованныхъ, развитыхъ и высокогуманныхъ. Зная, что Шевченку не совсѣмъ

[1]) Истор. Вѣстн. 1886 г., кн. 1, стр. 163.
[2]) Кіев. Стар. 1893 г., кн. 2, стр. 248 и 1896 г., кн. 2, стр. 131.
[3]) Кіев. Стар. 1893 г., кн. 2, стр. 271.

удобно получать письма на свой адресъ, Гернъ предложилъ къ услугамъ поэта свой адресъ. «Письма ко мнѣ адресуй,—писалъ Шевченко профессору Бодянскому,—въ Оренбургъ Карлу Ивановичу Герну, а меня на адресѣ не упоминай: Гернъ по штемпелю будетъ знать къ кому письмо.» [1])

Примѣру земляковъ поэта послѣдовали и изгнанники-поляки (Залѣскій, Сѣраковскій, Станевичъ и др.) и также устроили въ честь нашего Кобзаря вечеръ и «считали,—говоритъ профессоръ Стороженко [2])—за честь принимать у себя малорусскаго поэта-страдальца».— Поселился Шевченко въ Оренбургѣ въ домѣ Герна, предоставившаго въ его распоряженіе цѣлый флигель. Тутъ и матеріальная и нравственная жизнь его потекла неизмѣримо лучше! Поэтъ ожилъ; упавшій духъ его поднялся, ободрился; къ тому же, какъ увидимъ ниже, начала проявляться и надежда на офиціальное облегченіе его участи.

Прежде всего онъ возобновилъ переписку съ друзьями на родинѣ. Онъ написалъ Лизогубу. «Пишу къ тебѣ, но не знаю, живъ ли ты; вѣдь, полтора года мы не переписывались, а за такое время много воды утекло; холера, говорятъ, у васъ косила. Отзовись ко мнѣ скорѣе, тогда я тебѣ все подробно опишу, какъ я погибалъ и на морѣ и въ степи.» [3])

---

[1]) Русск. Стар. 1883, кн. IX, стр. 641.
[2]) Кіевск. Стар. 1883 г., кн. IX.
[3]) Чалый, стр. 75.

Вслѣдъ за тѣмъ—14 ноября онъ отозвался и къ Репниной. Княжна, не получая долгое время писемъ отъ своего друга-изгнанника, не зная, гдѣ онъ и что съ ним, просила Лазаревскаго «именемъ всего дорогого» сообщить ей о поэтѣ, хоть что-нибудь. «Обо мнѣ, отвѣчалъ ей поэтъ никто не зналъ, гдѣ я находился и какъ прожилъ эти полтора года. Я ни съ кѣмъ не переписывался; не было возможности: почта ходитъ въ степь два раза въ годъ.—Не много прошло времени, а какъ много измѣнилось, по крайней мѣрѣ, со мною Вы бы теперь не узнали прежняго глупо-восторженнаго поэта! Я сталъ теперь слишкомъ благоразуменъ. Вообразите: въ продолженіе почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного помысла вдохновеннаго! Проза и проза, или лучше сказать степь и степь. У меня теперь почти нѣтъ ни грусти, ни радости, зато есть моральное спокойствіе до рыбьяго хладнокровія. Ужели постоянныя несчастія могутъ такъ переработать человѣка? Да, это такъ! Я теперь совершенная изнанка бывшаго Шевченка.» [1]) Конечно, катастрофа и тяжелыя послѣдствія ея не могли не оказать своего разрушительно-нагубнаго вліянія; но все же изъ стихотвореній, написанныхъ Шевченкомъ во время пребыванія въ Оренбургѣ, нельзя не убѣдиться, что онъ преувеличивалъ происшедшія съ нимъ, какъ съ поэтомъ, перемѣны. Въ произведеніяхъ его того времени мы замѣчаемъ значительное успокоеніе

[1]) Кіевск. Стар. 1893, кн. 2, стр. 267.

и подъемъ духа. Хотя во всѣхъ нихъ по прежнему вѣетъ грусть и скорбь о закрѣпощенной народной массѣ, но иначе и быть не могло. Шевченко былъ не только поэтъ, но и глубокій патріотъ и гражданинъ. Въ оренбургскихъ произведеніяхъ его нѣтъ уже прежнихъ степныхъ нотъ, ни отчаянія ни упрековъ, ни свирѣпаго озвѣренія. Какимъ спокойнымъ лиризмомъ и высоко-христіанскимъ гуманизмомъ дышатъ его слова:

„У нашимъ раи на земли
„Ничого кращого немае,
„Якъ тая маты молодая
„Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ"..

Надо думать, что занятій у Шевченка надъ окончаніемъ экспедиціонныхъ работъ Бутакова было такъ много, что послѣдній, торопясь скорѣйшимъ представленіемъ отчета военному министру, просилъ 5 ноября Обручева въ помощь Шевченку командировать рядового Бронислава Залѣскаго (сосланнаго поляка и друга Шевченка), «умѣющаго хорошо рисовать.» Обручевъ 9 ноября изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы Бутаковъ «самъ наблюдалъ за нижними чинами Шевченкомъ, Залѣскимъ и Вернеромъ и представилъ о занятіяхъ каждаго изъ нихъ подробный отчетъ и самыя работы»[1]) Когда отчетъ и работы были представлены, Обручевъ остался очень доволенъ ими.

Между тѣмъ оренбургскіе друзья Шевченка старались вездѣ говорить о талантѣ его, какъ

---

[1]) Истор. Вѣстн. 1886, кн. 1, стр. 164.

поэта и художника, о тяжелой судьбѣ его и о тяготѣющемъ надъ нимъ запрещеніи писать и рисовать. Конечно, все это не могло не доходить и до главнаго начальника края, Перовскаго, предъ которымъ ходатайствовали за Шевченка извѣстный поэтъ графъ А. Толстой и художникъ Жемчужниковъ, и до Обручева; супруга послѣдняго заказала Шевченку свой портретъ. Напомнили Обручеву, что на прошлогодній запросъ шефа жандармовъ отосланъ еще 30 марта 1848 г. благопріятный для разрѣшенія Шевченку —рисовать отвѣтъ.

Обручевъ 20 ноября обратился къ графу Орлову, прося увѣдомленія о послѣдствіи той переписки, [1]) а начальникъ края Перовскій, будучи въ генварѣ 1850 г. въ Петербургѣ, передалъ начальнику III отдѣленія генералу Дубельту записку, въ которой изложилъ, что «Шевченко, со времени ссылки велъ себя хорошо; два года сряду въ 1848 и 1849 гг. участвовалъ и былъ весьма полезенъ въ экспедиціи для описанія Аральскаго моря. Въ прошломъ году, по возвращеніи экспедиціи, командиръ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, удостовѣрившись въ отличномъ поведеніи, службѣ и образѣ мыслей Шевченка, испрашивалъ дозволенія ему рисовать; но на это послѣдовалъ отказъ. Въ такомъ положеніи дѣла корпусный командиръ не можетъ произвести Шевченка въ унтеръ-офицеры, хотя онъ, Шевченко, служитъ уже нѣсколько лѣтъ рядовымъ

[1]) Жизнь и произв. Шевченка, стр. 74.

и не былъ приговоренъ въ солдаты безъ выслуги. Онъ весьма слабаго и ненадежнаго сложенія и въ продолженіе кампаніи на Аральскомъ морѣ неоднократно подвергался скорбуту»[1]).

Приведенная записка Перовскаго совершенно, такимъ образомъ, опровергаетъ разсказъ г. Чалаго о томъ, что по ходатайству Бутакова Обручевъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ о производствѣ Шевченка въ унтеръ-офицеры; но «изъ Петербурга выразили неудовольствіе за то, что Шевченку, вопреки Высочайшему повелѣнію, дозволили рисовать». Источникъ этого извѣстія г. Чалымъ не указанъ и нигдѣ не встрѣчалось мнѣ даже намека на подобное ходатайство, а между тѣмъ, если бы оно существовало, то слѣды его сохранились бы въ оренбургскихъ архивахъ, и Гаршинъ и Васильевъ несомнѣнно воспользовались бы имъ, но ни тотъ, ни другой ни о чемъ подобномъ не упоминаютъ Напротивъ, генералъ Дубельтъ 20-го февраля 1850 г. отвѣчалъ на записку Перовскаго, что, если Шевченко заслуживаетъ быть произведеннымъ, производство это зависитъ непосредственно отъ генерала Обручева, такъ какъ Шевченко былъ конфирмованъ въ солдаты съ *правомъ выслуги*. Осуществить это право было, слѣдовательно, во власти Обручева. Послѣдній, очевидно, не пошелъ далѣе обыкновенной денежной награды всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи Бутакова. По словамъ Косарева, Шев-

[1]) *Кіев. Стар.* 1898 г., кн. III, стр. 423.

ченко, будучи уже въ Новопетровскомъ фортѣ, получилъ за участіе въ экспедиціи награды пять рублей [1]). Что же касается дозволенія Шевченку рисовать, то еще 12-го декабря за № 2955 гр. Орловъ увѣдомилъ Обручева, что онъ «входилъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору о дозволеніи рядовому Шевченку заниматься рисованіемъ, но Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало». [2]) Разумѣется, этотъ отказъ не могъ не повліять на Шевченка угнетающимъ образомъ. Такое, именно, вліяніе мы и видимъ въ письмѣ его 1 января 1850 г. [3]) къ княжнѣ Репниной. «Мнѣ,—пишетъ онъ,—отказали въ представленіи о помилованіи и подтвердили воспрещеніе писать и рисовать». Поэту пришла мысль искать облегченія своей участи черезъ поэта Жуковскаго и земляка своего Гоголя. 1-го января онъ написалъ письмо Жуковскому, «прося исходатайствовать позволенія только рисовать». «Напишите и вы къ нему, проситъ онъ княжну Репнину, или напишите Гоголю, чтобы онъ написалъ обо мнѣ,—онъ съ Жуковскимъ въ весьма короткихъ отношеніяхъ,—или сообщите адресъ Гоголя, и я ему напишу... я его лично не знаю; но я теперь, какъ падающій въ бездну, готовъ за все ухватиться. Ужасная безнадежность, такъ ужасна, что только одна христіанская философія можетъ бороться съ нею. Единственная отрада моя теперь—Евангеліе. Я читаю его еже-

---

[1]) Кіев. Стар., 1893 г., кн. 2, стр. 248.
[2]) Кіев. Стар , 1896 г., кн. 2, стр. 134.
[3]) Кіев. Стар., 1893 г., кн. 2, стр. 268.

дневно, ежечасно. Когда-то я думалъ анализировать сердце матери по жизни Св. Маріи Матери Христовой; но теперь и это будетъ (вмѣнено) въ преступленіе».

Страданія поэта увеличивало, конечно, еще и то, что съ окончаніемъ занятій при Бутаковѣ, ему предстояло возвратиться въ Раимъ, въ пустыню, въ «смердящую казарму», одно воспоминаніе о которой не могло не наводить ужаса. «Мнѣ страшно дѣлается, когда я подумаю о киргизской степи; съ отходомъ моимъ въ степь я долженъ буду опять прекратить переписку съ вами, писалъ онъ Репниной, и, можетъ быть, на много лѣтъ, а то и навсегда».

Плачъ души вырвался у поэта и въ письмѣ отъ 10 января къ генералу Дубельту [1]). «Я прошу одной великой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего преступнаго не рисовалъ. Свидѣтельствуюсь Всемогущимъ Богомъ. Вы, какъ слѣпому, откроете мнѣ глаза и оживите мою душу. Лѣта и здоровье мое, разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу, требующую молодости и здоровья».

И эта просьба, какъ извѣстно, не имѣла успѣха. Интересенъ вопросъ, почему всѣ просьбы и ходатайства о дозволеніи Шевченку рисовать оставлялись безъ удовлетворенія? Въ нѣкоторыхъ біографическихъ очеркахъ проскальзывали до сихъ поръ намеки, будто Шевченко ри-

---

[1]) *Кіев. Стар.* 1894 г., кн. 2.

совалъ каррикатуры на высокопоставленныхъ лицъ. Яснѣе объ этомъ говоритъ самъ Шевченко въ своихъ запискахъ на стр. 19. «Сплели,— говоритъ онъ,— басню, будто я выкупленъ изъ крѣпостной зависимости и воспитанъ на счетъ монаршей милости и отплатилъ своему благодѣтелю тѣмъ, что нарисовалъ на него каррикатуру». Въ докладѣ графа Орлова 26 мая 1847 г.[1]) ни о какихъ рисункахъ-каррикатурахъ нѣтъ ни слова. При слѣдствіи же на допросѣ 21 апрѣля хотя и былъ предложенъ Шевченку вопросъ: кто иллюстрировалъ его сочиненія, но онъ отвѣтилъ, что иллюстраторами были—графъ Яковъ Де-Бальменъ, убитый на Кавказѣ въ 1845 г., и Башиловъ, котораго онъ лично не знаетъ. Слѣдовательно, онъ говорилъ правду, утверждая, что никогда не рисовалъ ничего преступнаго.

XII.

Между тѣмъ друзья Шевченка, особенно Гернъ, успѣли повести дѣло такъ, что Обручевъ отмѣнилъ прежнее распоряженіе о возращеніи Шевченка въ Раимъ. 22 января онъ поручилъ отправить Шевченка и Вернера въ Гурьевъ, ко времени открытія навигаціи по Каспійскому морю, съ тѣмъ чтобы оттуда они были отправлены въ Новопетровское укрѣпленіе для изслѣдованія открытаго при горахъ Кара-Тау каменнаго угля.

---

[1]) Русск. Архив. 1892 г , кн. 7, стр. 335—347.

Конечно, и Новопетровскій фортъ не представляетъ ничего привлекательнаго, но все же не то, что Раимъ.

Отправиться въ Новопетровскъ нельзя было ранѣе открытія навигаціи, т. е. ранѣе конца апрѣля. Въ ожиданіи этого времени Шевченку представлялась возможность провести еще мѣсяца три въ Оренбургѣ. Наконецъ, командировка въ Кара-Тау избавляла его опять на цѣлое лѣто отъ жизни въ казармѣ и отъ муштры.

Но мѣнять Оренбургъ на Кара-Тау, понятно, Шевченку все же не хотѣлось. Въ Оренбургѣ, поселившись во флигелѣ Герна, какъ разсказывалъ покойный Ф. М. Лазаревскій,—Шевченко только номинально былъ солдатомъ: ходилъ въ штатскомъ платьѣ, воинской службы не несъ, писалъ и рисовалъ. Случалось, что по нѣсколько дней онъ не навѣдывался въ свою квартиру, проводя время то у Лазаревскаго, то въ польскомъ кружкѣ. Тѣмъ не менѣе предстоящая поѣздка очень смущала его. «1-го мая меня погонятъ опять въ Киргизскую степь на восточный берегъ Каспійскаго моря»,— писалъ онъ 7 марта княжнѣ Репниной:[1]) «слѣдовательно, опять порвется всякое сообщеніе съ людьми Ради Бога и всего высокого — пришлите мнѣ «Мертвыя души» Гоголя, эта книга будетъ мнѣ другомъ въ моемъ одиночествѣ». Въ этомъ письмѣ высказалъ поэтъ свое мнѣніе о Гоголѣ: «Предъ Гоголемъ должно благоговѣть, какъ передъ че-

[1]) Кiев. Стар., 1893 г., кн. 2, стр. 270.

ловѣкомъ, одареннымъ глубокимъ умомъ и самой нѣжною любовью къ людямъ. Онъ истинный вѣдатель человѣческаго сердца, и самый возвышенный поэтъ долженъ благоговѣть передъ нимъ». Въ другомъ мѣстѣ въ письмѣ къ той же самой княжнѣ Репниной Шевченко вспоминаетъ свой давній разговоръ о Гоголѣ, когда она отнеслась къ Гоголю какъ-то сухо. «Для меня это было досадно: я всегда читаю Гоголя съ наслажденіемъ. Уважая вашъ благородный умъ, вашъ вкусъ и ваше нѣжно-возвышенное сердце, мнѣ было больно за Гоголя, и я подумалъ, что я такъ грубъ и глупъ, что не могу чувствовать прекраснаго. Вы правду говорите, что предубѣжденіе ни въ какомъ случаѣ не позволительно. Меня восхищаетъ теперешнее ваше мнѣніе о Гоголѣ и объ его безсмертномъ созданіи. Я въ восторгѣ, что вы поняли истинно-христіанскую цѣль его». Въ томъ же письмѣ Шевченко сообщаетъ, что онъ предлагаетъ оренбургской католической церкви, когда ему позволятъ рисовать, написать запрестольный образъ съ изображеніемъ Спасителя (повѣшеннаго), распятаго между разбойниками, но ксендзъ не соглашается молиться передъ разбойниками. «Поневолѣ находишь сходство между XIX и XII вѣкомъ! Не теряю надежды, что испытанію моему придетъ когда-нибудь конецъ. Тогда отправлюсь въ Седневъ и олицетворю мою давно лелѣянную идею. Въ седневской церкви надъ иконостасомъ вдѣланы два желѣзныхъ крюка, они непріятно меня поражали. Я все думалъ,

чѣмъ бы закрыть ихъ, и ничего лучшаго не придумалъ, какъ картину, изображающую смерть нашего Спасителя».

Надежду на окончаніе испытаній подогрѣвали въ Шевченкѣ его оренбургскіе друзья Одинъ изъ нихъ, Сергѣй Левицкій, отправившись въ Петербургъ, вѣроятно, по своимъ личнымъ дѣламъ, разсчитывалъ хлопотать и о Шевченкѣ. Послѣдній снабдилъ его письмами къ академику Остроградскому, къ проф. Бодянскому, къ княжнѣ Репниной и др. Въ Петербургѣ въ то время находился на службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ братъ Федора Лазаревскаго — Михаилъ. На него-то и надѣялись оренбуржцы, что онъ поруководитъ Левицкимъ.

Проѣзжая черезъ Москву, Левицкій видѣлся съ Бодянскимъ. Вотъ какъ описываетъ онъ въ письмѣ къ Шевченку свое свиданіе съ Осипомъ Максимовичемъ: «Съ трудомъ я могъ достучаться къ нему, зато, когда сказалъ, что я отъ васъ и имѣю письмо, то онъ такъ обрадовался, какъ бы я говорилъ ему о братѣ, или о самомъ близкомъ его сердцу человѣкѣ... Долго говорили объ Оренбургѣ, особенно о васъ, жалѣли, горевали и разошлись, какъ родные». [1])

Бодянскій снабдилъ Левицкаго письмомъ къ своему пріятелю и земляку Рѣдькину, который служилъ тогда при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Перовскомъ. Рѣдькинъ принялъ Левицкаго ласково, разспрашивалъ о томъ, какъ живетъ Шевченко, но, должно быть, не подалъ никакой надежды

[1]) Истор. Вѣстн. 1886 г., кн. 1, стр. 168.

на улучшеніе участи страдальца-поэта и не вызвался хлопотать за него. По крайней мѣрѣ, Левицкій писалъ Шевченку; «мнѣ кажется, что этотъ не то, что Бодянскій: видно, что онъ боится чего-то или, быть можетъ, проникнутъ сквернымъ Петербургскимъ духомъ»[1]).

Бутаковъ въ то время находился уже въ Петербургѣ и при свиданіи съ Левицкимъ сказалъ, что хлопоты о Шевченкѣ начались, и что онъ двинулъ всѣхъ своихъ знакомыхъ дамъ, чтобы онѣ просили о немъ всѣхъ, кого надо. «Много есть тутъ нашихъ», писалъ далѣе Левицкій изъ Петербурга: «но, кажется, они такіе люди, что промѣнялъ бы ихъ на нѣмца; впрочемъ, есть между ними и иные, пока знаю одного: это Николай Алексѣевичъ Головко, магистръ математическихъ наукъ изъ Харькова, человѣкъ очень хорошій, и какъ только сойдемся съ нимъ, то первое слово о васъ. Онъ сотрудникъ нѣкоторыхъ журналовъ и очень умный молодой человѣкъ; жаль только, что онъ своею справедливостью надѣлаетъ того, что его сошлютъ куда-нибудь, потому что онъ и теперь подъ надзоромъ полиціи. Онъ часто бываетъ у Остроградскаго. Много здѣсь есть такихъ, которые вспоминаютъ васъ, а Головко говоритъ, что хотя васъ не стало, но на ваше мѣсто есть до тысячи человѣкъ, готовыхъ стоять за все, что вы говорили, и это говорятъ люди, для которыхъ такъ важна правда»[2]),

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Истор. Вѣстн., 1886 г., кн. 1, стр. 168.

Но надеждамъ Шевченка и его друзей не суждено было сбыться. Совершенно неожиданно произошелъ эпизодъ, разрушившій всѣ надежды, всѣ хлопоты, надѣлавшій непріятностей друзьямъ поэта и повліявшій чрезвычайно на ухудшеніе его участи.

XIII.

У одного изъ оренбургскихъ пріятелей Тараса Григорьевича была молодая, очень красивая жена. За ней ухаживалъ прапорщикъ Исаевъ и не безъ взаимности. Объ отношеніяхъ ихъ говорили очень много; тайною они были, какъ это всегда бываетъ, только для мужа. Замѣтилъ эти отношенія и Шевченко. Обязанный весьма многимъ обманываемому мужу и побуждаемый чувствомъ глубокой къ нему благодарности, поэтъ, послѣ довольно долгой борьбы съ самимъ собою. рѣшился, наконецъ, сообщить своему другу печальное извѣстіе. Замѣтивши, одинъ разъ, что едва мужъ вышелъ на службу, какъ къ женѣ его отправился Исаевъ, Шевченко сѣлъ на извощика, привезъ мужа къ дому и привелъ подъ самыя двери той комнаты, въ которой влюбленные блаженствовали. Понятно, что произошло между мужемъ, женой и любовникомъ ея: съ женою сдѣлалась истерика, а мужъ при помощи Шевченка выпроводилъ Исаева такъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ провожаютъ нежеланныхъ гостей.

Дорого заплатилъ Шевченко за свое добро*совѣстн*ое отношеніе къ чести друга.

На другой день избитый Исаевъ подалъ доносъ генералу Обручеву, что Шевченко, вопреки Высочайшему повелѣнію, пишетъ стихи, рисуетъ портреты и ходитъ въ штатскомъ платьѣ.

Получивши доносъ, Обручевъ очутился въ довольно затруднительномъ положеніи. Частнымъ образомъ онъ зналъ, что Шевченко рисуетъ, да и какъ было не знать, когда Шевченко нарисовалъ портретъ его жены? Но доносъ поступилъ къ нему офиціально, подчиненный ему офицеръ доносилъ на подчиненнаго ему нижняго чина о нарушеніи послѣднимъ не только постановленій воинскаго устава о ношеніи одежды, но Высочайшаго повелѣнія, воспрещающаго Шевченкѣ писать и рисовать. Не обратить вниманія на доносъ невозможно: Исаевъ можетъ послать, а можетъ быть и послалъ уже анонимный доносъ въ Петербургъ шефу жандармовъ, отношенія котораго съ Обручевымъ были довольно натянуты... Но неудобно было сразу же начать и слѣдствіе: оно могло обнаружить написаніе Шевченкомъ портрета жены Обручева... Обручевъ выбралъ середину, при которой не безъ основанія надѣялся, что будетъ обойдена непріятная для него сторона.

Пригласивши къ себѣ Герна, которому хорошо были извѣстны всѣ подробности приключенія съ авторомъ доноса, Обручевъ поручилъ ему совмѣстно съ жандармскимъ офицеромъ произвести обыскъ у Шевченка.

Положеніе Герна во всѣхъ отношеніяхъ было трагическое!... Долгъ службы и обыскъ у своего

друга!... Онъ торопливо отправился прежде всего къ Лазаревскому, прося его предупредить Шевченка, что часа черезъ полтора будетъ у него обыскъ. Шевченка на бѣду не было дома. «Много труда надо было употребить Лазаревскому на розыски. Наконецъ, съ помощью одного пріятеля —поэтъ былъ найденъ; они втроемъ отправились къ нему въ квартиру и весьма энергически принялись уничтожать лежавшія на столѣ письма и рисунки. Когда большая часть бумагъ была уничтожена, Шевченко, хорошо зная, что у него не найдется болѣе ничего предосудительнаго въ политическомъ отношеніи, вдругъ заупрямился и энергически возсталъ противъ этой бумажной гекатомбы. «Довольно,» сказалъ онъ, закрывая рукою пачку писемъ: «оставьте хоть что-нибудь, а то они подумаютъ, что добрые люди меня и знать не хотятъ». Благодаря этой неосторожности, въ руки жандарма попали два альбома съ рисунками и стихами Шевченка и болѣе 20 писемъ отъ разныхъ лицъ». Такъ разсказалъ этотъ эпизодъ профессоръ Н. М. Стороженко [1]) со словъ очевидца Ф. М. Лазаревскаго, но послѣдній, очевидно, кое въ чемъ ошибся. Стихотворенія Шевченка были спасены, а взятые при обыскѣ совершенно невинные стихи: «Свячена вода» написаны Александрой Псёлъ; альбомы же заключали въ себѣ народныя украинскія пѣсни, записанныя Шевченкомъ еще въ 1845 —46 г. при поѣздкѣ по Правобережной Украинѣ

---

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., кн. X.

по порученію Кіевской археологической Коммиссіи. Оба альбома были взяты у него еще при арестѣ въ Кіевѣ и находились потомъ въ разсмотрѣніи III отдѣленія, которое нашло, что они не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, кромѣ только на нѣкоторыхъ рисункахъ изображены неблагопристойныя сцены.

При обыскѣ у Шевченка, кромѣ названныхъ альбомовъ, были взяты 22 письма отъ разныхъ лицъ, именно: семь писемъ А. И. Лизогуба на украинскомъ языкѣ, два отъ княжны Репниной, одно отъ Пселъ, два отъ художника Чернышева, пять отъ Лазаревскаго, одно отъ Сергѣя Левицкаго (по-украински), остальныя безъ подписи, неизвѣстно отъ кого. Отобраны отъ него и книги: 1) Библія, 2) О подражаніи Христу, 3) Сочиненія Шекспира, 2 книги, 4) Сочиненія русскихъ авторовъ, 2 книги, 5) Сочиненія Лермонтова, 2 книги и 6) Пушкина—Евгеній Онѣгинъ; кромѣ того, ящикъ съ красками, два портфеля для бумагъ и нѣкоторыя принадлежности штатскаго костюма: старый сюртукъ, пальто и т. п.

Послѣ обыска Шевченко былъ арестованъ. Когда именно произведенъ обыскъ и арестъ? По словамъ г. Стороженка, «это произошло въ Страстную субботу»[1], т. е. наканунѣ Пасхи; а Пасха въ 1850 г. была 23 апрѣля. Гаршинъ же говоритъ, что Шевченко до 12 мая просидѣлъ уже въ арестѣ въ Оренбургѣ на гауптвахтѣ 15

[1]) Кіев. Стар. 1888 г., кн. X.

дней[1]). Такимъ образомъ, со словъ Гаршина слѣдуетъ заключить, что арестъ произошелъ 27-го апрѣля; и это гораздо вѣроятнѣе, потому что 27-го апрѣля Обручевъ отмѣнилъ прежнее свое распоряженіе о командированіи Шевченка въ Кара-Тау и, *вмѣстѣ* съ тѣмъ, какъ говоритъ г. Васильевъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, «распорядился о производствѣ у Шевченка обыска и объ арестованіи его»[2]).

Какъ ни ничтожны были сами по себѣ результаты произведеннаго у Шевченка обыска, но и они вооружили Обручева противъ поэта. Съ отмѣной командировки Шевченка на Мангишлакъ предписано было перечислить его опять въ батальонъ, расположенный въ Орскѣ, отправить его въ Орскъ «по этапу подъ строжайшимъ карауломъ, назначая отъ станицы до станицы одного унтеръ-офицера и не менѣе трехъ рядовыхъ». Одновременно Обручевъ предписалъ командиру 5 батальона Матвѣеву слѣдить, чтобы къ Шевченку не могли прямо доходить письма, а отъ него пересылаться къ другимъ лицамъ, «ибо, писалъ Обручевъ, всѣ таковыя письма должны поступать на предварительное мое разсмотрѣніе. За Шевченкомъ же, сверхъ батальоннаго и ротнаго командировъ, имѣть въ ротѣ надзоръ благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строго наблюдать за всѣми его дѣйствіями и, ежели замѣтятъ что-либо предосудительное или неповиновеніе, то

[1]) Истор. Вѣст., 1886 г., кн. 1, стр. 166.
[2]) *Кіев.* Стар. 1896 г., кн. 2, стр. 134.

доводили бы о томъ въ тотъ же часъ до свѣдѣнія батальоннаго командира, который обязанъ немедленно мнѣ донести, надписывая на конвертѣ: «секретно и въ собственныя руки»[1]).

Очевидно, что Обручевъ придалъ дѣлу гораздо большее значеніе, нежели оно заслуживало. Онъ поспѣшилъ отобранныя у Шевченка бумаги и письма отправить въ Петербургъ и увѣдомить шефа жандармовъ, военнаго министра и даже государственнаго канцлера. Изъ числа отобранныхъ бумагъ Обручевъ особенно обратилъ вниманіе на письмо Левицкаго и на письма братьевъ Лазаревскихъ. Изъ Петербурга послѣдовало 8 іюня за № 1526 отъ дежурнаго генерала главнаго штаба увѣдомленіе Обручеву, «что Государь Императоръ, по докладу донесенія Обручева и содержанія отобранныхъ у Шевченка бумагъ, повелѣть соизволилъ: «Шевченка, не исполнившаго воспрещеній писать и рисовать, подвергнуть строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія о виновности допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ. При изслѣдованіи имѣть въ виду, что командиръ 5-го батальона и всѣ ближайшіе начальники должны подлежать законному взысканію за допущеніе предосудительныхъ послабленій относительно сего преступника[2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ взглянули бы на дѣло мягче, если бы Обручевъ въ

---

[1]) Истор. Вѣст. 1886 г., кн. 1, стр. 166 и далѣе.
[2]) Истор. Вѣст., 1886 г., кн. 1, стр. 168 и Русск. Стар. 1891 г., кн. V, стр. 438.

своемъ первомъ сообщеніи, посылая отобранные у Шевченка бумаги и рисунки, не скрылъ, что самъ же онъ командировалъ Шевченка въ экспедицію Бутакова и затѣмъ разрѣшилъ ему остаться въ Оренбургѣ именно для занятія рисованіемъ видовъ степи и береговъ Аральскаго моря!

Получивъ 23 іюня приведенное выше предписаніе дежурнаго генерала, Обручевъ на другой же день поручилъ подполковнику Чигирю немедленно произвести слѣдствіе «надъ рядовымъ Тарасомъ Шевченкомъ о полученіи имъ отъ разныхъ лицъ писемъ, посылкѣ отъ себя таковыхъ и о причинахъ неисполненія имъ воспрещенія писать и рисовать».

1-го іюля былъ допрошенъ Шевченко «подъ увѣщаніемъ священника Петра Тимашева показывать слѣдователю правду». На допросѣ обнаружилось, что тяжесть изгнанія такъ повліяла на поэта, что онъ забылъ годъ своего рожденія (1814 года) и сказалъ, что ему 40 лѣтъ. Далѣе обнаружилось, что на вѣрность службы поэтъ не присягалъ. Упущеніе это произошло потому, что въ Оренбургѣ въ 1847 г. не привели Шевченка къ присягѣ, а въ Орскѣ, куда прислали его уже, какъ рядового, думали, что обрядъ присяги исполненъ уже въ Оренбургѣ. Упущеніе это было исправлено, и Шевченко приведенъ къ присягѣ священникомъ Павловскимъ [1]).

Далѣе писатель-художникъ, обвиняемый въ полученіи писемъ отъ своихъ пріятелей и въ

[1]) *Кіев.* Стар. 1893 г., кн. 2, стр. 258.

отвѣтахъ на нѣкоторыя изъ нихъ, на вопросы слѣдователя отвѣчалъ, что отобранныя у него письма получалъ черезъ Орскую почтовую контору, а одно отъ Лазаревскаго черезъ Бутакова. Отвѣчалъ же онъ только Репниной и Лизогубу, подавая письма на почту въ Орскѣ. «О перепискѣ своей онъ начальству не объявлялъ, полагая, что писать и получать обыкновенныя письма ему не запрещено: такъ объяснилъ ему при объявленіи конфирмаціи и начальникъ штаба корпуса жандармовъ».

Находясь въ экспедиціи Бутакова, онъ во время пребыванія въ Раимѣ получилъ одно письмо черезъ батальоннаго адъютанта Александра Лисюкова.—По прибытіи въ Оренбургъ, получилъ въ декабрѣ 1849 г. одно письмо отъ Лизогуба, на которое отвѣчалъ. Въ 1850 г. получилъ по почтѣ два письма отъ художника Чернышева и одно отъ Сергѣя Левицкаго, на которое не отвѣчалъ «по нелѣпому его содержанію». Отобранные у него стихи и пѣсни не его сочиненія, а записаны въ 1846 г. въ Кіевской, Подольской и Волынской губ., тогда же сдѣланы имъ и три рисунка, находящіеся при пѣсняхъ; они были въ разсмотрѣніи III отдѣленія и возвращены ему; остальные рисунки сдѣланы имъ при описаніи Аральскаго моря по приказанію Бутакова. По отъѣздѣ Бутакова изъ Оренбурга, онъ находился въ вѣдѣніи поручика Поспѣлова, но никакихъ порученій по службѣ исполнять не могъ, такъ какъ болѣлъ глазами, о чемъ извѣстно пользовавшему его доктору Майделю.

Онъ признаетъ, что не нарушилъ запрещенія писать и рисовать, такъ какъ писалъ только письма, а виды и гидрографическія карты рисовалъ по приказанію Бутакова.

Окончивъ слѣдствіе, Чигирь 5-го іюля представилъ его Обручеву [1]). Шевченко же оставленъ подъ арестомъ въ Орскомъ казематѣ. Почти одновременно съ слѣдствіемъ Чигиря, Обручевъ получилъ изъ Петербурга отъ дежурнаго генерала главнаго штаба новое увѣдомленіе отъ 30 іюня, которое должно бы было не допустить дальнѣйшаго отягощенія участи нашего поэта. По разсмотрѣніи отобранныхъ 27 апрѣля бумагъ у Шевченка, III отдѣленіе и шефъ жандармовъ нашли, «что рядовой Шевченко виновенъ въ томъ, что дозволилъ себѣ писать и рисовать и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ. Стихи и рисунки, помѣщенные въ отобранныхъ у него альбомахъ, не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго. Равнымъ образомъ и отобранныя у него письма, за исключеніемъ письма Сергѣя Левицкаго, содержатъ въ себѣ одно изъявленіе дружескихъ чувствъ и желаніе ходатайствовать объ облегченіи его участи. Вообще, бумаги эти не обнаруживаютъ, чтобы Шевченко продолжалъ прежній образъ мыслей или писалъ и рисовалъ на кого пасквили. Если по изслѣдованіи, произведенномъ воинскимъ начальствомъ, ничего болѣе не будетъ обнаружено, то достаточно вмѣнить Шевченкѣ въ наказаніе содержаніе

[1]) *Кіев. Стар.* 1896, кн. 2, стр. 144—145.

подъ арестомъ, внушивъ ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать Высочайшаго воспрещенія писать и рисовать, за исполненіемъ чего и вообще за Шевченкомъ имѣть самое бдительное наблюденіе». Мнѣніе графа Орлова утверждено Императоромъ, который противъ словъ;—«и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ», написалъ: «въ этомъ болѣе виновно его начальство, что допустило до сего».

Редакція приведеннаго мнѣнія гр. Орлова нѣсколько неясна, и неясность ея, какъ увидимъ ниже, была истолкована во вредъ Шевченку. Мнѣ кажется, по смыслу всей переписки и по самому существу дѣла, графъ Орловъ разумѣлъ, что нарушеніе Шевченкомъ Высочайшаго воспрещенія заключалось только въ томъ, что онъ рисовалъ виды и карты, а требованіе внушенія, чтобы онъ не осмѣливался *ни подъ какимъ* видомъ нарушать воспрещенія, означало, чтобы онъ не осмѣливался писать (опять таки неясно: разумѣлась ли тутъ частная переписка? скорѣе, нѣтъ!) и рисовать даже и по приказанію начальства, какъ это было при описаніи Аральскаго моря.

Во всякомъ же случаѣ, слѣдствіе, произведенное Чигиремъ, не представило противъ Шевченка никакихъ новыхъ обвиненій, кромѣ тѣхъ, которыя уже были разсмотрѣны и рѣшены приведеннымъ выше заключеніемъ графа Орлова. Можно было надѣяться, что послѣ увѣдомленія дежурнаго генерала послѣдуетъ немедленное освобожденіе Шевченка изъ заключенія въ

казематѣ, и дѣлу по отношенію къ нему — конецъ.

Между тѣмъ начато было новое слѣдствіе о ношеніи Шевченкомъ штатскаго платья. «Оказалось, что, квартируя въ домѣ Герна, онъ дѣйствительно имѣлъ партикулярное платье, но носилъ его *только въ квартирѣ*, внѣ которой въ немъ никогда и никуда не ходилъ».

Люди, часто видѣвшіе въ то время нашего поэта, утверждаютъ, «что онъ по городу ходилъ всегда въ солдатской шинели, надѣвалъ только подъ шинель широкіе синіе шаровары и вышитую украинскую рубаху»; вообще же велъ себя тихо, скромно. Прійдетъ, бывало, къ кому-нибудь въ гости, сядетъ въ уголокъ и молчитъ. Выпивши рюмку—другую водки, языкъ у него развязывался, и рѣчь лилась несмолкаемо. «Вспоминаетъ бывало свою родную Украину, запоетъ родную пѣсню и слезы бѣгутъ ручьями по впалымъ щекамъ».—«Чуть не ежедневно посѣщалъ онъ одного офицера, своего земляка. Сядутъ они за столъ, ведутъ разговоры иногда далеко за полночь; но всегда тихо, скромно, безъ шума».[1])

Продолжая слѣдствіе «о партикулярномъ костюмѣ» Шевченка, потребовали отъ поручика Поспѣлова объясненія: почему онъ допустилъ Шевченка ходить въ партикулярномъ платьѣ, въ отступленіе отъ формы, положенной для нижнихъ чиновъ?

---

[1]) Русск. Арх. 1898 г., кн. 3, стр. 476.

Посиѣловъ отвѣчалъ, что Бутаковъ, уѣзжая изъ Оренбурга въ Петербургъ, не передавалъ въ его вѣдѣніе Шевченка, въ которомъ онъ и надобности не имѣлъ, и никогда не только не позволялъ ему ходить въ партикулярномъ платьѣ, но никогда въ такомъ и не встрѣчалъ его.

Возникла новая переписка о разъясненіи противорѣчій о томъ, въ чьемъ же вѣдѣніи находился Шевченко предъ арестомъ? Переписка эта тянулась еще въ декабрѣ 1850 г., но Обручевъ, не ожидая уже окончанія ея, сдѣлалъ 5 сентября относительно Шевченка слѣдующее распоряженіе, основанное на предписаніи военнаго министра отъ 9 августа.

1) Вмѣнить Шевченку въ наказаніе содержаніе его въ заключеніи и, освободивъ его изъ-подъ ареста, строго внушить ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать Высочайшаго воспрещенія писать и рисовать.

2) Перевести его изъ 5-й въ одну изъ ротъ 1-го батальона, расположенныхъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, подъ строжайшій надзоръ ротнаго командира и отправить его туда подъ присмотромъ благонадежнаго унтеръ-офицера съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ могъ прибыть въ Гурьевъ непремѣнно до прекращенія навигаціи.

Обручевъ требовалъ немедленнаго донесенія какъ о времени отправки поэта въ новую ссылку, такъ и о томъ, въ какую роту онъ будетъ зачисленъ и кто ротный командиръ той роты? Послѣднему же было предписано, «чтобы, независимо наблюденія за поведеніемъ рядового Шев-

ченка со стороны самого ротнаго командира, ближайшій надзоръ былъ порученъ благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строго наблюдать за всѣми его дѣйствіями» [1]).

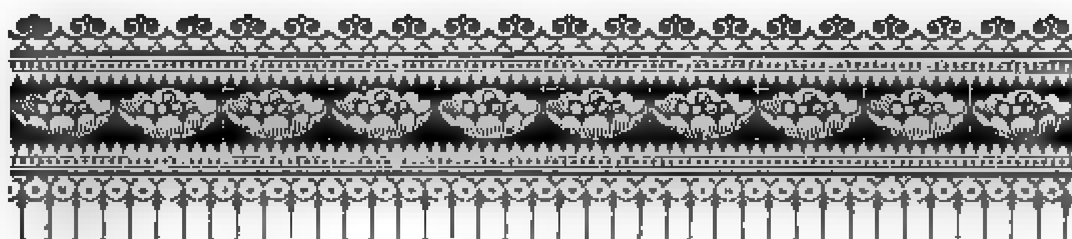
Капитанъ Косаревъ, бывшій потомъ командиромъ той роты, къ которой въ Новопетровскѣ принадлежалъ злополучный Кобзарь, разсказалъ, что по особому распоряженію штаба войскъ Оренбургскаго корпуса воспрещено было Шевченку имѣть при себѣ карандаши, чернила, перья и бумагу [2]).

Время освобожденія Шевченка изъ Орской тюрьмы и время отправленія его по этапу черезъ Оренбургъ въ Уральскъ намъ неизвѣстно; знаемъ только, что въ Уральскъ онъ былъ приведенъ 8 октября. Здѣсь батальонный штабъ зачислилъ его въ 4 роту подъ надзоръ штабсъ-капитана Потапова и отправилъ въ Гурьевъ, куда поэтъ прибылъ 14 октября и въ тотъ же день подъ присмотромъ унтеръ-офицера Булатова отправленъ лодкою чрезъ Каспійское море въ Новопетровскій фортъ [3]).

Такимъ образомъ, страдалецъ поэтъ-художникъ, послѣ береговъ постылаго ему Аральскаго моря, послѣ Раимскаго укрѣпленія, проведя полгода въ Оренбургѣ въ условіяхъ сравнительно сносныхъ, а полгода въ оренбургской, орской и уральской тюрьмѣ, очутился на берегу столь же непривѣтливаго Каспійскаго моря.

---

[1]) Кіев. Стар. 1896 г., кн. 2. Истор. Вѣст. 1886 г., кн. 1.
[2]) Кіев. Стар., 1893 г., кн. 2, стр. 249.
[3]) Русск. Стар. 1891 г., кн. 5, стр. 444.

Т. Г. Шевченко въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

(17 октября 1850 г. — 2 августа 1857 г.).

I.

Тяжело дались Шевченку первые три года ссылки.

„Каламутнымы болотамы,
Мижъ бурьянамы, за годамы
Тры годы сумно протеклы;
Богато де чого взялы
Зъ моеи темнои коморы
И въ море нышкомъ однеслы;
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Мои лита,—мое добро,
Мою нудьгу, мои печали,
Мои незрымыи скрыжали
Незрымымъ пысави перомъ.[1])

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. 2, стр. 140. „Среди сорныхъ травъ тоскливо прошли мутнымъ болотомъ — три года. Много кое-чего взяли они изъ моего темнаго амбара и тихонько снесли въ море. Тихонько море проглотило мое не золото, не серебро, а мои лѣта, и мое достояніе: тоску и печали — эти невидимыя скрижали написанныя невидимымъ перомъ“.

Такъ вылилъ онъ свое душевное настроеніе, свои воспоминанія о первыхъ годахъ ссылки, въ одномъ изъ послѣднихъ, кажется, въ самомъ послѣднемъ поэтическомъ произведеніи его, написанномъ въ Оренбургѣ, въ 1850 г., незадолго до его ареста.

Но все же въ эти мрачные три года случались и ясные дни, каковыми можно назвать, сравнительно, конечно, лѣтнее пребываніе его въ экспедиціи и жизнь потомъ въ Оренбургѣ. Теперь же въ Новопетровскомъ укрѣпленіи его ожидала не только «незамкнутая тюрьма», но мрачная, «забытая Богомъ» живая, пустынная могила. Въ ней почти все время, до полученія амнистіи и до выѣзда изъ укрѣпленія, жизнь поэта была полна трагизма, тѣмъ болѣе ужаснаго, что онъ повторялся изо дня въ день, никѣмъ не видимый, но тяжело чувствуемый поэтомъ-изгнанникомъ. Въ немъ ежечасно происходила борьба развитой, мыслящей и впечатлительной натуры, проникнутой чувствомъ свободы и сознаніемъ достоинствъ и правъ человѣка, съ безправнымъ и поднадзорнымъ солдатомъ, съ суровою воинскою дисциплиною. Здѣсь въ Новопетровскомъ фортѣ «море проглотило» и здоровье человѣка; лучшую и самую большую часть его поэтическаго и художественнаго таланта и даже часть его нравственнаго организма. Въ Новопетровскѣ унтеръ-офицеръ Булатовъ привезъ на лодкѣ талантъ еще свѣжій, живой; изъ Новопетровска чрезъ 7 лѣтъ на лодкѣ же вывезенъ талантъ уже почти совсѣмъ потухшій...

Прежде чѣмъ говорить о жизни Шевченка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи,— посмотримъ, что представляло оно изъ себя? Исторія его коротка.

«Заброшенное за Каспій, Богомъ забытое», какъ говоритъ капитанъ Косаревъ [1]), Новопетровское укрѣпленіе основано въ 1846 году; вѣрнѣе сказать, фортъ Новопетровскій былъ ничто иное, какъ фортъ Александровскій, перенесенный изъ Мертваго Култука на Мангишлакъ— на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Западная сторона форта, расположеннаго на скалѣ, глядѣла на море, остальныя три—на безграничную пустынную степь киргизовъ. Вокругъ форта полное отсутствіе растительности—«ни деревца, ни куста». Съ ранней осени до поздней весны гуляютъ на этомъ просторѣ бурные, восточные, холодные вѣтры, наводя на человѣка уныніе и тоску. «Не приведи Господи, какъ тамъ тягостно и печально было жить!»—говоритъ капитанъ Косаревъ, проведшій въ киргизскихъ степяхъ почти всю свою жизнь. Ни купить, ни достать ничего нельзя, даже воды колодезной, кромѣ солонцоватой, не было. Солдаты называли это укрѣпленіе «Сибирнымъ Новопетровскомъ» [2]).

Во время прибытія въ Новопетровскъ [3]) Шевченка, въ укрѣпленіи было двѣ роты солдатъ, человѣкъ 20 офицеровъ, священникъ, врачъ. Всей «интеллигенціи», включая купцовъ и чи-

---

[1]) Кіев. Стар., 1889 г., кн. 3, стр. 570.
[2]) Тамъ же.
[3]) Послѣ Александровскъ, уѣздный городъ.

новниковъ, было человѣкъ 40. Купцы и рыболовы жили, впрочемъ, не въ укрѣпленіи, а въ особой слободкѣ возлѣ него. Постройки форта составляли: каменная церковь, домъ для коменданта, гауптвахта съ госпиталемъ и казармы для офицеровъ и солдатъ,—все это окрашено, словно подъ цвѣтъ пустынной степи, въ желтую краску. Подъ горою, ближе къ морю, было нѣсколько армянскихъ лавчонокъ и, конечно, кабакъ.

Въ укрѣпленіи находилось около десятка пушекъ. Не много, но совершенно достаточно для острастки кочующихъ киргизовъ, которые, впрочемъ, спокойно и съ полною покорностью пасли свои стада. Сообщеніе съ *міромъ* было очень затруднительно. Лѣтомъ оно происходило почтовыми и частными лодками черезъ море съ Астраханью и Гурьевымъ-городкомъ; съ прекращеніемъ же навигаціи, ледъ отрѣзывалъ фортъ почти на полгода отъ всякаго сообщенія съ людьми. Фортъ какъ бы замиралъ на всю зиму. Развлеченій никакихъ. А человѣкъ безъ нихъ не можетъ жить; естественно, что не только между солдатами, но и между офицерами игра въ карты и выпивка представляли единственное развлеченіе; выбирать было не изъ чего.

Комендантомъ укрѣпленія, въ занимающее насъ время, былъ полковникъ Антонъ Петровичъ Маевскій,—человѣкъ уже пожилой, старый холостякъ [1]), добрый и благородный. По

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. 2, стр. 299. По другимъ свѣдѣніямъ, Маевскій былъ вдовъ, имѣлъ небольшихъ дѣтей, которыхъ, будто бы, училъ Шевченко. Не знаю,—которое изъ этихъ свѣдѣній болѣе достовѣрное.

словамъ г. Чалаго, «онъ весьма любилъ Шевченка и очень часто принималъ его у себя не какъ солдата, а какъ умнаго собесѣдника».

Послѣднее представляется мнѣ довольно сомнительнымъ въ виду постигшей Шевченка со стороны Обручева опалы, а въ особенности въ виду прибывшихъ вмѣстѣ съ Шевченкомъ строгихъ инструкцій корпуснаго штаба, обращенныхъ непосредственно къ ротному командиру, о строжайшемъ и неусыпномъ надзорѣ «за всѣми дѣйствіями» поэта. Обстоятельства сложились такъ неблагопріятно, что если бы добрякъ Маевскій и желалъ сдѣлать Шевченку какія-либо послабленія, то не могъ, да и не безопасно было; вѣдь самъ онъ очутился по отношенію къ Шевченку, такъ сказать, подъ надзоромъ ротнаго командира. Въ оренбургскихъ инструкціяхъ о надзорѣ за поэтомъ-солдатомъ очень часто фигурировало весьма растяжимое слово «предосудительные поступки».

Впослѣдствіи мы увидимъ, что Шевченку, въ первые годы его пребыванія въ Новопетровскѣ, не было оказываемо ни малѣйшаго послабленія. Достаточно указать на то, что съ 12 января 1851 г. до іюля 1852 г. Шевченко не написалъ ни кому ни одного письма... онъ какъ бы умеръ. За эти полтора года мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о внутренней, духовной и нравственной жизни поэта; мы можемъ судить только по тѣмъ условіямъ внѣшней жизни солдата въ казармахъ и на плацу, которыя ежечасно кольцомъ окружали поэта, какъ поднадзорнаго сол-

дата. Такимъ образомъ, условія жизни нашего Кобзаря на мѣстѣ новаго изгнанія, по крайней мѣрѣ въ первые 2—3 года, всецѣло зависѣли не отъ коменданта крѣпости, а отъ ближайшаго начальства, которому порученъ былъ надзоръ надъ «всѣми дѣйствіями рядового Тараса Шевченка».

II.

По прибытіи Шевченка въ Новопетровскъ, «его помѣстили въ общія казармы, приставили къ нему для надзора особаго «дядьку» изъ солдатъ, стали водить на фортовыя *работы* и на муштру» (ученье). Все это, говоритъ Косаревъ [1]), не легко уже само по себѣ и для всякаго, даже для простаго человѣка, взятаго прямо отъ сохи, а для Шевченка, хотя не изнѣженнаго, не избалованнаго, тѣмъ тяжелѣе было, что онъ на бѣду свою попалъ подъ начальство капитана Потапова, человѣка необразованнаго, безсердечнаго, притомъ и очень часто неумѣстно грубаго и строгаго. Офицеры не любили Потапова, а про роту и про Шевченка и говорить нечего! Они просто ненавидѣли его».

Такимъ рисуетъ намъ Потапова не только его товарищъ Косаревъ, который и самъ былъ значительный формалистъ и строго требовалъ отъ солдатъ исполненія всѣхъ служебныхъ обязанностей; такимъ описали [2]) намъ его и А. Е. Ускова — вдова позднѣйшаго коменданта Новопетровскаго укрѣпленія.

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. 2, стр. 572.
[2]) Письмо не опубликовано.

Помощникомъ Потапова былъ поручикъ Обрядинъ. Его охарактеризовалъ намъ Шевченко въ своихъ «Запискахъ» [1]). Разсказанный имъ эпизодъ имѣетъ не только біографическое, но и иное еще глубокое значеніе, столь цѣнное, что мы приведемъ его почти дословно: «Сегодня (8 іюля 1857 г.),—записываетъ поэтъ,—пригласилъ къ себѣ на огородъ унтеръ-офицера Кулиха. Разговоръ нашъ вертѣлся въ особенности на 2-й ротѣ, которая два года назадъ ушла отсюда и теперь возвратилась. И тогда и теперь я имѣлъ несчастіе состоять въ этой ротѣ. Начиная съ бывшаго тогда командира ея поручика Обрядина, мы перебрали всю роту по одиночкѣ и дошли до рядового Скобелева. Этотъ Скобелевъ, не смотря на свое прозваніе (фамилію), былъ моимъ землякомъ изъ Херсонской губерніи и въ особенности памятенъ мнѣ по малороссійскимъ пѣснямъ, которыя онъ пѣлъ своимъ молодымъ мягкимъ теноромъ, удивительно просто и прекрасно. Съ особеннымъ же выраженіемъ онъ пѣлъ пѣсню:

„Тече ричка не велычка
Зъ вышневого саду“.

Я забывалъ, что я въ казармахъ слушаю эту очаровательную пѣсню. Она переносила меня на берега Днѣпра, на волю, на мою милую родину и я никогда не забуду этого смирнаго, полунагого бѣдняка, штопающаго свою рубаху и уно-

[1]) Основа 1862 г., кн. за іюль, стр. 16—18; Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, Чалый, стр. 81.; Кобзарь, т. III, 1895 г., стр. 50—52.

сящаго меня своимъ пѣніемъ такъ далеко отъ душной казармы.

По сложенію своему и по манерамъ Скобелевъ не былъ похожъ на браваго солдата, за что я его особенно уважалъ; въ ротѣ онъ пользовался славою честнаго и смышленнаго солдата. Не смотря на смуглое, аляповатое и взрытое оспою лицо, въ немъ свѣтились отвага и благородство, и я, независимо пѣсенъ, любилъ его какъ земляка и честнаго человѣка. Онъ былъ бѣглый крѣпостной крестьянинъ, попался въ бродяжничествѣ, сказался непомнящимъ родства и былъ зачисленъ въ солдаты, гдѣ дали ему фамилію—Скобелевъ, въ честь извѣстнаго балагура—инвалида Скобелева.

Вскорѣ по прибытіи въ Уральскъ, Скобелева взялъ къ себѣ въ денщики Обрядинъ, какъ трезваго и благонадежнаго, но слабаго во фронтѣ солдата. Не прошло и полгода, какъ неуклюжій Скобелевъ сдѣлался любовникомъ любовницы Обрядина. Однажды, въ минуту сердечныхъ изліяній, коварная измѣнница открыла Скобелеву, что два мѣсяца тому назадъ Обрядинъ получилъ на его имя изъ Москвы 10 р. с. и въ доказательство своихъ словъ показала пакетъ съ пятью печатями. Не смотря на прежнія подобныя продѣлки, Обрядинъ умѣлъ концы прятать въ воду и слыть вообще порядочнымъ человѣкомъ. Скобелевъ явился къ нему съ пустымъ конвертомъ въ рукахъ и требовалъ отдачи вынутыхъ денегъ. Произошло что-то *обоюдоострое*: отвѣтъ и привѣтъ. Будь это одинъ на одинъ, тѣмъ бы дѣло

и кончилось; но сцена произошла при свидѣтеляхъ-офицерахъ и сконфуженный Обрядинъ, арестовавъ Скобелева, подалъ рапортъ о случившемся... Произведено слѣдствіе. Обрядину велѣно подать въ отставку, а Скобелевъ былъ преданъ военному суду и долженъ былъ пройти сквозь «зеленую аллею», т. е. принять 2000 шпицрутеновъ, а потомъ отправиться въ Омскъ на семь лѣтъ въ арестантскія роты.

«Бѣдный Скобелевъ»! — скорбитъ о немъ поэтъ Украины: «родился и выросъ ты въ неволѣ. Вздумалось тебѣ попробовать широкой, сладкой, вольной воли и ты залетѣлъ въ «радикуль», какъ называютъ солдаты Новопетровскій фортъ; залетѣлъ ты въ мою семилѣтнюю тюрму пѣвучей пташкой изъ Украины, какъ-будто для того только, чтобы своими сладкими, заунывными пѣснями напомнить мнѣ мою милую, мою бѣдную родину. Бѣдный, несчастный Скобелевъ! Ты понесъ тяжелые кандалы на берега пустынныхъ Иртыша и Оми. Встрѣтишь ли ты тамъ внимательнаго и благодарнаго слушателя товарища твоихъ заунывныхъ сладкихъ пѣсенъ, какимъ былъ я? Встрѣтишь и не одного такого же, какъ и ты, невольника-сироту, земляка-варнака заклейменнаго, который прольетъ слезу благодарности на твои тяжелые кандалы, за отрадные сердцу, милые, родные звуки... Бѣдный, несчастный Скобелевъ!»

Приведенная довольно длинная выписка изъ интересныхъ Записокъ Шевченка, какъ въ чистомъ зеркалѣ, показываетъ намъ, какія нравственныя страданія переживалъ поэтъ, не только

за себя, но и за другихъ Легко понять, что происходило въ его нѣжномъ, благородномъ сердцѣ въ то время, когда несчастный Скобелевъ «шелъ по зеленой аллеѣ.»

Одну ли подобную драму пережилъ поэтъ въ своей Новопетровской «широкой тюрьмѣ»?

III.

Посмотримъ, какимъ образомъ Потаповъ и Обрядинъ исполняли возложенныя на нихъ Обручевымъ по отношенію къ Шевченку обязанности «строжайшаго надзора».

Ни малѣйшаго снисхожденія Потаповъ ни въ чемъ не дѣлалъ Шевченку; «но донималъ онъ его,—говоритъ Косаревъ, [1])—не этимъ; Шевченко о послабленіи и не помышлялъ, зная, что Потаповъ и самъ только исполнитель приказаній свыше. Мелочными и вовсе ненужными придирками донималъ онъ Шевченка; точно будто издѣвался надъ человѣкомъ и безъ того уже терпящимъ. «Дядька», конечно, всѣми силами слѣдилъ за поэтомъ, досматривая, чтобы у него не было ни карандаша, ни чернилъ, ни бумаги, чтобы ничего не писалъ, не рисовалъ. Въ казармѣ онъ глазъ не сводилъ съ своего узника, когда же Шевченко выходилъ изъ казармы на ученье, или по другимъ служебнымъ обязанностямъ, или просто подышать на открытомъ воздухѣ, его осматривали—нѣтъ ли при немъ въ сапогахъ, въ карманахъ и т. п. какихъ-ни-

---

[1]) *Кіевск.* Стар. 1889, кн. 3, стр. 572—3.

будь письменныхъ или рисовальныхъ принадлежностей».

Но насъ не должно удивлять такое усердіе ни ефрейтора, ни фельдфебеля; они исполняли приказъ ротнаго командира. Потаповъ, повидимому, и имъ несовсѣмъ довѣрялъ, потому что, когда Шевченко выходилъ на ученье, Потаповъ вызывалъ его впередъ и передъ фронтомъ цѣлой роты, начиналъ выворачивать у него карманы, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли у него карандаша, чего-нибудь написаннаго или нарисованнаго. А то станетъ, по словамъ очевидца капитана Косарева, издѣваться надъ нимъ за несовсѣмъ солдатскіе и несовсѣмъ громкіе отвѣты на вопросы; или донимаетъ за опущенныя внизъ глаза. Но больше всего Потаповъ изводилъ Шевченка требованіемъ тонкой выправки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ, которые, составляя тогда идеалъ солдатскаго образованія, никакъ не давались Тарасу, продолжаетъ Косаревъ, даже при всемъ его стараніи. Болѣе всего не давался «тихій учебный шагъ», во время котораго фигура Шевченка «съ перевальцомъ» никакъ не могла сохранять равновѣсія, стоя на одной ногѣ.

— «Не постичь мнѣ этой премудрости; хоть ложись да и помирай», — говорилъ страдалецъ много разъ послѣ ученія съ отчаяніемъ капитану Косареву.

Каковъ бы тамъ ни былъ составъ офицеровъ въ Новопетровскѣ, но и между ними были люди, которые не могли равнодушно смотрѣть на обращеніе Потапова съ Шевченкомъ и на

мученія, причиняемыя послѣднему муштрою. Желая смягчить Потапова и умѣрить его требованія, говорили ему: «Развѣ ты самъ не видишь, что Шевченко совсѣмъ какъ есть неспособенъ къ этимъ пріемамъ?» —Потаповъ однако не унимался, говоря, что онъ долженъ отвѣчать за Шевченка на смотрахъ. Разъ какъ-то, послѣ одного изъ потаповскихъ издѣвательствъ, одинъ молодой офицеръ, шутя, сказалъ Шевченку: «А что братъ, Тарасъ! вѣдь было бы лучше, если бы тебя опять послали на морскую службу или назначили въ козаки? Вѣдь служба на лодкѣ или на конѣ—вамъ, запорожцамъ, (!) больше съ руки, чѣмъ въ пѣхотѣ?».

— «А еще лучше было бы мнѣ совсѣмъ не родиться на свѣтъ божій, или скорѣе умереть»,—отвѣчалъ несчастный страдалецъ, спустившій голову, и двѣ крупныя слезы,— вотъ какъ теперь вижу, говоритъ Косаревъ [1],—такъ и скатились у него съ глазъ».

Безъ сомнѣнія, молодой офицеръ, предложившій приведенный вопросъ, не имѣлъ намѣренія уязвить поэта; онъ не понималъ, что своей шуткой глубоко задѣлъ наболѣвшее сердце изгнанника!

Намъ и читателямъ, отдаленнымъ отъ того времени почти на полъ-вѣка, невозможно сдержать себя, чтобы не вырвался изъ сердца тяжелый вздохъ за человѣка, покараннаго на литературной почвѣ. Каково же было Шевчен-

---

[1]) Кіевская Стар. 1889 г., кн. 3, стр. 573.

ку переживать все то, что передали намъ очевидцы пребыванія его въ первые годы въ *Новопетровскѣ*?—«Да! не легко и даже очень не легко жилось бѣднягѣ Шевченку въ Новопетровскѣ, особенно по началу»,—говоритъ очевидецъ той «жизни». «Сердце бывало трепещетъ, замираетъ, вспоминаетъ самъ поэтъ[1]), а я бывало фабрю усы, надѣваю мундиръ и иду на ученье предъ лицо командира, а лицо у него красное съ хмѣлю, и я долженъ былъ похоронить въ себѣ всякое человѣческое чувство, сдѣлаться бездушнымъ автоматомъ и молча, не краснѣя, не блѣднѣя, выслушивать всякія нравственныя поученія... Теперь смѣшно; но тогда было не до смѣха».

«Муштра» и обыски были однако только нѣкоторою частицею того приниженія и нравственныхъ мученій, которыя суждено было пережить поэту-художнику. Намъ бы хотѣлось увидѣть и показать весь духовно-нравственный организмъ Шевченка въ первые годы пребыванія его въ Новопетровскѣ. Но нѣтъ того зеркала, которое всецѣло показало бы всю сумму нравственныхъ страданій поэта, униженнаго и оскорбленнаго во всѣхъ человѣческихъ чувствахъ. И мы никогда не увидимъ той ужасающей картины. Мы только слегка можемъ вообразить себѣ тотъ медленный огонь, на которомъ постепенно сгоралъ великій талантъ великаго поэта и разрушался великій, высоконравственный

[1]) Записки стр. 21.

человѣкъ, глубоко любящій міръ и людей. Шевченко въ своихъ страданіяхъ такъ великъ, что намъ, дѣтямъ и внукамъ его, остается только благоговѣйно преклоняться предъ нимъ.

Попробуемъ, насколько сумѣемъ, показать хотя нѣкоторыя частицы его многострадальной жизни въ Новопетровскѣ.

IV.

Прежде всего замѣтимъ, что за все время съ 17 октября 1850 г. до іюля 1851 г., за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ къ княжнѣ Репниной, посланныхъ 12 генваря 1851 г., Шевченко ни къ кому не написалъ ни слова. Да и письмо къ Репниной собственно не письмо, а, такъ сказать, извѣщеніе о перемѣнѣ своего мѣстопребыванія,— извѣщеніе на столько осторожное, что даже не совсѣмъ правдивое. Перенеся въ 1850 г. столько испытаній и горя, высидѣвъ полгода въ казематѣ, поэтъ извѣщаетъ княжну, что съ нимъ «въ прошломъ (1850 г.) ничего новаго не случилось, только что изъ Орской крѣпости перевели въ Новопетровское укрѣпленіе...» «Начальники мои люди добрые (!!), здоровье хорошо, только чтеніе весьма ограничено». Но при всей осторожности, при всей офиціальности письма поэтъ не могъ скрыть коекакой дѣйствительности. «Въ прошедшемъ моемъ хоть изрѣдка, говоритъ онъ, мелькаетъ не то, чтобы истинная радость, но, по крайней мѣрѣ, не гнетущая тоска. Недавно, кажется, всего четыре года, а какъ тяжело прошли они надъ моею

головою, какъ измѣнили меня! Я самъ себя не узнаю. Вообразите себѣ безжизненнаго флегму, это и буду я! Не слѣдовало бы и говорить объ этомъ; но лучшаго нечего сказать!...»[1])

Имѣется еще коротенькая записочка къ княжнѣ, неизвѣстно когда посланная изъ Новопетровска, въ которой поэтъ проситъ написать на имя Герна письмо къ Матвѣеву. Отъ этого письма поэтъ ожидалъ существенной пользы для себя.

Неизвѣстно писала ли княжна; я увѣренъ, что она, хотя и не отвѣчала Шевченку по причинамъ, которыя сейчасъ увидимъ, но просьбу его исполнила. Думаю, что въ послѣдовавшихъ, хоть и не скоро, послѣ того облегченіяхъ для поэта, была не малая доля участія полковника Е. М. Матвѣева.

Мы изъ предыдущей главы знаемъ уже, какъ высоко цѣнилъ Шевченко переписку съ друзьми на родинѣ, и потому легко теперь поймемъ, какое величайшее страданіе составляло для него лишеніе переписки въ самое тяжелое для него время! Читать нечего, рисовать нельзя, побесѣдовать по душѣ не съ кѣмъ, писать письма можно, какъ мы уже видѣли, чрезъ цензуру, начиная ротнымъ командиромъ Потаповымъ и кончая начальникомъ края Обручевымъ!... Что можно написать въ такихъ письмахъ? Начальники мои люди добрые, здоровье хорошо?... и только. Нѣтъ, такихъ писемъ, сидя въ казармѣ подъ вѣчно устремленнымъ взглядомъ надзира-

---

[1]) Кіев. Старина 1893 г., кн. II, стр. 272.

телей, писать нельзя... Да и къ чему писать, разсуждалъ Шевченко, когда ко мнѣ не пишутъ, не отвѣчаютъ!... Дѣйствительно, къ нему никто изъ ближайшихъ друзей, какъ Репнина, Лизогубъ,—на письма его еще изъ Оренбурга—не отзывались, и онъ, не зная дѣйствительной причины молчанія ихъ, приходилъ къ заключенію, что «ближніи мои далече мене сташа»,

Но онъ ошибался! Репнина и Лизогубъ прекратили съ нимъ переписку не добровольно.

Княжна В. Н. Репнина—женщина высокопросвѣщенная, полная глубокой христіанской любви къ ближнему; и притомъ женщина проникнутая семейными и мѣстными традиціями и чувствами гражданки,—была глубоко взволнована карою Шевченка, особенно запрещеніемъ ему рисовать и писать. Скорбь Шевченка о томъ, что онъ не имѣетъ права рисовать, что запрещеніе это отнимаетъ у него лучшую частицу его существованія, такъ волновали благородную душу княжны, что она не могла удержаться отъ благороднаго порыва помочь своему другу. Ей казалось, что въ данномъ случаѣ все зависитъ отъ графа Орлова, который къ тому былъ ея родственникомъ. И вотъ она, 18 февраля 1848 г., отправила къ графу слѣдующее письмо на французскомъ языкѣ [1]): «Графъ! Вы человѣкъ облечен-

[1]) Оригиналъ этого письма, напечатанный во 2-й кн. Кіев. Стар. за 1893 г., былъ найденъ профессоромъ Н. И. Стороженкомъ, которому бывшій министръ Вн. Дѣлъ И. Н. Дурново разрѣшилъ воспользоваться выписками изъ дѣла о Шевченкѣ, хранящемся въ архивѣ бывшаго III отд. Соб. Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

ный большою властію и въ силу своего положенія и благороднаго характера призваны дѣлать добро. Если поддерживать порядокъ и наказывать зло—есть задача, достойная государственнаго сановника и добродѣтельнаго человѣка, то слѣдить за тѣмъ, чтобы справедливость не превратилась въ жестокость, а смѣнялась бы милосердіемъ, не составляетъ ли высшей задачи добродѣтели? Проникнутая этимъ убѣжденіемъ, я являюсь передъ Вами, графъ, ходатайствующей за несчастнаго Шевченка. Зная его хорошо, я могу засвидѣтельствовать, что какова бы ни была его вина, онъ уже настолько наказанъ разжалованіемъ въ солдаты и удаленіемъ изъ родины, что едва ли представляется надобность прибавлять къ его наказанію утонченную жестокость, запрещая ему рисовать. Надѣюсь, графъ, вы поймете, что, хорошо зная Шевченка, зная, что онъ одинокъ въ этомъ мірѣ, я сочла своимъ долгомъ сдѣлать все возможное, чтобы смягчить его участь. Для достиженія этой цѣли у меня нѣтъ другого пути, какъ обратиться къ вамъ и умолять васъ исходатайствовать для него позволеніе рисовать. Этой милости я прошу у васъ со сложенными на груди руками. Хотя я сама по себѣ ничего не значу, но какъ дочь моего отца, который столько страдалъ и страдалъ безвинно, я признаю за собою право говорить за несчастнаго и, во имя моего отца, такъ васъ уважавшаго, я прошу васъ, графъ, извинить мою докучливость, какъ говорятъ въ свѣтѣ. Что до меня, то я убѣждена, что дѣлаю то, что

должно дѣлать, умоляя васъ за несчастнаго заблудшаго, но достойнаго всякаго состраданія, человѣка, у котораго нѣтъ ни семьи, ни покровителей. Пріймите, графъ, выраженіе моего къ вамъ уваженія и, мнѣ хотѣлось бы сказать, моей глубокой благодарности».

Безъ сомнѣнія, княжна Варвара Николаевна предполагала, что графъ Орловъ пойметъ и оцѣнитъ ея побужденія и не оставитъ просьбы ея безъ возможнаго удовлетворенія. До нѣкоторой степени въ послѣднемъ преположеніи она не ошиблась. Потребованы были изъ Оренбурга свѣдѣнія о Шевченкѣ. Отвѣтъ пришелъ вполнѣ благопріятный для послѣдняго. Но на докладъ графа Орлова не послѣдовало Высочайшаго соизволенія.

Послѣ того, когда изъ бумагъ, отобранныхъ у Шевченка при обыскѣ 27 апрѣля въ Оренбургѣ, графъ Орловъ увидѣлъ, что княжна Репнина состоитъ въ перепискѣ съ Шевченкомъ, онъ, повидимому, очень разгнѣвался и, какъ сообщилъ проф. Н. И. Стороженко [1]), написалъ княжнѣ строгое внушеніе. «Переписка ваша съ Шевченкомъ, писалъ графъ въ оффиціальной бумагѣ, какъ равно и то, что Ваше Сіятельство еще прежде обращались ко мнѣ съ ходатайствомъ объ облегченіи участи упомянутому рядовому, доказываетъ, что вы принимали въ немъ участіе, не приличное по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ»; почему и рекомендуется

---

[1]) Кіев. Стар. 1888 г., кн. X.

княжнѣ «на будущее время меньше вмѣшиваться въ дѣла Малороссіи, въ противномъ случаѣ княжна сама будетъ причиной непріятныхъ для нея послѣдствій».

Что касается А. И. Лизогуба, то мнѣ сообщали, что графъ Орловъ, будучи лѣтомъ 1850 г. въ Черниговѣ, приглашалъ его къ себѣ чрезъ губернатора и, выразивши неудовольствіе за переписку съ Шевченкомъ, совѣтовалъ ему больше не переписываться подъ угрозою «непріятныхъ послѣдствій».

Какъ Репнина, такъ и Лизогубъ, зная могущество власти графа Орлова, вынуждены были, скрѣпя сердце, послѣдовать его совѣту; иначе, конечно, письма ихъ могли бы, не доходя въ руки адресата, отразиться еще болѣе неблагопріятно на судьбѣ нашего Кобзаря.

Шевченко, разумѣется, ничего этого не вѣдалъ; молчаніе друзей объяснилъ отреченіемъ ихъ отъ него, и такая мысль мучила его больное сердце.

V.

Одиночество вообще угнетаетъ человѣка; но чувствуется оно еще сильнѣе тогда, когда человѣкъ сознаетъ себя одинокимъ въ обществѣ людей. Таково было состояніе Шевченка не только въ казармѣ, но и внѣ ея. Всѣ дорогіе для него интересы были совершенно чужды окружающей его какъ массѣ «товарищей по квартирѣ», такъ и всему остальному новопетровскому обществу. Для всего Новопетровска Шевченко

былъ« поднадзорный рядовой, изъ политическихъ преступниковъ», и въ самомъ лучшемъ случаѣ, «несчастный»—и только. Толпа людей, чуждыхъ намъ и духовно и морально, при такомъ частомъ и вынужденномъ общеніи съ нами, какъ это было у Шевченка, дѣлается намъ противною, мы рады не видѣть ея, готовы убѣгать ея, какъ врага. Такъ было съ Шевченкомъ; но увы! ему и убѣгать некуда было.

Какъ ни грустна природа и видимая физіономія Новопетровскаго форта, но она все-таки не такъ угнетающа, какъ жизнь въ казармѣ и она могла бы хоть сколько-нибудь развлечь поэта; но бѣда въ томъ, что по условіямъ воинской службы, онъ не всегда могъ оставить казарму и уединиться гдѣ-нибудь на скалѣ. Послѣ вечерней «зари» онъ не могъ вовсе уходить изъ казармы, а днемъ въ свободное отъ службы время, если уходилъ, то по пятамъ его слѣдовалъ *надзоръ* въ лицѣ «дядьки» ефрейтора и т. п. Надзоръ ходилъ за нимъ, какъ тѣнь за человѣкомъ. Даже гораздо позднѣе, уже въ концѣ 1852 г., писалъ онъ Бодянскому [1]): «кромѣ казармы, нигдѣ нельзя мнѣ быть»... «хоть бы посмотрѣть на что-нибудь хорошее; быть можетъ, измученная душа моя и встрепенулась бы,» — говорилъ онъ въ другомъ письмѣ. [2])

Итакъ—ни природы, ни людей.

Офицеры держали себя, особенно первое время, подальше, не сближались съ Шевченкомъ,

---

[1]) Русск. Стар. 1883 г., кн. X.
[2]) Основа 1862 г., кн. 7, письма Шевченка.

да и онъ не искалъ ихъ; не въ его натурѣ было искать кого бы то ни было.

— «Кто онъ такой? За что угодилъ въ солдаты?—того никто изъ насъ (офицеровъ) не зналъ, говоритъ Косаревъ, и никто этимъ особенно и не интересовался, такъ какъ высылки такихъ людей, какъ Шевченко, въ тѣ времена, въ наши степные батальоны были намъ не въ особенную рѣдкость».

Дѣйствительно въ фортѣ въ то время было нѣсколько человѣкъ, сосланныхъ по политическимъ дѣламъ, поляковъ; но это были люди запуганные, крайне осторожные. Съ однимъ только изъ сосланныхъ поляковъ сошелся Шевченко, да и то благодаря тому, что былъ знакомъ съ нимъ еще въ Оренбургѣ. Это былъ Брониславъ Залѣскій.

Однимъ словомъ, въ первые два—три года пребыванія Шевченка въ Новопетровскѣ онъ не имѣлъ у себя ни одного интеллигентнаго не только товарища, но даже хорошаго знакомаго.

Между солдатами онъ сблизился, кромѣ Скобелева, о которомъ мы уже говорили, еще съ Андреемъ Обеременкомъ. За все семилѣтнее пребываніе въ Новопетровскѣ—этотъ Обеременко дѣлилъ съ нимъ много разъ горе, тоску и объ этомъ человѣкѣ мы не можемъ не поговорить словами самого Шевченка, тѣмъ болѣе, что въ разсказѣ его есть много интереснаго для характеристики поэта-художника.

«Вскорѣ по прибытіи моемъ въ укрѣпленіе, говоритъ поэтъ, я замѣтилъ среди однообразной

солдатской жалкой публики совершенно не солдатскую фигуру. Походка, физіономія, даже «шапка-чабанка»—все въ немъ обличало моего земляка. Узнаю, что это Андрей, госпитальный служитель, «хохолъ». Этого-то мнѣ и нужно. Физіономія его показалась мнѣ болѣе суровою, нежели вообще у моихъ земляковъ, потому-то я началъ сближаться съ нимъ издалека и осторожно, удостовѣрившись отъ ближайшаго его начальства унтера-офицера Игнатьева и смотрителя госпиталя капитана Бологова, что Андрей Обеременко человѣкъ примѣрной честности и трезвости. Я старался найти случай поговорить съ нимъ наединѣ — по своему (по украински), но онъ, замѣтивъ мои маневры, старался отклонить такую честь. Это меня болѣе подстрекало къ сближенію».

«Большую часть безсонныхъ ночей въ Новопетровскомъ провелъ я, сидя на крылечкѣ офицерскаго флигеля. Однажды зимой въ 3 часу ночи сижу и вижу изъ лазаретной кухни выходитъ Андрей,—онъ занималъ должность хлѣбопека и квасника. «А що!—отозвался я,—мабудь и тоби Андрію не спыться?»—«Та не спыться жъ, матери его ковинька», отвѣчалъ онъ. Я затрепеталъ, услыша чистый, неиспорченный родной языкъ... Я попросилъ его посидѣть, и началъ разговоръ обыкновеннымъ между солдатами вопросомъ: съ какой онъ губерніи? Андрей отвѣчалъ, что онъ «губерніи Кіевскои, повиту Звенигородського, изъ села Ризанои, тамъ коло Лысянкы, колы чувалы».—Я прибавилъ, что

«не тилькы чувавъ, а и самъ бувавъ въ Лысянци, и въ Ризаній, и въ Русаливци и скризь». Оказалось, что мы самые близкіе земляки: «я й самъ бачу, сказалъ онъ, що мы свои, та не знаю, якъ до васъ прыступыты, бо вы то зъ офицерамы, то зъ ляхамы, то що. Якъ тутъ, думаю, пидійты до его? Може воно й самъ ляхъ якый небудь, та тилькы ману напускае». Я принялся увѣрять, что я настоящій его землякъ.

«Такъ началось наше знакомство и чѣмъ болѣе мы узнавали другъ друга, тѣмъ болѣе привязывались другъ къ другу; но наружныя наши отношенія всегда оставались тѣ же самыя, что и въ первое свиданіе; онъ не позволялъ себѣ ни одного шага наружнаго сближенія, ни тѣни искательства. Подозрѣвая во мнѣ, не знаю почему, богача и даже родственника коменданта (Ускова), Андрей вѣрилъ этому и при другихъ даже не кланялся мнѣ, чтобы не подумали, что онъ навязывается ко мнѣ въ друзья. Мѣстомъ нашихъ свиданій было крылечко, а время — ночь, когда все, кромѣ перекликающихся часовыхъ, крѣпко спало. Невозмутимая, холодная, даже суровая наружность его указывала на человѣка жесткаго, равнодушнаго, но это была маска. Онъ страстно любилъ маленькихъ дѣтей, а это вѣрный признакъ сердца кроткаго, незлобиваго. Я, какъ художникъ, часто любовался его темно-бронзовой усатою физіономіей, когда она нѣжно льнула къ розовой щечкѣ младенца. Это была единственная радость въ его суровой одинокой жизни. Независимо его простого благороднаго

характера, я полюбилъ его за то, что онъ въ продолженіе двадцатилѣтней солдатской жизни не опошлилъ, не унизилъ своего національнаго и человѣческаго достоинства. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ остался вѣренъ своей прекрасной національности. А такая черта благородитъ даже и не благороднаго человѣка Если мелькали свѣтлыя минуты въ моемъ темномъ, долголѣтнемъ заключеніи, то этими сладкими минутами я обязанъ моему простому благородному другу Андрею Обеременку».

«Пошли тебѣ, Господи, мой неизмѣнный другъ, напутствовалъ Тарасъ Григорьевичъ Обеременка, прощаясь съ нимъ наканунѣ выѣзда своего изъ Новопетровска,—скорый конецъ испытанію. Помоги тебѣ Пресвятая Матерь пройти эти безводныя пустыни, напиться Днѣпровой воды и вдохнуть въ измученную грудь живительный воздухъ нашей прекрасной, нашей дорогой родины» [1]).

VI.

Такъ мрачно и тяжело тянулось въ Новопетровскомъ фортѣ «житіе» — рядового Тараса Григорьевича Шевченка! Въ половинѣ 1852 г. начинаются для него микроскопическія проблески чего-то похожаго если не на улучшеніе, то, по крайней мѣрѣ, не на прогрессирующее ухудшеніе. Можно сказать, что стѣсненія его были до-

[1]) Основа, 1861 г., кн. XI—XII, стр. 15; Кобзарь, т. 3, стр. 89.

ведены Потаповымъ до зенита и идти далѣе имъ некуда было.

Въ началѣ іюля 1852 г. поэтъ получилъ возможность писать письма къ друзьямъ. Для Тараса Григорьевича уже и это много значило! Вѣдь, болѣе трехъ лѣтъ онъ не получалъ съ родины ни одного слова, ничего не зналъ о ней!

Такому «облегченію» способствовали, конечно, перемѣны, происшедшія и въ Оренбургѣ и Новопетровскѣ. Вмѣсто Обручева начальникомъ края былъ назначенъ В. А. Перовскій; а изъ Новопетровска взяли Потапова въ Уфу и, вмѣсто него, ближайшимъ начальникомъ Шевченка сдѣланъ штабсъ-капитанъ Егоръ Тимофеевичъ Косаревъ, хотя также формалистъ и фронтовикъ, но по сравненію съ Потаповымъ «ангелъ доброты». Комендантъ Маевскій понималъ, что за выбытіемъ Обручева и Потапова—можно безъ особенныхъ опасеній попустить струны въ отношеніяхъ къ Шевченку; онъ зналъ, что Косаревъ натура настолько благородная, что доноса не сдѣлаетъ. И вотъ онъ разрѣшилъ Шевченку отозваться къ друзьямъ на родинѣ, пиша хоть и безъ цензуры, но все-таки осторожно. Онъ вызвался самъ пересылать письма поэта такъ, чтобы они доходили къ адресатамъ, не заходя никуда по выходѣ изъ Новопетровска; отвѣты же должны были приходить съ внѣшнимъ адресомъ Маевскаго.

Косаревъ ошибочно говоритъ, что въ іюлѣ 1852 г. Шевченку офиціально разрѣшено было

рисовать и писать, хоть и подъ надзоромъ особаго офицера.[1]) Разрѣшеніе рисовать, Шевченко, какъ увидимъ ниже, не получилъ до конца своей ссылки; а писать, но только на русскомъ, а не на украинскомъ языкѣ и подъ присмотромъ офицера, разрѣшено ему гораздо позже, уже во второй половинѣ 1854, или, вѣрнѣе, въ 1855 г.

Прежде всѣхъ отозвался Шевченко 1 іюля 1852 года къ С. С. Артемовскому, который самъ вызвалъ его на переписку. Узнавши о бѣдственномъ положеніи своего стараго знакомаго и земляка, Артемовскій поспѣшилъ къ нему съ посильною помощью, отославъ къ нему 20 руб. Вспоминая старыхъ пріятелей еще 40 годовъ, Тарасъ Григорьевичъ писалъ Артемовскому:[2]) «много ихъ было, а гдѣ-то они теперь? Живутъ себѣ припѣваючи; только я одинъ, какъ отколотая щепка, ношусь безъ пути-дороги по волнамъ житейскаго моря! И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ меня не носило въ продолженіе этихъ бѣдныхъ пяти лѣтъ? Киргизскую степь всю изъ конца въ конецъ исходилъ; море Аральское вдоль и поперекъ измѣрилъ, а теперь сижу въ Новопетровскомъ укрѣпленіи и жду, что дальше будетъ? А это укрѣпленіе—настоящая пустыня: песокъ да камень, хоть бы травка, хоть бы деревцо! ничего нѣтъ. Даже горы порядочной не увидишь! Просто чортъ знаетъ что такое! Смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьметъ, —просто хоть давись; такъ и давиться нечѣмъ...

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. 3, стр. 573.
[2]) Основа, 1862 г., кн. 7, стр. 9.

Счастье мнѣ не къ лицу. Родился, выросъ въ неволѣ, а умру, кажется, солдатомъ. Какой-нибудь да былъ бы скорѣе конецъ; надоѣло чортъ знаетъ по-каковски жить»...

«Живу я, писалъ Тарасъ Григорьевичъ 16 іюля того же 1852 г. другому своему старому пріятелю доктору Козачковскому: [1])—можно сказать жизнью публичною, сирѣчь въ казармахъ; муштруюсь ежедневно, хожу въ караулъ и т. п. Одно слово—солдатъ; да еще какой, просто пугало воронье! усища огромные; лысина, что твой арбузъ; точь въ точь «солдатскій портретъ», что изобразилъ Кузьма Трофимовичъ у Основьяненка...—Шутки въ сторону: написать о себѣ ничего хорошаго не могу, живу воспоминаніями». —«О новостяхъ литературы, музыки, театра,—читаемъ въ другомъ современномъ письмѣ,—[2]) не имѣю совершенно никакого понятія. Кромѣ «Русскаго Инвалида», ничего у насъ не имѣется.—«Сѣверную Пчелу» забылъ уже какъ и зовутъ. Сначала было для меня ужасно какъ тяжело безъ всякаго чтенія, потомъ сталъ привыкать и, кажется, совсѣмъ привыкну; когда бы только поскорѣе, а то сидишь, сложа руки, да и захочется прочитать что-нибудь, а его-то и нѣтъ. Такъ больно станетъ, что не знаешь, куда дѣваться. Но самое мучительное для меня то, что рисовать мнѣ не позволяютъ. Тяжело, больно тяжело, а дѣлать нечего».

---

[1]) Основа, 1862 г, апрѣль, стр. 18—19.
[2]) Основа, 1862 г., іюль, стр., 10.

Чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого страдалецъ въ письмѣ къ профессору Бодянскому [1]) говоритъ то же самое: «со времени моего изгнанія, я ни одной буквы не прочиталъ о моей бѣдной Малороссіи, а что прежде зналъ изъ ея минувшаго, такъ и то немного быстро забываю. Во всемъ укрѣпленіи только одинъ лѣкарь выписываетъ кой-что литературное, а прочіе, какъ будто и грамоты не знаютъ... Я думалъ, думалъ да и выдумалъ: поиздержись узника ради и пришли мнѣ Лѣтопись Конисскаго или Величка». Описывая свое положеніе, Тарасъ Григорьевичъ справедливо замѣчаетъ: «человѣку необходимо исповѣдывать свое горе, а мое горе великое! И кому, какъ не тебѣ (Бодянскому), исповѣдаю я. Шестой годъ уже какъ я обезволенъ, и не пишу никому, да и писать некому! Въ добрѣ да въ счастьи на собаку бывало бросишь, а попадешь въ пріятеля; но Мерзляковъ правду сказалъ: «всѣ други, всѣ пріятели до чорнаго лишь дня»; а Данте говоритъ, что въ нашей жизни, нѣтъ большаго горя, какъ въ несчастіи вспоминать о прошедшемъ счастіи. Правду сказалъ покойный Флорентинецъ... Правда, въ моей прошлой жизни не много было радостей; но все-таки было нѣчто похожее на свободу, а одна тѣнь свободы возвышаетъ человѣка. Прежде бывало хоть посмотришь на радости людей, а теперь и чужого счастья не видишь. Кругомъ горе, пустыня, въ пустынѣ казармы, а въ казармахъ

[1]) Русск. Стар. 1883 г., кн. IX, стр. 642.

солдаты, а солдатамъ какая радость къ лицу. Вотъ въ какой сферѣ я теперь прозябаю... Нынѣшней осенью посѣтилъ наше укрѣпленіе Головачевъ, кандидатъ московскаго университета; я съ нимъ провелъ нѣсколько часовъ, самыхъ прекрасныхъ, какихъ я уже давно не знаю. Мы съ нимъ говорили, говорили, Боже! о чемъ мы не переговорили: онъ сообщилъ мнѣ, что новаго и хорошаго въ литературѣ, на сценѣ. Въ 9 часовъ мы съ нимъ разстались (по пробитіи вечерней «зари» мнѣ, кромѣ казармъ, нигдѣ нельзя быть)».

Письмо это Бодянскій получилъ только 15 декабря и, не откладывая, исполнилъ просьбу. Бодянскій любилъ и глубоко уважалъ Тараса Григорьевича и высоко цѣнилъ его, какъ поэта. Разъ въ октябрѣ 1851 г. зайдя вмѣстѣ съ А. С. Данилевскимъ къ Гоголю, онъ спросилъ его мнѣніе о произведеніяхъ Шевченка. «Хорошо—что и говорить!—отвѣчалъ авторъ «Сорочинской ярмарки»: вы его поклонникъ... Но личная судьба его достойна сожалѣнія и участія». — Зачѣмъ примѣшивать сюда судьбу,—возразилъ съ неудовольствіемъ Бодянскій.—Скажите о его талантѣ, о его поэзіи».

— «Дегтю много, даже больше чѣмъ самой поэзіи. Намъ-то съ вами, какъ малороссамъ, оно пріятно; но не у всѣхъ такіе носы .. Да и языкъ Шевченка»...

Бодянскій не высидѣлъ, разгорячился и началъ возражать. Гоголь доказывалъ, что для всѣхъ славянъ должна быть «одна святыня: языкъ

Пушкина»,—и добавилъ: «а вы хотите прованскальскаго поэта Жасмена поставить въ уровень съ Мольеромъ и Шатобріаномъ».

— Да какой же онъ Жасменъ!—крикнулъ Бодянскій:—развѣ ихъ можно сравнивать? Что вы! вы сами малороссъ»... — «Я знаю и люблю Шевченка, какъ даровитаго земляка и художника,—отвѣтилъ Гоголь,—но его погубили наши умники, натолкнувъ его на произведенія, чуждыя истинному таланту...»—Бодянскій былъ очень недоволенъ мнѣніемъ Гоголя и, выйдя отъ него, сказалъ Данилевскому: «Отрицаетъ значеніе Шевченка! видно сегодня не съ той ноги всталъ ..» У Гоголя были на это политическія соображенія...»[1]).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Бодянскій чрезъ Головачева же послалъ Шевченку въ маѣ 1853 г. сочиненіе Марковича (оттиски изъ Московскихъ Чтеній) и въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ, что, читая оттиски, Шевченко проведетъ пріятно нѣсколько часовъ въ своемъ одиночествѣ и вспомнитъ старое... «и самъ я старѣю не столько отъ лѣтъ, сколько отъ обстоятельствъ»[2]).

Къ тому тяжелому положенію, которое мы видѣли изъ цитированныхъ писемъ Шевченка, присоединилась еще физическая болѣзнь. Обращаясь къ своему другу Козачковскому за медицинскимъ совѣтомъ, онъ писалъ: «я чувствую приближеніе той же болѣзни отъ которой вы спасли меня вь 1844 г. Если припомните тотъ цѣлеб-

---

[1]) Истор. Вѣст., т. 23, стр. 473—479.
[2]) Тамъ же, т. 30, стр. 521.

ный бальзамъ, которымъ вы меня врачевали, то, ради самого Эскулапа, пришлите рецептъ. Фельдшеръ въ Яготинѣ пояснялъ мою болѣзнь тѣмъ, что я тогда торопился жить. Чѣмъ же объяснить теперь? Развѣ тѣмъ, что теперь я живу слишкомъ медленно и однообразно. По прибытіи моемъ въ здѣшній край, я два года страдалъ скорбутомъ и головной болью. Дальній походъ до Аральскаго моря и продолжительное купанье въ морѣ были причиною того, что на всемъ тѣлѣ и особенно на ногахъ показались у меня золотушные нарывы. Теперь повторяется та же боль и прыщи на головѣ»[1]).

Финансовыя средства Тараса Григорьевича и всегда были крайне скудны, а со времени ареста въ Оренбургѣ и первые 2—3 года въ Новопетровскѣ—они, можно сказать, совсѣмъ отсутствовали. «Кромѣ солдатской порціи,—писалъ онъ Бодянскому,[2])—я не имѣю ничего, не имѣю бѣднаго рубля денегъ, чтобы выписать хоть святцы, а о журналѣ и думать нечего. Просить стыдно, а красть грѣхъ».

Всѣ эти невзгоды, лишенія, приниженія, вся сумма этого страшнаго горя не убили, однако, Тараса Григорьевича. Онъ все перенесъ и вышелъ чистымъ. Спасала и спасла его, на сколько, конечно, возможно было спасеніе, глубокая, безграничная любовь къ родинѣ. Мучится онъ адски, страдаетъ ужасно и все-таки любитъ родину «свою шыроку»... «Я такъ ее люблю!

---

[1]) Основа 1862 г., апрѣль, стр. 19.
[2]) Русск. Стар. 1883 г., кн. IX, стр. 642.

я такъ ее люблю, мою родину убогую! за нее душу погублю»...[1]) Передъ такою любовью нельзя не благоговѣть!

Послѣ всего приведеннаго мнѣ нѣтъ надобности говорить о невѣрности высказаннаго въ нѣкоторыхъ біографическихъ очеркахъ заключенія о томъ, что «Шевченку жилось лучше, чѣмъ можно было ожидать!»

VII.

Подъ конецъ 1852 г. въ Новопетровской администраціи произошла перемѣна, послѣдствія которой имѣли нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшую судьбу украинскаго кобзаря-солдата.

Старикъ Маевскій умеръ.

Смерть его не замедлила отозваться на Шевченкѣ. Отъ Артемовскаго пришло въ то самое время письмо съ присылкою 10 руб., адресованное на имя Маевскаго, скорѣе какъ частного лица, а не какъ коменданта. Исполнявшій должность коменданта не могъ или не хотѣлъ получить и распечатать то письмо. Новый комендантъ, хотя и былъ назначенъ въ половинѣ января, но въ Новопетровскъ могъ пріѣхать не ранѣе открытія навигаціи.

Все это время Шевченко не могъ быть спокойнымъ, не зная отъ кого письмо и какое содержаніе его. Конечно, болѣе или менѣе можно было быть увѣреннымъ, что въ письмѣ не заключается ничего «страшнаго». Но опытъ гово-

---

[1]) Кобзарь, т. 2, стр. 101.

рилъ, что въ положенiи Шевченка и невинное содержанiе можно толковать не въ его пользу. А главное не было извѣстно, что за человѣкъ новый комендантъ?.

И. А. Усковъ.

Въ фортѣ знали только, что новый комендантъ, майоръ И. А. Усковъ, бывшiй адъютантъ у начальника края—Перовскаго. Изъ Оренбурга приходили разнорѣчивыя извѣстiя; изъ нихъ

Шевченко, естественно, пришелъ къ заключенію не въ пользу Ускова.

Но вотъ въ концѣ апрѣля прибылъ и новый комендантъ.

Тарасъ Григорьевичъ, хотя по своей природѣ былъ довѣрчивъ, но продолжительный опытъ и несчастія научили его не очень-то довѣряться людямъ и не поддаваться первому впечатлѣнію. Въ Новопетровскѣ же «сближался онъ съ людьми какъ-то съ опаскою, не скоро. При встрѣчахъ съ малознакомыми или съ такими, которыхъ онъ не долюбливалъ, не добьёшься, бывало, отъ него ни слова. Сидитъ себѣ, насупившись, точно воды въ ротъ набралъ. Случалось это, впрочемъ, съ нимъ и тогда, когда на него находилъ какой-нибудь худой стихъ. Тогда хоть и не зови его. Сидитъ себѣ молча хмурый-хмурый, точно замерзшій на мѣстѣ, въ какомъ-нибудь пустынномъ юру, да пригорюнившись глядитъ куда-то вдаль.» [1])

Не удивительно, что онъ съ новымъ комендантомъ сошелся очень не скоро. Сперва боялся его, считалъ его деспотомъ, большимъ формалистомъ, хуже, чѣмъ Косаревъ; смотрѣлъ на него, какъ на строгаго и придирчиваго начальника. [2]) Такой взглядъ Шевченка на новаго своего коменданта сталъ понемногу измѣняться у него съ пріѣздомъ въ укрѣпленіе семейства Ускова, и сближеніе поэта съ комендантомъ послѣдовало, благодаря участію супруги послѣд-

[1]) Кіевск. Стар. 1893, кн. 3, стр. 574.

[2]) Изъ частнаго письма вдовы Ускова—А. Е. Усковой.

няго Аг. Ем. Усковой. Впрочемъ, надо сказать, что Усковъ не имѣлъ не только ни малѣйшаго предубѣжденія противъ «рядового Шевченка», а даже имѣлъ желаніе, въ чемъ и сколько возможно, облегчить его положеніе. При предста-

А. Е. Ускова.

вленіи Перовскому наканунѣ своего выѣзда въ укрѣпленіе, начальникъ края очень тонко и весьма издалека намекнулъ Ускову объ оказаніи Тарасу Григорьевичу возможныхъ и постепен-

ныхъ облегченій. Кромѣ того, и оренбургскіе друзья поэта—Лазаревскій, Гернъ, Матвѣевъ и другіе, узнавъ о назначеніи Ускова, постарались вызвать въ немъ участіе къ поэту и расположить въ его пользу. А при добротѣ Ускова и при нѣкоторыхъ симпатіяхъ его къ югу это не такъ трудно было. «Безъ этихъ условій, особенно безъ намека Перовскаго и невозможно было новому коменданту нарушить установленный по приказу Обручева строжайшій надзоръ за Шевченкомъ и отмѣнить всѣ тѣ стѣсненія, которыя практиковали въ отношеніяхъ къ поэту.»[1])

Здѣсь я нахожу необходимымъ остановиться нѣсколько на тѣхъ извѣстіяхъ, которыя проникли въ печать относительно обращенія съ Шевченкомъ самого Перовскаго. Я разумѣю извѣстіе о наказаніи будто бы Шевченка тѣлесно и объ ударѣ его по лицу Перовскимъ. Первымъ распространителемъ этой гнусной клеветы былъ полтавскій помѣщикъ Мартосъ въ своихъ «эпизодахъ изъ жизни Шевченка.»[2]) Говоря безъ всякихъ фактовъ, что «у Тараса голова хотя и осталась на плечахъ, но за то отдувались спина и подспинье,» Мартосъ продолжаетъ: онъ (Шевченко) прислалъ одной своей знакомой изъ Оренбургской линіи свой портретъ, нарисовавъ себя безъ рубахи, только въ нижнемъ платьѣ, съ заложенными назадъ руками, а съ боковъ два солдата съ поднятыми лозами; внизу надпись: «отакъ, якъ бачыте.» — «А кто виноватъ,—

---

[1]) Изъ частнаго письма А. Е. Усковой.

[2]) Вѣстн. Юго-Зап. Россіи, 1863 г., стр. 32—42.

спрашиваетъ Мартосъ,—если не безпутная голова.»

Я не допускаю, чтобы при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился Тарасъ Григорьевичъ въ «Оренбургской линіи», онъ рисовалъ, а тѣмъ болѣе посылалъ подобные рисунки. Если же и въ самомъ дѣлѣ это случилось, то, конечно, сдѣлалъ онъ это шутя; принимать такой рисунокъ, какъ изображеніе дѣйствительности, могутъ только люди, крайне легковѣрные или враждебные Шевченку. Правда въ первой половинѣ 50-хъ годовъ существовало еще позорное наказаніе солдатъ шпицрутенами, — но не иначе, какъ по суду за *преступленіе*. По секрету такая экзекуція не дѣлалась; скрыть ее нельзя было; въ архивахъ остались бы слѣды слѣдствія и суда. Между тѣмъ ни на что подобное и намека не было, и никто, кромѣ Мартоса, объ этомъ не слыхалъ ни на югѣ, ни въ «Оренбургской линіи».

Вслѣдъ за Мартосомъ Бартеневъ подалъ другое аналогичное, и по содержанію и по справедливости, извѣстіе, будто Перовскій, «который по принципу не любилъ писателей и два раза наказывалъ розгами Достоевскаго, разсердившись на Шевченка, ударилъ его по лицу». Передавая это извѣстіе въ печати,[1]) Лѣсковъ присовокупилъ, что онъ изъ устъ самого Шевченка слышалъ подтвержденіе приведеннаго разсказа.

Сколько здѣсь неправды!!

---

[1]) Истор. Вѣст. 1882 г., кн. IV.

Перовскій, какъ извѣстно, былъ человѣкъ строгій, суровый; фактъ наказанія Достоевскаго, конечно, наложилъ на него не смываемое пятно; но это не доказываетъ еще, что онъ принципіально не любилъ писателей. Напротивъ, мы знаемъ, [1]) что онъ любилъ науку, литературу и искусство. При немъ находились на службѣ Григорьевъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и др. Не берусь я, впрочемъ, защищать Перовскаго, но справедливость требуетъ сказать, что онъ въ Новопетровскомъ фортѣ *никогда не былъ* и Шевченка никогда не видѣлъ. «Если бы случилось хотя что-нибудь подобное,—говоритъ А. Е. Ускова,—описанному Мартосомъ или Лѣсковымъ, то, конечно, объ этомъ было бы извѣстно всѣмъ и въ Оренбургѣ и въ Новопетровскѣ; но ничего и похожаго я не слыхала» [2]). Самое знакомство Лѣскова съ Тарасомъ Григорьевичемъ для меня сомнительно. Лѣсковъ началъ свою литературную дѣятельность въ томъ направленіи, которому Шевченко не сочувствовалъ. Имя Лѣскова нерѣдко фигурировало въ «Искрѣ», редактированной пріятелемъ нашего поэта В. С. Курочкинымъ... Мнѣ не случалось нигдѣ встрѣчать хотя бы малѣйшій намекъ на знакомство Шевченка съ Лѣсковымъ. А разсказывать столь тяжкіе эпизоды, да еще при общеизвѣстной замкнутости Шевченка, если бы они и случились, могъ онъ только человѣку близкому, да и то не во всякое время!... Тутъ же выходило бы, что Шев-

[1]) Русск. Стар. 1845 г., стр. 409—429; 521—551.

[2]) Изъ письма А. Е. Усковой.

ченко сознательно говорилъ Лѣскову неправду. Этого никогда не могло быть. Разсказъ Лѣскова —грубая неправда.

VIII.

Въ воспоминаніяхъ дочери Ускова, Натальи Ираклієвны, пересказанныхъ Зорянкомъ, говорится, что «Усковъ въ первый разъ увидѣлъ Шевченка при представленіи ему Новопетровскаго гарнизона, и черезъ нѣсколько дней Шевченко нашелъ теплое сочувствіе и радушный пріемъ въ домѣ Усковыхъ»; но г. Чалый возражаетъ, что «въ первое время Усковъ по отношенію къ Шевченку держался чрезвычайно осторожно, опасаясь доносовъ, которыми кишѣлъ этотъ забытый Богомъ и проклятый людьми край» [1]).

За болѣе правдивое надо принять сообщеніе г. Чалаго. Прежде всего надо знать, что Наталія Ираклієвна во время пребыванія Шевченка въ Новопетровскѣ была такъ мала, что едва ли могла сохранить какія-нибудь личныя воспоминанія о Шевченкѣ, если же она и разсказывала что-нибудь Зорянкѣ, то, развѣ, со словъ своей матери, до пріѣзда которой Шевченко, какъ было уже говорено, держалъ себя по отношенію къ коменданту только какъ рядовой и ему великаго труда надо было, чтобы упросить Ускова получить письмо съ 10 руб.,

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. 2, стр. 298.

высланное для Шевченка, какъ потомъ оказалось, отъ Артемовскаго на адресъ Маевскаго.

Агата Емельяновна Ускова еще въ Оренбургѣ слышала о Шевченкѣ и ѣхала въ Новопетровскъ съ готовой мыслью, сколько можно непосредственно, а еще болѣе чрезъ посредство мужа принять участіе въ облегченіи участи злополучнаго поэта-художника.

Безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ Шевченко, который вообще очень любилъ женское общество, не встрѣчалъ въ Новопетровскѣ женщины образованной, которой могъ бы симпатизировать, хоть по сколько это свойственно каждому мало мальски культурному человѣку. Образованіе, молодость, теплое и простое обращеніе А. Е. Усковой не могли не быть для Шевченка тѣмъ свѣтомъ и теплотою, которыхъ онъ былъ лишенъ со времени ареста въ Оренбургѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ.

У Усковыхъ было двое маленькихъ дѣтей. Тарасъ Григорьевичъ, какъ знаемъ, страстно любилъ дѣтей и съ перваго же знакомства привязался къ маленькимъ Усковымъ. Агата Емельяновна, замѣтивъ это, пригласила поэта приходить къ нимъ чаще на обѣдъ и на вечерній чай. Сначала онъ стѣснялся, держалъ себя очень холодно, только съ дѣтьми былъ крайне любезенъ и веселъ. Но, независимо любви къ дѣтямъ, онъ вызывалъ къ себѣ симпатіи своими духовными и моральными качествами: «высокое, умное, открытое чело его; добродушное, честное лицо; свѣтлый, ласковый взглядъ его голубовато-сѣ-

рыхъ глазъ—вызывали къ нему расположеніе и уваженіе. Голосъ его былъ мягкій, симпатичный; говорилъ онъ плавно, чисто, опредѣленно, каждое слово его было продумано; вѣяло отъ него умомъ и теплотой; движенія его были исполнены чувства самоуваженія»[1]). Въ приведенной характеристикѣ все вѣрно; ее подтвердилъ и Косаревъ, говоря:[2]) «Нельзя было не любить Шевченка; онъ и держать себя умѣлъ хорошо и былъ не только умный, но совсѣмъ хорошій человѣкъ; душевный человѣкъ, съ которымъ и не въ Новопетровкѣ, и не нашему брату—простому офицеру, не только пріятно, но и полезно было бесѣдовать».

Мало-по-малу простота и искренность Усковыхъ уничтожили въ Шевченкѣ предубѣжденіе; онъ сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ ихъ: «пока дѣти не уйдутъ спать, онъ *щебеталъ* съ ними; а когда нянька уводила дѣтей, онъ бралъ книгу и читалъ вслухъ. Читалъ онъ хорошо, выразительно, съ экспрессіею, съ чувствомъ, особенно если ему нравилось то, что онъ читалъ. Чтеніе вызывало иногда споры, изъ которыхъ сдѣлалось очевиднымъ, что Тарасъ Григорьевичъ,—человѣкъ умный, развитой, справедливый и высоконравственный» —«Къ дѣтямъ Усковыхъ, особенно къ сыну Дмитрію, онъ просто прилипъ». Но и тутъ злая судьба не пропустила случая вцѣпиться въ сердце поэта своими когтями. Маленькій Митя захворалъ и умеръ.

[1]) Изъ частнаго письма А. О. У.
[2]) Кіевск. Стар. 1889, кн. 3, стр. 574.

Смерть его глубоко опечалила Тараса Григорьевича. Скорбь свою онъ вылилъ въ письмѣ къ Козачковскому: «Это было малое прекрасное дитя, писалъ онъ; я полюбилъ его, а оно бѣдное такъ привязалось ко мнѣ, что, бывало, во снѣ зоветъ къ себѣ *лысаго дядю*. И что же? бѣдное захворало и умерло. Мнѣ жаль моего маленькаго друга. Я тоскую по немъ; иногда приношу цвѣты на его очень раннюю могилу и плачу. Я чужой ему. А что дѣлаетъ отецъ его, особенно мать? Бѣдная, горестная мать, утратившая своего первенца».[1])

Впослѣдствіи Шевченко сдѣлалъ рисунокъ памятника на могилу своего маленькаго друга; и подъ его руководствомъ по тому рисунку сдѣланъ былъ памятникъ. Онъ усердно ухаживалъ за могилою, каждую весну обсаживая ее цвѣтами.[2])

Усковы полюбили Тараса Григорьевича, какъ человѣка близкаго, какъ родного. Онъ сталъ для нихъ не только дорогимъ, желаннымъ гостемъ, но товарищемъ ихъ горя, ихъ радостей; онъ сталъ семьяниномъ ихъ. Нѣкоторые офицеры претендовали сначала за то, что комендантъ садитъ у себя за столомъ рядомъ съ ними простого рядового; но понемногу привыкли и замолчали.

Постепенно начинаются и служебныя облегченія для Шевченка.

---

[1]) Основа 1862 г., кн. IV, стр. 21.
[2]) Изъ частнаго письма А. Е. Усковой.

Усковъ, замѣтивши, что Шевченко совершенно не способенъ къ фронтовой службѣ, обратилъ на это вниманіе офицеровъ и предложилъ, при невозможности перечислить его въ нестроевые, не обременять его совершенно напрасно муштрою; не требовать отъ него не возможной выправки и не посылать его на тяжелыя черныя работы.

Это были первыя облегченія послѣ трехлѣтняго томленія поэта въ «смердячей казармѣ» Новопетровскаго форта. Зорянко говоритъ, что со времени пріѣзда Ускова Шевченко не жилъ уже въ казармѣ; а жилъ зимою съ кѣмъ-нибудь изъ офицеровъ, а лѣтомъ въ бесѣдкѣ комендантскаго сада.[1]

Это не вѣрно. Никакого комендантскаго сада въ то время не было; его начали разводить позднѣе, уже осенью 1853 г., по иниціативѣ Шевченка; а что до жизни въ квартирѣ офицеровъ,—то этого Шевченко всячески избѣгалъ и, зная на сколько не безопасно и для офицера «совмѣстное жительство съ рядовымъ», никогда не пользовался квартирою кого-либо изъ офицеровъ; а жилъ все время (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) по-прежнему въ казармѣ. Правда въ укрѣпленіи былъ образованный артилеристъ капитанъ Мостовскій, который убѣждалъ Шевченка (уже позже въ 1855—56 г.) переселиться къ нему на квартиру; но поэтъ не соглашался, и впослѣдствіи самъ Мостовскій благодарилъ его за

---

[1]) Кіев. Стар., 1889 г., кн. 2, стр. 300.

это. Въ 1857 году надворный совѣтникъ Мѣшковъ, человѣкъ пожилой, семейный и страшно ревнивый, воспылалъ гнѣвомъ и сдѣлалъ на Мостовскаго какой-то доносъ, по которому послѣдній былъ арестованъ на недѣлю. Шевченко очень часто навѣщалъ его на гауптвахтѣ. «Прощаясь въ послѣдній разъ, Мостовскій поблагодарилъ меня,—читаемъ въ дневникѣ Шевченка,—за то, что я два года назадъ отказался отъ его благороднаго предложенія поселиться на квартирѣ у него. Онъ только теперь понялъ, какую подлую кляузу могъ вывести Мѣшковъ изъ нашего сожительства; у него не дрогнула бы рука воспользоваться силою военныхъ законовъ, гдѣ сказано, что офицеръ, позволившій фамильярное отношеніе съ нижнимъ чиномъ, предается военному суду. Теперь только Мостовскій увидѣлъ пропасть, отъ которой я его отвелъ»[1]).

Казарменная жизнь страшно тяготила поэта; но, къ сожалѣнію, онъ долго еще не могъ избавиться отъ нея.

IX.

Въ самомъ началѣ весны 1853 г. Тарасъ Григорьевичъ въ окрестностяхъ форта нашелъ гдѣ-то хорошую глину, пригодную для скульптурныхъ работъ и хотѣлъ заняться лѣпкою фигуръ; но тутъ на первыхъ порахъ встрѣтились курьезныя препятствія. Начальство, зная, что художнику строжайше запрещено писать и ри-

[1]) Основа 1861 г., кн. XI—XII стр. 11 и Кобзарь 1895, т. III стр. 86.

совать, стало втупикъ: можно ли, или нельзя заниматься ему лѣпленіемъ? Этотъ головоломный вопросъ разрѣшился только съ пріѣздомъ Ускова и разрѣшился простыми словами: «что не запрещено, то дозволено». Для новаго занятія нужно было имѣть хоть сколько-нибудь подходящее мѣсто, а его-то и недоставало.

«Теперь, писалъ онъ 15 іюня 1853 г. Артемовскому,[2]) съ тоски занимаюсь скульптурой; но Боже мой! какъ жалко заниматься этимъ новымъ для меня искусствомъ въ казармахъ, гдѣ помѣщается цѣлая рота солдатъ! А о модели и говорить нечего! Бѣдное занятіе!».

Между давними пріятелями-товарищами Шевченка по академіи былъ нѣкто Іохимъ, который могъ оказать содѣйствіе въ дѣлѣ «новаго занятія». Тарасъ Григорьевичъ нѐ вдругъ, однако, рѣшился обратиться къ нему, боясь, чтобы и онъ не замолчалъ такъ, какъ это сдѣлали другіе, напр., Михайловъ, другъ-товарищъ по академіи. «Да и одинъ ли онъ?—говоритъ поэтъ въ письмѣ къ Артемовскому: «Перовскій привезъ съ собою въ Оренбургъ нѣкоего Гороновича, тоже моего товарища по академіи, и когда его спросили, не знакомъ ли онъ со мной, онъ отвѣчалъ, что никогда меня не встрѣчалъ».—Посылая письмо къ Іохиму чрезъ Артемовскаго, художникъ нашъ просилъ: «если онъ и теперь занимается гальванопластикой и у него есть формы небольшихъ фигурокъ, то пу-

[1]) Основа 1861. г., кн. 4, стр. 11—13.

скай выберетъ одну или двѣ поизящнѣе да выльетъ хоть изъ папье-маше и перешлетъ». Думалъ нашъ художникъ устроить небольшой гальванопластическій аппаратъ; но въ Астрахани нельзя было достать ни муравленнаго горшка, который при этомъ необходимъ, «а о мѣдной проволокѣ и не слыхали въ Астрахани». Прося еще у Іохима практическихъ указаній по гальванопластикѣ, Тарасъ Григорьевичъ въ заключеніе не удержался отъ ироніи надъ самимъ собою: «Эхъ, то-то дурный Тарасе! було бъ не пысать виршивъ (стихотвореній), та не впыватыся горилочкой (водкою), а учыться чому доброму, отъ бы теперъ, якъ нахидка; а то посывивъ, оголомозивъ (полысѣлъ), дурню, та й захожуеться учыты фызику... Не думаю, чтобы изъ этого вышло что-нибудь, потому что я отъ природы какой-то неоконченный: учился живописи и не доучился; пробовалъ писать и вышелъ изъ меня солдатъ, да какой солдатъ! просто копія съ того солдатскаго портрета, который у Основьяненка (Квитки) написалъ Кузьма Трофимовичъ. А тѣмъ временемъ старѣюсь, болѣю, должно быть, съ тоски да неволи. И конца моей грустной перспективѣ не вижу; безъ протекціи и видѣть его не возможно; а у меня какая протекція!.. Были люди, но

„Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече.“

Остается одно—бродить здѣсь по степи, долго еще бродить да курныкать: «Доле, моя доле! чомъ ты не такая, якъ ынша чужая».

Не знаемъ, что сдѣлалъ Іохимъ для Шевченка; вѣроятно, удовлетворилъ его желаніе; не знаемъ, какъ много успѣлъ въ новомъ занятіи нашъ художникъ; знаемъ только, что онъ энергически принялся лѣпить. Придавленный и обезсиленный духовнымъ голодомъ, духъ поэта-художника долженъ былъ хоть немного ободриться, подняться! Конечно, лѣпить въ качествѣ диллетанта, не то, что творить художественныя произведенія пера или кисти; но и не то, что «ровняться», или вытягивать ногу «тихимъ учебнымъ шагомъ».

Изъ переписки Шевченка съ Артемовскимъ, Брониславомъ Залѣскимъ и др. и изъ воспоминаній Косарева извѣстно, что Тарасъ Григорьевичъ сдѣлалъ не мало лѣпныхъ работъ; между прочимъ «Тріо», «Іоаннъ Креститель», «Христосъ предъ жидами» и др. Послѣдняя представляла мучимаго Спасителя, а предъ нимъ еврей, присѣвши на колѣни и высунувъ языкъ, дразнитъ Спасителя.—Группа изъ быта степныхъ киргизовъ представляла киргиза, сидящаго въ кибиткѣ и играющаго на домбрѣ; предъ кибиткою стоитъ его жена, толчетъ просо и усмѣхается, у ногъ ея двое голыхъ дѣтей; къ кибиткѣ привязанъ съ правой стороны теленокъ, съ лѣвой коза.

Лѣтомъ 1853 г. въ Новопетровскъ пріѣхалъ съ научными цѣлями извѣстный академикъ Беръ; черезъ камердинера его, Петра, Тарасъ Григорьевичъ передалъ Артемовскому нѣкоторыя свои скульптурныя работы. Признавая недостатки въ

своихъ скульптурныхъ издѣліяхъ, онъ писалъ 6 октября[1]: «вылѣпить-то я кое-какъ вылѣплю, а вылить и до сихъ поръ не сумѣю, да и матерьяла хорошаго негдѣ взять. Іохиму не показывай моего «Тріо», а то онъ, я хорошо знаю, разбранитъ меня; попроси его прислать мнѣ чрезъ того же Петра какой-нибудь маленькій барельефъ. Весною слѣдующаго года Беръ опять будетъ у насъ и привезетъ мнѣ подарокъ Іохима. Видишь ли, рисовать мнѣ запрещено, а лѣпить можно, вотъ я и лѣплю; но кругомъ себя не вижу ничего, кромѣ степи да моря, а хотѣлось бы хоть посмотрѣть на что-нибудь хорошее; можетъ и моя старая измученная душа воспрянула бы и заплакала, глядя на прекрасное созданіе рукъ человѣческихъ... Теперь хоть бы постоять возлѣ академіи, а прежде!... Да что ужъ вспоминать»!...

Почти въ то же время Шевченко пробовалъ заниматься фотографіею. Фотографія въ то время была дѣломъ новымъ и значительно дорогимъ.

X.

Мы уже знаемъ, что Новопетровскъ находился среди голой, однообразной, пустынной степи, которая своимъ однообразіемъ увеличивала скуку и тоску обывателей, а въ особенности такого любителя природы, какимъ былъ нашъ художникъ-изгнанникъ. Полное отсутствіе дре-

---

[1]) Основа, 1862 г., іюль, стр. 14.

весной растительности не могло не отзываться неблагопріятно и на физическомъ здоровьѣ, большею частью, подневольныхъ, прибывшихъ издалека, обитателей форта. Шевченку пришла благая мысль завести въ фортѣ садъ. Мысль свою онъ высказалъ Ускову, который принялъ ее сочувственно и пригласилъ поэта къ совмѣстному труду по разведенію сада. Пылкая украинская душа поэта страстно отнеслась къ этому дѣлу: сейчасъ же Тарасъ Григорьевичъ выбралъ мѣсто подъ садъ, сдѣлалъ планъ, разбилъ избранное мѣсто, и осенью 1853 г. закипѣла работа. Солдаты, истомленные однообразіемъ казарменной жизни, охотно взялись разбивать дорожки, копать ямы для деревьевъ и т. п. Деревья привозили частью изъ Астрахани и Гурьева, а большею частью, по совѣту Шевченка, изъ ущелья Ханга-Баба. Отсюда перевозили большія шелковичныя деревья. На томъ мѣстѣ, гдѣ разбили садъ, росла уже одинокая верба, тѣсно связанная съ судьбою Тараса Григорьевича. Когда въ октябрѣ 1850 г. его по этапу препровождали чрезъ Гурьевъ, онъ поднялъ на улицѣ вербовый колъ и, привезя его въ Новопетровскъ, воткнулъ въ землю на солдатскомъ огородѣ; за три года колъ превратился въ значительное дерево, подъ тѣнью коего поэтъ проводилъ потомъ въ лѣтнее время остальные три года своего пребыванія въ «незамкнутій тюрьми»[1]). Въ новоустроенномъ саду была сдѣлана бесѣдка для коменданта и не-

[1]) Русск. Стар. 1891 г., кн. 5, стр. 434; Кобзарь, т. 3. Записки Шевченка іюнь—іюль.

большая землянка аршина на два надъ землею[1]). Землянка, якобы лѣтній кабинетъ коменданта, сослужила поэту огромную услугу. Здѣсь онъ могъ въ теплое время рисовать и писать (конечно, не на родномъ языкѣ), никѣмъ не соглядаемый[2]).

Благодаря этой землянкѣ, Шевченко началъ писать повѣсти на русскомъ языкѣ. Первою повѣстью его была «Княгиня». Къ ней присоединенъ автобіографическій разсказъ о дѣтствѣ автора. Въ другихъ повѣстяхъ его на русскомъ языкѣ (всѣ они написаны въ Новопетровскѣ) также разсказаны различные эпизоды изъ его жизни; напр., въ «Художникѣ» — юность, въ «Близнецахъ»—походъ съ экспедиціею Бутакова, и т. п.

Заниматься въ землянкѣ можно было только лѣтомъ; зимою же эти занятія (писать и рисовать), какъ запрещенныя, были не возможны въ казармѣ. Правда, впослѣдствіи разрѣшено было Шевченку писать по-русски подъ присмотромъ офицеровъ; но душа поэта не могла быть удовлетворена такимъ разрѣшеніемъ. Усковъ хорошо понималъ, съ одной стороны, что на болѣе широкое разрѣшеніе — писать на родномъ языкѣ поэта, разсчитывать нельзя; а съ другой—видѣлъ,

---

[1]) Изъ частнаго письма.

[2]) По уничтоженіи въ 1857 г. форта, Новопетровское укрѣпленіе переименовано въ Александровскъ — уѣздный городъ Мангишлакскаго уѣзда. Садъ этотъ сдѣлался городскимъ и названъ садомъ Шевченка. Землянка, нѣсколько преобразована, обращена въ дамскую уборную и сохраняетъ названіе домика Шевченка.

что воспрещеніе рисовать страшно угнетаетъ художника и, какъ не имѣющее подъ собой очевидной фактической причины, легче казалось ему устранимымъ. Какъ человѣкъ съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, комендантъ пожелалъ офиціальнымъ путемъ облегчить горе художника. Онъ посовѣтовалъ ему подать просьбу о дозволеніи ему нарисовать маслянными красками на свой счетъ запрестольный образъ, котораго не было въ Новопетровской церкви. Разсчетъ, очевидно, былъ тотъ, что разъ послѣдуетъ на это дозволеніе, то тѣмъ самымъ и общее запрещеніе остается только въ теоріи; для написанія образа можно было бы отвести какое-нибудь сносное особое помѣщеніе, гдѣ Тарасъ Григорьевичъ могъ бы свободно отдаваться своему излюбленному занятію живописью.

Просьба подана. Ближайшій начальникъ художника Косаревъ далъ отзывъ, что за все время пребыванія Шевченка въ Новопетровскѣ онъ не замѣтилъ за нимъ ничего предосудительнаго и вообще онъ ведетъ себя хорошо. Комендантъ 7 генваря 1854 г. представилъ начальнику штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса просьбу Шевченка, добавивъ отъ себя, что рядовой Шевченко, бывшій художникъ Санктъ-Петербургской Академіи художествъ, можетъ написать образъ хорошей живописи.»[1])

Казалось, что отказа ожидать нельзя! Но увы! 16 апрѣля комендантъ получилъ изъ Орен-

[1]) Русск. Стар. 1891, кн. V, стр. 440.

бурга увѣдомленіе, что «корпусный командиръ не изволилъ изъявить согласія на дозволеніе рядовому Шевченкѣ нарисовать запрестольный образъ въ Новопетровскую церковь.»[1])

Отказъ глубоко опечалилъ Тараса Григорьевича. «Не знаю ужъ, что и думать о моемъ несчастіи, писалъ онъ Залѣскому.—Начальникъ ли батальона Львовъ, или кто другой, причиною этой катастрофы!?».. Неудача эта такъ придавила художника. что онъ «потерялъ всякую надежду хоть на какое-нибудь улучшеніе горькой участи его.»[2])

Черезъ два мѣсяца послѣ этого отказа, Шевченко писалъ тому же Залѣскому: «Грустно, очень грустно! При такихъ неудачахъ и величайшій поэтъ откажется отъ всякой надежды на лучшую долю, а мнѣ, безталанному, и давно можно закрыть глаза на лучшее будущее.»[3])

Вполнѣ достовѣрныхъ извѣстій о причинѣ столь рѣзкаго отказа до сихъ поръ неизвѣстно; въ Новопетровскѣ же говорили, что кто-то изъ офицеровъ, узнавши, что Усковъ ходатайствуетъ о дозволеніи Шевченку нарисовать образъ и будучи не доволенъ на коменданта за оказываемое поэту вниманіе, послалъ доносъ въ Уральскъ баталіонному командиру Львову. Послѣдній разгнѣвался на Ускова за то, чтоо нъ не испросилъ его согласія прежде чѣмъ писать въ штабъ, и написалъ въ Оренбургъ, чтобы отказали въ хода-

[1]) Тамъ же.
[2]) Кіев. Стар. 1883 г., кн. 3, письма къ Залѣскому.
[3]) Кіев. Стар., 1883 г., кн. 2.

тайствѣ. Этотъ слухъ подтверждается отчасти и жалобами Шевченка на того же Львова, высказанными въ письмахъ къ Залѣскому.

Конечно, всего этого недостаточно еще, чтобы доносъ признать фактомъ. Быть можетъ, въ уральскихъ архивахъ нашлись бы достовѣрные документы для разрѣшенія этого сомнѣнія.

XI.

Въ это-то тяжелое время значительную услугу въ облегченіи безнадежной тоски поэта оказала переписка его съ друзьями, особенно съ Залѣскимъ, присылка ему книгъ, кое-какая возможность рисовать сухими красками и пересылать свои рисунки друзьямъ; но болѣе всего благотворно повліялъ на поэта пріѣздъ съ экспедиціею академика Бера, молодого ученаго украинца Данилевскаго.—«Данилевскій такой человѣкъ,—писалъ поэтъ Залѣскому 9-го октября 1854 г.[1])—что можетъ въ нашей пустынѣ вскружить и не мою голову. Во все время пребыванія его здѣсь, я почти не разставался съ нимъ. Онъ своимъ присутствіемъ оживилъ во мнѣ, одинокомъ, давно прожитые прекрасные дни. Все, что хотѣлось бы написать тебѣ о немъ, не помѣстилось бы на двухъ дестяхъ бумаги, а потому ограничусь, сказавъ только, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ; жаль только, что онъ ученый, а то былъ бы настоящій

[1]) Кіев. Стар., 1883 г., кн. I, стр. 173.

поэтъ». Чрезъ мѣсяцъ поэтъ, опять возвращаясь къ воспоминаніямъ о пребываніи Данилевскаго, писалъ: «онъ прогостилъ у насъ только два мѣсяца, и за это время я сблизился съ нимъ до искренней дружбы; проводивши его, я чуть съ ума не сошелъ. Въ первый разъ въ жизни моей я испытываю такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалось мнѣ такимъ мрачнымъ, какъ теперь. Только съ полученіемъ твоего письма я началъ приходить въ себя, началъ чувствовать и думать. Думы мои по прежнему не радужныя, но все-таки думы. Ты говоришь, что ты въ своемъ углу (въ Златоустовѣ) сроднился съ своимъ безотраднымъ одиночествомъ: я тоже думалъ, пока не показался въ моей широкой тюрьмѣ живой человѣкъ—человѣкъ умный, благородный въ широкомъ значеніи этого слова, и показался для того, чтобы встревожить мою дремавшую бѣдную душу; все же я ему благодаренъ глубоко».

Въ томъ же году въ Новопетровскъ Бодянскій переслалъ поэту лѣтописи. Въ письмѣ чрезъ уральскаго козака Савича, поэтъ, благодаря за нихъ своего друга, просилъ выслать ему «Слово о Полку Игоря:». «Видишь ли писалъ онъ: у меня давно родилась мысль перевесть его на нашъ милый, на нашъ дорогой украинскій языкъ. Писалъ я въ Кіевъ Иванишеву, прося выслать лѣтопись Величка, но, увы! другой годъ жду. Должно быть Иванишевъ забылъ, какъ и звать меня!» [1]).

---

[1]) Русск. Стар. 1883, кн. IX, стр. 643

Лѣто прошло. Въ степи застоналъ вѣтеръ холодный и «заквылывъ звирь голодный»; заревѣло море; «забытая Богомъ, проклятая людьми пустыня», полная скорби, сдѣлалась могилою, которую глубже, тяжелѣе всѣхъ чувствовалъ Шевченко.

Съ отъѣздомъ Данилевскаго, мрачная атмосфера казармы одиночества среди «общества» и гнетущая тоска опять окружаютъ изгнанника.

Изъ воспоминаній Косарева и Зорянко, относящихся къ этому времени—можно бы думать, что Тарасъ Григорьевичъ постоянно находился въ обществѣ офицеровъ. «Когда мы,—говоритъ Косаревъ,—узнали, за что Шевченко попалъ подъ красную шапку, такъ всѣ—и семейные и холостые начали принимать его у себя, какъ родного.» Но едва ли оно въ самомъ дѣлѣ было такъ. А. Е. Ускова сообщила, что «офицеры въ фортѣ (конечно, не всѣ) не любили Тараса; они знали, что онъ имѣлъ о нихъ дурное мнѣніе. Дѣйствительно, большинство офицеровъ Шевченко считалъ, не безъ основанія, глупцами и пьяницами. Онъ не любилъ общества офицеровъ и избѣгалъ его».

Къ воспоминаніямъ Косарева надо относиться критически и брать изъ нихъ только то, что не возбуждаетъ сомнѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущены у него такія противорѣчія[1]),

[1]) Укажемъ нѣкоторыя. Извѣстно, что въ Новопетровскѣ до мая 1857 г. Шевченко не написалъ ни одного малорусскаго стихотворенія, а Косаревъ увѣряетъ, что Шевченко написалъ тамъ „Кобзаря“. Изъ Новопетровска Шевченко выѣхалъ 2 августа 1857 г. на Астрахань въ С.-Петербургъ, а по словамъ Косарева, онъ выѣхалъ въ концѣ августа чрезъ Уральскъ въ Кіевъ.

изъ которыхъ очевидно, что почтенный старикъ записывалъ и разсказывалъ свои воспоминанія о Шевченкѣ тогда уже, когда память не всегда одинаково служила. Во всѣхъ отношеніяхъ я принимаю съ полною достовѣрностью свѣдѣнія, сообщенныя г-жей Усковой, такъ какъ они въ весьма многомъ согласны съ фактами, оставленными намъ поэтомъ въ своей перепискѣ и въ дневникѣ.

Изъ послѣднихъ мы и знаемъ, что большинства новопетровской «интеллигенціи» поэтъ чуждался, называлъ её «болотомъ» и т. п. Да и понятно: могъ ли столь чистый и нравственный человѣкъ не чуждаться такихъ индивидуумовъ, какихъ мы уже видѣли въ лицѣ Потапова, Обрядина, Мѣшкова и какихъ увидимъ ниже въ лицѣ Кампіони и т. п.

Всѣ дошедшія къ намъ свѣдѣнія о Новопетровскомъ укрѣпленіи единогласно свидѣтельствуютъ, что между офицерами форта была развита до высокой степени выпивка, въ которую нерѣдко втягивали и Шевченка. Справедливость не позволяетъ строго осуждать людей, заброшенныхъ въ пустыню; мы понимаемъ причину возліяній Бахусу, причину деморализаціи и т. п., но жить въ обществѣ Обрядиныхъ, Кампіони и т. п. никто изъ насъ, конечно, не пожелалъ бы.

Вотъ, напр., одинъ офицеръ, вооружившись четвертью ведра водки, торжественно отправляется съ нею къ родителямъ своей невѣсты, пьетъ съ отцомъ невѣсты, потомъ вступаетъ съ

нимъ въ ссору, окончившуюся взаимнымъ пораненіемъ.

Обливаясь кровью, женихъ бѣжитъ къ швеѣ, забираетъ подвѣнечное платье невѣсты и относитъ въ кабакъ, какъ залогъ за выпитую водку!

Другому офицеру пришла охота повеселить свою невѣсту. Онъ призываетъ съ двухъ ротъ пѣсенниковъ съ бубнами, тарелками и т. п. Когда весь солдатскій репертуаръ былъ исполненъ, офицеръ приказалъ солдатамъ «покачать» его. Но едва солдаты подбросили въ десятый разъ своего пьянаго начальника, крича «ура», какъ показался комендантъ. Перепуганные солдаты, бросивъ среди улицы своего отца-командира, разбѣжались во всѣ стороны; а командиръ былъ на столько пьянъ, что не могъ подняться на ноги.[1])

«Разъ,—разсказываетъ Косаревъ,- выхожу я въ три часа ночи изъ дома и слышу возлѣ офицерскаго флигеля пѣніе. Подхожу и вижу: четверо несутъ на плечахъ дверь, на которой лежитъ два человѣка, покрытые шинелью, остальные идутъ по сторонамъ и поютъ «Святый Боже!», точно хоронятъ кого.—«Что это, господа, вы дѣлаете?» спрашиваю. «Да вотъ, говорятъ, была у насъ гулянка, на которой двое нашихъ—Шевченко и поручикъ Б. легли костьми, такъ мы ихъ и разносимъ по домамъ.»

Другой разъ на охотѣ съ офицерами и съ комендантомъ, пока происходила охота, Шевченко

[1]) Записки Шевченка, стр. 48.

вмѣстѣ съ козакомъ выпили четыре бутылки водки. «Смѣху и шуткамъ,— говоритъ Косаревъ,— не было конца, но мнѣ было и больно и досадно. На другой день я сгоряча нарядилъ Шевченка не въ очередь въ караулъ; сутокъ трое потомъ не говорилъ даже съ нимъ, а затѣмъ призываю и говорю: «Бога ты не боишься, Тарасъ Григорьевичъ! Хотя бы малость себя поберегъ. Вѣдь предъ тобой цѣлая еще жизнь!» — «Да на что мнѣ такая жизнь, отвѣчалъ Тарасъ Григорьевичъ: кому она нужна? со свѣту бы поскорѣй»...

Кому не понятенъ весь трагизмъ, выраженный въ этомъ отвѣтѣ?

Не хорошо, повидимому, и то, что Шевченко, порицая другихъ за пьянство, самъ напивался вмѣстѣ съ ними до безчувственности: въ этомъ-то кроется еще большая, никому не зримая драма.

Могъ ли Шевченко, не говоря о другихъ причинахъ, заставлявшихъ его «заливать свое горе», —могъ ли онъ отказываться отъ участія въ попойкахъ, если его приглашали офицеры? Не такъ-то легко это было. Разъ онъ попробовалъ и дорого поплатился. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Однимъ словомъ, общество офицеровъ, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, не могло привлекать къ себѣ нашего поэта. «Кто не пилъ, тотъ игралъ въ карты, а Шевченко картъ не любилъ, питалъ къ нимъ отвращеніе», —говоритъ А. Е. Ускова.

Женское общество онъ всегда любилъ; но въ Новопетровскѣ долженъ былъ и его избѣгать, потому что тамъ, кромѣ сплетенъ, ни о чемъ другомъ разговора не было. «Видя предъ собою постоянно людей или тупыхъ, или пьяныхъ, не удивительно сойти съ ума и человѣку, болѣе меня хладнокровному»,—писалъ Шевченко къ Залѣскому [1]). Въ письмѣ къ Осипову [2]), онъ еще рельефнѣе говоритъ объ офицерахъ форта: «Я радъ, что вамъ случилось увидѣть хоть одну изъ тѣхъ амфибій, среди которыхъ я прозябаю столько лѣтъ; но вы видѣли лучшій экземпляръ, одушевленный чѣмъ-то похожимъ на мысль и чувство; а если бы вы увидѣли однородныхъ съ нимъ! Но нѣтъ! Боже васъ сохрани, чтобы вамъ и во снѣ приснилось такое нравственное безобразіе человѣка. Готы, среди которыхъ Овидій Назонъ влачилъ остатокъ дней своихъ, были дикіе варвары, но не пьяницы; а окружающіе меня—и то и другое. Если бы Гомеръ увидѣлъ этихъ богатырей-питухъ, онъ бы покрутилъ свой сѣдой усъ и принялся бы передѣлывать свою славную эпопею отъ начала до конца». «И у такихъ-то людей я въ кулакѣ сижу! Давятъ, безъ милосердія давятъ, а я долженъ имъ еще и кланяться, а то раздавятъ, какъ вшу, ногтями» [3]).

Чуждаясь офицерскаго общества, Тарасъ Григорьевичъ любилъ посѣщать людей простыхъ,

[1]) Кіев. Стар. 1883 г. Письма Шевченка.
[2]) Моск. Вѣд., 1861 г., № 45.
[3]) Основа, 1862 г., кн. VII, стр. 16.

хоть также очень-очень не съ высокими духовными, моральными качествами; но вѣдь человѣкъ безъ всего можетъ обойтись, а безъ человѣка никогда.

Чаще другихъ навѣщалъ Тарасъ Григорьевичъ стариковъ-супруговъ Зигмонтовскихъ, людей простыхъ, радушныхъ и до извѣстной степени интересныхъ и оригинальныхъ. Люди бездѣтные, старые, обезпеченные вздумали посѣлиться въ Новопетровскѣ. «Она—добродушная, улыбающаяся, гостепріимная старуха, бывшая нѣмка, теперь православная; онъ—безвредный и наивный лгунишка. Происхожденіе свое онъ ведетъ отъ короля польскаго Сигизмунда; о ближайшихъ предкахъ, какъ и о виновникѣ своего существованія, не упоминаетъ; дѣтство его покрыто мракомъ неизвѣстности. Первую часть юности провелъ въ Петербургѣ у табачника Головина въ качествѣ домашняго учителя дѣтей. Тогда-то случилось съ нимъ таинственное происшествіе, вдругъ поставившее его на ноги. Однажды ночью на улицѣ, кажется, на Литейной, схватываютъ его два гайдука, садятъ въ карету, завязываютъ глаза, везутъ, везутъ и привозятъ прямо въ роскошнѣйшій будуаръ. Является, наконецъ, таинственная обладательница будуара, вся въ дезабилье, только лицо прикрыто маской. Тутъ таинственная любовь... Потомъ ему опять завязываютъ глаза и отвозятъ туда, гдѣ взяли, вручивъ ему 20 тысячъ. Потомъ онъ вступилъ въ кружокъ поклонниковъ Мельпомены, гдѣ имѣлъ блестящій успѣхъ въ роляхъ

Эдипа, Димитрія Донского и т. п. Къ несчастью, не помнитъ за какую роль, по проискамъ знаменитаго учителя Каратыгина — Яковлева, долженъ былъ оставить избранное поприще и поступить въ моряки. Онъ совершилъ два раза плаваніе вокругъ свѣта и одинъ разъ вмѣстѣ съ Лазаревымъ къ южному полюсу. Во время плаванія узналъ, что прованское масло добывается между Ливорно и Сингапуромъ на островѣ Провансѣ. Изъ корабля перешелъ въ одесскій земскій судъ и велъ жизнь отчаяннаго кутилы, попалъ въ общество политиковъ и былъ сосланъ въ крѣпость Измаилъ безсрочнымъ арестантомъ. Здѣсь сдѣлался правой рукой коменданта и былъ переведенъ въ Астрахань квартальнымъ надзирателемъ; но эта щекотливая служба заставила переселиться въ Новопетровскій фортъ».

«Кампіони (офицеръ)— продолжаетъ Шевченко,—неменьшій враль, но не такой безвредный и совѣстливый». Зигмонтовскихъ поэтъ называлъ Филемономъ и Бавкидою и приносилъ имъ съ огорода укропъ, петрушку и т. п. злаки и за это получалъ для чтенія С.-Петербургскія Вѣдомости» [1]).

По словамъ Косарева, Шевченко, имѣя чистый звонкій теноръ, любилъ пѣть; пѣлъ украинскія пѣсни и участвовалъ въ церковномъ хорѣ. Участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ; игралъ въ «Свои люди сочтемся»—роль Рисположенскаго.

[1]) Основа, 1861 г., іюль, 15 — 16; Кобзарь, т. 3. Записки Шевченка, стр. 36—38.

Послѣ спектакля танцовалъ трепака, и, гдѣ случались частныя вечеринки съ танцами, онъ никогда не отказывался исполнять этотъ танецъ [1]).

Напротивъ, А. Е. Ускова сообщаетъ, что въ церкви никогда не видѣла Шевченка. Пѣть онъ любилъ, но въ обществѣ не пѣлъ, а въ саду; или на огородѣ, будучи одинъ, пѣлъ иногда въ полголоса. За все время пребыванія своего въ Новопетровскѣ она никогда не видѣла и не слыхала, чтобы Шевченко участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, а тѣмъ болѣе, чтобы танцовалъ да еще трепака.

Я принимаю послѣднее свѣдѣніе г-жи Усковой, какъ достовѣрное.

Спектакли были еще при жизни Маевскаго на праздникахъ Рождества Христова, первый разъ, когда, будто бы, участвовалъ и Шевченко, 26 декабря 1850 г., т. е. чрезъ два мѣсяца послѣ того, когда поэтъ, измученный полугодовымъ заключеніемъ въ Орскомъ казематѣ, прибылъ въ Новопетровскъ. Трудно повѣрить, чтобы поэтъ согласился лицедѣйствовать на потѣху своихъ надзирателей. Еще менѣе возможно допустить, чтобы Шевченко на потѣху той же публики, которую онъ называлъ готами и амфибіями, пошелъ плясать свой *національный* танецъ! Не такова была психологія Шевченка! Мы видѣли уже, съ какимъ уваженіемъ онъ относился къ Обеременку за сохраненіе послѣднимъ національнаго достоинства.

[1]) Кіев. Стар., 1893 г., кн. 2, стр. 251—264.

XII.

Единственнымъ семейнымъ домомъ, гдѣ Тарасъ Григорьевичъ часто бывалъ и гдѣ хоть сколько нибудь отдыхалъ душою, былъ домъ Усковыхъ. Сюда привлекала его во-первыхъ любовь къ дѣтямъ, во-вторыхъ радушная простота, сердечность и извѣстная просвѣщенность хозяевъ. Есть извѣстіе, будто Тарасъ Григорьевичъ училъ дѣтей коменданта, но Маевскій былъ холостъ, а дѣти Усковыхъ даже при отъѣздѣ поэта изъ укрѣпленія были такъ малы, что ихъ учить еще нельзя было. Даже старшая дочь Усковыхъ не умѣла тогда еще правильно выговаривать словъ и вмѣсто «Григорьевичъ» произносила «Горичъ».

Не менѣе, если не болѣе, чѣмъ любовь къ дѣтямъ, въ домѣ Усковыхъ привлекала впечатлительнаго поэта-страдальца особа А. Е. Усковой.

Напомнимъ еще разъ, что Тарасъ Григорьевичъ любилъ женское общество; но съ 5 апрѣля 1847 г. и до пріѣзда въ Новопетровскъ Усковыхъ, за исключеніемъ 3—4 мѣсяцевъ въ Оренбургѣ, т. е. цѣлыхъ шесть лѣтъ, онъ былъ лишенъ образованнаго женскаго общества. И вотъ въ «дикой пустынѣ», среди «или тупыхъ, или пьяныхъ готовъ» встрѣчаетъ онъ молодую, прекрасно образованную и добрую женщину; она—нѣжная мать; она радушна къ изгнаннику; она сочувственно относится къ его горькой участи. Было бы совсѣмъ странно, если бы въ измученномъ,

впечатлительномъ сердцѣ поэта, въ воспріимчивой душѣ его не загорѣлось, кромѣ чувства благодарности, иное чувство. И оно вспыхнуло.

Это было столь же натурально, сколько натурально человѣку, любящему красоту природы (а Шевченко страстно любилъ её!), послѣ чрезвычайно суровой зимы наслаждаться прелестями ожившей весною природы; такъ же естественно, какъ естественно человѣку послѣ долгой тяжелой болѣзни вдыхать чистый весенній воздухъ. Вспомнимъ, что въ продолженіе шести лѣтъ Тарасъ Григорьевичъ не имѣлъ возможности хоть «посмотрѣть на что-либо хорошее». Послѣ темныхъ и тяжкихъ годовъ, среди глубокаго мрака блеснулъ предъ нимъ ясный лучъ свѣта женскихъ глазъ. Онъ услышалъ ласковое, привѣтливое слово, онъ почувствовалъ незримую силу нравственной теплоты, которая поднимаетъ духъ, придаетъ энергію, окрыляетъ надежду и заставляетъ жить. Агата Емельяновна явилась предъ страдальцемъ, «словно посланницею неба» и добрыя, чистыя отношенія ея къ нему не могли не зажечь «святымъ огнемъ» его нѣжнаго сердца. Онъ полюбилъ ее... «Она,—писалъ онъ къ Залѣскому 9 октября 1854, [1])—прекрасная женщина, для меня она истинная благодать Божія. Это одно единственное существо, съ которымъ я увлекаюсь иногда даже до поэзіи. Слѣдовательно, я болѣе, или менѣе, счастливъ; можно сказать я совершенно счастливъ, да и можетъ ли быть иначе

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., письма Шевченка.

въ присутствіи высоконравственной и физически прекрасной женщины? Великая вещь—сочувствіе ко всему благородному, прекрасному, а если это сочувствіе раздѣляется съ кѣмъ-либо, тогда человѣкъ не можетъ не быть счастливъ.»

Чувство поэта дѣлалось все глубже. Чрезъ пять мѣсяцевъ онъ признается своему другу, что «полюбилъ её возвышенно, чисто всѣмъ сердцемъ, всею благородною душею. Не допускай, другъ мой, и тѣни чего-либо порочнаго въ непорочной любви моей! Какое чудное созданіе—непорочная женщина! Это самый блестящій перлъ въ вѣнцѣ созданія. Если бы не это единственное существо, близкое моему сердцу, я не зналъ бы что съ собою дѣлать!»[1])

Онъ представлялъ себѣ этотъ «перлъ» совершенствомъ; и былъ такъ очарованъ, что въ немъ не видѣлъ мѣста ничему, что нарушало бы совершенство; но, спустя болѣе года, онъ замѣтилъ, что его идеалъ играетъ въ карты. Чистая душа поэта омрачилась и въ новомъ письмѣ его къ Залѣскому уже проглядываетъ разочарованіе. «Моя нравственная, моя единственная опора и та пошатнулась. Картежница! Или это мнѣ такъ кажется, или оно и въ самомъ дѣлѣ такъ?» — Конечно одной игры въ карты не достаточно было для разочарованія, но достаточно для сомнѣнія Разъ зародилось въ душѣ сомнѣніе, человѣкъ начинаетъ принимать во вниманіе иногда совсѣмъ ничтожныя мелочи.

---

[1]) Кіев. Стар., 1883 г., кн. III, стр. 612.

Я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы сказать, какъ относилась Агата Емельяновна къ чувству Тараса Григорьевича. Даже не могу сказать, знала ли она доподлинно изъ устъ самого поэта объ этомъ чувствѣ; знаю только, что, живя среди людей, погруженныхъ въ міръ сплетенъ, она и по положенію мужа не могла пренебрегать слухами, которые начали ходить на ея счетъ. Она почти ежедневно въ хорошую погоду выходила гулять на кладбище; иногда въ этихъ прогулкахъ сопровождалъ её Шевченко. «Я,—говоритъ она,—рада была его обществу; онъ умѣлъ на могильныхъ памятникахъ киргизовъ разбирать, что означаетъ то или иное изображеніе. По нимъ онъ объяснялъ, чѣмъ умершій занимался въ жизни, возлѣ чего трудился и т. п. Да и вообще у Шевченка, какъ человѣка образованнаго, не было во время прогулокъ недостатка въ темахъ для разговора. Разговоръ всегда далекъ былъ отъ мелкихъ интересовъ ежедневной черезъ-чуръ ужъ мелочной жизни новопетровцевъ. Такимъ образомъ прогулки наши продолжались долгое время, пока я не узнала, что на нашъ счетъ начинаютъ сплетничать. Разъ какъ-то лѣкарь Никольскій сообщилъ мнѣ, будто шутя, что если я желаю, то онъ можетъ показать мнѣ мѣсто, гдѣ Шевченко ожидаетъ, пока я выйду гулять. Мнѣ было непріятно слышать это и, чтобы прекратить толки, я перестала ходить гулять. Шевченко удивлялся этому, спрашивалъ о причинахъ, но я никому не объясняла настоящей причины, и послѣ этого началось его охлажденіе ко мнѣ».

Конечно, эта причина имѣла большее значеніе, чѣмъ игра въ карты. Разумѣется, и безъ того должно было неизбѣжно наступить охлажденіе. Не тѣ уже годы были, чтобы столь горячее чувство могло долго продолжаться. Но «прекращеніе прогулокъ» глубоко опечалило поэта: онъ «едва различалъ бѣлое отъ черного».

Разочарованіе и охлажденіе совершались, разумѣется, медленно, борьба съ самимъ собою продолжалась долго. Остатки чувства проявлялись еще въ 1856 г., и вспыхивающее иногда пламя поэтъ тушилъ виномъ. Разъ лѣтомъ 1856 г., когда Усковы сидѣли за обѣдомъ, явился Шевченко до такой степени пьяный, что, идя по комнатѣ, долженъ былъ держаться за стѣну, чтобы не упасть. Это былъ *первый и единственный* разъ, когда Усковы видѣли его пьянымъ. Агата Емельяновна встала изъ-за стола и ушла. На другой день онъ пришелъ съ повинной, прося извиненія. Агата Емельяновна «была такъ неосторожна, что упрекнула его своими благодѣяніями», и «я,—говоритъ поэтъ въ письмѣ къ Залѣскому,—отряхнулъ прахъ отъ ногъ моихъ и повторяю слова великаго флорентинскаго изгнанника:

„Горекъ хлѣбъ подаянія
И жестки ступени чужого крыльца".

Но при всемъ томъ до самаго выѣзда Шевченка изъ Новопетровска между нимъ и Усковыми сохранились хорошія отношенія. За мѣсяцъ до выѣзда онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «все свободное время я провожу въ

семействѣ Усковыхъ. Это—единственное мое утѣшеніе и отдыхъ въ этомъ глухомъ и отвратительномъ закоулкѣ-фортѣ».

XIII.

Въ концѣ осени 1854 года пріѣзжалъ изъ Оренбурга ревизовать укрѣпленіе генералъ Фрейманъ. Усковъ представилъ ему Шевченка, разсказавъ его злополучную судьбу и просилъ участія. Фрейманъ разсматривалъ сдѣланные Шевченкомъ втихомолку въ землянкѣ рисунки, они ему понравились и, по просьбѣ художника, онъ принялъ одинъ на память. Это была акварель *Ночь*. Тогда же Усковъ обратилъ вниманіе Фреймана, что Тарасъ Григорьевичъ разжалованъ съ правомъ выслуги. Прослужа семь лѣтъ солдатомъ, онъ тѣмъ самымъ пріобрѣлъ право на производство въ унтеръ-офицеры, не говоря уже о заслугахъ его въ экспедиціи Бутакова. Съ производствомъ въ унтеръ-офицеры положеніе его хоть немного улучшилось бы и это былъ бы первый шагъ къ освобожденію.

Фрейманъ, раздѣляя мнѣніе Ускова, принялся по возвращеніи въ Оренбургъ хлопотать и вошелъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору Перовскому. Надежды не сбылись! Въ концѣ марта слѣдующаго года пришло извѣстіе отрицательнаго характера. «Этой убогой надеждой (на производство въ унтеръ-офицеры) жил я,—писалъ Шевченко къ поэту Плещееву[1]),—

[1]) Основа 1862, май, стр. 7.

до конца марта, а предъ Пасхой почта привезла приказъ маіора Львова, чтобы взять меня въ руки и непремѣнно къ его пріѣзду сдѣлать образцовымъ фронтовикомъ, а не то, я никогда не долженъ надѣяться на облегченіе своей участи. Такъ я встрѣтилъ праздникъ Пасхи! Праздникъ прошелъ и теперь изъ меня старика по восьми часовъ въ день тянутъ жилы».

Недѣли черезъ двѣ Шевченко въ письмахъ къ Залѣскому также выражаетъ свое горе по случаю отказа въ облегченіи его участи. «За восемь лѣтъ, кажется, можно было пріучить себя ко всѣмъ неудачамъ и несчастіямъ. Ничего не бывало! Настоящее горе такъ потрясло страшно меня, что я едва владѣю собою; до сихъ поръ не могу придти въ себя. Въ такихъ случаяхъ нуженъ сердцу самый искренній и самый безкорыстный другъ. Полуучастью тутъ не мѣсто, оно хуже холоднаго эгоизма».

Причина отказа въ ходатайствѣ Фреймана — неизвѣстна пока. Самъ Шевченко въ своемъ дневникѣ [1]) на порогѣ уже изъ своей «широкой» тюрьмы спрашивалъ себя: чему я обязанъ, что въ продолженіе десяти лѣтъ не произвели меня даже въ унтеръ офицеры? Той ли антипатіи къ военному сословію, которая сидитъ во мнѣ, или же своему хохлацкому упрямству? Кажется и тому и другому».

Придавленная отказомъ надежда должна была въ душѣ изгнанника оживиться событіемъ,

[1]) Основа 1861, іюнь. Кобзарь, т. III, стр. 19.

совершенно неожиданнымъ. 18 февраля скончался Императоръ Николай Павловичъ. Извѣстно, что воцареніе новаго Императора всегда сопровождается у насъ Высочайшими милостями. Естественно было и Шевченку ожидать амнистіи или, по крайней мѣрѣ, значительнаго облегченія своей горькой доли.

Первый Всемилостивѣйшій манифестъ Императора Александра Николаевича, изданный 27 марта 1855 года, не коснулся Шевченка. Но о содержаніи его въ Новопетровскомъ укрѣпленіи ничего достовѣрнаго не знали очень долгое время; по крайней мѣрѣ, Шевченко 25 сентября писалъ Залѣскому: «не знаю, имѣлъ ли какое вліяніе на мою судьбу Всемилостивѣйшій манифестъ?» И долго еще послѣ того ждалъ поэтъ и ждалъ напрасно освобожденія по манифесту. Ждалъ его даже спустя годъ послѣ изданія. Когда началось весеннее водяное сообщеніе 1856 г., онъ постоянно ждалъ почты изъ Оренбурга; «она должна была привезти мнѣ освобожденіе по случаю вступленія на престолъ новаго Императора»,—писалъ онъ графинѣ А. И. Толстой,—«но обо мнѣ забыли, меня не выписали изъ списка мучениковъ. Горько получить такое печальное извѣстіе, да еще въ день свѣтлаго праздника (15 апрѣля 1856 г.). Это страшная насмѣшка судьбы.... Невыразимо тяжело.[1]).

Отчаянной скорби поэта полны всѣ его письма, относящіяся къ тому времени. Каждое слово въ нихъ—скорбь и скорбь!

[1]) Русск. Стар. 1883, кн. 3, стр. 614.

Между тѣмъ съ новымъ воцареніемъ повѣяло въ Россіи надеждами на лучшія условія вообще. Общество, словно, проснулось. Нашлись въ Петербургѣ люди, которые вспомнили и о Шевченкѣ: первое мѣсто между этими людьми занимаетъ супруга вице-президента Академіи художествъ графиня Анастасія Ивановна Толстая и извѣстный Сигизмундъ Сѣраковскій. Послѣдній, по освобожденіи изъ ссылки, не замедлилъ послать еще изъ Оренбурга нашему поэту восторженный привѣтъ, полный свѣтлыхъ надеждъ на близкое лучшее. Извѣщая, что Залѣскій получилъ полное освобожденіе и не далѣе перваго іюня возвращается на родину, онъ писалъ (по украински): «Первое твое дѣло, Батьку, ѣду въ Петербургъ и не бойся, тебя не забуду. Ѣду съ полной надеждой, что судьба твоя облегчится: Богъ Великъ, Государь милостивъ, Батьку! великія люди перенесли и великія страданія. Одно изъ величайшихъ (страданій)—безвыходная дикая пустыня. Въ пустынѣ жилъ пѣвецъ Апокалипсиса, въ пустынѣ и ты теперь живешь, нашъ лебедю!» [1]).

Графиня Толстая, не зная Тараса Григорьевича лично, послала къ нему осторожное анонимное письмо, которое получено имъ одновременно—14 апрѣля наканунѣ Пасхи, съ извѣстіемъ, что «его забыли представить къ производству въ унтеръ-офицеры по случаю восшествія на престолъ новаго Государя.» — «Можете

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 83.

судить,—писалъ поэтъ художнику Осипову 20 мая,—[1]) о моей радости, когда я получилъ письмо отъ анонима! Въ остальные дни праздника я только то и дѣлалъ, что читалъ письмо и затвердилъ его до послѣдней буквы, и все-таки не узналъ, кто эта милостивая, человѣколюбивая душа? Итакъ, отъ снѣдающей душу печали перешелъ къ улыбающейся радости и провелъ праздникъ въ кругу васъ, мои благородные друзья. И только въ концѣ Святой немного освободился отъ обаянія, произведеннаго на меня дорогимъ письмомъ».

Выше я сказалъ, что графиня Толстая лично Шевченка не знала. Достовѣрно неизвѣстно, кто познакомилъ ее съ судьбою поэта и съ его горестнымъ положеніемъ въ киргизской пустынѣ и просилъ участія ея? Я полагаю, что такимъ лицомъ былъ, во-первыхъ, извѣстный ученый академикъ Беръ, посѣщавшій съ ученой цѣлью вмѣстѣ съ Данилевскимъ Новопетровское укрѣпленіе, а во-вторыхъ, извѣстный поэтъ графъ А. С. Толстой, родственникъ братьевъ Жемчужниковыхъ, изъ которыхъ Левъ Михайловичъ горячо любилъ и уважалъ нашего поэта. Комендантъ укрѣпленія Усковъ еще въ первый пріѣздъ Бера въ 1854 г. представлялъ ему Тараса Григорьевича и просилъ участія къ судьбѣ его. Можно предполагать, что Беръ посовѣтовалъ Тарасу Григорьевичу, какъ воспитаннику Академіи, обратиться съ письмомъ къ вице-прези-

[1]) Моск. Вѣд., 1862, № 45.

денту графу Ф. П. Толстому. Предполагаю такъ я потому, что еще въ 1855 году художникъ Осиповъ писалъ къ Шевченку: «Графъ Ф. П. Толстой поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ искренно соболѣзнуетъ о вашемъ несчастіи и душевно радъ употребить всѣ зависящія отъ него средства для облегченія вашей участи, если только степень вашего преступленія не будетъ

Л. М Жемчужниковъ.

неодолимымъ препятствіемъ. Начало уже сдѣлано».

Въ чемъ заключалось это начало, мы не знаемъ, равно какъ не знаемъ и того, что отвѣчалъ Осипову Тарасъ Григорьевичъ. Отвѣтъ его не засталъ Осипова въ Петербургѣ. Онъ поступилъ въ ополченіе и отправился въ походъ

на югъ, но письмо прочтено было графинею и изъ анонимнаго письма ея къ поэту можно составить понятіе и о содержаніи письма Тараса Григорьевича къ графу Толстому. «Письмо Ваше къ графу Федору Петровичу, въ которомъ раскаяніе въ заблужденіи молодости выражено такъ сильно, тронуло меня до глубины души и съ тѣхъ поръ вы мнѣ не чужой. Вѣруйте жъ въ лучшее будущее»,—писала графиня.

Тарасъ Григорьевичъ, конечно, догадался, кто таковъ анонимъ: «женщина, мать семейства и жена всѣми любимаго и уважаемаго художника». Отъ 22 апрѣля онъ отвѣчалъ ей: «Награди, Господи, и васъ и близкихъ вамъ радостями. Я ожилъ, я воскресъ и остальные дни праздниковъ находился словно въ родной семьѣ. Девять лѣтъ уже караюсь я за грѣхи молодости»... Описывая свое тяжелое положеніе, поэтъ заканчиваетъ такъ: «О! спасите меня! еще одинъ годъ и я погибъ! какое у меня будущее? что у меня на горизонтѣ? Хорошо, если госпиталь! Подайте просьбу Великой Княжнѣ! принесите эту жертву. Такія жертвы приносятъ матери да сестры, но у меня ни сестры, ни матери, никого нѣтъ. Замѣните мнѣ ту и другую»...

Черезъ мѣсяцъ Тарасъ Григорьевичъ получилъ письмо и отъ Осипова, находившагося въ госпиталѣ въ Курскѣ. Отвѣчалъ ему поэтъ 20 мая. На вопросъ о житьѣ-бытьѣ поэта въ укрѣпленіи онъ отвѣчаетъ: «Вотъ вамъ одинъ эпизодъ, и—замѣтьте—отраднѣйшій. Въ 1850 г., когда меня препровождали изъ Орской крѣпости въ Ново-

петровское укрѣпленіе (это было въ октябрѣ мѣсяцѣ), въ Гурьевѣ-городкѣ я на улицѣ поднялъ свѣжую вербовую палку, привезъ ее въ укрѣпленіе и на гарнизонномъ огородѣ воткнулъ ее въ землю, да и забылъ про нее; весною уже огородникъ напомнилъ мнѣ, что моя палка растетъ. Она дѣйствительно пустила ростки; я ну ее поливать, а она рости, и въ настоящее время она будетъ вершковъ шесть толщины въ діаметрѣ и по крайней мѣрѣ сажени три вышины, молодая и роскошная; правда, я на нее и воды не мало вылилъ, — зато теперь въ свободное время и съ позволенія фельдфебеля, жуирую себѣ въ ея густой тѣни. Нынѣшнее лѣто думаю нарисовать ее, разумѣется, втихомолку. Она уже такъ толста и высока, что подъ карандашемъ Калама могъ бы выйти изъ нея прекраснѣйшій этюдъ. Вотъ вамъ одинъ, единственный отрадный эпизодъ изъ моей монотонной, безотрадной жизни.

Верба моя часто напоминаетъ мнѣ легенду объ раскаявшемся разбойникѣ. Въ дремучемъ лѣсу спасался праведный отшельникъ, и въ томъ же дремучемъ лѣсу свирѣпствовалъ кровожадный разбойникъ. Однажды приходитъ онъ съ своей огромной дубиной, окованной желѣзомъ, къ отшельнику и проситъ у него исповѣди, а не то, говоритъ, убью, если не исповѣдуешь меня. Дѣлать нечего, смерть не свой братъ; праведникъ струсилъ и принялся, съ Божіею помощью, исповѣдывать кровожаднаго злодѣя. Но грѣхи его были такъ велики и ужасны,

что онъ не могъ сейчасъ же наложить на него эпитимію и просилъ у грѣшника сроку три дня для размышленія и молитвы. Разбойникъ ушелъ въ лѣсъ и черезъ три дня возвратился. Ну, что, говоритъ, старче Божій, придумалъ ли ты что-нибудь хорошее?—Придумалъ,—отвѣчалъ праведникъ, и вывелъ его изъ лѣсу въ поле на высокую гору, вбилъ какъ колъ страшную его дубину въ землю и велѣлъ грѣшнику носить ртомъ воду изъ глубокаго оврага и поливать свою ужасную палицу; и тогда, говоритъ, отпустятся тебѣ грѣхи твои, когда изъ этого смертоноснаго орудія выростетъ дерево и плодъ принесетъ. Сказавши это, праведникъ ушелъ въ свою келію, а грѣшникъ принялся за работу. Прошло нѣсколько лѣтъ. Схимникъ забылъ про своего духовнаго сына. Однажды схимникъ вышелъ въ поле и въ раздумьи подошелъ къ горѣ; вдругъ онъ почувствовалъ чрезвычайно пріятный запахъ фруктоваго дерева. Онъ взошелъ на гору и увидѣлъ великолѣпнѣйшее грушевое дерево, покрытое зрѣлыми плодами, и подъ деревомъ отдыхаетъ старецъ съ длинною до самыхъ пятъ бородою, какъ у св. Онуфрія. Схимникъ узналъ въ ветхомъ старцѣ своего духовнаго сына и смиренно подошелъ къ нему подъ благословеніе.

Верба моя выросла и укрываетъ меня въ знойный день, а отпущенія моихъ грѣховъ нѣтъ и нѣтъ. Но тотъ былъ разбойникъ, а я—увы! сочинитель... Вамъ извѣстенъ великодушный анонимъ. Пишите ему, молите не оставить моей

просьбы. Коронація Государя предѣлъ моихъ надеждъ и упованій[1]).

Графъ и графиня Толстые, разъ взявшись за дѣло, *не оставляли его*. «Въ зиму 1855—56 г.—говоритъ дочь ихъ К. Ф. Юнге, которая въ то время была подросткомъ,—въ семьѣ нашей чувствовалось большое возбужденіе. Отецъ ѣздилъ къ министру двора, къ Великой Княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ, стараясь выхлопотать прощеніе Шевченку, который, какъ говорили тогда, былъ вычеркнутъ Государемъ изъ списка политическихъ преступниковъ, помилованныхъ по случаю восшествія на престолъ. Графъ получалъ вездѣ отказы. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ и подать прошеніе ко дню коронаціи».[2])

Принявъ такое рѣшеніе, гр. Толстой съ семьею вскорѣ выѣхалъ за границу, и письмо Шевченка къ графинѣ уже не застало ее въ Петербургѣ. По этой причинѣ Шевченко долго не получалъ отъ графини никакого извѣстія. Ему приходила мысль о безуспѣшности начатаго ходатайства. Вотъ почему, когда лѣтомъ 1856 г. пріѣзжалъ въ Новопетровскъ съ экспедиціею авторъ «Горькой Судьбины», поэтъ просилъ его написать къ Толстымъ, напомнивъ имъ о немъ.

Писемскій по пріѣздѣ въ Астрахань любезно увѣдомилъ Тараса Григорьевича, что онъ написалъ графинѣ и видѣлся съ Бѣромъ, который обѣщалъ ему написать графу, ибо теперь самое

---

[1]) Основа, 1862 г., апрѣль, стр. 27—28.
[2]) Вѣстн. Европ., 1883 г., августъ, стр. 838.

Графъ Ф. П. Толстой.

удобное время: въ августѣ коронація. Писемскій присовокупилъ и другое пріятное для поэта извѣстіе: «на одномъ вечерѣ, писалъ онъ, я видѣлъ человѣкъ 20 вашихъ земляковъ, которые, читая ваши стихотворенія, плакали отъ восторга и произносили ваше имя съ благоговѣніемъ. Я самъ писатель и больше этой заочной не желалъ бы славы и извѣстности. Да послужитъ это утѣшеніемъ въ вашей безотрадной жизни». [1]).

XIV.

Коронація Императора Александра Николаевича состоялась 26 августа. Всемилостивѣйшій манифестъ не коснулся Шевченка; можно было надѣяться, что облегченіе участи его послѣдуетъ особо, согласно § XVI манифеста, по которому обѣщаны были облегченія лицамъ, отданнымъ за политическія вины въ военную службу, если въ продолженіе ихъ службы непосредственное ихъ начальство одобряло ихъ поведеніе. Но и эти ожиданія не оправдались.

Не знаемъ, когда именно дошла къ Шевченку эта крайне печальная для него вѣсть. 8 ноября онъ писалъ Залѣскому: «о помилованіяхъ по случаю коронаціи у насъ еще ничего не извѣстно. Я не ласкаю себя ни малѣйшей надеждой. Чѣмъ и какъ я могу уничтожить предубѣжденіе В. А. (Перовскаго). Есть у меня на это оправданіе; но я не смѣю привести его въ

---

[1]) Чалый, стр. 93.

исполненіе. Необходимо, чтобы онъ спросилъ у графа Орлова: на чей счетъ я воспитывался въ Академіи и за что запрещено мнѣ рисовать? Словомъ, чтобы графъ Орловъ пояснилъ мою темную конфирмацію.... Но кто легко разстается съ своими предубѣжденіями?» [1]).

Но напрасно поэтъ писалъ, что онъ не имѣетъ надежды на коронаціонный манифестъ! Онъ надѣялся, и когда пришло въ Новопетровскъ достовѣрное извѣстіе, что манифестъ не коснулся его, онъ, по словамъ Косарева, «запечалился, бѣдняга, такъ запечалился, что иногда я,—говоритъ Косаревъ.—побаивался, какъ бы онъ и рукъ на себя не наложилъ. Вотъ въ эту-то пору и началъ онъ особенно выпивать горькую; а до того, бывало, рѣдко, развѣ только въ компаніи. Часто въ эту пору я и уговаривалъ и утѣшалъ его, что «Богъ не безъ милости»; онъ, бывало, только рукою махнетъ и скажетъ: для всѣхъ, да только, видно, не для меня». [2])

Къ счастью, отчаянная безнадежность изгнанника продолжалась не долго; вскорѣ письмо графини Толстой бросило въ душу его новый лучъ надежды. Графиня, зная, какое тяжелое впечатлѣніе должно произвести на изгнанника нераспространеніе на него коронаціонныхъ милостей, поспѣшила утѣшить его: «Не думайте,—писала она 8 октября,—что мое удаленіе изъ Петербурга могло хоть на минуту уда-

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г. Письма Шевченка, кн. IV, стр. 8Ъ3.

[2]) Кіевск. Стар. 1889 кн. 3 стр. 580.

лить меня отъ моего участія къ вамъ. Все, что можно было сдѣлать, сдѣлано. Надѣюсь въ скоромъ времени подать вамъ вѣсть, а можетъ быть и увидѣться съ вами лично, а до тѣхъ поръ да не возмущается душа ваша безнадежностью. Смѣло обращайтесь ко мнѣ съ вашими нуждами, какъ бы обратились,—не скажу къ матери (у меня старшая дочь 13 лѣтъ),—но какъ къ родной сестрѣ вашей». [1]).

Это столь важное для Тараса Григорьевича письмо, по случаю прекращенія навигаціи, пришло въ укрѣпленіе въ концѣ декабря и, не извѣстно почему, оставалось не врученнымъ поэту четыре дня до 1 января 1857 г.

Отвѣчая на него 9 января графинѣ, поэтъ справедливо порицаетъ эту медлительность: «они, говоритъ онъ,—не сознаютъ, какъ дороги для меня эти четыре дня, они безсознательно крадутъ изъ моей страдальческой жизни четыре дня».

Нечего говорить о томъ, какой глубокой, горячею благодарностью исполненъ отвѣтъ поэта «своей святой заступницѣ»! Но въ немъ не видно—оно и понятно почему—спокойнаго ожиданія; видно только, что въ измученное сердце проникло радостное чувство къ свободѣ и свѣту,—чувство, свойственное узнику темнаго подземелья, когда туда заглянетъ лучъ солнечнаго свѣта. «Богу милая, сестро моя!—восторженно восклицаетъ обрадованный поэтъ,—чѣмъ я отблагодарю, чѣмъ заплачу за радости, за счастье, которые

---

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка. Стр. 89.

ты послала скорбящей душѣ моей?! Слезы безграничной благодарности приношу твоему благородному сердцу! Радуйся, моя заступница! ты освободила мою душу отъ бездны отчаянія.»

Я предполагаю, что, кромѣ приведеннаго письма гр. Толстой, Тарасъ Григорьевичъ получилъ и другія, не дошедшія къ намъ, извѣстія, успокоивающія его ожиданіемъ амнистіи. Быть можетъ, надѣялись, что амнистія, о которой энергически хлопотали графъ и графиня Толстые, послѣдуетъ 19 февраля или въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, приходившагося въ томъ году 7 апрѣля.

Можно предполагать, что Шевченко въ первые 4 мѣсяца 1857 г. не разъ утѣшалъ себя надеждою, что амнистія его уже фактъ совершившійся, но извѣстіе о ней не приходитъ лишь вслѣдствіе медлительной переписки «по инстанціямъ». Случалось, вѣдь, что простое письмо изъ Петербурга шло въ Новопетровскъ три—четыре мѣсяца; напримѣръ, письмо Лазаревскаго, посланное 17 генваря, получено Шевченкомъ 7 апрѣля, въ первый день Пасхи.

Этотъ день поэтъ называетъ дѣйствительнымъ для него «Велыкоднемъ».

Дѣло въ томъ, что въ этотъ день онъ получилъ письма, кромѣ Лазаревскаго, отъ Марковича (изъ Петербурга) и отъ стараго своего друга, украинскаго писателя, черноморскаго генерала Кухаренка.

Петербургскіе друзья и поклонники поэта, ожидая въ скорости амнистіи ему и зная, что

необходимыя для дороги денежныя средства у него отсутствують, позаботились заблаговременно устранить этотъ недостатокъ и поспѣшили прислать ему деньги.

Марковичъ, сынъ историка и пріятеля Шевченка, посылая деньги, писалъ: «знай, что добрые люди старались и стараются предъ милосерднымъ Царемъ нашимъ, и, можетъ, онъ тебя помилуетъ и возвратитъ, «на ясни зори, на тыхи воды, у край веселый, у мыръ хрещеный.»[1])

Эти письма произвели на изгнанника такое радостное впечатлѣніе, такъ взволновали его, что онъ едва 22 апрѣля въ состояніи былъ написать отвѣты.

«Такого радостнаго *Вглыкодня* (Пасхи) у меня никогда не было,— писалъ онъ М. М. Лазаревскому. Я едва съ ума не сошелъ, прочитавши твое письмо отъ 17 генваря. А когда закурилъ твою сигару (я десять лѣтъ не курилъ сигаръ), такъ мнѣ такъ запахло свободою, что я заплакалъ, какъ ребенокъ.»[2]) Того же дня онъ писалъ Кухаренку: «Лазаревскій увѣряетъ меня, что вскорѣ выпустятъ меня изъ этой широкой тюрмы; что Царь повелѣлъ разбивать мои кандалы. Я и плачу и молюся и все-таки не вѣрю. Десять лѣтъ неволи уничтожили во мнѣ и вѣру и надежду; а когда-то онѣ были чистыя, непорочныя, крѣпкія, какъ отшлифованный алмазъ... Я едва не сошелъ съ ума на прошлой недѣлѣ. Да и недѣля же! Не даромъ я десять лѣтъ ожидалъ

[1]) Чалый, Жизнь Шевченка, стр. 94.
[2]) Основа 1862 г., кн. III, стр. 6.

ея. Десять лѣтъ! Страшно сказать, а каково пережить ихъ!»[1])

Предполагая, что освобожденіе не замедлится уже, Тарасъ Григорьевичъ составилъ и сообщаетъ Кухаренку въ томъ же письмѣ[2]) планъ своего путешествія изъ «хурдыгы»: «какъ только дождусь изъ корпуснаго штаба увольненія, думаю чрезъ Астрахань отправиться въ Чорноморщину .. Одного боюся, чтобы не потребовали меня въ Оренбургъ, да авось дастъ Богъ не потребуютъ. На кой чортъ (на чортового батька) я имъ теперь нуженъ»? Далѣе онъ продолжаетъ: «Кулишъ прислалъ мнѣ свои «Записки о Южной Руси» на нашемъ языкѣ; умная, прекрасная книга. Такой книги на нашемъ языкѣ давно не было. Тутъ живыми стоятъ и кобзарь, и гетьманъ, и запорожецъ, и гайдамака, и вся старая Украина. Послалъ бы тебѣ свой экземпляръ, но я еще самъ не начитался. Меня, спасибо, добрые люди не забываютъ,—нѣтъ-нѣтъ да и пришлютъ книжку. А журнала десять лѣтъ и въ глаза не видалъ и не знаю, что дѣлается въ современной литературѣ. Самъ ничего не написалъ. Да и какъ его было писать? А теперь ужъ не знаю —напишу ли что-нибудь порядочное. Я не очень еще состарѣлъ, но уничтоженъ... А можетъ, какъ отдохну, то попробую писать прозою; о стихотвореніяхъ нечего уже и думать». Очевидно, поэтъ говоритъ о прозѣ украинской; русскою прозою онъ написалъ въ Новопетровскомъ нѣ-

[1]) Основа 1861 г., кн. X, стр. 8.
[2]) Основа 1862 г., май, стр. 8.

сколько повѣстей, а на украинскомъ языкѣ дѣйствительно до мая 1857 г. онъ ничего не писалъ, да и не могъ писать; даже письма къ друзьямъ онъ началъ писать роднымъ языкомъ только, можно сказать, наканунѣ освобожденія, до того же времени «и радъ бы былъ,—какъ писалъ онъ Сѣраковскому, — отвѣчать сердцу милымъ словомъ, но я такъ запуганъ, что боюсь милаго родного звука.»

Относительно стихотвореній поэтъ ошибся. Едва повѣяло на него дыханіе свободы. онъ еще въ «хурдыгѣ», за два мѣсяца до выѣзда, написалъ прекрасную поэму «Москалева Крыныця». Да и не таковъ былъ талантъ генія украинскаго слова, чтобы его можно было муштрою совершенно уничтожить. «Жива душа поэта!» Свобода оживила́ её, и поэтъ скоро и самъ увидалъ, что онъ «не зледащивъ, не захолонувъ въ неволи»; а «некому только было подложить огня подъ его недобитое горемъ сердце»,— какъ выразился онъ въ другомъ письмѣ [1]) къ Кухаренку: «а ты догадался, взялъ тотъ святой огонь и подложилъ». «Долго я читалъ твое письмо, читалъ, пока не расплакался; потомъ взялъ перо, засучилъ рукава и написалъ эту «Москалеву Крыныцю»... Окончилъ, мнѣ и легче стало.»

Едва началась навигація полуосвобожденный узникъ все болѣе и болѣе проникается нетерпѣніемъ въ ожиданіи официальнаго извѣстія объ

---

[1]) Основа 1862 г., май, стр. 8

освобожденіи. 8 мая въ письмѣ къ Лазаревскому, онъ выражаетъ удивленіе, что такъ долго ничего нѣтъ съ корпуснаго штаба: «добиваютъ меня недолюдки. А тоска, тоска! Такой тоски я еще не испытывалъ никогда. Руки ни за что не берутся, а въ головѣ такая «нехворощь» (хаосъ), «що самъ соби рады не дамъ»... «Читаю по

Г. Я. Кухаренко.

одной страницѣ въ день біографію Гоголя и боюсь, что и по страницѣ не достанетъ, пока придетъ мое освобожденіе... Тоскливо мнѣ, другъ мой! думалъ легче станетъ, когда побесѣдую съ тобою; но перо валится изъ рукъ». [1])

[1]) Основа 1862 г., мартъ, стр. 8-9.

Приходитъ новое письмо Лазаревскаго, отправленное 11 апрѣля, и поэтъ узнаетъ изъ него, что амнистія будетъ подписана только 17 апрѣля (день рожденія Императора). Сердце поэта забилось какъ-то необыкновенно! «Ахъ, если бы скорѣе успокоить его. Я думалъ,—отвѣчаетъ онъ Лазаревскому 20 мая,—что еще въ генварѣ дѣло мое кончено, а оно 7 или 17 апрѣля только еще начнется... Эта глупая мысль мучила меня, теперь мнѣ веселѣе; но все-таки за что ни возьмусь—изъ рукъ валится! Сердце бьется лихорадочно.»[1])

Ожиданіе подписанія амнистіи заставляло лихорадочно биться сердце и у друзей Шевченка. Е. Ф. Юнге разсказываетъ:

«Съ трепетомъ ожидали мы отвѣта на прошеніе отца. И вотъ, весною 1857 г., въ одинъ вечеръ насъ (дѣтей), уже спавшихъ крѣпкимъ сномъ, будятъ словами: «вставайте дѣти! большая радость!» Мы, одѣвшись наскоро, выбѣгаемъ въ залу, а тамъ отецъ, мать, Осиповъ и всѣ домашніе, на столѣ бокалы шампанскаго. «Шевченко освобожденъ!»—говорятъ намъ, цѣлуя насъ, какъ въ Свѣтлое воскресенье, и мы съ неистовымъ крикомъ восторга скачемъ и кружимся по комнатѣ»[2]).

Наконецъ, 2 мая Лазаревскій послалъ Тарасу Григорьевичу поздравленіе съ «великою милостью Государя».—«По просьбѣ граф. Толстой и по засвидѣтельствованіи графа Толстого,

[1]) Тамъ же.
[2]) Вѣстн. Евр., 1883 г., августъ, стр. 838.

ты освобожденъ и долженъ избрать родъ жизни. Пріѣзжай скорѣе въ Петербургъ; на Украину не ѣзди; объ этомъ проситъ тебя графиня, а ты обязанъ ее послушать. У нея есть для тебя деньги, она положила ихъ въ банкъ до твоего пріѣзда. Бѣлозерскій совѣтуетъ не ѣздить въ Оренбургъ, а ожидать отставки на мѣстѣ.»[1])

Письмо это и при немъ 75 руб. на дорожные расходы Шевченко получилъ 3 іюня. Нужно ли говорить, что происходило въ сердцѣ поэта при чтеніи письма? Кто способенъ понять, то, что пережилъ онъ въ теченіе десяти лѣтъ тотъ легко пойметъ, какимъ животворнымъ свѣтомъ свободы, какой цѣлительной струей теплоты проникло по всему духовно-нравственному организму поэта извѣстіе о томъ, что долго жданная и страстно желанная «гостья-надежда» пришла наконецъ; освобожденіе изъ «неволи смердючои казармы» совершилось, сдѣлалось фактомъ.

XV.

Распоряженіе объ освобожденіи должно было перейти всю лѣстницу инстанцій, начиная отъ шефа-жандармовъ и министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, включительно до ротнаго командира 2 роты 1-го линейнаго батальона Оренбургскаго Отдѣльнаго корпуса,—пройти на протяженіи болѣе 3000 верстъ черезъ семь или восемь канцелярій. На это нужно было время

---

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 95.

и—не малое; а пока приказъ не пришелъ въ Новопетровскъ, Шевченко долженъ былъ и de jure и de facto оставаться «рядовымъ» и отправлять всѣ служебныя обязанности; и такимъ образомъ еще въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ пришлось ему пережить много горькихъ дней и ночей. «Быстро и горячо исполняется приказаніе арестовать, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе — освободить»,—читаемъ въ дневникѣ поэта 18 іюня:[1]) «Въ 1847 году въ этомъ же мѣсяцѣ меня на седьмыя сутки доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ, а теперь дай Богъ на седьмой мѣсяцъ получить приказъ отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе».

Ближайшіе начальники Шевченка фельдфебель и ротный командиръ, узнавъ, пока не оффиціально, объ освобожденіи его, не увольняя его отъ ученья и караула, позволили свободное отъ службы время проводить на огородѣ. «Я и за это,—говоритъ поэтъ,—имъ сердечно благодаренъ».

Такимъ образомъ, остальное время своего пребыванія «въ отвратительномъ захолустьи», поэтъ, избавившись отъ казармы, прожилъ на огородѣ или въ саду—днемъ въ тѣни своей развѣсистой вербы, а ночью въ бесѣдкѣ.

«И съ тѣхъ поръ,—записываетъ Тарасъ Григорьевичъ 16 іюня,—когда мнѣ позволили уединиться, я чрезвычайно полюбилъ уединеніе.

[1]) Основа, 1861 г., кн. VI, стр. 13. Кобзарь, т. III, стр. 15.

Ничего не можетъ быть въ жизни слаще, очаровательнѣе уединенія, особенно предъ лицомъ улыбающейся, цвѣтущей матери-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обаяніемъ человѣкъ невольно погружается самъ въ себя и видитъ Бога на землѣ. Я и прежде не любилъ шумной дѣятельности, или лучше сказать, шумнаго бездѣлья, но послѣ десятилѣтней казарменной жизни уединеніе кажется мнѣ настоящимъ раемъ; но не могу ни за что приняться, никакой охоты къ труду. Сижу или лежу, молча по цѣлымъ часамъ подъ любимою вербою и хотя бы на смѣхъ что нибудь шевельнулось въ воображеніи. И это томительное состояніе началось у меня со дня полученія письма Лазаревскаго; свобода и дорога совершенно поглотили меня» [1])

До полученія послѣдняго письма отъ М. М. Лазаревскаго поэтъ предполагалъ возвращаться чрезъ Каспійское море въ Екатеринодаръ къ Кухаренку, а потомъ, «наглядѣвшись вдоволь на этого благороднаго человѣка», ѣхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ, Несвижъ въ Чирковичи къ своему другу Брониславу Залѣскому; потомъ чрезъ Вильну въ Петербургъ. Теперь онъ долженъ былъ измѣнить свой планъ и отправиться чрезъ Астрахань пароходомъ въ Нижній-Новгородъ; далѣе, въ Москву, а отсюда, «помолясь за Фультонову душу, по желѣзной дорогѣ въ 22 часа въ Петербургъ». Поэтъ начинаетъ собирать свѣдѣнія объ отходѣ пароходовъ

[1]) Основа, 1861 г., кн. 6, стр. 12; Кобзарь, т. III, стр. 17.

изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ и о цѣнѣ; «но при всемъ стараніи узнаетъ только, что мѣста и цѣны разныя, а пароходы изъ Астрахани въ Нижній отходятъ очень часто»...

Онъ дѣлаетъ приготовленія въ путь; заказываетъ мѣшокъ для сухарей, самъ коптитъ ветчину для дороги, заботится какъ бы достать книгъ для чтенія на пароходѣ; но вдругъ пугаетъ его мысль: «а что, если я въ своей хламидѣ попонтирую въ Уральскъ? можетъ статься»!

Сидя подъ вербою и записывая свой дневникъ, отрываясь хотя мысленно отъ окружающей обстановки и переносясь на родину и въ Петербургъ къ дорогимъ сердцу друзьямъ, поэтъ неожиданно былъ пораженъ новымъ событіемъ 19 іюня пароходъ привезъ изъ Гурьева извѣстіе, что батальонный командиръ майоръ Львовъ, предубѣжденный противъ Шевченка, пріѣдетъ произвести смотръ Новопетровскаго гарнизона. Тотчасъ потребовали «рядового Шевченка» изъ-подъ вербы въ казармы и начали «пригонять амуницію». «Завтра смотръ! Меня выведутъ на площадь, какъ безсловесное животное,—записываетъ поэтъ въ своемъ журналѣ,—[1]) на показъ, на позоръ и униженіе. Трудно, тяжело заглушить въ себѣ всякое человѣческое достоинство, стать на вытяжку, слущать команду и двигаться, какъ бездушная машина». Пріѣхалъ наконецъ и «Кроніонъ-тучегонитель». Первымъ дѣломъ его было

[1]) Основа, 1861 г., кн. VII, стр. 5; Кобзарь, т. III, стр. 17 и далѣе.

«оббѣгать казармы, надавать зуботычинъ фельдфебелямъ и прочимъ нижнимъ чинамъ, а офирамъ сдѣлать приличное родительское наставленіе». 23 іюня производилъ смотръ. «Бѣдная рота, къ которой и я принадлежу,—читаемъ въ запискахъ Шевченка,—всю ночь готовилась къ этому, поистинѣ страшному, суду и въ 5 часовъ утра, умытая, причесанная, выстроилась на полянкѣ точно игрушка, вырѣзанная изъ картона. Отъ 5 до 7 часовъ рота равнялась. Въ 7 часовъ явился самъ судья и испытывалъ ее до 10 часовъ, въ заключеніе ругнулъ въ общихъ словахъ, посулилъ судъ, розги и даже шпицрутены. Для всѣхъ гроза прошла, для меня она еще только собиралась. Въ числѣ прочихъ конфирмованныхъ долженъ былъ и я предстать послѣ обѣда въ 5 часовъ на вторичное и еще горшее испытаніе. Я готовился къ этому довольно равнодушно, какъ человѣкъ на половину свободный; но когда предсталъ предъ экзаменатора, меня совершенно оставила смѣлость свободнаго человѣка. Та же самая мучительная, холодная дрожь пробѣжала по всему существу; то же самое, что и въ прежніе годы, чувство,—нѣтъ не чувство, а мертвая безчувственность охватила меня. Я превратился въ ничто. Экзаменъ повторился слово въ слово, какъ и 10 лѣтъ тому назадъ; четверти буквы ни прибавлено, ни убавлено. За то и я ни на іоту не подвинулся на поприщѣ военнаго просвѣщенія. Упорство обоюдное и невозмутимое. По примѣру прежнихъ годовъ, экзаменаторъ спрашивалъ каждаго

изъ насъ: кто и за что удостоился нести сладкую сердцу обязанность солдата.

— «Ты за что?» — спросилъ у перваго.

— «За утрату казенныхъ денегъ, Ваше Высокоблагородіе».

— «Да знаю! ты неосторожно загнулъ уголъ. Надѣюсь, впередъ не будешь гнуть углы.

— «А ты за что?» — обратился ко второму.

— «По волѣ родительницы, в.-в-діе!...»

— «Хорошо. Надѣюсь и т. д.

— «А ты за что? — спросилъ меня

— «За сочиненіе возмутительныхъ стихотвореній, ваше в-діе!»

— «Надѣюсь, впередъ не будешь...» [1])

Какое впечатлѣніе этотъ смотръ произвелъ на Шевченка, узнаемъ изъ журнала его 26 іюня: «Два дня прошло, какъ выѣхалъ отъ насъ отецъ-командиръ, а я все еще не могу освободиться отъ тяжелаго вліянія, наведеннаго его короткимъ присутствіемъ. Этотъ смотръ такъ плотно притиснулъ мои блестящія, розовыя предположенія, такъ меня обезкуражилъ, что если бы у меня не было письма Лазаревскаго, то я совсѣмъ бы обезсилѣлъ подъ гнетомъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Но слава Богу, у меня есть канва, на которой я могу выводить самыя прихотливыя арабески!» И поэтъ строитъ предположенія о своемъ будущемъ, говоря: «о живописи теперь мнѣ и думать нечего. Это было бы похоже на вѣру, что на вербѣ ростутъ груши. Десять лѣтъ не-

[1]) Основа, 1861 г., кн. VII, стр. 7—9; Кобзарь, т. III, стр. 23—26.

упражненія въ состояніи сдѣлать и изъ великаго виртуоза обыкновеннаго кабачнаго балалаешника. Я думаю посвятить себя безраздѣльно гравюрѣ *аква-тинта*. Для этого я полагаю матеріальное свое существованіе ограничить до крайней возможности и упорно заняться этимъ искусствомъ; достаточно будетъ двухъ лѣтъ прилежнаго занятія. Потомъ уѣду въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ. Первымъ моимъ эстампомъ будетъ *казарма* съ картины Теньера, о которой незабвенный мой учитель К. И. Брюловъ говорилъ, что можно пріѣхать изъ Америки, чтобы взглянуть на это дивное произведеніе. Быть хорошимъ граверомъ, значитъ быть распространителемъ въ обществѣ свѣта-истины, быть полезнымъ людямъ. Прекраснѣйшее и благороднѣйшее занятіе гравера. Сколько прекрасныхъ произведеній искусства, доступныхъ только богачамъ, коптилось бы въ галлереяхъ безъ чудотворнаго рѣзца гравера!».

Художникъ предполагаетъ современемъ выпустить въ свѣтъ гравюрою «и собственное чадо *Притчу о Блудномъ Сынѣ*, приноровленную къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія, раздѣливъ ее на 12 рисунковъ, которые почти всѣ уже сдѣланы на бумагѣ...» По мнѣнію художника, «для нашего времени необходима сатира, только сатира умная, благородная; какъ, напр., *Женихъ*—Федотова, *Ревизоръ*—Гоголя, *Свои люди сочтемся*—Островскаго. Наше среднее общество, подобно лѣнивому школьнику, остановилось «на складахъ и безъ понуканія учиться

далѣе не хочетъ и не можетъ перешагнуть черезъ эту безтолковую «тму-мну». На недостатки высшаго общества не стоитъ обращать вниманія по его малочисленности. Средній классъ это огромная и, къ несчастію, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце національности; ему-то и необходима теперь не суздальская лубочная притча о блудномъ сынѣ, а благородная, изящная и мѣткая сатира. Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, если бы удался мнѣ задуманный мною безсознательный негодяй, мой блудный сынъ»[1]).

На другой день послѣ этихъ предположеній суждено было художнику еще разъ увидѣть нравственную наготу нѣкоторыхъ изъ обитателей «забытой Богомъ пустыни» и перенести на себѣ часть послѣдствій этой наготы.

Появившіеся 27 іюня комары принудили Тараса Григорьевича оставить любимую бесѣдку на огородѣ и перебраться на ночлегъ въ укрѣпленіе. Проходя мимо офицерскаго флигеля, онъ услышалъ въ немъ пѣніе. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ флигеля выбѣжалъ инженерный офицеръ Кампіони и, увидѣвъ Шевченка, потащилъ его къ себѣ, чтобы «погулять съ вновь прибывшими лихими ребятами».—«Лихіе ребята сидѣли и лежали на кошмѣ, а предъ ними красовалась полуведерная бутыль съ водкою». Шевченко, увидя въ чемъ дѣло,—скорѣе назадъ, Кампіони въ догонку за нимъ, поднялъ крикъ, призвалъ дежурнаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 10—11.

унтеръ-офицера и велѣлъ арестовать Шевченка. Послѣдній вынужденъ былъ провести ночь на гауптвахтѣ и «такимъ образомъ, убѣгая отъ комаровъ, попался на муки къ блохамъ и клопамъ». Утромъ его, конечно, освободили; но спустя нѣсколько часовъ, призвалъ его комендантъ и объявилъ, что Кампіони подалъ рапортъ, обвиняя его въ томъ, что онъ, будучи выпивши, нанесъ оскорбленіе офицеру, выругавъ его матерными словами. Кампіони просилъ слѣдствія и суда. «Я остолбенѣлъ, прочитавши эту кляузу, говоритъ поэтъ, и прійдя въ себя, спросилъ коменданта: что же мнѣ дѣлать»?—«Просить прощенія: иначе вы арестантъ; отвѣчалъ комендантъ.... онъ офицеръ, а вы солдатъ».. Ахъ! какъ невыразимо тяжело отозвалось это слово! Я начиналъ уже его забывать,—записываетъ Шевченко въ своемъ дневникѣ 28 іюня. [1]) Дѣлать было нечего! Надѣвши солдатскій мундиръ, полуосвобожденный поэтъ, отправился къ Кампіони, который сперва продержалъ его два часа въ передней, а потомъ, послѣ долгого упрашиванія, согласился даровать амнистію, «съ условіемъ, чтобы Шевченко сейчасъ же купилъ четверть ведра водки». Шевченко послалъ за водкой, а Кампіони отправился къ коменданту. «Принесли мою водку, а его ябеду,—читаемъ далѣе въ «Дневникѣ»; онъ пригласилъ своихъ «лихихъ ребятъ» и одинъ изъ нихъ, протягивая ко мнѣ свою пухлую руку, сказалъ: «Что батенька! не

[1]) Основа 1861, кн. 6, стр. 12; Кобзарь, т. III, стр. 32-33.

хотѣли по доброй волѣ познакомиться съ нами, какъ слѣдуетъ людямъ благороднымъ, такъ мы васъ заставили сдѣлать это, и вся компанія захохотала»...

И на этомъ еще не окончились испытанія поэта.

Пріѣхалъ 6 іюля какой-то татаринъ изъ Астрахани и привезъ извѣстіе, что тамъ ожидаютъ въ концѣ августа пріѣзда Великаго Князя Константина Николаевича. Капитанъ Косаревъ сообразилъ почему-то, что Великій Князь посѣтитъ и Новопетровскъ и сейчасъ же назначилъ солдатъ, а между ними и Шевченка, для почетнаго караула. 7 іюля съ восходомъ солнца, не смотря на воскресный день, потянули Тараса Григорьевича вновь пригонять амуницію, «а когда будетъ все готово, вывести людей предъ лицо Косарева на плацъ». Въ 7 часовъ утра все было исполнено. «Явился Косаревъ во всемъ своемъ величіи, благосклонно хлопнулъ поэта по плечу и сказалъ: мы еще сдѣлаемъ изъ тебя отличнаго правофланговаго, а тогда и съ Богомъ»,—и отдалъ приказаніе капральному ефрейтору заниматься съ поэтомъ маршировкой и ружейными пріемами часа четыре въ день. Тарасъ Григорьевичъ не могъ не содрогнуться, услыша такое приказаніе; но, къ счастью его, комендантъ, узнавши объ этомъ распоряженіи,—отмѣнилъ его и «натянулъ носа Косареву». [1])

---

[1]) Основа 1861, кн. VII, стр. 15-16; Кобзарь, т. III стр. 33.

«Господи! прійдетъ ли когда-нибудь для меня часъ искупленія, пишетъ поэтъ въ своихъ запискахъ того же дня; настанутъ ли когда-нибудь для меня блаженные дни, когда я буду читать эти грустныя правдивыя сказанія, какъ ложный сонъ, какъ небывалую небылицу!»

XVI.

Между тѣмъ неизвѣстная намъ «пани Эйсуня», поздравляя Тараса Григорьевича съ свободою, писала ему отъ 15 мая, что приказъ объ освобожденіи его полученъ уже въ Оренбургѣ. Естественно, что неполученіе въ теченіе полутора мѣсяца съ 15 мая приказа въ Новопетровскѣ не могло не волновать поэта, не наводить на него тоски, въ особенности подъ впечатлѣніемъ смотра Львова, доноса Кампіони и распоряженія Косарева. «Видно, свобода моя гдѣ-нибудь съ пьянымъ писаремъ въ кабакѣ гуляетъ, замѣчаетъ поэтъ въ своемъ «Дневникѣ», и это вѣрно потому, что письменными дѣлами вѣдаетъ какой нибудь писарь Петровъ, разжалованный въ солдаты за мошеничество. Такъ принято искони и нарушать священный завѣтъ отцовъ изъ-за какого-то рядового Шевченка было бы противно и заповѣди отцовъ и правиламъ службы... Утѣшаю себя шутками, а на сердцѣ страшная тоска: все это дѣлаетъ вѣтренная надежда».[1])

Черезъ три дня послѣ этого онъ пишетъ Лазаревскому: «я уже исписалъ всю тетрадь,

[1]) Основа 1861 кн. VI стр. 13; Кобзарь, т. III, стр. 33.

приготовленную для дороги, уже украли у меня покрывало отъ комаровъ, пріобрѣтенное на дорогу, а изъ Оренбурга ни слова. Молю Господа, чтобы это письмо было послѣднимъ изъ этаго ненавистнаго укрѣпленія».

Поэтъ питалъ надежду, что ожидаемая 15 іюля почта непремѣнно привезетъ ему свободу, и онъ 16 іюля оставитъ фортъ, и всячески старался разогнать томящую тоску. Въ эти дни ожиданія для поэта, какъ для *больного врачъ*, сдѣлались необходимыми двѣ вещи: дневникъ или журналъ, который онъ началъ писать ежедневно съ 12 іюня 1857 г., и чайникъ: «безъ чайника я какъ-то лѣниво принимался за свой дневникъ-журналъ, говоритъ поэтъ; теперь же едва успѣю налить стаканъ чаю, какъ перо само просится въ руки. Какой добрый геній шепнулъ мнѣ завести журналъ! Что-бы я безъ него дѣлалъ цѣлый мѣсяцъ. И какой долгій мѣсяцъ! Все-таки эта работа (дневникъ) отнимаетъ ежедневно нѣсколько часовъ у моей неволи и тоски, отъ которой я не въ состояніи освободиться».

Да, томящая тоска ожиданій дѣйствительно угнетала духъ поэта неотвязчиво, не оставляя его даже во снѣ: плохо спалось ему; а если засыпалъ, такъ и во снѣ онъ видѣлъ свободу, видѣлъ родную Украину, академію, видѣлъ друсей и, просыпаясь въ неволѣ, еще глубже чувствовалъ томительность ожиданія.

Просматривая записки Тараса Григорьевича, вы видите въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, страданія его души. Зная, что *свободу* должна привезти

почтовая лодка, поэтъ глазъ не сводитъ съ флюгера, наблюдая вѣтеръ, предполагая по направленію вѣтра, гдѣ находится почтовая лодка, и расчитывая, когда она должна прибыть: «Предъ закатомъ солнца заштилѣло, а въ сумерки поднялся свѣжій вѣтеръ отъ нордъ-оста,—записываетъ изгнанникъ 9 іюля,—прямо въ лобъ нашей почтовой лодкѣ. Она теперь на открытомъ морѣ бросила якорь, а когда подыметъ, Богъ знаетъ! Нордъ-остъ—господствующій тутъ вѣтеръ, онъ можетъ простоять долго и продлить мою и безъ того долгую неволю, далеко за предназначенную мною границу, т. е. до 20 іюля.—Грустно! невыразимо грустно! Въ продолженіе ночи я не могъ заснуть. Меня грызла и гоняла вокругъ огорода самая свирѣпая тоска. На разсвѣтѣ пошелъ къ морю, выкупался и тутъ же на пескѣ заснулъ».

«10 іюля. Вѣтеръ все тотъ же. Тоска та же самая.

«11 іюля. Въ полночь вѣтеръ перемѣнился и пошелъ къ нордъ-весту. Я полюбовался исчезающими облаками и легъ спать. Проснулся до восхода солнца».

«12 іюля. Вѣтеръ тотъ самый. Это хорошо. Значитъ, лодка должна дожидаться оренбургской почты. Чѣмъ ближе ко мнѣ это радостное событіе, тѣмъ болѣе дѣлаюсь я нетерпѣливымъ и трусливымъ. Семь лѣтъ заточенія въ Новопетровскѣ не казались мнѣ такими длинными и страшными, какъ эти послѣдніе дни испытаній.

Вечеромъ заснулъ подъ своею завѣтною вербою и проснулся уже на разсвѣтѣ. Рѣдкое необыкновенное событіе: въ послѣдніе дни сонъ меня рѣшительно оставилъ».

«13 іюля. Вѣтеръ все тотъ же. Не пора ли отойти къ нордъ-осту. Какъ бы онъ меня порадовалъ, если-бы хоть къ завтрему отошелъ. Лучше рѣшительный ударъ обуха, нежели тупая, деревянная пила ожиданія».

«14 іюля. Вѣтеръ все тотъ же — нордъ; хоть бы на одну четверть румба взялъ на остъ. Все бы мнѣ легче было. Въ продолженіе двухлѣтняго плаванія по Аральскому морю я ни разу не взглянулъ на компасъ, а въ эти послѣдніе, безконечно длинные дни и ночи я изучилъ его во всѣхъ самомалѣйшихъ направленіяхъ. О, вѣтеръ, вѣтеръ! Если бы ты могъ сочувствовать моему неусыпному горю, ты бы еще третьяго дня отошелъ къ нордъ-осту, и сегодня я сидѣлъ бы уже съ карандашемъ въ рукѣ аргонавтомъ на палубѣ татарскаго корабля, идущаго къ берегамъ Колхиды, т. е. Астрахани и въ послѣдній разъ рисовалъ бы видъ своей тюрьмы. Хорошо, если бы такъ. А если иначе,—тогда что? Тогда я самъ не знаю что».

«16 іюля. Послѣ заката солнца заштилѣло, и въ первомъ часу ночи вѣтеръ поднялся отъ зюйдъ-оста. Вѣтеръ тихій, ровный—такой, какой нуженъ для нашей лодки. Дождавшись разсвѣта, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не захотѣлось ѣсть, т. е. до полудня. Не увидѣвши на

горизонтѣ ни завѣтнаго, никакого другого, паруса, я въ унынiи пришелъ въ огородъ и принялся за свою дорожную ветчину. Дорожный продуктъ съ каждымъ днемъ умаляется. Еще нѣсколько дней и отъ него останется одна руина. Хорошо, если поѣду чрезъ Астрахань, тамъ копченный продуктъ можно пополнить. А если прiйдется прогуляться черезъ Уральскъ по злачнымъ и серебрянымъ берегамъ благочестиваго Урала, тогда что? Аппетитъ въ торбу, а зубы на полку; или во избѣжанiе голодной смерти прикинуться ворожеей, а еще лучше разстригою-попомъ, мученикомъ за вѣру».

«17 iюля. Вѣтеръ все тотъ же, какъ заколдованный. Въ продолженiе ночи я нѣсколько разъ просыпался и наблюдалъ вѣтеръ. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ затихъ, и я, въ надеждѣ на его непостоянство, успокоился и заснулъ. Во снѣ видѣлъ Костомарова, Кулиша, Артемовскаго. Къ утру вѣтеръ отошелъ къ зюйдъ-осту».

«18 iюля. Съ закатомъ солнца вѣтеръ отошелъ къ норду. Обрадовавшись, я принялся ходить вокругъ укрѣпленiя, обойдя четыре раза; значитъ, сдѣлалъ 12 верстъ, но не почувствовалъ усталости. Ночь лунная. Я сижу подъ вербою, чтобы удобнѣе наблюдать вѣтеръ по флюгеру, вертящемуся на голубятнѣ. Часы пробили 12. Вѣтеръ перемѣнился и не ослабѣлъ,—добрый признакъ. Я задремалъ и на крыльяхъ Морфея перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарской лачугѣ нашелъ Лазаревскаго, Левицкаго и др. земляковъ, играющихъ на скрипкахъ

и поющихъ малорусскія пѣсни. Я присоединилъ и свой теноръ, и мы стройно и согласно пѣли: «У степу могыла зъ витромъ говорыла.» На послѣдней нотѣ я проснулся и посмотрѣлъ на флюгеръ. Вѣтеръ, слава Богу, все тотъ же, не перемѣнялся... я опять заснулъ. Пока записывалъ свои сновидѣнія, вѣтеръ перемѣнился, отошелъ къ весту. Несносный вѣтеръ. Мучительная неизвѣстность!» [1])

Не легко было Тарасу Григорьевичу ожидать возвращенной ему свободы!...

Почти увѣренный, что не далѣе 20 іюля онъ оставитъ свою тюрьму, поэтъ написалъ объ этомъ и къ Лазаревскому и къ Кухаренку; но вѣтеръ не далъ ему выѣхать въ предположенный день. «Что дѣлать!— записываетъ онъ тоскливо,— посидимъ за моремъ, подождемъ погоды. Въ продолженіе цѣлаго дня и ночи 20 іюля вѣтеръ не шелохнулся. Мертвая тишина.»

Утромъ 21 іюля по случаю воскресенія, Тарасъ Григорьевичъ изъ своего огорода отправился въ укрѣпленіе побриться и по дорогѣ услышалъ отъ Кулиха, что въ 9 часу утра прилетѣла «Ласточка»—почтовая лодка. Побрившись, скрѣпя сердце, возвращался онъ на огородъ; выйдя изъ укрѣпленія, онъ встрѣтилъ смотрителя госпиталя Бурцова, который первый узналъ о полученіи приказа объ освобожденіи поэта и *поздравилъ его съ свободою*... «Это случилось 21

[1]) Основа 1861 г., кн. VIII, стр. 3—16; кн. IX, стр. 13—19 и Кобзарь 1895 г., т. III, стр. 52—74.

іюля 1857 г. въ 11 часовъ утра»,—записываетъ Шевченко въ своемъ Дневникѣ...

XVII.

Однако же и съ этимъ не наступилъ еще конецъ испытаніямъ. Къ выѣзду изъ Новопетровскаго укрѣпленія освобожденный Тарасъ Григорьевичъ встрѣтилъ новыя препятствія, заставившія его еще недѣли двѣ томиться въ фортѣ. Дѣло въ томъ, что баталіонный командиръ ограничился присылкою одного лишь приказа «объ увольненіи въ отставку рядового Шевченка»; на выѣздъ же изъ укрѣпленія и переѣздъ до Петербурга Шевченко долженъ былъ получить «установленный видъ».

Комендантъ Усковъ, сдѣлавши распоряженіе объ увольненіи Шевченка и объ исключеніи его изъ списка солдатъ, затруднился выдать ему билетъ на проѣздъ, потому что не получилъ еще «приказа по корпусу». Если слѣдующая почта не привезетъ такого приказа, то не придется ли вамъ отправиться въ Оренбургъ за полученіемъ «отставки»,— сказалъ 22-го іюля Усковъ Шевченку.

Отправиться въ Оренбургъ—значило сдѣлать лишнихъ тысячу верстъ. Дѣло не легкое; но не одна затруднительность этого пути пугала нашего поэта. Въ Оренбургѣ пожалуй съ помощью друзей Бюрно и Герна я поправлю свои финансы, — думалъ онъ; «но я опоздаю уже видѣть выставку картинъ въ Академіи Художествъ, а еще болѣе жаль, что совершенно

лишнія 1000 верстъ отдалятъ минуту моего блаженнѣйшаго счастія,—минуту, въ которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднѣйшей заступницы графини Анастасіи Ивановны и ея великодушнаго супруга. О, мои незабвенные благодѣтели! Безъ вашего теплаго участія я задохся бы въ этомъ безотрадномъ заточеніи! Благодарю васъ, мои заступники, мои избавители!»[1])

Написавъ 26 іюля благодарственное письмо графу Ф. П. Толстому, Тарасъ Григорьевичъ не могъ отказать себѣ въ радости подписать подъ письмомъ: *художникъ* Тарасъ Шевченко, «и послѣ 10 лѣтъ въ первый разъ подписалъ это душу радующее званіе».[2])

29 іюля снѣдаемый тоскою ожиданія новой почты, поэтъ-художникъ вечеромъ подъ своею завѣтною вербою устроилъ прощаніе «чаемъ шклянкою да горилкы чаркою» съ своимъ другомъ Обеременкомъ и срисовалъ себѣ въ тотъ же день видъ Новопетровскаго укрѣпленія.

А «слѣдующая почта» не приходила. Между тѣмъ Усковъ передумалъ и 31 іюля согласился выдать Шевченку проѣздной билетъ на Астрахань. Впослѣдствіи онъ немного поплатился за это, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ; но онъ сдѣлалъ поэту огромное одолженіе, рискуя личной отвѣтственностью, и только благодаря этому Тарасъ Григорьевичъ избавился отъ путешествія лишнихъ 1000 верстъ и въ 9 ча-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

совъ утра 2 августа, вмѣстѣ съ освобожденными поляками, оставилъ свою тюрьму и на рыбачьей лодкѣ поплылъ чрезъ Каспійское море въ Астрахань.

Такимъ образомъ Шевченко провелъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи шесть лѣтъ и девять съ половиною мѣсяцевъ. Вспомнимъ, что въ Кіевѣ его арестовали 5 апрѣля 1847 г. слѣдовательно вся неволя его составляла 10 лѣтъ, 3 мѣсяца и 27 дней. Это почти четвертая часть его жизни, и при томъ та лучшая часть, когда талантъ его началъ достигать широкаго всесторонняго развитія. Поэтъ справедливо сказалъ, что «неволя проковтнула

„Мое не злото-серебро,
Мои лита—мое добро“.

Она проглотила драгоцѣннѣйшее добро не только Украины въ частности, но добро Россіи вообще, всей Славянщины, всего образованнаго міра. Любопытное сравненіе сдѣлалъ покойный другъ поэта историкъ-художникъ Н. И. Костомаровъ:

«Подъ «красную шапку»,—говоритъ онъ,—Шевченка взяли веселымъ, бодрымъ, съ крѣпкимъ здоровьемъ, съ густыми русыми волосами на головѣ. Изъ-подъ «красной шапки» онъ вернулся съ сѣдою бородою (ему было тогда 43 года,) съ совершенно лысою головою и съ разбитымъ навсегда здоровьемъ».

Что до духовно-нравственной перемѣны, то о ней самъ Тарасъ Григорьевичъ сказалъ слѣдующее: «все это неисповѣдимое горе, всѣ ро-

ды униженія и поруганія прошли, какъ будто, не касаясь меня,—малѣйшаго слѣда не оставили по себѣ. Опытъ, говорятъ, есть лучшій нашъ учитель, но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Мнѣ кажется, что я точно тотъ же, что былъ и 10 лѣтъ назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо ли это? Хорошо! И я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтями моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій. Кое-что просвѣтлѣло, округлилось, приняло болѣе естественный размѣръ и образъ; но это—слѣдствіе невозмутимо летящаго старика Сатурна, а никакъ не слѣдствіе горькаго опыта». [1])

[1]) Основа 1861, кн. VI, стр. 6, Кобзарь, 1895 т. III, стр. 21.

Т. Г. Шевченко въ пути изъ Новопетровска въ Санктъ-Петербургъ.

(2 августа 1857 г. — 27 марта 1858 г.).

I.

Послѣ трехдневнаго благополучнаго плаванія по морю на утлой рыбачьей лодкѣ, Тарасъ Григорьевичъ въ 5 часу вечера 5 августа 1857 г. присталъ къ Астраханской пристани. Столица, сошедшаго со сцены, татарско-астраханскаго царства не понравилась поэту. Подъѣзжая къ Астрахани и видя у берега сотни судовъ и цѣлый лѣсъ мачтъ, онъ предполагалъ встрѣтить нѣчто похожее на Венецію во время дожей, а вмѣсто того встрѣтилъ «островъ, омываемый однимъ изъ рукавовъ Волги, перерѣзанный рядомъ вонючихъ болотъ, называемыхъ рѣкою Кутумомъ; полуостровъ окруженъ лѣсомъ мачтъ и уставленъ живописными бѣлыми лачугами и сѣрыми деревянными, весьма неживописными домиками съ мезонинами, не похожими на лачуги только потому, что изъ нихъ выглядываютъ

Т. Г. Шевченко въ 1858 г въ Нижнемъ Новгородѣ.

флотскія и вообще оффиціальныя физіономіи». «Всю эту безобразно сѣрую массу муссору вѣнчають зубчатыя бѣлыя стѣны кремля и стройный, великолѣпный соборъ московской архитектуры XVII вѣка». Омывающій Астрахань рукавъ по ширинѣ не уступитъ Босфору; но онъ омываетъ не Золотой Рогъ, а кучу вонючаго навоза. Гдѣ же причина этой нищеты и грязи?—спрашиваетъ поэтъ. Въ армяно-татарско-калмыцкомъ населеніи, или въ другой политической, или экономической причинѣ? Послѣднее вѣроятнѣе,—отвѣчаетъ Тарасъ Григорьевичъ.

Путникъ нашъ не нашелъ даже порядочной гостиницы, гдѣ бы можно было остановиться и пообѣдать. Къ счастью въ Астрахани находился тогда по дѣламъ службы плацъ-адъютантъ изъ Новопетровска Бурцовъ. У него и пріютился Тарасъ Григорьевичъ.[1])

Осмотрѣвъ Астрахань, Тарасъ Григорьевичъ по отношенію къ самому себѣ пришелъ къ такому заключенію, что за семь лѣтъ пребыванія его въ пустынѣ онъ «не совсѣмъ еще одичалъ.»

«Послѣ семи лѣтъ прозябанія въ нагой пустынѣ, всякій городъ, даже ничтожный Белебей, долженъ бы произвести пріятное впечатлѣніе; со мной случилось не такъ».

Обстоятельства не благопріятствовали скорому отъѣзду Шевченка изъ Астрахани. По случаю происходившей въ то время Макарьевской ярмарки въ Нижнемъ, пароходъ общества «Мер-

[1]) Основа 1862 г., кн. 1, стр. 7—16 и Кобзарь 1895 г. т. III. Записки або Журналъ Шевченка, стр. 93 и дал.

курій», на которомъ можно было отправиться вверхъ по Волгѣ до Рыбинска, ожидался въ Астрахань только 15 августа, изъ Астрахани же онъ отходилъ только 20 августа. Волей-неволей, но нужно было сидѣть въ Астрахани и ждать «Меркуріевскаго» рейса. Пріобрѣвъ билетъ на баржѣ, которую долженъ былъ буксировать пароходъ, Тарасъ Григорьевичъ принялся осматривать Астрахань подробнѣе. Онъ осматривалъ достопримѣчательныя городскія древности, интересовался архитектурою построекъ, заходилъ читать въ публичную библіотеку (очень убогую), отыскивалъ — и напрасно — колбасную лавку, чтобы запастись на дорогу копчеными продуктами, и т. д. Проходя разъ по улицѣ, онъ обратилъ вниманіе на одинъ деревянный домъ, напоминавшій загородный трактиръ средней руки. На бельведерѣ прохаживался въ сѣромъ пальто съ серебрянымъ Георгіемъ усатый кавалеръ. Шевченко думалъ сперва, что это домъ дворянскаго собранія; но на табличкѣ надъ воротами прочелъ, что домъ А. А. Сапожникова, извѣстнаго въ то время милліонера. Съ нимъ Тарасъ Григорьевичъ былъ хорошо знакомъ еще въ первой половинѣ 40-хъ гг., но теперь задумался: возобновлять ли старое знакомство? «если бы Сапожниковъ,—рѣшаетъ онъ,— не былъ брилліантовою звѣздою астраханскаго горизонта и безмезднымъ метръ-д'отелемъ, я зашелъ бы къ нему; но эти недостатки остановили меня». За домомъ и садомъ Сапожникова выдѣлились живописныя лачуги. «Какъ худож-

никъ, Тарасъ Григорьевичъ любилъ бродить по грязнымъ, живописнымъ закоулкамъ; но какъ человѣкъ, искренно любящій человѣка, онъ «передъ домомъ милліонера сдѣлалъ на лѣво кругомъ» и отправился искать себѣ квартиру, потому что Бурцовъ вступалъ въ «узы Гименея», значитъ оставаться въ его квартирѣ Шевченку не удобно было. Поиски квартиры продолжались дня два; наконецъ, ему удалось открыть наемный чуланъ съ миніатюрнымъ окномъ, выходящимъ прямо на помойную яму. На безрыбьи и ракъ рыба. Вслѣдствіе этой мудрой пословицы, поэтъ переселился 11 августа въ «чуланъ» съ платою по 20 коп. въ сутки. «Переночевавъ кое-какъ въ новой квартирѣ, поэтъ по утру вышелъ отворить ставню; въ эту минуту, какой то упитанный бородачъ окатилъ его помоями изъ чашки и его же выругалъ, говоря, «что его спозаранку чортъ носитъ подъ окнами».

15 августа пришелъ изъ Нижняго пароходъ «Князь Пожарскій»; но когда уйдетъ обратно, опредѣленно ничего не было извѣстно. Волей-неволей приходилось поэту еще нѣсколько дней бродить по грязнымъ улицамъ, вдыхать въ себя астраханскую пыль и зловоніе, питаться чеснокомъ, привозимымъ изъ Персіи, и жить въ чуланѣ—въ ожиданіи отхода парохода.

Такъ продолжалось до 14 августа, но вдругъ совершенно неожиданно все измѣнилось къ лучшему.

Одновременно съ Шевченкомъ прибыли въ Астрахань нѣкоторые поляки, освобожденные

изъ Новопетровскаго укрѣпленія, они сообщили своимъ астраханскимъ землякамъ о пребываніи въ Астрахани нашего поэта. Докторъ Зброжекъ, —воспитанникъ Кіевскаго университета, поспѣшилъ передать эту вѣсть землякамъ Тараса Григорьевича Клопотовскому, Незабитовскому и др., дѣтямъ Кіевской же Alma Mater. Клопотовскій, находясь въ Кіевѣ, лично зналъ Шевченка и всѣ они глубоко уважали его и талантъ его. И вотъ украинцы поспѣшили въ «чуланъ» привѣтствовать освобожденнаго своего національнаго поэта. Для поэта наступилъ столько же неожиданно, сколько и заслуженно, праздникъ. Примѣру малороссовъ послѣдовали многіе просвѣщенные великороссы и поляки. Сапожниковъ, узнавши отъ Зброжека о пребываніи Шевченка въ Астрахани, также поспѣшилъ къ нему съ привѣтствіемъ; въ заключеніе устроился въ честь нашего поэта особый вечеръ. Это было первое публичное слово живой исторіи и судъ... но, конечно, не надъ Шевченкомъ.

«Съ 15 до 22 августа,—записываетъ нашъ путникъ въ своемъ журналѣ,—у меня въ грязной и пыльной Астрахани былъ такой свѣтлый и прекрасный праздникъ, какого еще не было въ моей жизни. Земляки мои, большею частью —кіяне, такъ искренно, такъ радостно привѣтствовали мою свободу и до того простерли свое гостепріимство, что лишили меня возможности самому вести свои Записки и взяли эту обязанность на себя».

Дѣйствительно въ Запискахъ поэта 15—21 августа встрѣчаемъ записи не его рукою. Это краткія, но чрезвычайно характерныя записи тѣхъ астраханцевъ, которые высоко цѣнили нашего поэта и поклонялись пережитымъ имъ въ теченіе 10 лѣтъ испытаніямъ. «Я встрѣтилъ его (Шевченка), записываетъ Клопотовскій, въ этой далекой сторонѣ, какъ отца, какъ брата, какъ величайшаго друга и имѣлъ счастье прожить нѣсколько дней почти вмѣстѣ съ нимъ».

Еще задушевнѣе выражаетъ свою радость Федоръ Чельцовъ: «Съ восторгомъ встрѣтилъ я и провелъ нѣсколько часовъ съ моимъ милымъ Батькомъ—Т. Гр. Шевченкомъ и очень благодарю Бога, что Онъ привелъ меня быть вмѣстѣ съ нимъ», и т. д.

«Благодарю васъ, мои благородные, безкорыстные друзья,—изливаетъ свое чувство поэтъ въ Дневникѣ 22 августа,—вы подарили меня такою радостью, такимъ полнымъ счастьемъ, которое я едва вмѣщаю въ моемъ благодарномъ сердцѣ» [1]).

Случилось такъ, что Сапожниковъ тоже отправлялся на пароходѣ изъ Астрахани и предложилъ нашему путнику каюту на абонированномъ пароходѣ «Кн. Пожарскій». Шевченко согласился, и взятый имъ 5-рублевый билетъ возвратилъ въ контору пароходства, прося отдать его первому бѣдняку безвозмездно. Капитанъ парохода Кашкинъ, вмѣсто одного, помѣстилъ за

---

[1]) Основа, 1862 г., кн. 2, стр. 4—29; Кобзарь, т. III, изд. 1895 г., стр. 101—123.

тотъ билетъ на баржѣ пять бѣдняковъ, не имѣвшихъ средствъ уплатить за проѣздъ до Нижняго-Новгорода.

22 августа пароходъ отчалилъ изъ Астрахани и повезъ нашего поэта въ Нижній.

II.

Плывя на пароходѣ «Кн. Пожарскій», не могъ Тарасъ Григорьевичъ не замѣчать рѣзкой разницы, происшедшей въ теченіе 2—3 недѣль во всей окружающей его обстановкѣ. Теперь взоръ его не раздражался рыжей, пустынной киргизской степью, а успокаивался зеркальнымъ лономъ красавицы Волги съ зелеными, иногда скалистыми, берегами. Плылъ онъ теперь, не какъ по Аральскому морю въ средѣ темныхъ «рядовыхъ», а въ обществѣ людей просвѣщенныхъ, сердечно, искренно сочувствовавшихъ ему. Но новая обстановка,—палуба и каюта парохода «Кн. Пожарскій» не могли не перенести его на нѣсколько холодно-страшныхъ минутъ въ недавно минувшее, — въ «смердячу казарму», въ общество «лихихъ ребятъ»; не возможно было не вспомнить всего того, что̀ хоть и минуло, но чего онъ не могъ забыть. Онъ, конечно, давно простилъ всѣмъ и вся, но забыть... забыть онъ не могъ...

Въ первые дни плаванія по Волгѣ Тарасъ Григорьевичъ почти не оставлялъ палубы, любуясь великолѣпными пейзажами береговъ Волги, напоминавшей ему его родной прекрасный Днѣпръ «шырокый та дужый». А ночи... словно желая

вознаградить поэта за пережитое и еще болѣе напомнить ему прекрасную Украину, были тихія, лунныя, очаровательно-поэтическія. Волга, какъ безконечное зеркало, подернутая прозрачнымъ туманомъ, мягко отражаетъ въ себѣ очаровательную, блѣдную красавицу и сонный обрывистый берегъ, поросшій группами темныхъ деревьевъ. Восхитительно-успокоительная декорація. И вся эта нѣмая гармонія оглашается тихими задушевными звуками скрипки.

«Уже три ночи сряду вольноотпущенный чудотворецъ,—говоритъ поэтъ-художникъ,—возноситъ душу мою къ Творцу вселенной. Онъ извлекаетъ волшебные звуки, особенно въ мазуркахъ Шопена. Я никогда не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ, сердечныхъ, глубоко-унылыхъ пѣсенъ. Благодарю тебя, крѣпостной Паганини; изъ твоей скрипки вылетаютъ стоны и сливаются въ одинъ протяжный мрачный стонъ. Скоро ли эти вопли долетятъ до Твоего слуха, нашъ праведный Боже!»

Окружавшая поэта обстановка глубоко вліяла на него «Всѣ окружающіе меня, начиная съ хозяйки и хозяина, такъ дружески просты, такъ внимательны, что я, отъ избытка восторга, не знаю, что съ собою дѣлать; только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, точно школьникъ, вырвавшійся изъ школы... Контрастъ не даетъ мнѣ войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ».

Сапожниковъ и его семья были люди образованные, любили литературу и имѣли у себя запасъ книгъ и журналовъ. У другихъ лицъ на пароходѣ оказалось не мало печатныхъ и рукописныхъ нецензурныхъ произведеній. Все это было къ услугамъ Тараса Григорьевича. Измученный десятилѣтнимъ духовнымъ пощеніемъ, онъ, съ жадностью голоднаго, хватился за чтеніе. Кромѣ того, въ каютѣ капитана происходили импровизированные литературные вечера, на которыхъ читались современныя литературныя произведенія разныхъ русскихъ писателей и переводы изъ Гюго, Барбье, Беранже и т. д. «Я благоговѣю предъ Салтыковымъ, записываетъ Шевченко въ своемъ дневникѣ, по прочтеніи на пароходѣ «Губернскихъ Очерковъ». О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! какъ бы возрадовалась душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ геніальныхъ учениковъ! Други мои! искренніе мои! Пишите, подавайте голосъ за эту грязную чернь, за этого поруганнаго безсловеснаго смерда».

Интересенъ слѣдующій эпизодъ, какъ свидѣтельство того, до какой степени гуманнѣйшій Тарасъ Григорьевичъ ненавидѣлъ крѣпостное право, какъ порабощеніе человѣка человѣкомъ.

9 сентября въ каютѣ капитана собралась часть пассажировъ пить чай; сюда пришелъ и капитанъ другого парохода Возницынъ; въ бесѣдѣ, между прочимъ, онъ сказалъ, что по закрытіи навигаціи, ѣдетъ къ себѣ въ имѣніе, въ Тверскую губ., тамъ ему необходимо быть, по случаю предстоящаго освобожденія крестьянъ.

Поэтъ нашъ, замѣтивъ, что Возницынъ «хотя и либералъ, но проговорилъ эту новость (объ освобожденіи крестьянъ) съ большимъ неудовольствіемъ», прекратилъ разговоръ, замолчалъ и закутавшись въ свой «чапанъ»—легъ спать.

Предполагая въ дорогѣ срисовать берега Волги, художникъ запасся и альбомомъ; но-увы! «берега Волги, дѣйствительно, съ каждымъ часомъ дѣлались привлекательнѣе; но рисовать на пароходѣ оказалось неудобнымъ и просто-таки невозможнымъ: палуба дрожитъ, а контуры береговъ быстро перемѣняются. Когда же пароходъ останавливался гдѣ-либо у пристани, художникъ не пропускалъ случая дѣлать рисунокъ берега.

30 августа «Пожарскій» остановился у Саратова. Тарасъ Григорьевичъ сейчасъ же взялъ извощика и отправился къ Т. П. Костомаровой. «Добрая старушка узнала поэта по голосу, но, взглянувши на него, усумнилась, не ошибается ли она. Съ полудня и до полуночи поэтъ провелъ у Татьяны Петровны. «Чего мы съ ней не вспоминали, о чемъ не переговорили. Она показала письмо сына изъ Стокгольма отъ 30 мая. «Это число напомнило намъ роковое 30 мая 1847 г и мы, какъ дѣти, зарыдали»

На другой день за полчаса до отхода парохода. Тарасъ Григорьевичъ, опять неожиданно и глубоко, былъ обрадованъ: въ капитанскую каюту вошелъ некрасивый, но симпатичный человѣкъ и, обращаясь къ поэту, произнесъ съ одушевленіемъ: «Я Петръ Чекмаревъ. Незнаемая вами ваша землячка Марія Григорьевна С-ина,

поклонница ваша, поручила мнѣ передать вамъ ея сердечный поцѣлуй сестры и поздравить васъ съ вожделѣнной свободой»,—и съ этимъ онъ два раза облобызалъ поэта въ лысину,—«одинъ поцѣлуй за землячку, другой за себя и за саратовскую братію». «Долго я не могъ опомниться— записываетъ Шевченко въ своемъ дневникѣ, — отъ этого счастья и, прійдя въ себя, вынулъ изъ моей бѣдной коморы какую-то пѣсенку и просилъ передать эту лепту моей сердечной землячкѣ»...

Проѣзжая 9 сентября мимо Симбирска, Тарасъ Григорьевичъ очень желалъ взглянуть на памятникъ Карамзину. «Но,—записываетъ онъ,— другой разъ неудача; въ 1847 г. меня провезли мимо Симбирска; тогда было не до памятника; тогда я едва успѣлъ пообѣдать въ какой-то харчевнѣ. Во мнѣ была тогда экстренная надобность въ Оренбургѣ, и потому фельдъегерь не дремалъ и, загнавши только одну почтовую лошадь, на восьмыя сутки доставилъ меня изъ Петербурга въ Оренбургъ. Теперь же, вмѣсто экстренности, ночь и съ такими отвратительными варьяціями, что было бы глупо и думать о монументѣ Карамзина».

13 сентября Тарасъ Григорьевичъ сошелъ на берегъ въ Казани (городъ напомнилъ ему уголокъ Москвы) и отправился въ университетъ распросить о бывшихъ кіевскихъ студентахъ Посядѣ и Андрузскомъ—товарищахъ его и по «братству» и по тюрьмѣ въ Петербургѣ въ 1847 г., «переведенныхъ» сюда по одной съ

нимъ конфирмаціи,— и, конечно, ничего не узналъ.

Наконецъ, въ 11 часовъ утра 20 сентября «Пожарскій», а на немъ и пѣвецъ Украины, прибыли въ Нижній Новгородъ.

III.

«Солнце въ тотъ день привѣтливо освѣтило Нижній Новгородъ, и его прекрасныя окрестности». Тарасъ Григорьевичъ, сойдя на берегъ, отправился въ гимназію повидаться съ учителемъ Бобржинскимъ, воспитанникомъ Кіевскаго университета. Не заставъ его дома, направился въ квартиру Сапожникова, куда въ скорости пришелъ Брылкинъ (управляющій пароходствомъ) и объявилъ по секрету сначала хозяину, а потомъ и Тарасу Григорьевичу, что онъ имѣетъ предписаніе полиціи дать знать, какъ только Шевченко прибудетъ въ городъ.

«Я хотя и тертый калачъ, но такая неожиданность меня сконфузила»,—признается поэтъ. Въ тотъ же день онъ, взявши съ парохода свой убогій багажъ, отдалъ паспортъ Брылкину, а самъ временно поселился въ квартирѣ П. А. Овсянникова.

Вскорѣ дѣло разъяснилось въ смыслѣ, весьма неблагопріятномъ для Шевченка. Намъ необходимо еще разъ возвратиться въ Новопетровскъ.

Какъ знаемъ уже, комендантъ Усковъ сперва не хотѣлъ выдать Шевченку проѣздной билетъ, а потомъ 31 іюля внезапно согласился и выдалъ таковой 1 августа. Положительныхъ данныхъ

для объясненія такой рискованной рѣшимости Ускова имѣется не много; но попробуемъ объяснить её. 29 іюля батальонный командиръ предписалъ «отправить Шевченка въ Уральскъ», необъяснивъ для какой надобности. Несомнѣнно, что Усковъ хорошо зналъ, зачѣмъ нуженъ Шевченко въ Уральскѣ; но зналъ и то, что путешествіе въ Уральскъ, а оттуда въ Оренбургъ для поэта составитъ совершенно лишнюю тяжесть не только физическую, но и нравственную. Избѣжать отправки Шевченка въ Уральскъ можно, только выдавши ему проѣздной билетъ чрезъ Астрахань. Конечно, за это можетъ послѣдовать «нахлобучка», но онъ воспользовался неясностью батальоннаго требованія и тѣмъ болѣе, что, какъ онъ объяснялъ потомъ, Шевченка требуютъ въ Уральскъ для полученія указа объ отставкѣ, а указъ можно выслать и по почтѣ. Усковъ, по добротѣ своей, рискнулъ выдать Шевченку билетъ и того же дня увѣдомилъ объ этомъ батальонный штабъ, прибавивъ, что «при выдачѣ билета онъ принялъ во вниманіе, что отправка Шевченка въ Уральскъ сдѣлаетъ ему разницы болѣе 1000 верстъ лишнихъ; если же его требуютъ въ Уральскъ для выдачи ему кормовыхъ и прогонныхъ денегъ на одну лошадь, то Шевченко отъ полученія ихъ отказался».

Дѣло, однако, было серьезнѣе.

Шевченку при амнистіи былъ воспрещенъ въѣздъ въ столицы; Усковъ объ этомъ не былъ увѣдомленъ батальоннымъ командиромъ и, не зная о такомъ ограниченіи, выдалъ билетъ на

проѣздъ чрезъ Москву въ Петербургъ. И вотъ, когда въ августѣ онъ узналъ объ этомъ, то понялъ свою ошибку, спохватился и забилъ тревогу. 29 августа онъ написалъ сообщенія въ петербургскую, московскую и нижегородскую полиціи, прося, когда прибудетъ туда Шевченко, —объявить о воспрещеніи ему проживать въ столицахъ и настоять, чтобы онъ «немедленно возвратился въ Оренбургъ, гдѣ онъ долженъ имѣть мѣсто жительства, впредь до окончательнаго увольненія его на родину». Бумаги эти Усковъ отослалъ въ Астрахань Бурцову; но, къ счастью Шевченка, бумаги пришли тогда, когда его уже не было въ Астрахани, иначе онъ не избѣжалъ бы путешествія въ Оренбургъ. Бурцовъ отправилъ сообщенія по адресамъ, добавивъ отъ себя нижегородской полиціи, что Шевченко выѣхалъ изъ Астрахани на пароходѣ «Князь Пожарскій». Вотъ почему нижегородская полиція заблаговременно знала о пріѣздѣ Шевченка и сторожила его.

Понятно, что вѣсть, переданная Брылкинымъ, и разъясненіе причины требованія полиціею увѣдомленія о прибытіи поэта не могли «не вызвать воплей внезапно уязвленнаго сердца.» Въ дневникѣ поэта 21 сентября мы читаемъ: «Проклятіе вамъ, мои мучители. Гнусно, безчеловѣчно, отвратительно!»

Овсянниковъ, Брылкинъ, Кашкинъ и др. постарались успокоить несчастнаго страдальца, надъ которымъ злая судьба, въ самомъ дѣлѣ, точно издѣвалась. «Если бы не эти добрые люди,

мнѣ бы пришлось сидѣть за рѣшеткою и дожидать указа объ отставкѣ, или броситься въ объятія Волги. Послѣднее, кажется,—было бы легче», записалъ Шевченко въ дневникѣ 21 сентября.

Для избѣжанія тягостнаго путешествія въ Оренбургъ Брылкинъ, Овсянниковъ и др. посовѣтовали пѣвцу Украины—«заболѣть». Губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ тогда Муравьевъ, полиціймейстеромъ—Лапа, помощникомъ его Кудлай—землякъ Шевченка. Всѣ они отнеслись сочувственно къ Шевченку; да и время тогда было хорошее!

Полиція и не думала безпокоить Тараса Григорьевича. 1 октября полиціймейстеръ и врачъ посѣтили его, скорѣе какъ пріятеля; составили протоколъ о какой-то продолжительной «болѣзни», и онъ былъ увѣренъ, что послѣ этого «освидѣтельствованія» путешествовать ему въ Оренбургъ не прійдется. Губернаторъ, отославъ въ Оренбургъ протоколъ «освидѣтельствованія», дозволилъ Шевченку проживать въ Нижнемъ «впредь до выздоровленія».

Въ Оренбургѣ, какъ извѣстно перемѣнился генералъ-губернаторъ: преемникомъ Перовскаго былъ назначенъ Катенинъ, человѣкъ вообще доброжелательный и родственникъ, хотя и дальній, по женѣ одному изъ «соузниковъ» Шевченка. Тарасъ Григорьевичъ послалъ и къ нему просьбу и написалъ графу Ф. П. Толстому и графинѣ Анастасіи Ивановнѣ, прося ходатайствовать о дозволеніи ему прибыть въ Петербургъ, хоть на два года, для усовершенствованія въ живо-

писи, занимаясь въ академіи художествъ. Въ то же время къ Лазаревскому онъ писалъ: «никто больше, какъ чортъ, врагъ добрыхъ нашихъ помышленій, перешелъ мнѣ дорогу въ Питеръ. Усковъ выдалъ мнѣ пропускъ прямо въ Петербургъ, а батальонный командиръ такимъ распоряженіемъ обидѣлся и написалъ Нижегородской полиціи, чтобы меня задержать и отправить въ Уральскъ для полученія указа объ отставкѣ съ какими-то ограниченіями. Самъ не знаю, что со мною будетъ»[1]).

Переписка властей, конечно, должна была затянуться. Хотя предполагался благопріятный для поэта исходъ, но онъ долженъ былъ сидѣть въ Нижнемъ и «болѣть», пока не прійдетъ такой или иной отвѣтъ изъ Оренбурга. Ниже мы увидимъ, что ошибка Ускова при выдачѣ Шевченку билета и послѣдовавшая чрезъ то остановка его въ Нижнемъ послужили ему на пользу. Вѣдь, если бы онъ не выѣхалъ 2 августа изъ Новопетровска, онъ неизбѣжно долженъ былъ бы отправиться въ Оренбургъ и, сдѣлавъ лишнихъ тысячу верстъ, сидѣть тамъ «впредь до разрѣшенія отправиться на родину». Это потребовало бы новаго ходатайства, хлопотъ и не мало времени.

IV.

Во всякомъ случаѣ Шевченко, хоть и не по своей волѣ, оставался и «болѣлъ» въ Нижнемъ-Новгородѣ цѣлые полгода. За это время въ

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 102.

жизни его не произошло ничего особенно выдающагося въ хорошую или дурную сторону, за исключеніемъ двухъ эпизодовъ—пріѣзда въ Нижній-Новгородъ стараго друга поэта, артиста М. С. Щепкина, и неудачнаго сватовства нашимъ поэтомъ Піуновой.

Нижегородское общество, надо отдать ему честь и справедливость, отнеслось въ лицѣ лучшихъ своихъ людей къ пѣвцу Украины внимательно, дружелюбно и гостепріимно.

Кромѣ Брылкина, Овсянникова и Шрейдерса, которые сдѣлались Шевченку, а Шевченко имъ, людьми близкими, между знакомыми его, радушно принимавшими его у себя. встрѣчаемъ князей Голицына и Трубецкого, генераловъ Веймарна и Фрейлиха, губернскаго предводителя дворянства, извѣстнаго музыкальнаго критика Улыбашева, начальницу женскаго института генеральшу М. А. Дорохову и много другихъ. Изъ Записокъ нашего поэта [1]) видимъ, что жизнь его въ Нижнемъ, говоря вообще, шла хорошо и почти ничѣмъ не напоминала ему, что онъ «сидитъ на привязи» подъ надзоромъ полиціи. Съ другой стороны, видимъ, что поэтъ-художникъ, находясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, старался извлечь изъ этого пребыванія пользу для своего духа и кисти. Знаемъ уже, какъ онъ голодалъ духомъ въ Новопетровскѣ. Въ письмѣ къ графинѣ Толстой 12 ноября 1857 г. изъ Нижняго-

[1]) Основа 1862 г., кн. 2 и 5; Дневникъ Шевченка и Кобзарь, т. III, стр. 124—180.

Новгорода онъ говоритъ: [1]) что ему «необходимо было какого-нибудь перепутья между Сѣверною Пальмирою и киргизскою степью, иначе я явился бы къ вамъ настоящимъ киргизомъ. Въ продолженіе 10 лѣтъ я ничего не читалъ. Вотъ вы и представьте, какимъ темнымъ простакомъ явился бы я въ общество людей просвѣщенныхъ. Теперь книгъ у меня много, и я читаю запоемъ». Въ книгахъ дѣйствительно не было недостатка. Кромѣ современной русской прессы, Кулишъ и Лазаревскій снабдили его книгами на родномъ языкѣ, англичанинъ Грандтъ снабжалъ русскими заграничными изданіями Герцена. Случайно съ прочтеніемъ въ этихъ изданіяхъ извѣстій о декабристахъ, ему пришлось встрѣтиться лично съ нѣкоторыми изъ нихъ, возвращавшимися въ то время съ дальнихъ береговъ Енисея, Ангары и т. п. О встрѣчѣ своей у Якоби съ Анненковымъ онъ записываетъ такъ: «встрѣтилъ и благоговѣйно познакомился съ И. А. Анненковымъ: сѣдой, величественный, кроткій изгнанникъ въ рѣчахъ своихъ не обнаруживаетъ и тѣни негодованія на своихъ судей, даже добродушно подтруниваетъ надъ Чернышевымъ и Левашевымъ».

Уваженіе не мѣшало, однако, ему критически относиться къ отрицательнымъ сторонамъ декабристовъ.

Кулишъ, посылая поэту свои изданія—II т. «Записокъ о Южной Руси» и «Опо-

---

[1]) Русск. Стар. 1877, кн. X, стр. 291.

виданння» Марка Вовчка, писалъ ему: «видишь, какія чудеса творятся: великороссіянка превратилась въ украинку и написала такія произведенія, что хоть бы и тебѣ, такъ въ мѣру. Какъ они тебѣ понравятся? Напиши объ этомъ; вѣдь, ты у насъ голова на всю Украину. Въ «Русскую Бесѣду» просятъ что-нибудь твое; но ты съ этимъ пока-что не спѣши: прежде всего нужно открыть тебѣ дорогу въ столицу, а второе—надо съ большимъ вниманіемъ разсматривать, что можно напечатать, а что и попридержать. Слава твоя, какъ писателя, теперь на зенитѣ; потому-то напоминать о себѣ надо произведеніями выдающимися, а не кой-какими. Послѣ 1847 г. земляки твои ожидаютъ отъ тебя крупныхъ произведеній. Вотъ если бы ты вспомнилъ или написалъ на ново *Гуса!* Намъ извѣстно только начало этой поэмы.

„Кругомъ неправда и неволя
Народъ закованый мовчыть,
А на апостольскимъ престоли
Чернець годованый сыдыть!
Людською кровію шынкуе
И рай у наймы оддае.
Царю небесный! Судъ твій всуе
И всуе царствіе Твое“.

Въ V кн. «Русск. Бес.» есть кое-что о Гусѣ. Прочитай и скажи свое вѣское слово. Если имѣешь хорошія произведенія и безъ *Гуса*, пришли ко мнѣ на просмотръ, чтобы они прошли чрезъ мои руки такъ, какъ твоя поэма *Наймычка*, которой, какъ видишь, я не испор-

тилъ. Искренно любя твою музу, желаю, чтобы она не являлась предъ людьми «розхристаною и простоволосою цыганкою, а гарною дивчыною, отецькою дочкою, щобъ по дочци знаты було и батька». Начали мы съ тобою большое дѣло, надо продолжать его такъ, чтобы чрезъ него было уваженіе къ нашему народу».

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о *Наймычкѣ*. Поэму эту, предъ выѣздомъ 3 апрѣля 1847 г. изъ Седнева, Тарасъ Григорьевичъ вмѣстѣ съ другими своими произведеніями (Псалмы Давидовы и проч.) оставилъ у Лизогуба. Когда Шевченка арестовали, Лизогубъ, опасаясь обыска у себя, не сжегъ, какъ это сдѣлали другіе, оставленныхъ Шевченкомъ драгоцѣнностей, а спряталъ ихъ гдѣ-то въ *стриху*. Тамъ онѣ и хранились до конца 1856 г. По освобожденіи Кулиша, Костомарова, Бѣлозерскаго и др. братъ послѣдняго отправился въ Седневъ и, взявъ отъ Лизогуба Шевченковы рукописи, переслалъ ихъ Кулишу въ Петербургъ чрезъ Л. М. Жемчужникова. Но, печатая *Наймычку* во II т. Записокъ, Кулишъ не назвалъ ни имени автора, ни истиннаго источника, откуда онъ досталъ рукопись. Напротивъ, въ виду происходившей въ то время переписки объ освобожденіи Шевченка, онъ въ предисловіи къ «Наймычкѣ» старательно замаскировалъ имя автора, сказавъ, что автора, быть можетъ, уже въ живыхъ нѣтъ, поэму же онъ (Кулишъ) списалъ съ альбома «одной панночки - хуторянки». «Панночка» эта былъ А. М. Лизогубъ.

Тарасу Григорьевичу очень понравились повѣсти Вовчка изъ народнаго быта, а еще болѣе радовалъ его II т. *Записокъ* Кулиша. Благодаря Кулиша, онъ говоритъ: «Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы твои Записки сдѣлались періодическимъ изданіемъ. Намъ съ тобою нужно хорошо потолковать объ этомъ святомъ дѣлѣ».

Больше всего Тарасъ Григорьевичъ останавливалъ свое вниманіе на только-что напечатанномъ Кулишомъ букварѣ — «Граматкѣ», которую переслалъ ему, чрезъ Варенцова, О. М. Бодянскій вмѣстѣ съ своимъ трудомъ: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ». «Какъ прекрасно, умно и благородно составленъ этотъ совершенно новый букварь,—записываетъ Шевченко въ своемъ дневникѣ 10 декабря. Это первый свободный лучъ свѣта, могущій проникнуть въ сдавленную панами подневольничью голову».

Здѣсь нельзя не остановиться на нѣсколько минутъ на вопросѣ о языкѣ и системѣ обученія въ народной школѣ. Въ то именно время только-что начала проявляться частная заботливость интеллигенціи о просвѣщеніи народа. Вездѣ возникали воскресныя школы и одновременно съ ними не могъ не возникнуть въ Украинѣ вопросъ о школьномъ языкѣ. Конечно, для людей, хорошо знакомыхъ съ украинскимъ народомъ, не могло быть вопроса, на какомъ языкѣ надо учить украинскихъ дѣтей въ сельской народной школѣ. Но на этотъ вопросъ элементарной педагогіи были и иные взгляды со сто-

роны «політиковъ», или людей мало просвѣщенныхъ. Костомаровъ въ письмѣ къ Шевченку по поводу «Граматки» Кулиша высказалъ слѣдующій взглядъ. «Меня обрадовала не столько «Граматка» сама по себѣ, сколько мысль о необходимости писать для народа. Приходитъ время (освобожденіе крестьянъ) проснуться нашему народу и трудиться умственно. Если въ рескриптѣ Государя сказано, чтобы подумать объ организаціи школъ и о просвѣщеніи народа, то истинные украинцы должны обратить царскую милость на пользу употребленія и развитія народнаго языка. Надо сельскихъ дѣтей учить на родномъ языкѣ; а для этого надо, чтобы были учебники. А не то надъ нами будутъ смѣяться,—скажутъ писали, писали и повѣсти, и романы, и комедіи, а о самомъ главномъ забыли. Мнѣ кажется, что взглядъ Кулиша не годится для букваря. Народу нужно не лакомства, а здоровой трезвой пищи. Нашей поэзіи народъ не пріиметъ, потому что имѣетъ собственной столько, что и насъ снабдитъ ею на долгое время. Нужна грамматика родного языка, краткія—естественная исторія, географія, космографія, книга о законахъ, необходимыхъ въ обыденной жизни народа. Какъ ты думаешь объ этомъ? Стихи писать только тебѣ одному, а остальные пусть трудятся, а не поютъ. Я теперь перевожу на нашъ языкъ Св. Писаніе. Уже окончилъ Евангеліе Матѳея, а Марка остались двѣ главы.» [1])

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 115—116.

Шевченко вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и, какъ увидимъ, и самъ потомъ принялся работать надъ составленіемъ популярно образовательныхъ книгъ для народа. Кулишъ съ той же цѣлью предполагалъ трудиться въ другой сферѣ—заняться изданіемъ для народа иллюстированныхъ произведеній слова. Онъ просилъ Шевченка сдѣлать рисунки къ историческимъ народнымъ думамъ и къ собственнымъ произведеніямъ поэта. «Мы вырѣжемъ, писалъ онъ, тѣ рисунки на деревѣ, напечатаемъ красками и будемъ продавать по 1—2 копѣйки вездѣ на ярмаркахъ. Будутъ они въ каждой избѣ вмѣсто московско-суздальской гадости. Я и самъ бы нарисовалъ; но у меня рисунки не выйдутъ такими характерными, какъ у тебя. У тебя они выйдутъ художественно.» [1])

V.

Когда погода позволяла работать на открытомъ воздухъ, нашъ поэтъ-художникъ очень усердно срисовывалъ виды съ различныхъ нижегородскихъ зданій, особенно съ церквей. Но скоро началось осеннее холодное ненастье; занятія на открытомъ воздухъ сдѣлались невозможными. Тарасъ Григорьевичъ засѣлъ тогда надъ чтеніемъ и почти цѣлый мѣсяцъ читалъ «запоемъ». Въ началѣ ноября онъ почувствовалъ потребность отдохнуть отъ чтенія и въ извѣстное время началъ бродить по улицѣ.—«Откуда,—спрашиваетъ онъ,—взялась у меня эта нелѣпая любовь къ

[1]) Тамъ же, стр. 122.

улицѣ? Послѣ 10-лѣтняго поста я набросился на книги, объѣлся и теперь страдаю несвареніемъ. Другой причины моему томительному бездѣйствію—не знаю. Рисовать не могу— помѣщеніе не позволяетъ. Рисовалъ бы портреты за деньги, но не съ кого, а даромъ работать совѣстно». Финансы поэта находились далеко не въ завидномъ состояніи. Изъ Новопетровска онъ выѣхалъ съ ничтожнымъ запасомъ и не имѣя приличнаго платья, на которое и пришлось поиздержаться въ Нижнемъ. Деньги изъ Петербурга не приходили. Нижегородскіе пріятели поэта постарались помочь ему, убѣдивъ своихъ знакомыхъ заказывать ему свои портреты. Первый портретъ за плату нашъ художникъ написалъ Нижегородской красавицѣ того времени Т. М. Поповой. Вскорѣ онь получилъ приглашеніе М. А. Дороховой сдѣлать портретъ ея и воспитанницы ея Нины Пущиной Къ Дороховой онъ относился съ особеннымъ уваженіемъ и симпатіею. «Не смотря на свое аристократическое происхожденіе,—читаемъ въ Дневникѣ поэта подъ 31 октября,—въ ней такъ много сохранилось простого человѣческаго чувства и достоинства, что я невольно сравниваю ее съ изображеніемъ свободы у Барбье (Собачій пиръ). Своей отрывистой рѣчью, жестами и вообще наружностью она живо напоминаетъ мнѣ моего незабвеннаго друга—княгиню Варвару Николаевну Репнину».

Потомъ Шевченкомъ были написаны портреты Варенцовой, Якоби, Таубе и мн. др., наконецъ пріятели его Шрейдерсъ, Кадинскій и

Фрейлихъ просили сдѣлать ихъ портреты и заплатили впередъ деньги, съ которыми произошелъ непріятный казусъ: «Я,—записываетъ Тарасъ Григорьевичъ 26 ноября,—никогда не бралъ денегъ за работу впередъ, а сегодня взялъ и «добре помогорычившы», отправился въ одно

Ф. М. Лазаревскій.

«очаровательное» семейство, а тамъ украли у меня 125 руб... Прихожу домой—другое горе: ночью проѣздомъ Федоръ Лазаревскій былъ у Даля, искалъ меня по всему городу и, разумѣется, не нашелъ. На другой день поэтъ долженъ былъ обѣдать у Даля «и сочинить необыкновенное

происшествіе, сказавъ, что вчера ѣздилъ съ Брылкинымъ въ Балахну».

Тутъ замѣтимъ, что съ извѣстнымъ писателемъ Далемъ Тарасъ Григорьевичъ былъ знакомъ въ Петербургѣ еще до ссылки; не питая къ нему симпатіи и теперь, проживая въ Нижнемъ, не имѣлъ желанія возобновлять знакомства, но графиня Толстая просила его повидаться съ Далемъ. Не исполнить желанія графини поэтъ не могъ. Даль принялъ его радушно. 17 декабря, когда онъ вечеромъ сидѣлъ у него, хозяинъ началъ разговоръ о Давыдовыхъ Псалмахъ и, замѣтивши, что Тарасъ Григорьевичъ превосходно знакомъ съ Библіей, вручилъ ему свой переводъ и комментарій Апокалипсиса, прося прочитать и высказать свое мнѣніе.

Просьба не совсѣмъ пріятная! «Что я ему скажу?—читаемъ въ дневникѣ Шевченка;—читая Апокалипсисъ на церковно-славянскомъ языкѣ, мнѣ приходила мысль, что апостолъ писалъ его для своихъ неофитовъ извѣстными имъ иносказаніями съ цѣлью скрыть иносказательность проповѣди отъ своихъ приставовъ».

Работая кистью и карандашемъ, Тарасъ Григорьевичъ не забывалъ и произведеній своего пера. Прежде всего онъ принялся пересмотрѣть вторую часть своей повѣсти на русскомъ языкѣ «*Матросъ*» (первую часть еще изъ Новопетровска онъ отослалъ Лазаревскому). Переписанная въ укрѣпленіи прапорщикомъ Нечаевымъ, однимъ изъ лучшихъ кадетъ Неплюевскаго корпуса, повѣсть оказалась переполненною грамматически-

ми ошибками. Исправивъ повѣсть, онъ отослалъ ее къ Щепкину, прося похлопотать о напечатаніи ея въ журналѣ. Кулишъ, получивъ другія русскія повѣсти Шевченка, отсовѣтовалъ ему печатать: «О русскихъ твоихъ повѣстяхъ скажу, писалъ онъ, что ты унизишь ими свое имя. Если бы я имѣлъ деньги, я купилъ бы всѣ твои русскія повѣсти и сжегъ бы.. Можетъ быть, ты мнѣ не повѣришь, скажешь, что я «московщины» не люблю, потому и охуждаю; но знай, что ни одна редакція не приняла твоихъ повѣстей для напечатанія. Читая твои русскія повѣсти, земляки «киваютъ» головами, а великороссы отбрасываютъ прочь; тогда какъ твои стихи на украинскомъ языкѣ— «москали шанують, а землякы, наче псалтырь той, промовляють».

Критику Кулиша Тарасъ Григорьевичъ признавалъ черезчуръ строгою, но не возражалъ ему, будучи того мнѣнія, что кто желаетъ сохранить добрыя отношенія съ Кулишомъ, тотъ не долженъ говорить ему правды. Онъ обращался къ С. Т. Аксакову съ просьбой посодѣйствовать ему въ напечатаніи въ журналахъ нѣкоторыхъ изъ его русскихъ повѣстей. Сергѣй Тимофеевичъ отвѣчалъ: «я не совѣтую вамъ печатать эту повѣсть («Матросъ»); она несравненно ниже вашего огромнаго стихотворнаго таланта. Вы лирикъ, элегистъ, а юморъ вашъ не веселъ, шутка не всегда забавна. Правда, тамъ, гдѣ вы касаетесь природы, гдѣ дѣло доходитъ до живописи, тамъ у васъ все прекрасно, но это не выкупаетъ недостатковъ

цѣлаго разсказа. Я безъ всякаго опасенія говорю вамъ голую правду. Я думаю, что такому таланту, какъ вы, можно смѣло сказать её. Вы имѣете предъ собою блистательное поприще, на которомъ вы полный хозяинъ».

О русскихъ повѣстяхъ Шевченка Костомаровъ былъ другого мнѣнія. Онъ признавалъ, совершенно справедливо, что въ этихъ произведеніяхъ Шевченка свѣтятся признаки великаго таланта, вѣрность характеровъ, глубина и благородство мысли и чувства и богатство образовъ; но они не отдѣланы.

Иначе и быть не могло. Часть ихъ писана подъ надзоромъ и цензурою новопетровскихъ цензоровъ, часть писана втихомолку. Тутъ нельзя было и думать объ отдѣлкѣ. Но были еще и другія причины, мѣшавшія появленію повѣстей Шевченка въ русскихъ журналахъ того времени Журналистика тогда жила, какъ и должно быть, жгучими современными вопросами, которые нахлынули надъ русскою жизнью цѣлою массою во второй половинѣ 50-хъ г.г. Въ повѣстяхъ Шевченка не были и не могли быть затронуты, вслѣдствіе особой цензуры, никакіе современные вопросы. Костомаровъ справедливо замѣтилъ, кромѣ того, что если-бы русская «Наймычка» Шевченка была напечатана раньше его «Наймычкы» украинской, то публика приняла бы её, какъ произведеніе выдающееся.[1])

Послѣ этого Шевченко не начиналъ уже больше ничего новаго писать по-русски: а взяв-

[1]) Русск. Стар. 1880, кн. 3, стр. 607—610.

шись за произведенія на родномъ языкѣ, онъ самъ увидѣлъ, что тутъ онъ полный хозяинъ. 5—7 декабря изъ подъ пера его вылилась одна изъ лучшихъ поэмъ—«Неофиты», посвященная Щепкину. Вскорѣ по написаніи онъ чрезъ Овсянникова переслалъ эту поэму Кулишу, прося высказать о ней свое мнѣніе, и, переписавши, отослать Щепкину.

Кулишъ понялъ, что Шевченко желаетъ, чтобы поэма была скорѣе напечатана; по его-же мнѣнію, напечатаніе было несвоевременнымъ. Хотя содержаніе поэмы взято изъ жизни первыхъ христіанъ, но оно можетъ, де, быть перетолковано и понято въ томъ смыслѣ, что авторъ напоминаетъ сыну дѣла его отца. Кулишъ совѣтовалъ не спѣшить съ напечатаніемъ «Неофитовъ» и не посылать ихъ Щепкину, потому что тотъ будетъ вездѣ носиться съ поэмою, «и о тебѣ пойдутъ неблагопріятные слухи въ томъ смыслѣ, что тебя не слѣдуетъ пускать въ столицу...» «Та якый нечыстый сказалъ тебѣ,—отвѣчалъ поэтъ Кулишу.—что я приготовилъ «Неофитовъ» къ печатанію? У меня не было и предположенія. Я послалъ тебѣ для прочтенія, чтобы ты видѣлъ, что я не сижу сложа руки. И старикъ Щепкинъ не такой человѣкъ, чтобы возился съ поэмою по Москвѣ, какъ съ торбою. Ты отдай ее переписать хорошенько и перешли Щепкину».

Послѣ написанія «Неофитовъ» поэтъ нашъ предполагалъ написать еще «Сатрапа и Дервиша».—«Сегодня же (13 декабря) принимаюсь

за «Сатрапа и Дервиша»,—читаемъ въ дневникѣ. Хочется написать въ формѣ эпопеи. Форма для меня совершенно новая и не знаю, какъ слажу съ ней».

Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы эпопея эта была написана, никакихъ слѣдовъ, даже начала ея не сохранилось.

Недѣли за двѣ до выѣзда изъ Нижняго, не знаемъ достовѣрно какими именно путями, поэтъ получилъ свою «невольныцьку поэзію» и занимался приготовленіемъ ея къ печати. Подъ «невольныцькою поэзіею» онъ разумѣлъ свои произведенія на украинскомъ языкѣ, написанныя, во-первыхъ, во время заключенія въ III отдѣленіи, во-вторыхъ, во время первой ссылки, до ареста, въ Оренбургѣ, т. е. до 21 апрѣля 1850 г. Мы уже говорили, что при обыскѣ у него въ Оренбургѣ поэтическія произведенія его были спасены и хранились они совмѣстно съ другими его вещами у К. Ив. Герна во все время до освобожденія. Знаемъ изъ Записокъ поэта, что 9-го августа 1857 года онъ послалъ Герну письмо изъ Астрахани. Письмо это къ намъ не дошло, но я предполагаю, что въ немъ была просьба о высылкѣ хранившихся у Герна рукописей въ Петербургъ на имя Лазаревскаго. Думаю, что Гернъ и выслалъ ихъ; но, когда послѣдовала задержка Шевченка въ пути, Лазаревскій переслалъ ихъ въ Нижній-Новгородъ чрезъ Шрейдерса. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ, что въ Запискахъ поэта 19 февраля 1858 г. сказано: «вчера возвратился изъ Петербурга Шрейдерсъ

и привезъ письмо отъ Лазаревскаго»; а подъ 21 февраля читаемъ: «началъ переписывать для печати свою поэзію, писанную въ 1847—1858 г.»

Возможно и другое предположеніе. Узнавъ о задержкѣ Тараса Григорьевича въ Нижнемъ и не имѣя тамъ знакомыхъ, Гернъ не рѣшился пересылать Шевченку рукописи по почтѣ на его адресъ и ждалъ случая, который представился при возвращеніи съ береговъ Сыръ-Дарьи изъ ссылки Круликевича. Послѣдній, слѣдуя чрезъ Нижній, посѣтилъ Тараса Григорьевича 7-го января и, быть можетъ, вручилъ ему рукописи, пересланныя Герномъ Такое заключеніе можно вывести изъ словъ поэта въ письмѣ 26 генваря къ Кулишу о томъ, что у него украинскихъ стихотвореній для печати наберется на двѣ книжки; «только перепиши и печатай».

Изъ «невольныцькои поэзіи» онъ исправилъ 4—6 марта «Лилею» и «Русалку» и возобновилъ по памяти поэму «Видьма», написанную еще въ 1847 году въ Седневѣ подъ названіемъ «Осыка»[1]).

VI.

Такимъ образомъ у Тараса Григорьевича, повидимому, не было ни особенной причины тосковать, ни времени скучать въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ дѣйствительности видимъ другое. Мы видимъ, что онъ чувствуетъ себя *одинокимъ* безъ своихъ друзей-земляковъ; его непреодо-

[1]) Основа, 1862 г., кн. 6, стр. 10; Кіев. Стар., 1893 г., кн. 3, стр. 466 и Кобзарь, т. 3, стр. 179.

лимо тянетъ въ Петербургъ, въ академію, къ друзьямъ. Тоска его сильнѣе выразилась, когда 23 октября пришелъ изъ Оренбурга отвѣтъ генералъ-губернатора, что онъ, не имѣя права въѣзжать въ столицы, долженъ оставаться въ Нижнемъ-Новгородѣ, находясь подъ негласнымъ надзоромъ полиціи.—«Хороша свобода!—восклицаетъ поэтъ,—словно собака на привязи». Тогда онъ не могъ не почувствовать, что онъ на чужбинѣ и среди чужихъ. Сердце шепнуло ему пригласить къ себѣ на свиданіе Кулиша, Лазаревскаго и Щепкина, и 12 ноября онъ пишетъ послѣднему: «Ахъ! Еслибы намъ повидаться, хоть на короткое время, посмотрѣть другъ на друга, поговорить нѣсколько минутъ. Я ожилъ бы. Я напоилъ бы свое сердце твоей тихою бесѣдою, словно животворящею водою. Теперь я въ Нижнемъ на свободѣ, да еще какая свобода! какъ у собаки на привязи. Такъ вотъ, чтобы поглядѣть на тебя, мой великій другъ, я вотъ что придумалъ: нѣтъ ли гдѣ возлѣ Москвы какой деревни съ добрымъ человѣкомъ, гдѣ бы мы могли повидаться и «поколядовать» (на предстоящихъ праздникахъ Рождества Христова).

Щепкинъ поспѣшилъ отвѣтить приглашеніемъ въ село Никольское въ 40 верстахъ отъ Москвы къ сыну его Николаю Михайловичу, «но если твоя поѣздка, добавилъ онъ, окажется невозможною, въ такомъ случаѣ, я самъ пріѣду въ Нижній; но не для того только, чтобы повидаться да «поколядовать», а чтобы много побесѣдовать кое-о чемъ. Быть можетъ, моя

старая голова наведетъ и твою на хорошую мысль».

Восторженно обрадовалъ поэта отвѣтъ стараго друга. «Напишу къ нему, чтобы пріѣхалъ сюда. Вотъ-то порадуетъ и меня и всѣхъ здѣшнихъ поклонниковъ своихъ. Напишу! пусть ѣдетъ. Да на здѣшней убогой сценѣ тряхнетъ старыми костьми. А оно и кстати: теперь здѣсь дворянскіе выборы».—4 декабря онъ написалъ и Щепкину и Кулишу, причемъ Кулишу прибавляетъ: «вотъ если бы ты заѣхалъ за Щепкинымъ, да вмѣстѣ и прилетѣли бы ко мнѣ! Тутъ бы мы посовѣтовались и о твоихъ *Запискахъ* и о моемъ ничтожномъ добрѣ. Прилетай, мой сизый голубь! хоть на недѣльку, хоть на одинъ день. Я жду тебя! Сдѣлайся для меня роднымъ братомъ».—Отправляя это письмо, онъ думаетъ: «о! какъ бы я былъ счастливъ, если бы случилось такъ, какъ я желаю! Авось случится».

Нѣтъ! не сбылись ожиданія! На сердечно-теплое приглашеніе поэта, Кулишъ отвѣтилъ холоднымъ отказомъ: «не подобаетъ мнѣ ѣздить на бесѣду къ тебѣ въ Нижній, потому что о тебѣ хлопочутъ, какъ бы тебя перетащить въ столицу: если же пойдетъ слухъ, что къ тебѣ уже и теперь собираются земляки, словно евреи къ раввину, то это, того и гляди, повредитъ твоему дѣлу».

Не поѣхалъ и Лазаревскій. Одинъ 70 лѣтній старикъ Щепкинъ, словно юноша, откликнулся любящимъ сѐрдцемъ на призывъ своего друга и поѣхалъ.

М. С. Щепкинъ.

И сколько же радостныхъ часовъ надѣлилъ онъ своимъ пріѣздомъ измученному сердцу поэта! «Сегодня,—писалъ Тарасъ Григорьевичъ 23 декабря Осипову,[1])—ожидаю къ себѣ дорогого гостя изъ Москвы. И кого бы вы думали? Семидесятилѣтняго старца М. С. Щепкина. Не правда ли—дорогой гость? Дѣйствительно, дорогой и единственный... Счастливецъ онъ! дожить до такой старости и сохранить всю нравственную свѣжесть. Съ 1847 г. мы съ нимъ не видались. Не правда ли—юноша? Я горжусь моимъ геніальнымъ другомъ—и горжусь справедливо».

Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какой чистой, свѣжей, словно дѣтской, радостью ждетъ поэтъ своего друга-артиста! «Послѣ завтра я обниму моего стараго, моего искренняго друга! Какъ я счастливъ этой нелицемѣрной дружбой. Не многимъ изъ насъ Богъ посылаетъ такую полную радость и весьма, весьма не многіе изъ людей, доживъ до 70 лѣтъ, сохраняютъ такую поэтическую свѣжесть сердца, какъ Михаилъ Семеновичъ, счастливый патріархъ-артистъ».[2])

Въ тотъ же день 21 декабря Тарасъ Григорьевичъ обрадованъ былъ письмомъ графини А. И. Толстой съ извѣстіемъ, что есть надежда на разрѣшеніе ему пріѣхать въ столицу и заниматься въ академіи.

24 декабря «на кутю» у Тараса Григорьевича совершился «праздниковъ праздникъ и

[1]) Основа, 1862, кн. IV, стр. 39.
[2]) Основа, 1862, кн. IV, стр. 12.

торжество изъ торжествъ»: въ три часа ночи пріѣхалъ Щепкинъ.[1])

Щепкинъ пробылъ въ Нижнемъ шесть дней, участвуя въ трехъ спектакляхъ, и шесть дней другъ его наслаждался «полной радостно-торжественной жизнью».

Въ одномъ изъ спектаклей былъ поставленъ украинскій водевиль Котляревскаго «Москаль чаривныкъ», и въ немъ участвовалъ московскій артистъ, исполняя лучшую роль своего репертуара—роль Чупруна.

Словно одно мгновеніе, прошли для Шевченка эти дни. 29 декабря въ 12 часовъ ночи Щепкинъ уѣхалъ, а 30 декабря поэтъ нашъ «все еще не могъ прійти въ себя отъ волшебнаго очаровательнаго видѣнія». У него «все еще стояли передъ глазами Городничій, Матросъ, Любимъ Торцовъ и Михайло Чупрунъ. «Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоялъ великій человѣкъ, кротко улыбающійся».[2])

Наполненное восторженными радостями сердце ожившаго поэта не могло не излить своего чувства въ письмѣ къ своей «святой заступницѣ». 2 генваря 1858 г. онъ писалъ графинѣ Толстой:[3]) «я безконечно счастливъ, имѣя такого друга, какъ Щепкинъ. Онъ привелъ нижегородцевъ въ восторгъ, а меня перенесъ не на седьмое, а на семнадцатое небо. Какъ жива, свѣтла, какъ поэтична натура!.. Отъ этого счастья

[1]) Тамъ же.
[2]) Кобзарь т. III, стр. 156.
[3]) Русск. Стар. 1877, кн. X, стр. 291, письма Шевченка.

я былъ внѣ себя и не въ состояніи былъ взять перо, чтобы написать къ вамъ.» Спустя недѣлю восторженное состояніе поэта все еще не улеглось. Въ письмѣ къ Кулишу онъ говоритъ: «Наробывъ мини отсей старый лыха! видъ ёго колядокъ и доси ще хожу наче зъ тяжкого похмилля!.. Учыстывъ старый, ажъ пальци знать! и де у ёго взялася така жыва сердешна сыла?! Дыво та й годи.»[1])

VII.

Въ непродолжительномъ времени по отъѣздѣ Щепкина приподнятое состояніе души поэта омрачается совершенно для него неожиданными тучками. Дѣло извѣстное: гдѣ люди, тамъ и зависть; а гдѣ зависть, тамъ неизбѣжны уже сплетни и клевета. Въ толпѣ людей всегда находятся индивидуумы, которые не переносятъ людей, выдающихся талантами, дарованіемъ и т. п. Пусть они, эти выдающіяся натуры, никому не стаютъ поперекъ дороги, никому ничѣмъ не мѣшаютъ; все равно,—нечистое, больное эгоизмомъ сердце стремится принизить людей, выдающихся своими способностями, поравнять ихъ съ собою.. «Зачѣмъ молъ, онъ выше меня! «Часто въ такихъ случаяхъ низменныя натуры не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы повредить тому, кого природа поставила выше ихъ на цѣлую голову. Такъ случилось и съ Шевченкомъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Никому и ни въ чемъ онъ здѣсь мѣшать не могъ; попу-

[1]) Основа 1862 г., кн. V, письма Шевченка.

лярности онъ никогда и нигдѣ не искалъ, она сама искала его.

Въ то время, когда поэтъ блаженствовалъ, упившись высокимъ наслажденіемъ дружбы и игры Щепкина, послѣднему приходитъ отъ кого то письмо, что Шевченко только то и дѣлаетъ, что кутитъ и пьетъ до безобразія. Михайло Семеновичъ «съ сокрушеніемъ сердца» написалъ откровенно своему другу «о безалаберномъ и нетрезвомъ его существованіи». Конечно, письмо Щепкина огорчило поэта тѣмъ болѣе, что въ то самое время у него случилось и другое огорченіе на почвѣ любви къ женщинѣ (о чемъ рѣчь ниже).—Благодаря Щепкина за откровенность, поэтъ въ своемъ отвѣтѣ [1]) говоритъ: «Ложь, ей Богу ложь! Ты самъ подумай, кто станетъ уважать насъ, если мы сами себя не уважаемъ. Я уже не ребенокъ; и отъ старости не оглупѣлъ, чтобы дѣлать то, о чемъ ты пишешь. Плюнь на эту пошлую ложь и знай, что если меня не свалили изгнаніе и горе, то самъ я не свалюсь... Люби же меня оклеветаннаго.»

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, «не пьянствовалъ ли» Шевченко въ Нижнемъ. Было уже сказано, что лучшіе люди изъ нижегородцевъ отнеслись къ пѣвцу Украины весьма привѣтливо и гостепріимно. Очень часто приглашали его на званные и на семейные обѣды и вечера. Конечно, ни о какомъ пьянствѣ въ такихъ случаяхъ не мо-

[1]) Кіев. Стар. 1885, кн. 11, стр. 333. Письмо это Кіевск. Старина ошибочно приняла, какъ адресованное къ Максимовичу.

жетъ быть и рѣчи. О какихъ кутежахъ, можно подумать, не только говорить,—въ гостинной, напр., М. А. Дороховой, кн. Трубецкихъ, Голицына, въ семьѣ Грасса, Якоби, Татаринова, Болтина, Даля и т. п. Такъ гдѣ же Шевченко «предавался нетрезвому существованію?»

Бывалъ онъ въ клубѣ. Собственно говоря, клубной жизни онъ не любилъ; клубы наши называлъ «посидѣлками»; но въ Нижегородскій дворянскій клубъ онъ заходилъ иногда съ пріятелями для наблюденій. Въ то именно время въ Нижнемъ происходилъ съѣздъ дворянъ по поводу Императорскаго рескрипта, призывающаго дворянъ къ «улучшенію быта крестьянъ». Намъ нечего напоминать о томъ, что положеніе крѣпостныхъ, изъ среды которыхъ вышелъ и нашъ поэтъ, составляло во всю жизнь его самое больное мѣсто. Понятно, какой глубокій интересъ представлялъ для него съѣздъ дворянъ и происходившіе по этому поводу разговоры въ клубѣ. Въ клубахъ, какъ извѣстно, не безъ попоекъ. Но за все время пребыванія его въ Нижнемъ Тарасу Григорьевичу только два раза пришлось принять участіе въ клубномъ «пьянственномъ глумленіи»: разъ во время *общаго* «глумленія» послѣ выбора старшинъ, другой разъ на традиціонномъ годичномъ обѣдѣ, гдѣ происходила общая «гомерическая выпивка».

Признается одинъ разъ самъ поэтъ, что когда у него украли послѣднія деньги, онъ «съ досады нализался». Извѣстенъ еще одинъ «полупьяный» музыкальный вечеръ, на которомъ

участвовалъ и нашъ поэтъ. Но всѣ эти «кутежи» случились еще до пріѣзда Щепкина въ Нижній. Замѣтимъ, что въ своемъ Дневникѣ Шевченко не скрывалъ и всегда записывалъ откровенно всѣ случаи «пьянственнаго глумленія»; но, сверхъ указанныхъ четырехъ разъ, мы болѣе не встрѣчаемъ въ Дневникѣ ни слова. Если мы припомнимъ, какъ Тарасъ Григорьевичъ работалъ въ Нижнемъ, то убѣдимся, что для кутежей не было у него времени, и что сообщенное Щепкину извѣстіе было не что иное, какъ *ложь*.

VIII.

Изъ предыдущихъ очерковъ мы знаемъ, что Тарасъ Григорьевичъ очень любилъ театръ и музыку. Знаемъ, что еще въ молодости, когда онъ учился малярству у Ширяева, онъ на послѣдніе гроши покупалъ билетъ и отправлялся въ театръ. Очутившись въ изгнаніи, онъ до пріѣзда въ Нижній, т. е. почти 11 лѣтъ, не былъ въ театрѣ, не слыхалъ ни драмы, ни оперы, ни музыки вообще, которую онъ страстно любилъ. Значитъ, 11 лѣтъ онъ испытывалъ «пощеніе» чувствительное для людей, и съ меньшимъ, чѣмъ онъ, развитіемъ, съ меньшею, нежели у него, любовью къ искусству вообще. Нѣтъ ничего удивительнаго, что задержанный въ Нижнемъ, онъ началъ довольно усердно посѣщать спектакли мѣстной драматической труппы и послѣ нѣсколькихъ спектаклей познакомился съ нѣкоторыми участниками труппы. Въ числѣ послѣд*нихъ* онъ замѣтилъ молоденькую, не лишенную

привлекательности и таланта, актрису Піунову, дѣвушку очень мало образованную и развитую. Несомнѣнно, что, не случись пріѣзда Щепкина, вниманіе Тараса Григорьевича къ граціозной актрисѣ не пошло бы дальше обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ вниманія. Но Щепкинъ, избравъ Піунову на роль Тетяны въ «Москалѣ Чаривныкѣ», предложилъ поэту заняться съ нею изученіемъ въ той роли украинскаго языка. Наука пошла успѣшно и Піунова очаровательно хорошо сыграла данную ей роль. Старикъ Щепкинъ былъ въ восторгѣ отъ ея игры и сказалъ Тарасу Григорьевичу, что она первая актриса, съ которою онъ игралъ въ той пьесѣ съ такимъ наслажденіемъ; знаменитая же Самойлова предъ скромною Піуновою просто солдатка!» Поэту представилось, что послѣ игры съ Щепкинымъ Піунова, «это милое даровитое созданіе, выросла, похорошѣла и поумнѣла».

Поэтъ увлекся... Увлеченный и желая почаще видѣть Піунову, Тарасъ Григорьевичъ знакомитъ ее съ своими пріятелями: семействами Дороховой, Брылкина и друг. Онъ начинаетъ заниматься ея образованіемъ и развитіемъ: приноситъ ей книги для чтенія, самъ читаетъ съ нею и т. д. Послѣ спектакля 6 генваря, въ которомъ Піунова играла въ «Простушкѣ» и вторично въ «Москалѣ Чаривныкѣ» поэту кажется, что она не только московскимъ и петербургскимъ, но и парижскимъ зрителямъ бросилась бы въ носъ»... «Въ роли Татьяны она, видимо, совершенствуется и, если замужество ей не попрепятствуетъ, изъ

нея выработается самостоятельная великая актриса»[1]).

Очевидно, что въ то время поэтъ самъ еще не замѣчалъ своего увлеченія; скоро увлеченіе его перешло въ страсть.

11 генваря выѣзжалъ изъ Нижняго пріятель Тараса Григорьевича—Кашкинъ; онъ проводилъ его до первой станціи и, возвратясь въ квартиру, совершенно натурально, почувствовалъ свое одиночество: «но это тягостное одиночество не долго длилось, — читаемъ въ—Дневникѣ. Я, — пишетъ—поэтъ, вскорѣ вспомнилъ, что я одинъ изъ счастливцевъ міра сего. М. С. Щепкинъ, уѣзжая изъ Нижняго, просилъ меня полюбить его милую «Тетяну»—Піунову, и я буквально исполнилъ его дружескую просьбу. Въ 6 часовъ вечера я отправился къ Піуновой; засталъ ее дома, продиктовалъ ей стихи Курочкина: «Какъ въ наши лучшіе годы»; она читала мнѣ Кольцова и басню Крылова. Я въ восторгѣ отъ этого импровизированнаго вечера и пришелъ домой совершенно счастливъ. Она любитъ чтеніе, значитъ—далеко пойдетъ въ своемъ искусствѣ».

День за днемъ продолжаются свиданія Піуновой съ Тарасомъ Григорьевичемъ, продолжаются и чтенія .. 14 генваря Піунова сообщаетъ Тарасу Григорьевичу, что на дняхъ оканчивается ея театральный годъ, что ей «ужасно не хочется оставаться въ Нижнемъ и не знаетъ,

---

[1]) Кобзарь, т. III, стр. 158.

куда бы переѣхать». Въ головѣ поэта раждается мысль: «какъ бы хорошо было переѣхать ей въ Харьковъ въ труппу Щербины». Онъ предлагаетъ ей свои услуги начать объ этомъ переписку съ Щербиною и на слѣдующій же день пишетъ объ этомъ и ему и Щепкину, прося у послѣдняго рекомендаціи для Піуновой. 19 генваря вновь повторяется представленіе «Москаля Чаривныка», и «моя любимица,—записываетъ поэтъ, въ роли Тетяны была очаровательна, какъ и въ первый разъ. Черезъ день бенефисъ Піуновой: театръ полонъ, бенефиціантка очаровательна,—тема для газетной статьи. Не попробовать ли?»—спрашиваетъ себя Тарасъ Григорьевичъ и, не долго думая, пишетъ и печатаетъ въ 5 номерѣ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей отчетъ объ этомъ бенефисѣ.

Между тѣмъ зародившаяся у него мысль о женитьбѣ на Піуновой не только не покидала его, но болѣе и болѣе укрѣплялась. Онъ подѣлился ею съ Кулишемъ и съ Костомаровымъ. Друзья не замедлили отвѣтить. Кулишъ въ письмѣ, полученномъ поэтомъ 24 генваря, выражалъ неодобреніе его намѣренію жениться. «Не хорошее время ты выбралъ. Не выбился ты еще изъ своей бѣды, не вышелъ еще на прямой путь; слѣдовало бы тебѣ подождать съ этимъ дѣломъ, иначе бы ты взглянулъ на него при иныхъ условіяхъ. А я думалъ, чтобы ты поѣхалъ за границу для усовершенствованія. Эта мысль была у меня еще въ 1847 году, если ты не забылъ. Теперь же вижу, что какая-то Ма-

руся, Одарка, или Ганна стаетъ тебѣ поперекъ дороги».

На другой день пришелъ отвѣтъ Костомарова. «Хорошо бы ты сдѣлалъ, другъ мой, если бы женился. Хотя бы на старость, послѣ перенесеннаго тобою столь глубокаго горя, не много отдохнуть душою»,—писалъ историкъ [1]).

Разница въ отвѣтахъ друзей громадная. Происходила она отъ разницы самой природы ихъ. У Кулиша говорилъ только холодный разсудокъ, у Костомарова—сердце въ гармоніи съ незамершимъ мозгомъ! Кулишъ совѣтуетъ сперва удовлетворить потребности просвѣщенія; Костомаровъ, конечно, не забылъ этой потребности, но помнитъ и о живомъ сердцѣ у живого человѣка.

Нельзя, конечно, отвергать, что Тарасъ Григорьевичъ въ своемъ увлеченіи упустилъ изъ виду прежде всего громадную разницу въ лѣтахъ его—44 и его избранницы—16 лѣтъ! Онъ не обратилъ вниманія, что свѣтлую голову его покрываетъ широкая лысина, на которую молоденькая и мало просвѣщенная Піунова будетъ глядѣть, не какъ на слѣды перенесенныхъ страданій за идею, а какъ на очевидное для всѣхъ доказательство разницы возраста и—только. До пониманія же высокой чести сдѣлаться супругою великаго поэта Піунова не доразвилась. Наконецъ, и то сказать: молодость ищетъ молодости. Слава и заслуги поэта не могли ни

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 116.

у Піуновой, ни у родителей ея стать на первомъ мѣстѣ.

Все это такъ; но вспыхнувшая страсть не давала поэту все это видѣть во время, и онъ въ увлеченіи рѣшился сдѣлать формальное предложеніе.

XI.

Пришла масленица. Шевченко пригласилъ Піунову и ея мать кататься. Поѣхали въ деревню Баръ; здѣсь пили чай. Шевченко былъ веселъ, пѣлъ, шутилъ. Старуха Піунова хорошо видѣла, что поэтъ влюбленъ въ ея дочку и желаетъ «при семъ удобномъ случаѣ» формально объясниться. Но она знала, что дочка не раздѣляетъ чувства поэта и дастъ предпочтеніе провизору Фусу. Во время катанья Піунова, по совѣту матери, начала пѣть извѣстную народную пѣсенку: «Не ходи дѣвка молода замужъ, наберись ума-разума, да сундукъ добра, коробокъ холста».

Понялъ ли Тарасъ Григорьевичъ, какое значеніе по отношенію къ нему имѣла эта пѣсня —мы не знаемъ; но въ Дневникѣ своемъ 26-го генваря, записавши эту пѣсню, онъ прибавилъ: «Жидовское начало въ русскомъ человѣкѣ! Онъ безъ приданаго не можетъ даже полюбить».

Въ воскресенье Тарасъ Григорьевичъ отправился къ Піуновымъ формально сватать Катерину Борисовну. Замѣтивши, что Тарасъ Григорьевичъ какой-то сосредоточенный и серьез-

ный, она догадалась, зачѣмъ онъ пришелъ, и хотѣла скорѣе уйти въ театръ на репетицію.

— «Подождите, не уходите»,—остановилъ ее поэтъ.

— «Мнѣ надо на репетицію! пустите»

— «Серденько мое! погодите.»

Піунова остановилась. Тарасъ Григорьевичъ просилъ пригласить мать, которая въ ту минуту находилась въ кухнѣ, а когда та пришла, онъ просилъ старыхъ Піуновыхъ сѣсть. Катерина Борисовна стояла среди комнаты, не снимая шляпки.

— «Вотъ товаръ, а вотъ купецъ»,—произнесъ Шевченко, указывая на дѣвушку и на себя; «Отецъ и мать! отдайте её мнѣ.» —Дѣвушка стояла молча и «дрожа отъ страха». Мать знаками показала, чтобы она уходила изъ комнаты: она бѣгомъ бросилась изъ дому, крича въ отвѣтъ останавливавшему её Тарасу Григорьевичу: «Мнѣ некогда! Мнѣ надо на репетицію!»

Мать старалась смягчить отказъ, говоря, что Катя ея совсѣмъ еще дитя, а Тарасъ Григорьевичъ человѣкъ пожилой [1]). «Не гожусь я для роли любовника,—записываетъ поэтъ въ своемъ Дневникѣ подъ 31 генваря: «она, вѣроятно, приняла меня за помѣшаннаго или просто за пьянаго. Какъ растолковать ей, что я ни то, ни другое, что я искренній глубокосердечный другъ ея? Самъ я этого не сумѣю. Обращусь къ моему

[1]) Тамъ же, стр. 114..

другу М. А. Дороховой, и если и она не вразумитъ её, тогда я самый смѣшной и несчастный женихъ.»

Онъ написалъ письмо Катеринѣ Борисовнѣ: «Я васъ люблю,—писалъ онъ между прочимъ: сдѣлаться вашимъ мужемъ для меня величайшее счастье, и отказаться отъ этой мысли будетъ трудно... Но я долженъ покориться обстоятельствамъ, и чувства мои къ вамъ не измѣнятся».

Отвѣта не приходило. А 1-го февраля онъ получилъ письмо отъ Щепкина «съ самой сердечной готовностью переселить Піунову въ Харьковъ. Онъ желаетъ знать ея условія,»—читаемъ въ Дневникѣ.—Поэтъ отправилъ къ Піуновой новое письмо уже не любовное, а дѣловое.

Вмѣсто отвѣта зашелъ къ Шевченку старикъ Піуновъ и увѣрилъ его, что дочь его сватовство приняла, какъ шутку. У Тараса Григорьевича вновь ожила надежда, которою онъ и питалъ себя до конца февраля. «Дѣло мое еще не такъ плохо, какъ я думалъ. Мое внезапное предложеніе она приняла за театральную сцену. Настоящая актриса, вездѣ видитъ свое любимое искусство. Я тогда былъ похожъ на помѣшаннаго или пьянаго, а она, бѣдняжка, приняла меня за лицедѣя. Перемелется—мука будетъ»,—утѣшалъ себя поэтъ.

Старикъ Піуновъ при свиданіи съ Тарасомъ Григорьевичемъ своего мнѣнія о сватовствѣ не высказалъ.

Со стороны же очевидно было, что пока, такъ или иначе, не окончено дѣло съ переходомъ

Піуновой въ Харьковъ, Піуновы не намѣрены прекращать знакомство съ Шевченкомъ.

Нѣсколько разъ послѣ того Шевченко встрѣчался съ Катериной Борисовной; она всячески уклонялась отъ объясненій. Такъ прошла и вся масленица и первая недѣля поста. Влюбленный поэтъ все еще жилъ надеждою на возможность взаимности со стороны любимой имъ женщины.

7 февраля получилъ онъ благопріятный отвѣтъ изъ Харькова: антрепренеръ охотно принималъ въ свою труппу Піунову, просилъ сообщить условія и поторопиться пріѣздомъ. Съ этимъ извѣстіемъ Тарасъ Григорьевичъ отправился къ Піуновымъ; дочери не было дома, «а мамаша такъ меня приняла, читаемъ въ Дневникѣ 7 февраля,—что я едва-ли рѣшуся переступить порогъ моей протеже». Но на слѣдующій же день, когда Піунова прислала просить его къ себѣ, онъ поспѣшилъ къ ней, «надѣясь съ свиданіемъ дѣловымъ—соединить и любовное. Однако, это ему не удалось: мать ни одного шага не сдѣлала изъ комнаты и онъ долженъ былъ ретироваться съ одними порученіями» [1]).

Переходъ Піуновой въ Харьковъ можно считать дѣломъ рѣшеннымъ, хотя Щепкинъ и высказалъ сомнѣніе, чтобы дали ей требуемое ею вознагражденіе.

Старикъ Піуновъ 16 февраля, встрѣтя Шевченка въ театрѣ на живыхъ картинахъ, выра-

[1]) Основа, 1862 г., май, стр. 14—23.

зилъ ему просьбу, чтобы въ слѣдующее воскресенье Катя что-нибудь прочитала на сценѣ. Поэтъ принялъ въ этомъ живѣйшее участіе, досталъ Фауста въ переводѣ Губера, отослалъ книгу Піуновой и часа черезъ три пошелъ къ ней самъ въ полной увѣренности, что она уже наизусть читаетъ роль Маргариты. Но вскорѣ по приходѣ его Піунова вышла изъ комнаты, а поэтъ нашъ, «поболтавши съ полчаса съ отцомъ, ушелъ, не солоно хлебавши». Влюбленное и любящее сердце поэта и на этотъ разъ было снисходительно и не хотѣло разстаться съ надеждою добиться взаимности. Сила любви была могущественнѣе много разъ оскорбленнаго Піуновыми самолюбія. Такъ тянулось дѣло до 23 февраля. Въ этотъ день Тарасъ Григорьевичъ узналъ, что Піунова, не дождавшись отвѣта изъ Харькова, заключила договоръ съ антрепренеромъ нижегородскаго театра. Это обстоятельство положило конецъ сватовству. «Въ какія же отвратительныя отношенія она поставила меня къ Щепкину и къ Щербинѣ!—восклицаетъ возмущенный поэтъ: вотъ гдѣ нравственная нищета! Кто нарушилъ данное слово, для того клятва не существуетъ!» На другой день, при встрѣчѣ съ Піуновой, онъ даже не поклонился ей. «Въ своей жизни —говоритъ онъ въ Дневникѣ 24-го февраля,—я такъ много перенесъ испытаній и неудачъ, что казалось бы пора освоиться съ этими мерзостями, но не могу. Случайно встрѣтилъ Піунову и у меня не хватило духа поклониться ей. А давно ли я видѣлъ въ ней будущую свою

жену, ангела-хранителя своего, за котораго готовъ былъ положить душу свою? Отвратительный контрастъ. Удивительное лѣкарство отъ любви—несамостоятельность. У меня все какъ рукой сняло. Я скорѣе простилъ бы ей самое низкое кокетство, нежели эту мелкую несамостоятельность, которая меня, а главное моего стараго друга, поставила въ самое неприличное положеніе»[1]).

Одинъ изъ біографовъ Шевченка[2]) разсказываетъ, что послѣ отказа Піуновой Тарасъ Григорьевичъ «запилъ надолго». Источники этого извѣстія не указаны, и подтвержденія ему я нигдѣ не встрѣчалъ. Изъ тѣхъ же, вполнѣ вѣрныхъ, свѣдѣній, которыми я располагаю, я ничего подобнаго «долгому запиванію» не вижу, скорѣе вижу противоположное.

Въ Запискахъ поэта попадается извѣстіе, что онъ на 9 февраля «безпутно провелъ ночь, почувствовалъ стремленіе къ стихословію и безъ малѣйшаго усилія написалъ»[3]) три превосходнѣйшія произведенія: «Доля», «Муза» и «Слава», но едва ли здѣсь слово *безпутно* можно понимать въ смыслѣ «пьянственнаго глумленія».

Далѣе, у того же біографа читаемъ, что Шевченко, посѣщая театръ, старался уловить Піунову за кулисами, а она боялась его, пьянаго, и убѣгала отъ него, пока онъ не сваливался гдѣ-нибудь на диванъ и не засыпалъ». Такое

[1]) Основа, 1862 г., іюнь, стр. 7.
[2]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 115.
[3]) Основа 1862 г., май, стр. 23.

безобразное поведеніе въ публичномъ мѣстѣ представляется намъ настолько не правдоподобнымъ, что повѣрить въ него я затруднился бы во всякомъ случаѣ, даже и тогда, если бы противъ него не говорили положительныя данныя.

Почтенному біографу прежде, чѣмъ приводить это извѣстіе, не подкрѣпивъ его никакими источниками, слѣдовало помнить, что съ 3 февраля, по случаю наступленія великаго поста, театръ былъ закрытъ, слѣдовательно, ни репетицій, ни представленій въ немъ не было. Лишь 16 февраля происходили живыя картины. Піунова въ нихъ не участвовала; участіе же въ нихъ воспитанницы М. А. Дороховой, Пущиной, и присутствіе на репетиціяхъ самой Дороховой исключало возможность появленія Шевченка за кулисами въ столь безобразномъ видѣ.

Наиболѣе тяжелый съ психической стороны былъ у Тараса Григорьевича день 23 февраля, и я не удивился бы, если бы онъ свое горе «залилъ» виномъ; но мы знаемъ, что онъ въ тотъ день, получа письмо отъ Кулиша съ предложеніемъ дѣлать рисунки для народныхъ изданій, обдумывалъ это предложеніе такъ здраво и серьезно, какъ не можетъ думать пьяная голова: «Мысль Кулиша,—читаемъ въ Дневникѣ, [1])—прекрасная, благородная, но осуществить ее можно только при большихъ деньгахъ. Теперь я не могу приняться за эту работу. Для этого нужно постоянно жить въ Малороссіи, что-

[1]) Тамъ же, іюнь, стр. 7.

бы была разница между моими рисунками и суздальскими, и потому еще, что я не теряю надежды быть въ академіи и заняться любимой акватинтой».

Въ тотъ же день онъ рѣшаетъ отправиться къ Щепкину въ Никольское и, «въ объятіяхъ стараго друга,—говоритъ онъ,—дастъ Богъ забуду и Піунову, и всѣ мои горькія утраты, и неудачи. Тамъ отдохну и перепишу для печати мою невольницкую поэзію, а сегодня перепишу чужіе стишки, посвященные памяти одной особы»[1]). Такъ бы оно, конечно, и случилось, если бы судьба не сжалилась, хоть на нѣкоторое время, надъ страдальцемъ-поэтомъ.

Въ день его рожденія, т. е. 25 февраля, онъ получилъ письмо отъ Лазаревскаго съ извѣстіемъ, что, по просьбѣ графа Ф. П. Толстого, ему разрѣшено жить въ Петербургѣ подъ надзоромъ полиціи, посѣщать классы академіи подъ руководствомъ графа. «Графиня,—присовокупилъ Лазаревскій,—очень рада, что ты пріѣдешь сюда и проситъ, чтобы ты поспѣшилъ и не обижался условіями (надзоромъ). Тобою интересуются теперь всѣ художники и желаютъ, чтобы ты скорѣе пріѣхалъ.»

«Лучшаго поздравленія съ днемъ рожденія и съ днемъ ангела нельзя желать»,[2])—замѣтилъ въ Дневникѣ Тарасъ Григорьевичъ.

Въ тотъ же день въ квартирѣ Шрейдерса друзья поэта Брылкинъ, Грасъ, Лапа, Кудлай,

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

Кандинскій, Фрейлихъ, Поповъ, Товбичъ, Калиновскій, Владиміровъ и др. почтили именинника обѣдомъ. «На обѣдѣ было шумно, весело и изящно, потому что компанія была единодушно проста, и въ высшей степени благородна». Въ своей благодарственной рѣчи за честь поэтъ, между прочимъ, сказалъ: «я не буду роптать на Бога, если вездѣ буду встрѣчать такихъ добрыхъ людей, какъ они, нынѣ сущіе со мною». Того же дня поэтъ отвѣтилъ Лазаревскому: «въ жизни моей никто не поздравлялъ меня съ именинами такъ весело, какъ ты поздравилъ сегодня. Спасибо! Поблагодари Толстыхъ. Черезъ недѣлю я поблагодарю ихъ лично».

Но для выѣзда нужно было дождаться офиціальнаго извѣстія о разрѣшеніи. Посмотримъ, какъ провелъ Тарасъ Григорьевичъ послѣдніе дни своего невольнаго пребыванія въ Нижнемъ.

Землякъ-пріятель его Товбичъ предложилъ ему прогулку за 75 верстъ въ деревню Мѣдневку, въ обществѣ актера Владимірова и какой-то «отчаянной особы»—Саши Очеретниковой. Возвратились они въ Нижній 28 февраля. Поѣздка была веселая и небезполезная. Только Саша вела себя такъ, что вызвала у поэта сожалѣніе: «Бѣдное, навѣки погибшее, хоть и прекрасное созданіе. Ужасная драма»—говоритъ онъ.[1])

Наконецъ 1 марта, т. е. черезъ полгода, окончательно развязался узелъ, завязанный перепискою о мѣстѣ «пребыванія отставного рядо-

[1]) Тамъ-же, стр. 178.

вого Тараса Шевченка». Въ этотъ день Тарасъ Григорьевичъ получилъ офиціальное извѣстіе и письмо графини Толстой о разрѣшеніи ему жить въ Петербургѣ, но еще пять дней провелъ онъ въ Нижнемъ, ожидая, во-первыхъ, «пропускного билета», а во вторыхъ возвращенія своего пріятеля Овсянникова. Въ эти дни онъ занимался поправкою и перепискою своей «невольницкой поэзіи».

6-го марта зашелъ къ нему жандармъ, отвозившій въ Вятку какого-то «непокорного» капитана Шлипенбаха, и предложилъ за 10 рублей довезти нашего поэта до Москвы. На другой день отъ полдня до полуночи Тарасъ Григорьевичъ прощался съ Нижегородцами. Прощаніе закончилось ужиномъ у Дороховой и тостомъ за здоровье графини А. И. Толстой.

Въ 3 часа дня 8 марта Шевченко оставилъ Нижній.

Въ Владимірѣ на почтовой станціи онъ встрѣтился съ Бутаковымъ, подъ командою котораго плавалъ два лѣта 1848 и 49 г.г. по Аральскому морю. Съ тѣхъ поръ они не видались. Бутаковъ ѣхалъ на берега Сыръ-Дарьи. «У меня при одномъ воспоминаніи объ этой пустынѣ холодѣетъ сердце», — говоритъ въ Дневникѣ Шевченко.[1])

X.

Въ 11 часовъ ночи на 10 марта пѣвецъ Украины былъ въ Москвѣ, остановился въ ка-

[1]) Основа 1862 іюнь, стр. 11.

кой-то гостиницѣ; а на другой день утромъ переѣхалъ къ М. С. Щепкину. Перебываніе его въ Москвѣ началось непріятнымъ приключеніемъ. Въ дорогѣ разболѣлся у него глазъ, въ Москвѣ стало хуже, глазъ распухъ, на лбу появились прыщи, потребовалась медицинская помощь. Врачъ, назначивши лѣкарства, запретилъ выходить изъ комнаты въ продолженіе недѣли. «Вотъ тебѣ и столица,—записываетъ поэтъ,—сиди да смотри въ окно на безобразнаго Пимена».. «Самъ чортъ растянулся среди дороги и не пускаетъ меня къ вамъ»,—писалъ онъ тогда же Лазаревскому.[1])

Одинъ изъ земляковъ и старыхъ знакомыхъ поэта, бывшій профессоръ и ректоръ Кіевскаго университета М. А. Максимовичъ, узнавъ о пріѣздѣ поэта, въ тотъ же день навѣстилъ его. Вечеромъ собрались у Щепкина извѣстные писатели—Афанасьевъ, Бабстъ, Кетчеръ и др. Не смотря на недугъ, Шевченко, по просьбѣ Щепкина, вышелъ къ нимъ. Вечеръ прошелъ, конечно, не только въ веселой, но и въ разумной бесѣдѣ.

А болѣзнь не проходила. Приглашенный врачъ Путеренъ, между тѣмъ долженъ былъ выѣхать изъ Москвы, передавъ больного товарищу-нѣмцу; Щепкинъ же пригласилъ своего домашняго врача, извѣстнаго переводчика Данта—Д. Е. Мина. «У стараго моего друга Михайла Семеновича,—замѣтилъ Шевченка въ Дневникѣ,—вездѣ и во всемъ поэзія; у него и домашній врачъ-

[1]) Основа 1862 г., мартъ, стр. 17.

поэтъ» Самъ Щепкинъ ухаживалъ за поэтомъ, какъ за капризнымъ больнымъ ребенкомъ, и приглашалъ къ себѣ своихъ знакомыхъ, чтобы больной не скучалъ. 15 марта онъ пригласилъ Грекову—полуукраинку, съ свѣжимъ сильнымъ голосомъ; пѣла она украинскія пѣсни; «но онѣ ей не дались, особенно женскія; отрывисто, рѣзко. и національной экспрессіи она не уловила» [1])

Наконецъ, глазамъ больного сдѣлалось лучше; но врачи не позволяли еще выходить; «однако же—признается поэтъ,—я не усидѣлъ больше въ комнатѣ и 17 марта втихомолку навѣстилъ давно не виданнаго друга моего, княжну Варвару Николаевну Репнину. Она счастливо перемѣнилась, пополнѣла и помолодѣла. [2]) Объ этомъ интересномъ свиданіи старыхъ друзей поэтъ не оставилъ больше никакихъ воспоминаній. Конечно, десять лѣтъ не могли не измѣнить обоихъ ихъ. Княжна видѣла Шевченка предъ арестомъ его въ 1847 г. молодымъ, здоровымъ, сильнымъ, полнымъ надеждъ на будущее. Теперь передъ ней былъ почти старикъ, съ лицомъ, покрытымъ красными пятнами (послѣдствія скорбута), съ усталымъ апатическимъ взглядомъ, разбитый физически и нравственно. Друзья дѣлали надъ собой усиліе, чтобы попасть въ прежній тонъ; но это имъ плохо удавалось; между ними лежала непроходимая черта—десятилѣтняя ссылка поэта. Онъ

[1]) Кобзарь, т. III, Дневникъ 6 марта.

[2]) Кобзарь т. III, стр. 183 и Кіев. Стар. 1888 г., кн. X, статья проф. Стороженка: „Первые четыре года ссылки Шевченка“.

показался Репниной совсѣмъ потухшимъ.» Это было послѣднее свиданіе друзей.

Не потухъ, но, дѣйствительно, тогда уже потухалъ, огонь великаго поэта Украины. Иначе и быть не могло. Святой огонь, «Кавказа», «Еретика», «Розрытои Могылы» и т. п. не могъ пламенѣть, заливаемый волнами «заспаннаго моря» и воздуха «смердячои казармы».

Княжна В. Н. Репнина въ 1858 г.

Сидя въ Москвѣ безвыходно цѣлую недѣлю, поэтъ окончилъ исправлять свои произведенія съ 1847 г.—«Жаль,—говоритъ онъ,—что не съ кѣмъ и прочитать. Щепкинъ въ этомъ дѣлѣ не судья,—онъ увлекается, а Максимовичъ просто благоговѣетъ предъ моимъ стихомъ; Бодянскій тоже. Нужно подождать Кулиша. Онъ хоть и

жестко, но иногда скажетъ правду. За то ты ему не говори правды, если хочешь сохранить съ нимъ добрыя отношенія.».[1])

Навѣстилъ поэтъ и другого своего стараго друга, проф. О. М. Бодянскаго, съ которымъ наговорились досыта о славянахъ вообще и о землякахъ въ частности».

Когда Тарасъ Григорьевичъ оправился, онъ,—то съ Щепкинымъ, то одинъ—всѣ дни до праздника Пасхи посвятилъ осмотру Москвы и свиданію съ старыми и новыми знакомыми. Онъ посѣтилъ Кетчера, Бабста, Забѣлина, Якушкина и др. и 21 марта записалъ въ своемъ Днѐвникѣ:[2]) «грѣшно роптать мнѣ на судьбу, что затормозила мнѣ путь въ Петербургъ. Въ продоженіе недѣли я встрѣтился и познакомился съ такими людьми, съ какими въ продолженіе многихъ лѣтъ не удалось бы встрѣтиться». На слѣдующій день былъ у него «радостнѣйшій изъ радостныхъ дней». Онъ видѣлся съ С. Т. Аксаковымъ. Аксаковъ былъ въ то время боленъ, никого не принималъ; но, узнавши, что Шевченко и Щепкинъ пріѣхали навѣстить его дѣтей, онъ, вопреки запрещенію врача, просилъ ихъ къ себѣ. Свиданіе длилось нѣсколько минутъ; «но эти нѣсколько минутъ сдѣлали меня, говоритъ Кобзарь Украины, счастливымъ на цѣлый день и навсегда останутся въ кругу моихъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній». На другой день Пасхи (24 марта) Тарасъ Григорьевичъ еще разъ видѣлся съ Сергѣемъ Ти-

[1]) Основа 1862 г., іюнь, стр. 14.
[2]) Основа 1862 г., іюль, стр. 17 и слѣд.

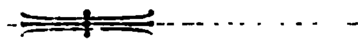
мофеевичемъ. «Очаровательный старецъ» пригласилъ нашего поэта на лѣто къ себѣ въ деревню. Въ тотъ же день Шевченко былъ приглашенъ сыномъ Щепкина на обѣдъ по случаю открытія книжнаго магазина. Здѣсь собрались почти всѣ лучшіе московскіе писатели и ученыя знаменитости. «И что за очаровательныя эти знаменитости! Молодые, живые, увлекающіеся, свободные. Тутъ были Чичеринъ, Станкевичъ, Коршъ и много друг. Я встрѣтился и познакомился съ ними, какъ съ давно знакомыми, какъ съ родными людьми», — говорится въ Дневникѣ поэта.

Старикъ Максимовичъ, въ свою очередь, задалъ 25 марта званный обѣдъ въ честь своего славнаго земляка; но здѣсь уже собралось нѣсколько иное общество; были и «ветхіе деньми Погодинъ и Шевыревъ». Послѣдній, «не смотря на сѣденькую свою благопристойную физіономію, не внушилъ нашему поэту почтенія къ себѣ». Максимовичъ за обѣдомъ прочиталъ свое стихотвореніе въ честь дорогого гостя.

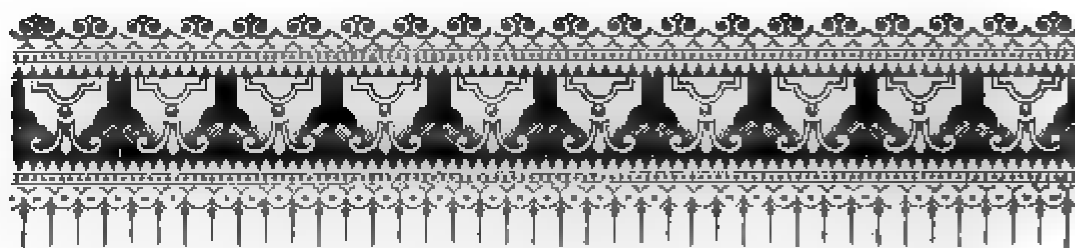
Вечеромъ Шевченко заѣхалъ проститься съ Аксаковыми; но ему не удалось видѣть старика Сергѣя Тимофеевича и проститься съ нимъ. Надежда Сергѣевна доставила великое наслажденіе пѣніемъ родныхъ пѣсенъ поэта. Въ 9 часовъ вечера Константинъ и Иванъ Аксаковы повезли нашего поэта къ Кошелеву: здѣсь онъ познакомился съ Хомяковымъ и съ старикомъ княземъ Волконскимъ, возвратившимся изъ Сибири. «Кротко, безъ малѣйшей желчи, разска-

зывалъ князь нѣкоторые эпизоды изъ своей 30-лѣтней ссылки и въ заключеніе прибавилъ, что всѣ тѣ товарищи его, которые содержались въ одиночномъ заключеніи, умерли, а тѣ, которые томились по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, пережили свое испытаніе» [1]).

На слѣдующій день въ 9 часовъ утра старые друзья Щепкинъ и Шевченко попрощались: первый уѣхалъ въ Ярославль, а послѣдній, забравши свою мизерію, отправился на вокзалъ желѣзной дороги и въ 2 часа дня оставилъ гостепріимную Москву. Въ Москвѣ болѣе всего радовало меня, говоритъ онъ, то, что я встрѣтилъ въ просвѣщенныхъ москвичахъ самое теплое радушіе лично ко мнѣ и непритворное сочувствіе къ моей поэзіи, особенно въ семействѣ С. Т. Аксакова» [2]).

[1]) Кобзарь, т. III, стр. 188.
[2]) Тамъ же и Основа, 1862 г., кн. за іюль, стр. 21.

Т. Г. Шевченко въ Петербургѣ.

(27 марта 1858 г. до іюня 1859 г.).

I.

Въ восемь часовъ вечера 27 марта громогласный локомотивъ свистнулъ и остановился въ Петербургѣ»[1]). Изъ вагона III класса вышелъ Т. Г. Шевченко. Никто не встрѣтилъ его. Толстые не выѣхали на вокзалъ, потому что «хотѣли встрѣтить его дома»[2]). Да если бы кто изъ старыхъ знакомыхъ и вышелъ встрѣтить его, то едва ли узналъ бы поэта. Происшедшая за 11 лѣтъ внѣшняя перемѣна во всей фигурѣ поэта была слишкомъ велика. Одиннадцать лѣтъ назадъ, онъ дышалъ здоровьемъ; здоровье его было принято во вниманіе даже въ докладѣ графа Орлова[3]). Докторъ Козачковскій, хорошо знавшій нашего поэта, говоритъ, что онъ возвратился изъ киргизскихъ степей съ здоровьемъ

---

[1]) Кобзарь, т. III, стр. 183.
[2]) Вѣстн. Европ., 1883 г., августъ, стр. 888.
[3]) Кіев. Телеграфъ 1875 г., № 25.

совершенно разбитымъ, съ организмомъ на вѣки и рановременно искалѣченнымъ и обезсиленнымъ».

Не трудно угадать, что творилось въ душѣ поэта въ ту минуту, когда онъ ступилъ на ту самую платформу, съ которой 11 лѣтъ назадъ фельдъегерь помчалъ его въ Оренбургъ! Конечно, передъ глазами его стояли многія темныя тѣни прошлаго: Энгельгардтъ, Ширяевъ, Сидорка, Петровъ и т. п.; но еще выразительнѣе стояли передъ нимъ свѣтлые образы Сошенка, Брюлова, Жуковскаго, Венеціанова, Гребенки; а выше всѣхъ стоялъ свѣтлый образъ «святой заступницы», съ которой черезъ нѣсколько часовъ предстояло увидѣться, образъ графини А. И. Толстой.

Труднѣе отгадать, что въ данную минуту болѣе волновало сердце поэта: воспоминаніе ли прошлаго или ближайшее, можно сказать, завтрашнее будущее. Мнѣ кажется, что впечатлительная натура его не могла не отдаться болѣе вліянію ожидаемаго, желаннаго, нежели прошедшаго. Тяжело, очень тяжело и мрачно было прошедшее; но оно уже прошло, не возвратится, оно минуло навсегда.

Съ поѣзда Шевченко отправился къ М. М. Лазаревскому, и къ 9 часовъ они обнимали другъ друга. Ни тотъ, ни другой не оставили никакихъ воспоминаній объ этой встрѣчѣ и бесѣдѣ ихъ въ тотъ вечеръ. Естественно предположить, что у каждаго изъ нихъ было такъ много чувства, что оно не могло быть выска-

зано словами: словамъ тутъ не было мѣста. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, языкъ нѣмѣетъ, уста какъ-то замерзаютъ; говоритъ душа, сердце, но они говорятъ безъ словъ.

Съ утра другого дня шелъ снѣгъ, была слякоть; не смотря на это, Шевченко до трехъ часовъ бродилъ по городу. Дѣло понятное: его тянуло взглянуть, какъ можно скорѣе, на тѣ зданія, которыя наиболѣе врѣзались въ его жизнь —дурною или хорошею стороною.

Зайдя позавтракать въ гостиницу Клея, онъ неожиданно встрѣтилъ тамъ стараго своего знакомаго, земляка Г. П. Галагана. Черезъ него Максимовичъ переслалъ поэму *Еретыкъ*, или *Иванъ Гусъ*, которую поэтъ считалъ невозвратно потерянною.

Максимовичъ переслалъ не цѣлую поэму, а только тѣ отрывки ея, которые теперь извѣстны въ печати.

Отвѣчая Максимовичу, поэтъ просилъ, не найдетъ ли онъ и другой половины поэмы.

Возвратясь домой, онъ засталъ своего задушевнаго друга Артемовскаго и черезъ полчаса уже былъ въ его квартирѣ, «какъ въ своей родной хатѣ». «Многое вспомнили друзья, о многомъ переговорили; а еще больше осталось такого, о чемъ не успѣли ни вспомнить, ни переговорить. Два часа мелькнули быстрѣе одной минуты». Въ 6 часовъ вечера Тарасъ Григорьевичъ вмѣстѣ съ Лазаревскимъ отправился къ графамъ Толстымъ.

У Толстыхъ «съ замираніемъ сердца ждали его. Раздался звонокъ, вошелъ онъ, съ длинной бородой, съ добродушной улыбкой, съ полными любви и слезъ глазами. «Серденькы мои! други мои! родные мои!»—говорилъ онъ. «Ужъ я не знаю, что тутъ было»,—говоритъ участница этой встрѣчи К. Ф. Юнге,—«всѣ цѣловались, всѣ плакали, всѣ говорили заразъ»...[1])

Шевченко объ этой встрѣчѣ оставилъ намъ въ своемъ Дневникѣ нѣсколько короткихъ, но полныхъ глубокаго чувства словъ: «Сердечнѣе и радостнѣе не встрѣчалъ меня никто и я никого, какъ встрѣтились мы съ моей святой заступницей и съ графомъ Федоромъ Петровичемъ. Эта встрѣча была задушевнѣе всякой родственной встрѣчи. Многое хотѣлось мнѣ сказать ей (графинѣ), и я ничего не сказалъ. Бутылкой шампанскаго освѣтили мы наше радостное свиданіе и въ 8 часовъ разстались».

Вечеръ того дня провелъ Тарасъ Григорьевичъ у своего соузника по 1847 г. Бѣлозерскаго. Тутъ же встрѣтилъ онъ своихъ товарищей по Оренбургу: Сѣраковскаго, Станевича и Сову. Вечеръ, конечно, прошелъ полонъ радости. Послѣ сердечныхъ рѣчей и милыхъ родныхъ пѣсенъ пріятели разстались.

II.

Одною изъ первыхъ, не весьма пріятныхъ, обязанностей по пріѣздѣ Тараса Григорьевича

---

[1]) Вѣст. Евр., августъ 1883, стр. 838.

Е. Ф. Юнге.

въ столицу предстояло ему, какъ поднадзорному, представиться своимъ «опекунамъ».

Въ 10 час. утра 29 марта онъ явился «казанскимъ сиротой» къ правителю канцеляріи оберъ-полиціймейстера, своему земляку и старому знакомому И. Н. Мокрицкому. Землякъ принялъ поэта полуофиціально, полуфамильярно; «старое знакомство оказалось въ скобкахъ»; онъ посовѣтовалъ ему сбрить бороду, «чтобы не произвести непріятнаго впечатлѣнія на оберъ-полиціймейстера».—Сбрить бороду поэту не хотѣлось, по крайней мѣрѣ, онъ желалъ снять фотографическій снимокъ въ бородѣ, чтобы отослать его въ Нижній М. А. Дороховой.

На другой день фотографія была снята въ шапкѣ и въ тулупѣ; но поэтъ медлилъ цѣлую недѣлю, пока, наконецъ, 6 апрѣля онъ «имѣлъ великое несчастіе облачиться во фракъ и представиться своему главному надзирателю».[1])

Графъ Шуваловъ принялъ его просто, а главное—«безъ приличныхъ случаю назиданій».

Предстояло еще одно офиціальное свиданіе хотя и не обязательное; но этого желала графиня Толстая. Разумѣется, отказать ей нельзя было; и 15 апрѣля Тарасъ Григорьевичъ представился шефу жандармовъ князю Долгорукову. Аудіенція была, конечно, очень короткая и заключалась «въ приличномъ случаю вѣжливомъ наставленіи».[2]) На этомъ и окончились всѣ офиціальныя отношенія его. Началась жизнь поэта-

[1]) Основа 1862, іюль, стр. 25.
[2]) Тамъ же, стр. 28.

художника. Весьма естественно, что послѣ 10 лѣтъ казарменной жизни, жизнь въ Петербургѣ среди просвѣщеннаго общества, среди друзей, жизнь, хотя и знакомая поэту, но прерванная, было, такъ трагически, была для него какъ будто чѣмъ-то совершенно новымъ; на первое время онъ, естественно, не могъ ничѣмъ заняться, нужно было освоиться съ новыми людьми, новыми вѣяніями и впечатлѣніями отъ тѣхъ и другихъ.

Съ перваго же дня по пріѣздѣ поэта у него начинаются и постепенно расширяются новыя знакомства, даже помимо его воли и желанія. Обстоятельства сложились такъ, что ему невозможно было, если бы онъ и желалъ, избѣжать обширнаго круга знакомства съ лучшими людьми того времени. Домъ графовъ Толстыхъ былъ для поэта своимъ домомъ; а въ этомъ домѣ въ извѣстные дни собирались лучшіе представители науки, литературы и искусства.

Графъ Федоръ Петровичъ Толстой, не смотря на свои преклонныя лѣта (онъ былъ вице-президентомъ Академіи съ 1828 г.), сохранилъ свѣжесть и бодрость и тѣла и духа. Просвѣщенность, гуманность, благородство и простота графа и графини привлекали въ домъ ихъ лучшихъ людей. Здѣсь лилась искренняя бесѣда собиравшихся о массѣ интересовъ: о просвѣщеніи, наукѣ, литературѣ, искусствѣ, политикѣ. Графъ сочувствовалъ всему хорошему, все гуманное было ему близко; какъ человѣкъ, онъ стоялъ очень высоко и, не смотря на его простоту, а отчасти и благодаря ей, онъ имѣлъ громаднѣй-

шій авторитетъ; но авторитетъ его никого не подавлялъ; напротивъ, онъ возбуждалъ въ окружавшихъ бодрость, энергію, порывы къ прекрасному и желаніе дѣятельности.[1])

Уже на третій день по пріѣздѣ поэта онъ долженъ былъ примкнуть къ просвѣщенному кружку гостиной графовъ Толстыхъ. 30 марта у нихъ собралось многочисленное общество. Графиня представила своимъ гостямъ нашего поэта. «Всѣ они привѣтствовали меня, какъ давно ожидаемаго и дорогого гостя»,—говоритъ Шевченко въ своемъ Дневникѣ:—«боюсь, какъ бы мнѣ не сдѣлаться модной фигурой въ Петербургѣ».

Сейчасъ увидимъ, что онъ отчасти не ошибся.

Интересъ, вызванный къ Шевченку въ Петербургѣ, дѣйствительно, съ перваго взгляда можетъ представиться какъ-бы модою; но въ сущности не такъ было. Увидѣть Шевченка, привѣтствовать его, познакомиться съ нимъ, выразить сочувствіе его таланту, перенесеннымъ имъ испытаніямъ—была не мода, а потребность общественной, коллегіальной души. Выраженіе этой потребности началось, какъ мы уже видѣли, еще въ Астрахани, продолжалось въ Саратовѣ, въ Нижнемъ, въ Москвѣ и, наконецъ, достигши Петербурга, живо высказалась въ домѣ граф. Толстыхъ, въ особенности на обѣдѣ 12 апрѣля, данномъ въ честь поэта. Много было избранныхъ людей на этомъ обѣдѣ. Первый тостъ поднялъ графъ Толстой за Императора, благодаря его за освобож-

[1]) Русск. Стар., 1877 г., кн. X, стр. 284—7.

деніе нашего поэта. Потомъ говорили въ честь Шевченка рѣчи поэтъ Щербина, графиня Толстая и Старовъ. Графиня указала на высокій патріотизмъ поэта и безграничную любовь къ родинѣ, какъ на образцы, какъ на науку того, какъ нужно любить родной край. Н. Д. Старовъ сказалъ: «Несчастіе Шевченка кончилось, мы не оскорбимъ скромность тѣхъ, чья заботливость благопріятствовала этому доброму дѣлу и пріобрѣла себѣ благодарность каждаго, кто сочувствуетъ этому святому дѣлу. Намъ радостно видѣть того Шевченка, который среди ужасной, убійственной обстановки, въ мрачныхъ стѣнахъ «смердячои казармы» не обезсилѣлъ духомъ, не впалъ въ отчаяніе, но сохранилъ любовь къ своей тяжелой судьбѣ. Это высокій примѣръ всѣмъ намъ. Уже одно это достойно обезсмертить имя Шевченка, позвольте же мнѣ предложить тостъ признательности за Шевченка, который своими страданіями поддержалъ святую вѣру въ то, что истинно нравственную природу человѣка не въ силахъ побороть никакія обстоятельства.» [1])

Застольныя рѣчи и тосты произвели на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе, «всѣ лица были блѣдны». Виновнику обѣда «было пріятно и вмѣстѣ неловко». «Я,—говоритъ онъ,—не чаялъ себѣ такой великой чести. Для меня это было совершенно неожиданно.» [2])

---

[1]) Кобзарь, т. III, стр. 194.

[2]) Кобзарь, т. III, стр 194 и 196.

III.

Веденныя Тарасомъ Григорьевичемъ ежедневныя Записки показываютъ намъ, какъ въ зеркалѣ, день за днемъ, какимъ образомъ, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, проходила его жизнь. Первые два мѣсяца едва ли выберется день или два такихъ, чтобы его не отвлекали посѣтители, или чтобы онъ не былъ приглашенъ къ кому-нибудь на обѣдъ или на вечеръ. Каждый, приглашая его. конечно, хорошо сознавалъ, что поэтъ, принимая приглашеніе, оказывалъ честь. Вездѣ Шевченко былъ гостемъ дорогимъ, желаннымъ. Люди поклонялись въ лицѣ его не только его таланту, но и тѣмъ страданіямъ, которыя испыталъ геній украинскаго слова.

Прослѣдимъ по Запискамъ поэта хотя нѣсколько дней. 1 апрѣля для него былъ званный обѣдъ у Бѣлозерскихъ, вечеромъ у гр. Толстыхъ. На другой день посѣтители такъ его осаждаютъ, что онъ подумываетъ, хотя и шутливо, «не спрятаться ли ему», чтобы имѣть свободное время хотя для написанія писемъ (въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ онъ не написалъ, кажется, ни одного письма).

3 апрѣля обѣдъ у Дзюбы; вечеръ у Артемовскаго. 4 апрѣля поэтъ отказывается отъ обѣда у Смаковскаго; вечеръ у Галагана. 8-го —вечеръ у Круневича; здѣсь, кромѣ поляковъ, были многіе русскіе, въ числѣ ихъ гр. Л. Н. Толстой. Затѣмъ слѣдуютъ обѣды у Кавелина, у Сошальскаго, у Крылова, у академика Остроградскаго, встрѣтив-

шаго Тараса Григорьевича, «какъ своего семьянина, который долго гдѣ-то отсутствовалъ». Знакомится съ поэтомъ сынъ бывшаго его помѣщика Энгельгардтъ. «Многое и многое пошевелилось въ душѣ моей при встрѣчѣ съ нимъ,— читаемъ въ Дневникѣ поэта,—но забвеніе прошедшему! Миръ и любовь настоящему».

Въ продолженіе не болѣе мѣсяца съ нашимъ поэтомъ познакомились и дружески привѣтствовали его весьма многіе изъ русскихъ столичныхъ писателей: Бенедиктовъ, Мей, Полонскій, Громека, Курочкины, Кавелинъ, Жемчужниковы и др. Гр. Толстая каждый разъ, когда представлялся удобный случай, старалась познакомить Тараса Григорьевича съ той или иной знаменитостью. «Друже нашъ, Тарасъ Григорьевичъ!»— пишетъ она къ нему;—«приходите къ намъ сегодня обѣдать: я угощу васъ бесѣдой Штенгеля.»

Въ тотъ же день поэтъ получилъ приглашеніе на обѣдъ («на борщъ и вареныкы») и отъ Сошальскаго; но онъ «предпочелъ декабриста—борщу»[1]). «Сегодня у насъ будутъ Плетневы; приходите»,—вновь пишетъ графиня поэту[2]).

Поляки, какъ поэтъ Сова и др., относились любовно къ нашему поэту, не рѣдко приглашая его то на чай, то на чтеніе новыхъ произведеній Совы.

Многіе художники и композиторы знакомились съ Тарасомъ Григорьевичемъ. Какъ страст-

¹) Кобзарь, т. III, стр. 196.
²) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 130.

ный любитель музыки и пѣнія, самъ онъ часто посѣщалъ пѣвицу Гринбергъ.

Знакомства его такъ разрослись, что у него буквально недоставало времени посѣщать всѣхъ своихъ знакомыхъ, и нерѣдко онъ долженъ былъ отказываться отъ приглашеній на обѣды и вечера.

Обширное знакомство много поглощало у поэта времени; но при всемъ томъ не забывалъ онъ и о своемъ дѣлѣ. Правда, что за это время онъ почти не далъ намъ ничего новаго изъ поэтическихъ произведеній, а въ іюнѣ прекратилъ и дальнѣйшее веденіе своего интереснаго Дневника; но вѣдь истинный поэтъ творитъ только тогда, когда въ немъ загорится огонь вдохновенія. Не пиша ничего новаго, Шевченко заботился объ изданіи прежнихъ произведеній своего творческаго пера.

Получивъ отъ Каменецкаго всѣ свои произведенія, переписанныя Кулишомъ, онъ дѣлаетъ изъ нихъ выборки для печати и 11 апрѣля возвращаетъ ихъ Каменецкому для представленія въ цензуру «подъ фирмою: Поэзія Т. Ш.»

Такую «фирму» приходилось избрать въ виду существованія наложеннаго еще въ 1847 г. цензурнаго запрещенія печатать «Кобзаря». Ниже мы увидимъ, что ходатайство объ отмѣнѣ воспрещенія и о дозволеніи новаго изданія «Кобзаря» тянулось полтора года.

Къ этому времени относится намѣреніе поэта написать *Лунатику*. Что такое было *Лунатика*, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; о

ней только извѣстно со словъ самого поэта[1]), что онъ 18 апрѣля «увлекся своею *Лунатикою*, и если бы не помѣшалъ Сошальскій, то въ тотъ бы день и окончилъ бы ее». Никакихъ слѣдовъ этого произведенія по смерти поэта не осталось.

Прошло не много болѣе мѣсяца со времени пріѣзда Тараса Григорьевича въ Петербургъ, какъ онъ энергично берется за работу возлѣ гравюры. Къ этимъ занятіямъ побуждали его не только любовь къ искусству и охота, но и другія матеріальныя и моральныя причины.

У художника ощущался недостатокъ въ деньгахъ. Сверхъ того онъ понималъ, что для лучшаго успѣха задуманнаго имъ еще въ Новопетровскѣ изданія гравюръ, ему необходимо пріобрѣсти званіе академика. Но важнѣе всего было оправдать довѣріе графа Толстого и данное послѣднимъ поручительство за него. Извѣстно, что просьбу свою о дозволеніи Шевченку жить въ Петербургѣ графъ мотивировалъ потребностью предоставить художнику возможность расширить и усовершенствовать свой талантъ. Графъ взялъ на себя поручительство за Шевченка. Послѣдній разумѣлъ великое моральное значеніе этого поручительства и желалъ доказать фактомъ, что онъ оправдаетъ поручительство. А такимъ фактомъ могли быть только занятія художника, прогрессивное развитіе успѣховъ его въ искусствѣ и признаніе успѣховъ людьми компетентными.

---

[1]) Основа 1862 г., августъ, стр. 5.

При первой встрѣчѣ въ Эрмитажѣ съ извѣстнымъ тогда профессоромъ гравированія Іорданомъ Шевченко просилъ его содѣйствія. Іорданъ охотно согласился помогать ему. Обрадованный такимъ вниманіемъ, художникъ въ тотъ же день, 3 мая, обошелъ два раза всѣ залы Эрмитажа съ цѣлью выбрать картину для первой пробы. Выборъ его остановился на эскизѣ Мурильо «*Святое Семейство*». «Я»,—говоритъ художникъ,— «не видѣлъ картины этого содержанія, къ которой такъ бы шло это названіе, какъ къ геніальному эскизу Мурильо. Итакъ, съ Божіею и Іордановою помощію, принимаюсь за опыты» [1]).

И, дѣйствительно, мы встрѣчаемъ его очень часто съ утра до 4-хъ часовъ въ Эрмитажѣ за работою. Онъ работаетъ даже въ тѣ дни, 14—18 мая, когда въ Петербургъ пріѣзжалъ его «великій другъ» М. С. Щепкинъ, съ которымъ онъ провелъ вечеръ 14 мая вмѣстѣ въ семействѣ графа Толстого и тутъ же познакомился съ декабристомъ Штейнгелемъ.

Трудно было работать Тарасу Григорьевичу, не имѣя не только собственной мастерской, но даже и своей квартиры. По распоряженію свыше, онъ доженъ былъ жить въ академіи подъ наблюденіямъ графа Федора Петровича [2]), но въ квартирѣ графа не было свободнаго помѣщенія. Только въ началѣ іюня сдѣлалось возможнымъ

[1]) Кобзарь, т. III, стр. 200.
[2]) Вѣстн. Евр. 1883 г., августъ, стр. 838.

отвести Тарасу Григорьевичу квартиру въ зданіи академіи [1]).

Подъ квартиру Шевченка было отведено двѣ комнаты: одна въ антресоляхъ—для кабинета и спальни, другая подъ нею, очень узкая, съ однимъ окномъ, предъ которымъ Шевченко работалъ за мольбертомъ. Кромѣ стола съ книгами и эстампами, мольберта, небольшого диванчика, двухъ столиковъ и бѣдной ширмы, отгораживающей входную дверь. въ этой комнаткѣ ничего больше не было. Узкая дверь вела по узкой же спиральной лѣстницѣ на антресоли. Здѣсь такая же комната, какъ и внизу, съ квадратнымъ окномъ до пола. Меблировка этого «кабинета и спальни» была еще скуднѣе. Направо въ углу—столъ, на которомъ обыкновенно писалъ Шевченко, кровать съ весьма незатѣйливой постелью, въ ногахъ кровати самый простой столикъ, на немъ графинъ съ водой, рукомойникъ и скромный чайный приборъ. Ни на окнахъ, ни на стѣнахъ никакого убранства. Жилъ поэтъ-художникъ словно на бивакахъ; о комфортѣ онъ не заботился [2]).

Много впослѣдствіи людей образованныхъ, богатыхъ, избалованныхъ жизнью, привыкшихъ къ комфортабельной обстановкѣ, посѣщали поэта въ этой квартирѣ; но изъ всѣхъ ихъ одинъ только Микѣшинъ замѣтилъ въ ней отсутствіе опрятности и чистоты. «На столѣ», по словамъ

[1]) Ист. Вѣстн. 1896 г., кн. VI, стр. 898.

[2]) Русск. Рѣчь 1861, № 19 и 20. Кобзарь 1876. Воспоминанія Я. Полонскаго.

его, «обыкновенно находился цѣлый ворохъ невообразимо разнообразныхъ банокъ и пузырьковъ со всякими ѣдкими кислотами для офортовъ, которыми Тарасъ Григорьевичъ занимался съ большою любовью и съ успѣхомъ; какія-то коробки, малороссійское монисто, свиное сало въ развернутой бумагѣ и т. п. Подметать въ комнатѣ и убирать постель, которая оставалась разверстою съ валяющеюся на ней «видлогою», продолжаетъ Микѣшинъ, Тарасъ Григорьевичъ позволялъ слугѣ только въ торжественные моменты. Пучки барвинка, засохшей руты и другихъ степныхъ цвѣтовъ и травъ украинскаго мѣсторожденія, по всей вѣроятности, служившіе для вдохновенія поэта, при этомъ злорадно выбрасывались слугою» [1]).

Но приведенныя слова Микѣшина не внушаютъ мнѣ никакого довѣрія: проходя чрезъ всю жизнь Тараса Григорьевича, мы не могли не замѣтить въ немъ любви къ чистотѣ и къ опрятности въ человѣческихъ жилищахъ. Съ другой стороны, неопрятности и нечистоты въ квартирѣ поэта, если бы она существовала, не могли не замѣтить другіе посѣтители, напр., Костомаровъ, семейство гр. Толстыхъ, поэтъ Полонскій, художникъ Жемчужниковъ и др. Напротивъ, Б. Г. Сухановъ-Подколзинъ, посѣщавшій Тараса Григорьевича по нѣсколько разъ въ недѣлю и проводившій въ мастерской по нѣсколько часовъ, говоритъ: «Студія Тараса Григорьевича и спальня его въ ан-

[1]) Кобзарь 1876 г.. Воспоминанія Микѣшина XVII.

тресоляхъ не представляли собою interieur'а голландскаго Minherrü, но не представляли и безобразной картины неубранной постели и т. п. проявленій неряшливости, описанныхъ «отливателемъ памятниковъ» Микѣшинымъ. Въ квартирѣ Шевченка царилъ безпорядокъ, присущій студіямъ художниковъ вообще; неряшества, грязи и безобразія въ ней не было.[1]) Е. Ф. Юнге, въ письмѣ ко мнѣ добавляетъ: «даже невольный безпорядокъ холостой жизни тяготилъ Шевченка. Слуга его—добродушный академическій сторожъ—хотя и не такъ усердно слѣдилъ за чистотой, какъ-бы это было подъ надзоромъ хозяйки, но ежедневно убиралъ комнату и никакой безпорядокъ не бросался въ глаза».

IV.

Поселившись въ своей квартирѣ, Шевченко усердно принялся за работу, съ увлеченіемъ и жаромъ, свойственными его воспріимчивой натурѣ. «Каждый удачный рисунокъ-офортъ приводилъ его въ восторгъ».[2])

Гравюра требуетъ усидчиваго, постояннаго и терпѣливаго труда. Гравюрѣ Тарасъ Григорьевичъ отдалъ лѣтомъ 1858 г. почти все свое время, прекративъ даже переписку съ пріятелями и веденіе Дневника. «Я, какъ волъ, затянулся въ работу, писалъ онъ нѣсколько позже, своему другу Щепкину;—на этюдахъ сплю, изъ натур-

[1]) Кіев. Стар., 1885 г., кн. II, стр. 232.
[2]) Вѣстн. Евр. 1883 г., августъ, 838.

наго классу не выхожу, такъ занятъ, что не имѣю времени написать даже коротенькое письмо».[1])

Въ занятіи, которому отдался поэтъ-художникъ, онъ болѣе всего интересовался авторитетнымъ въ офортахъ и вообще въ живописи Рембрандтомъ. Списками съ произведеній его онъ и началъ свои занятія. Первыми произведеніями его были 5 гравюръ изъ Рембрандта: «Виноградари», «Сцена въ купеческой конторѣ» и т. п. Къ тому же времени относятся его «Двѣ Украинки», «Одалиска», «Украинецъ-богомолецъ», «Головка» и мн. друг.[2])

Занимаясь офортами, Тарасъ Григорьевичъ находилъ время работать и карандашемъ, и сепіею, и кистью. Сюжеты для своихъ рисунковъ онъ бралъ почти исключительно изъ исторіи и быта Украины. Кромѣ значительнаго числа эскизовъ изъ казарменной жизни и изъ природы киргизскихъ степей, извѣстны его большія картины: «Днѣпровая Русалка», «Хмѣльницкій предъ Крымскимъ Ханомъ», «Смерть Хмѣльницкаго», «Смерть Мазепы», «Кочубей» и проч.

Б. Г. Сухановъ разсказываетъ два интересныхъ эпизода изъ занятій Тараса Григорьевича. Собираясь писать масляными красками портретъ Кочубея, сдѣлавшаго царю Петру I доносъ на Мазепу, Тарасъ Григорьевичъ разыскивалъ разные аксессуары—въ родѣ бархата, парчи, собольяго мѣха и т. п. и для этого цѣлый день

[1]) Основа, 1861 г., кн. X, стр. 16.
[2]) Истор. Вѣст. 1896 г., іюнь, стр. 899.

ходилъ по городу вмѣстѣ съ Сухановымъ, тогдашнимъ его ученикомъ; заходилъ онъ въ разныя лавки, къ костюмерамъ и къ своимъ знакомымъ. Потомъ, забравшись въ какую-то огромную академическую не то кладовую, не то чердакъ, рылись они въ цѣломъ хаосѣ старыхъ, запыленныхъ картинъ, чтобы разыскать портреты какихъ-то гетьмановъ, нужные для большей вѣрности Кочубеевскаго костюма. Послѣ долгихъ розысковъ найденъ былъ какой-то старый чубатый господинъ. Окрестивъ его почему-то «Мазепою», они торжественно поволокли его въ студію. Художники, навѣщавшіе Шевченка, единогласно хвалили его работу—портретъ Кочубея; а онъ, слушая похвалу, приходилъ въ отличное расположеніе духа и, подходя къ портрету Кочубея, давалъ ему разныя нѣжно-ругательныя прозвища.

Рисовалъ Тарасъ Григорьевичъ днѣпровскихъ русалокъ, увлекавшихъ на дно рѣки молодого козака. Козакъ почему-то не удавался художнику; безпощадно Тарасъ Григорьевичъ смывалъ его, обзывалъ «бисовою дытыною» и иными непріятными эпитетами. Для изображенія козака случалось Суханову нѣсколько разъ по-долгу валяться на диванѣ, свѣсивши руку и ногу иногда въ очень неудобной и даже мучительной позѣ. [1])

Собираясь рисовать «Русалку», пріобрѣтенную потомъ П. А. Кочубеемъ, [2]) Тарасъ Гри-

[1]) Кіевск. Стар. 1885, февраль, стр. 233—234.
[2]) Заря, 1896, № 5, Письма Шевченка.

горьевичъ долгое время не могъ найти подходящей натурщицы съ «гарною козацькою вродою». Наконецъ, помогъ ему молодой художникъ Ченстоховскій. Въ Петербургѣ находилась семья Соколенковъ, крѣпостныхъ крестьянъ изъ Харьковской губерніи князя Голицына, въ которой была весьма красивая, молодая дѣвушка —Одарка. Помѣщики отдали её въ науку къ модисткѣ — француженкѣ. Послѣ очень долгихъ упрашиваній Ченстоховскаго Одарка согласилась, наконецъ, пойти вмѣстѣ съ своею сестрою къ Шевченку. На другой день послѣ сеанса художникъ, благодаря Честноховскаго за натурщицу, говорилъ ему: «съ того времени, какъ я оставилъ Украину, вчера въ первый разъ былъ у меня Свѣтлый праздникъ (Велыкдень). Вчера я обрадовался и радовался сердцемъ такъ, какъ радуются вѣрующіе, когда «подъ Велыкдень дочытаються до Хрыста».Пробывши 10 лѣтъ въ ссылкѣ, я, словно въ густомъ туманѣ, не видѣлъ солнца, а вчера чернобровая Одарка разогнала туманъ. Какая она прекрасная, съ какою чистою душою... Бесѣда ея, словно Мать-Украина, повѣяла на меня теплымъ, свѣжимъ ароматомъ нашихъ садовъ и полей, ароматомъ цвѣтовъ и зеленой травы. Какъ услыхалъ я изъ устъ Одарки простую родную рѣчь, такъ меня и потянуло на Украину.» Потомъ, узнавши отъ Ченстоховскаго, что братья Одарки крѣпостные—одинъ лакеемъ, другой кучеромъ у князя, третій—живописецъ, но исполняетъ у княгини обязанности лакея, Тарасъ Григорьевичъ сдѣлался мраченъ, какъ

туча, и произнесъ: «горе, горе на свѣтѣ, тяжкая бѣда! такое прекрасное созданіе погибаетъ, а помочь, освободить некому.»[1])

Недостатокъ финансовыхъ средствъ заставлялъ Шевченка не только рисовать картины по заказу, но часть своего времени удѣлять и на уроки.

Въ домѣ гр. Толстыхъ онъ познакомился съ богатой, свѣтской, хорошо образованной помѣщицей, отчасти своей землячкой, Н. Б. Сухановою-Подколзинъ. Здѣсь, какъ и у гр. Толстыхъ, происходили вечернія собранія художниковъ, писателей и ученыхъ. Шевченко, съ перваго же посѣщенія дома Сухановой, сдѣлался общимъ любимцемъ; особенно полюбили его дѣти и слуги. Вся прислуга Сухановой были украинцы; давно слышали они о Кобзарѣ и знали его «Кобзаря». Дворецкій Пивоваренко имѣлъ у себя изданіе «Кобзаря» 40-хъ годовъ. Эта небольшая «зачитанная» книжечка переходила изъ рукъ въ руки; изъ поварской въ переднюю, изъ кучерской въ буфетъ и обратно. Стихотворенія Шевченка знали всѣ слуги Сухановой наизустъ. Они своими теплыми родными мотивами переносили обездоленыхъ «крепакивъ» въ родную Украину. И вотъ, когда эти люди увидѣли самого автора, который ранѣе еще своими произведеніями не разъ вызывалъ у нихъ горячія слезы, они всѣ прильнули сердцемъ къ нему. Его простота, нѣжность, мягкость и симпатичность голоса и обращеніе привлекли къ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1895 г., кн. II, стр. 141—143.

нему не только слугъ и дѣтей, но даже чопорныхъ, холодныхъ, затянутыхъ въ корсеты гувернантокъ: его немного тяжелыя, но не вульгарныя движенія, простая рѣчь, добрая, разумная улыбка,—все привлекало къ нему чарующимъ образомъ, производя впечатлѣніе стараго знакомства и дружбы [1]).

Замѣтивъ стѣсненное финансовое положеніе Шевченка, Суханова просила его давать сыну ея уроки живописи. Три раза въ недѣлю молодой Борисъ Гавриловичъ отправлялся въ студію художника. «Ученіе,—говоритъ Б. Г.:—въ строгомъ смыслѣ было не важное, оно главнымъ образомъ ограничивалось рисованіемъ одного и того же горшка съ цвѣтами въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ плоскостяхъ. Особенной пользы отъ такого метода быть не могло уже потому, что однообразіе сюжета парализовало охоту къ ученью». Но, не смотря на монотонность метода, поѣздки въ академію въ студію Шевченка составляли для 14-лѣтняго ученика его «настоящій праздникъ и онъ охотно мирился съ монотонностью неизмѣннаго горшка съ цвѣтами». Случалось, что Тарасъ Григорьевичъ прерывалъ занятія надъ цвѣткомъ и отправлялся съ своимъ ученикомъ въ академическую библіотеку, въ Эрмитажъ, или къ кому-либо изъ коллекціонеровъ, чтобы посмотрѣть какой-нибудь невидѣнный имъ рембрандтовскій офортъ. Ученикъ радостно слѣдовалъ за своимъ дорогимъ учителемъ.

[1]) Кіев. Стар. 1885 г., кн. II, стр. 229 и слѣд.

После часового занятія учитель и ученикъ поднимались изъ студіи на верхъ въ антресоли. «Тутъ происходило своеобразное и неизмѣнное угощеніе. Изъ огромной зеленой стеклянной банки извлекались кильки. Сторожъ, отставной солдатъ, вѣчно чѣмъ-то недовольный, приносилъ свѣжаго хлѣба; хозяинъ выпивалъ рюмку «горилкы», и они принимались поглощать ревельскихъ рыбокъ. Никогда при этомъ Шевченко никакихъ излишествъ себѣ не позволялъ. Позавтракавши, Тарасъ Григорьевичъ и ученикъ его возвращались въ студію. Учитель снова принимался за свои мѣдныя доски, напѣвая въ полголоса заунывные мотивы. Иногда же онъ присѣдалъ къ маленькому столику и на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги выводилъ какія-то, не то старческія, не то старинныя, каракули. Случалось, подзоветъ къ себѣ своего ученика и тихимъ, добрымъ такимъ голосомъ начнетъ читать несовсѣмъ понятныя для послѣдняго свои украинскія стихотворенія. Замѣтивши же, что ученикъ почти не понимаетъ украинскаго языка, онъ, послѣ чтенія, пояснялъ содержаніе прочитаннаго. Поправляя работу ученика, онъ нерѣдко разсказывалъ ему забавныя вещи и сцены изъ солдатской жизни въ далекой степи. Иногда же разсказы принимали мрачный колоритъ. Вспоминая солдатчину, Шевченко взялъ одинъ разъ изъ своего альбома рисунокъ, изображавшій наказаніе шпицрутенами. Объясняя рисунокъ и замѣтивъ, что слушатель собирается плакать, онъ поспѣшилъ утѣшить его, сказавши, что этому звѣрскому

истязанію человѣка человѣкомъ наступилъ уже конецъ [1]. Когда ученику Тараса Григорьевича надоѣстъ, бывало, поворачиваніе горшка съ цвѣтами изъ стороны въ сторону, онъ подходилъ къ учителю и, не безъ хитрости, начиналъ наводить разговоръ на любимыя темы учителя. Учитель поддавался; являлись тѣни Сагайдачного, Дорошенка и начинали безпощадно бить враговъ своего народа. «И ни разу этотъ добрый человѣкъ не пугнулъ отъ себя назойливаго ученика».

Въ мастерскую художника часто заходили его земляки, чаще другихъ Кулишъ; бесѣды происходили на родномъ языкѣ собесѣдниковъ. Суханову случалось наблюдать трогательныя сцены свиданія земляковъ, сопровождавшіяся горячими объятіями, поцѣлуями и даже слезами.

Случалось, что Тарасъ Григорьевичъ давалъ оригинальнымъ образомъ уроки рисованія и другому такому же подростку, дочери граф. Толстыхъ, Екатеринѣ Федоровнѣ. «Никто не былъ такъ чутокъ къ красотамъ природы, какъ Шевченко, говоритъ г-жа Юнге. Иногда онъ неожиданно приходилъ къ намъ послѣ обѣда и говорилъ.

— «Серденько мое! берите карандашъ, идемъ скорѣе»,—говоритъ поэтъ-художникъ, — «Куда это?» — «Да я тутъ дерево открылъ! и какое еще дерево!.. Тутъ недалеко, на Среднемъ про-

[1]) Тамъ же.

спектѣ. Да идемъ же?» —Мы шли и, стоя, срисовывали дерево въ альбомы, потомъ переходили на набережную Невы любоваться закатомъ солнца, переливами тоновъ и не знаю, кто больше восторгался: я ли 14-лѣтняя дѣвочка, или онъ, сохранившій въ своей многострадальной душѣ столько дѣтски свѣжаго»[1]).

V.

Въ срединѣ лѣта, именно 20 іюля, пріѣхалъ въ Петербургъ Н. И. Костомаровъ. Узнавши, что Шевченко живетъ въ академіи, онъ какъ-то утромъ часовъ въ восемь отправился къ нему.

Тарасъ Григорьевичъ сидѣлъ за работой.

— «Здравствуй, Тарасе!» — произнесъ историкъ, войдя въ мастерскую. Шевченко выпучилъ глаза и не могъ узнать своего друга. Напрасно послѣдній припомнилъ ему одно обстоятельство, которое должно было навести его на догадку о томъ, кто находится передъ нимъ. — «Вотъ же говорилъ ты, что свидимся еще и будемъ жить вмѣстѣ въ Петербургѣ, такъ и сталось». Это были слова Шевченка, сказанныя имъ въ III отдѣленіи послѣ очной ставки въ маѣ 1847 г., когда арестованные возвращались въ свои камеры. Но Шевченко и послѣ этого не могъ догадаться. Раздумывая и разводя руками, онъ рѣшительно сказалъ, что не узнаетъ и не можетъ припомнить — кто предъ нимъ.

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1883 г., августъ, стр. 889.

—«Да вспомни ты Кіевъ, Петербургъ, Цѣпной мостъ!» — «Нѣтъ, извините, не могу узнать!» Переходя потомъ изъ холодно вѣжливаго тона въ фамиліарный, онъ началъ просить не мучить его больше и назвать себя. Когда Костомаровъ сказалъ кто онъ, Тарасъ Григорьевичъ разразился слезами, началъ обнимать и цѣловать его.

Посидѣвши и поговоривши о долгихъ годахъ ссылки, о томъ, какъ Костомаровъ разыскивалъ его въ Нижнемъ-Новгородѣ, друзья отправились завтракать въ Старо-Палкинскій ресторанъ. Съ тѣхъ поръ до выѣзда Костомарова, 22 августа въ Саратовъ, они сходились очень часто то у поэта, то у историка; а чаще всего въ ресторанѣ Палкина[1]). Хотя и очень рѣдко, но бывали случаи проявленія въ характерѣ нашего Кобзаря запорожскаго чудачества. Одно изъ нихъ, какъ помнитъ читатель, мы указали еще въ 1846 г. въ Кіевѣ: послѣ избранія Костомарова университетомъ Св. Владиміра на каѳедру исторіи. Другой подобный случай былъ въ Петербургѣ во время пребыванія Костомарова въ августѣ 1858 г. Историкъ пригласилъ поэта идти съ нимъ къ букинисту искать одну рѣдкую книгу. Шевченко пришелъ, одѣтый въ полуизорванную и сильно испачканную блузу, въ худой обуви, въ поношенномъ и истерзанномъ картузѣ на головѣ. Фигура его напоминала козака Голоту въ украинской думѣ, или спившагося съ круга и выгнаннаго изъ службы чиновника,

[1]) Литер. наслѣд. Костомарова, стр. 107—8 и Русск. Стар. 1880 г., кн. III, стр. 603.

обращающагося къ прохожимъ съ просьбою: «пожертвуйте бѣдному дворянину»[1]).

Со словъ Костомарова можно привести и третій, нѣсколько похожій, случай, происшедшій уже позже, именно зимою 1859 г., когда Костомаровъ былъ уже профессоромъ Петербургскаго университета. Работая очень много въ публичной библіотекѣ, Костомаровъ, чтобы избѣжать потери времени, поселился въ сосѣднемъ съ библіотекою домѣ Балабанова. Квартира была хорошая, просторная, свѣтлая; но на бѣду за стѣной помѣщался ресторанъ. Шевченку не нравилось помѣщеніе историка. Подсмѣиваясь, онъ говорилъ, что эта квартира чисто гусарская, а ужъ никакъ не профессорская и въ ней приличнѣе бы было встрѣтить груду опорожненныхъ бутылокъ, вмѣсто ученыхъ книгъ и бумагъ.

Разъ прійдя вечеромъ къ историку, поэтъ услышалъ отъ него, что онъ очень занятъ приготовленіемъ къ завтрашней лекціи. Тарасъ Григорьевичъ ушелъ въ ресторанъ, усѣлся тамъ пить чай, а прислугѣ велѣлъ завести органъ и играть тѣ именно аріи, которыя Костомарову, какъ онъ зналъ отъ него, особенно надоѣли. Часа два музыка терзала уши историка, наконецъ, онъ не выдержалъ. Понимая, что Шевченко нарочно дразнитъ его, онъ прибѣжалъ въ ресторанъ «и умолялъ поэта ради человѣколюбія перестать терзать его такою пыткою». «А вольно же тебѣ было помѣститься въ застѣнкѣ, сказалъ поэтъ, теперь и терпи пытку». Бывшіе въ

[1]) Русск. Стар., та же кн. и стран.

ресторанѣ другіе посѣтители, слыша просьбу Костомарова,—велѣли прекратить музыку; но Шевченко кричалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! валяйте изъ Риголетто, изъ Трубадура, изъ Травіаты; я это очень люблю»[1]).

Костомаровъ говоритъ, что съ того разу поэтъ приходилъ къ нему не иначе, какъ по приглашенію; но не всегда такъ было. Въ ту же зиму поэтъ зашелъ къ историку опять въ такое время, когда онъ чрезвычайно былъ занятъ. Отворяя дверь, Костомаровъ сказалъ: «Чортъ тебя принесъ! ты не дашь мнѣ заниматься».—«Не безпокойся!—отвѣчалъ поэтъ: я не къ тебѣ, я къ твоему Хомѣ;[2]) я хочу переслать поклонъ твоей матери; а до тебя мнѣ никакого дѣла нѣтъ». Но, не смотря на такой отвѣтъ, Николай Ивановичъ началъ бесѣду и пробесѣдовали они до поздней ночи; поэтъ хочетъ уходить, а историкъ его не пускаетъ.[3])

При свиданіи послѣ долгой 11-лѣтней разлуки Костомаровъ убѣдился, что Шевченко въ своихъ взглядахъ и коренныхъ убѣжденіяхъ ни въ чемъ не измѣнился, остался такимъ же чистымъ, какимъ былъ и до катастрофы, такимъ же глубокимъ демократомъ. Демократомъ онъ былъ не только въ теоріи, но по самой природѣ своей и уже по одной этой причинѣ глубоко ненавидѣлъ неволю, а особенно крѣпостное

[1]) Тамъ же.
[2]) Хома, можно сказать, вѣчный слуга Костомарова; онъ пережилъ его на нѣсколько недѣль; умеръ въ маѣ 1885.
[3]) Вѣст. Евр. Августъ, 1883 стр. 841.

право. Замѣтилъ Костомаровъ тогда же, что талантъ поэта упадаетъ. Иначе и быть не могло. Уничтоженіе здоровья физическаго организма не могло не отозваться и на организмѣ духовномъ. Шевченко возвратился въ Петербургъ на 44 году своей жизни. Для такого огромнаго таланта, какимъ природа надѣлила его, 44 года это не такое время, когда талантъ падаетъ; въ эти годы человѣкъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, крѣпнетъ мыслями и убѣжденіями; для писателя—это годы расцвѣта его таланта. Но геній украинскаго слова лучшую часть жизни, цѣлыя три четверти ея провелъ въ условіяхъ, убивающихъ и духъ и тѣло.

«Поэтическое чувство было у Шевченка (1858 г.) еще свѣжее; любовь ко всему доброму, прекрасному была еще глубока, но творчество его начинало увядать». Это сознавалъ самъ поэтъ и изъ страха за будущее, которое грозило ему, онъ старался отвернуться отъ него, не смотрѣть и убѣдить самого себя, что еще не наступило то, что неизбѣжно должно было наступить.—Физическія силы поэта были окончательно уничтожены; онъ это сознавалъ хорошо; но никому не говорилъ объ этомъ. Онъ не любилъ говорить о своемъ горѣ.

Петербургскій воздухъ, съ наступленіемъ осенней слякоти, началъ вліять крайне неблагопріятно на надломленное въ конецъ здоровье Тараса Григорьевича. Онъ хирѣлъ всю осень, но не давалъ этого замѣтить никому изъ постороннихъ, даже друзьямъ ничего не говорилъ;

намекнулъ только въ письмѣ къ Щепкину 22 ноября, да самому себѣ признался въ стихотвореніи, написанномъ того же числа:

„Я не здужаю пивроку,
А щось такее бачыть око
И серце жде чогось, болыть,
Болыть и плаче и не спыть,
Мовъ не годована дытына".[1])

VI.

Зима 1858—9 представляетъ намъ едва ли не самое кипучее время въ развитіи русской литературы. Въ то время вошли были въ обычай, впослѣдствіи, къ сожалѣнію, если не совсѣмъ прекратившіеся, то до minimum'а замолкшіе, такъ называемые, литературные вечера.

Я уже говорилъ о томъ уваженіи, которое было оказываемо представителями русскаго слова многострадальному пѣвцу Украины; ниже еще будетъ сказано объ этотъ; тутъ же замѣчу, что на литературныхъ вечерахъ Тарасъ Григорьевичъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. «Почти всегда на эти многолюдныя частныя собранія. Тарасъ Григорьевичъ являлся выпивши, и если представлялась къ тому возможность, онъ въ продолженіе вечера постепенно хмелѣлъ и дѣлался добродушно разговорчивъ. Если же въ средѣ собесѣдниковъ являлось случайно лицо ему антипатичное, или разговоръ принималъ вызывающій тонъ, онъ тотчасъ же дѣлался придирчивъ и рѣзокъ. Боль-

[1]) Я хвораю полгода, глаза прозрѣваютъ что то; сердце, ожидая чего-то, болитъ, болитъ, не унимается и плачетъ, какъ голодный ребенокъ.

шого труда стоило хозяевамъ отвлечь его отъ предмета раздраженія. Во всякомъ случаѣ остатокъ вечера для него былъ потерянъ, онъ уже систематически бередилъ свое наболѣвшее сердце воспоминаніями о своемъ горькомъ дѣтствѣ, о вынесенномъ крѣпостномъ рабствѣ, о ссылкѣ, что доходило у него иногда до пафоса. Въ эти моменты онъ какъ бы выросталъ, чуялась величавая сила въ его пламенныхъ рѣчахъ-импровизаціяхъ.»[1]) Такъ говоритъ Микѣшинъ.

Я. Н. Полонскій разсказалъ также весьма интересный эпизодъ о томъ, до какого состоянія доводили Шевченка воспоминанія о пережитомъ. «Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, о своихъ родныхъ, находившихся еще въ крѣпостномъ состояніи, Шевченко скрежеталъ зубами, плакалъ, наконецъ, взвизгнувъ, такъ хватилъ кулакомъ по столу, что чашки съ чаемъ слетѣли на полъ и разбились въ дребезги. Я,—говоритъ Я. П. Полонскій,—не могъ въ эту минуту утѣшить его да и не хотѣлъ, такъ какъ вполнѣ раздѣлялъ ненависть его ко всякому рабству.»[2])

Микѣшинъ продолжаетъ далѣе, что «въ кругу тогдашней молодежи личность Шевченка внушала неподдѣльный восторгъ своею беззавѣтною любовью къ народу и къ родинѣ, сохранившая это святое чувство подъ тяжелымъ гнетомъ всякихъ нравственныхъ униженій». Наконецъ къ «несчастной привычкѣ поэта выпивать» Микѣшинъ добавилъ и «напускной цинизмъ, отъ

[1]) Кобзарь, 1876 г. Прага, стр. XVI,
[2]) Тамъ же. Воспоминанія Полонскаго.

котораго поэтъ будто бы не удерживался даже при дѣвочкахъ—дѣтяхъ Толстыхъ».

Эта, «несчастная привычка» Тараса Григорьевича заставляла яко бы Микѣшина быть для него «надежнымъ и преданнымъ спутникомъ на вечера не только къ Полонскому, Гринбергъ и др., но и во многіе великосвѣтскіе дома» [1]).

Съ сожалѣніемъ долженъ я сказать, что слова Микѣшина о «несчастныхъ привычкахъ» Тараса Григорьевича, т. е. о «хмелѣ и цинизмѣ» не только не вызываютъ къ себѣ довѣрія, но, напротивъ, вызываетъ полное недовѣріе, такъ какъ люди болѣе близкіе къ поэту разсказываютъ діаметрально противоположное.

Съ Шевченкомъ Микѣшинъ познакомился въ іюнѣ 1858 г. Шевченко, какъ признается и самъ Микѣшинъ «сначала только терпѣлъ его, называлъ его «панычомъ» и т. д. А изъ письма Е. К. Юнге мнѣ извѣстно, что между Микѣшинымъ и Шевченкомъ никакой дружбы «не существовало; напротивъ, Шевченко часто порицалъ его.» Они встрѣчались *иногда* на вечерахъ въ тѣхъ великосвѣтскихъ домахъ Сухановой и Толстыхъ, гдѣ Тарасъ Григорьевичъ бывалъ, «какъ свой, близкій, какъ родной человѣкъ». Что же мы знаемъ отъ Сухановыхъ и Толстыхъ о« хмелѣ и цинизмѣ» Шевченка?

«Въ домѣ моей матери, говоритъ Б. Г. Сухановъ, гдѣ часто Шевченко обѣдалъ, подавалось разнаго вина въ изобиліи, онъ никогда не бывалъ на «подпитіи». Бывая у Шевченка и часто засиживаясь подолгу, мнѣ никогда не

[1]) Тамъ же. Воспоминанія Микѣшина.

случалось видѣть его пьянымъ; никакихъ циническихъ выходокъ онъ не позволялъ, никакихъ грубыхъ выраженій не употреблялъ. Можно ли допустить, чтобы матушка моя, женщина умная и свѣтская, рѣшилась отпускать меня одного къ завѣдомо пьющему человѣку». [1])

«Нашъ домъ Шевченко считалъ своимъ, говоритъ дочь гр. Толстыхъ; поэтому почти всѣ его друзья-малороссы бывали у насъ. Къ нимъ присоединялся нашъ кружокъ поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ, быстро проходили вечера въ интересныхъ разговорахъ и спорахъ; незамѣтно засиживались до свѣта. Шевченко сильно горячился въ спорахъ, но горячность его была какая-то нѣжная, милая, какъ и все въ немъ. Онъ былъ замѣчательно ласковый, мягкій; онъ во всѣхъ находилъ что-либо хорошее, увлекался часто людьми, которые его не стоили. Онъ дѣйствовалъ какъ-то обаятельно, всѣ его любили, не исключая даже и прислуги». Семья графа Толстого часто ѣздила вмѣстѣ съ Шевченкомъ на взморье въ свѣтлыя сѣверныя ночи. «Тутъ и пили и пѣли. Если бы Шевченко позволилъ себѣ какое-либо излишество или неприличіе, то это, несомнѣнно, коробило бы мою мать,—говоритъ К. Ф. Юнге, [2])—и меня. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, за рѣдкими исключеніями, я видалась съ Шевченкомъ каждый день и ни разу не видѣла его пьянымъ, не слышала отъ него ни одного неприличнаго слова и не замѣчала, чтобы онъ

[1]) Кіевск. Стар. 1885 г., кн. II, стр. 839.
[2]) Вѣстн. Евр., августъ, 1883 г.

въ обращеніи чѣмъ либо отличался отъ прочихъ благовоспитанныхъ людей. Мы знали о его слабости къ горячимъ напиткамъ и старались удерживать его отъ этого единственно изъ опасенія вреда для его здоровья. «Только смотрите,—говорила я,—ставя передъ нимъ граненный графинчикъ: не ромъ съ чаемъ, а чай съ ромомъ» [1]).

Н. И. Костомаровъ, когда ожидалъ къ себѣ дорогого и любезнаго гостя, припасалъ къ чаю бутылку рому. Шевченко опоражнивалъ и говорилъ: «ты для меня не подавай цѣлой бутылки, а только половину, а то, сколько бы ни подалъ, все выпью; хоть бы и ведро, я и ведро ухлопаю; поставишь полбутылки, я и тѣмъ доволенъ». *Пьянымъ* въ это время, какъ и прежде, Костомаровъ его *не видалъ*. «Семейство гр. Толстого,—добавляетъ Костомаровъ,—очень ласкало и любило Шевченка, столь же высоко цѣня его двойной талантъ поэта и художника, сколько и уважая его прекрасную, чистую душу, просвѣчивавшуюся во всѣхъ его рѣчахъ и поступкахъ» [2]).

Нѣтъ сомнѣнія послѣ этого, что если Микѣшину, сказаніе коего о «хмелѣ и цинизмѣ», такъ энергически отвергнутое и Б. Г. Сухановымъ и К. Ф. Юнге, случалось встрѣчать нашего поэта «на подпитіи», то, вѣроятно, только въ иномъ обществѣ,—въ такомъ, которое само соблазняло поэта къ выпивкѣ. Въ Шевченкѣ чувство товарищества было развито такъ сильно, что этимъ нѣкоторые товарищи его нерѣдко

---

1) Вѣстн. Евр., августъ 1883 г., стр. 839.
2) Русск. Стар. 1880 г., кн. 3, стр. 604—5.

злоупотребляли, а у него на оказывалось на столько силы воли, чтобы устоять противъ искушеній и не выпить вмѣстѣ съ товарищами. *Пить* Шевченко началъ уже гораздо позднѣе, въ послѣдніе мѣсяцы 1860 г.

VII.

Остановимся подробнѣе на отношеніяхъ писателей къ пѣвцу Украины.

Въ то время украинское слово, послѣ катастрофы 1847 г., едва начинало воскресать, и семья украинскихъ писателей въ Петербургѣ была очень не велика. До пріѣзда Шевченка въ Петербургъ были изданы «Записки о Южной Руси, «Граматка», да «Народни оповидання» Марковичевой. Читая «Записки», Шевченко еще въ Новопетровскѣ, а потомъ въ Нижнемъ высказывалъ желаніе, чтобы онѣ превратились въ періодическое изданіе. По пріѣздѣ въ С.-Петербурбургъ, онъ не оставлялъ этой мысли и, сдѣлавшись главнымъ центромъ семьи родныхъ писателей, онъ настаивалъ на необходимости изданія журнала Писатели наши, относясь къ нему совершенно справедливо, какъ къ *родоначальнику* украинской литературы, охотно шли въ этомъ случаѣ за его голосомъ.

Личныя отношенія украинскихъ писателей были, какъ видно изъ небольшой переписки, самыя сердечныя; особенно теплотою дышатъ отношенія В. М. Бѣлозерскаго (впослѣдствіи редактора Основы) и М. А. Марковичевой (Марко

Вовчокъ). Бѣлозерскій, приглашая Тараса Григорьевича воспріемникомъ своего новорожденнаго ребенка, писалъ ему: «сегодня утромъ Богъ послалъ намъ сына. Надѣемся, что вы не откажете покумиться съ нами и благословить малаго козака «на вызристъ и розумъ». Еще въ Нижнемъ, узнавши что авторъ «Народнихъ Оповиданъ» женщина, онъ записалъ въ своемъ Дневникѣ подъ 18 февраля 1858 г. «Какое возвышенное прекрасное созданіе эта женщина! Надо будетъ написать къ ней и благодарить ее за доставленную радость ея вдохновенною книгою». Познакомившись лично съ авторомъ той книги въ концѣ 1858 г. или въ самомъ началѣ 1859 г., поэтъ посвятилъ ей 24 генваря 1859 г. прекрасное стихотвореніе:

„Недавно я по за Ураломъ
Блукавъ и Господа благавъ:
Щобъ наша правда не пропала,
Щобъ наше слово не вмирало.
И выблагавъ. Господь пославъ
Тебе намъ, кроткого пророка
И облычытеля жестокыхъ
Людей не сытыхъ. Свите мій!
Моя ты зиронько святая,
Моя ты сыло молодая!
Свиты на мене и огрій
И ожывы мое побыте,
Убоге серце, не укрыте,
Голоднее. И ожыву—
И думу вольную на волю
Изъ домовыны воззову“[1]).

[1]) Кобзарь, т. 1, 1876 г., стр. 248. „Недавно, блуждая за Ураломъ, я умолялъ Господа, чтобы правда наша не была уничтожена, чтобы слово наше не умирало. И я умо-

Между Марковичевой и поэтомъ сохранились самыя дружескія отношенія. Когда она уѣхала за границу, онъ въ письмахъ къ ней называетъ ее «милою дочерью».

Среди русскихъ писателей, какъ отчасти уже и было сказано выше, Шевченко пользовался большимъ и, конечно, вполнѣ заслуженнымъ, уваженіемъ и любовью. На обѣдѣ, данномъ 10 марта 1859 г. въ честь артиста Мартынова, поэтъ нашъ занималъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ Ближе и сердечнѣе всѣхъ сошелся онъ съ братьями Курочкиными, особенно съ Василіемъ, редактировавшимъ «Искру». Познакомились они 26 апрѣля 1858 г. и въ скорости сдѣлались друзьями. Конечно, между талантами ихъ существовала громадная разница; но въ натурѣ ихъ было много общаго: впечатлительность, простота, искренность, ненависть къ рабству. Курочкинъ былъ также «обличителемъ жестокихъ»; наконецъ, и въ прошлой жизни Василія Степановича было кое-что аналогичное съ жизнью Тараса Григорьевича; та же бѣдность, та же непрактичность, то же благородство души,то же, какъ и у Шевченка, стремленіе къ свѣту правды и свободы; та же ненависть къ утѣсненію и любовь къ утѣсненнымъ привели когда-то и Курочкина къ долговременной потерѣ свободы.

лилъ Его Онъ послалъ намъ тебя, кроткаго пророка, обличителя жестокихъ людей. Свѣтъ ты мой! моя ты святая заря! Ты сила моя молодая! Свѣти мнѣ! Согрѣй мое бѣдное, безпріютное и голодное сердце; и я оживу и воззову изъ гроба свободную мысль“.

Многіе русскіе писатели—Гербель, Мей, Курочкинъ и др. переводили и печатали въ русскихъ изданіяхъ произведенія пѣвца Украины. И. С. Аксаковъ желалъ въ своемъ «Парусѣ» печатать стихотворенія Шевченка въ оригиналѣ. Чрезъ посредство Максимовича онъ приглашалъ Шевченка, Кулиша и др. украинскихъ писателей къ участію въ «Парусѣ».

«Аксаковъ настоятельно проситъ,—писалъ къ Шевченку Максимовичъ,—разрѣшенія твоего напечатать въ «Парусѣ» твои стихотворенія: «Вечеръ», «Пустка» и др., а если твой «Кобзарь» выйдетъ еще до новаго года, то нельзя ли прислать для «Паруса» новыхъ твоихъ произведеній».

О взглядѣ украинскихъ писателей на «Парусъ» можно судить по отвѣту Кулиша на обращенное къ нему приглашеніе: «Удивляюсь я, писалъ онъ,—зачѣмъ мнѣ плавать по сушѣ подъ «Парусомъ», издатель, котораго въ своемъ объявленіи пересчиталъ всѣ народности, а о нашей забылъ; видите ли, мы ужъ очень близкіе, очень родственные; «якъ нашъ батько горивъ, такъ ихъ батько грився»... Не прилично мнѣ печатать свои стихотворенія въ «Парусѣ» и потому еще, что его поднялъ человѣкъ, который защищаетъ любителя тѣлесныхъ наказаній розгами. Вѣдь, если въ Москвѣ будутъ сѣчь, то неизбѣжно то же будетъ и на Украинѣ. Еще Императоръ Николай I велѣлъ, чтобы солдатъ изъ Украинцевъ карать разумно, больше стыдомъ, выговорами, убѣжденіями, а не розгами. Это и есть

доказательство, что нашъ народъ вышелъ уже изъ того возраста, когда караютъ «березовою кашею»; издатель же «Паруса» думаетъ, что для «хохловъ всякій законъ сойдетъ».[1])

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Кулишъ измѣнилъ свой взглядъ и безъ всякаго паруса поплылъ «по сушѣ» въ редакцію сперва «Вѣстника Юго-Западной Россіи», Говорскаго, а потомъ и въ другія такія же изданія.

Съ популярнымъ того времени русскимъ поэтомъ Некрасовымъ Шевченко не познакомился. Что было причиною этому,—тутъ можно только догадываться: Шевченко былъ сынъ «зневоленого крипака»; Некрасовъ—сынъ помѣщика, да и самъ владѣлъ «душами». Поэтъ, демократъ по природѣ, не могъ примирить пѣсни о свободѣ, напр., въ прекрасномъ «Парадномъ подъѣздѣ» съ практическимъ рабовладѣніемъ. До ушей цѣльной натуры Тараса Григорьевича доходили и не оставались, конечно, безъ вліянія на него, тѣ, можетъ быть, и невѣрные слухи, которые ходили тогда въ Петербургѣ о Некрасовѣ; ихъ потомъ привела въ своихъ воспоминаніяхъ Головачева [2])

Польскіе писатели и вообще образованные поляки относились къ Шевченку любовно, съ уваженіемъ. Въ привѣтственномъ стихотвореніи Желиговскаго «До Brata Tarasa Szewczenka» такъ вѣрно и такъ художественно оцѣненъ талантъ и значеніе Шевченка. Польскіе писатели при-

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 131—134.
[2]) Ист. Вѣст., т. XXXVII, стр. 586 и далѣе.

глашали его и на совѣщанія въ дѣлахъ литературныхъ; напр., онъ былъ приглашенъ на совѣщаніе объ изданіи газеты Slowo. Желиговскій передъ представленіемъ своей драмы въ цензуру читалъ ее Шевченку и интересовался его мнѣніемъ.

Пріязненныя отношенія поляковъ послужили поводомъ одному изъ біографовъ Шевченка заподозрить поляковъ въ томъ, что «они исподволь старались навязать Шевченку свои тенденціи и склонить его къ «сліянію». Не безъ задней мысли, говоритъ почтенный біографъ, поэтъ Сова посвятилъ ему свое стихотвореніе, читалъ въ кругу малороссовъ свою драму и провозглашалъ: Kochaj mi się и т. д...

Останавливаться на такомъ заключеніи, не подкрѣпленномъ хотя бы намеками на факты, я, конечно, не буду. Не вѣря искренности поляковъ, заподазривая ихъ «въ интригѣ», біографъ задается вопросомъ: «чѣмъ кончилась бы дружба Шевченка съ поляками, если бы онъ дожилъ до 1863 г.», т. е. до польской революціи?

Я не имѣю ни малѣйшаго основанія не вѣрить искренности отношеній къ Шевченку— Бр. Залѣскаго, Сѣраковскаго, Желиговскаго и др., и приведенный вопросъ представляется мнѣ совершенно празднымъ. Занятіе по меньшей мѣрѣ неблагодарное— отгадывать, каковъ былъ бы конецъ дружбы Тараса Григорьевича съ поляками. Нельзя ни на одну минуту сомнѣваться въ томъ, что онъ не присоединился бы къ работѣ надъ

воскрешеніемъ Польши 1772 г., убитой безправьемъ народной массы и процвѣтаніемъ аристократическо-крѣпостническихъ тенденцій!...

VIII.

Въ декабрѣ 1858 г., пріѣзжалъ въ Петербургъ извѣстный трагикъ Айри Ольриджъ. Игра его въ шекспировскихъ роляхъ и знакомство его съ Тарасомъ Григорьевичемъ доставили послѣднему великое душевное наслажденіе. Мы знаемъ и говорили уже о любви Шевченка къ театру. Послѣ перваго спектакля Ольдриджа онъ не пропустилъ уже ни одного представленія съ участіемъ негра-трагика.

Лично съ Ольриджомъ онъ познакомился въ домѣ гр. Толстыхъ. 29 декабря гр. писала Шевченку: «приходите завтра къ намъ; отъ 7 до 10 часовъ у насъ будетъ читать Ольриджъ. Пригласите Кулиша и Гулака».

Ольриджъ говорилъ по-англійски; Шевченко этого языка не понималъ какъ и трагикъ его языка. Безъ переводчика они не могли объясняться Но не смотря на это, они съ перваго же знакомства сошлись и искренно полюбили другъ друга. Не удивительно!— Ольриджъ былъ своего рода крѣпостнымъ, а Шевченко своего рода негромъ. «Оба они, —говоритъ К. Ф. Юнге,—были чистыя, честныя души; оба—художники. Одинъ, чтобы попасть въ страстно любимый имъ театръ, куда былъ воспрещенъ входъ собакамъ и неграмъ, долженъ былъ наняться въ лакеи къ актеру; другой былъ высѣ-

ченъ за огарокъ свѣчи, сожженый за рисованіемъ». Встрѣчаясь въ домѣ Толстыхъ, они пѣли другъ другу пѣсни, свои родныя пѣсни. Малорусскія пѣсни очень нравились Ольриджу. Шевченко иногда пѣлъ ихъ подъ акомпаниментъ Ант. Гр. Контскаго.

Поэтъ-художникъ пожелалъ нарисовать портретъ трагика. На сеансы онъ приходилъ къ художнику съ дочерьми гр. Толстыхъ. Трагикъ серьезно садился на приготовленное ему мѣсто и нѣкоторое время сидѣлъ торжественно и тихо; но живая натура его не выдерживала, онъ начиналъ гримасничать, и принималъ комически испуганный видъ, когда Шевченко смотрѣлъ на него серьезно. Потомъ начиналъ пѣть меланхолическія, оригинальныя, негритянскія мелодіи, или поэтическіе старинные англійскіе романсы. Тарасъ Григорьевичъ заслушивался, и карандашъ его опускался на колѣни. Наконецъ, Ольриджъ вскакивалъ и начиналъ плясать какую-нибудь *gig*... Не смотря на оригинальность такихъ сеансовъ, портретъ скоро былъ оконченъ и подписанъ художникомъ и моделью.» Портретъ этотъ хранился у г-жи Юнге,[1]) которая подарила его въ Московскую галлерею Третьякова.

Во время спектаклей съ Ольриджемъ Тарасъ Григорьевичъ помѣщался въ ложѣ Сухановыхъ, чаще въ ложѣ гр. Толстыхъ. Игра трагика, особенно въ сценахъ патетическихъ, производила на поэта огромнѣйшее и глубокое

---

[1]) Вѣстн. Евр. Авг. 1883 г , стр. 840.

впечатлѣніе, приводила его «въ такой радостный восторгъ, что онъ не въ состояніи былъ удержать себя отъ громогласнаго выраженія своихъ чувствъ. Одинъ разъ поэтъ и почитатель его Старовъ подняли въ театрѣ такой вопль, что не только обратили на себя вниманіе и вызвали протесты публики, но заставили Суханову уѣхать изъ театра, не ожидая окончанія спектакля. Бывшая въ той же ложѣ какая-то барыня даже обидѣлась и написала Сухановой ядовитое письмо. Конечно, Суханова увѣщевала поэта и Старова быть сдержаннѣе: они винились, просили о пощадѣ, давали обѣщаніе сдерживать себя, но на слѣдующій разъ восторгъ ихъ бралъ свое; избытка его они не въ состояніи были сдержать и не исполняли обѣщанія»[1]).

Даже у себя въ мастерской, когда только приходилъ Старовъ и начиналъ бесѣду объ игрѣ Ольриджа, Шевченко приходилъ въ восторженное состояніе. Напоминаніе о подмѣченномъ томъ или иномъ удачномъ моментѣ игры трагика вызывало у собесѣдниковъ нѣчто «баснословное». «Глаза дико выкатывались, начинались жестикуляціи, скрежетаніе зубовъ: Лиръ мѣшалъ Отелло покончить съ Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить требованіе о мясѣ,—все, что только попадало подъ руку, служило аксесуаромъ для усиленія эфекта, подушку на диванѣ безжалостно умерщвляли... Зритель этихъ восторговъ, молодой Сухановъ, или смѣялся до

¹) Кіевская Стар. 1885 г., кн. 2, стр. 237.

слезъ, или не на шутку подумывалъ объ отступленіи.

Въ воспоминаніяхъ Микѣшина встрѣчаемъ интересный фактъ, свидѣтельствующій о томъ восторженномъ энтузіазмѣ, въ который приводила нашего поэта игра Ольриджа. Когда окончилось представленіе Лира, Микѣшинъ зашелъ въ уборную трагика. «Въ широкомъ креслѣ, развалясь отъ усталости, лежалъ «Король Лиръ», а на немъ, буквально на немъ, находился Тарасъ Григорьевичъ; слезы градомъ лились изъ глазъ его; отрывочныя, страстныя слова произносилъ онъ сдавленнымъ голосомъ и покрывалъ поцѣлуями раскрашенное лицо великаго трагика»[1]).

IX.

У насъ почти вполнѣ отсутствуетъ матеріалъ о жизни Шевченка въ первые три мѣсяца 1859 г. Надо полагать, что жизнь шла обычнымъ чередомъ и въ жизни поэта не случилось за это время ничего выдающагося. Но въ жизни такихъ замѣчательныхъ людей, какъ Шевченко, не можетъ не интересовать насъ каждая, незначительная сама по себѣ, мелочь.

Съ 17 генваря и до 23 марта мы не имѣемъ даже писемъ ни Шевченка, ни къ нему. Да о жизни поэта и послѣ марта до выѣзда на родину, матеріалъ такъ бѣденъ, что мы не знаемъ и не можемъ угадать, какое происходило 10

---

[1]) Чалый, стр. 131.

апрѣля въ Страстную пятницу «величаніе», на которое Кулишъ просилъ Шевченка прійти и поблагословить.[1])

Во всякомъ случаѣ, не боясь ошибки, можно сдѣлать два предположенія: въ первые три мѣсяца 1859 г. Шевченко неусыпно работалъ надъ гравюрой и главнымъ центромъ его мыслей въ то время было предстоявшее «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Первое мое предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ началѣ апрѣля художникъ нашъ представилъ въ академію свои гравюрныя работы и просилъ, если академія признаетъ ихъ достаточными, удостоить его званія академика; въ противномъ случаѣ задать ему програмную работу[2]).

Другое свое предположеніе я основываю на стихотвореніяхъ поэта, относящихся къ тому времени.

Знаемъ, что все русское общество было поглощено тогда крестьянскою реформою и съ нетерпѣніемъ ожидало конца этого важнѣйшаго акта обновленія Россіи. Между тѣмъ работы крестьянскаго комитета шли довольно медленно, а главное о ходѣ ихъ не было подробныхъ и достовѣрныхъ извѣстій въ прессѣ. Извѣстно было, что въ комитетахъ происходитъ борьба двухъ направленій; но никто не зналъ, которое изъ нихъ получитъ перевѣсъ. Ходили слухи о различныхъ колебаніяхъ... Въ обществѣ, понятно,

---

[1]) Чалый, стр. 131.

[2]) Истор. Вѣст., 1896 г., кн. VI.

вѣрили слухамъ. Натурально, что такой врагъ крѣпостнаго права, какъ Шевченко, не могъ остаться равнодушнымъ и не воспринимать тѣхъ, или иныхъ, слуховъ.

„Не жды сподиваной воли,
Вона заснула“...

тужитъ поэтъ подъ вліяніемъ слуховъ о торжествѣ консервативнаго направленія и предлагаетъ мѣры необходимыя, по его мнѣнію, для того, чтобы «збудыть хыренну волю»,—а не то она—свобода—

.... „проспыть соби небога
До суду Божого страшного“.

Чрезъ нѣсколько дней—новые благопріятные освобожденію слухи и надежда поэта оживаетъ. Онъ надѣется, что вотъ-вотъ

„Спочынуть невольнычи
Потомлени рукы,
И колина видпочынуть
Кайданамы кути“....[1])

Поэтъ въ своихъ ожиданіяхъ идетъ далѣе. Заглядывая въ будущее послѣ ожидаемаго освобожденія народа, онъ предвидитъ, что недавніе рабы

„Безъ гвалту, безъ крыку
Позиходяться до купы
Ради та весели;
И пустыню опанують
Веселыи села“.[2])

---

[1]) Отдохнутъ истомленныя руки невольниковъ и колѣни, закованныя въ кандалы.

[2]) Безъ крика и безъ шума соберутся (недавніе рабы) вмѣстѣ, они будутъ рады и веселые, и пустыню заселятъ веселыя села.

Крѣпостное право составляло главную, глубокую и невообразимо болящую рану въ сердцѣ поэта; о рабовладѣльчествѣ онъ не могъ говорить равнодушно; въ спорахъ объ этомъ «правѣ» онъ доходилъ до пафоса; пафосъ его въ эти моменты напоминалъ великаго трагика Айра Ольриджа[1]).

Какъ человѣкъ безпристрастный, запальчиво откровенный и даже безстрашный, онъ въ спорѣ произносилъ иногда такія рѣчи, что заставлялъ другихъ бояться за него, или «затыкать уши и убѣгать». Ненавидя крѣпостное право, онъ, въ минуты сильнаго душевнаго настроенія, могъ оттолкнуть любого франта дикими проявленіями своей страстной ненависти ко всему, что испортило его жизнь»[2]).

Вотъ и все, что можемъ мы привести изъ жизни Тараса Григорьевича за первые 4 мѣсяца 1859 г. Какъ бы ни было хорошо ему въ столицѣ, но на горизонтѣ его было одно облако,— говоритъ К. Ф. Юнге; его тянуло въ дорогую ему Украину.

Съ русскими писателями, по словамъ Тургенева, Тарасъ Григорьевичъ держалъ себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни съ кѣмъ не сблизился вполнѣ; о своей изгнаннической жизни говорилъ мало; «лишь по восклицаніямъ и отрывочнымъ словамъ можно было заключать, какъ горько пришлось ему жить и какія онъ перенесъ испытанія и невзгоды».[3])

---

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. II. Воспоминанія Микѣшина,
[2]) Тамъ же. Воспоминанія Я. П. Полонскаго.
[3]) Кобзарь 1876 г. Воспоминанія И. С. Тургенева.

Разъ, при посѣщеніи Тургенева, Тарасъ Григорьевичъ показывалъ ему крошечную книжечку (ту, которую видѣлъ у него и Костомаровъ), переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ вносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога, такъ какъ въ ссылкѣ ему запрещено было писать... Во время пребыванія въ Петербургѣ послѣ ссылки Шевченко, по словамъ Тургенева, не шутя, сталъ носиться съ мыслью создать нѣчто новое, небывалое, ему одному возможное: написать поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ и малороссу и великороссу. Онъ принялся, было, за эту поэму, но изъ нея ничего не вышло; стихи его вышли слабые, вялые, безцвѣтные,— подражаніе Пушкину».

Внутренній портретъ Шевченка, нарисованный Тургеневымъ и Полонскимъ, конечно, далеко не полонъ, и есть черты, требующія поправки; но поправки эти явятся въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же необходимо одно замѣчаніе.

Относясь съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ словамъ Тургенева о намѣреніи Шевченка написать такую оригинальную поэму, я нигдѣ ни въ письмахъ, ни въ запискахъ, вообще нигдѣ, ни въ чемъ, вышедшемъ изъ-подъ пера Шевченка, ни въ воспоминаніяхъ о немъ пріятелей и знакомыхъ,—словомъ, *нигдѣ*, не встрѣчалъ даже намека на подобное намѣреніе Тараса Григорьевича и думаю, что, говоря Тургеневу о такомъ своемъ намѣреніи и попыткѣ, онъ говорилъ не

серьезно, именно *шутя*. Въ то время въ русской прессѣ отзывались уже голоса, враждебные развитію украинскаго слова; слышались не только въ серьезномъ тонѣ возраженія, что малорусскій языкъ не есть *языкъ*, а только нарѣчіе, но раздавались и *насмѣшки* надъ украинскимъ словомъ. Шевченко, конечно, помнилъ мнѣніе одного изъ героевъ Тургенева — Пигасова (въ «Рудинѣ») объ украинцахъ, ихъ языкѣ, грамматикѣ, ихъ поэтахъ и т. п. Не будучи ученымъ, Шевченко все же былъ настолько развитъ, что хорошо понималъ всю невозможность языка, одинаково доступнаго пониманію двухъ народовъ велико- и мало-русскаго; понималъ, что такого языка нѣтъ и, при существующихъ условіяхъ, быть не можетъ; прежде всего потому, что вполнѣ отсутствуютъ тѣ факторы и условія жизни государственной, соціально-моральной и т. п., которые въ продолженіе *очень долгаго* времени, *быть можетъ*, и оказали бы такое культурное вліяніе, при воздѣйствіи коего возможно образованіе одного языка. Шевченко не могъ не разумѣть, какъ и всѣ мы, что современный государственный языкъ весьма далекъ отъ того языка, на которомъ онъ предполагалъ создать свою поэму; слѣдовательно, и не могъ онъ относиться къ такой затѣѣ серьезно.

Мы видѣли много доказательствъ тому, что Шевченко, любя родину, любилъ свой родной языкъ, такъ что ни на какой другой не промѣнялъ бы его. Два раза въ жизни неблагопріят-

ныя причины привели его къ тому, что онъ принимался писать на русскомъ языкѣ; но какая же разница въ произведеніяхъ его на томъ и на другомъ языкѣ!...

Разница эта очень рельефно высказана С. Т. Аксаковымъ въ письмѣ къ Шевченку (о чемъ я говорилъ выше). Фактъ несомнѣнный, что Шевченко, не питая ни малѣйшаго нерасположенія къ великорусскому народу, не симпатизировалъ его языку, называя его «твердымъ и черствымъ».

Поѣздка Т. Г. Шевченка на Украину.

(3 іюня — 7 сентября 1859 г.).

I.

Во все время пребыванія въ Киргизскихъ степяхъ Тараса Григорьевича томило страстное желаніе увидѣть дорогой ему родной край. Мысль о возможности умереть и быть погребеннымъ не на родинѣ, а на чужбинѣ, словно кошмаръ, давила ему сердце.

„Холоне серце, якъ згадаю,
Що не въ Украйни поховають".

Когда въ Новопетровскѣ онъ получилъ первое достовѣрное извѣстіе о томъ, что «Царь повелѣлъ разбивать его кайданы», первою мыслью его было ѣхать чрезъ Черноморію и Крымъ въ Украину. По независящимъ отъ него причинамъ пришлось оставить этотъ планъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ «его постоянно тянуло въ дорогую Украину».[1]) Чрезъ полгода послѣ пріѣзда въ столицу, онъ пишетъ къ Максимовичу, что на

[1]) Вѣст. Евр. 1883, августъ, стр. 841.

слѣдующее лѣто будетъ въ Кіевѣ и на Михайловой горѣ. [1])

Поѣздка на Украину, при тогдашнемъ убожествѣ паровыхъ путей сообщенія, требовала значительныхъ расходовъ, а финансы поэта всегда были въ прискорбномъ состояніи. Онъ, какъ человѣкъ безгранично добрый и совершенно не практичный, не умѣлъ не только беречь, но и распоряжаться деньгами. Деньги на поѣздку онъ надѣялся получить за изданіе своего «Кобзаря». Хлопотать объ изданіи его онъ началъ еще въ апрѣлѣ 1858 г., но дѣло шло очень туго. Въ мартѣ 1859 г. онъ надѣялся дѣло съ изданіемъ окончить къ маю и тогда, писалъ онъ 29 марта женѣ Максимовича: «насыплю повну кышеню грошей та й чкурну черезъ Москву на Мыхайлову гору, та вже хочъ и безъ грошей, а сёго лита прыдыбаю до васъ». [2])

Между тѣмъ устраненіе препятствій къ изданію «Кобзаря» не подвигалось. Продать право на изданіе и взять деньги прежде полученія цензурнаго дозволенія оказалось невозможнымъ.

Кое-какъ собралъ, наконецъ, Тарасъ Григорьевичъ деньги и разсчитывалъ выѣхать вслѣдъ за выѣздомъ за границу А. В. и М. А. Марковичей (Марко-Вовчокъ); но тутъ встрѣтились новыя неожиданныя препятствія, замедлившія его выѣздъ на цѣлый мѣсяцъ.

---

[1]) Кіев. Ст. 1885, кн. III, стр. 355. Михайлова гора— имѣніе Максимовича.

[2]) Тамъ же „Наберу полныя карманы денегъ и помчусь на Михайлову гору, но если и денегъ не будетъ, то въ предстоящее лѣто, я все-таки буду у васъ“.

Извѣстно, что въ Петербургѣ Шевченко жилъ въ качествѣ «отставного рядового Оренбургскаго № 1 батальона»,[1]) находясь подъ надзоромъ полиціи и подъ попеченіемъ гр. Ф. П. Толстого. Академическое начальство должно было заботиться не только о направленіи его таланта, но и о томъ «чтобы своего таланта онъ не употреблялъ во зло».[2]) Такъ какъ правителемъ канцеляріи оберъ-полиційместера былъ землякъ и хорошій знакомый поэта, то предполагалось, что со стороны полиціи не встрѣтится препятствія, и паспортъ на поѣздку будетъ выданъ безъ задержки. На дѣлѣ оказалось другое; полиція должна была на выдачу Шевченку паспорта заручиться согласіемъ III отдѣленія, а послѣднее—спросить сперва академическую администрацію. Ходатайство о выдачѣ паспорта Тарасу Григорьевичу должно быть начато съ Академіи просьбою въ академическое правленіе о разрѣшеніи ему отправиться на 5 мѣсяцевъ въ Кіевскую, Полтавскую и Черниговскую губерніи для поправленія здоровья и рисованія этюдовъ съ натуры.[3]) Графъ Федоръ Петровичъ въ перепискѣ съ III отдѣленіемъ далъ наилучшую аттестацію о поведеніи Шевченка и «объ образѣ его мыслей».

Переписка властей производилась, конечно, обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ медленно, а это раздражало впечатлительную нату-

[1]) Кіев. Стар. 1885, кн. III, стр. 529.
[2]) Ист. Вѣст. 1896, іюнь, стр. 897.
[3]) Ист. Вѣст. 1896, іюнь, 897.

ру поэта. 10 мая онъ пишетъ къ Максимовичевой: «Хлопочу о паспортѣ и не знаю дадутъ ли мнѣ его. Прежде въ столицу не пускали, а теперь изъ столицы не выпускаютъ. Долго-ли они будутъ издѣваться надо мной? Не знаю, что и дѣлать! Убѣжать развѣ къ вамъ да и спрятаться у васъ? Кажется, я такъ и сдѣлаю. До 15. мая буду ждать паспорта, а тамъ будь, что будетъ». [1])

Прошло и 15 мая; паспорта не выдали, потому что изъ III отдѣленія не было получено увѣдомленіе. 25 мая Тарасъ Григорьевичъ писалъ къ М. А. Марковичевой въ Дрезденъ: «Я до сихъ поръ въ Петербургѣ. Не пускаютъ на родину и «Кобзаря» печатать не позволяютъ. Не знаю, что и дѣлать. Ужъ не удавиться ли? Нѣтъ! не удавлюсь, а убѣгу на родину». [2])

Наконецъ, 29 мая III отдѣленіе увѣдомило правленіе Академіи, что оно не встрѣчаетъ препятствій на поѣздку Шевченка, [3]) и 1 или 2 іюня полиція выдала «отставному рядовому Тарасу Шевченкѣ» паспортъ и въ то же время увѣдомила объ этомъ Кіевскую администрацію, требуя, чтобы во время пребыванія Шевченка въ Кіевской губерніи онъ находился подъ «неослабнымъ» надзоромъ полиціи.

Я не имѣю данныхъ для точнаго опредѣленія времени выѣзда Шевченка изъ Петербурга; но не будетъ ошибкой признать днемъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1885, мартъ, стр. 329.
[2]) Правда (Львовская) 1875, стр. 574.
[3]) Ист. Вѣст. 1896, іюнь, стр. 902.

выѣзда его 30-е іюня: Стихотвореніе его: «Писня» («Ой на гори роменъ цвите») помѣчено 7 іюня 1859. Лихвинъ. [1]) Лихвинъ находится въ Харьковской губерніи не далеко отъ границы съ Полтавскою. Чтобы добраться туда, нужно было въ то время не менѣе пяти дней. Слѣдовательно, позднѣе 3 іюня Тарасъ Григорьевичъ не могъ выѣхать изъ Петербурга.

II.

Выѣхалъ Шевченко изъ Петербурга вмѣстѣ съ своими хорошими знакомыми харьковскими помѣщиками Крыловымъ и Хрущевымъ и направился по дорогѣ въ имѣніе послѣдняго—село Лихвинъ Лебединскаго уѣзда. Въ Лебединѣ ли, или въ Лихвинѣ онъ познакомился съ художникомъ фонъ-Мантейфелемъ и братьями Алексѣемъ и Максимомъ Залѣскими; это были извѣстные «варенушники», своего рода «мочеморды». Залѣскіе отличались гостепріимствомъ, и никто въ окружности не могъ лучше ихъ приготовить «варенуху».[2]) Говорятъ, что въ Лебединѣ существовалъ небольшой кружокъ, напоминавшій собою кружокъ Виктора Закревскаго.

«Варенушники», узнавъ о пріѣздѣ Шевченка, пожелали устроить въ честь его «кашу»; онъ, конечно, охотно принялъ приглашеніе. Послѣ 12-лѣтняго изгнанія изъ родного края, онъ теперь очутился въ родной Украинѣ, среди зем-

---

[1]) Хата, 1860 г., стр. 90.

[2]) Національный украинскій напитокъ спиртный, теперь почти вышедшій изъ употребленія.

ляковъ, среди украинской природы, подъ голубымъ небомъ.

Варить кашу отправились на хуторъ Хрущова «Новь», на берегу веселой рѣчки Псла. Прежде всего, разумѣется, наловили въ рѣкѣ рыбы, сварили изъ нея уху и за ухою угощались «варенухою».[1]). По уставу, «варенушники» не имѣли права пить ничего хмельного кромѣ варенухи. Лежащій передо мною фотографическій снимокъ съ рисунка, сдѣланнаго тогда же Шевченкомъ, даетъ намъ понятіе о «варенухопитіи» 9 іюня на Нови. На рисункѣ, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей «питія» — бутылокъ и стакановъ, видимъ одного «варенушника» лежащимъ; голова его скрыта; два другихъ сидятъ, обнявшись; одинъ изъ нихъ, подперши голову рукою и закрывъ глаза, о чемъ-то думаетъ; правою рукою онъ обнялъ товарища и подставляетъ ему свое лицо для поцѣлуя. Подъ рисункомъ—собственноручная подпись Тараса Григорьевича: «Варенушному архимайстрови А. М. Залѣскому на память 9 іюня 1859 г. на Нови. Т. Шевченко.»[2])

На другой день видимъ поэта въ Пирятинѣ; здѣсь онъ написалъ стихотвореніе: «Ой маю я оченята». Очевидно, въ Пирятинѣ онъ не останавливался и поѣхалъ далѣе къ своему старому другу, доктору Козачковскому, въ Переяславъ. По дорогѣ, проѣзжая давно и хорошо знакомыя

---

[1]) Сообщилъ г. Абрамцовъ.

[2]) Фототипію рисунка см. въ № 8, за 1896 г. газеты „По морю и по сушѣ“; но на ней вмѣсто подписи, сдѣланной Шевченкомъ, надпись—„Компанія“.

села, онъ нигдѣ не останавливался да и не къ кому было заѣхать. Старуха Вольховская давно умерла; прекрасную Мосѣвку ея терзали «кредиторы», взыскивая неуплаченные «долги»... Изъ «мочемордъ» однихъ не было въ живыхъ, другіе «поумнѣли». Дорога шла черезъ Яготинъ, но княжны Репниной тамъ не было; но если бы и была, то послѣ свиданія въ Москвѣ Тарасъ Григорьевичъ едва ли посѣтилъ бы ее. Въ Переяславѣ въ то время была ярмарка. Козачковскій, сидя у себя въ домѣ, посматривалъ на движущійся по улицѣ на ярмарку народъ. Видитъ онъ, что у воротъ его дома остановилась почтовая телѣга; на ней сѣдоусый мужчина въ бѣломъ лѣтнемъ пальто. Козачковскій не сразу узналъ въ немъ Тараса Григорьевича. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Кобзарь какъ-то замолчалъ и, ставши противъ окна, смотрѣлъ грустно. Воспоминаніе о прошломъ не могло не навѣять грустныхъ думъ. Спустя немного, онъ пожелалъ пойти посмотрѣть ярмарку. Намъ не трудно понять душевное состояніе, охватившее поэта при свиданіи съ Козачковскимъ.

Со времени послѣдняго ихъ свиданія «мыналы дни, мыналы ночи», и минуло наконецъ цѣлыхъ 14 лѣтъ! и какихъ тяжелыхъ лѣтъ! 14 лѣтъ назадъ Казачковскій видѣлъ Шевченка молодымъ, на 31 году жизни, бодрымъ, полнымъ здоровья и надежды вступить въ бракъ съ Ф. Г. Кошицъ и «жить, какъ всѣ люди живутъ»[1]).

[1]) Русск. Стар. 1883 г., кн. IX. Письма Шевченка къ Бодянскому.

Теперь передъ нимъ стоялъ лысый, сѣдой старикъ, съ совершенно потеряннымъ здоровьемъ...

Когда друзья возвратились съ ярмарки, докторъ Козачковскій началъ декламировать наизусть стихотворенія Шевченка: поэтъ слушалъ и удивлялся; онъ забылъ тѣ свои произведенія и нѣкоторыя изъ нихъ записалъ со словъ Козачковскаго.

Пообѣдавши, Тарасъ Григорьевичъ выразилъ желаніе взглянуть на подгородній хуторъ Козачковскаго, на тѣ деревья, которыя онъ садилъ 1845 году. Онъ не могъ дождаться, пока запрягутъ лошадей, и отправился пѣшкомъ впередъ. Сильно тянуло его скорѣе взглянуть, какъ «сывый нашъ козакъ Днипро зъ лугамы выгравае».

Когда догналъ его въ экипажѣ Козачковскій, онъ сидѣлъ на травѣ на перекресткѣ: забылъ ли онъ, которая изъ дорогъ идетъ въ хуторъ, или онъ сѣлъ, чтобы полюбоваться природою. Приближался уже вечеръ; картина была дивная! Быть можетъ, та именно, которую нарисовалъ поэтъ въ своемъ прекрасномъ «Снѣ»:

«Вичирне сонечко гай золотыло,
Днипро и поле золотомъ крыло...
Соборъ Мазепынъ сяе—билie,
Батька-Богдана могыла мріе;
Кыївськымъ шляхомъ вербы похылы
Трехбратни давни могылы вкрылы;
Зъ Трубайломъ Альта мижъ осокою
Зійшлысь, зъеднались, мовъ братъ зъ сестрою.

И все те, все те радуе очи,
А сердце плаче». [1])

Можно безошибочно сказать, что сердце и душа поэта въ тотъ вечеръ пережили тѣ самыя впечатлѣнія, чувства и мысли, какія поэтъ заставилъ пережить героя стихотворенія, изъ котораго взятъ приведенный отрывокъ.

Пріѣхавши въ хуторъ, чрезъ нѣсколько времени начали ловить рыбу. Рыба не шла; кое какъ набралось ея на уху. Расположились варить «кашу». Ночь, говоритъ Козачковскій, [2]) была тихая, лунная, украинская ночь съ миріадами звѣздъ на чистомъ голубомъ небѣ. Своею чарующей красотой она привѣтствовала давно знакомаго ей поэта. Упиваясь очарованіемъ окружающей природы, Тарасъ Григорьевичъ сказалъ: «Какъ хорошо было бы жить поэту, если бы ему можно было быть только поэтомъ и не быть гражданиномъ».

Сидя на берегу Днѣпра, старые друзья бесѣдовали какъ о прошломъ, такъ и о современномъ, особенно же о предстоявшемъ освобожденіи крестьянъ. Въ послѣднемъ случаѣ взгляды друзей немного расходились. Не знаемъ въ чемъ заключалась бесѣда друзей о будущемъ вообще; но можемъ предполагать, что содержаніе ея

[1]) Кобзарь 1876 г., т. II стр. 99. Вечернее солнце позлащало лѣсъ, Днѣпръ и поля. Соборъ Мазепы—бѣлѣя сіялъ; виднѣлась могила Батька Богдана (Хмѣльницкаго). По Кіевской дорогѣ склонившіяся вербы прикрывали давніе „трехбратни“ курганы. Межъ осокою Трубежъ и Альта сошлись и слились, какъ братъ съ сестрой. И все это, все радуетъ взоръ; но сердце плачетъ...

[2]) Кіевск. Телегр. 1875 г., № 25.

было то, которое передалъ Козачковскій въ письмѣ къ Тарасу Григорьевичу, благодаря его за присылку «Кобзаря», именно, что при всемъ вліяніи не минувшей и насъ деморализаціи мы еще не прожили въ конецъ наслѣдія своихъ отцовъ, тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложились, а въ будущемъ и должна сложиться, хотя, конечно, въ иной формѣ, «наша слава голосна та правдыва, якъ Господа слово» [1]).

На другой день Шевченко поплылъ «дубомъ» по Днѣпру въ село Прохоровку къ своему другому старому пріятелю Максимовичу.

У Максимовича онъ прожилъ болѣе недѣли. Время пребыванія поэта на «Михайловой горѣ» представляется мнѣ очень любопытнымъ и важнымъ со стороны психологической, и я радъ бы былъ занести въ свою хронику каждую малѣйшую подробность изъ жизни Шевченка у Максимовичей. Изъ тѣхъ подробностей мы могли бы заключить и о томъ, что именно послужило впослѣдствіи причиною столь рѣзкой перемѣны во взглядахъ Максимовича на Шевченка и на его произведенія. Къ сожалѣнію, Максимовичъ не записалъ ничего и даже не хотѣлъ ничего разсказать покойному Маслову, обратившемуся къ нему за свѣдѣніями о пребываніи у него Шевченка. Онъ даже не совѣтовалъ Маслову писать очеркъ жизни Шевченка, говоря, что «въ жизни поэта столько грязнаго и безнравственнаго, что изображеніе этой стороны затем-

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 176.

нить все хорошее.» [1]) Максимовичъ повѣдалъ только, что Шевченко «проживая на Михайловой горѣ, приходилъ къ нему только ночевать, а остальное время проводилъ въ полѣ и въ другихъ мѣстахъ; рисовалъ, бесѣдовалъ съ крестьянами и пьянствовалъ, а въ разговорахъ съ женою его кощунствовалъ».

Такой приговоръ Максимовича, конечно, не только рѣзокъ, но, при полномъ отсутствіи фактовъ, не можетъ быть признанъ и справедливымъ. Мы видѣли уже и еще увидимъ въ этой же главѣ, какъ симпатично относился Максимовичъ къ личности поэта и благоговѣйно къ его поэтическимъ произведеніямъ. Въ своемъ стихотвореніи, написанномъ по случаю смерти Шевченка и читанномъ при погребеніи его подъ Каневомъ, Максимовичъ называетъ Шевченка «незабвеннымъ другомъ, милымъ братомъ» и вдругъ черезъ 12 лѣтъ послѣ того—такая рѣзкая перемѣна во взглядѣ? Гдѣ причина ея? Гдѣ причина тому, что «божественныя» произведенія Шевченка оказались въ глазахъ того же Максимовича писанными «подъ пьяную руку,» а самъ поэтъ «безъ всякаго эстетическаго развитія, безъ всякаго художественнаго идеала? Такую глубокую разницу во взглядахъ, такое самопротиворѣчіе Максимовича покойный Масловъ объяснилъ себѣ «литературною завистью и преклонностью лѣтъ, когда человѣкъ становится близкимъ къ состоянію невмѣняемости.» [2])

---

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 202.
[2]) Тамъ же, стр. 203.

III.

Уѣзжая отъ Максимовича къ роднымъ, Тарасъ Григорьевичъ предполагалъ возвратиться къ нему и оставилъ у него почти весь свой дорожный багажъ. Переправившись черезъ Днѣпръ въ Каневъ, онъ поѣхалъ отсюда черезъ Городище въ родную Кириловку. Есть извѣстіе, что въ Городищѣ онъ провелъ одинъ день, осматривалъ сахарный заводъ П. Ф. Симиренка и познакомился съ послѣднимъ и съ управляющимъ завода его Хропалемъ, но достовѣрность этого извѣстія сомнительна.

Въ Кириловку пріѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ утромъ въ субботу. Въ отцовской усадьбѣ его жилъ тогда старшій братъ его Никита съ женою и тремя дѣтьми. Младшій братъ Осипъ и любимая сестра поэта Ирина Григорьевна, тогда уже вдова, жили отдѣльно въ своихъ усадьбахъ. Тарасъ Григорьевичъ остановился въ отцовской усадьбѣ.

Никиты Григорьевича не было въ то время дома; былъ гдѣ то на работѣ; жена его Пелагея была занята стряпнею возлѣ печи; дочка Ирина Никитишна, взрослая уже дѣвушка, работала на огородѣ.

«Было это,— разсказывала мнѣ вдова Никиты Григорьевича,—въ субботу «передъ Петромъ» (28 іюня); занимаюсь у себя своимъ хозяйскимъ дѣломъ и слышу, залаяли собаки. Посмотрѣла я въ окно, кто-то неизвѣстный идетъ съ улицы

въ дворъ и прямо къ дверямъ избы. Я вышла въ сѣни на встрѣчу и остановилась. Смотрю и думаю: кто бы это былъ? А онъ молчитъ, только глядитъ на меня такъ пристально и печально такъ. Смотримъ одинъ на другого, молча.—«Не узнаешь?»—произнесъ онъ. Какъ сказалъ это онъ, такъ голосъ его и покатился ко мнѣ въ сердце. Я тогда какъ вскрикну: «Братику мій, Тарасе! откуда ты взялся?»—и упала къ нему на груди. А онъ обнялъ меня, цѣлуетъ и плачетъ и ни слова не говоритъ. Потомъ уже, войдя въ избу, началъ разспрашивать о нашемъ житьѣ, затѣмъ пошелъ осматривать дворъ, садъ и всю усадьбу».

Давно онъ не былъ въ Кириловкѣ, но перемѣна не велика! Та же панщина, тѣ же «злыдни» (бѣдность), та же изба съ почернѣлою кровлей и чернымъ «дымаремъ» (трубой), только больше еще склонилась на бокъ, да нѣтъ уже возлѣ нея завѣтной яблони, въ тѣни которой любящая, нѣжная сестра Катерина Григорьевна когда-то пестила его... нѣтъ и цвѣтника... яблоня засохла, её срубили .. засохла и развѣсистая верба возлѣ воротъ... Вотъ и вся перемѣна! Все остальное по-прежнему: неволя, работа не на себя, бѣдность и скорбь...

Тарасъ Григорьевичъ сѣлъ въ саду на травѣ любимаго своего ручья, въ которомъ когда-то купался и вперилъ взглядъ въ знакомый черный курганъ. Сидѣлъ онъ долго, задумавшись, «а журба (грусть) такъ и покрыла ему усю тварь» (лицо).

Пошелъ онъ къ сестрѣ Иринѣ.

«Я въ то время была на огородѣ,—разсказывала Ирина Григорьевна г. Чалому,—грядки копала. Прибѣгаетъ ко мнѣ моя дѣвочка-дочурка и говоритъ: «Мамо! пришелъ какой-то Тарасъ и зоветъ тебя. Скажи, говоритъ, матери, что къ ней пришелъ Тарасъ. Какой Тарасъ? спрашиваю и какъ-то съ мѣста не сойду. Гляжу и онъ идетъ: «Здравствуй, сестра!» Я ужъ и не помню, что сталось со мной въ ту минуту! Сѣли мы на завалинкѣ; онъ проситъ, чтобы я разсказывала о нашемъ горемычномъ житьѣ. Я и начала: разсказываю. Онъ слушаетъ да только: «такъ! такъ!» Много я вылила слезъ, пока все ему разсказывала и какъ умеръ мужъ мой, пьяница, и какъ я бѣдствую. Онъ тогда всталъ, глянулъ на небо, перекрестился и сказалъ: «Молись, сестра, молись! и ты свободна (отъ пьяницы мужа), и я свободенъ».

«Скоро ли всѣ мы будемъ свободными?»—спросила бывшая при этомъ жена Никиты Григорьевича. Тарасъ Григорьевичъ махнулъ рукой, вздохнулъ и отвѣтилъ: «Пока это случится, еще не одинъ разъ высѣкутъ тебя на барской работѣ».

На другой день поэтъ отправился къ обѣднѣ въ церковь и возвратился оттуда съ своими старыми школьными товарищами Гончаренкомъ и Бондаренкомъ. Послѣ обѣда поприходили другіе односельчане и все разспрашивали у пріѣзжаго: «скоро ли будетъ воля?».

Пробывъ въ Кириловкѣ дня три, поэтъ, удрученный созерцаніемъ крѣпостной неволи, от-

правился въ село Моринцы—мѣсто своего рожденія, посѣтилъ церковь и сдѣлалъ рисунки съ нея и съ иконостаса въ ней. Въ тотъ же день онъ поѣхалъ далѣе въ мѣстечко Корсунь—къ своему свояку Варѳоломею Григорьевичу Шевченку, служившему управляющимъ въ Корсунскомъ имѣніи князя Лопухина.

IV.

О посѣщеніи Тарасомъ Григорьевичемъ Корсуня и Варѳоломея Григорьевича послѣдній оставилъ намъ довольно подробныя воспоминанія [1]).

«Какъ-то въ іюнѣ вижу я,—говоритъ онъ,—кто-то на парѣ лошадей подъѣхалъ къ моей квартирѣ. Пріѣзжій былъ съ большими сѣдыми усами; одѣтъ въ парусинное пальто и соломенную шляпу. Я думалъ, что это кто-нибудь изъ ищущихъ службы. Но сердце во мнѣ забилось какъ-то неспокойно, и я инстинктивно выбѣжалъ на улицу. Пріѣзжій успѣлъ уже обойти другой тропинкой и войти въ сѣни; я возвратился. «Ну узнавай же!» сказалъ онъ. Я узналъ Тараса Григорьевича по голосу и бросившись къ нему, вскрикнулъ: «Батьку, ты, мій ридный!» Прибѣжала жена; всѣ мы точно онѣмѣли, только плакали. Въ такомъ положеніи мы пробыли, пока не пришелъ извощикъ, привезшій Тараса Григорьевича, за деньгами. Тарасъ Григорьевичъ

[1]) Правда, 1876 г.

остановился у меня,—продолжаетъ Варѳоломей Григорьевичъ,—на все время, которое предполагалъ провести въ Корсунѣ: «У тебя, у тебя я буду. Нигдѣ на Украинѣ не будетъ мнѣ такъ хорошо, такъ тепло, какъ у тебя»[1]).

В. Г. Шевченко.

Я уже имѣлъ случай говорить о томъ, что въ воспоминаніяхъ Варѳоломея Шевченка много невѣрнаго, много подкрашеннаго. Воспоминанія его о пребываніи въ Корсунѣ нашего поэта и г. Чалый назвалъ «безцвѣтными»; но я сомнѣ-

[1]) Правда (Львовъ), 1876 г., стр. 27.

ваюсь и въ томъ, чтобы до пріѣзда поэта въ послѣдній разъ въ Корсунь существовали между свояками такія дружескія отношенія, какія слѣдують изъ словъ Варѳоломея Шевченка. Странно для меня, что за все время ссылки поэта другъ его свякъ, а потомъ и «названный» братъ ни разу не откликнулся къ изгнаннику, ни изгнанникъ къ нему. Правда, Тарасъ Григорьевичъ за все время ссылки не писалъ къ роднымъ братьямъ и сестрамъ; но это происходило потому, что онъ зналъ, какъ затруднительно для нихъ, какъ крѣпостныхъ и совсѣмъ неграмотныхъ, получать письма, а тѣмъ болѣе отвѣчать на нихъ. Иное дѣло—Варѳоломей Григорьевичъ, — человѣкъ свободный, грамотный, весьма толковый. Онъ имѣлъ полную возможность не только переписываться, но хоть изрѣдка оказывать и денежную помощь своему «другу» въ изгнаніи. Факты не подтверждаютъ этой дружбы. Братъ Тараса Григорьевича Осипъ женился на сестрѣ Варѳоломея 28-го сентября 1841 г., когда Тарасъ Григорьевичъ находился въ Петербургѣ въ академіи. Лично они познакомиться могли не ранѣе 1843 г.; но знакомство это было только обыкновенное знакомство. Дружба ихъ началась только со времени пріѣзда поэта въ Корсунь въ 1859 г.

Въ Корсунѣ Тарасъ Григорьевичъ провелъ нѣсколько дней. Варѳоломей Григорьевичъ говоритъ, что поэтъ прожилъ у него «мѣсяца два или немного менѣе». Это уже совсѣмъ невѣрно. Въ Корсунь Тарасъ Григорьевичъ раньше 1-го

іюля пріѣхать не могъ; въ половинѣ іюля, онъ, какъ сейчасъ узнаемъ, былъ арестованъ возлѣ Черкасъ и болѣе въ Корсунь не возвращался. Безъ сомнѣнія, если бы не случился этотъ арестъ, поэтъ провелъ бы въ Каневскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ болѣе продолжительное время; но все-таки не два мѣсяца. Оставаться такъ долго въ Корсунѣ онъ и не думалъ; въ письмѣ къ М. М. Лазаревскому 10-го іюля изъ Межиричья онъ писалъ, что собирается уже выѣзжать къ матери Михаила Матвѣевича въ Конотопскій уѣздъ.

Наконецъ и то: захотѣлъ ли бы ненавистникъ крѣпостной неволи сидѣть долго въ Корсунѣ и смотрѣть, какъ *другъ* его гонитъ своихъ братьевъ на яремную работу!

Во время пребыванія въ Корсунѣ Тарасъ Григорьевичъ вставалъ въ 4 часа утра и отправлялся въ прекрасный садъ и паркъ Лопухина, раскинутый по обѣимъ сторонамъ живописно-очаровательной рѣки Роси. Мѣстность эта такъ прекрасно-живописна, столько въ ней разнообразной красоты природы, что поэту-художнику невозможно было не увлекаться ею, не приходить отъ нея въ восторгъ. Здѣсь онъ проводилъ все время до обѣда; выбиралъ уютно-чарующій уголокъ, садился на камень и рисовалъ. Варѳоломей Григорьевичъ говоритъ, что онъ не оставилъ ни одного живописнаго мѣста Корсунскаго сада, не срисовавши его въ свой альбомъ. Мнѣ однако ни разу не случалось не только видѣть, но

даже слышать о существованіи альбома корсунскихъ видовъ работы Шевченка.

Иногда Тарасъ Григорьевичъ отправлялся вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ на лошадяхъ въ поле. Это было время жатвы. При этихъ поѣздкахъ онъ убѣждалъ своего спутника пріобрѣтать побольше земледѣльческихъ машинъ, «чтобы болѣе работалъ паръ, а меньше людскія руки». Любя жизнь семейную и глядя на семью Варѳоломея, Тарасъ Григорьевичъ не разъ говорилъ ему: «удастся ли мнѣ обзавестись своимъ домомъ и семьей?»—и просилъ помочь ему пріобрѣсти кусокъ земли подъ усадьбу и посовѣтовать въ супруги дѣвушку, но только чтобы она была непремѣнно украинка изъ простого народа, сирота, батрачка».

«Вотъ,—говоритъ Варѳоломей Григорьевичъ, —и начали мы съ нимъ разъѣзжать да пріискивать такое мѣсто, «чтобы Днѣпръ былъ у самаго порога». Вскорѣ такой уголокъ былъ отысканъ. Земля эта, не болѣе двухъ десятинъ, принадлежала помѣщику Парчевскому и находилась между Каневомъ и селомъ Пекарями. При осмотрѣ она очень понравилась Тарасу Григорьевичу; но—увы! «независящія обстоятельства» въ лицѣ Черкасскаго исправника Табачникова стали поперекъ дороги и помѣшали Шевченку пріобрѣсти облюбованную имъ землю.

V.

Между Шевченкомъ и управляющимъ Парчевскаго Вольскимъ было условлено съѣхаться

въ Межиричьи, пригласивъ туда и землемѣра для измѣренія избранной земли и опредѣленія ей цѣны. Утромъ 10 іюля они съѣхались. Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу начали завтракать. Спустя немного времени къ нимъ присоединились братъ Вольскаго, какой-то шляхтичъ Козловскій и еще нѣсколько лицъ, собравшихся охотиться въ межиричскихъ лѣсахъ. Мало-по-малу бесѣда принимала игривый характеръ; Тарасъ Григорьевичъ началъ шутить и удивляться, что Козловскій пріѣхалъ на охоту словно на балъ въ лакированныхъ ботинкахъ, во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ,—«хочъ заразъ до вальсу». Козловскій обидѣлся. Тарасъ Григорьевичъ сейчасъ же извинился, говоря, что у него не было и не могло быть даже малѣйшаго желанія оскорбить его. Заключили мировую и Тарасъ Григорьевичъ пригласилъ Козловскаго къ себѣ подъ тѣнистую липу, чтобы запить мировую. Тутъ бесѣда, продолжавшаяся на польскомъ языкѣ, приняла характеръ богословскаго диспута. Какъ объяснилъ потомъ самъ Шевченко предъ чиновникомъ особыхъ порученій кіевскаго генералъ-губернатора Андреевскимъ, онъ, желая прекратить неумѣстный диспутъ, сказалъ по-русски: «Теологія безъ живаго Бога не въ состояніи создать даже вотъ такого ничтожнаго липоваго листка». Козловскій, по словамъ Шевченка, замолчалъ; но, спустя нѣкоторое время, спросилъ его: какого онъ мнѣнія о Матери Іисуса Христа? Шевченко отвѣчалъ вопросомъ: какого вы мнѣнія о Пречистой Дѣвѣ? Козлов-

скій ничего не отвѣтилъ, а Тарасъ Григорьевичъ продолжалъ: «мы должны благоговѣть предъ Матерью Того, Кто принялъ за людей страданія и смерть на крестѣ». На этомъ диспутъ и окончился. Тарасъ Григорьевичъ отправился въ Городище къ Симиренку, предполагая пробыть здѣсь нѣсколько дней. Устроили его въ квартирѣ управляющаго Храпаля.

По вечерамъ къ нему собирались служащіе въ заводѣ Симиренка; между ними были люди съ солиднымъ образованіемъ. Поэтъ разсказывалъ веселые анекдоты, читалъ свои произведенія. Читалъ онъ, по словамъ Храпаля, такъ художественно, что ему не приходилось ни прежде, ни послѣ слышать такого художественнаго чтенія. Особенно хорошо читалъ онъ свое недавно написанное стихотвореніе: «На панщыни пшеныцю жала». Стихотвореніе это, касаясь своимъ содержаніемъ животрепещущаго тогда крестьянскаго вопроса, потрясло слушателей [1]).

Поэту оказывали въ Городищѣ самое искреннее радушіе. Обѣдалъ онъ у Симиренка, а послѣ обѣда отправлялись осматривать заводъ. Осмотрѣвши заводскія школы, поэтъ обнялъ Симиренка и, поцѣловавши, его сказалъ: «Батьку! чого ты тутъ наробывъ!»—и на глазахъ у него показались слезы.

Садъ Симиренка приводилъ поэта въ восторгъ. Высказывая свое намѣреніе устроиться на берегу Днѣпра, поэтъ выразилъ желаніе раз-

---

[1]) Кіев. Стар. 1889, кн. II, стр. 460.

вести у себя садикъ. Симиренко обѣщалъ ему въ этомъ случаѣ полное свое содѣйствіе. Имѣя садовниковъ и прекрасный питомникъ деревьевъ, Симиренку легко было исполнить свое обѣщаніе и, конечно, онъ исполнилъ бы его.

Вечеромъ разъ зашла бесѣда о томъ, что «Кобзаря», изданнаго въ началѣ 40-хъ годовъ,

П. Ф. Симиренко.

давно уже нѣтъ въ продажѣ. Поэтъ сказалъ, что на новое изданіе онъ не имѣетъ собственныхъ средствъ, а издатели-«кацапы» скупятся. Симиренко предложилъ свое финансовое содѣйствіе. Ниже увидимъ, что, благодаря этому содѣйствію,

въ концѣ 1859 и осуществилось новое изданіе «Кобзаря».

Между тѣмъ на заводъ пріѣхалъ становой приставъ Добржанскій. Въ разговорѣ съ нимъ Хропаль упомянулъ, что у нихъ гоститъ Шевченко.

—«Какой Шевченко? не академикъ-ли?»—спросилъ полицейскій чиновникъ.

«Да онъ»,—отвѣчалъ Хропаль.

«Становой вскочилъ, какъ ужаленный, и сказалъ: «Вотъ хорошо, что сказали! я только что получилъ предписаніе наблюдать за нимъ. Теперь я знаю, гдѣ онъ находится. Вотъ я отличусь передъ начальствомъ»,—прибавилъ онъ вполголоса.

Такъ разсказана эта сцена г. Чалымъ [1]). Намъ представляется она въ иномъ свѣтѣ; но раскажемъ ее до конца словами г. Чалаго. Замѣтимъ, что Добржанскій не могъ называть Шевченка академикомъ. Званія этого Шевченко тогда еще не имѣлъ и въ бумагѣ изъ С.-Петербургской полиціи въ Кіевъ его именовали «отставнымъ солдатомъ». «Шевченко пробылъ въ Городищѣ трое сутокъ. Въ послѣдній вечеръ, говоритъ г. Чалый, при заходѣ солнца онъ, какъ бы что-то вспомнилъ и просилъ Хропаля дать ему лошадей въ Кириловку, а оттуда въ Корсунь къ Варѳоломею Григорьевичу Шевченку. Лошади были даны и Тарасъ Григорьевичъ уѣхалъ ночью. Изъ Городища Тарасъ Григорье-

[1]) Кіевск. Стар. 1889, кн. II, стр. 463.

вичъ отправился въ Корсунь, въ Кириловку, въ Межиричье; оттуда за Днѣпръ къ Максимовичу; но былъ арестованъ приставомъ Добржанскимъ и привезенъ сперва въ мѣстечко Мошны (становая квартира), потомъ въ уѣздный городъ Черкасы, а отсюда въ Кіевъ.

VI.

О причинѣ, времени и мѣстѣ ареста Тараса Григорьевича имѣется много разнообразныхъ свѣдѣній; но всѣ они заключаютъ въ себѣ столько невѣрнаго и противорѣчиваго, что ни одного изъ нихъ нельзя принять цѣликомъ. Необходимо очистить ихъ критически и изъ остатковъ сдѣлать правдоподобное заключеніе. Г. Чалый [1]), со словъ В. Г. Шевченка, говоритъ, что въ Межиричьи за закускою, когда зашла рѣчь о монахахъ, «Тарасъ Григорьевичъ, по своему обыкновенію, отозвался, быть можетъ, нѣсколько рѣзко объ отжившемъ свое время институтѣ. Поляки, которымъ до православнаго монашества не было никакого дѣла, выступили ярыми поборниками его и снарядили жидка съ доносомъ къ жандармскому офицеру, бывшему тогда въ Межиричьѣ».

Послѣдній потребовалъ Шевченка для объясненія къ себѣ и сказалъ: «Про васъ говорятъ, что вы богохульствуете».

---

[1]) Чалый. Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка, стр. 141 и слѣд.

— «Можетъ и говорятъ,—отвѣчалъ Шевченко; обо мнѣ можно плести всячину, я человѣкъ патентованный». Жандармскій офицеръ арестовалъ Шевченка и отправилъ въ Черкасы».

Все это извѣстіе невѣрно, какъ увидимъ далѣе; теперь же замѣтимъ, что Варѳоломей Шевченко не былъ ни свидѣтелемъ ареста Тараса Григорьевича, ни участникомъ завтрака въ Межиричьи.

Приведемъ всѣ важнѣйшія свѣдѣнія объ арестѣ Шевченка.

Покойный Максимовичъ разсказалъ г. Чалому, что когда за закуской въ Межиричьи Козловскій похвалился, что онъ служилъ становымъ, то Шевченко еще пуще началъ подтрунивать и сказалъ съ хохотомъ: «Такъ вы еще алтынникъ». «Взбѣшенный панъ, посылая Тарасу Григорьевичу угрозы, отправился съ доносомъ сперва къ жандармскому офицеру въ Межиричье, а когда тотъ не придалъ значенія доносу, онъ написалъ исправнику Табачникову. Послѣдній, желая насолить жандармскому офицеру и отличиться предъ начальствомъ, велѣлъ арестовать поэта. Его и арестовалъ Добржанскій на Днѣпрѣ, когда онъ ѣхалъ къ Максимовичу на званный въ честь его обѣдъ» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ [2]) г. Чалый, со словъ сестры того же Максимовича, разсказываетъ, что во время параднаго обѣда пріѣхалъ къ Максимовичу приставъ и хотѣлъ тотчасъ же аре-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Кіевск. Стар. 1889 г., кн. II, стр. 462.

стовать дорогого гостя, не дожидая конца обѣда; Максимовичъ упросилъ его обождать, пока Шевченко уѣдетъ отъ него, говоря: «чтобы не у меня въ домѣ». Добржанскій ушелъ и устроилъ засаду на Днѣпрѣ. Едва поэтъ отплылъ отъ берега, онъ налетѣлъ на него, пересадилъ на своего дуба и отвезъ въ Мошны, гдѣ продержалъ дня три. Поэтъ поселился въ домѣ полковника Грудзинскаго, гулялъ въ паркѣ Воронцова и съ горя усердно предавался Бахусу. Симиренко и Варѳоломей Шевченко, узнавъ объ арестѣ Тараса Григорьевича, ѣздили въ Мошны и просили управляющаго имѣніями Воронцова Ягницкаго, человѣка вліятельнаго, ходатайствовать объ освобожденіи поэта. Тутъ случился жандармскій офицеръ —человѣкъ добрый; онъ не придавалъ значенія винѣ Шевченка и обѣщалъ представить дѣло генералу-губернатору въ благопріятномъ для поэта свѣтѣ.

Уже послѣ смерти Шевченка покойный И. С. Тургеневъ переслалъ Герцену[1]) извѣстіе, что одинъ исправникъ Черниговской губерніи, арестовавши Шевченка, отправилъ его, какъ колодника, въ губернскій городъ за то, что Шевченко не захотѣлъ нарисовать масляными красками портретъ его во весь ростъ.

Въ «Колоколѣ» 1 сентября 1860 г. было сообщено, что Табачниковъ, арестовавши Шевченка, доносилъ Кіевскому губернатору, что арестовалъ его за богохульство и богоотступни-

---

[1]) См. Лысточкы до винка на могылу Шевченка.

чество. Губернаторъ велѣлъ доставить Шевченка подъ стражей въ Кіевъ и, если бы не вступился жандармскій офицеръ, то ему пришлось бы долго насидѣться въ кіевской тюрьмѣ. Тутъ тоже было упомянуто о требованіи Табачникова написать съ него портретъ безплатно и безошибочно.

Наконецъ, нѣкто М. Ф. сообщалъ, что Шевченка арестовали за произнесеніе какой-то рѣчи на базарѣ въ Межиричьи, которую онъ произнесъ, забравшись на возъ сѣна. Конечно, нужно имѣть необыкновенно свободную фантазію, чтобы вообразить, даже въ легендѣ, Шевченка на возѣ сѣна, произносящаго «богохульственныя рѣчи»...

«Богохульство» нашего поэта могло заключаться, по предположенію Драгоманова, въ томъ, что Шевченко могъ читать мужчинамъ отрывки своей поэмы *Марія* или бесѣдовалъ о ней, а слова его поняли въ искаженномъ смыслѣ, какъ хулу на Пречистую дѣву. Тутъ я сдѣлаю одно только замѣчаніе, что поэма *Марія* написана поэтомъ четыре мѣсяца спустя послѣ посѣщенія имъ Межиричья.

Разсказы о пріѣздѣ станового пристава къ Максимовичу во время обѣда представляются совсѣмъ недостовѣрными.

Если бы Шевченко былъ на томъ обѣдѣ, то при возвращеніи онъ не оставилъ бы у Максимовича своихъ вещей; а послѣдній послѣ визита Добржанскаго слѣдилъ бы за дальнѣйшими событіями, и объ арестѣ онъ зналъ бы въ тотъ

же день. Между тѣмъ ниже увидимъ, что это печальное извѣстіе дошло къ Максимовичу, спустя пять дней позлѣ ареста, наканунѣ 20 іюля, и то чрезъ гонца, посланнаго уже съ другого берега Днѣпра изъ деревни Пекарей (возлѣ Канева). Только тогда Максимовичъ, узнавъ объ арестѣ, переслалъ поэту деньги 50 руб. и принадлежащія ему вещи. Самъ Тарасъ Григорьевичъ въ своемъ показаніи Андреевскому, разумѣется, не объяснилъ всѣхъ подробностей своего «диспута» съ Козловскимъ, но во всемъ остальномъ слова его не возбуждаютъ и тѣни сомнѣнія. Все дѣло представляется мнѣ въ такомъ видѣ: «Богословскія пренія,» сопровождавшіяся язвительными насмѣшками надъ Козловскимъ, могли вызвать послѣдняго на доносъ. Но «дѣло» могло возникнуть и безъ доноса. Всякіе слухи по селамъ распространяются очень быстро и при томъ всегда съ добавленіями, и воспринимаются весьма легковѣрно. Слухи «о богословскомъ диспутѣ» могли съ напластованіями дойти и до исправника, а еще раньше до станового пристава, квартира коего находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Межиричья. Исправникъ и становой, имѣя изъ Кіева предписаніе о «неослабномъ надзорѣ» надъ рядовымъ Шевченкомъ «держали ушки на макушкѣ.» А тутъ представился случай показать предъ начальствомъ свое усердіе и бдительность. Вотъ и «пошла писать губернія»... Такъ вспослѣдствіи взглянулъ на «дѣло» и генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ.

Пославъ донесеніе исправнику, Добржанскій отправился по пятамъ Шевченка въ Городище и, конечно, при тогдашней зависимости полицейскихъ отъ такихъ богатыхъ и вліятельныхъ людей, какъ Симиренко, онъ откровенно объяснилъ Хропалю причину своего пріѣзда, а затѣмъ, вѣроятно, по просьбѣ послѣдняго, онъ уѣхалъ изъ Городища (верстъ 15 отъ Мошенъ), посовѣтовавши, бытъ можетъ, спровадить поэта. Хропаль, разумѣется, не могъ скрыть этой вѣсти отъ Шевченка и предложилъ къ услугамъ его лошадей. Обмѣръ земли въ Межиричьи, по словамъ Тараса Григорьевича происходилъ *не позже* 13 іюля. Въ Городищѣ онъ пробылъ однѣ сутки. Слѣдовательно, къ Максимовичу онъ ѣхалъ на обѣдъ 15 іюля, переѣхавши 14 іюля Кириловку и Корсунь и предупредивъ Варѳоломея Григорьевича о могущей случиться съ нимъ непріятности за Межиричскій «диспутъ.» Потомъ онъ заѣхалъ въ межиричье и въ Пекари. Приставъ Добржанскій, имѣя порученіе арестовать Шевченка, совершенно понятно, не желалъ производить этотъ грустный актъ ни въ домѣ Симиренка, ни въ домѣ Максимовича, а слѣдилъ по пятамъ поэта и настигъ его, по словамъ Тараса Григорьевича, «не доѣзжая нѣсколькихъ саженъ до сада Максимовича. Тутъ окружилъ его сотскими и десятскими, арестовалъ и доставилъ въ Мошны [1]).

17 іюля прибыли въ Мошны исправникъ Табачниковъ и жандармскій офицеръ Кржи-

[1]) Изъ показаній Шевченка Андреевскому.

жицкій и допрашивали поэта по обвиненію въ «богохульствѣ.»

Послѣ допроса поэтъ просилъ Кржижицкаго взять его съ собою въ Черкасы; просьба эта была отклонена «по неимѣнію мѣста въ экипажѣ,» и поэтъ оставленъ былъ въ Мошнахъ арестованнымъ.

18 іюля Тарасъ Григорьевичъ былъ доставленъ въ Черкасы и помѣщенъ подъ арестомъ въ квартирѣ исправника. А между тѣмъ исправникъ и жандармскій офицеръ послали въ Кіевъ донесенія объ этомъ «необыкновенномъ» событіи, и спрашивали, какъ далѣе поступить съ «богоотступникомъ.»

Телеграфнаго сообщенія между Кіевомъ и Черкасами тогда не существовало и потому въ ожиданіи отвѣта Тарасъ Григорьевичъ долженъ былъ нѣсколько дней томиться подъ арестомъ въ квартирѣ исправника. Онъ послалъ письмо къ жандармскому офицеру Кржижицкому, прося скорѣе освободить его или отправить въ Кіевъ. Отвѣта на письмо онъ не получилъ.

Не легко было поэту, оставаясь въ арестѣ, ожидать отвѣта изъ Кіева; не свѣтлые были тѣ дни ожиданія. О душевномъ состояніи его за эти дни мы можемъ заключать изъ стихотвореній его, написанныхъ имъ въ Черкасахъ. Поэтъ видитъ во снѣ свою многострадальную сестру: она ожидаетъ его къ себѣ, выглядываетъ изъ-за Днѣпра. На Днѣпрѣ показывается лодка, она погружается въ волны: «Мій братику! моя

ты доле!» —вскрикиваетъ сестра. Поэтъ и сестра прокинулись... «Ты (сестра) на панщыни, а я въ неволи»...

„О горе, горенько мини!
И де я въ свити заховаюсь?"

восклицаетъ многострадальный пѣвецъ!

Еще изъ Мошенъ поэтъ послалъ письмо къ Максимовичу о присылкѣ его вещей. 23 іюля уже въ Черкасахъ онъ получилъ отвѣтъ и деньги.

Наконецъ 24 іюля пришло въ Черкасы предписаніе доставить Шевченка въ Кіевъ, куда онъ и былъ въ тотъ же день отправленъ въ сопрозожденіи полицейскихъ служителей.

По прибытіи Тараса Григорьевича въ Кіевъ, генералъ-губернаторъ поручилъ чиновнику Андреевскому снять съ него допросъ. Показаніе поэта мы приводили въ выпискахъ. Конечно, никакой вины за поэтомъ не оказалось. Чиновникъ Андреевскій передавалъ г. Чалому, что когда Тарасъ Григорьевичъ былъ приглашенъ для личнаго объясненія къ князю Васильчикову, то «до того струсилъ, что, оправдываясь передъ княземъ, плакалъ.»[1]) Если это и такъ, то едва ли эти слезы были вызваны трусостью. Испугаться за будущее, положимъ, не трудно не только тому, кто переживалъ горе, подобное пережитому Шевченкомъ, но и всякому, кто былъ знакомъ съ обычаями провинціальныхъ властей того времени.

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 143.

Мы знаемъ, что Тарасъ Григорьевичъ и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ не трусилъ; онъ былъ не робкаго десятка. Слезы его при свиданіи съ генералъ-губернаторомъ свидѣтельствовали только, до какой степени все это событіе взволновало нервную систему злополучнаго поэта, и безъ того окончательно разстроенную предшествовавшими испытаніями.

Князь Васильчиковъ, убѣдившись въ напраслинѣ, свидѣтельствовавшей о деморализаціи тѣхъ, кто поднялъ всю эту кутерьму, ничтожную по сущности обвиненія, презрѣнную по формѣ, въ которой она началась и тяжело грустную по ея послѣдствіямъ для поэта, велѣлъ «дѣло» прекратить, а Шевченка освободить, дозволилъ ему остаться въ Кіевѣ, сколько нужно, но подъ наблюденіемъ жандармскаго офицера. Отпуская Тараса Григорьевича, князь Васильчиковъ сказалъ ему: «Поѣзжайте скорѣе въ Петербургъ, тамъ люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ изъ желанія выслужиться на счетъ ближняго.» [1])

VI.

О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ съ 24 іюля до половины августа сохранились три сказанія очевидцевъ; одно, впрочемъ, весьма короткое. Сопоставляя два остальныхъ—г. Чалаго и г. Лободы, [2])—приходится сомнѣваться въ весьма многомъ изъ того, что разсказываетъ послѣдній.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Кіевск. Стар., кн. XI, 1887 г., стр. 563—577.

Онъ, напр., говоритъ, что Тарасъ Григорьевичъ по доставленіи изъ Черкасъ былъ заключенъ въ крѣпость... Отсюда его освободили, отдавъ на поруки священнику Ботвиновскому, у котораго онъ поселился на квартирѣ и прожилъ тамъ, какъ слѣдуетъ заключать со словъ Лободы, не менѣе двухъ недѣль; отъѣздъ же Тараса Григорьевича изъ Кіева послѣдовалъ «скоро и неожиданно» и т. п. Между тѣмъ ни о заключеніи въ крѣпости, ни о порукахъ Ботвиновскаго у г. Чалаго нѣтъ ни слова. Безъ сомнѣнія, если бы все это было, то г. Чалый зналъ бы и упомянулъ въ своей книгѣ. Относясь и по другимъ причинамъ скептически къ разсказу Лободы, я воспользуюсь изъ него только тѣмъ, что не противорѣчитъ другимъ, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ.

Достовѣрно то, что пѣвецъ Украины, получивъ по пріѣздѣ въ Кіевъ освобожденіе и разрѣшеніе оставаться въ Кіевѣ *сколько ему надо*, поселился въ квартирѣ художника-фотографа Гудовскаго, [1]) но прожилъ здѣсь не долго, пока перешелъ на Преварку. Быть можетъ, въ это время день, или два онъ провелъ и въ квартирѣ Ботвиновскаго, съ которымъ познакомился у Гудовскаго. Ботвиновскій любилъ выпить; по словамъ г. Чалаго, онъ былъ своего рода «мочеморда» и имѣлъ возлѣ себя такую же компанію.

На другой день послѣ своего знакомства съ Тарасомъ Григорьевичемъ онъ пригласилъ

[1]) Русск. Инв. 1861 г., № 268.

его къ себѣ и вмѣстѣ съ другимъ мочемордою Балабухой «втянули его въ кутежъ», какъ нѣкогда пирятинскіе мочеморды. Устроивъ гулянье

Т. Г. Шевченко въ августѣ 1859 г.

на лѣвомъ берегу Днѣпра, компанія пила «до положенія ризъ». Шевченко, по словамъ г. Чалаго, напился до такой степени, что «зарылся

по шею (!!) въ песокъ и не хотѣлъ оттуда вылазить, умоляя своихъ амфитріоновъ оставить его ночевать на лугу, потому что тамъ «такъ гарно».[1])

Вскорѣ послѣ этого Ботвиновскій устроилъ у себя вечеръ въ честь Шевченка. Гостей собралось много; выпивка, конечно, была изрядная, время летѣло незамѣтно. «Часа въ 3 ночи Тарасъ Григорьевичъ собрался уходить. Его удерживали; онъ едва согласился; но, посидѣвши нѣсколько минутъ, онъ снова всталъ и рѣшительно началъ прощаться. Ворота были на замкѣ и хозяинъ въ порывѣ своего хлѣбосольства не велѣлъ отпирать ихъ для Шевченка, уговаривая его возвратиться въ комнату. Но это было уже невозможно. Услыхавъ приказаніе не «выпускать со двора», Тарасъ Григорьевичъ пришелъ въ такое состояніе, что хозяинъ долженъ былъ поспѣшить съ отмѣной своего распоряженія. Пока разбудили дворника и отперли ворота, Тарасъ Григорьевичъ ни за что не хотѣлъ возвратиться въ комнату, не хотѣлъ слушать о томъ, что ему запрягутъ лошадей и безъ калошъ пошелъ по грязи домой».

Но, со словъ г. Чалаго, надо заключить, что эпизодъ этотъ имѣлъ мѣсто послѣ попойки за Днѣпромъ и произошелъ нѣсколько иначе. Привезши Шевченка съ луга домой, Ботвиновскій заперъ ворота и насильно не отпускалъ его до 8 часовъ утра. «Тарасъ Григорьевичъ не

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 150.

хотѣлъ оставаться въ комнатѣ и, выругавшись въ волюшку, вышелъ на дворъ, улегся подъ воротами, пока утромъ не освободилъ его Сошенко».[1])

Наконецъ, Лобода разсказываетъ, что 6 августа вечеромъ во время пожара на Подолѣ его встрѣтилъ Ботвиновскій и «тотчасъ же повезъ къ себѣ для свиданія съ Шевченкомъ, котораго въ комнатѣ не оказалось, а найденъ онъ былъ у воротъ въ преждевременномъ и отнюдь не непорочномъ снѣ».[2])

Оба эти разсказа, уже по своему противорѣчію, не внушаютъ къ себѣ довѣрія, въ особенности послѣдній. Причина оставленія Тарасомъ Григорьевичемъ дома Ботвиновскаго и препирательство о запертыхъ воротахъ произошли гораздо проще. Между гостями Ботвиновскаго Шевченко замѣтилъ, какъ потомъ самъ онъ передавалъ Л-ову,[3]) «одного господина, котораго никто не считалъ за порядочнаго человѣка, но его принимали во многихъ домахъ извѣстнаго круга; онъ вездѣ пилъ и, гдѣ было чѣмъ, тамъ напивался. Тарасъ Григорьевичъ не разъ его видѣлъ, но до сихъ поръ ничего въ немъ не замѣчалъ, а тутъ составилось у него убѣжденіе, что съ этимъ господиномъ нельзя вести пріятельскихъ бесѣдъ, что онъ его непремѣнно скомпрометтируетъ и даже для того пришелъ, а хозяина въ помощники взялъ»... На счетъ хозяина Шевченко въ своихъ подозрѣніяхъ ошибся, но на счетъ гостя «частью не ошибся»...

---

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 150.
[2]) Кіевск. Стар. 1887 г., кн. XI, стр. 570.
[3]) Русск. Инвал. 1861, № 268.

После этого намъ совершенно понятна та поспѣшность, волненіе и негодованіе, съ какими Тарасъ Григорьевичъ оставилъ вечеръ у Ботвиновскаго, особенно если припомнимъ, что въ Кіевѣ Шевченко оставался «подъ особымъ надзоромъ жандармскаго полковника» [1]).

Вѣроятнѣе всего, что по этой причинѣ Шевченко постарался скорѣе переселиться изъ центра Кіева на предмѣстье Преварку, гдѣ, по словамъ Кропивиной, т. е. С. М. Лободы, онъ прожилъ у сестры ея три недѣли. Если дѣйствительно, на Преваркѣ Тарасъ Григорьевичъ прожилъ столько времени, то зная, что онъ прибылъ въ Кіевъ 24 іюля, а выѣхалъ утромъ 14 августа, окажется, что онъ у Ботвиновскаго совсѣмъ не квартировалъ, а у Гудовскаго прожилъ день, другой.

Какъ бы то ни было, но Шевченко переселился на Преварку. Оригинальнымъ образомъ онъ нашелъ для себя здѣсь квартиру: «иду я,— такъ по словамъ Лободы разсказывалъ онъ сестрѣ ея,—и вижу домикъ стоитъ, не то господскій, не то мужичій, бѣлый, словно сметана, и весь обросъ садикомъ, а на дворѣ висятъ, сушатся дѣтскія рубашонки и машутъ рукавами, словно зазываютъ меня къ себѣ; вотъ я и зашелъ и условился съ хозяйкой, попросивъ её покормить меня въ долгъ.» [2]) Хозяйка согласилась.

Все это могло быть; но припомнимъ, что за нѣсколько дней до переѣзда на Преварку Шевченко получилъ отъ Максимовича 50 р.

---

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 143.

[2]) Правда 1876, стр. 102.

Не прошло и недѣли, какъ Шевченко, поселившись на Преваркѣ, сдѣлался своимъ человѣкомъ и сдружился съ дѣтьми своихъ сосѣдей. Дѣти, бѣгая за нимъ, кричали: «дядя! разскажи намъ сказочку.»

Вскорѣ послѣ переѣзда Шевченко просилъ свою хозяйку занять ему 10 копѣекъ (!), говоря, что «дуже ему треба», и позволить служанкѣ ея, Оришкѣ (Иринѣ), выстирать ему рубахи и платки. Оришка при стиркѣ нашла завязанныя въ узлы платковъ деньги, въ одномъ 25 р., а въ другомъ три рубля. Послѣ этого хозяйка, пересматривая книги поэта, нашла въ одной изъ нихъ еще 15 руб. Шевченко обрадовался этой находкѣ и цѣлый день потомъ ходилъ, задумавшись и ломая себѣ голову надъ вопросомъ: когда онъ позавязывалъ въ платки и позакладывалъ въ книгу деньги? Такъ и не вспомнилъ.» [1]).

Для подтвержденія такой забывчивости и разсѣянности Шевченка я не встрѣчалъ данныхъ во всей жизни поэта.

Найденными въ узлахъ и въ книгѣ деньгами Тарасъ Григорьевичъ не хотѣлъ расплачиваться съ хозяйкою за столъ и квартиру, говоря, что «то, мабудь, дурни якись гроши,» а дождавшись воскреснаго дня, устроилъ на нихъ пиръ для дѣтей своихъ преварскихъ сосѣдей. Онъ отправился на базаръ и накупилъ тамъ вся-

[1]) Пчела 1876 г. Воспоминанія Кропивиной.

кихъ лакомствъ столько, что едва донесъ ихъ до квартиры.

Дворъ усыпали свѣже-накошенной травой. Дѣтей собралось съ полъ-сотни; они катались по травѣ, кувыркались и оглашали воздухъ веселыми криками. Послѣ обѣда происходило новое угощеніе, но уже не въ усадьбѣ, а на выгонѣ за Преваркою. Торговка привезла яблокъ, грушъ и т. п. Поэтъ отъ удовольствія былъ самъ не свой: бѣгалъ, хохоталъ, дурачился. А взрослые люди, смотря со стороны, громко говорили: старикъ должно быть того... немножко не въ своемъ умѣ»...

«Во время пребыванія на Преваркѣ поэтъ вставалъ рано, не позже 4-хъ часовъ утра, «чтобы слышать, какъ птицы прощебечутъ свой первый привѣтъ утру». Умывался онъ на дворѣ, вытянувъ свѣжей холодной воды изъ колодца. Къ чаю выпивалъ рюмку водки и закусывалъ пшеномъ, которое имѣлъ всегда въ карманѣ. Чай онъ не очень любилъ и говорилъ шутя: кто пьетъ чай, тотъ на старость «горбатіе» (по-польски чай—гербата). На обѣдъ больше всего любилъ борщъ, «затовченный» пшеномъ и старымъ свинымъ саломъ, вареники изъ гречневой муки съ сыромъ и галушки. Но послѣ варениковъ и галушекъ у него бывала изжога, которую онъ унималъ пшеномъ, да небольшой дозой водки, говоря: «клинъ клиномъ выгоняютъ». Очень любилъ сливы и арбузы. Пообѣдавши, отправлялся въ садъ, ложился подъ яблоней и звалъ къ себѣ дѣтей. Дѣти играли съ нимъ словно съ иг-

рушкой, лазили по немъ, теребили и т. п. «Кого любятъ дѣти, значитъ, тотъ не совсѣмъ дурной человѣкъ».—говорилъ онъ. Засыпая, онъ начиналъ храпѣть, дѣти тогда оставляли его. Соснувши часа два, Тарасъ Григорьевичъ опять выпивалъ «чарочку» и заѣдалъ пшеномъ. ***Пьянымъ*** за все это время ***никто не замѣтилъ*** его. Когда случалось, онъ ставалъ болѣе словоохотливымъ, больше шутилъ, и просилъ пѣть ему пѣсни. Ночью,—ночи были бархатныя, темносинія, ласкающія,—онъ почти до разсвѣта ходилъ по саду, говоря, что миріады звѣздъ не пускаютъ его въ комнату, манятъ къ себѣ, не позволяютъ спать Спалъ онъ вообще мало.

Съ Преварки Тарасъ Григорьевичъ нерѣдко отправлялся въ старый городъ къ своему давнему другу художнику Сошенку, у котораго познакомился съ нимъ Чалый. Зайдя разъ утромъ къ Сошенку, г. Чалый засталъ тамъ поэта. Пріятели завтракали. По случаю Успеньева поста завтракъ былъ скуденъ: «на столѣ стояла бутылка съ водкою, а въ рукахъ обоихъ художниковъ было по половинѣ платанаго соленаго судака, которымъ они лакомились безъ помощи ножа. Тарасъ Григорьевичъ много шутилъ съ знакомой Сошенка, панной Леонтиной, говорилъ комплименты племянницѣ Сошенка, разсказывалъ о разныхъ литературныхъ и художественныхъ знаменитостяхъ, подтрунивалъ надъ хозяиномъ и въ заключеніе спѣлъ нѣсколько своихъ любимыхъ пѣсенъ: «Зироньку», «Сири гусы» и друг.

Съ женою Сошенка и панной Леонтиной все время говорилъ по-польски. Панна была въ восторгѣ отъ поэта; но втихомолку сказала женѣ Сошенка: «Pan Szewczenko bardzo dobrze mówie po polsku, lecz w jego mówie zawsze jest

И. М Сошенко.

coś chlopskiego». Поэтъ не только не обидѣлся, но такое мнѣніе льстило его самолюбію: говоря на польскомъ языкѣ, онъ все-таки не терялъ своего демократическаго характера, оставаясь вѣрнымъ своей родной національности».[1]) Пан-

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 147.

на Леонтина однако не понравилась поэту, какъ видно изъ писемъ его изъ Петербурга къ Сошенку и Чалому. Посылая изъ Петербурга племянницѣ Сошенка сборникъ украинскихъ пѣсенъ съ нотами, онъ совѣтовалъ: «не радыться зъ панною Леонтиною, бо вона добру не навчыть».

У Сошенка въ то время часто бывалъ молодой студентъ К. В. Болсуновскій. Онъ свидѣтельствуетъ [1]), что Шевченко и его произведенія пользовались тогда громадной популярностью и имѣли большое вліяніе не только на украинскую, но и на польскую молодежь.

На другой день послѣ встрѣчи у Сошенка Тарасъ Григорьевичъ посѣтилъ М. К. Чалаго. Разсказывая о своихъ знакомствахъ въ Петербургѣ съ литераторами и художниками, онъ относился критически къ поэту Некрасову и превозносилъ Марко - Вовчка. Увлекаясь «Оповиданнями», сравнивая автора ихъ съ Жоржъ-Зандомъ, онъ сказалъ, что послѣдняя «не годится первому и въ кухарки». Вечеромъ того же дня они съ Сошенкомъ отправились любоваться Днѣпромъ, видами прекраснаго Кіева и заднѣпровья. Ночь была лунная. «Подъ вліяніемъ очаровательной картины Днѣпра Кобзарь мгновенно утратилъ всю свою веселость, сдѣлался сосредоточенъ, молчаливъ и грустенъ. Что было тому причиною — неизвѣстно. Поэтъ не любилъ дѣлиться своими думами въ такія минуты даже съ самыми близкими людьми». Но такое настроеніе длилось не

[1]) Въ письмѣ ко мнѣ 3 февр. 1897 г.

долго. Сошенко началъ вспоминать давно прошедшее, когда они оба были молоды и сильны духомъ. Бесѣда, исполненная юмора, понемногу расшевелила поэта и онъ началъ разсказывать анекдоты изъ своего плаванія по Аральскому морю.

Глядя на памятникъ Кн. Владиміру, возлѣ котораго они гуляли тогда, поэтъ остался недоволенъ имъ: «какая-то каланча,—сказалъ онъ, а не памятникъ: какъ будто часовой наблюдаетъ, не горитъ ли гдѣ на Подолѣ» [1]).

Со словъ Бартенева г. Чалый разсказываетъ, что во время послѣдняго пребыванія Шевченка въ Кіевѣ одинъ генералъ вздумалъ устроить въ честь его обѣдъ, пригласивъ почитателей его таланта изъ высшаго круга. Прождавъ часа два, хозяинъ послалъ лакея узнать о причинѣ неявки Тараса Григорьевича. Оказалось, «что Шевченко уже давно находится въ кухнѣ и бесѣдуетъ о чемъ-то съ кучерами собравшихся гостей, вѣроятно, о господахъ ихъ».

Г. Чалый не принимаетъ этого разсказа за достовѣрный. Я слышалъ нѣчто похожее съ обѣдомъ у Селецкого. Съ нимъ Тарасъ Григорьевичъ былъ знакомъ давно, еще со времени посѣщенія въ 1843—4 г. Мосѣвки; онъ, правда, не долюбливалъ этого «генерала»; но этого мало для того, чтобы поэтъ рѣшился на такой некультурный поступокъ. Скорѣе всего онъ отказался бы отъ приглашенія. О Шевченкѣ, какъ извѣстно, ходило и ходитъ какъ въ печати, такъ и изъ

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 148.

устъ въ уста цѣлая масса и невинныхъ и злостныхъ совершенно неправдоподобныхъ небылицъ, въ родѣ разсказанныхъ Мартосомъ, Лободою и др. Къ числу такихъ «фактовъ» надо отнести и разсказъ Бартенева.

Довольно часто посѣщалъ Тарасъ Григорьевичъ въ Кіевѣ семью стараго педагога И. Д. Красковскаго, «супруга коего чарсвала поэта пѣніемъ украинскихъ пѣсенъ»[1]. Въ этой семьѣ онъ провелъ послѣдній вечеръ своего пребыванія въ Кіевѣ. Прійдя отъ Красковскихъ на свою квартиру на Преваркѣ, поэтъ «до педантизма точно разсчитался за все; щедро наградилъ слугъ (предъ выѣздомъ онъ получилъ деньги изъ Петербурга), особенно «дурну Орышку», которая не умѣла утаить денегъ, найденныхъ въ узлахъ платковъ; работнику сосѣда, приносившему ему водку, онъ далъ только 10 копѣекъ, говоря, что «онъ потворствовалъ старику морочить голову»[2].

Раннимъ утромъ 14 августа поэтъ оставилъ Кіевъ.

VII.

Въ день Успенія Богородицы—15 августа—престольный праздникъ въ одной изъ Переяславскихъ церквей, въ той именно, въ которой Богданъ Хмѣльницкій приносилъ присягу въ 1654 на присоединеніе къ Россіи Украины. Можно предполагать, что воспоминаніе объ этомъ актѣ,

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Правда, 1876 г., стр. 105.

побудило Шевченка быть на храмовомъ празд-никѣ въ Переяславѣ. Сюда онъ и направился изъ Кіева.

Въ Переяславѣ онъ провелъ четыре дня, остановившись у своего стараго друга, доктора Козачковскаго. Грустенъ былъ поэтъ во всѣ эти дни. Онъ сообщилъ Козачковскому, что на-мѣренъ купить или арендовать кусокъ земли на берегу Днѣпра, противъ села Прохоровки, устроить тамъ усадьбу и «дожывать вику[1]). Оставляя Переяславъ, онъ написалъ извѣстное стихотвореніе:

„Якъ бы то ты, Богдане пьяный!
Теперъ на Переяславъ глянувъ"...[2])

подтверждающее слова Козачковскаго о грустномъ настроеніи поэта во время пребыванія въ Переяславѣ.

20 августа Тарасъ Григорьевичъ былъ въ Прилукахъ и отсюда писалъ Варѳоломею Григорьевичу: «14 августа вырвался я изъ того святого Кіева и теперь направляюсь, не оглядываясь въ Петербургъ. Проѣзжая черезъ Пирятинскій уѣздъ, слышалъ, что въ имѣніяхъ Кочубея (въ добрахъ) добра не было и не будетъ. Тотъ Раковичъ, который писалъ къ тебѣ, посадилъ въ Згуровкѣ[3]) своего пріятеля и грабителя Б....а. Оставь ихъ да лучше кончай дѣло съ жидомъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ. Сегодня ѣду въ Конотопъ»[4]).

[1]) Кіев. Телегр. 1875 г., № 25.
[2]) Кобзарь, т. II, стр. 213.
[3]) Деревня—имѣніе Кочубея.
[4]) Основа 1862 г., кн. IV и Правда 1875 г., стр. 925.

Въ Конотопскій уѣздъ Тарасъ Григорьевичъ ѣздилъ, чтобы навѣстить старуху Лазаревскую, мать его друзей, Федора и Михаила Матвѣевичей Лазаревскихъ. Отъ Лазаревской онъ заѣзжалъ въ Сокоринцы и въ Качановку къ В. В. Тарновскому, но оставался здѣсь короткое время, такъ какъ на всѣ эти поѣздки онъ употребилъ не болѣе пяти дней. Въ Качановку онъ заѣзжалъ еще и для того, чтобы занять денегъ на дорогу; у него случилось тогда такое безденежье, что если бы Тарновскій не снабдилъ его деньгами, то «пришлось бы,—какъ потомъ писалъ онъ 28 сентября [1]),—завязнуть въ Москвѣ.» Въ Качановку Тарасъ Григорьевичъ пріѣхалъ на еврейской «балагулѣ». Остановившись возлѣ «чорнаго двора», онъ, одѣтый въ свое парусинное пальто и соломенную шляпу, отправился пѣшкомъ въ домъ владѣльца Качановки, который искренно любилъ и уважалъ генія украинскаго слова.

Двери въ домѣ были отперты, въ передней никого не было. Поэтъ поднялся по лѣстницѣ, декламируя какіе-то стихи. Сидѣвшая въ буфетѣ прислуга, услыша шаги и голосъ, выбѣжала на лѣстницу. Старый лакей сейчасъ же узналъ поэта. Шевченко обнялъ и поцѣловалъ его. Стараго Тарновскаго не было дома; онъ находился тогда въ Петербургѣ, а молодой, узнавъ о пріѣздѣ Шевченка, «вылетѣлъ къ нему на встрѣчу» [2]).

---

[1]) Изъ сообщенія А. Н. Плацындоря.
[2]) Изъ сообщенія В. В. Тарновскаго.

Изъ Качановки поэтъ отправился въ экипажѣ Тарновскаго въ Кролевецъ. Здѣсь 26-го августа за № 1260 взялъ «подорожнюю», на проѣздъ почтовыми лошадьми отъ Сѣвска до

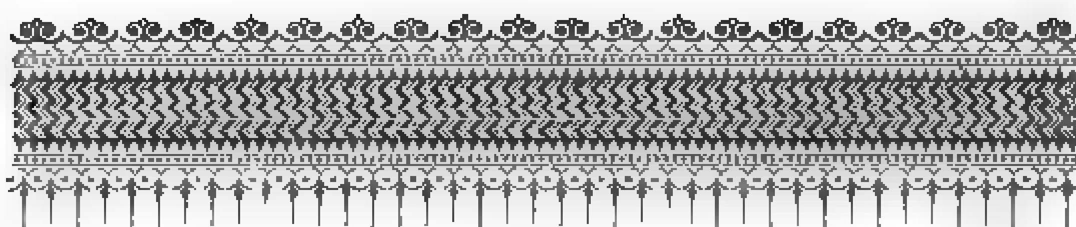
В. В Тарновскій.

Кромъ. Изъ надписи на «подорожней» видно, что 27 августа онъ былъ въ Сѣвскѣ и отправился далѣе. Въ Петербургъ онъ прибылъ утромъ

7 сентября; слѣдовательно, считая на переѣздъ 3—4 дня, видимъ, что въ Москвѣ онъ провелъ съ недѣлю.

Мало извѣстно намъ о пребываніи его тогда въ Москвѣ. Только и знаемъ, что онъ посѣтилъ управлявшаго тогда московскими дѣлами Симиренка-Пурлевскаго, который угощалъ его званнымъ обѣдомъ. Несомнѣнно, что онъ не преминулъ повидаться тогда съ Бодянскимъ, Щепкинымъ и др. московскими пріятелями и знакомыми.

Хлопоты Тараса Григорьевича Шевченка о покупкѣ земли.

I.

Утромъ 7-го сентября 1859 г. возвратился Тарасъ Григорьевичъ въ Петербургъ изъ своей поѣздки въ родной край. Поѣздка не принесла облегченія его изломанному здоровью, не успокоила его сердца. Мы видѣли уже, что поэтъ страстно желалъ переселиться изъ Петербурга на Украйну и при поѣздкѣ своей нашелъ подходящее для себя мѣсто подъ «кишло». По возвращеніи въ Петербургъ, онъ энергически преслѣдуетъ свое желаніе скорѣе окончить дѣло съ покупкою земли, скорѣе оставить разрушающій его послѣднія силы Петербургъ, скорѣе переѣхать на берега родного и страстно любимаго Днѣпра. Еще 13-го іюля дѣло о покупкѣ земли у Парчевскаго Тарасъ Григорьевичъ считалъ оконченнымъ. Посылая въ тотъ день къ Варѳоломею Григорьевичу гербовую бумагу для написанія акта, онъ просилъ кончать скорѣе формально дѣло покупки или арендованія земли у Парчевскаго. По дорогѣ

въ Петербургъ, онъ 20-го августа письмомъ изъ Прилукъ спрашиваетъ Варѳоломея Григорьевича: «сдѣлалъ-ли ты что нибудь съ Вольскимъ? Если нѣтъ, то дѣлай, какъ сумѣешь, потому что мнѣ и днемъ и ночью видится та благодать (земля) надъ Днѣпромъ, которую мы съ тобой осматривали.»[1])

Но продать той земли, какъ было сказано, Парчевскій не имѣлъ права. Можно было «законтрактовать ее на 25 лѣтъ съ согласія опеки.»

На третій день по возвращеніи въ Петербургъ Тарасъ Григорьевичъ опять проситъ Варѳоломея Григорьевича скорѣе кончать, взявши ту землю въ аренду. «Ужъ тамъ, какъ знаешь. такъ и дѣлай, только дѣлай. Мнѣ и до сихъ поръ снится и Днѣпръ и темный лѣсъ по подъ горою. На слѣдующей недѣлѣ я буду имѣть деньги и, если нужно, сейчасъ вышлю. Хорошо бы было, если бы братья Осипъ и Никита взялись за постройку. Веселѣе бы было деньги платить.»

Варѳоломей Григорьевичъ, кажется мнѣ, не сумѣлъ понять и оцѣнить, какое громаднѣйшее значеніе для измученной души и тѣла Тараса Григорьевича могло бы имѣть скорѣйшiее переселеніе его на Украйну, и поэтому, вѣроятно, дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, какъ-то не спѣша, медлительно, не энергично; иногда же. въ дѣло покупки земли онъ примѣшивалъ кое-что постороннее, не согласное съ интересами Тараса Григорьевича. Почти два мѣсяца онъ ничего не

[1]) Основ. 1862 г., кн. VI и Правда (Львовъ) 1875 г. Письма Шевченка.

отвѣчалъ Тарасу Григорьевичу; только 31-го октября послѣдній получилъ увѣдомленіе, что окончаніе сдѣлки съ Парчевскимъ встрѣтило какое-то затрудненіе. Неясность письма заставила поэта обратиться къ Вольскому съ категорическимъ вопросомъ: выйдетъ-ли что нибудь изъ предполагаемаго арендованія земли или нѣтъ? Надѣясь, однако, на успѣшное окончаніе дѣла, онъ, посылая свое письмо Вольскому черезъ руки Варѳоломея, пишетъ послѣднему: «я думаю вотъ что,—а ты посовѣтуй, хорошо-ли это: купить бы у Вольскаго 40 дубовъ, срубить ихъ, да и пусть они сохнутъ; сложить ихъ можно возлѣ Пекарей на еврейской лѣсопильнѣ. Если думаешь, что такъ хорошо, напиши мнѣ, я сейчасъ вышлю деньги... Такъ или иначе, а надо гдѣ-нибудь найти пристанище. Въ Петербургѣ я оставаться не могу, *онъ меня задушитъ*. Тоска такая, что сохрани Богъ всякаго крещенаго и некрещенаго человѣка... Слава мнѣ не поможетъ Максимовичъ уступаетъ мнѣ въ Прохоровкѣ землю, только не возлѣ Днѣпра. Виденъ Днѣпръ—да издали, а мнѣ нужно, чтобы онъ былъ возлѣ порога. Нѣтъ, ужъ пускай Вольскій, хоть чорта перескочитъ, а докажетъ дружбу».

Но не доказалъ Вольскій дружбы. Парчевскій, вмѣсто простого, яснаго отказа, повелъ дѣло уклончиво, началъ отлынивать. Подъ вліяніемъ Вольскаго и интересовъ кармана, онъ и хотѣлъ бы уступить Шевченку землю, но, съ другой стороны, онъ не хотѣлъ вооружать противъ себя сосѣднихъ шляхтичей, не желавшихъ,

чтобы посреди нихъ жилъ врагъ шляхетскихъ тенденцій и крѣпостническихъ интересовъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что тогдашній Каневскій предводитель дворянства Янковскій и другіе польскіе дворяне старались не допустить поселенія украинскаго поэта въ Каневскомъ уѣздѣ.

Получивши неблагопріятное извѣстіе о Парчевскомъ, Тарасъ Григорьевичъ поручаетъ 7 декабря Варѳоломею Григорьевичу пріобрѣсти ту землю, которую они осматривали въ имѣніи Понятовскаго. Земля эта находилась тоже на правомъ берегу Днѣпра, ближе къ Каневу, возлѣ села Стаекъ и очень понравилась Варѳоломею: «кажется, писалъ онъ Тарасу Григорьевичу, на всемъ протяженіи Днѣпра не найдется другого столь красиваго мѣстечка. Только вотъ въ чемъ дѣло: старый Днѣпръ, каждую весну отхватываетъ себѣ понемногу той земли и лѣтъ черезъ 20—30, пожалуй, всю ее заберетъ».

Варѳоломей Григорьевичъ не написалъ ни о количествѣ этой земли, ни о качествѣ, ни о томъ, представляетъ ли она удобства для разведенія сада. Спрашивая его объ этомъ, поэтъ раздѣляетъ опасенія на счетъ «шалостей» старика-Днѣпра: въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, «що якъ сердытый Днипро нашкодыть»?

Но прежде чѣмъ прійти къ какому-нибудь рѣшенію съ Понятовскимъ, Варѳоломей Григорьевичъ совѣтуетъ иную землю: въ Пекаряхъ у помѣщика Зміевскаго. Въ отвѣтѣ Тараса Григорьевича слышится намъ неудовольствіе: «пус-

кай будетъ добрая надежда на Зміевскаго, пишетъ онъ 12 января, но съ Понятовскимъ надо кончить теперь же: взять у него землю въ аренду и купить дубоваго дерева».

Неизвѣстно, почему именно Варѳоломей Григорьевичъ оставилъ и Понятовскаго и Зміевскаго и даетъ совѣтъ пріобрѣсти землю у Трощинскаго которой, впрочемъ, онъ и самъ не видѣлъ. Земля Трощинскаго находилась въ Переяславскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, возлѣ села Рудяковъ: «вблизи села есть лѣсъ, есть озера, окруженныя лѣсами; какой-то Г. разсказываетъ, что тамъ такая прекрасная мѣстность, что трудно найти другую такую, на всемъ протяженіи Днѣпра».

Странное дѣло! Варѳоломей Григорьевичъ хорошо зналъ, что поэтъ желаетъ, чтобы усадьба его была на самомъ берегу Днѣпра, чтобы «Днипро бувъ биля порога»; зналъ страстное желаніе поэта:

„Умерты на Днипри
Хочъ на малесенькій гори"

и, зная все это, оставляетъ подходящія земли Понятовскаго и Зміевскаго, а указываетъ землю, удаленную отъ Днѣпра. Для Тараса Григорьевича близость Днѣпра составляла условіе sine qua non пріобрѣтенія земли; онъ 1 февраля спрашиваетъ: «Надъ самымъ-ли Днѣпромъ земля Трощинскаго? Если не надъ Днѣпромъ, то мнѣ ее и «за копу» не надо.»

Нетерпѣніе поэта, видимо, возрастаетъ. Не дождавшись отвѣта и предполагая, что земля

Трощинскаго возлѣ самаго Днѣпра, онъ 18-го февраля спрашиваетъ Варѳоломея Григорьевича: «напиши, что ты сдѣлалъ съ Трощинскимъ? Если сдѣлано что хорошее съ покупкою земли, то позаботься пріобрѣсти дубоваго, берестоваго, ясеневаго, кленоваго и липоваго дерева. Посылаю тебѣ наскоро сдѣланный планъ дома. Обдумай и дѣлай, какъ знаешь. Для меня нужно только. чтобы рабочая комната была изъ дубоваго дерева, да былъ-бы круглый застекленный балконъ, обращенный на Днѣпръ. Въ это лѣто я къ вамъ не пріѣду».

Прошло почти полтора мѣсяца. Варфоломей Григорьевичъ не отвѣчалъ. «Умеръ ты или заболѣлъ, что молчишь, словно набравши полонъ ротъ воды?» — спрашиваетъ Варфоломея Григорьевича поэтъ 23 марта, и опять вопросы и просьбы скорѣе кончать дѣло съ покупкою земли. 26-го марта приходитъ ожидаемый отвѣтъ (очевидно, письма въ дорогѣ разошлись). Изъ письма Варѳоломея Григорьевича поэтъ заключилъ, что прелиминарная сдѣлка съ Трощинскимъ окончена; послѣдній желалъ получить за землю 1500 р. Тарасъ Григорьевичъ не возражаетъ противъ цѣны, но проситъ разсрочить уплату на три части. «До новаго 1861 г., пишетъ онъ, я выплачу всѣ 1500 р. Если онъ согласится, то сейчасъ же пошли ко мнѣ; бери деньги, принимай землю и распоряжайся. Землю законтрактуй на 25 лѣтъ на свое или на мое имя, какъ знаешь... Ахъ, какъ-бы было хорошо, если бы

намъ вмѣстѣ доживать «свого вику надъ староденнымъ Днипромъ!».

Варѳоломей Григорьевичъ, разсмотрѣвши планъ, отвѣчалъ: «когда посчитали стоимость лѣса, необходимаго по твоему плану, то вышло 1100 р. А еще же нужны и амбаръ, и погребъ, и ограда—выходятъ большія деньги. Не лучше-ли сдѣлать вотъ какъ: у Трощинскаго возлѣ мѣстечка Ржищева надъ Днѣпромъ есть въ очень и очень красивой мѣстности хорошій домъ; ему онъ стоитъ 2500 р., а продаетъ онъ его за 1500 р. При домѣ большой огородъ и мельница (витрякъ). По моему, лучше всего купить этотъ домъ; если же впослѣдствіи онъ тебѣ не понравится, то у Трощинскаго есть другая земля надъ самымъ Днѣпромъ въ лѣсу; только бѣда—на лѣвомъ берегу и не на такое далекое разстояніе видны окрестности, какъ съ праваго берега.»

Очевидно, что такая медлительность, нерѣшительность, переходъ отъ одной земли къ другой надоѣли поэту: онъ рѣшается купить землю возлѣ Ржищева, проситъ Варфоломея окончить эту покупку и пріобрѣсти дубоваго дерева для амбара. Но и на этотъ разъ дѣло не состоялось, и невозможно сказать, какія на этотъ разъ встрѣтились препятствія.

Въ письмѣ Тараса Григорьевича 15-го мая слышится не только нетерпѣніе, но и сдерживаемое раздраженіе. «Или ты моихъ писемъ не читаешь, пишетъ онъ Варѳоломею Григорьевичу, или, читая, не обращаешь на нихъ вниманія.

Уже три раза писалъ я тебѣ и говорю въ четвертый, что въ этомъ году не вырвусь изъ Петербурга и къ тебѣ не пріѣду. На Украйну буду развѣ весною слѣдующаго года. А ты къ тому времени позаботься о кускѣ земли на томъ или другомъ берегу, только-бы надъ самымъ Днѣпромъ. Брось Ржищевъ! чуръ ему и тому дому, и «витряку», и тѣмъ тремъ грушамъ; если же Трощинскій такъ тебѣ нравится, то бери у него службу. Я слышалъ, что онъ человѣкъ состоятельный и искренній.

Если будешь имѣть время, взгляни самъ на Рудяки, потому что Г-чъ и соврать умѣетъ. Если понравится, возьми въ аренду 20 десятинъ на 25 лѣтъ, поторговавшись хорошенько, и начинай хозяйничать. Та земля, которую мы осматривали въ Межиричьѣ не выходитъ у меня изъ головы («въ печинкахъ сыдыть»).

Опять прошло полтора мѣсяца. Варѳоломей молчитъ, а Тарасъ Григорьевичъ сгораетъ нетерпѣніемъ и 29-го іюня онъ спрашиваетъ: «былъ-ли ты въ Рудякахъ? что тамъ видѣлъ и что сдѣлалъ съ Трощинскимъ?» Письма опять разошлись; 1-го іюля пришелъ отвѣтъ Варѳоломея Григорьевича. Онъ оставилъ и Ржищевъ, и Забору, и Рудяки и въ поискахъ своихъ выбралъ мѣсто по Днѣпру «выше того мѣста, которое выбралъ, было, самъ поэтъ возлѣ села Пекарей, между Пекарями и Каневомъ на городскихъ земляхъ; «есть гора, на ней лѣсокъ; среди лѣса поляна, внизу нѣсколько избъ рыбаковъ; отъ города Канева очень близко.

На горѣ есть дикія фруктовыя деревья— груши и яблони. А милый «староденный» Днѣпръ будетъ казаться, словно подъ ногами. Родниковая вода тутъ же, рыба ежедневно свѣжая, рыбалка возитъ ее мимо снизу»....

Обрадованный Тарасъ Григорьевичъ отвѣчаетъ въ тотъ же день: «возьми 10 десятинъ съ условіемъ выплатить въ теченіе года въ три срока и сейчасъ же напиши, сколько нужно денегъ для начала.» Не дожидаясь отвѣта, онъ 29-го іюля посылаетъ 1000 р., прося Варѳоломея Григорьевича, «если нельзя достигнуть разсрочки платежа на три срока, то уплати въ одинъ разъ за всѣ 10 десятинъ; купчую крѣпость сдѣлай на свое имя. Объ избѣ напишу, получивши твой отвѣтъ. Для хаты купи сосноваго дерева, но на двери и лутки дубоваго или ясеневаго. Хата должна имѣть 20 арш. въ длину и 10 арш. въ ширину».

Казалось, дѣлу конецъ. Оставалось, по мнѣнію поэта, приступить только къ постройкѣ; но время уже было позднее, къ зимѣ постройку едва-ли удалось бы окончить, а между тѣмъ онъ узналъ, что въ Пекаряхъ какая-то попадья продаетъ хату, и 22-го августа онъ пишетъ Варѳоломею: «купить бы ту хату, да осенью и перевезти на купленную землю. Весною же, пускай бы сестра Ирина съ меньшимъ сыномъ переѣхала туда, да и хозяйничала, а тѣмъ временемъ и я пріѣду съ женою» (поэтъ въ это время собирался жениться, и свадьба была на-

значена, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, въ первыхъ числахъ октября).

Прежде чѣмъ успѣлъ поэтъ отправить это письмо, онъ получилъ письмо Варѳоломея Григорьевича. Посылая ему 25 августа новый планъ постройки, онъ писалъ: «если найдешь, что въ планѣ что-нибудь не такъ, то поправь. Окопай землю, купи лѣсной матерьялъ. Если денегъ мало—я достану еще и пришлю. Хорошо бы было, если бы Ирина переѣхала на зиму въ Каневъ». Изъ этого письма мы видимъ, что въ то самое время Варѳоломей Григорьевичъ старался перемѣнить свою профессію, оставить службу управляющаго у Лопухина и заняться торговлею. «Мнѣ и самому,—писалъ ему Тарасъ Григорьевичъ,—не нравится твое «сипачество»; но вы съ Кулишомъ черезъ-чуръ расфантазировались. Книгопродавецъ Кожанчиковъ сегодня сказалъ мнѣ, —а онъ это дѣло хорошо знаетъ,—что, имѣя 3000 руб. наличныхъ денегъ и 3000 руб. кредита, въ книжной торговлѣ можно заработать 10% съ усиленнымъ трудомъ. Иное дѣло —бумага и чай. Напиши мнѣ много ли нужно для тебя кредита въ этомъ дѣлѣ?»

Съ тѣхъ поръ рѣчь о землѣ затихла и не возобновлялась почти пять мѣсяцевъ: заботы и вниманіе поэта были отвлечены въ другую сторону; онъ былъ придавленъ сперва неудачей въ предположенной, было, женитьбѣ, а потомъ недугомъ, положившимъ конецъ его жизни. Кромѣ того поэтъ былъ увѣренъ, что дѣло о покупкѣ земли и постройкѣ на ней дома уже окончено

Варѳоломеемъ Григорьевичемъ, сообразно его желаніямъ, высказаннымъ въ письмахъ. Изъ переписки поэта, по крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобы дѣло это безпокоило его. Варѳоломей Григорьевичъ, продолжая переписываться, до 20-го января ничего не упоминаетъ о землѣ; онъ обращается къ поэту съ различными своими личными просьбами: то проситъ его похлопотать о кредитѣ для предпологаемой торговли, то о заказѣ ему въ Петербургѣ «реминнои свыты зъ видлогою», то проситъ участія въ опредѣленіи дѣтей его въ учебныя заведенія. Конечно, поэтъ все это хорошо исполнялъ; разъ только онъ отказалъ въ просьбѣ, когда Варѳоломей Григорьевичъ пожелалъ, чтобы Тарасъ Григорьевичъ написалъ Селецкому на счетъ помѣщенія дѣтей въ училище. «Я лучше три раза чорта поцѣлую, нежели стану писать къ Селецкому», отвѣтилъ онъ 23 декабря...

Въ январѣ Тарасъ Григорьевичъ узнаетъ, что дѣло съ землею все еще не окончено. Нашлись какіе-то «добрые люди», которые косвеннымъ образомъ вліяли въ Каневскомъ городскомъ общественномъ управленіи неблагопріятно для Тараса Григорьевича. А городской землемѣръ все медлилъ съ измѣреніемъ земли.

«Зажми ты скорѣе ротъ,—писалъ поэтъ 22 января Варфоломею Григорьевичу,—этому проклятому землемѣру, да кончай скорѣе дѣло съ землею. То, что сдѣлаешь, напиши скорѣе, чтобы я зналъ, что дѣлать съ собою: ѣхать-ли мнѣ

весною въ Каневъ, или нѣтъ? Если нужно денегъ—я пришлю или самъ привезу».

Спустя недѣлю, поэтъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Варѳоломею говоритъ: «я едва держу перо въ рукахъ, такъ мнѣ нехорошо... Наплюй ты въ ермолку тому еврею съ его землей, о которой ты пишешь, да скорѣй кончай въ Каневѣ и напиши мнѣ, когда кончишь».

Отвѣчать уже не пришлось! Поэтъ не дождался отвѣта, не дождался окончанія сдѣлки о землѣ въ Каневѣ. Весною того года на той самой горѣ суждено было уже костямъ поэта найти обитель для вѣчнаго упокоенія.

Такимъ образомъ, всѣ старанія и хлопоты Тараса Григорьевича, почти въ теченіе двухъ лѣтъ, не привели къ осуществленію того страстнаго желанія, которое мы видѣли въ перепискѣ его съ Варѳоломеемъ Григорьевичемъ, и которое еще ранѣе было высказано въ его превосходномъ стихотвореніи: «А я такъ мало, не багато»...

Я не могъ добыть ни частнаго, ни оффиціальнаго, вполнѣ достовѣрнаго свѣдѣнія о томъ, въ какомъ положеніи застала смерть Тараса Григорьевича дѣло о покупкѣ земли близъ Канева. Лучше всѣхъ зналъ объ этомъ Варѳоломей Григорьевичъ Шевченко; быть можетъ, только онъ одинъ и зналъ, но не оставилъ намъ объ этомъ никакихъ извѣстій. Въ воспоминаніяхъ его [1]) читаемъ только, что при всякомъ случаѣ, когда

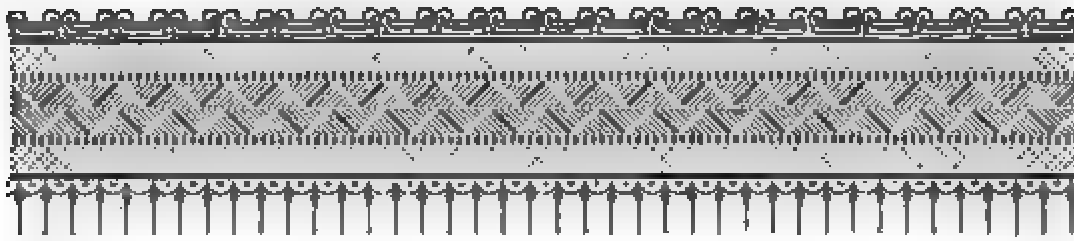
[1]) Правда, 1876 г., стр. 66.

заходила рѣчь о покупкѣ земли для Тараса Григорьевича, онъ встрѣчалъ неизбѣжное: «надо спросить генералъ-губернатора, можно-ли Шевченку пріобрѣтать землю».

Если такъ, то спрашивалъ-ли кто, и какой послѣдовалъ отвѣтъ?

Вѣдь, Тарасъ Григорьевичъ никогда не былъ лишенъ правъ состоянія и, какъ русскій гражданинъ, имѣлъ полное право пріобрѣтать недвижимое имущество; никто ему этого воспретить не могъ, и ни въ чьемъ разрѣшеніи онъ не нуждался. Очевидно, что и спрашивать генералъ-губернатора въ данномъ случаѣ не о чемъ было.

Сватовство Т. Г. Шевченка.

I.

Всѣ, кто болѣе или менѣе зналъ лично Шевченка, согласны въ томъ, что онъ любилъ женское общество, что его нѣжная, добрая, любящая натура имѣла большую склонность къ тихой семейной жизни. Мы знаемъ, что онъ, начиная съ 13 года жизни, нѣсколько разъ былъ влюбленъ, нѣсколько разъ, и каждый разъ неудачно. собирался жениться.

Попробуемъ опредѣлить тѣ черты женской красоты и тѣ нравственныя качества женщинъ, которыя привлекали къ себѣ сердце поэта. Къ сожалѣнію, матеріалъ для этого крайне бѣденъ.

Чужбинскій въ своихъ воспоминаніяхъ о молодости Шевченка не описалъ намъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, ни одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя притягивали сердце поэта. Онъ только и сказалъ намъ [1]), что Шевченко любилъ женщинъ живого характера, что, по его

[1]) Воспом. о Шевченкѣ, 1831 г., стр. 34.

мнѣнію, женщинѣ необходимы пылъ и страсть, «щобъ пидъ нею земля горила на тры сажени»[1]).

Изъ стихотвореній поэта можно собрать кое-какія указанія на ту физическую красоту женщины, которая нравилась ему. Черные, иногда карiе, большiе глаза и черныя брови такъ нравились поэту, что онъ считалъ ихъ необходимою принадлежностью женской красоты. Гдѣ красота, тамъ непремѣнно карія или черныя очи, черныя же, «якъ шнурочокъ», брови, бѣлое лицо;[2]) тамъ «высокый гнучкый станъ»[3]).

Изъ моральныхъ качествъ женщины онъ выше всего цѣнилъ скромность, правдивость и доброту сердца. Малѣйшая нескромность въ женщинѣ, малѣйшая лживость или грубость отталкивали поэта.

Онъ, еще на 13 году своей жизни, когда «пасъ ягнята за селомъ»[4]), полюбилъ «Оксану кучеряву», съ которою они вмѣстѣ росли, и которая отвѣчала ему взаимностью. И влюбленные, и родители ихъ надѣялись, что они современемъ «одружаться»; но они «малымы розiйшлысь, та вже й не сходылысь николы»[5]).

Въ первую пору юности Тарасъ Григорьевичъ полюбилъ черноброву, черноокую Дуню Гашковскую... Ничего больше объ этомъ эпизодѣ мы не знаемъ. По окончаніи академіи онъ полюбилъ, пользовался взаимностью и желалъ всту-

---

[1]) Чтобы подъ ней горѣла земля на три сажени.
[2]) Кобзарь, 1876 г. т. I, стр. 194, 215, 300, т. 2, стр. 86.
[3]) Тамъ же, стр. 236.
[4]) Кобзарь, 1876 г., т. II, стр. 110.
[5]) Тамъ же, т. I, стр. 235.

пить въ бракъ съ Феодосіей Григорьевной Кошицъ. Родители послѣдней не согласились. У Феодосіи Григорьевны «черныя густыя брови огибали большіе каріе глаза».

У Харитины Довгополенковой, о которой рѣчь ниже, «изъ подъ тонкихъ черныхъ дугообразныхъ бровей, выглядываютъ большіе черные глаза» [1]). У Полусмаковой такіе же глаза. У обѣихъ «станъ весокый, тонкый, гнучкый». Вообще, можно сказать, что всѣ извѣстныя намъ женщины, къ которымъ былъ неравнодушенъ поэтъ, отличались почти оцнѣми и тѣми же чертами красоты.

Послѣ неудачнаго сватовства къ Піуновой въ Нижнемъ-Новгородѣ, Тарасъ Григорьевичъ не оставилъ мысли о женитьбѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ 22 ноября 1858 г. писалъ М. В. Максимовичъ: «Если бы вы вспомнили о томъ, о чемъ я васъ просилъ въ Москвѣ, да и взялись хорошенько за это дѣло. Но вы, вѣроятно, и забыли ужъ, о чемъ я васъ просилъ,—я вамъ напомню: я просилъ, чтобы вы оженили меня. Ожените! Если ужъ вы не ожените, такъ и самъ Богъ не оженитъ, «такъ и пропаду бурлакою на чужыни!» [2])

Старикъ Максимовичъ сочувствовалъ желанію поэта «одружытыся». Онъ, конечно, хорошо понималъ, что, по лѣтамъ, по духу, по теплотѣ и нѣжности сердца, для Тараса Григорьевича не прошла еще пора искать подругу сердца въ истинномъ значеніи слова; но горе и перенесен-

[1]) Изъ письма П. Л. Крамаренко.
[2]) Кіевск. Стар. 1885 г., кн. 3, стр. 335.

ныя имъ испытанія въ ссылкѣ сдѣлали его такимъ старикомъ, что о такой подругѣ ему поздно думать, и теперь ему нужна жена, какъ врачъ страшнаго недуга души, называемаго одиночествомъ, пожалуй какъ добрая, нѣжная сестра, какъ хозяйка. Такую именно особу и имѣлъ въ виду Максимовичъ; не знаемъ только, кого именно. 1-го декабря онъ писалъ Тарасу Григорьевичу «если бы Богъ помогъ намъ оженить тебя на Михайловой горѣ, вотъ бы устроили свадьбу! такую, что отъ радости сдвинулись бы синія днѣпровскія горы. Распилъ бы я съ тобою ту бутылочку «выстоялкы», которая налита въ 1808 г., когда дядя мой Илья Тимковскій оженился на Софьѣ Халанской.»[1])

Жена Максимовича къ просьбѣ Тараса Григорьевича отнеслась и сочувственно, и серьезно и писала объ этомъ въ Петербургъ женѣ Кулиша. Шевченко, прочитавши это письмо, писалъ Максимовичъ 25 марта:[2]) «сегодня былъ я у Александры Михайловны (Кулишъ), она показывала мнѣ ваше письмо. Благодарю, что не забываете моей просьбы. Если Богъ поможетъ мнѣ окончить до мая мѣсяца дѣла мои съ цензурою, тогда наберу полные карманы денегъ да и помчусь къ вамъ. Хорошо бы было, если бы такъ случилось, какъ мы предполагаемъ. Но во всякомъ случаѣ я пріѣду къ Вамъ лѣтомъ, и если вы и Богъ поможете, то, можетъ быть, и женюсь. *Ужъ очень очертѣло* (обисило) бур-

---

[1]) Чалый, стр. 137.
[2]) Кіев. Стар. 1885 г., кн. 3, стр. 337

лаковать. Посылаю свой портретъ, только вы его не показывайте избранницѣ, а то она испугается... Скажите, что я лысый, сѣдоусый, то она и такъ перепугается». Въ письмѣ 10-го мая [1]) онъ опять иронизируетъ надъ собой, прося Максимовичъ не показывать дѣвушкамъ его портрета, «не то онѣ перепугаются, подумаютъ, что я гайдамацкій батько, и ни одна не согласится выйти за такого «палыводу»; но одной, которая покрасивѣе, скажите по секрету, чтобы «рушныкы дбала, та на своему огороди гарбузивъ не сажала».

Нѣтъ никакихъ извѣстій. хотя бы для предположенія о томъ, видѣлъ ли Шевченко у Максимовичей, когда гостилъ у нихъ въ концѣ іюня, предположенную для него избранницу, или нѣтъ, и какъ онъ отнесся къ такому выбору? Быть можетъ, званный обѣдъ у Максимовича, на который былъ приглашенъ Шевченко, имѣлъ связь съ предположеннымъ сватовствомъ. Но неожиданый арестъ поэта разстроилъ все дѣло.

Какъ бы тамъ ни было, но въ Петербургъ Шевченко возвратился «бурлакою». Подъ впечатлѣніемъ отчасти неудачной поѣздки на Украйну и гнетущаго одиночества и отчасти подъ вліяніемъ предпологаемой покупки земли, у поэта возникаетъ опять желаніе жениться и проявляется энергичнѣе, чѣмъ прежде. Конечно, онъ понималъ и самъ, что ему нечего уже думать о женитьбѣ по любви, по страсти; въ измученномъ сердцѣ его не было уже огня, необходи-

[1]) Кіев. Стар. 1885 г., кн. 3, стр. 837.

маго для страсти, тамъ сохранилась только последняя искра, скорѣе теплая зола, великаго, но уже перегорѣвшаго чувства. Понималъ онъ, что духовно-моральныя силы его «пидтопталыся», что онѣ потухаютъ и вотъ-вотъ потухнутъ. Но, понимая все это, онъ, угнетаемый одиночествомъ, не хотѣлъ признаться самому себѣ во всемъ этомъ и старался просто обманывать самого себя, успокаивая надеждою, что переселеніе на берегъ Днѣпра, женитьба, спокойная семейная жизнь—поправятъ еще бѣду и избавятъ его отъ того, отъ чего избавиться никоимъ образомъ уже нельзя было. «Дурывъ себе» поэтъ надеждою, что если «плечи молодыя» женщины бодрой, свѣжей «подопрутъ» его старыя плечи, то духъ его, сердце, весь духовно-моральный организмъ его наберется свѣжести, бодрости, помолодѣетъ... Онъ совершенно естественно искалъ того, чего именно самъ уже въ себѣ не имѣлъ— ошибка, свойственная весьма и весьма многимъ въ положеніи Тараса Григорьевича. Ко всему тому не могло не усиливать тяжелаго гнета одиночества и сознаніе поэта, что недугъ его все ближе и ближе подступаетъ къ нему и виднѣется уже трагическій конецъ. Разъ какъ-то Л. М. Жемчужниковъ, глубоко любя и уважая Тараса Григорьевича и какъ человѣка, и какъ поэта, рѣшился указать ему на возможное будущее его одинокой жизни въ столицѣ. У Тараса Григорьевича выступили слезы, и онъ, утирая ихъ, сказалъ: «Правда ваша! крый Боже! крый Боже!» [1]).

[1]) Основа, 1861 г., кн. III, стр. 2.

Задумываясь, по возвращеніи въ Петербургъ, надъ своимъ одиночествомъ, Тарасъ Григорьевичъ вспомнилъ дѣвушку, простую батрачку, слугу Варѳоломея Григорьевича, которую онъ увидѣлъ недавно въ Корсунѣ,—вспомнилъ и рѣшилъ жениться на ней.

Въ письмѣ 2 ноября 1859 г.[1]) онъ спрашиваетъ Варѳоломея Григорьевича: «не приходилъ ли кто сватать Хариту? если нѣтъ, то спроси её по секрету, не пойдетъ ли она за меня? Или пусть сестра спроситъ—это, вѣдь, дѣло женское. «Оти одуковани та недруковани панночкы у мене въ зубахъ завязлы. Не хворощъ, тай бильшъ ничого...» Невыносимо тяжело одинокому. «Если бы не занятія, то я давно бы сошелъ съ ума. А между тѣмъ самъ не знаю, для кого и для чего я тружусь? Слава мнѣ не поможетъ. Харита мнѣ очень понравилась. Посовѣтуйся со своею женою, да и мнѣ дайте совѣтъ» [2]).

Эта Харита или Харитина Довгополенкова была дочь крѣпостного крестьянина князя Лопухина изъ деревни Самородни Каневскаго уѣзда. На 15 году ея жизни, противъ ея воли, не спрашивая даже согласія родителей, её взяли слугою къ управляющему имѣніемъ Лопухина Варѳоломею Григорьевичу Шевченку. Послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ [3]) хоть и говоритъ, что Харита была сирота и вос-

---

[1]) Правда, 1875 г., стр. 926.
[2]) Тамъ же.
[3]) Правда, 1876 г., стр. 67.

питанница его жены, но это не вѣрно. «Нельзя сказать, чтобы Харита была красавица, — читаемъ мы въ тѣхъ же воспоминаніяхъ—но она была симпатична, съ добрымъ характеромъ, нѣжнымъ сердцемъ и чистою душею».—П. Л. Крамаренко, видѣвшая Хариту въ 1893 г., писала мнѣ, что, «не смотря на свои 53 года, Харитина еще энергична, бодра, словоохотлива и до сихъ поръ сохранила слѣды своей красоты; видно, что въ молодости она была очень красива и очень энергична». Когда Тарасъ Григорьевичъ гостилъ у Варѳоломея, Харита совсѣмъ не обращала на него вниманія — «за работою некогда было», и онъ съ нею ни слова не говорилъ; она только и замѣтила его «косматый тулупъ съ отложеннымъ воротникомъ да высокую барашковую шапку». Встрѣчая послѣ этого, въ только что указанномъ письмѣ Шевченка, увѣреніе, что «Харита очень и очень ему понравилась», — я думаю, что понравилась она ему исключительно своею внѣшностью. Г. Чалый [1]) сообщилъ, что Тарасъ Григорьевичъ впервые плѣнился Харитою, когда она борову носила ѣсть, и съ этого времени онъ возымѣлъ на нее виды». Я не знаю, какъ понимать это сообщеніе: какъ неумѣстную иронію или какъ серьезное утвержденіе? Если-бы поэтъ тогда же «возымѣлъ виды» на Хариту, то что мѣшало ему тогда-же поговорить съ ней лично или черезъ Варѳоломея, и почему онъ вспомнилъ о ней, спустя четыре мѣсяца послѣ своего пребыванія въ Корсунѣ?

[1]) Жизнь Шевченко, стр. 161.

Конечно, слова поэта: «Харита мнѣ очень и очень понравилась» не имѣли того значенія, что онъ *полюбилъ* ее; о томъ серьезномъ, глубокомъ чувствѣ, которое называется *любовью*, тутъ не было и не могло быть рѣчи. Сватать Харитину побудило, какъ я сказалъ выше, тяжелое чувство одиночества. «Черезчуръ уже трудно, тяжело мнѣ одинокому»,—писалъ поэтъ Варѳоломею; «быть можетъ, Харита скажетъ, что она бѣдная сирота, батрачка, а я богатый да гордый; въ такомъ случаѣ скажи ей, что у меня многаго и многаго нѣтъ; иногда чистой рубахи не имѣю, а гордости и надменности я занялъ у своей матери *крипачкы* (крѣпостной крестьянки), бездольной мужички. Такъ или иначе, но я долженъ жениться, а то проклятая тоска сживетъ меня со свѣта. Сестра Ирина обѣщала мнѣ найти дѣвушку въ Кириловкѣ, но какую еще она найдетъ, а Харита сама нашлась. Научи же ее, вразуми, что она не будетъ со мной несчастна» [1]).

Болѣе мѣсяца ожидалъ Тарасъ Григорьевичъ отвѣта. Мнѣ кажется, онъ не сомнѣвался въ томъ, что предложеніе его будетъ принято. Въ то именно время онъ надѣялся пріобрѣсти возлѣ Днѣпра усадьбу; ожидая въ томъ и въ другомъ случаѣ осуществленія своихъ надеждъ, онъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, относящемся къ тому времени, видитъ уже себя хозяиномъ хутора, женатымъ; «на спомынъ дружыни» — са-

---

[1]) Правда (Львовъ) 1875 г. стр. 926.

дитъ возлѣ избы яблоню и грушу и мечтаетъ, что посаженныя имъ деревья выростутъ, и тогда

...... Дружына
Пидъ древамы тымы
Сяде соби въ холодочку
Зъ диткамы малымы...
А я буду груши рваты
Диткамъ подаваты;
Зъ дружыною едыною
Тыхо розмовляты...
„Тоди серце, якъ бралыся—
Си древа садывъ я...
Щаслывый я„...—„И я, друже,
Зъ тобою щаслыва. [1])

Свѣтлыя розовыя надежды наполнили поэта такимъ высокимъ вдохновеніемъ, что онъ въ тѣ именно дни осуществилъ давнишнее свое желаніе: «анализировать сердце женщины по жизни св. Маріи, непорочной Матери Христовой» [2]) и написалъ 11-го ноября едва-ли не самую лучшую свою поэму: «Марія.» [3]) Высокій лиризмъ поэмы, глубокое чувство матери, вылитое бриллiантовыми стихами, даютъ намъ возможность опредѣлить до извѣстной степени то душевное состояніе, въ которомъ находился поэтъ, пославши черезъ Варѳоломея Григорьевича предложеніе Харитѣ и ожидая отвѣта на него. Поэтъ и на этотъ разъ ошибся.

Варѳоломею Григорьевичу, очевидно, не пришлось по вкусу сватовство «названнаго бра-

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. I, стр 354.
[2]) Кіевск. Стар. 1893 г., февр., стр. 269,
[3]) Кобзарь. 1876 г., т. II, стр. 215.

та.» Внутренней, душевной жизни его онъ, повидимому, достаточно не взвѣсилъ. Вмѣсто того, чтобы просто поговорить съ своей *наймычкою* и искренно передать Тарасу Григорьевичу отвѣтъ ея, онъ началъ поучать его, совѣтуя оставить мысль о женитьбѣ на Харитѣ. «Ты писатель; дѣло твое такого рода, что, живя въ одиночествѣ, только въ обществѣ жены, нужно будетъ съ ней подѣлиться той или другой мыслью, прочитать ей то, что ты написалъ. Что же ты услышишь отъ Хариты?»—спрашиваетъ Варѳоломей: «тогда твоя тоска еще увеличится; да ужъ нечѣмъ тогда будетъ помочь! Если пошлетъ Богъ дѣтей—кто ихъ воспитаетъ?» [1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ поэту въ подруги жизни какую-то другую особу, кажется, бывшую у него гувернанткою—Наталку Шендеривну.

Тарасъ Григорьевичъ отвѣчалъ: «благодарю за совѣтъ, но ты забылъ, — а это ты хорошо знаешь,—что *я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего бездольнаго народа*! Да и что въ моей мужичьей хатѣ будетъ дѣлать та «одукована» панночка? Сама съ тоски погибнетъ и мнѣ поубавитъ жизни. Харита мнѣ понравилась, хотя я видѣлъ ее мелькомъ. Пусть еще сестра Катерина поглядитъ на нее, и какъ она скажетъ, такъ и будетъ. Мать вездѣ мать: если она искренняя и умна, то и дѣтей воспитаетъ хорошо, а если она и «одукована,» но

[1]) Основа 1862, кн. № 1, стр. 8.

безъ толку, безъ сердца, то и дѣти выростутъ, «якъ те ледащо въ шынку.»

Варѳоломей начинаетъ медлить, надѣясь, вѣроятно, что время измѣнитъ намѣреніе Тараса Григорьевича и пишетъ, что прежде, чѣмъ говорить съ Харитой, нужно посовѣтоваться съ Ириной Григорьевной.

Тарасъ Григорьевичъ благодаритъ его за желаніе посовѣтоваться съ сестрой; «но,—спрашиваетъ онъ,—что же увидитъ сестра? То, что и я видѣлъ,—Хариту и больше ничего. А вотъ, если бы твоя жена сказала свое слово — иное дѣло. Попроси её, пусть скажетъ и посовѣтуетъ».

Спустя болѣе мѣсяца, Варѳоломей Григорьевичъ увѣдомилъ поэта, что Ирина Григорьевна видѣла Хариту; Харита ей понравилась, но о томъ, что сказала Харита,—въ письмѣ нѣтъ ни слова. Тарасъ Григорьевичъ очень обрадовался, что выборъ его одобрила сестра, и 12 января 1860 г. пишетъ Варѳоломею: если Ирина Григорьевна гоститъ еще у него, то пусть она по секрету разспроситъ Хариту, «а ты мнѣ напиши тогда, что скажетъ Харита, или самъ спроси»[1]).

Въ продолженіе всего января Варѳоломей Григорьевичъ, хотя и писалъ Тарасу Григорьевичу, но о Харитѣ ни слова «Напиши мнѣ, хоть полъ-слова о Харитѣ»,—проситъ поэтъ въ письмѣ 1-го февраля,—«она спать мнѣ не даетъ.

[1]) Правда, 1875 г. (Львовъ), стр. 927.

«Если она, — продолжаетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ,—согласится на мое предложеніе, то прійми её у себя, какъ родную сестру Пусть она, горемычная, отдохнетъ немного отъ батраческой работы. На содержаніе и одѣяніе ея я пришлю деньги. Попроси и жену свою отъ меня, чтобы она её пригрѣла»[1]).

Въ этомъ письмѣ были и другіе вопросы—о покупкѣ земли и пр.; на нихъ Варѳоломей Григорьевичъ отвѣтилъ аккуратно, а о главномъ— ни слова, словно его и не было; только и сказалъ, что Харита крѣпостная, имѣетъ отца и мать; выкупить ее изъ крѣпостнаго состоянія нельзя, кромѣ случая выхода замужъ[2]).

Нѣсколько разъ послѣ того поэтъ просилъ своего свата написать ему, какой отвѣтъ дала Харита? Сватъ молчалъ. Вмѣсто отвѣта по главному дѣлу, онъ подалъ Тарасу Григорьевичу совѣтъ написать какую-нибудь молитву или оду и напечатать ее во всѣхъ журналахъ, потому что я, говоритъ онъ, ежедневно слышу о тебѣ такое, что .. «А щобъ люде не цуралысь, потурай имъ, брате!»

Долготерпѣливый и безконечно добрый Кобзарь отвѣтилъ съ свойственнымъ ему юморомъ: «добрый кожухъ, та не на мене шытый», и далѣе, спрашивая, почему сватъ ничего не пишетъ о Харитѣ, продолжаетъ: «ужъ не повредила ли тебѣ та проповѣдь, которую ты для меня такъ мудро сочинилъ? Ложь! все ложь!

---

[1]) Основа, 1862 г., кн. VI, стр. 11.
[2]) Основа, 1862 г., кн. VI, стр. 11.

я только не фарисей, не идолопоклонникъ такой, какъ тѣ «сипакы-брехуны». Собака лаетъ, а вѣтеръ разноситъ. А вотъ, говорилъ ли ты о моемъ предложеніи Харитѣ, и что она сказала? Сдѣлай милость, помоги мнѣ въ этомъ дѣлѣ, а не то я женюсь на такой «шерепѣ», что и тебѣ будетъ стыдно».

Наконецъ, 22 апрѣля, въ день, вѣчно памятный для поэта, въ тотъ день, когда въ 1838 г. онъ былъ выкупленъ у Энгельгардта изъ крѣпостного состоянія, онъ получилъ отъ своего свата такое извѣстіе, «отъ котораго чуть-чуть не пошелъ въ монахи»... Очевидно, что угроза жениться «на какой-нибудь шерепѣ» подѣйствовала на Варѳоломея Григорьевича, и онъ, черезъ полгода послѣ перваго письма Тараса Григорьевича съ просьбой посватать Хариту, отвѣтилъ: «о Харитѣ не знаю, что и сказать! у меня отъ сожалѣнія много разлилось желчи. Когда я ей сказалъ, она спросила: «скоро-ли онъ пріѣдетъ?» Я отвѣчалъ: лѣтомъ или осенью.—«Такъ пускай же я пойду посовѣтуюсь съ родителями». —«Ты, можетъ быть, говорю ей, не довѣряешь, такъ я пока онъ пріѣдетъ, выкуплю тебя?»— «Да я еще не думаю выходить замужъ», отвѣтила она. А сестрѣ Катеринѣ она сказала: «выкупятъ, да и закрѣпостятъ на цѣлую жизнь! Богъ съ ними»... Мнѣ кажется,—заключалъ Варѳоломей Григорьевичъ,—надо совсѣмъ забыть о ней».

Онъ, конечно, надѣялся, что совѣтъ его будетъ принятъ, и сватовству конецъ; но не

такъ думалъ Тарасъ Григорьевичъ. Отвѣтъ Хариты, хотя и опечалилъ его, но надежда на успѣхъ не оставила его. «Пусть Харита погуляетъ до слѣдующей весны, а ты между тѣмъ убѣждай ее понемногу, отвѣтилъ онъ Варѳоломею Григорьевичу: попроси объ этомъ и свою жену, и сестру Катерину, и Ирину. Скажи Харитѣ, что мы съ тобой такіе-же господа (паны), какъ и она панночка. Выкупать ее не надо; она, какъ и всѣ женщины въ нашемъ краѣ, уже свободна, не крѣпостная. Я для нея купилъ уже и монисто, и дукачъ, и крестикъ... Ты ее не оставляй. Быть можетъ, еще изъ этого что-нибудь и будетъ»[1]).

Послѣ этого Варѳоломей Григорьевичъ выступилъ уже открыто съ своимъ намѣреніемъ женить Тараса Григорьевича на Наталкѣ Шендеривнѣ. Вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о томъ, что онъ нашелъ прекрасное мѣсто подъ усадьбу, онъ утѣшаетъ поэта, совѣтуя ему не печалиться отказомъ Хариты, которая «зледащила». «Если желаешь,—пишетъ онъ,—то моя жена высватаетъ Наталку Шендеривну; она умница, съ нею можно жить хорошо—«до смаку» О Харитинѣ же онъ добавилъ: «послѣ того, какъ я передалъ ей твое предложеніе, она будто не та стала: гдѣ взялися у свиньи рога! Приступу къ ней нѣтъ; грубитъ; шляется. не спросясь; возвращается тогда, когда уже весь домъ спитъ. Стало извѣстно, что она завела романъ съ писаремъ. Спросишь

[1]) Основа 1862 г., кн. VI, стр. 15.

ее: гдѣ ты была? А она въ отвѣтъ: «а гдѣ-жъ я была»?.. Но Тарасъ Григорьевичъ словно не замѣтилъ совѣта о Наталкѣ и послѣднихъ порицаній Харитѣ и въ письмѣ 15 мая писалъ: «если Харита не одумается, попроси сестеръ Катерину и Ирину, не найдутъ-ли онѣ въ Кириловкѣ хорошей, красивой дѣвушки или вдовы, только бы честнаго рода и чтобы была не старая и пригожая. Безъ жены и надъ самымъ Днѣпромъ, и въ новой просторной хатѣ, и съ тобой, мой другъ, я буду одинокимъ»!..

Неудачное сватовство, повидимому, не очень глубоко огорчило поэта или, если и огорчило, то не на долго. Отказъ Хариты не остановилъ его намѣренія жениться. Къ этому все болѣе побуждало его угнетенное нравственное состояніе, которое теперь должно было еще болѣе волновать и раздражать его, а тѣмъ самымъ должно было еще болѣе усилиться и рвеніе его парализовать угнетающее вліяніе одиночества.

Конечно, не велика была у него надежда, чтобы сестры нашли ему въ Кириловкѣ невѣсту; потому-то онъ 30 мая обращается въ Полтаву къ своему пріятелю, товарищу, по академіи еще 40-хъ годовъ, Ф. И. Ткаченку прося найти для него невѣсту «кырпу-чорнобрывку», «и если,—писалъ онъ.—изъ этого можетъ что-нибудь выйти, то я на слѣдующую весну пріѣду въ Полтаву.»[1]) Между тѣмъ Варѳоломей Григорьевичъ не покидалъ мысли о женитьбѣ поэта на Наталкѣ Шендеривнѣ и настоятельно рекомендуетъ ее.

[1]) Древняя и Новая Россія, 1875 г., № 6

«Нѣтъ!—отвѣчалъ ему 29-го іюня Тарасъ Григорьевичъ,—жаль, что Харита такъ «зледащила», а для меня лучшей жены и на краю свѣта искать не надо; Наталки я хорошо не разсмотрѣлъ; кажется, она не очень опрятна (не дуже чепурна), «а не чепурна жинка и цыгану не годыться.» «Коли случается ей хорошій человѣкъ, то пусть ей Богъ помогаетъ.»

Отказъ Тараса Григорьевича ясно свидѣтельствуетъ намъ, что, ища себѣ подругу, не по страсти, онъ искалъ ее непремѣнно *изъ народа*, желалъ, чтобы она была непремѣнно простой, трудолюбивой, опрятной и чистоплотной женщиной.

Можно ли сожалѣть о томъ, что женитьба его на Довгополенковой не состоялась? Отвѣтить на этотъ вопросъ затруднительно. Но нельзя не пожалѣть объ одномъ, что Вареоломей Григорьевичъ почти цѣлый годъ тянулъ это дѣло. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ оправдывается тѣмъ, что сказать Тарасу Григорьевичу правду—было все равно, что ударить острымъ ножомъ въ сердце. Сказать ему, что онъ уже старъ для 18 лѣтней дѣвушки, значило напомнить ему, что его молодость прошла невозвратно. Уговаривать Харитину—значило принуждать ее морально. Безъ сомнѣнія, добавляетъ онъ, я и моя жена успѣли бы ее убѣдить, и она вышла бы «за такого стараго, лысаго, сѣдоусаго»; но не сдѣлали ли бы мы ее несчастной; не упрекали ли бы она насъ впослѣдствіи?» [1])

---

[1]) Правда, 1876 г., стр. 27.

Согласиться съ этимъ едва-ли можно. Разницу лѣтъ и здоровья Тарасъ Григорьевичъ и самъ хорошо видѣлъ и сознавалъ; но сердце его чувствовало потребность имѣть возлѣ себя друга съ молодымъ, теплымъ и простымъ сердцемъ. Какъ человѣка правдиваго и свободолюбиваго, его не могла бы оскорбить искренняя дѣвичья правда и оскорбить такъ жестоко, какъ предполагалъ это сватъ. Если же Вареоломей Григорьевичъ жалѣлъ молодой жизни Хариты, то вѣдь и Наталка, которую онъ настоятельно рекомендовалъ Тарасу Григорьевичу и брался высватать, была мало чѣмъ старше Хариты. Дѣло было вовсе не въ сожалѣніи. Въ дѣйствительности и Вареоломей Григорьевичъ и жена его убѣждали Хариту выйти за Тараса Григорьевича, говорили ей, что она будетъ съ нимъ счастлива, будетъ жить самостоятельной хозяйкой въ хуторѣ возлѣ Канева, на берегу Днѣпра. но всѣ эти увѣщанія не подѣйствовали на Хариту, потому что она была влюблена въ писаря, молодого и красиваго юношу—Федора Гринченка, съ которымъ потомъ и вступила въ бракъ, но была крайне несчастлива, потому что Гринченко оказался пьяницей и негодяемъ («ледащомъ велыкымъ.»[1])

II.

Лѣтомъ 1860 г. почти всѣ ближайшіе друзья Шевченка повыѣзжали изъ столицы: кто въ деревню, кто на подгороднія дачи.

[1]) Изъ сообщенія П. Л. Крамаренка.

Прежде всѣхъ выѣхалъ изъ Петербурга Кулишъ, отправляясь за границу черезъ Полтаву, гдѣ въ честь его былъ устроенъ 9 мая въ вокзалѣ городскаго сада большой обѣдъ, привлекшій къ себѣ представителей всѣхъ сословій и всѣхъ славянскихъ національностей. На этомъ обѣдѣ во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ спичахъ господствовало имя Шевченка. Кулишъ справедливо писалъ ему тогда: «Сколько не было на этомъ пирѣ рѣчей,—во всѣхъ нихъ ваше славное и уважаемое имя произносилось такъ, какъ въ родной семьѣ вспоминаютъ своего отца, который находится далеко на чужбинѣ. Полтавцы просятъ Васъ, чтобы вы слѣдующею весною оказали вниманіе Полтавѣ своимъ посѣщеніемъ. Увѣряю васъ, что нигдѣ въ свѣтѣ не встрѣтите такихъ искреннихъ и преданныхъ вамъ поклонниковъ, какъ въ Полтавѣ. Здѣсь не только баре и барчата, но каждый грамотный человѣкъ не разстается съ вашимъ «Кобзаремъ,» какъ съ дорогимъ сокровищемъ. Скоро и книги не надо будетъ имъ,—они выучатъ всего «Кобзаря» наизустъ. Да не по «Кобзарю» ли они и Богу молятся.»

Вслѣдъ за Кулишомъ выѣхала къ роднымъ въ Костромскую губернію семья Бѣлозерскихъ; Толстые отправились въ Финляндію, а потомъ въ Западную Европу; Костомаровъ ѣздилъ сперва съ Толстыми въ Финляндію, потомъ въ Новгородъ и Псковъ; Макаровы уѣхали за границу, Новицкій на Украйну и т. д. Словомъ, Тарасъ Григорьевичъ остался въ столицѣ одинъ, въ то именно время, когда, по случаю несосто-

явшагося сватовства съ Харитой, онъ настоятельно нуждался въ дружеской поддержкѣ. Въ это-то время имъ. говоритъ Костомаровъ, овладѣла убійственная тоска, которую породило одиночество и ненормальное положеніе на высотѣ его славы, послѣ 10-лѣтняго изгнанія, разлучившаго его на столь продолжительное время со всѣмъ образованнымъ міромъ.[1])

Въ такомъ положеніи было совершенно естественно искать родную душу, способную и готовую откликнуться на зовъ души страдальца-поэта.

Въ Стрѣльнѣ возлѣ Петербурга проводили лѣто на дачѣ жена Кулиша и сестра ея, Надежда Михайловна Забѣлина, съ семьею. У послѣдней находилась въ услуженіи крѣпостная дѣвушка помѣщика Макарова, Лукерья Полусмакова, горничная сестры Макарова, помѣщицы Карташевской, которая, выѣзжая за границу, отдала Лукерью на время къ Надеждѣ Михайловнѣ.

Лукерья была украинка изъ Нѣжинскаго уѣзда, сирота, лѣтъ 20, средняго роста, круглолицая, съ карими глазами, коралловыми губами, окружавшими маленькій ротъ. Толстая темнорусая коса спускалась до пояса по широкимъ, круглымъ, словно выточеннымъ плечамъ. Станъ у Лукерьи былъ высокій, тонкій, гибкій; вся фигура изящная и стройная.

Къ этому портрету можно добавить слова такого знатока женской красоты, какимъ былъ

---

[1]) Русск. Стар., 1885 г., кн. VI, стр. 626.

Тургеневъ. Онъ повѣдалъ, что «Лукерья была существо молодое, свѣжее, нѣсколько грубое, не слишкомъ красивое, но привлекательное, съ чудесными волосами и той—не то горделивой, не то спокойной—осанкой, которая свойствена ея племени.» [1]).

Лукерья Полусмакова.

Надо сказать еще, что Карташевская, любуясь красотой своей служанки, не жалѣла расходовъ на дорогой, изящный національный костюмъ Лукерьи.

Духовно-нравственная сторона Лукерьи представлена намъ лицами, знавшими ее, въ такомъ

[1]) Кобзарь 1876 г., Воспоминанія И. С. Тургенева.

видѣ: она была умна, умѣла читать (въ то время между крѣпостными, явленіе очень рѣдкое);—по словамъ г-жи Кибальчичъ, она была хитрая, лѣнивая, неопрятная, всегда ходила съ непричесанными волосами, неумытою, съ грязною шеею, любила кокетничать и «заводить любовныя интриги съ сосѣдними лакеями.» [1])

Но въ портретѣ Лукерьи, нарисованномъ г-жею Кибальчичъ, ни одно изъ отрицательныхъ качествъ не представляется мнѣ вполнѣ достовѣрнымъ. Когда Лукерья жила въ Стрѣльнѣ у матери г-жи Кибальчичъ, послѣдней было не болѣе 4 — 5 лѣтъ, т. е. она была въ томъ возрастѣ, въ которомъ «личныя наблюденія», если и возможны, то положиться на нихъ нельзя. Правда, г-жа Кибальчичъ свои воспоминанія о Лукерьѣ и о томъ эпизодѣ въ жизни Шевченка, о которомъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь, написала со словъ матери; но мать разсказывала ей спустя уже много лѣтъ послѣ событія, а главное въ воспоминаніяхъ и матери и дочери оказываются слишкомъ крупныя погрѣшности противъ несомнѣнныхъ фактовъ да, кромѣ того, въ нихъ не замѣтно полной объективности и безпристрастія, и слышится нотка какой-то враждебности къ Лукерьѣ.

Еще болѣе несимпатиченъ духовно-моральный образъ Лукерьи, нарисованный перомъ Крапивиной (Стеф. Матв. Лободы). Образъ бывшей невѣсты Шевченка Крапивина нарисо-

[1]) Кобзарь 1876 г., Воспоминанія Тургенева, стр. VI.

вала со словъ своей сестры, которой будто-бы разсказывалъ о Лукерьѣ самъ Тарасъ Григорьевичъ *во время квартированія у нея въ Кіевѣ въ первой половинѣ августа 1859 г.* По словамъ Крапивиной, Шевченко говорилъ тогда сестрѣ ея, что онъ, «якъ чортъ въ суху вербу, былъ влюбленъ въ ту катаржну дивчину Луцьку» (Лукерію). Если мой читатель припомнитъ себѣ, что Шевченко познакомился съ Лукерьей *лѣтомъ 1860 г.*, т. е. черезъ годъ *послѣ того*, какъ, по словамъ Крапивиной, разсказывалъ уже ея сестрѣ о своемъ отношеніи къ Лукерьѣ, о существованіи которой онъ въ августѣ 1859 г. и не подозрѣвалъ, то онъ легко пойметъ, почему я съ негодованіемъ долженъ отбросить все то, что написала Крапивина въ своемъ *вымышленномъ* «Жуткомъ вечерѣ изъ жизни Шевченка» [1]). Не мѣшаетъ замѣтить и то, что по возвращеніи изъ Кіева въ 1859 г. Шевченко уже не выѣзжалъ изъ Петербурга, слѣдовательно, съ сестрою Крапивиной не могъ ни видѣться, ни тѣмъ болѣе квартировать у нея въ Кіевѣ. Такъ точно и Крапивина, начиная съ 1859 г., никуда не выѣзжала изъ Полтавы до лѣта 1862 г., пока мужъ ея не былъ переведеенъ въ Смоленскъ. По крайней мѣрѣ я, бывая весьма часто въ тѣ годы въ домѣ В В. Лободы, рѣшительно не могу припомнить ни одного случая выѣзда супруги его въ Кіевъ или куда бы то ни было.

Какъ цинизмъ, приписанный Крапивиною, Лукерьѣ, такъ и приписанную ей г-жею Кибаль-

[1]) Пчела 1878 г., № 5, стр. 66.

чичъ неопрятность и неряшливость надо рѣшительно отвергнуть. Изъ всей жизни Шевченка намъ извѣстно, что онъ былъ «чистюкъ», великій поклонникъ опрятности, особенно въ женщинѣ. Неопрятная женщина, говорилъ онъ, и цыгану не годится въ жены. Какъ же могъ бы онъ не замѣтить на головѣ, лицѣ и шеѣ Лу керьи той грязи и неряшливости, о которой повѣствуетъ г-жа Кибальчичъ? Конечно, замѣтилъ бы это и упомянулъ бы въ своихъ воспоминаніяхъ и Тургеневъ, если бы Лукерья въ самомъ дѣлѣ ходила неумытой, нечесаной и съ грязной шеей. Наконецъ, какъ согласить и то, что для такой «неряхи» Карташевская не жалѣла расходовъ на изящный и дорогой національный костюмъ?

Прискорбнѣе всего то, что г. Чалый дословно внесъ въ свою книгу характеристику Лукерьи, сдѣланную Крапивиной, не подвергая ея ни малѣйшей критикѣ, и такимъ образомъ содѣйствовалъ распространенію, говоря его словами, такой-же «нисенитныци», какъ и та, которую измыслилъ Мартосъ, и которую онъ справедливо назвалъ «безсовѣстной ложью».[1])

Такъ вотъ, посѣщая г-жу Кулишъ и ея сестру на дачѣ въ Стрѣльнѣ, Тарасъ Григорьевичъ замѣтилъ Лукерью; она ему приглянулась, и онъ рѣшилъ сватать ее и, въ случаѣ согласія ея, вступить съ ней въ бракъ.

Знакомство это случилось въ самое неблагопріятное для душевнаго состоянія Шевченка

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 171—2.

время, когда онъ, какъ я уже говорилъ, томился одиночествомъ и тоскою. Глубокая всегдашняя потребность его въ тихой семейной жизни, а изъ-за этого и неотразимое желаніе жениться «хочъ-бы на чортовій сестри», оказали свое

А. М. Кулишъ.

могущественное вліяніе при знакомствѣ его съ Лукерьей. Изстрадавшійся поэтъ хорошо сознавалъ, что

„Мынулы лита молоды,
Холоднымъ витромъ одъ надіи

Уже повіяло. Зима...
Сыды одынъ въ холоднiй хати,
Нема зъ кымъ тыхо розмовляты
А ни порадытысь.. Нема!
А никогисинько нема".

Сознавалъ онъ, горемычный, чувствовалъ и видѣлъ, что «нема зъ кымъ систы—хлиба зъiсты». Сумма всего этого, необыкновенно тяжелаго и никому изъ людей посторонних незримаго, душевнаго состоянiя не могли не привести поэта къ тому рѣшенiю, къ которому онъ и пришелъ.

Онъ встрѣтилъ дѣвушку молодую, красивую, «наймычку-крипачку», сироту, «сестру по плоти и крови», встрѣтилъ ее на томъ «распутьи», которое многихъ, подобныхъ ей, приводило и приводитъ въ бездну, изъ которой выхода уже нѣтъ!.. Одинъ мигъ и впечатлительная, гуманная, благородная душа поэта проникается порывомъ жениться на Лукерьѣ, отвратить ее отъ неминуемой гибели и прiобрѣсти себѣ въ ней хоть въ такой степени такого близкаго человѣка, съ которымъ по крайней мѣрѣ «хочъ и якъ небудь на симъ свити, а все бъ такы якось жылось». Никакого иного холоднаго анализа тутъ быть не могло: больше и глубже при такомъ душевномъ состоянiи поэтъ *не могъ* анализировать ни своего намѣренiя, ни духовно-моральнаго организма Лукерьи.

27 iюля онъ сдѣлалъ ей предложенiе,—она приняла. Это было въ Стрѣльнѣ. Въ тотъ день, по случаю именинъ Кулиша, онъ обѣдалъ у г-жи

Кулишъ и послѣ обѣда сообщилъ ей и сестрѣ ея о своемъ намѣреніи жениться на Лукерьѣ. Когда услыхала объ этомъ Надежда Михайловна, «ей показалось, что потолокъ упалъ ей на голову и придавилъ ее»; она «и обидѣлась и, не понимая, отъ горя и удивленія, вскрикнула: «Боже мой! что это вы дѣлаете, Тарасъ Григорьевичъ! Развѣ вы не знаете, что такое Лукерья?» и начала разсказывать ему, «что такое Лукерья», убѣждая его оставить свое странное намѣреніе.[1])

Г-жа Кулишъ также пришла въ великое изумленіе, «не отъ того, что Шевченко хочетъ жениться на горничной, а отъ того, что онъ избралъ себѣ въ подруги Лукерью. Поэтъ просилъ «посовѣтовать, какъ ему быть?» —и она высказалась откровенно; «высказала и хорошее и дурное, послѣдняго было больше». Когда же поэтъ спросилъ ее: не преувеличиваетъ ли она?—она отвѣчала: «нѣтъ! я не обижусь, если вы не повѣрите моимъ словамъ; я Лукерью мало знаю. Пожалуйста, провѣрьте мои наблюденія, разспросите у тѣхъ, которые знаютъ ее хорошо. Шевченко благодарилъ свою собесѣдницу за совѣтъ[2]), но, конечно, совѣты Александры и Надежды Михайловны,—быть можетъ благіе и искренніе, не могли быть приняты имъ уже потому, что въ нихъ было высказано въ неподходящей формѣ весьма рѣзкое порицаніе Лукерьѣ, чего не должна бы была допустить простая деликатность. Если дѣйствительно Лукерья была «не до пары» Тарасу Григорьевичу,

[1]) Зоря, 1862 г. № 5.
[2]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 165—167.

то надо было отвлечь его иными, деликатными гуманными путями, и сдѣлать это такъ незамѣтно, чтобы онъ, словно безъ чужого содѣйствія, самъ убѣдился, что избранница ему «не до пары».

Рѣзкое порицаніе Надежды Михайловны должно было, по свойству характера Шевченка, вызвать съ его стороны противорѣчіе и на совѣты ея онъ отвѣтилъ: «если бы мой родной отецъ всталъ изъ гроба, то я въ этомъ случаѣ и его не послушалъ бы»[1]).

Въ совѣтѣ, переполненномъ порицаніемъ Лукерьи, Тарасъ Григорьевичъ не могъ не видѣть «барской спѣси, которая мѣшаетъ взглянуть на бѣдную «крипачку», какъ на такого же человѣка, какимъ есть и она сама, гордая барыня, т. е. г-жа Забѣлина»[2]).

Предложеніе Тараса Григорьевича Лукерья, по словамъ А. М. Кулишъ, приняла холодно. Черезъ день послѣ предложенія г-жа Кулишъ поѣхала къ Тарасу Григорьевичу, предполагая, не передумалъ ли онъ. «Но нѣтъ, онъ передалъ Лукерьѣ граматку и крестъ, получивъ который, она спросила о цѣнѣ и сказала: «гдѣ-же проба?» Въ другой разъ, когда Шевченко привезъ ей букетъ полевыхъ цвѣтовъ, она черезъ нѣсколько минутъ бросила его возлѣ крыльца; Боже мой! писала г-жа Кулишъ Макарову: какъ онъ (Шевченко) ослѣпленъ! поэтъ и проза! онъ создалъ себѣ идеалъ и не хочетъ взглянуть простыми

[1]) Зоря, 1892 г., № 5.
[2]) Тамъ-же.

глазами, а намъ какъ больно за него! Лукерья спрашиваетъ: состоятельный-ли онъ? будетъ-ли онъ сочинять, когда переѣдетъ въ деревню? Онъ старый и, кажется, скупой; нѣтъ охоты идти за него. А потомъ опять разыграется у нея воображеніе: нѣтъ, пойду! на зло дѣвушкамъ Карташевскимъ пойду, чтобы они бѣсились! Ахъ! какъ грустно за Тараса Григорьевича! Скажи онъ намъ объ этомъ до отъѣзда вашего за границу, можно бы было совсѣмъ иначе помѣстить его невѣсту, устранить ее отъ всѣхъ грязныхъ работъ, подготовить ее къ этой мысли. Человѣкъ хочетъ спасти ее отъ паденія! Я говорила ему, что она вполнѣ обезпечена отъ всякой нужды, но она вѣтрена. Мы мучимся теперь, дѣлая ей замѣчанія, что то или другое не сдѣлано, что она заспана или непричесана. Тарасъ Григорьевичъ бываетъ здѣсь по воскресеньямъ, она подаетъ обѣдъ, а я изнываю все это время. Лукерья по малороссійскому обычаю ходитъ, какъ подобаетъ невѣстѣ, съ цвѣткомъ на головѣ. Она всѣмъ хвастается своимъ женихомъ.

Въ этомъ тепломъ, искреннемъ письмѣ мы видимъ въ каждомъ словѣ полную симпатію къ поэту, и хотя нѣтъ ни одного слова въ пользу его невѣсты, однако-же въ характеристикѣ послѣдней мы не замѣчаемъ, строго говоря, никакого необычайнаго, порочнаго недостатка Лукерьи. Мы видимъ ее такою, какою она и должна была быть подъ развращающимъ вліяніемъ крѣпостной неволи, невѣжества и барской псевдоцивилизаціи. Видимъ,

сверхъ того, и черты, свойственныя помолвленной дѣвушкѣ, хотя бы и барышнѣ. Какая же невѣста не интересовалась бы знать будетъ ли ея будущій супругъ продолжать заниматься сочиненіями? Вѣдь здѣсь не одно только любопытство, а есть нѣчто и выше его.

Какъ же относился самъ поэтъ къ своей избранницѣ и къ людямъ, старавшимся не допустить брака его съ Лукерьей?

Въ письмѣ его къ Варѳоломею Гр. [1]) читаемъ: «будущая жена моя называется Лукерьей; крипачка, сирота, такая же батрачка, какъ и Харита, только умнѣе, грамотна. Она землячка наша изъ-подъ Нѣжина. Здѣшніе земляки, особенно землячки, какъ услыхали, что мнѣ Богъ послалъ такое счастье (добро), такъ еще болѣе поглупѣли, кричатъ: не пара, не пара! Пускай имъ кажется, что не пара, а я хорошо знаю, что пара». Далѣе онъ проситъ: «Осенью, когда окончишь полевыя работы и окопаешь нашу будущую усадьбу, выбери на ней лучшее мѣсто и посади яблоню и грушу на память 28 іюля 1860 г.»

Варѳоломей Григорьевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, а за нимъ и г. Чалый въ своей книгѣ [2]) говорятъ, что при этомъ письмѣ поэтъ прислалъ на отдѣльномъ кусочкѣ бумаги извѣстное свое стихотвореніе—

«Посажу коло хатыны
На спомынъ дружыни

[1]) Основа 1862 г., кн. IV.
[2]) Жизнь Шевченка, стр. 169.

И яблоньку и грушечку
На спомынъ едыній»[1]),

вдохновленное будто бы ожидаемой женитьбой; причемъ онъ приписалъ: «тилько що спечене, ще й не прохололо».

Стихотвореніе по своему содержанію въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ содержанію письма и вдохновило поэта, дѣйствительно, ожиданіе исполненія его жгучаго намѣренія жениться, только не на Лукерьѣ, а вѣроятнѣе всего на Довгополенковой, потому что стихотвореніе написано задолго до знакомства съ Лукерьей, именно 19 ноября 1859 г., а 6 декабря того же года поэтъ записалъ его въ альбомъ графини Екатерины Фед. Толстой[2]).

Хотя крѣпостное право въ то время находилось уже въ послѣдней агоніи, и хотя владѣлецъ Лукерьи, Макаровъ, конечно, не препятствовалъ бы выходу ея замужъ, тѣмъ болѣе за Шевченка, но и женихъ и невѣста отправили къ нему въ Ахенъ 30 іюля письма. Тарасъ Григорьевичъ коротенькое письмо свое заключалъ словами: «возвращайтесь скорѣе къ намъ и благословите бракъ Лукерьи съ Тарасомъ, вашимъ искреннѣйшимъ другомъ, а пока что напишите». Отъ имени и со словъ Лукерьи написала А. М. Кулишъ довольно длинное письмо, прося, «если для васъ не затруднительно, то вы меня отдайте замужъ, если вы можете сдѣлать для меня такое счастье. Я, быть можетъ, не заслужила у

[1]) Кобзарь 1876 г., т. I, стр. 354.
[2]) Вѣстн. Евр. Авг. 1883 г, стр. 842.

васъ этого; но оглянитесь на мое сиротство и отдайте меня за этого человѣка, котораго вы знаете,—за Тараса Григорьевича Шевченка».

Макаровъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ. 13 августа онъ написалъ Тарасу Григорьевичу: «Благословеніе мое и лучшія желанія души моей напутствуютъ неизмѣнно всякое движеніе жизни вашей. Такъ будетъ и въ отношеніи Лукерьи. Да иначе и не можетъ быть, если на то ваша и ея добрая воля. Но прежде всего я желалъ-бы, чтобы Вы были счастливы и покойны. Вотъ почему и думаю, что когда дѣло идетъ о цѣлой жизни, то необходимо поразсудить хорошенько, посовѣтоваться всѣмъ вмѣстѣ. Въ письмѣ это дѣлать неудобно. Подождите меня—я скоро буду».—Такого же содержанія былъ отвѣтъ и Лукерьѣ [1]).

Возвращеніе Макарова предполагалось во второй половинѣ сентября, потому-то и свадьба была отложена на первые числа октября.

Между тѣмъ, мать г-жи Кибальчичъ, какъ признаетъ послѣдняя [2]), очень желала, чтобы предполагаемый бракъ не состоялся, и, не понимая характера поэта, не скрывала своего враждебнаго отношенія къ его намѣренію.

Въ первыхъ числахъ августа Тарасъ Григорьевичъ прислалъ къ ней записку, прося позволить Лукерьѣ пріѣхать къ нему, чтобы онъ могъ вмѣстѣ съ нею купить кое-что необходимое къ свадьбѣ. Надежда Михайловна отказала

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 165.
[2]) Зоря, 1892 г., № 5.

въ этой просьбѣ, «боясь отвѣтственности, которая лежала на ней, за молодую дѣвушку»[1]). Поэтъ пріѣхалъ самъ просить лично объ отпускѣ Лукерьи и, получивъ категорическій отказъ, спросилъ:

— «А если-бы мы были повѣнчаны, то отпустили-бы»?

— «Конечно! Тогда я и права не имѣла бы не отпустить».

Понятно, какое негодованіе въ душѣ поэта долженъ былъ вызвать этотъ отказъ! Не помня себя отъ гнѣва, Шевченко сѣлъ и тутъ же написалъ извѣстное стихотвореніе: «Моя ты, люба, мій ты, друже»!

Произошло это 5 августа.

Гнѣвъ Тараса Григорьевича былъ совершенно справедливъ и основателенъ. Не пустить Лукерью съ нимъ только потому, что они еще не обвѣнчаны,—не могло не оскорбить глубоко поэта! Не могъ онъ не воскликнуть:

«Не ймуть намъ виры безъ попа,
Не ймуть намъ виры безъ хреста
Рабы, невольныкы недужи:
Заснулы, мовъ свиня въ калюжи,
Въ своій неволи»...[2])

Кроткій, любящій и свободолюбивый поэтъ почувствовалъ всѣми силами своей души въ отказѣ и деспотизмъ крѣпостного права, и демо-

[1]) Тамъ-же, стр. 84.
[2]) Кобзарь, 1876 г., т. 2, стр. 242.
Заснувши въ рабствѣ, словно свинья въ лужѣ, не довѣряютъ намъ безъ клятвы предъ священникомъ и крестомъ.

рализацію «темнаго царства»; онъ видѣлъ реальную бездну, раздѣлявшую «пановъ и людей».— Охранительница дѣвичьей чистоты не поняла, что въ ея отказѣ отпустить Лукерью выразилось неуваженіе къ личности Тараса Григорьевича.

Послѣ этого Шевченко почти пересталъ ѣздить въ Стрѣльну. Онъ просилъ Надежду Михайловну освободить Лукерью отъ черной работы, дать ей особую комнату, предлагая платить за это 25 руб. въ мѣсяцъ. «Но я,—писала Надежда Михайловна Макарову,—[1]) и за сто не хочу ее имѣть и хотѣла написать вамъ еще до сватовства, чтобы разрѣшили отправить ее въ квартиру Карташевской». Въ этомъ же письмѣ читаемъ такую жалобу на Лукерью: «она завела вечерницы: мы ляжемъ спать, я велю ей ложиться, и она посидитъ немного, да и пошла... и возвращается въ 3 часа ночи, разговариваетъ, поетъ, хохочетъ съ солдатами; мы слышимъ и не можемъ выйти, потому что она это дѣлаетъ, когда у насъ кто-нибудь ночуетъ».

В. М. Бѣлозерскій въ свою очередь писалъ Макарову, что Шевченко, «хотя и сознаетъ, что ошибся, но, по самолюбію, по упрямству, по безвыходности своего положенія, не видитъ возможности сойти съ дороги, на которую ступилъ, и втайнѣ отъ самого себя желаетъ, чтобы посторонняя сила свела его съ ложнаго пути».

По мнѣнію г. Чалаго, Бѣлозерскій «вѣрно угадалъ состояніе души поэта» [2]). Я думаю про-

[1]) Жизнь Шевченка. Чалый, стр. 166.
[2]) Тамъ же.

тивное. Но если бы я на одну минуту согласился съ Бѣлозерскимъ, то я не вижу цѣлесообразности въ тѣхъ средствахъ, которыя были предприняты, для того, чтобы «свести поэта съ ложнаго пути». Я вижу полное отсутствіе той «посторонней силы», которая могла бы это сдѣлать. Если бы лица, окружающія въ то время поэта, поняли его душевное состояніе, они убѣдились бы, что предпринятыя ими средства для разстройства предположенной женитьбы не годны, не соотвѣтствуютъ психологіи поэта и діаметрально противоположны намѣченной цѣли. Если бы въ то время не отсутствовала изъ Петербурга графиня А. И. Толстая, то, вѣроятно, она и стала бы той силой, которая свела бы не *поэта*, а все дѣло съ ложнаго пути. Тутъ нужна была прежде всего гуманность, сердечность и больше всего *искренность*; этого именно и недоставало, и поэтъ чувствовалъ это. Онъ сознавалъ, что его хотятъ *принудить* отказаться отъ своего намѣренія, а онъ никакого принужденія не переносилъ и, по свойству своей благородной души, всегда оказывалъ сопротивленіе принужденію [1]).

Мы видѣли, какой задушевной искренностью преисполнены отвѣты Макарова Тарасу Григорьевичу и Лукерьѣ; а между тѣмъ г-жа Кибальчичъ приводитъ отрывокъ изъ письма, писаннаго $^{13}/_{25}$ августа къ ея матери, повидимому тѣмъ же Макаровымъ. Тамъ, въ этомъ отрывкѣ слышится

---

[1]) Зоря 1892 г., № 5, стр. 83.

мнѣ иная нота. «Боже мой! Боже мой! чему вы допустили сдѣлаться! Странно и грѣшно сказать! Но если бы Лукерья польстилась жареной курицей и отдалась лакею, то сердце мое не было такъ разбито, какъ разбилось теперь при чтеніи полученныхъ мною писемъ. Я не могу сказать, чтобы зналъ Лукерью такъ, какъ вы, но я давно разгадалъ ее... Какое скверное лѣто, какое тяжелое время!». Шевченко, конечно, объ этомъ письмѣ не зналъ, «слушался только своего сердца» и еще болѣе гнѣвался на г-жу Забѣлину. Не вѣдалъ поэтъ и о томъ, что Лукерья на вопросы Надежды Мих., «съ наивнымъ цинизмомъ призналась ей, что она не любитъ своего жениха, потому что онъ старый и гадкій; идетъ же замужъ за него потому, что, говорятъ, онъ богатый» [1]).

Въ концѣ августа Шевченко узналъ, что невѣста его простудилась и захворала. Онъ послалъ для нея черезъ Надежду Мих. кое-какія вещи, просилъ прислать ему мѣрку съ ея ноги, чтобы купить ей башмаки и спрашивалъ, лучше ли ея здоровье. По словамъ г-жи Кибальчичъ, онъ при этомъ прислалъ ей и крестъ. Она, взявши крестъ, начала тереть его и, увидѣвши, что крестъ не золотой, разсердилась, отбросила его и сказала: «Богъ знаетъ что!.. я думала золотой.» Послѣднее извѣстіе положительно не вѣрно. Мы выше видѣли, что крестъ былъ присланъ мѣсяцемъ ранѣе черезъ А. М. Кулишъ.

---

[1]) Тамъ же.

Сознавая неудобства пребыванія Лукерьи въ Стрѣльнѣ, Тарасъ Григорьевичъ, посовѣтовавшись съ А. Н. Марковичемъ, рѣшилъ до возвращенія Карташевской перевезти ее въ городъ на квартиру къ Е. И. Ивановой и написалъ Макарову, спрашивая его мнѣніе объ этомъ. Мнѣ кажется, что это было одно предположеніе; если же Лукерья и жила въ квартирѣ Ивановой, то развѣ самое короткое время. Кат. Ф. Юнге категорически говоритъ: «Лукерья никогда у моей тетки (Ивановой) не жила.»

Правда, Тарасъ Григорьевичъ умолялъ ее взять къ себѣ Лукерью; но, зная нравъ послѣдней и не предвидя добра отъ этого сватовства, она наотрѣзъ отказалась пріютить Лукерью, хотя бы на одну ночь, а помогла найти квартиру не подалеку, гдѣ она и была помѣщена» [1]).

Въ воспоминаніяхъ г. Кибальчичъ опять по поводу переѣзда Лукерьи разсказанъ совершенно небывалый фактъ, будто «Тарасъ Григорьевичъ, пріѣхавши въ Стрѣльну, сказалъ, что графиня Толстая желаетъ взять къ себѣ на житье Лукерью. Мать г-жи Кибальчичъ повѣрила этому, согласилась отпустить Лукерью, но съ условіемъ, чтобы Марковичъ лично отвезъ ее и передалъ съ рукъ на руки графинѣ. Въ назначенный день Шевченко и Марковичъ пріѣхали въ каретѣ и взяли Лукерью. Графиня Толстая яко бы приняла ее очень ласково, усадила на диванъ, угостила шеколадомъ и начала

---

[1]) Вѣст. Евр., 1883, августъ, стр. 842.

бесѣду о литературѣ. Лукерья вела себя такъ хитро, что трудно было догадаться, что она ничего въ литературѣ не понимаетъ. На другой день она приходила въ Стрѣльну и разсказывала о пріемѣ ея графиней.» [1])

Если я еще разъ скажу, что графиня Толстая съ своей семьей въ то время находилась за границей, то читатель пойметъ, что приведенную выписку изъ разсказа г-жи Кибальчичъ я сдѣлалъ единственно для характеристики правдивости «Споминокъ» г-жи Кибальчичъ.

Но Лукерья дѣйствительно была перевезена въ городъ. Помѣстивъ ее на квартирѣ, указанной Кат. Ив. Ивановою, «Шевченко посѣщалъ ее ежедневно, но никогда не оставался у нея позже 9 часовъ вечера» [2]).

Казалось дѣло близилось къ благопріятному концу, какъ воображалъ себѣ поэтъ,—свадьбѣ послѣ праздника Покрова. «Хорошо бы было,— писалъ онъ Варѳоломею Григорьевичу,—если бы сестра Ирина ранней весной переѣхала въ мою усадьбу. А между тѣмъ и я пріѣду съ женою, такъ она и намъ принесетъ пользу своими совѣтами, потому что я и жена моя, хотя выросли въ рабствѣ и работѣ, но въ простомъ сельскомъ хозяйствѣ ничего не понимаемъ... Вотъ такъ-то сложились обстоятельства! Неожиданно пріѣду къ тебѣ съ женою, сиротою и батрачкой. Сказано, чего человѣкъ хорошо ищетъ, то и найдетъ. Я теперь не сожалѣю о Харитѣ»...

---

[1]) Зоря 1892 г. № 5, стр. 84.
[2]) Вѣстн. Евр. 1883 г., августъ, стр. 842.

Къ предстоящей свадьбѣ поэтъ проситъ въ томъ-же письмѣ прислать ему десятокъ—другой сушеныхъ карасей да запеченнаго днѣпровскаго судака одного, другого, а то и третьяго. [1])

Поселивши Лукерью въ городѣ, Шевченко 6 сентября отправилъ Надеждѣ Михайловнѣ Забѣлиной записку, прося отдать паспортъ Лукерьи и принадлежащія ей вещи и благодарилъ «за материнское попеченіе о сиротѣ и за вниманіе.» Записка была написана по-русски; это былъ вѣрный признакъ того, что поэтъ недоволенъ за что-нибудь на того украинца, къ которому обращается не на родномъ языкѣ.

Прошло нѣсколько дней, едва-ли больше недѣли, со времени переселенія Полусмаковой, какъ она «прибѣжала» въ Стрѣльну и разсказала, что она разошлась съ Шевченкомъ.

О томъ, что именно послужило причиною размолвки, мы знаемъ только изъ разсказа г-жи Кибальчичъ, на отвѣтственности которой и оставляемъ достовѣрность сообщенныхъ ею свѣдѣній. Она разсказываетъ, [2]) что Тарасъ Григорьевичъ, прійдя въ квартиру своей невѣсты, засталъ комнату неубранною: на столѣ струи воды, тутъ же гребенка съ волосами и грязные чулки; постель не убрана; полъ не подметенъ. Въ гнѣвѣ онъ бросился къ своей невѣстѣ съ кулаками, крича: «я не хочу такой неряхи, мнѣ не нужно такой жены.»

---

[1]) Основа 1862 г., кн. VI, стр. 20. Правда 1875 г., стр. 968.

[2]) Зоря 1892 г., № 5, стр. 84.

—«Коли такъ, то и мнѣ не надо такого мужа! Старый и гадкій»,—отвѣчала невѣста и выбѣжала изъ комнаты.

Такъ разсказала матери г-жи Кибальчичъ Лукерья. Когда-же она разспрашивала Шевченка, онъ ничего не отвѣчалъ, только повторялъ: «гадость, гадость!» По предположенію г-жи Кибальчичъ, поэта обидѣли слова: «старый и гадкій», и онъ теперь только понялъ, что Лукерья не любитъ его, а выходитъ за него только по разсчету. «Искренняя душа повѣрила ея лукавой душѣ и обманулась. Вотъ и все. Просто, ясно и трагично»,—заключаетъ г-жа Кибальчичъ.[1]) Дѣйствительно, трагично; но не такъ оно ясно и просто, какъ кажется г-жѣ Кибальчичъ. Въ душѣ поэта, безъ сомнѣнія, совершалась великая драма. Нужна же была и соотвѣтственная причина. Чтобы за одну лишь неряшливость Тарасъ Григорьевичъ «бросился съ кулаками», этому невозможно повѣрить.

Есть прекрасное стихотвореніе Шевченка, написанное 14-го сентября (посвященное владѣльцу Лукерьи — Макарову) — едва-ли не въ тотъ день, когда произошла размолвка съ Лукерьей:

„Барвинокъ цвивъ й зеленивъ,
Слався, розстылався,
Та недоцвитъ передъ свитомъ
Въ садочокъ укравcя;
Потоптавъ веселі квиты,

[1]) Зоря 1892 г., № 6.

Побывъ, поморозывъ...
Шкода того барвиночка...“[1])

Кого поэтъ разумѣлъ подъ барвиночкомъ, угадать не трудно. А кто «недоцвитъ?» Я думаю всѣ тѣ, кто такъ неосторожно—прямо или косвенно—противодѣйствовали женитьбѣ поэта. «Недоцвитъ» —это тѣ слухи, тѣ сплетни, тѣ толки — «не до пары, не до пары»,—которые наполняли тогда воздухъ, окружавшій поэта. Сумма ихъ и привела къ тому, что достаточно было небольшой искры, чтобы въ душѣ поэта произошелъ большой взрывъ.

«Странное что-то творится со мною, писалъ поэтъ 18 сентября: «души моей я не жалѣлъ для Лукерьи, а теперь жаль для нея нитки»[2]).

Друзья поэта опять не поняли того, что творится въ наболѣвшемъ сердцѣ, въ измученной душѣ Тараса Григорьевича; они не поняли своей обязанности успокоить или хоть не дотрогиваться до больного мѣста. Женское любопытство зашло такъ далеко, что г. Забѣлина, мать г-жи Кибальчичъ, пригласила поэта къ себѣ, чтобы разспросить о причинѣ размолвки... Шевченко согласился, но съ условіемъ, чтобы при этомъ была Лукерья и Марковичъ.

Пріѣхавши по приглашенію, онъ, молча, поклономъ привѣтствовалъ собравшихся и, молча,

[1]) Кобзарь 1876 г., т. 1, стр. 263. „Барвинокъ цвѣлъ, зеленѣлъ, разстилался ; на зарѣ воровски забрался въ садъ, „*недоцвитъ*“ истопталъ, побилъ, поморозилъ зеленые цвѣтки. Какъ жаль этого барвиночка“.

[2]) Кіев. Стар. 1885 г., кн. 2, стр. 133.

мрачный ходилъ по комнатѣ. Потомъ, спросивъ, здѣсь ли Лукерья, сказалъ: «пусть войдетъ».

Когда она вошла, Тарасъ Григорьевичъ положилъ ей на плечо руку и глухимъ голосомъ спросилъ: «Скажи правду, обращался ли я съ тобой когда-нибудь свободно?»

—«Нѣтъ»,—тихо отвѣтила Лукерья.

—«Можетъ быть, сказалъ когда-нибудь какое-либо неприличное слово?»

—«Нѣтъ».

Тарасъ Григорьевичъ, по словамъ г-жи Кибальчичъ, сдѣлался страшно лютъ, поднялъ вверхъ руки, затопалъ ногами и крикнулъ: «такъ прочь же ты отъ меня, а то я задушу тебя! возврати все! все возврати до нитки... старыхъ башмаковъ не оставлю тебѣ».

Всѣ сидѣли, молча, пораженные этой сценой. Шевченко молча прошелся по комнатѣ, молча подалъ руку и ушелъ, не произнеся ни слова»[1]). Нельзя и теперь не удивляться, что лица, пригласившія Шевченка, были такъ не дальновидны, что не сообразили того, что иной сцены и быть не могло.

Очевидно, любопытство взяло верхъ и не пощадило больной, впечатлительной души поэта.

Шевченко, какъ видимъ, о причинѣ размолвки не сказалъ ни слова и краткими категорическими вопросами Лукерьѣ далъ понять присутствующимъ, что отпускать съ нимъ Лу-

---

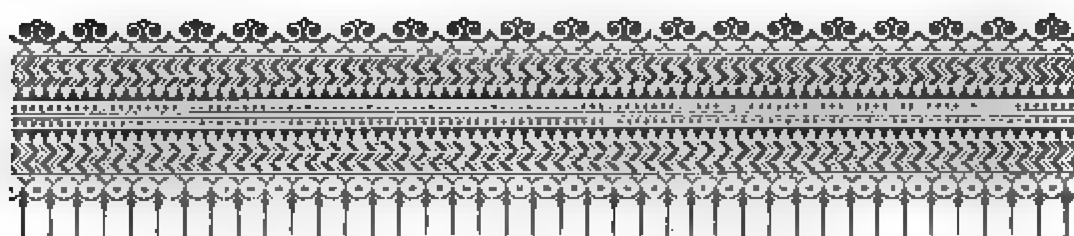
[1]) Зоря, 1892 г., № 5.

керью можно было безопасно, хотя они и не были повѣнчаны.

Мнѣ кажется, и на этотъ разъ его не поняли....

О другихъ рефлексахъ этого неудачнаго сватовства мы скажемъ ниже.

Т. Г. Шевченко въ послѣднее время своей жизни.

(7 сентября 1859 г. — 26 февраля 1861 г.)

I.

Заботы Тараса Григорьевича по возвращеніи его 7 сентября 1859 г. изъ поѣздки на родину, хотя и сосредоточились главнымъ образомъ на двухъ его намѣреніяхъ личнаго характера — поселиться возлѣ Днѣпра и жениться, но они не настолько поглотили его, чтобы онъ забылъ о всемъ остальномъ. То, за что онъ всю жизнь страдалъ, то, что «въ Сибирь его водыло», то и теперь при заботахъ личныхъ, не забывалось имъ, стояло у него передъ глазами, грызло ему сердце и понуждало къ труду и заботѣ о дѣлахъ общественныхъ, о судьбѣ своихъ родныхъ братьевъ и сестеръ, которые, не смотря уже на полную агонію крѣпостного права, все еще «на панщыни пшеныцю жалы».

Мы знаемъ, что для себя лично онъ желалъ столь мало, что меньше и желать нельзя:

„Одну хатыночку въ гаю,
Да дви тополи биля неи,
Та безталанную мою,
Мою Оксаночку“.

Но его идеалъ общественный и исходившія изъ него желанія были такъ широки и глубоки, что ихъ можно назвать всеобъемлющими. Онъ сказалъ намъ [1]) выше, что, не смотря на перенесенныя имъ испытанія, идеала его не перемѣнила киргизская степь; и послѣ нея онъ остался тотъ же, каковъ былъ и до нея, только кое-что «сдѣлалось яснѣе, округлилось, набралось болѣе естественной мѣры и формы».

Однимъ изъ давнихъ и завѣтныхъ желаній его было изданіе періодическаго журнала на родномъ языкѣ. Начало этому онъ положилъ въ 1844 г. своею «Живописною Украиною», хоть и не вполнѣ такъ, какъ онъ того желалъ. Въ собраніяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства онъ энергично настаивалъ на изданіи журнала. Возвратясь изъ ссылки, онъ въ письмѣ 5 декабря 1857 г. высказалъ Кулишу горячее желаніе, чтобы его «Записки о Южной Руси» сдѣлались изданіемъ періодическимъ. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе среди всѣхъ проживавшихъ тогда въ Петербургѣ земляковъ Шевченка, какъ Костомаровъ, Кулишъ, Бѣлозерскій, Макаровъ, Каменецкій, Черненко и др.—По пріѣздѣ Шев-

[1]) Кобзарь, т. III, стр. 21—2.

ченка въ Петербургъ, они энергично взялись за это дѣло. Сперва предполагалось, чтобы отвѣтственнымъ редакторомъ изданія былъ Александръ Яковлевичъ Макаровъ, но впослѣдствіи всѣ остановились на Кулишѣ. Журналъ предполагали назвать «Хатою».—Къ участію въ изданіи Шевченко приглашалъ своего стараго искренняго друга Кухаренка и 17-го генваря 1859 г. писалъ къ нему:[1] «здѣсь складывается «Хата»; если есть у тебя какое-либо хорошее дерево на стропила или на «сволокъ», то присылай на имя П. А. Кулиша».

Само собою разумѣется, на періодическое изданіе нужно было получить разрѣшеніе правительственной власти. Кулишъ 25-го октября 1859 г. подалъ объ этомъ просьбу; но шефъ жандармовъ 8-го декабря отклонилъ ее. Послѣ этого ужъ въ 1860 г. возникло и достигло цѣли новое ходатайство объ изданіи «Основы», замѣнившей «Хату», подъ редакціей В. М. Бѣлозерскаго.

Съ другой стороны, житейскія потребности, предположенная покупка земли, женитьба заставили Шевченка заботиться о деньгахъ, которыхъ, какъ извѣстно, у него не водилось.

И мы видимъ Шевченка въ теченіе всѣхъ 10 мѣсяцевъ, по возвращеніи изъ Украины до окончанія сватовства къ Довгополенковой, постоянно за литературною или художественною работою.

---

[1]) Зоря, 1894 г., № 5.

Онъ надѣялся, и совершенно основательно, что изданіе «Кобзаря» — принесетъ ему деньги и въ то же время удовлетворитъ насущной общественной потребности. Приготовлять свои произведенія къ печати онъ, какъ мы уже видѣли, началъ еще въ Нижнемъ-Новгородѣ, а пріѣхавши въ Петербургъ, поручилъ Каменецкому хлопотать о разрѣшеніи въ цензурѣ [1]). Но тутъ встрѣтилось два препятствія. На сочиненіяхъ Шевченка тяготѣло veto, наложенное еще въ 1847 г. [2]); во-вторыхъ, у автора не было собственныхъ средствъ на изданіе, а книгопродавецъ Кожанчиковъ, хотя и готовъ былъ принять на себя изданіе, но автору предлагалъ ничтожный гонораръ и при томъ не ранѣе полученія цензурнаго разрѣшенія Тарасъ Григорьевичъ хорошо понималъ книгопродавческое выжиманіе авторовъ и остерегалъ отъ него и свою пріятельницу М. А Марковичъ: «Серденько мое, — писалъ онъ ей въ Дрезденъ 25 мая 1859 г.[3]), — не посылайте ничего книгопродавцамъ, пока васъ бѣда не прикрутила, потому что они не видятъ, а носомъ чуютъ гдѣ «злыдни».

Теперь, обезпеченный обѣщаніемъ Симиренка помочь изданію «Кобзаря»[4]), Шевченко принялся энергически хлопотать о цензурномъ дозволеніи. Получить разрѣшеніе было не легко, особенно при существованіи царившаго въ то

[1]) Кобзарь, т Ш, ст. 193.
[2]) См Дневникъ Никитенко.
[3]) Правда, 1875 г., стр. 574.
[4]) Кіевск. Стар., 1889 г., кн. 3.

время надъ цензурою секретнаго комитета [5]), покаравшаго, напр., цензора Ярославцева за то, что онъ въ «Русскомъ Словѣ» пропустилъ невиннѣйшую фразу о Гоголѣ. Послѣ двухмѣсячнаго напраснаго «хожденія» Шевченка и его пріятелей, поэтъ наконецъ обратился съ просьбой непосредственно къ главному начальнику цензуры—къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому. Разрѣшеніе было дано; хотя цензоръ Бекетовъ, вслѣдствіе недостаточнаго знанія украинскаго языка, жестоко покрестилъ «Кобзаря», особенно «Катерыну», позачеркивавши въ поэмѣ совершенно невинныя мѣста, разрѣшенныя впослѣдствіи даже провинціальною цензурою, всегда болѣе строгою, нежели столичная.

Оставалось теперь добыть деньги на изданіе. Въ числѣ горячихъ поклонниковъ музы Шевченка были очень богатые помѣщики: Галаганъ, Тарновскій, Сошальскій и мн. др. Каждый изъ нихъ въ состояніи былъ не чувствительно для своего кармана дать деньги, необходимыя для изданія «Кобзаря», но никто изъ нихъ этого не сдѣлалъ и, если бы не помогъ П. Ф. Симиренко, то изданіе не минуло бы ежовыхъ книгопродавческихъ рукавицъ.

Шевченко 29 ноября, въ день цензурнаго разрѣшенія, писалъ управляющему Симиренка, знакомому уже намъ Хропалю: «Сегодня цензура выпустила мои безталанныя думы, но такъ покрестила ихъ, что я едва узналъ своихъ дѣтей.

[5]) Дневникъ Никитенка.

А издатель и половины не даетъ мнѣ того, сколько я прошу и сколько мнѣ настоятельно нужно. Поэтому я къ вамъ и къ Платону Ѳедоровичу: вышлите мнѣ 1100 руб., а я къ новому году вышлю вамъ соотвѣтственное количество экземпляровъ книги, или черезъ годъ возвращу деньги съ небольшимъ процентомъ»[1]). Симиренко немедленно удовлетворилъ просьбу поэта и писалъ къ нему. «Большое спасибо вамъ за ваше письмо, а еще больше за то, что вы не забыли насъ и обратились къ намъ по дѣлу изданія вашихъ пѣсенъ. Всѣ мы часто вспоминаемъ о васъ. Мы съ вами мало знакомы. Кое о чемъ хотѣлось поговорить съ вами, да не было случая. Вы своими поэтическими разсказами такъ увлекали меня, что я все забывалъ. Богъ дастъ увидимся и поговоримъ *по правдѣ:* отчего вы написали ко мнѣ на одномъ языкѣ, а Алексѣю Ивановичу на другомъ? Если васъ не утомитъ такая нелитературная переписка, какъ моя, то я просилъ бы васъ написать когда нибудь ко мнѣ».

Къ намъ не дошло ни одно изъ писемъ поэта къ Симиренку; знаемъ только изъ письма поэта отъ 12 генваря къ Варѳоломею Шевченку, что онъ писалъ къ Симиренку о чемъ-то, по всей вѣроятности, прося взять къ себѣ на службу Варѳоломея.

«Кобзарь» вышелъ въ началѣ генваря. Авторъ его послалъ съ своей надписью по экзем-

[1]) Кіев. Стар. 1889, кн. II, стр. 464.

пляру, между прочимъ, Катенину, Козачковскому, Максимовичу и чрезъ Варѳоломея—Симиренку и Хропалю. Катенинъ горячо благодарилъ поэта: «Спасибо вамъ, милый,—писалъ онъ ему между прочимъ,—что пожаловали меня такимъ хорошимъ словомъ. Живите съ миромъ многая лѣта и возвышеннымъ настроеніемъ вашихъ поэтическихъ пѣсенъ, исполненныхъ живыхъ красотъ, драматизма и сознанія человѣческаго достоинства, будите въ насъ стремленіе къ Добру и Правдѣ».

Козачковскій еще живѣе благодарилъ за «Кобзаря», въ которомъ справедливо видѣлъ «ненаглядно-прекрасное, безъискусственное изображеніе природы и глубокій анализъ человѣческаго сердца». «Еще разъ,—заключилъ онъ свое письмо,—благодарю, батьку, за подарокъ, дорогой для меня, кромѣ абсолютныхъ достоинствъ, и по воспоминаніямъ о тѣхъ октябрскихъ вечерахъ, которые такъ часто, живо и свѣтло припоминаются и подъ часъ такъ грустно нашептываютъ:

„Молодее лыхо, якъ бы ты вернулось,—
Проминявъ бы долю, що маю теперъ...“

Старикъ Максимовичъ благодарилъ поэта какъ-то холодно и при этомъ извѣстилъ, что Богъ даровалъ ему первороднаго сына Алексѣя.

Симиренко же, увидѣвъ на оберткѣ «Кобзаря» — «Коштомъ Платона Симиренка», очень разсердился на поэта за оглашеніе имени издателя. Давая деньги на изданіе, онъ, по словамъ г. Чалаго, не хотѣлъ, чтобы вѣдала лѣвая то, что

дѣлаетъ правая, и болѣе къ поэту не отзывался. О неудовольствіи Симиренка писалъ поэту и Варѳоломей Григорьевичъ; поэтъ отвѣчалъ на это нежелательное недоразумѣніе: «пускай себѣ сердится, если у него такая сердитая натура».

Симиренко въ дѣйствительности былъ человѣкъ столько же добрый, сколько и скромный, врагъ всякой рекламы; но, правду сказать, у него не было основанія гнѣваться на поэта; если въ этой нескромности былъ кто-либо виноватъ, то не онъ, а тѣ люди, которые, зная скромность Симиренка, не предупредили поэта при посылкѣ денегъ, чтобы тотъ на «Кобзарѣ» не публиковалъ имени издателя.

II.

Ожидаемое разрѣшеніе «Основы», а еще болѣе ожидаемое паденіе крѣпостного права и крайняя очевидная потребность народнаго образованія настоятельно призывали петербургскихъ украинцевъ сгруппироваться для общественной работы. Въ ожиданіи разрѣшенія на изданіе журнала, нужно было заблаговременно позаботиться о составѣ редакціи, о приглашеніи сотрудниковъ, о приготовленіи матеріала для журнала. На Украинѣ вездѣ возникали воскресныя школы, для которыхъ нужны были подходящія книги на народномъ языкѣ... Все это и другія культурныя работы требовали подходящей организаціи. Такимъ-то образомъ подъ конецъ 1859 г. и возникла въ Петербургѣ украинская «громада», по примѣру организованной въ 1858 г.

Д. П. Пильчиковымъ «громады» въ Полтавѣ. Петербургская украинская «громада», какъ и Полтавская, преслѣдовала національно-просвѣтительныя цѣли; собиралась она еженедѣльно въ квартирѣ инженера Ѳ. И. Черненка. На челѣ всѣхъ громадскихъ работъ стояло развитіе украинскаго слова. На собраніяхъ громады Шевченко и Костомаровъ были постоянными посѣтителями. Шевченко энергичнѣе другихъ трудился, какъ увидимъ ниже, и въ дѣлѣ изданія книгъ для народа. На собраніяхъ «громады» онъ читалъ свои произведенія. Все это, не говоря уже о массѣ художественныхъ работъ его того времени, такъ поглощало его время, что у него не рѣдко недоставало свободной минуты на письма къ пріятелямъ.

Со времени возвращенія въ Петербургъ, онъ почти ни съ кѣмъ, кромѣ Варѳоломея Шевченка, не переписывался: короткое письмо къ Кухаренку, нѣсколько такихъ же писемъ къ Тарновскимъ да коротенькая записочка къ Е. П. Ковалевскому—вотъ почти вся его переписка за это время. Поздравляя Ковалевскаго съ днемъ Ангела, поэтъ нашъ добавилъ: «легче верблюду въ ушко иголки пройти, нежели доброму художнику среди дня бросить свою мастерскую»[1]).

Когда на собраніи «громады» не было реальной работы, Тарасъ Григорьевичъ пѣлъ и очень часто спорилъ съ Костомаровымъ. Спорили они горячо, страстно; но никогда не ссори-

[1]) Русск. Стар. 1884, т. 42. стр. 402.

лись. Искренно любя и глубоко уважая Шевченка, какъ поэта и какъ человѣка, Николай Ивановичъ любилъ иногда подтрунить надъ нимъ, но дѣлалъ это такъ нѣжно и ласково, что поэтъ никогда не гнѣвался. Въ характерахъ историка - художника и поэта - художника было много общаго—воспріимчивость, живость, большой талантъ, глубокое поэтическое чувство, любовь къ родному краю и всему прекрасному и отвращеніе отъ всякой фальши [1]).

Кромѣ громады, поэтъ въ зиму 1859—60 г. удосуживался посѣщать вечера въ домѣ В. М. Бѣлозерскаго, графовъ Толстыхъ, Н. И. Костомарова и др. Бывая у Бѣлозерскихъ, онъ оживлялъ общество своей простой, сердечной бесѣдой, своими страстными спорами, своимъ прекраснымъ пѣніемъ. Н. А. Бѣлозерская говоритъ, что въ бесѣдѣ его все было обдумано; говорилъ онъ хорошо, талантливо; видно было, что онъ много читалъ Шекспира и Байрона; часто говорилъ цитатами изъ нихъ.

Въ семействѣ гр. Ф. П. Толстого, съ которымъ поэтъ познакомилъ и своего друга Костомарова, оба они были постоянными гостьми. Здѣсь они встрѣчали и Пасху 1860 г.—послѣднюю въ жизни Тараса Григорьевича. За чашкой кофе они, по обыкновенію, заспорили по вопросу, въ которомъ высказывалась разница ихъ взглядовъ. Въ живомъ нападеніи одного и въ ласковомъ подтруниваніи другого просвѣчи-

[1]) Тамъ же, 1887, кн. 3, стр. 60.

вались ихъ взаимное довѣріе и дружба. Споръ такъ затянулся, что взошла зоря, и «всѣ мы,— говоритъ Е. Ф. Юнге, — отправились смотрѣть восходъ солнца на набережной; шли, весело болтая и не думая, что никогда уже не встрѣтимъ свѣтлаго праздника вмѣстѣ»[1]).

II

Возвратимся немного назадъ.

Изъ стихотворенія «Осіи глава XIV»[2]), написаннаго поэтомъ 25 декабря 1859, нельзя не заключить, что въ послѣдніе дни года онъ находился то въ угнетенномъ, то въ раздраженномъ, то въ возбужденномъ состояніи духа. Въ такое состояніе повергала его скорбь о безправномъ народѣ и медлительности въ освобожденіи его отъ рабства:

.... „Вкраино!
Мій краю любый, неповынный!
За що тебе Господь кара,
Карае тяжко?

—раздается стономъ изъ груди поэта этотъ вопросъ. Но поэтъ убѣждается, что падутъ оковы крѣпостного рабства... И онъ взываетъ:

„Воскресны, мамо! и верныся
Въ свитлыцю-хату, опочый;
Бо ты ажъ надто вже втомылась,
Грихы сыновни несучы„.

Поэтъ убѣжденъ и убѣждаетъ другихъ, что

„Правде ожыве,
Натхне, наклыче, нажене

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1883 г., августъ, стр. 841.
[2]) Кобзарь, т. II, стр. 236.

Не ветхее, не древне слово
Розтлиннее.. . а слово нове
Мижъ людьмы крыкомъ пронесе
И людъ окраденый спасе".

Рѣзкіе переходы души поэта отъ ненависти и проклятія къ всепрощенію и любви, отъ мрачнаго отчаянія къ свѣтлой надеждѣ, будутъ для насъ совершенно понятны, если вспомнимъ, что, прострадавъ цѣлую жизнь, онъ не выстрадалъ до сихъ поръ освобожденія даже своимъ роднымъ братьямъ и сестрамъ.

Отсюда понятна его скорбь и желаніе скорѣе освободить изъ неволи своихъ родныхъ. Но какимъ образомъ достичь этого?

Въ то время издавалъ въ Петербугѣ «Народное Чтеніе» землякъ и хорошій знакомый Шевченка, помѣщикъ Гадячскаго уѣзда, А. Д. Оболонскій. Придумали обратиться къ помощи печатнаго слова, къ зарождавшейся тогда у насъ гласности, къ которой общество было очень чутко.

Во 2 кн. «Народнаго Чтенія» явилась въ формѣ письма къ редактору коротенькая автобіографія поэта. «И что же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть? — спрашивалъ поэтъ въ заключеніе своего письма.—Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно! оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ было тяжко вспоминать въ этомъ письмѣ, до сихъ поръ крѣпостные. Да, М. Г., они крѣпостные до сихъ поръ».

Письмо это сдѣлалось своего рода набатомъ; его услыхали лучшіе люди въ столицѣ и въ провинціи; но онъ не донесся на родину поэта до ушей владѣльца его братьевъ и сестеръ помѣщика Флерковскаго. Къ нему нужно было обратиться особо съ письмомъ; но отъ кого? чей авторитетный голосъ могъ разбудить въ душѣ Флерковскаго чувство простой человѣческой гуманности и справедливости? Выборъ палъ на возникшее недавно «Общество для содѣйствія Русскимъ литераторамъ и ученнымъ». И. С. Тургеневъ, какъ членъ комитета Общества, взялся войти въ комитетъ съ особымъ предложеніемъ о судьбѣ родныхъ поэта, о которыхъ надо было собрать подробныя свѣдѣнія и добыть точный адресъ Флерковскаго. Напиши мнѣ скорѣе,—писалъ 18 февраля Тарасъ Григорьевичъ къ Варѳоломею,—адресъ Жаботинскаго и Кириловскаго пана. Какъ его зовутъ? Что онъ такое? Напиши имена сыновей, братьевъ Никиты и Осипа и сестры Ирины. Женщины и дѣвушки уже не «панщане», о мужчинахъ и о землѣ еще ничего не слыхать» [1]).

Комитетъ литературнаго Общества въ засѣданіи 21 марта, въ которомъ подъ предсѣдательствомъ Е. П. Ковалевскаго учавствовали: Тургеневъ, Галаховъ, Дружининъ, Дудышкинъ, Заблоцкій, Краевскій и Чернышевскій—постановилъ обратиться къ Флерковскому съ просьбой отъ имени всѣхъ членовъ комитета, чтобы

[1]) Правда 1875 г., стр. 929 и Основа 1862 г., кн. V, стр. 12.

онъ освободилъ родственниковъ Шевченка «изъ уваженія къ литературѣ вообще, и въ частности къ заслугамъ Тараса Григорьевича, пріобрѣвшаго видное мѣсто въ современной литературѣ». [1]) Между тѣмъ, отъ Варѳоломея не приходилъ отвѣтъ. Тараса Григорьевича, очевидно, безпокоила эта медленность. 23 марта онъ пишетъ къ нему: «Отчего ты молчишь, словно онѣмѣлъ? Работа моя надъ освобожденіемъ ихъ (братьевъ) «ажъ шкварчыть», а ты молчишь, ни слова. Если будутъ спрашивать Осипа, на чьей онъ землѣ, пусть говоритъ, что на своей. За землю положена какая-то плата, поэтому сестрѣ придется платить впослѣдствіи, а Осипу теперь отдадутъ безплатно». [2]).

Съ какимъ нетерпѣніемъ относился поэтъ къ свободѣ и добру своихъ родныхъ, видимъ еще изъ того, что, спустя четыре дня послѣ приведеннаго письма, онъ вновь пишетъ Варѳоломею Григорьевичу, прося его поѣхать въ Кириловку и сказать братьямъ и сестрѣ, чтобы они не спѣшили на свободу безъ земли, пусть лучше обождутъ. [3]).

Предупрежденія эти имѣли свое значеніе и принесли Шевченкамъ пользу.

Комитетъ Общества литераторовъ и ученыхъ отправилъ Флерковскому письмо и между прочимъ писалъ: «уважаемый и любимый сочленъ нашего общества, извѣстный всей Россіи

---

[1]) Кіевск. Стар. 1890 г. кн. 2, стр. 335.
[2]) Правда 1875 г., стр. 930 и Основа 1862 г., кн. 5, стр. 13.
[3]) Тамъ же.

поэтъ, Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, имѣетъ между крѣпостными вашими крестьянами въ селѣ Кириловкѣ двухъ родныхъ братьевъ Никиту и Іосифа и сестру Ирину. Онъ очень желаетъ, чтобы они получили свободу и горюетъ въ разлукѣ съ ними. Не откажите великодушно исполнить это горячее желаніе Тараса Григорьевича и отпустите его братьевъ и сестру на волю. Хотя онъ и знаетъ, что въ скоромъ времени, съ прекращеніемъ крѣпостного состоянія, они получатъ свободу, но такъ тоскуетъ по нихъ, что готовъ даже, если вы потребуете, внести за нихъ выкупъ, лишь бы только скорѣе имѣть ихъ при себѣ.»[1])

Флерковскій не очень торопился съ отвѣтомъ. Едва 19-го мая онъ отвѣтилъ о своей готовности исполнить желаніе комитета; но готовность эта заключалась въ предоставленіи Шевченкамъ свободы безъ земли. Онъ требовалъ, чтобы они немедленно оставили Кириловку. Само собою разумѣется, что Шевченки отъ такой свободы отказались, будучи предупреждены, что лучше подождать общаго освобожденія.

Флерковскій и объ этомъ увѣдомилъ 16-го іюня комитетъ. Отвѣты его, особенно первый, посланные довольно поздно, получены тогда, когда комитетъ уже потерялъ, повидимому, надежду получить ихъ непосредственно. Поэтому, узнавши, что Н. Д. Новицкій[2]) отправляется на службу въ Елисаветградъ и по дорогѣ можетъ заѣхать въ

[1]) Кіевск. Стар. 1890 г., кн. 2, стр. 336.
[2]) Нынѣ командиръ 12 армейскаго корпуса.

Жаботинъ къ Флерковскому, комитетъ уполномочилъ его 16-го мая узнать отъ послѣдняго лично: можетъ ли онъ исполнить желаніе комитета и на какихъ условіяхъ? [1]) Новицкій поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ поэта и приглашалъ его въ то же время отправиться вмѣстѣ, если онъ не перемѣнилъ желаніе, на дачу къ Н. Г. Чернышевскому. [2])

Отъѣздъ Н. Д. Новицкаго изъ Петербурга замедлился до первыхъ чиселъ іюля. Въ это время онъ довольно часто видѣлся съ поэтомъ, и о чемъ бы ни зашелъ у нихъ разговоръ, «всякій разъ въ концѣ концовъ Тарасъ Григорьевичъ сводилъ рѣчь на родныхъ и предстоящую поѣздку г. Новицкаго на Украину и оканчивалъ просьбой похлопотать у Флерковскаго за его родныхъ».

Припомнимъ себѣ изъ предшествовавшей главы, что въ это же время пришло къ Тарасу Григорьевичу рѣшительное извѣстіе отъ Варѳоломея Григорьевича объ отказѣ Довгополенковой.

Наканунѣ выѣзда изъ Петербурга Николай Дементьевичъ Новицкій, зайдя прощаться къ поэту, провелъ у него съ 3-хъ часовъ дня до полуночи. Поэтъ все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, и такимъ говорливымъ Новицкій ни разу не видалъ его прежде. Онъ показывалъ свои гравюрные опыты, свой портретъ, имъ самимъ сдѣланный, ходилъ съ нимъ по академическимъ заламъ, подолгу останавли-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1889 г., кн. 3, стр. 750.

[2]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 174.

вался предъ извѣстными картинами, особенно предъ картиною Иванова «Явленіе Христа народу» и Брюлова «Осада Пскова». Первая восхищала его деталями, но въ цѣломъ онъ не былъ ею доволенъ. «Осаду Пскова» находилъ неоконченною, во многомъ слабою; но хвалилъ ее и съ любовью смотрѣлъ на нее, вспоминая творца ея, своего дорогого учителя и друга. «А погляди на это, говорилъ онъ, указывая на сцену, изображавшую русскихъ и поляковъ, со святыми крестами и хоругвями идущими на бой; сколько тутъ мысли! Во имя и во славу Христа тѣ и другіе идутъ истреблять другъ друга! Страхъ и ужасъ беретъ, когда подумаешь, сколько слезъ и крови пролито «во имя Христа»...

Читалъ онъ тогда Новицкому и нѣкоторыя свои произведенія, которыя тогда только создавались (намъ извѣстно только одно стихотвореніе, написанное Шевченкомъ въ іюлѣ 1860 г.: «Зъ передъ свита до вечира». Кобзарь, 1876 г., т. II, стр. 361). «Произведенія тѣ крайне не разборчиво были набросаны на лоскуткахъ бумаги, а то и прямо на стѣнахъ его квартиры-кельи. Это, говорилъ онъ, такъ себѣ,—сижу, малюю, да что въ голову прійдетъ, то и запишу, на чемъ попало.

Прощаясь съ г. Новицкимъ (они видѣлись тогда—увы! въ послѣдній разъ), Тарасъ Григоревичъ повторилъ просьбу похлопотать о братьяхъ и сестрѣ Иринѣ и, проговоривши съ судорожнымъ воплемъ: «Ирино, Ирино!» упалъ на убогій диванчикъ и зарыдалъ истерически [1]).

[1]) Кіевск. Стар. 1889 г, кн. 3, стр. 732.

Н. Д. Новицкій по пріѣздѣ на Украину видѣлся сперва съ В. Г. Шевченкомъ, а потомъ съ Флерковскимъ; но, кажется, еще до пріѣзда его послѣдній заключилъ съ Шевченками 10-го іюля условіе о представленіи имъ въ числѣ 11 душъ свободы. Хотя Флерковскій и принялъ на себя уплату причитающагося на нихъ своего долга банку 900 р., но договоръ былъ не выгоденъ для Шевченковъ, потому что они освобождались безъ земли. Тарасъ Григорьевичъ, получивши отъ Флерковскаго копію договора,— благодарилъ его; но благодарность эта была не болѣе, какъ простая вѣжливость. Въ дѣйствительности онъ былъ очень недоволенъ на братьевъ за принятіе того договора и писалъ Варѳоломею Григорьевичу: «когда увидишь Никиту, скажи, что онъ — *дурень;* ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, сдѣлалъ чортъ знаетъ что. Посовѣтуй имъ скорѣе приписаться къ мѣщанскимъ обществамъ: одному въ Звенигородкѣ, другому въ Черкасахъ, а Иринѣ въ Каневѣ. Такъ мнѣ тутъ совѣтуютъ»

Впослѣдствіи, уже послѣ смерти поэта, когда было объявлено Положеніе 19-го февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ, Шевченки убѣдились въ своей поспѣшности. Къ счастью, договоръ ихъ съ Флерковскимъ не успѣлъ получить законной силы и при введеніи уставныхъ грамотъ былъ отмѣненъ, и они получили земельный надѣлъ наравнѣ съ своими односельчанами.

IV.

Огорченіе, причиненное Тарасу Григорьевичу окончательнымъ разрывомъ съ Лукерьею, продолжалось долго еще и послѣ тяжелой сцены, происшедшей при послѣднемъ ихъ свиданіи. Въ иные дни оно смягчалось надеждой переселиться на берегъ Днѣпра. Тамъ. мечталъ себѣ поэтъ:

„Поставлю хату и кимнату,
Садокъ—райочокъ посажу,
Посыжу я и похожу
Въ своій маленькій благодати,
Та въ одыни-самотыни
Въ садочку буду спочываты".

Въ этомъ стихотвореніи, вылитомъ изъ сердца на бумагу 24 сентября, намъ слышится и скорбь поэта о томъ счастьи, которое онъ еще такъ недавно надѣялся найти въ «своій маленькій благодати»; и какая-то надежда на лучшее:

„Прысняться диточкы мини,
Веселая прысныться маты,
Давне колышній та ясный
Прысныться сонъ мини. И ты...
Ни, я не буду спочываты,
Бо й ты прысныся"...

Поэтъ не хочетъ *ее* видѣть, онъ боится, что *она* «у маленькій его рай», подкравшись втихомолку, принесетъ горе и зажжетъ его одиночный рай.

Обиженное, оскорбленное сердце поэта естественно вознегодовало и вознегодовало, какъ

говоритъ Микѣшинъ, вообще противъ женщинъ. Но чувство одиночества лежало глубже временнаго негодованія, и потребность жизни семейной проснулась вновь, какъ только мигнулъ кой-какой лучъ надежды на достиженіе стараго завѣтнаго желанія.

26 сентября зашелъ навѣстить Тараса Григорьевича одинъ изъ его пріятелей Ф. И. Черненко. Поэтъ былъ, видимо, спокоенъ, но грустенъ. Зная причину горя, Черненко старался не касаться ея и началъ разговоръ объ академіи. Совѣтъ академіи, принимая во вниманіе познанія Шевченка въ искусствѣ вообще, а въ гравированіи въ частности, доказанныя многими его работами, постановилъ возвести его въ званіе академика. Провозглашеніе этого опредѣленія должно было произойти по обыкновенію въ торжественномъ собраніи академіи «при звукѣ трубъ и литавръ»... Бесѣда Черненка объ этомъ предметѣ, очевидно, развеселила поэта-художника и онъ перешелъ къ разговору о покупкѣ земли, о переѣздѣ на Украину и о планахъ его работать и распространять гравюры въ народѣ. Онъ предполагалъ издавать гравюры преимущественно изъ исторіи Украины и продавать ихъ по 1 — 3 коп., чтобы вытѣснить лубочную суздальщину. Во время этой бесѣды принесли съ почты письмо отъ Ткаченка изъ Полтавы. Старый пріятель теперь только отвѣчалъ на майское письмо поэта, увѣдомляя, что нашелъ для него «кырпу чорнобрывку» въ лицѣ дочери чиновника Витавскаго.

— «Я знаю этого Витавскаго, — сказалъ Тарасъ Григорьевичъ; — онъ недавно пріѣзжалъ сюда и далъ для «Основы» басни, не хуже басенъ Гребенки». — Кинувъ взглядъ на Мольбертъ, гдѣ лежалъ портретъ Лукерьи, онъ нервно схватилъ его и бросилъ подъ столъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ сказалъ своему собесѣднику:

Т. Г. Шевченко въ апрѣлѣ 1859 г.

— «А какъ ты думаешь, Федоръ! не попытаться ли еще разъ, въ послѣдній разъ? Не судылося зъ крипачкою, зъ мужычкою, може паталаныть зъ панночкою»... Онъ скривился, глубоко вздохнулъ и добавилъ: — «Тяжело проклятое одиночество! оно меня въ гробъ вгонитъ»[1]).

Надежда на семейную жизнь вновь озарила поэта и 28 сентября онъ писалъ Ткаченку: «Спасибо тебѣ, давній другъ мой, Федотъ, за твое письмо, а еще болѣе за то, что ты дѣтей своихъ ведешь не общепринятой, а своей, *доброй* дорогой. Спасибо тебѣ и за кирпатенькую чорнобрывку. Если она въ самомъ дѣлѣ «доладна» и хотя немного въ своего отца, то ты скорѣе напиши мнѣ подробнѣе. Ты пишешь, что у васъ есть хорошій фотографъ нѣмецъ, такъ ты какъ-нибудь «хочъ одуры, пусть сниметъ съ нея портретъ да и пришли мнѣ. Вотъ какимъ я сдѣлался принцомъ! Если дѣло пойдетъ на ладъ, то я не буду ожидать весны, а пріѣду въ половинѣ зимы. Одиночество меня донимаетъ»[2]).

Наступилъ октябрь. Варѳоломей Григорьевичъ прислалъ сушеныхъ карасей и запеченаго леща; но — увы! не наступила ожидавшаяся свадьба. Благодаря за присланную рыбу, Тарасъ Григорьевичъ писалъ 5 октября. «Свадьбы нашей не будетъ. Я съ своей нареченной разошелся, не сойдясь. Лукерья то же самое, что и Харыта, только глупѣе ея тѣмъ, что грамотна.

[1]) Изъ личнаго разсказа Ф. И. Черненка.

[2]) Древ. и Нов. Рос. 1875, № 6.

Ахъ! что мнѣ дѣлать съ собою! Я съ ума сойду на чужбинѣ въ одиночествѣ!»[1]).

Изъ стихотворенія, написаннаго поэтомъ въ тотъ же день, я заключаю, что ожившая, мелькнувшая надежда на семейную жизнь нѣсколько успокоила его. Спокойствіемъ дышатъ слова его:

„Не нарикаю я на Бога,
Не нарикаю ни на кого,
Я самъ себе дурный дурю,
Та ще й співаючы.
..... Лучче одурыть.
Себе такы, себе самого,
Нижъ зъ ворогомъ по правди жыть
И всуе нарикать на Бога“[2]).

Не только вѣроятно, но для меня несомнѣнно, что горе, сосавшее сердце поэта, мало-по-малу улеглось бы, притупилось бы остріе его, если бы окружавшіе его наиболѣе близкіе люди существенно позаботились объ этомъ, или, по крайней мѣрѣ, не бередили свѣжей раны. Но, къ сожалѣнію, какія-то, неизвѣстныя мнѣ, мелочи напоминали довольно часто поэту и напоминали со стороны отрицательной. Я не могу понять, почему онъ такъ настоятельно началъ требовать, чтобы Лукерья возвратила все то что было имъ подарено ей!? Вѣдь, правду сказать, и подарки тѣ мизерны. Зная доброту Тараса Григорьевича, меня просто поражаетъ его требовательность. Я убѣжденъ, что онъ самъ по себѣ никогда не потребовалъ бы возврата, если бы что-то, не-

[1]) Основа, 1862 г., кн. V, стр. 22; Правда 1875, стр. 970.
[2]) Кобзарь, т. I, стр. 364.

вѣдомое намъ, не раздражало его противъ Лукерьи; я подъ этимъ *что-то* разумѣю, конечно, какія-нибудь общежитейскія мелочи.

Прочитывая стихотворенія поэта, написанныя послѣ 15 октября, я вижу и чувствую — какъ нервамъ его не даютъ успокоиться. Онъ не находитъ себѣ спокойнаго угла; для него «и тутъ и всюды скризь погано»; ему «нема зъ кымъ систы, хлиба зъисты, промовыть слово»; его мучитъ сознаніе, что хотя

„Людей чымало на земли,
А доведеться одынокымъ
Въ холодній хати крывобокій
Або пидъ тыномъ простягтысь“.

Да! поэту «не грило сонце на чужыни».

Тотъ смертоносный ядъ, который такъ безжалостно и такъ рано былъ впрыснутъ въ сердце и въ душу его, теперь начиналъ разливаться по всему организму и давалъ о себѣ реально знать и чувствовать.

Въ одинъ изъ октябрскихъ дней, такихъ пасмурныхъ и скверныхъ въ болотномъ Петербургѣ, Тарасъ Григорьевичъ вмѣстѣ съ Черненкомъ зашелъ въ мастерскую Микѣшина, трудившагося тогда надъ памятникомъ «тысячелѣтія Россіи». Въ студіи Микѣшина по четвергамъ собирались писатели и художники. По поводу той или иной фигуры на памятникѣ возникали горячіе споры. Часто бывалъ здѣсь и Шевченко и принималъ участіе въ спорахъ, но всегда съ тактомъ, сдержанно, хотя движенія его, взглядъ свѣтлыхъ очей ясно говорили, что онъ

взволнованъ. На этотъ же разъ гдѣ дѣвалась его сдержанность! «Гигантская фигура Петра I, какъ привидѣніе, давила его». Онъ началъ критически относиться къ дѣяніямъ Петра; раздраженіе его дошло до пафоса, когда онъ дошелъ до временъ Екатерины II и въ особенности до закрѣпощенія народа указомъ 1783 г. Глаза его горѣли, онъ напоминалъ вдохновеннаго пророка, когда произносилъ импровизированное стихотвореніе: «Хоча лежачого й не бьють»! Въ такомъ раздраженномъ и взволнованномъ видѣ я никогда ни прежде, ни послѣ не видѣлъ Шевченка»,—говорилъ мнѣ покойный Черненко. «Я нѣсколько разъ видѣлъ Шевченка послѣ его размолвки съ Лукерьей; онъ казался мнѣ сильно раздраженнымъ»,—говоритъ Тургеневъ.

Вотъ потому-то людямъ, стоявшимъ тогда близко къ поэту, и слѣдовало устранять отъ него все, напоминавшее Лукерью. Дѣлали ли такъ,—мнѣ неизвѣстно. Но извѣстно, что 31 октября Тарасъ Григорьевичъ писалъ къ Макарову: «Сказали ли вы Лукерьѣ, чтобы она возвратила мою мизерію? (реестръ долженъ быть у г-жи Кулишъ). Если сказали, то прибавьте, чтобы она въ теченіе недѣли заработала 4 руб. и послала въ Черниговъ на имя Тризны въ пользу воскресной школы. Этой цѣной она окупитъ свою и мою недобрую славу».[1])

5 ноября Шевченко опять писалъ Макарову: «четыре рубля отошлите отъ неизвѣстнаго

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 140.

въ Черниговъ, а что осталось у Лукерьи—сожгите, да на томъ и конецъ».

Но, очевидно, что это не былъ еще конецъ; были еще какіе то неизвѣстные намъ запросы и распросы, потому что 9 ноября Тарасъ Григорьевичъ писалъ: «если ужъ бить, такъ надо бить такъ, чтобъ болѣло; иначе не поможетъ, а только повредитъ (это аксіома монашеская, но она теперь и намъ кстати)».

«Лукерья солгала предъ вами, предо мною и предъ Катериной Ивановной; за то она и должна, хотя бы украсть, а послать въ Черниговъ (4 руб.). Кромѣ вещей, которыя я просилъ васъ сжечь при ней, нужно, чтобы она заплатила 14 руб. за квартиру и 1 руб. за потерянный ею ключъ. Еще разъ прошу васъ, какъ искреннѣйшаго моего друга, сдѣлайте такъ, да скорѣе и... аминь».[1])

На этомъ прекращаются наши свѣдѣнія объ отношеніи Шевченка къ Полусмаковой. Тянулись они болѣе трехъ мѣсяцевъ и доставили поэту много огорченія; сватовство это было послѣдней каплей, переполнившей чашу его страданій.

Если мы обратимъ вниманіе на предположенное было новое сватовство чрезъ посредство Ткаченка, то не можемъ не согласиться съ Костомаровымъ, что новое намѣреніе поэта было уже просто порывомъ отчаянія подъ гнетомъ

[1]) Тамъ же.

чувства одиночества. Не трудно было и впасть въ отчаяніе! Прожить почти 50 лѣтъ въ неволѣ, въ оковахъ рабства и скорби за свой народъ и не видѣть даже на закатѣ жизни спокойнаго, тихаго, свѣтлаго, хотя вечерняго луча! Тяжело! о! какъ тяжело! Провести всю жизнь въ борьбѣ, въ страданіяхъ и наконецъ убѣдиться, что неудачи, несчастія преслѣдуютъ по пятамъ, что судьба просто глумится надъ нимъ, что между людьми онъ не находитъ человѣка, который «подперъ бы его старыя плечи»!.. Ужасно! Другой на мѣстѣ Тараса Григорьевича, съ такимъ же огромнымъ талантомъ, но не съ такою великою скромностью, какъ у него, утѣшилъ бы себя надеждою, что за великія испытанія въ будущемъ ждетъ его и великая награда, то великое счастье, которое дается только избраннымъ натурамъ и которое называется *безсмертіемъ* въ потомствѣ. Но нашъ великій поэтъ жилъ и творилъ «не для славы»... «Слава мнѣ не помогаетъ»,—говорилъ онъ. Люди же близкіе не хотѣли или, вѣрнѣе, не умѣли, помочь ему, и вотъ въ ноябрѣ мы замѣчаемъ у него упадокъ *духа*, конечно, обусловленный въ значительной степени и физическимъ недугомъ. Поэтъ видитъ, что пора

...„заходыться рештувать
Возы въ далекую дорогу —
На той свитъ".

Но онъ не хочетъ покорно, съ поникшей головой встрѣтить неизбѣжное для всѣхъ людей рѣшеніе. У него еще разъ загорается искра

борьбы: онъ собирается «до Ескулапа на ралець —

Чы не одурыть винъ Харона
И Парку-прялку".

Авось «одуритъ» и тогда

„Покы бъ хымерывь мудрый дидъ,
Парылы бъ мы по надъ землею
Та все бъ гекзаметры плелы" [1]).

«Что же мнѣ дѣлать съ собою?—спрашиваетъ онъ Варѳоломея Григорьевича:—я съ ума сойду на чужбинѣ въ одиночествѣ»! И вслѣдъ за порывомъ отчаянія является надежда весною переѣхать на Украину... Его окрыляетъ на одинъ мигъ свѣтлый лучъ надежды на «добри жныва»; но вслѣдъ затѣмъ наступаетъ опять мрачное уныніе! Поэту кажется, что онъ «дурыть себе своимъ хымернымъ добрымъ словомъ»... и чрезъ нѣсколько дней онъ признается, что «холоднымъ вѣтромъ вѣяло отъ надежды, пришла зима!.. Сиди одинъ и не ожидай весны! Она не прійдетъ ужъ никогда, чтобы оживить твой садокъ и обновить твою надежду» [2]).

Недѣли черезъ двѣ это мрачное настроеніе смѣняется новой надеждой, что «сонце йде и за собою день веде».

Нѣтъ, нѣтъ! думаетъ поэтъ:

..."треба одружытысь,
Хоча бъ на чортовій сестри,
Бо доведеться одурыты
Вь самотыни"... [3])

---

[1]) Кобзарь, 1876 г., т. I, стр. 370.
[2]) ibid, 365.
[3]) ibid, 366.

Не одно лишь личное горе снѣдало больного уже поэта-гражданина! Изъ сердца его на другой день вырывается стономъ четверостишіе:

„И день иде и ничъ иде,
И голову схопывшы въ рукы,
Дывуешься: чому не йде
Апостолъ правды и наукы!

Какъ ужасна для поэта была та ночь, которая раздѣляла эти два стихотворенія!

V.

Вотъ въ эту то тяжелую пору убійственнаго душевнаго состоянія, въ пору послѣдняго періода борьбы слабой надежды и жестокаго отчаянія, почти незамѣченнаго друзьями изнеможеннаго поэта, онъ и началъ заливать свое горе виномъ; началъ пить, какъ выразился Костомаровъ, «въ богатырскихъ размѣрахъ». Вино, разумѣется, посодѣйствовало въ извѣстной мѣрѣ развитію тѣлеснаго недуга и ускорило катастрофу.

Ф. И. Черненко, навѣщая поэта. замѣтилъ еще въ октябрѣ, что онъ болѣнъ. Тарасъ Григорьевичъ, какъ мы знаемъ, не любилъ говорить о своемъ горѣ, о своихъ недугахъ. Онъ терпѣлъ и сосредоточенно молчалъ, а иногда старался даже скрыть отъ людей свое физическое и душевное состояніе. Это то, а отчасти и желаніе развлечься среди общества, заставляло его выходить иногда въ театръ и къ знакомымъ. Разъ, въ этотъ періодъ Костомаровъ на представленіи «Вильгельма Телля» встрѣтилъ

въ театрѣ Тараса Григорьевича. «Онъ чрезвычайно любилъ эту оперу, приходилъ въ дѣтскій восторгъ отъ пѣнія Тамберлика и Де-Бассини и восклицалъ по украински: «Матери его сто копанокъ чортивъ, якъ же славно!»

— «Правда ли, что ты женишься?»—спросилъ Костомаровъ.

— «Должно быть, я женюсь тогда, когда и ты»—отвѣчалъ поэтъ.

Посѣщая потомъ Костомарова, Бѣлозерскихъ и др., поэтъ никому ни слова не говорилъ о своемъ недугѣ Но во второй половинѣ ноября болѣзнь настолько развилась, что её замѣтилъ М. М. Лазаревскій.

Въ это время Тарасъ Григорьевичъ взялся за новую работу, за составленіе школьныхъ учебниковъ для народа. Составивъ букварь, онъ представилъ его въ цензуру. Букварь занималъ 24 стр. 32 д. листа, но заключалъ въ себѣ молитвы: «Отче нашъ», молитвы Ефрема Сирина и Символъ вѣры,—поэтому подлежалъ двойной цензурѣ. Духовная цензура не хотѣла дать разрѣшенія. Это такъ взволновало поэта, что онъ, не смотря на свою болѣзнь, отправился лично къ митрополиту Исидору [1]) Разрѣшеніе дано 21 ноября, а чрезъ день Тарасъ Григорьевичъ почувствовалъ себя такъ дурно, что 23 ноября, встрѣтивъ на вечерѣ у Лазаревскаго доктора Бари, обратился, наконецъ, къ нему за совѣтомъ, говоря, что у него очень болитъ грудь.

[1]) Кіев. Тел. 1875, № 25.

Самъ онъ предполагалъ у себя солитеръ. Докторъ послѣ аускультаціи посовѣтовалъ беречься и не выходить изъ комнаты.

Послѣ букваря Шевченко предполагалъ составить и издать ариѳметику за такую же цѣну, какъ и букварь—3 коп.; исторію Украины въ 10 к. и т. д. «Если Богъ поможетъ сдѣлать это малое дѣло, то большое само собою совершится,» —писалъ онъ Чалому [1]).

По выходѣ Букваря. Шевченко, будучи уже совершенно больнымъ, принялся разсылать его; тысячу экземпляровъ онъ отослалъ Ткаченку въ Полтаву, прося вручить тому, кто распоряжается воскресными школами [2]). Другую тысячу переслалъ въ Кіевъ г. Чалому и писалъ къ нему: «я и слышалъ и читалъ, что митрополитъ Арсеній очень возревновалъ о сельскихъ школахъ и сожалѣетъ, что нѣтъ дешевыхъ букварей. Покажите ему мой Букварь; если одобритъ, я вышлю ему 3000 экз., конечно за деньги, потому что это достояніе бѣдныхъ нашихъ воскресныхъ школъ.» Высланные же 1000 экз. онъ просилъ Чалаго распространить въ сельскихъ школахъ [3])

Пробовалъ г. Чалый исполнить желаніе Тараса Григорьевича чрезъ посредство покойнаго нынѣ отца Петра Лебединцева, который взялся представить Букварь на благоусмотрѣніе

---

[1]) Основа, 1862 г., кн. VI, стр. 26.
[2]) Древ. и Нов. Рос. 1875, № 6.
[3]) Основа, Тамъ же.

и благословленіе Кіевскаго Митрополита; но попытка эта ни къ чему не привела.

Черниговскому епископу Филарету представилъ Букварь Шевченка Тризна, одинъ изъ Черниговскихъ дѣятелей того времени въ дѣлѣ народнаго образованія. Здѣсь послѣдовалъ отвѣтъ, что Букварь надо представить на разсмотрѣніе консисторіи.

Такое извѣстіе не могло не огорчить больного Тараса Григорьевича. Къ тому же и Кулишъ началъ иронизировать надъ Букваремъ, говоря, по словамъ г. Чалаго, что «Шевченко началъ «Кобзаремъ,» а кончилъ «букваремъ.»

Не стану говорить о томъ, на сколько Букварь Шевченка отвѣчалъ требованіямъ педагогіи, но во всякомъ случаѣ не Кулишу осуждать дѣятельность Шевченка, побужденія котораго всегда были чисты и благородны; онъ никогда не отворачивался отъ народа, отъ его невѣжества и бѣдности; всегда искренно и глубоко любилъ народъ; плакалъ съ нимъ и за него. За Шевченкомъ навсегда останется еще и та заслуга, что онъ обратилъ насъ, людей интеллигентныхъ, лицомъ къ народу и заставилъ насъ полюбить народъ искренно, никогда и ни въ чемъ не измѣняя интересамъ и исторіи своего народа.

VI.

Наступилъ декабрь. Послушный совѣту доктора Бари, Тарасъ Григорьевичъ не выходилъ изъ комнаты. Къ сожалѣнію, со стороны друзей его недостаточно было понято и оцѣнено

вліяніе на него одиночества и случались дни, что больного никто не навѣщалъ. Сидя одинъ, онъ, естественно, болѣе и болѣе углублялся въ мрачныя думы о своемъ прошломъ, о своемъ мрачномъ настоящемъ. Отъ этихъ думъ, отъ мысли о своей болѣзни—надо было всячески отвлекать его.

Изъ письма его къ Чалому отъ 2 декабря видно, что къ нему «ежедневно заходилъ художникъ-землякъ Орловскій», но Орловскій былъ очень юнъ и бесѣда съ нимъ не могла отвлекающимъ образомъ вліятельно дѣйствовать на больного поэта.

Вечеромъ 6-го декабря больного навѣстилъ Черненко. Тарасъ Григорьевичъ былъ сравнительно въ довольно веселомъ расположеніи духа, говорилъ, что ему значительно лучше, и надѣется, что скоро освободится «изъ подъ ареста». Черненко совѣтовалъ не спѣшить съ выходомъ, а всю зиму провести «подъ арестомъ».

«Какъ! чтобы и на праздники Рождества не выходить!—воскликнулъ поэтъ: а кутя? а узваръ?! нѣтъ, нѣтъ! не вытерплю; колядувать «хочъ рачкы полизу» къ кумѣ».

При этомъ поэтъ похвалися, что 2 декабря навѣстила его кума Надежда Васильевна Тарновская и пригласила на кутю. Вдохновившись посѣщеніемъ кумы, онъ по выходѣ ея написалъ извѣстное свое стихотвореніе:

„Велыкомученыце, кумо!
Дурна есы ты не розумна“...[1])

[1]) Кобзарь, т. II, стр. 260.

Можно предполагать, что до праздниковъ поэтъ дѣйствительно не выходилъ изъ своего заключенія. 23 декабря онъ написалъ письмо къ Варѳоломею Григорьевичу [1]) и къ своему старому знакомому богатому помѣщику Я. В. Тарновскому, прося послѣдняго взять къ себѣ на службу Варѳоломея Григорьевича. «Лѣтомъ, —добавилъ поэтъ,—я буду въ Потокахъ (имѣніе Тарновскаго) и искренно, горячо поцѣлую васъ. Кума моя Надежда Васильевна заболѣла и осталась въ Петербургѣ» [2]).

На праздникахъ Рождества Христова Тарасъ Григорьевичъ дѣйствительно вышелъ и во вторникъ вечеромъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ великорусскимъ этнографомъ Якушкинымъ пришелъ къ Костомарову. «Оба они были страшно пьяны, въ особенности Якушкинъ; Шевченко все-таки держался лучше. Одведя его въ сторону, Костомаровъ, указывая на многихъ своихъ гостей, замѣтилъ, что о немъ будутъ распространяться дурные слухи. Это былъ первый и послѣдній разъ, когда Костомаровъ видѣлъ Шевченка положительно пьянымъ» [3]).

Этотъ выходъ окончательно ускорилъ катастрофу. «Вскорѣ послѣ этого у Шевченка,— говоритъ Костомаровъ,—усилилась и обострилась его болѣзнь».

Новый годъ предположено было встрѣтить украинцамъ въ семействѣ В. М. Бѣлозерскаго,

[1]) Правда, 1875 г., стр. 971.
[2]) Кіев. Стар., 1883 г., кн. II, стр. 407.
[3]) Русск. Стар. 1880 г., кн. 3.

празднуя въ то же время выходъ первой книжки «Основы», которая уже печаталась и дѣйствительно вышла 11 или 12 генваря Но поэтъ былъ уже прикованъ къ постели.« Всѣ мы,—писалъ къ нему 2 генваря Бѣлозерскій,—душевно сожалѣли

Т. Г. Шевченко въ 1860 г.

о вашемъ нездоровьи » Бѣлозерскій, очевидно, какъ и другіе, не придавалъ серьезнаго значенія болѣзни поэта. «Не теряемъ надежды,—писалъ онъ,—что при добромъ желаніи вы превозможете

немножко себя и не лишите насъ удовольствія видѣть васъ среди «основьянъ», какъ первоначальника общаго дѣла.»[1])

«Скверно я встрѣтилъ этотъ новый годъ,— писалъ Тарасъ Григорьевичъ 22-го генваря Варѳоломею,—двѣ недѣли не выхожу; чихаю да кашляю.»[2]) Но все же онъ не придавалъ окончательно серьезнаго значенія своему недугу. 4-го генваря онъ писалъ Ткаченку, отвѣчая на письмо его съ извѣстіемъ, что Витавская сосватана уже за другого: «чтобъ тебя курица «вбрыкнула», только раздразнилъ меня твоею кырпатенькою чернобрывкой. Я весною заѣду къ тебѣ и, если не найдешъ мнѣ другую кырпу,» то я тебя «попомну.»[3]) Черезъ недѣлю онъ въ другомъ письмѣ опять напоминаетъ ему: «смотри, не забудь о «кырпѣ»! я весною къ тебѣ пріѣду».

До сихъ поръ никто изъ друзей и врачъ не рѣшались сказать больному, чѣмъ именно онъ болѣнъ, но теперь, когда болѣзнь начала быстро развиваться, болѣе скрывать нельзя было: ему объявили, что у него водяная, что онъ долженъ безусловно прекратить употребленіе рома и вина и исполнять совѣты врача. Поэтъ, конечно, согласился; но никакъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность быстрой печальной развязки. Онъ 22 генваря пишетъ Варѳоломею: «кончай скорѣе въ Каневѣ (съ покупкой земли) и напиши мнѣ, чтобы я зналъ, что дѣлать съ

---

[1]) Чалый, стр. 183.
[2]) Правда, 1875 г., стр. 971.
[3]) Древ. и Нов. Рос. 1875 г., № 6.

собой весною.» Грустнымя словами закончилъ онъ свое послѣднее къ Варѳоломею письмо отъ 29-го генваря. «Прощай! усталъ, какъ будто «копу» (60 сноповъ) ржи смолотилъ въ одинъ пріемъ!» [1])

Съ того дня въ теченіе двухъ недѣль не видимъ ни писемъ, ни стихотвореній поэта. 14-го февраля онъ началъ свое послѣднее стихотвореніе: «Чы не покынуть намъ, небого», но написалъ въ тотъ день только 36 строкъ!..

VII.

Въ половинѣ февраля знакомые и друзья поэта начали чаще навѣщать его. Когда навѣстилъ Н. Л-овъ, больной не въ состояніи былъ сойти по лѣстницѣ въ свою «пріемную» и принялъ гостя въ антресоляхъ. «Пропадаю!—сказалъ онъ:—видите какая «ледащыця» съ меня сдѣлалась». Поэтъ былъ одѣтъ въ коричневую украинскую свитку, и сидѣлъ за столомъ бокомъ къ окну. Передъ нимъ стояла аптечная банка съ лекарствомъ и недопитый стаканъ чаю. Во всемъ существѣ поэта было что-то ужасно-болѣзненное; но ни малѣйшихъ признаковъ близкой смерти: онъ жаловался на боль въ груди и на жестокую одышку. «Пропаду!» - заключилъ онъ, бросая на столъ ложку, которою принялъ лекарство. «Ну, да будетъ обо мнѣ; разсказывайте, что хорошаго на Украинѣ?». Въ бесѣдѣ онъ распрашивалъ о знакомыхъ и очень грустилъ о художникѣ Гудовскомъ. Бесѣда о знакомыхъ и о родинѣ, видимо,

[1]) Основа 1862 г., кн. V и Правда 1875 г.

оживила поэта. Болѣзненная раздражительность мало-по-малу утихла и переходила то въ чувство той горячей любви, которою дышатъ его произведенія, то въ самое пылкое негодованіе, которое онъ по возможности сдерживалъ. На столѣ передъ нимъ лежали его Буквари, а подъ рукой у него была малорусская «Граматка» (очевидно, Стронина), которую онъ нѣсколько разъ открывалъ, бросалъ на столъ, вновь бралъ, открывалъ и вновь бросалъ. Видно было, что она его безпокоитъ и занимаетъ. «А скажите мнѣ, спросилъ онъ своего гостя: для кого написана эта книжка? Я не знаю для кого, но не для тѣхъ, кого надо учить»...—«Вотъ если бы дожить до весны,—сказалъ больной послѣ раздумья,—да на Украину; тамъ, можетъ быть, и стало бы мнѣ лучше». Потомъ началъ разспрашивать о строившейся тогда варшавской желѣзной дорогѣ и о кіевскомъ шоссе и сказалъ: «не доѣду на проклятыхъ перекладныхъ, а ѣхать надо; тутъ я, если останусь, умру непремѣнно».[1]).

19 февраля въ день годовщины вступленія на престолъ Императора Александра Николаевича вся Россія ожидала объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Никто не ожидалъ этого акта такъ нетерпѣливо, съ такимъ трепетнымъ біеніемъ сердца, какъ Шевченко. Вѣдь, онъ всю жизнь шелъ «босыми ногами» по тропинкѣ, усѣянной колючимъ терніемъ къ этому возвращенію своего народа въ лоно исторіи! *Теперь*, сегодня, 19 февраля, казалось, онъ при-

[1]) Рус. Рѣчь 1861 г., №№ 19 и 20.

шелъ къ тому подземелью, гдѣ подъ семью печатями была погребена свобода его народа, откуда она выйдетъ непорочною и своимъ лучезарнымъ свѣтомъ освѣтитъ грядущимъ поколѣніямъ путь къ лучшей духовной, соціально-моральной и экономической жизни.

Когда 19 февраля часа въ 2 дня зашелъ къ больному поэту Ф. И. Черненко, онъ стоялъ возлѣ окна, опершись руками на столъ. Онъ, видимо, былъ взволнованъ; въ глазахъ и на болѣзненномъ лицѣ его видно было ожиданіе. Едва вошелъ Черненко, поэтъ, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ его:

— Что? есть, есть воля? объявленъ манифестъ?» — и, взглянувъ въ глаза своего гостя, понялъ отвѣтъ... Глубоко вздохнувши, онъ сказалъ. «Такъ нѣтъ?» — Нѣтъ! — «Когда же она будетъ?» Закончивши рѣзкой фразой, онъ закрылъ лицо руками, упалъ на диванъ и заплакалъ.

Черненко началъ успокаивать его, говоря, что есть достовѣрное извѣстіе, что освобожденіе въ тотъ день подписано Государемъ, но объявлено будетъ въ первыхъ числахъ марта, постомъ, потому что Государь желаетъ, чтобы освобожденные встрѣтили свою свободу не въ кабакахъ (тогда была масленица), а въ церквахъ.

Тарасъ Григорьевичъ горько улыбнулся и произнесъ нѣсколько крутыхъ словъ по адресу крѣпостниковъ; потомъ началъ роптать, что братья его сдѣлали большую глупость, принявши отъ Флерковскаго свободу безъ земли.

Чрезъ нѣсколько дней навѣстилъ его Костомаровъ. Онъ засталъ его сидѣвшимъ за столомъ, на которомъ лежали неоконченныя офортныя работы. Поэтъ обрадовался приходу своего друга, говорилъ, что ему лучше, что на слѣдующей недѣлѣ онъ непремѣнно начнетъ выходить и во вторникъ будетъ вечеромъ у него. При этомъ съ удовольствіемъ показалъ пріобрѣтенные имъ недавно золотые часы. Съ какимъ то дѣтскимъ удовольствіемъ больной разсматривалъ ихъ. Часы дѣйствительно были хорошіе, дорогіе [1]).

Прощаясь, Костомаровъ взялъ съ него слово, что онъ, если позволитъ ему здоровье, непремѣнно будетъ у него во вторникъ; если же нельзя будетъ пройти, то пришлетъ извѣстіе о своемъ здоровьѣ.

Это было 24 февраля. Въ тотъ день, дѣйствительно, приступы болѣзни были слабѣе. Больной вспомнилъ, что въ тотъ день именины его знакомаго земляка И. Н. Мокрицкаго и послалъ къ нему поздравительную записку. Записка эта такъ характерна своей орѳографіей, что я привожу её дословно: «Поздравляю васъ съ вождѣленнымъ днемъ вашого святого ангела извините, что я не могу лично принести моего искренняго поздравленія я боленъ другой мѣсяцъ не только на улицу меня и въ коридоръ не пускаютъ... и не знаю чѣмъ кончится мое затворничество? Глубоко кланяюся марьи львовни, и лобизаю вашихъ дѣточокъ отъ души желаю

[1]) *Ист* Вѣстн. 1896 г., кн. VI и Русск. Ст. 1880, кн. III.

вамъ повеселится по прошлогоднему. Досвиданія. Искренній вашъ Т. Шевченко. 24-го февраля 1861»[1]).

Въ этихъ 10 печатныхъ строкахъ 16 ошибокъ. Это были послѣднія слова, написанныя Тарасомъ Григорьевичемъ.

VIII.

Слѣдующій день былъ днемъ рожденія и именинъ Тараса Григорьевича. Первымъ пришелъ поздравить его М. М. Лазаревскій и засталъ его въ тяжелыхъ страданіяхъ. Всю ночь на 25 февраля мучили его страшныя боли въ груди; онъ не въ состояніи былъ лежать какъ ночью, такъ и теперь; онъ сидѣлъ на кровати, впершись руками въ матрацъ; дышалъ чрезвычайно тяжело, съ большимъ напряженіемъ.

«Напиши къ брату Варѳоломею, что мнѣ очень не хорошо»,—обратился онъ къ Михайлу Матвѣевичу.

Вскорѣ пріѣхалъ докторъ Бари. Выслушавши больного, докторъ объявилъ Лазаревскому, хотя и предвидѣнный, но ужасный приговоръ: водяная бросилась въ легкія и потопила всякую надежду...

Мученія страдальца были невыразимыя. Онъ почти не въ состояніи былъ говорить; чтобы произнести слово, онъ долженъ былъ собирать послѣднія силы; это было ужасно мучительно, а говорить ему хотѣлось... Онъ не стоналъ, тяжкія страданія не вырвали изъ груди его ни

[1]) Кіевск. Стар. 1885 г., кн. III, стр. 527.

одного стона; стиснувъ зубы, онъ кусалъ свои усы, подавляя въ себѣ мучившія его боли, но не стоналъ.[1]).

Докторъ велѣлъ положить на груди больному мушку. Боли немного успокоились. Въ это время принесли больному поздравительную телеграмму изъ Харькова отъ П. Л. Трунова. Выслушавши телеграмму, больной едва промолвилъ: «Спасыбигъ.»—Спустя нѣсколько минутъ, онъ просилъ отворить оконную форточку, выпилъ стаканъ воды съ лимономъ и прилегъ.

Посѣтители, приходившіе поздравить дорогого именинника, сошли внизъ. Черная туча близкой трагедіи и величайшаго, безконечнаго національнаго горя висѣла надъ всѣми собравшимися.

Приходили новые посѣтители, но они оставались уже внизу. Всѣ скорбно молчали; одна мысль о неизбѣжной скорой потерѣ геніальнаго пѣвца скорбей Украины—замкнула всѣмъ уста... Слышалось близкое дыханіе смерти.

Въ 3-емъ часу новые посѣтители тихими шагами поднялись по лѣстницѣ, чтобы поздравить дорогого поэта и въ послѣдній разъ взглянуть еще на живого свѣточа, который далъ жизнь нашему слову, но котораго теперь оставляла жизнь... И горькое сознаніе удручало всѣхъ... Помочь невозможно!

Поэтъ сидѣлъ на постели и чрезъ каждыя пять минутъ спрашивалъ: скоро ли будетъ док-

[1]) Основа 1861 г., кн. 3.

торъ? Потомъ онъ выразилъ желаніе принять опіуму, чтобы заснуть. Его успокоили, сказавши, что докторъ будетъ въ три часа. Спустя нѣсколько минутъ, больной опять началъ скорбѣть, спрашивая, скоро ли придетъ врачъ? Посѣтители разошлись; при больномъ остался одинъ Лазаревскій. Приступъ болѣзни немного утихъ; больной почувствовалъ себя лучше и началъ говорить о своемъ горячемъ желаніи поѣхать весною на дорогую, родную Украину. Лазаревскій ободрялъ его, обѣщая съ первой весной отправиться вмѣстѣ съ нимъ на берега прекраснаго родного Днѣпра. Больной слушалъ съ удовольствіемъ и говорилъ, что воздухъ роднаго края улучшитъ его здоровье и укрѣпитъ силы. «Да, если бы на родину; тамъ, быть можетъ, я и выздоровѣлъ бы,»—сказалъ онъ; потомъ нѣсколько разъ повторилъ, что ему не хочется умирать.

Пріѣхалъ Бари. Найдя больного спокойнѣе, онъ поручилъ продолжать употребленіе тѣхъ же самыхъ лекарствъ.

Въ 6 часу вечера одинъ изъ друзей поэта привезъ доктора Круневича. Больному въ то именно время сдѣлалось хуже; дыханіе и разговоръ были затруднены. Окружавшіе больного замѣтили, что у него явилось сознаніе своей безнадежности. Круневичъ одобрилъ способъ леченія. Часа чрезъ три онъ опять пріѣхалъ вмѣстѣ съ Бари. Выслушавъ больного, врачи убѣдились, что вода наполняетъ легкія, что конецъ страданіямъ —ужасный конецъ—недалекъ.

Велѣли опять положить мушку.

Спустя немного получена была поздравительная телеграмма изъ Полтавы: больному прочитали: «Батьку! Полтавци поздоровляють свого любого Кобзаря зъ именынамы и просять: утны, батьку! орле сызый! Полтавська громада.»[1]) Поздравленіе, очевидно, обрадовало больного. «Спасыби, що незабувають»,—произнесъ онъ.

Когда врачи ушли, больной, обращаясь къ окружавшимъ его друзьямъ, сказалъ: «уберите огонь, не усну ли я.»

Огонь приняли, но не прошло пяти минутъ, какъ больной отозвался: «Кто тамъ?»—и просилъ возвратить скорѣе врачей, говоря; «у меня опять начинается пароксизмъ; нельзя ли его остановить?»

Положили ему на руки горчишники.

Въ половинѣ одиннадцатого пришелъ М. М. Лазаревскій съ другимъ пріятелемъ поэта. Больной сидѣлъ на кровати безъ огня. Видно было, что онъ ужасно страдаетъ.

— «Не мѣшаемъ ли мы?»—спросилъ Лазаревскій.

— «Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ онъ:—говорить мнѣ такъ трудно, а говорить съ вами такъ хочется.»

---

[1]) Накануне дня рожденія поэта собрался въ домѣ Пильчикова кружокъ полтавскихъ поклонниковъ поэта. Составивъ эту телеграмму, поручили мнѣ отправить её на другой день въ 10 час. утра. Въ кружкѣ этомъ, кромѣ меня, въ тотъ памятный вечеръ участвовали: Е. И. Милорадовичева, А. А. Майкова, Д. П. Пильчиковъ, В. В. Лобода, В. А. Щелканъ, В. Л. Труновъ, В. С. Куликъ, П. И. Шохинъ и Г. И. Гавриленко.

Оставили его одного; на ночь возлѣ больного остался слуга Лазаревскаго. Всю ночь Тарасъ Григорьевичъ не въ состояніи былъ лечь, нестерпимая боль не позволяла лежать; всю ночь онъ просидѣлъ на постели, то зажигая, то туша свѣчу: но не отзывался и никого не звалъ къ себѣ.

Такъ прошла эта тяжелая, послѣдняя ночь. Утромъ въ 5 часу Тарасъ Григорьевичъ позвалъ слугу и просилъ дать ему чаю съ молокомъ. Выпивши стаканъ чаю, онъ сказалъ слугѣ:

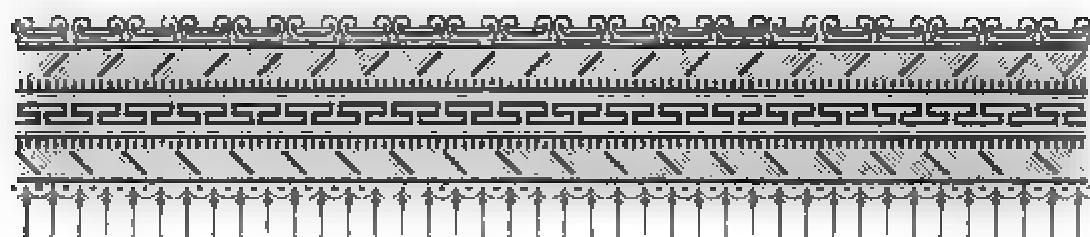
— «Убери же здѣсь, а я сойду внизъ» и отправился по лѣстницѣ въ свою мастерскую, не подозрѣвая, что тамъ ждутъ его холодныя объятія неумолимой смерти.

Войдя въ мастерскую, Тарасъ Григорьевичъ ахнулъ и упалъ! Въ половинѣ 6-го утромъ 26 февраля не стало пѣвца Украины...

Лежалъ только теплый трупъ того, кто свершилъ великое дѣло, не узнавши счастья при жизни, но кого за гробомъ ждало иное счастье — безсмертная слава во вѣки и вѣки.

Прожилъ Тарасъ Григорьевичъ день въ день сорокъ семь лѣтъ.

Погребеніе Т. Г. Шевченка.

I.

Въ моментъ смерти Тараса Гр., въ квартирѣ его, какъ мы видѣли, находился единственный человѣкъ—слуга Мих. Матв. Лазаревскаго. Онъ былъ первымъ вѣстникомъ по за стѣнами Академіи художествъ о кончинѣ поэта. Вечеромъ того же дня послѣ панихиды въ квартирѣ усопшаго тлѣнные останки его были перенесены въ академическую церковь ближайшими друзьями покойнаго.

Послѣ выноса тѣла — друзья поэта собрались въ квартирѣ Лазаревскаго на совѣщаніе какъ о предстоящемъ погребеніи и о мѣстѣ его, такъ и о томъ, чѣмъ и какимъ наиболѣе достойнымъ образомъ увѣковѣчить память почившаго.

Всѣ одинаково признавали, что мѣсто для вѣчнаго упокоенія костей безсмертнаго пѣвца, нужно избрать сообразно съ его желаніямъ; но категорическаго указанія такого мѣста онъ не сдѣлалъ. Принято было во вниманіе его поэти-

ческое завѣщаніе, чтобы онъ былъ погребенъ на Украинѣ, на берегу Днѣпра, на курганѣ; да и въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ выражалъ желаніе: «умерты на Днипри, хочь на малесенькій гори». Вотъ почему и рѣшили временно предать тѣло поэта землѣ въ Петербургѣ, а весной перевезти на Украину. Для увѣковѣченія же памяти поэта — a) соорудить на могилѣ его памятникъ; b) въ родномъ селѣ его основать народную школу его имени; c) содержать одного или нѣсколькихъ стипендіантовъ его имени въ университетахъ, въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и въ Академіи художествъ; d) издать наилучшимъ образомъ его сочиненія; e) назначить премію за лучшее жизнеописаніе поэта на украинскомъ языкѣ и лучшій критическій разборъ его сочиненій; f) помогать его роднымъ и g) ежегодно кому-нибудь изъ ближайшихъ друзей поэта посѣщать его могилу.

Отпѣваніе назначено было на 28 февраля. Неизвѣстно почему, но въ столичныхъ газетахъ не было напечатано объявленія о смерти Шевченка и о днѣ отпѣванія.

Гробъ съ останками поэта былъ установленъ среди академической церкви на черномъ катафалкѣ. У изголовья старый дьячокъ читалъ псалтырь медленно и выразительно. «Красныя шторы оконъ, противъ которыхъ стоялъ гробъ, были опущены; красноватый свѣтъ падалъ на спокойное лицо мертвеца, хранившее на себѣ печать тѣхъ благородныхъ думъ, которыя не

оставляли поэта при жизни».[1]) На гробѣ лежалъ букетъ живыхъ цвѣтовъ, принесенныхъ Н. Б. Сухановой.

Во время заупокойной обѣдни и отпѣванія, церковь и корридоры Академіи были переполнены народомъ. «Тяжело, невыносимо мучительно было послѣднее прощаніе, — говоритъ Л. М. Жемчужниковъ;[2]) но не смотря на то, какое-то отрадное чувство и свѣжесть вѣяли на душу. Всѣ соединились братски въ одну печаль, въ одно воздыханіе. Благоговѣніе къ покойному и ненарушимая тишина были кругомъ; тутъ не было лицемѣрія. Непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку сдружили насъ. Печальные и сраженные горемъ, приближались мы одинъ за другимъ къ гробу, чтобы надъ свѣжимъ еще тѣломъ высказать заслугу усопшаго».

Всѣхъ рѣчей надъ гробомъ было произнесено девять: семь въ церкви и двѣ на кладбищѣ. Первымъ говорилъ Кулишъ. «Среди насъ, говорилъ онъ, — нѣтъ ни одного достойнаго произнести родное слово надъ могилою Шевченка. Вся мощность, вся красота нашего языка была доступна ему одному. Такой поэтъ, какъ Шевченко — гдѣ бы онъ ни умеръ — вездѣ онъ между своими». Опредѣливъ вѣсъ и значеніе произведеній Шевченка, Кулишъ продолжалъ: «Будь увѣренъ, Тарасъ, что мы твой завѣтъ свято соблюдемъ и никогда не сойдемъ съ того пути, который ты намъ проложилъ. Если же у насъ

[1]) *Русск. Рѣчь* 1861 г., № 19 и 20.
[2]) *Основа*, 1861 г., кн. III, стр. 5.

не будетъ возможности возвѣщать правду, то мы лучше будемъ молчать».

Послѣ Кулиша произнесли рѣчи на украинскомъ языкѣ Бѣлозерскій, Костомаровъ и др. По-великорусски глубоко прочувствованное слово произнесъ Н. С. Курочкинъ; по-польски говорилъ В. Ю. Хорошевскій... «Ты не любилъ поляковъ, — сказалъ ораторъ между прочимъ, — но причиною нелюбви были и давнія заблужденія, которыя на народъ, горячо тобою любимый, вызвали большія страданія; причиною нелюбви было то, что ты «любилъ многихъ, что ты любилъ много». Но за грѣхи отцовъ не отвѣчаютъ дѣти. О! если-бы на твоей могилѣ умолкла ненависть и началось постепенное братское уразумѣніе! Это былъ бы твой прекраснѣйшій вѣнецъ и величественнѣйшій памятникъ!».

Временная могила была приготовлена на Смоленскомъ кладбищѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ иногда сиживалъ и которое онъ срисовалъ.

Открытый гробъ и на немъ огромнѣйшій лавровый вѣнокъ былъ несенъ студентами университета. Огромная масса публики провожала гробъ. Погребеніе Шевченка составляло такой общественный фактъ, который никогда не забудется. «Изо всѣхъ похоронъ, которыя мнѣ съ того времени случалось видѣть, сказалъ покойный Терпигоревъ [1]), — ни однѣ не имѣли на себѣ такого отпечатка и характера той искренности и простоты, какія имѣли похороны Шевченка.

[1]) Ист. Вѣст. 1896, кн. IV, стр. 57.

Я видѣлъ похороны Некрасова, Достоевскаго, Тургенева, Салтыкова; но всѣ онѣ были отравлены неискреннимъ, тенденціоннымъ духомъ демонстраціи. Похороны Шевченка были чисты отъ всякой театральности».

Необыкновенно опечаленный, Костомаровъ хотѣлъ произнести рѣчь надъ могилою. Онъ началъ; произнесъ нѣсколько необыкновенно теплыхъ прочувствованныхъ словъ, зарыдалъ, замолчалъ и ушелъ.

Обрядъ погребенія окончился въ 5 часовъ вечера. Свѣжая могила была засыпана живыми цвѣтами.

Въ самый день смерти Тараса Григорьевича изъ Петербурга посланы были телеграммы съ печальной вѣстью во всѣ главнѣйшія города Украины. И въ тотъ самый день и часъ, когда въ Петербургѣ происходило отпѣваніе, совершено было поминальное богослуженіе въ Черниговѣ, Кіевѣ. Полтавѣ, Харьковѣ, Екатеринодарѣ, Одессѣ, Кременчугѣ, Лубнахъ и др. городахъ.

Помянули Кобзаря и за границей—въ Лондонѣ, Дрезденѣ, Львовѣ и др.

Едва ли было хотя одно періодическое изданіе среди русской прессы, которое не отозвалось бы статьею о великой утратѣ, понесенной литературою въ лицѣ Шевченка и о значеніи его произведеній. Лучшая статья безспорно принадлежала перу Григорьева во «Времени». Сравнивая Шевченка, какъ поэта народнаго, съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ, онъ сказалъ: [1]) «у Шев-

[1]) *Время*, 1861 г., кн. 4, стр. 636 и далѣе.

ченка есть та нагая красота выраженія народной поэзіи, которая развѣ только искорками блистаетъ въ великихъ поэтахъ-художникахъ, каковы Пушкинъ и Мицкевичъ».

Дозволеніе перевезти тѣло народнаго пѣвца въ его родную Украину получено въ апрѣлѣ. Во все это время находившіеся въ столицѣ друзья и земляки усопшаго не переставали посѣщать дорогую могилу, усыпая ее постоянно свѣжими цвѣтами такъ густо, что изъ подъ нихъ не видно было снѣга. Могила напоминала скорѣе весну, жизнь, нежели смерть[1])

Въ сороковой день смерти поэта при многочисленномъ собраніи публики была отправлена на могилѣ торжественная панихида и произнесены рѣчи.

Когда всѣ необходимыя приготовленія «въ далекую дорогу» были окончены, 26 апрѣля назначено было вынуть гробъ изъ могилы и отправить на Украину. Всѣ украинцы, бывшіе въ Петербургѣ и имѣвшіе возможность, собрались на Смоленскомъ кладбищѣ въ послѣдній разъ поклониться праху своего свѣточа и проводить «до господы» (домой) своего «друга-батька».

Вынутый гробъ вложили въ цинковый, запаяли и поставили на особо приготовленныя рессорныя дроги.

Сопровождать тѣло до мѣста погребенія назначено было художнику Г. Н. Ченстоховскому и А. М. Лазаревскому. «Черный гробъ

---

[1]) Основа, 1861 г., мартъ.

возвышался уже на запряженныхъ дрогахъ,- разсказываетъ очевидецъ.[1]) Какое тяжелое впечатлѣніе! Какіе серьезныя, печальныя у всѣхъ лица! Всѣ поглощены минутой; всѣхъ пронзала мысль о вѣчной разлукѣ съ дорогимъ поэтомъ и человѣкомъ. Пока была здѣсь передъ глазами

Г. Ченстоховскій.

хотя могила его, казалось, будто смерть не все еще унесла съ собою, а теперь! Прощай, Тарасе, на вѣки прощай!»

«Когда всѣ, такимъ образомъ, находились подъ гнетомъ сосредоточенной печали, выступилъ Кулишъ и сказалъ: «Что же это ты, батьку

---

1) Тамъ же, іюнь, стр. 30—31.

Тарасе, отъѣзжаешь на Украину «безъ червоной кытайкы—заслугы козацькои»? Ни одинъ свободный предокъ твой не сходилъ въ могилу безъ этой послѣдней чести. Неужели ты умеръ «чужимъ чуженыцею» въ чужыни? И что ска-

А. М. Лазаревскій

жутъ о насъ на Украинѣ, если мы отпустимъ тебя, не покрытаго *червоною кытайкою?* Скажутъ, что и мы такіе же ренегаты, какъ тѣ *дукы,* которые позабирали козацкіе луга и луки, и пренебрегаемъ предковскими обычаями... Покройте же, господа, печальный черный гробъ славнымъ краснымъ цвѣтомъ»!

Когда обычная «китайка» была раскинута на гробѣ, Кулишъ продолжалъ: «Теперь поѣзжай въ свой домъ. Пусть земляки видятъ и знаютъ, что мы по своему отдаемъ почести своему великому поэту»[1]).

Снѣгъ падалъ обильно и китайка скоро потемнѣла, какъ бы знаменуя, что не красна была жизнь народнаго пѣвца!

Послѣ заключительной прекрасной рѣчи Кулиша печальный поѣздъ двинулся черезъ Васильевскій островъ, Адмиралтейскую площадь и Невскій проспектъ на Московскій вокзалъ.

По дорогѣ отъ Петербурга до Кіева вездѣ въ городахъ торжественно встрѣчали и провожали останки великаго пѣвца-страдальца. Особенно задушевныя встрѣча и проводы были въ Орлѣ. Возлѣ гроба, поставленнаго на дорогѣ и окруженнаго учителями и учениками гимназіи во главѣ съ директоромъ и попечителемъ, была отслужена торжественная панихида; а другая — уже за городомъ.

Наконецъ, 6 мая гробъ прибылъ въ Кіевъ.

При въѣздѣ на Цѣпной мостъ лошади были выпряжены; колесницу съ гробомъ на протяженіи болѣе пяти верстъ повезла молодежь. Гробъ былъ поставленъ въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, не далеко отъ берега Днѣпра.

7 мая шелъ дождь; но, не смотря на то, церковь внутри и вокругъ была наполнена. Послѣ заупокойной литургіи и панихиды двину-

[1]) Тамъ же.

лась печальная процессія къ пароходной пристани. Во время шествія процессія должна была часто останавливаться для выслушанія многихъ прощальныхъ рѣчей, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ были—В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, А. И. Стоянова и М. К. Чалаго.

На другой день гробъ, сопровождаемый родственниками усопшаго, Сошенкомъ, Чалымъ, Лазаревскимъ, Ченстоховскимъ и массою студентовъ, прибылъ на пороходѣ въ Каневъ. Берегъ былъ запруженъ народомъ. Духовенство съ хоругвями, встрѣтивъ останки безсмертнаго печальника Украины, торжественно проводило ихъ въ соборную церковь.

Въ тотъ же день на Чернечей горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, которое Варѳоломей Григорьевичъ заарендовалъ на 90 лѣтъ подъ усадьбу Тарасу Григорьевичу, была выкопана студентами могила.

10 мая возлѣ Соборной церкви Канева собралось изъ окрестностей нѣсколько тысячъ простого народа поклониться останкамъ того, «хто, по мнѣнію народа, пысавъ волю». Совершивъ заупокойную литургію соборнѣ, протоіерей Мацкевичъ произнесъ надъ гробомъ прекрасное слово. «Вотъ, братія!—сказалъ онъ между прочимъ,— предъ нами свѣтило, свѣтящее всей Малороссіи! предъ нами Тарасъ Шевченко! Горы Каневскіе, луга и долы украинскіе! вы видите роднаго вамъ мужа, любившаго Украину и любимаго ею. Отъ сѣверной столицы Россіи до нашего скромнаго городка, чей прахъ шествуетъ съ та-

кимъ почетомъ? Мужа ли, исполненнаго воинскихъ доблестей, или сановника, прославившаго себя на поприщѣ гражданской дѣятельности? Нѣтъ! это Тарасъ Шевченко. Кто его здѣсь не знаетъ!... имя его извѣстно всему краю; дѣла его прославлены; его живыя мысли и чувства, коими проникнуты его произведенія, глубоко запали въ сердца и души соотчичей».

«Ты древній Борисфенъ, красующійся сѣдыми волнами, Днѣпръ! Ты, кому суждено на хребтахъ своихъ волнъ привезти къ намъ прахъ Шевченка! Скажи ты намъ о мужѣ этомъ, дорогомъ для каждаго украинца Кобзарѣ,—скажи, что страна наша, забытая для народнаго просвѣщенія, имѣетъ сердце и душу, доступную для всего высокаго и прекраснаго.

«Такъ, въ Бозѣ почившій Брате! свѣтъ твой просвѣтился предъ человѣки, они увидѣли добрыя дѣла твои и прославили Отца, Иже на небеси. Пройдутъ вѣка и отдаленное потомство сыновъ Украины увидитъ и узнаетъ, кто былъ Тарасъ Шевченко».

«Такъ, въ Бозѣ почившій Брате! желаніе твое исполнилось: ты хотѣлъ жить въ Каневѣ; вотъ и живи до скончанія вѣка. Благоговѣй же къ граду нашему, Украина! У насъ покоится прахъ Тараса Шевченка! Здѣсь на одной изъ самыхъ высокихъ горъ днѣпровскихъ упокоится прахъ его и, какъ на горѣ Голгоѳѣ, видѣнной всѣмъ Іерусалимомъ и Іудеею, подобно кресту Господа, водрузится крестъ, кото-

рый будетъ виденъ по сю и по ту сторону нашего славнаго Днѣпра». [1]).

Послѣ богослуженія гробъ въ сопровожденіи Каневскаго духовенства и многотысячной массы былъ отнесенъ на Чернечу гору и на самой верхушкѣ ея опущенъ въ могилу. Для устройства могилы съ внѣшней стороны остался Ченстоховскій. Устройство требовало продолжительнаго времени; но прежде, чѣмъ оно было доведено до конца, надъ свѣжей могилой поднята была самая нелѣпая тревога.

Тотъ самый Парчевскій, у котораго Тарасъ Григорьевичъ хотѣлъ пріобрѣсти для себя подъ усадьбу землю, который не хотѣлъ имѣть Шевченка своимъ сосѣдомъ, но которой теперь сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ его могилы, прислалъ 14 іюня 1861 г. князю Лопухину въ Корсунѣ письмо о существующемъ въ Каневѣ и и въ Корсунѣ заговорѣ противъ помѣщиковъ, что руководители заговора—послѣдователи Шевченка и что полиція бездѣйствуетъ.

Парчевскій просилъ Лопухина прислать къ нему «для розысковъ» Зміевскаго. Князь Лопухинъ передалъ письмо Парчевскаго флигельадъютанту кн. Лобанову-Ростовскому, наблюдавшему тогда за примѣненіемъ положенія 19-го февраля.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня князь Лобановъ былъ уже у Парчевскаго и получилъ отъ него записку на французскомъ языкѣ, «въ ко-

---

[1]) Жизнь и произвед. Шевченка. Чалый, стр. 197—199.

торой среди легендарныхъ слуховъ и толковъ могила Шевченка стала предметомъ доноса.»[1])

Парчевскій сообщалъ, что въ предмѣстьи Канева проживаетъ крестьянинъ, музыкантъ Грыцъ, о которомъ молва говоритъ, что онъ воскресъ чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ своей смерти. Онъ, по словамъ Парчевскаго, бродитъ по окрестностямъ, но главное пребываніе имѣетъ на могилѣ Шевченка, которая служитъ центромъ собранія заговорщиковъ.

По этому извѣщенію и по доносу каневскихъ исправника и стряпчаго, кіевскій губернаторъ Гессе въ сопровожденіи жандармскаго полковника Грабовскаго отправился въ Каневъ искать заговоръ и «сундукъ ножей, закопанныхъ въ могилу вмѣсто Шевченка». Вмѣшались съ своими доносами о «заговорѣ» и о «зарытыхъ въ могилѣ, вмѣсто Шевченка, ножахъ» и предводители (тогда выборные) дворянства: Каневскій — Янковскій и Кіевскій Губернскій — Горватъ.

Два мѣсяца производилось слѣдствіе; оно заключало въ себѣ 108 листовъ исписанной бумаги. Князь Васильчиковъ, тогдашній генералъ губернаторъ, разсмотрѣвъ слѣдствіе, нашелъ, что «все дѣло заключается въ пустомъ страхѣ и неосновательныхъ опасеніяхъ, навѣянныхъ слишкомъ пугливымъ воображеніемъ польскихъ помѣщиковъ и евреевъ».

Дѣло, конечно, было прекращено.

[1]) Кіевск. Стар. 1886 г., кн. IV, ст. Билыка.

Время шло и дѣлало свое дѣло. Не устроенная, какъ слѣдовало, въ свое время, могила Шевченка начала было осѣдать и разрушаться, а въ концѣ 70-хъ годовъ упалъ и водруженный надъ ней въ 1861 г. высокій дубовый крестъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ оказалась настоятельная необходимость привести дорогую могилу въ порядокъ. Участіе въ этомъ приняло Полтавское губ. Земство.

Возникшія было препятствія къ исправленію могилы были устранены, и теперь она представляетъ, особенно съ Днѣпра, величественную картину. На верхушкѣ высокой горы, получившей названіе — *Тарасовой*, сдѣлана значительная насыпь, обнесенная желѣзной рѣшеткой. Въ постаментѣ вдѣланъ мраморный, вырѣзанный въ Италіи, изящнѣйшей работы, бюстъ пѣвца скорбей украинскаго народа. Надъ постаментомъ возвышается желѣзный бѣлый крестъ съ національными узорами и съ надписью о времени рожденія и смерти поэта. Величественно глядитъ крестъ на Днѣпръ и на всю окрестность, и кажется, что онъ въ своемъ уединеніи «нышкомъ въ поли про волю говорыть», произнося слова поэта:

„Любить йи,—во время люте,
Въ останню тяжкую мынуту
За неи душу положить"[1]).

[1]) Кобзарь.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
2	6 сн.	подъ	пидъ
3	14 св.	Оболенскаго	Оболонскаго
4	9 сн.	Оболенскому	Оболонскому
5	2 св	Чалова	Чалаго
20	12 св.	Оболенскому	Оболонскому
23	8 сн.	міріадами	миріадами
—	4 сн.	дубравы	дибровы
24	2 пр.	шлахбаумъ	шлагбаумъ
40	2 сн.	жестокого	жестокаго
41	7 св.	ото	отъ
59	10 сн.	палиуру	палитру
60	16 св.	крипостного	крѣпостного
112	1 св	враждебное	враждебное
116	7 сн.	оказались	сказались
122	12 св.	которыя	которые
143	14 сн.	валявшіяся	валявшіеся
146	2 сн.	Кобзяря	Кобзаря
166	2 сн.	картфель	картофель
189	10 сн.	поэтическія	поэтическіе
200	6 сн.	стипендіантъ	стипендіатъ
201	2 сн.	какія	какіе
218	10 сн.	крѣпкія	крѣпкіе
222	8 св.	незатѣйливыя	незатѣйливые
224	1 и 7 сн.	скверныя	скверные
225	3 сн.	они	онѣ
231	5 сн.	какія историческія	какіе историческіе
266	подъ порт.	Ф. М. Лазаревскій	М. М. Лазаревскій
277	10 св	компклектъ	комплектъ
278	1 св.	групa	группа
282	12 св.	сцѣны	сцены
296	2 сн.	обрывыстыми	обрывистыми
298	14 св.	къ	въ
352	3 сн.	описали	описала
361	12 сн.	друзьми	друзьями
370	4 сн.	микроскопическія	микроскопическіе
374	11 сн	чорнаго	чернаго

396	12 св.	они	онѣ
417	12 сн.	великія	великіе
438	2 и 3 св.	офирамъ	офицерамъ
442	9 сн.	долгого	долгаго
445	6 сн.	друсей	друзей
471	4 св.	старого	стараго
477	6 св.	иллюстированныхъ	иллюстрированныхъ
—	11 сн.	воздухъ	воздухѣ
508	11 св.	непокорного	непокорна
509	2 сн.	Щевченка	Шевченко
528	4 сн.	доженъ	долженъ
532	1 св.	классу	класса
535	13 св.	первого	перваго
592	3 св.	позлѣ	послѣ
593	12 сн.	межиричье	Межиричье
628	9 св.	весокій	высокій
—	14 сн.	Максимовичъ	Максимовичу
630	6 св.	Максимовичъ	Максимовича
—	6 сн.	предпологаемый	предполагаемый
648	7 сн.	переведеенъ	переведенъ
651	11 св.	не могли	не могла
669	11 сн.	они	онѣ
689	4 и 5 св.	Мольбертъ	мольбертъ
690	4 св.	паталаныть	поталаныть
708	16 сн.	пройти	прійти
714	3 сн.	желаніямъ	желаніемъ
715	11 св.	стипендіантовъ	стипендіатовъ
719	14 св.	собранія	собраніи
720	3 св.	какіе	какія
723	10 св.	пороходѣ	пароходѣ
—	5 сн.	Каневскіе	Каневскія

На 4-й страницѣ обложки, 2-я строка снизу, напечатано: „*Козаки моря*“, слѣдуетъ читать: „*Козакы и море*“.

Государств.
Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА

PG
3948
S52676

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

